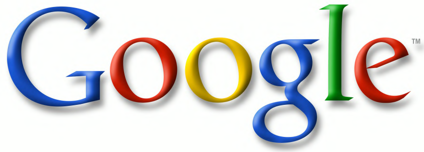

a39015 00033795 9b

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

Kulakovskii, Platon Andreevich

Платонъ Кулаковскій.

ИЛЛИРИЗМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПО ИСТОРІИ ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРІОДА ВОЗРОЖДЕНІЯ.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Королевская ул. № 13.

1894

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

И. д. ректора *М. Шалфеевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ 2.

Отдѣлъ 3.

Отдѣлъ 4.

Отдѣлъ 5.

Отдѣлъ 6. Людевитъ Гай.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Періодъ жизни Хорватовъ, именуемый въ исторіи литературы Иллирскимъ возрожденіемъ, представляетъ одну изъ малообработанныхъ страницъ исторіи возрожденія Славянъ. Авторъ предлагаемаго труда поставилъ своею цѣлью освѣтить въ одной цѣлой картинѣ только его литературную сторону и политической стороны Иллирскаго возрожденія касался лишь по стольку, по скольку это было необходимо для его задачи. Литературное возрожденіе Хорватовъ имѣетъ ту характерную черту, отличающую его отъ подобныхъ періодовъ возрожденія другихъ славянскихъ народностей, что оно выразилось въ стремленіи къ объединенію различныхъ, хотя и близкихъ славянскихъ племенъ, между тѣмъ какъ возрожденіе другихъ Славянъ обыкновенно отмѣчено стремленіемъ къ обособленію возраждающейся народности. Иллирская теорія объединяла всѣхъ Юго-славянъ какъ въ прошломъ, такъ и въ предположеніяхъ будущаго. Въ литературномъ отношеніи проповѣдники этой теоріи въ извѣстной степени достигли предположенной цѣли.

Этотъ нашъ трудъ былъ задуманъ давно, но разныя обстоятельства мѣшали намъ исполнить задуманное. Выпуская его, мы не считаемъ его всесторонне исчерпывающимъ вопросъ и сочтемъ себя удовлетворенными, если онъ побудитъ другихъ, работающихъ на широкомъ и многоплодномъ поприщѣ науки о Славянахъ, къ новымъ изысканіямъ и новому освѣщенію этого періода литературной жизни Юго-славянъ. Чѣмъ далѣе развивается европейская жизнь, тѣмъ виднѣе становится роль Славянъ, и для пониманія ея необходимо тщательное изученіе про-

шедшаго Славянъ во всѣхъ отношеніяхъ. Только путемъ освѣщенія различныхъ явленій въ Славянскомъ мірѣ вполнѣ можетъ быть раскрытъ характеръ русско-славянскихъ отношеній и указанъ путь, по которому они должны направляться.

Для нашихъ юго-славянскихъ читателей авторъ долженъ сказать, что онъ старался быть безпристрастнымъ и осторожнымъ въ тѣхъ вопросахъ, по которымъ существуетъ нынѣ печальное недоразумѣніе между Сербами и Хорватами.

Считаемъ своимъ долгомъ заявить нашу искреннюю благодарность завѣдывающимъ книгохранилищами въ Загребѣ и Люблянѣ за разрѣшеніе пользоваться рѣдкими и малодоступными изданіями и за готовность оказать намъ всякое содѣйствіе въ разъисканіи такихъ изданій. Съ особымъ почтеніемъ и благодарностью вспоминаемъ мы о каноникѣ докторѣ Францѣ Рачкомъ, любезнымъ вниманіемъ и указаніями котораго авторъ этого труда пользовался во всѣ свои поѣздки въ Загребъ. Изъ многихъ лицъ, общеніе съ которыми въ Хорватіи и Крайнѣ помогло намъ въ нашей работѣ, да будетъ позволено намъ тутъ вспомнить о многозаслуженномъ дѣятелѣ хорватской литературы и участникѣ Иллирскаго возрожденія Богуславѣ Шулекѣ, который своими воспоминаніями къ живой бесѣдѣ давалъ намъ разъясненіе нѣкоторыхъ фактовъ.

Въ заключеніе просимъ читателей исправить замѣченныя нами вкравшіяся погрѣшности, перечень которыхъ читатель найдетъ въ концѣ книги.

10 Октября 1894 г.

г. Варшава.

ГЛАВА I.

Борьба Хорватовъ съ Мадьярами за права языка.

Время Іосифа II-го и значеніе его реформъ. Литературно-національное движеніе у Мадьяръ. Первыя заявленія Мадьяръ о правахъ мадьярскаго языка. — Положеніе хорватскаго народа. — Угорскій сеймъ 1790—1791 гг. Требованія на немъ Мадьяръ и отношеніе къ нимъ Хорватовъ. Ходъ борьбы за права языка на дальнѣйшихъ угорскихъ сеймахъ до 1848 года. — Французское вліяніе на возрожденіе Юго-Славянъ.— Первыя попытки основать „Иллирскую“ газету. — Характеристика дѣйствій Мадьяръ относительно другихъ Славянъ въ Венгріи. Созданіе Мадьярами Академіи Наукъ. Подъемъ духа у Хорватовъ. Рѣчь графа Сечени 24 ноября 1842 г. въ Академіи. Первыя рѣчи Ивана Кукулевича-Сакцинскаго на иллирскомъ языкѣ въ хорватскомъ сеймѣ. Столкновенія между народною и мадьярскою партіями въ Загребѣ.— Постановленіе хорватскаго сейма 1847 г. о замѣнѣ латинскаго языка народнымъ.

Конецъ XVIII и первая половина XIX столѣтія въ исторіи Славянскихъ народностей ознаменованы національнымъ возрожденіемъ. Первымъ признакомъ его у западныхъ и южныхъ католическихъ Славянъ было возрожденіе и даже возникновеніе литературъ. Языкъ народа, до той поры забытый и обреченный, казалось, на смерть, постепенно поднимался на степень литературнаго, становился языкомъ общества и образованнаго класса и правительственныхъ актовъ. Такое измѣненіе въ строѣ жизни народа не могло совершиться безъ борьбы, тѣмъ болѣе что эти славянскія народности жили подъ ближайшимъ и сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ нѣмецкой культуры и государственности.

Средніе вѣка оставили европейской школѣ въ наслѣдство господство латинскаго языка. Какъ извѣстно, въ Германскихъ университетахъ начало преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ считается съ 1688 г., когда профессоръ Томазіусъ въ Лейпцигѣ началъ было читать лекціи по нѣмецки. Императрица Марія Терезія, заботясь о подъемѣ образованія въ народной массѣ, стала издавать распоряженія о преподаваніи на нѣмецкомъ языкѣ. Руководясь общими стремленіями просвѣтительнаго вѣка, Марія Терезія не имѣла сначала въ виду препятствовать преподаванію и на другихъ народныхъ языкахъ, употребительныхъ въ предѣлахъ наслѣдственныхъ земель Габсбургскаго престола. Такъ, въ 1747 году, былъ изданъ указъ, въ которомъ пояснялось, что основаніемъ школьнаго образованія должно считаться въ чешскихъ земляхъ преподаваніе нѣмецкаго и чешскаго языковъ. Указомъ 1774 г. рядомъ съ преподаваніемъ на латинскомъ языкѣ, вводилось въ Чехіи въ гимназіяхъ преподаваніе и на нѣмецкомъ. Въ Силезіи въ силу указа 1776 года предоставлялось право преподавать по польски тамъ, гдѣ народъ не зналъ по нѣмецки. Но эти мѣры касались по преимуществу собственно австрійскихъ земель.

Въ Венгріи, которая пользовалась большею самостоятельностью, продолжалось еще долго во всѣхъ сферахъ господство латинскаго языка. Но новыя вѣянія должны были коснуться и Венгріи, въ которой Мадьяре и Славяне, столь различныя между собою народности, связанныя въ одно политическое цѣлое, крѣпко держались латинскаго языка какъ въ школѣ, такъ и въ администраціи и во взаимныхъ сношеніяхъ. Хорваты, соединивши съ Мадьярами свое государство въ началѣ XII вѣка, хотя и имѣли свои особыя права, ограждавшія въ извѣстной степени ихъ самостоятельное политическое развитіе, въ отношеніи литературномъ ожили значительно позднѣе другихъ славянскихъ народностей. Это ихъ возрожденіе относится къ эпохѣ 1830—48 годовъ и называется обыкновенно періодомъ *Иллиризма*. Хорватамъ пришлось выдержать длинную борьбу за свой языкъ и за свои права съ Мадьярами, въ которой они обнаружили замѣчательную силу

и искусно оперлись на идею „славянской взаимности“, проповѣданной Колларомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ литературной исторіи Иллиризма, мы въ краткихъ чертахъ прослѣдимъ исторію борьбы Хорватовъ съ Мадьярами за права своей народности и языка.

Самый сильный фактическій толчокъ пробужденію духа народности среди Славянъ Австріи дали школьныя и вѣроисповѣдныя реформы Іосифа II. Будучи въ свои молодые годы соправителемъ своей матери Маріи Терезіи, онъ ясно видѣлъ, что строй тогдашней Австріи нуждался въ коренныхъ перемѣнахъ. Ничто не объединяло многочисленныхъ земель, входившихъ въ составъ этой имперіи,—старинныя традиціи, связывавшія всѣхъ австрійцевъ во едино, обветшали и теряли свою силу. Нужно было стремиться къ государственному объединенію многочисленныхъ австрійскихъ народовъ, и для этого лучшими средствами были усиленіе власти государя, для чего необходимо было ограниченіе правъ и даже подчиненіе католическаго духовенства, захватившаго и богатства страны, и школу въ свои руки, и объединеніе всѣхъ въ одномъ языкѣ школы и управленія, въ языкѣ болѣе культурной и болѣе многочисленной сравнительно съ другими австрійскими народностями, если взять каждую порознь, — нѣмецкой народности.

Вступивъ на престолъ, Іосифъ II, этотъ замѣчательный монархъ XVIII „философскаго“ вѣка, мечталъ путемъ просвѣщеннаго деспотизма, при помощи спѣшныхъ насильственныхъ реформъ пересоздать Австрію именно на этихъ началахъ. Онъ хотѣлъ создать одну австрійскую націю и будучи нѣмцемъ, онъ даже не могъ избрать иного пути для достиженія своей цѣли, какъ путь онѣмеченія всѣхъ областей Австрійскаго государства. Въ отношеніи религіозномъ онъ былъ сыномъ своего философскаго вѣка; но въ своихъ церковныхъ реформахъ онъ преслѣдовалъ цѣли строго государственныя, и обвиненія его католическимъ духовенствомъ въ безвѣріи не имѣютъ основаній. — Не смотря на всю тяжесть борьбы, ко-

торую онъ велъ съ католическимъ духовенствомъ, Іосифъ II въ своихъ мѣрахъ относительно иновѣрцевъ является прежде всего католикомъ. Такъ, онъ въ знаменитомъ актѣ Toleranzedict, предоставляя нѣкоторыя права некатоликамъ, все же строго держится всѣхъ правъ и преимуществъ католицизма въ Австріи. По тексту этого акта за католической религіей оставалось все преимущество публичнаго богослуженія, — остальнымъ предоставлялось лишь право частнаго богослуженія. Такъ, некатолики не могли даже строить своихъ „молитвенныхъ домовъ“ со входами съ улицы, имѣть на нихъ колоколовъ, звонить и т. д. Но онъ хотѣлъ не только освободить церковь отъ внѣшней зависимости, отъ папы, но и создать въ своемъ государствѣ національную церковь, которая должна была находиться въ самой тѣсной связи и даже подчиненіи у государства [1]). Въ тогдашнемъ положеніи Австріи, при полномъ господствѣ церкви и духовенства, эти замыслы стремящагося къ абсолютизму государя могли быть названы только спасительными.

Всѣ эти распоряженія Іосифа II коснулись и Венгерской половины Австріи. Не прошло и году со дня смерти Маріи Терезіи (29 ноября 1780), какъ Іосифъ II обнародовалъ упомянутый патентъ о вѣротерпимости (20 октября 1781 г.), Toleranzedict, предоставлявшій новыя права некатолическимъ подданнымъ. Въ немъ въ извѣстной степени обезпечивалась свобода ихъ богослуженія и соблюденія церковныхъ обрядовъ и давалось разрѣшеніе имѣть свои школы и учителей, подъ надзоромъ правительственныхъ школьныхъ дирекцій. Для Венгріи этотъ патентъ былъ обнародованъ 25 октября того же года, какъ отвѣтъ на представленія венгерскихъ протестантовъ, въ которыхъ они просили о возстановленіи всѣхъ признанныхъ за ними прежними законами религіозныхъ и политическихъ привилегій. Этотъ патентъ однако не удовлетворилъ протестантовъ и возбудилъ сильнѣйшую оппозицію со стороны католиковъ [2]). Но это стремленіе Іосифа II ослабить зависимость Австріи отъ Рима наносило вмѣстѣ съ тѣмъ ударъ безраздѣльному господству латинскаго языка.

Еще при Маріи-Терезіи было издано нѣсколько постановленій касательно распространенія въ Венгріи знанія нѣмецкаго языка. Въ эту пору въ Венгріи еще не было различія національностей, и именованія *Венгрія*, *венгерцы* были понятія политическія, охватывавшія всѣ разнообразныя народности Венгерскаго королевства. Многіе члены высшей аристократіи въ Венгріи не знали ни по мадьярски, ни по хорватски, — но подражая двору, хорошо знали по нѣмецки. Даже впослѣдствіи во время горячей борьбы съ Хорватами были мадьярскіе патріоты-магнаты, сильно отстаивавшіе права мадьярскаго языка, но сами почти не говорившіе по мадьярски. 6 марта 1784 г. Іосифъ II, послѣ того какъ корона Св. Стефана была перенесена въ Вѣну, издалъ указъ, усиливающій мѣры, принятыя при Маріи-Терезіи для распространенія нѣмецкаго языка въ Венгріи [3]). Этимъ указомъ предписывалось въ теченіе 3 лѣтъ введеніе нѣмецкаго языка въ замѣнъ латинскаго, въ качествѣ оффиціальнаго. Такое деспотическое распоряженіе Іосифа II вызвало противъ себя всеобщую оппозицію. Прежде всего жупанійскія собранія протестовали противъ этого указа, какъ нарушающаго стародавніе обычаи, и даже напоминали Іосифу II его собственныя слова: „не милліоны людей для государя, но онъ для нихъ“. Въ этомъ протестѣ были согласны всѣ народности Венгріи, и хорватскія жупаніи шли рядомъ съ мадьярскими [4]). Но убѣжденный, что и „насильно онъ долженъ сдѣлать счастливыми своихъ подданныхъ“, Іосифъ II не обращалъ вниманія на протесты, шедшіе изъ Венгріи. Въ противность признаннымъ за Хорватіей привилегіямъ, недопускавшимъ протестантовъ не только къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ, но даже къ праву владѣнія и самого поселенія въ Хорватіи, Іосифъ II назначилъ баномъ протестанта Балашу, человѣка, при томъ оказавшагося недостойнымъ своего положенія.

Эти указы Іосифа II, какъ и всѣ его распоряженія, не могли вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ и причинъ быть приведены въ исполненіе. Самъ ихъ виновникъ, утомленный

борьбою и убѣдившись, что бюрократическій путь, имъ избранный для проведенія реформъ, невозможенъ, за три недѣли до своей смерти (28 января 1790 г., умеръ-же Іосифъ II 20 февраля) отмѣнилъ всѣ свои реформы: „пусть останется все по старому, какъ было въ 1780 г., когда мы получили власть послѣ смерти нашей матери“, писалъ онъ въ новомъ указѣ. Но всѣ эти замыслы, распоряженія и указы Іосифа II все же оставили глубокій слѣдъ въ жизни народовъ Австрійскаго государства.

Въ противодѣйствіе указамъ Іосифа II, Мадьяре стали особенно усиленно заботиться объ увеличеніи значенія мадьярскаго языка и его литературы. Мысль о томъ, что наступаетъ время сверженія латинскаго языка съ господствующаго положенія, которое за нимъ сохранялось, побудила мадьярскихъ патріотовъ стараться, чтобы эта замѣна произошла въ пользу мадьярскаго. Стоя одиноко среди народовъ Европы, Мадьяре теперь энергически принялись за обработку своего языка и ополчились въ защиту своей народности, чтобы оградить себя отъ всякихъ возможныхъ и впослѣдствіи нападеній. Явились вскорѣ даже многочисленныя періодическія изданія на мадьярскомъ языкѣ и писатели [5]).

Въ Хорватіи, въ которой дворянство, пользовавшееся исключительными правами и привилегіями, было крайне недовольно церковными и соціальными реформами Іосифа II, также въ то время началось литературное движеніе, но оно по силѣ своей не могло идти въ сравненіе съ мадьярскимъ. Здѣсь имѣла болѣе силы католическая церковь съ ея латинскимъ языкомъ, и замѣна его какимъ либо инымъ языкомъ казалась преступленіемъ и почти невозможностью. Съ другой стороны Хорваты чувствовали себя слишкомъ слабыми, чтобы безъ союза съ Мадьярами оказывать достаточное сопротивленіе централистскимъ стремленіямъ, идущимъ изъ Вѣны. Феодальный строй жизни, предоставлявшій права только аристократіи и дворянству, отчудившемуся отъ народа и преслѣдовавшему только свои эгоистическіе интересы, приводилъ къ союзу между хорватскимъ и мадьярскимъ правящимъ клас-

сомъ, имѣющимъ право голоса въ парламентѣ и сеймахъ. Хорватская аристократія и не думала о правахъ народнаго языка даже тогда, когда мадьярскіе магнаты уже поощряли національное движеніе. Но Мадьяре шли дальше: они не думали остановиться въ своихъ національныхъ стремленіяхъ ради политическаго мира съ Хорватами и съ той поры начали стремиться не только къ полному политическому подчиненію себѣ Хорватовъ, никогда не принадлежавшихъ Венгріи по праву завоеванія, но и къ ихъ омадьяренію. Началась политическая борьба Хорватовъ съ Мадьярами, которая въ началѣ выразилась въ борьбѣ за языкъ.

2 марта 1790 г., спустя всего 10 дней, послѣ кончины Іосифа II, банъ Балаша принужденъ былъ бѣжать изъ Загреба, гонимый всеобщимъ возбужденіемъ противъ него. Въ знакъ пробужденнаго національнаго сознанія, Хорваты, мужчины и женщины, стали одѣваться такъ, какъ Мадьяре. По словамъ современника, графа Адама Оршича-Славетича, оставившаго свои мемуары, венгерское дворянство пришло внезапно въ патріотическое возбужденіе, и всѣ хотѣли сразу стать патріотами. Всѣ стали одѣваться по старо-венгерскимъ образцамъ, всѣ стали говорить въ Венгріи по мадьярски и въ Хорватіи по хорватски [6]). Тотъ же современникъ въ мрачныхъ краскахъ изображаетъ общественное положеніе въ Хорватіи въ то время. Въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія въ Хорватіи распространились обычаи роскошной жизни, непосильной тогдашнему дворянству и аристократіи, — явилась задолженность, всѣ стали гоняться за богатствомъ и деньгами. Семейные нравы потеряли свою чистоту. Народъ стоналъ подъ бременемъ податей и налоговъ, необходимыхъ для удовлетворенія барскихъ прихотей и роскоши, — при томъ онъ былъ вполнѣ безправенъ. Да и подъ хорватскою націей понималось въ ту пору только сословіе магнатовъ и низшаго дворянства, имѣвшее права и засѣдавшее въ различныхъ сеймахъ. Религіозное вольнодумство ширилось, но въ то же время никто не хотѣлъ пріобрѣтать основательныхъ научныхъ знаній [7]). Быть можетъ, одно лишь духовенство, особенно

низшее, стоя ближе къ народу, сильнѣе чувствовало и понимало, что наступало время національнаго возрожденія и для массы хорватскаго народа. Какъ увидимъ, оно и явилось главнымъ дѣятелемъ въ до иллирской литературѣ и въ первые годы Иллиризма. Вліятельные же политически классы думали лишь совмѣстно съ Мадьярами защищаться отъ предполагаемыхъ новыхъ насилій вѣнскаго правительства. На собраніи загребскаго сейма при выборѣ депутатовъ въ общеугорскій сеймъ выработана была инструкція, на которую должны были присягнуть депутаты, что они будутъ явно и тайно дѣлать только то, что можетъ служить въ честь и пользу законнаго короля Венгріи и соединенныхъ съ нею королевствъ, что будутъ охранять чистоту конституціи, будутъ заботиться о согласіи сословій обоихъ королевствъ, хотя при этомъ было прибавлено, что „они должны покоряться большинству голосовъ, но съ изъятіемъ *особыхъ правъ* королевства Хорватіи“ [6]).

Въ этомъ крайнемъ опасеніи возвращенія господства Вѣны, Хорваты зашли такъ далеко, что въ своихъ постановленіяхъ на сеймѣ предложили установить общее для обоихъ королевствъ управленіе и подчиняться распоряженіямъ этого новаго венгерскаго управленія, пока не получатъ тѣхъ частей Хорватіи, которыя нынѣ находятся подъ владычествомъ Венеціи и Турціи, и пока не будетъ столько жупаній, что Хорваты смогутъ содержать сами высшую политическую власть, и потому пусть же теперь въ этотъ державный совѣтъ (Consilium Locumtenentiale) будетъ принято соотвѣтственное число хорватскихъ чиновниковъ [7]). Этимъ постановленіемъ Хорваты нанесли своей самостоятельности сильный ударъ и впослѣдствіи долго принуждены были отвоевывать свои права независимости отъ Мадьяръ. Въ парламентѣ, открывшемъ свои засѣданія 6 іюня 1790 г. въ Будимѣ и затѣмъ перенесшемъ ихъ въ Пожунъ, было формулировано это постановленіе въ пунктѣ 58, въ силу котораго хорватскія жупаніи должны были впредь принимать распоряженія отъ венгерскаго намѣстничества. Постановлено было вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы при

намѣстничествѣ было соотвѣтственное число Хорватовъ, и чтобы бану было предоставлено въ палатѣ соотвѣтствующее его положенію мѣсто [10]). Но въ то время, какъ Хорваты, не разсчитывая на свои собственныя силы, надѣялись дать надлежащій отпоръ вѣнскому централистскому направленію только въ союзѣ съ Мадьярами и потому не думали еще о поднятіи своего языка на степень оффиціальнаго и языка школы,—Мадьяре смѣло требуютъ замѣны латинскаго языка мадьярскимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Почти при началѣ засѣданій общаго угорскаго сейма 11 іюня 1790 г. Мадьяре требуютъ введенія мадьярскаго языка въ самый сеймъ и даже предлагаютъ вести діаріи на этомъ же языкѣ. Предложеніе это казалось столь смѣлымъ, что и сами болѣе умѣренные Мадьяре высказались противъ него на томъ основаніи, что эта замѣна латинскаго языка, до нынѣ бывшаго общимъ для всѣхъ народностей Венгріи, удалитъ отъ политической дѣятельности многихъ подданныхъ Венгерскаго королевства. Смѣлѣе другихъ возстали Хорваты, указывая, что это нововведеніе было бы противозаконно и лишило бы ихъ охраны закона. Мадьярскій языкъ въ эту пору былъ слишкомъ мало извѣстенъ въ Хорватіи. Мадьяре, однако, настаивали на своемъ и указывали на примѣръ недавней замѣны латинскаго языка нѣмецкимъ при Іосифѣ II и на распространеніе нѣмецкаго языка въ Хорватіи, а это давало оправданіе ихъ требованіямъ — ввести мадьярскій языкъ вмѣсто латинскаго—и надежду на возможность его распространенія. Что касается діарія, то они согласились, чтобы къ мадьярскому оригиналу присоединялся латинскій его переводъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они признали за Хорватами право продолжать говорить въ сеймѣ по латыни, но настаивали на введеніи мадьярскаго языка во всѣхъ оффиціальныхъ учрежденіяхъ. Тогда Хорваты составили декларацію 1 сентября 1790 г., въ которой они, защищая латинскій языкъ, употреблявшійся во всѣхъ оффиціальныхъ дѣлахъ въ Венгерскомъ королевствѣ въ теченіе восьми вѣковъ, говорятъ, что Хорваты не подданные, но лишь союзники Венгріи, что мадьярскій языкъ еще не имѣетъ литературы и необра-

ботанъ, и что если былъ тяжелъ деспотизмъ короля, навязывавшаго нѣмецкій языкъ, то не менѣе будетъ тяжелъ и деспотизмъ сосѣдей, навязывающихъ языкъ мадьярскій. Тутъ Хорваты вспоминаютъ и о своемъ языкѣ, который „въ Европѣ, да и въ самой Венгріи болѣе распространенъ, чѣмъ мадьярскій". Они прямо заявляли, что противъ ихъ воли имъ нельзя навязывать мадьярскаго языка. Въ преніяхъ объ этихъ желаніяхъ Мадьяръ принялъ участіе смѣнившій Балашу банъ Иванъ Ердеди, который сказалъ Мадьярамъ: „Такимъ образомъ приходитъ одно королевство съ другимъ въ столкновеніе, — одно хочетъ другому навязать законъ". Эти слова бана произвели сильное впечатлѣніе на хорватскихъ патріотовъ: появилось латинское стихотвореніе, посвященное бану Эрдеди, въ которомъ Мадьяре называются дикими Гуннами: „Мы — свободныя королевства; если кому стыдно быть Хорватомъ, пусть служитъ какъ подданный дикимъ Гуннамъ" [11]). Въ постановленія сейма внесенъ параграфъ 16-ый о недопущеніи „чужаго" языка, подъ которымъ разумѣлся главнымъ образомъ нѣмецкій къ употребленію въ дѣлахъ оффиціальныхъ. Въ тоже время предписывалось учрежденіе каѳедръ преподаванія мадьярскаго языка въ гимназіяхъ, академіяхъ и университетѣ для его распространенія, чтобы всѣ имѣли возможность ему научиться. Въ управленіи и въ судѣ былъ сохраненъ для Венгріи и Хорватіи латинскій языкъ [12]). Хорваты тогда поспѣшили оградить въ извѣстной степени значеніе своего языка. На сеймѣ соединенныхъ королевствъ Хорватіи, Далматіи и Славоніи, засѣдавшемъ въ Загребѣ отъ 7 іюня 1791 г., было постановлено требованіе ввести преподаваніе „иллирскаго нарѣчія" во всѣхъ гимназіяхъ, академіяхъ и университетѣ, потому что оно распространено не только въ Хорватіи, но и въ Венгріи [13]).

Такъ началась борьба за права народнаго языка въ Хорватіи, борьба вызвавшая иллирское движеніе и бывшая одною изъ причинъ войны Хорватовъ съ Мадьярами въ 1848 г.

На этомъ сеймѣ были предоставлены въ силу § XXVII Сербамъ православнымъ, — „иллирской націи", какъ ихъ то-

гда называли, права венгерскихъ гражданъ. Вслѣдствіе этого была уничтожена „Иллирская придворная канцелярія“ (4 іюня 1792 г.), спустя три мѣсяца послѣ смерти Леопольда II, ее установившаго. Въ вознагражденіе за это сербскіе епископы были допущены въ парламентъ, но имъ отводились мѣста позади всѣхъ депутатовъ[14]). Постановленіе парламента 1792 г. (§ 10) вводило представителей Сербовъ въ „Венгерскую придворную канцелярію“ и Consilium Locumtenentiale, но оно почти не исполнялось. Мадьяре опасались дать Сербамъ какія либо права въ дѣйствительности — и этимъ ихъ усилить.

Наступили тяжелые годы для Австріи,—время французскихъ войнъ, пораженій и территоріальныхъ потерь. Въ борьбѣ съ Наполеономъ австрійское правительство нуждалось постоянно въ средствахъ и уже потому принуждено было соглашаться на многія требованія Мадьяръ, народно-патріотическое самосознаніе которыхъ все возрастало, и сообразно съ этимъ возрастали и требованія. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ имп. Францъ назначилъ новое собраніе угорскаго парламента, и засѣданія его начались въ Будимѣ 20 Мая 1792 г. Мадьяре искусно воспользовались затруднительнымъ положеніемъ короля, нуждавшагося въ войскахъ и средствахъ для войнъ съ Франціей, и провели нѣсколько постановленій, которыя имѣли цѣлью развитіе самостоятельности Венгерскаго королевства. Одною изъ главныхъ была ихъ забота о расширеніи компетенціи и силы мадьярскаго языка. Несмотря, однако, на все желаніе заставить Хорватовъ ввести обязательное преподаваніе мадьярскаго языка во всѣ школы, Мадьяре должны были въ извѣстной мѣрѣ сдѣлать имъ уступку; параграфомъ седьмымъ постановленій сейма 1792 года[15]) предписывалось, чтобы мадьярскій языкъ былъ обязателенъ въ школахъ, находящихся въ предѣлахъ собственно Венгріи, и преподавался какъ необязательный предметъ для учащихся въ другихъ предѣлахъ Венгерскаго королевства. Лишь тѣ изъ иноземцевъ, которые будутъ обучаться въ венгерскомъ университетѣ и академіяхъ и не намѣрены искать какого либо занятія въ Венгерскомъ королевствѣ, въ силу этого закона, освобождались

отъ занятій мадьярскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, Мадьяре и въ этотъ разъ не успѣли провести законъ объ *обязательности* обученія въ Хорватіи мадьярскому языку и о замѣнѣ имъ латинскаго въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ.

Между тѣмъ французскія революціонныя ученія стали распространяться и въ предѣлахъ Венгріи. Демократическія идеи вѣка вполнѣ соотвѣтствовали національному движенію въ Австріи и смѣло могли разсчитывать найти готовую почву тамъ, гдѣ народная масса была придавлена и гдѣ пробудилось самосознаніе народностей. Въ Хорватіи распространялось стихотвореніе, — стихотворная форма въ ту пору была обычною для всякаго рода памфлетовъ, — въ которомъ проповѣдывались идеи свободы, братства и равенства. Всему виновато дворянство, говорилъ памфлетъ,—селянинъ одѣваетъ и питаетъ дворянина, мосты строитъ, дороги проводитъ.... Онъ принужденъ воевать за господъ, проливать свою кровь, но господа на это не обращаютъ вниманія, — одираютъ его до нитки. Помощи и суда на нихъ нѣтъ нигдѣ. Въ сеймахъ собираются господа для своихъ дѣлъ, а платятъ за это слезами поселяне. Французы не воюютъ противъ горожанъ и поселянъ, но противъ кровопійцъ дворянъ и поповъ, которые подъ видомъ благочестія награбили себѣ большіе доходы и богатства и захватили себѣ господство на землѣ. Они ссорятъ королей другъ съ другомъ, по ихъ винѣ—страшныя войны. Въ концѣ стихотворенія указывается и источникъ его происхожденія: „Такъ самъ Французъ говоритъ, за это онъ неустанно борется, чтобы сломить баръ и утвердить свободу. Графы, попы, дворяне должны быть истреблены, — пусть останется только два рода людей—добрыхъ и злыхъ“ [16]). Это воззваніе находилось въ связи съ заговоромъ аббата Мартиновича, который и былъ казненъ въ 1795 г. Но въ этомъ заговорѣ были замѣшаны многіе мадьярскіе писатели и публицисты. Одни изъ нихъ были казнены, другіе заключены въ тюрьму, а оставшіеся на свободѣ не могли, да и не рѣшались выступать въ печати. Богато развивавшаяся мадьярская публицистика замолкла [17]). Все это повліяло въ извѣстной степени на

временную остановку въ требованіяхъ Мадьяръ первенства для своего языка. На сеймѣ, собиравшемся въ Пожунѣ въ 1796 г., не заходило рѣчи о мадьярскомъ языкѣ.

Во французскихъ войнахъ Австрія терпѣла пораженіе за пораженіемъ, и по Кампоформійскому миру (1797 г.), за обѣщаніе въ тайномъ договорѣ содѣйствовать Франціи пріобрѣсти лѣвый берегъ Рейна, получила Венеціанскія владѣнія и Далматію. Всѣ заботы австрійскаго правительства были направлены теперь только къ тому, чтобы обладать достаточною силою для защиты въ виду возрастающей силы Наполеона I. Императоръ Францъ созвалъ угорскій сеймъ 2 мая 1802 г. въ Пожунѣ главнымъ образомъ для полученія согласія увеличить число рекрутовъ изъ Венгріи и денежныхъ субсидій на военныя цѣли. И на этотъ разъ въ сеймѣ не было рѣчи о расширеніи правъ мадьярскаго языка. Мадьярскіе патріоты выжидали, очевидно, болѣе удобнаго времени для оживленія этого вопроса. Вскорѣ оно наступило.

Война съ Наполеономъ въ 1805 г. потребовала отъ Австріи крайняго напряженія силъ, и императоръ Францъ издалъ указъ о созваніи угорскаго сейма на 13 октября этого года. Въ немъ говорилось, что война съ Франціей приняла такіе размѣры, что для предотвращенія опасностей необходимо подумать не только о субсидіяхъ, но о всеобщемъ ополченіи. Сеймъ, собравшись въ Пожунѣ, дѣйствительно выработалъ подробныя постановленія объ ополченіи [18]), но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же постарался расширить права и употребленіе мадьярскаго языка. Мадьяре потребовали, чтобы мадьярскій языкъ былъ введенъ въ учрежденія и школы во всѣхъ земляхъ венгерской короны. Хорваты отвѣтили на это предложеніе заявленіемъ о равноправности хорватскаго языка съ мадьярскимъ, желая дать такое же значеніе своему языку въ Хорватіи, какое давали Мадьяре своему. Даже хорватское дворянство стало защищать права народнаго языка, а загребскій великій жупанъ заявилъ: „мы, Хорваты, никогда не примемъ этого закона, но будемъ вѣчно протестовать“. Когда же одинъ изъ мадьярскихъ членовъ сейма замѣтилъ ему, что про-

теста мало, то онъ закричалъ: „а мы ему воспротивимся“ [19]). Мадьяре однако настояли на своемъ и внесли представленіе королю о введеніи мадьярскаго языка въ учрежденія и школы. Но въ палатѣ господъ загребскій епископъ Максимиліанъ Верховецъ потребовалъ, чтобы въ представленіе королю было внесено, что это постановленіе и эта просьба не относятся къ *королю Хорватіи*, выгораживая этимъ права Хорватіи ввести хорватскій языкъ, illiricam linguam, въ оффиціальныя сношенія внутри страны. Хорватское дворянство, однако, не поняло положенія дѣлъ, — оно, по справедливому замѣчанію профессора Смичикляса, не могло еще понять и чувствовать „священнаго огня народной идеи“ [20]) и постановило внести на санкцію короля, что въ королевствахъ Хорватіи, Далматіи и Славоніи въ юридическихъ и политическихъ дѣлахъ никогда не можетъ быть употребляемъ никакой другой языкъ, кромѣ латинскаго, ибо „на этомъ языкѣ, который столь же стариненъ, какъ и королевство, и конституція, написаны всѣ законы и документы, и еслибы онъ былъ замѣненъ другимъ, пропала бы культура и народъ, который въ концѣ концовъ не понималъ бы своихъ собственныхъ правъ и законовъ.“ Дворянство хлопотало тутъ о сохраненіи своихъ привилегій, писанныхъ на латинскомъ языкѣ. Сеймъ постановилъ въ § 4, въ развитіе заключеній § 7 постановленій 1792 г., нѣкоторыя опредѣленія о расширеніи правъ мадьярскаго языка и предоставленіи ему мѣста въ королевской венгерской придворной канцеляріи и въ судебныхъ дѣлахъ. Что же касается преподаванія въ школахъ, то вновь подтверждены были предписанія объ обязательномъ преподаваніи мадьярскаго языка въ школахъ Венгерскаго королевства [21]). Послѣ Аустерлицкаго сраженія, Австрія заключила миръ съ Наполеономъ въ Пожунѣ въ самомъ концѣ 1805 г., по которому она теряла Тироль, Венецію и Далматію, часть Истріи, Хорватіи и Штиріи.

Мадьяре, дворянство которыхъ относилось весьма сочувственно къ мысли о національномъ подъемѣ, теперь стали усиленно стараться о замѣнѣ латинскаго языка и народныхъ нарѣчій мадьярскимъ всюду, гдѣ только возможно было

въ предѣлахъ Венгріи. Если Хорватія имѣла защиту въ своей конституціи и оказала все же достойное сопротивленіе мадьярскимъ притязаніямъ, то въ тѣхъ областяхъ Венгріи, гдѣ Мадьяре ничѣмъ не могли быть стѣснены, мадьяризація школъ и учрежденій приняла самый безпощадный характеръ. Словаки не считались даже особою народностью. О нихъ и не упоминается въ постановленіяхъ угорскихъ сеймовъ. Въ меморандумѣ словацкаго народа, составленномъ въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ на собраніи 6—7 іюня 1861 г., прямо заявляется, что до 1848 г. во всѣхъ постановленіяхъ сеймовъ признавался лишь мадьярскій народъ, какъ народъ, и говорилось только о мадьярскомъ языкѣ и мадьярскомъ патріотизмѣ [22]). Такое же вполнѣ отрицательное отношеніе приняли Мадьяре и къ угорскимъ Русскимъ. Такъ, Мукачевскій уніатскій епископъ Андрей Бачинскій, хотя и былъ сторонникомъ Мадьяръ, счелъ однако нужнымъ въ 1806 г. обратиться къ подчиненному ему духовенству съ циркуляромъ, въ которомъ предостерегаетъ его отъ омадьяренія. „На содержаніе въ своемъ составѣ коего либо рода и народа, не есть большаго и крѣпчайшаго союза, нежели содержаніе природнаго отеческаго и матерняго своего языка, письма и набоженства; якоже и вопреки искуствомъ и многими прикладами явно есть, яко егда аще который народъ природнаго начальнаго своего языка, письма и набоженства лишатися и гнушатися начинаетъ, абіе тѣмъ самымъ и самый народъ въ различное премѣненіе приходитъ, по извѣстному прикладу и свидѣтельству моравскаго и ческаго народа, иже отъ святыхъ отецъ Кирилла и Меѳодія пріемше свѣтъ восточнаго благочестія, въ началѣ бысть Славено-Русскаго языка, письма и набоженства, послѣжде со залишеніемъ и премѣненіемъ сего всячески перемѣнися. Возрите на сосѣдныхъ заграничныхъ соплеменниковъ нашихъ, не имѣютъ ли они изъ сея части причины боятися подобнаго со временемъ премѣненія? Но что на иныхъ народѣхъ зриши, внемли и бодрствуй Угро-Россійская діецезіе Мукачовская, да не и тебѣ тое случится со залишеніемъ отеческаго и матерняго своего языка и пись-

ма". Такъ писалъ епископъ Бачинскій, упоминая о разосланномъ уже духовенству его эпархіи катехизисѣ на русскомъ языкѣ и заявляя о выходѣ библіи, „Русскимъ нашимъ языкомъ изданной". „А имате книги тыя на русскомъ языцѣ; яже слѣдственно частократно и съ охотою чтуше, народу толкующе, вѣрныхъ на чтеніе и слышаніе его возбуждающе, не точію удобѣе народъ въ познаніе истинны привести, въ добронравіи утвердити, но купно и матерній нашъ языкъ, письмо, народъ и набоженство содержати и подкрѣпити возможетъ" [23]).

Такой ростъ мадьяризма въ Венгріи долженъ былъ указывать Хорватамъ на необходимость и съ ихъ стороны принять всѣ мѣры для развитія хорватскаго языка. Національное самосознаніе въ хорватскомъ народѣ росло, появились попытки создать національную литературу, хотя эти попытки были весьма слабы, почти незамѣтны. Лишь лучшіе умы, какъ епископъ Верховецъ, понимали, что наступаетъ время, когда традиціонная латынь должна уступить мѣсто живому народному языку, но такихъ людей, какъ Верховецъ, было весьма немного между вліятельными Хорватами того времени. Дворянство, ревниво оберегавшее свои привилегіи, опасалось демократическихъ вѣяній съ ростомъ національнаго самосознанія у хорватскаго народа и все еще питало надежды на сохраненіе варварской латыни, какъ языка общегосударственнаго. Духовенство, воспитанное на латинскомъ языкѣ, писало по латыни, слагало торжественныя латинскія оды, хотя въ его средѣ, близко соприкасавшейся съ народомъ раньше, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, появились люди, понимавшіе значеніе развитія народнаго языка. Такъ, Загребскій священникъ Титъ Брезовачкій (1754—1805) написалъ нѣсколько одъ и комедій на славонскомъ и хорватскомъ нарѣчіи, разъигранныхъ воспитанниками въ семинаріи и конвиктѣ. Но подобныя произведенія, особенно оды, появлялись и раньше, прежде чѣмъ Мадьяре подняли вопросъ о мадьяризаціи народностей въ Венгріи.

Между тѣмъ, Мадьяре только усиливали свои заботы о подъемѣ значенія мадьярскаго языка и его распространеніи.

Правда, въ постановленіяхъ общеугорскихъ сеймовъ, собиравшихся 1807 г. (5 апрѣля) въ Будимѣ и 1808 (29 августа) въ Пожунѣ, главнымъ образомъ для постановленій о новомъ наборѣ рекрутовъ и общемъ ополченіи, нѣтъ особыхъ параграфовъ о расширеніи правъ языка, но Мадьяре хотѣли ввести во всѣ войска командованіе на мадьярскомъ языкѣ и опредѣлить срокъ въ десять лѣтъ для служащихъ, чтобы они научились по мадьярски. Вмѣстѣ съ тѣмъ мадьярскіе патріоты спѣшатъ положить начало цѣлому ряду національныхъ учрежденій. Въ постановленіяхъ сейма 1807 г. говорится объ учрежденіи Сеченевской библіотеки и музея, принесенныхъ въ даръ Венгріи патріотомъ Францемъ Сечени [24]), а на сеймѣ 1808 г. постановлено учрежденіе Academiae Militaris (военнаго корпуса) имени Людовики, тогдашней австрійской императрицы [25]) и въ постановленіяхъ сейма перечислены внесенія, сдѣланныя богатымъ дворянствомъ на это учрежденіе. Тогда же опредѣлялось учрежденіе національнаго музея, при чемъ „многіе дворяне, воодушевленные заботою о подъемѣ національной литературы и индустріи и развитіи венгерскаго языка“, сдѣлали значительныя пожертвованія [26]).

Въ это самое время въ Далматіи какъ бы въ противоположность Мадьярамъ, французское управленіе содѣйствовало развитію народныхъ училищъ съ отечественнымъ языкомъ преподаванія, а въ 1806 году былъ основанъ на италіянскомъ и славянскомъ языкахъ оффиціальный журналъ: Regio Dalmata — Kraglski Dalmatin, первый нумеръ котораго вышелъ изъ типографіи Баттара въ Задрѣ 12 іюля этого года. По Шенбрунскому миру 14 октября 1809 года за Франціей утверждалась Далматія и сверхъ того отъ Австріи отходили часть Хорватіи до Савы, Истрія, Тріестъ, Крайна, часть Каринтіи, Штиріи и Тироля. Тогда Наполеонъ создалъ Иллирію, или Иллирскія провинціи. Валентинъ Водникъ: привѣтствовалъ эту „Иллирію“ извѣстной одой: Iliria oživljena. И здѣсь, какъ въ Далматіи, учреждаются училища какъ низшія, такъ и среднія и даже высшее въ Люблянѣ съ преподаваніемъ языка мѣстнаго славянскаго населенія [27]).

Была основана въ Люблянѣ газета Télégraphe officiel des provinces Illyriennes, первый нумеръ которой вышелъ 3 Октября 1810 г. Газета издавалась на французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ. Въ 1813 г. сталъ редакторомъ французской части этого оффиціальнаго органа библіотекарь люблянскаго книгохранилища Карлъ Нодіе (Charles Nodier), впослѣдствіи извѣстный французскій писатель [28]). Учрежденіе Иллирскихъ провинцій, забота Французовъ объ экономическомъ и умственномъ подъемѣ мѣстнаго славянскаго населенія, основаніе училищъ съ отечественнымъ, народнымъ языкомъ преподаванія, основаніе славянскихъ органовъ печати — все это должно было содѣйствовать росту народнаго самосознанія на Славянскомъ юго-западѣ, гдѣ нѣмецкая и итальянская культура наложила свою тяжелую руку. Поэтому и въ Хорватіи, хотя ослабленной отдѣленіемъ части лучшихъ земель къ Иллиріи и истощенной продолжительными войнами, долженъ былъ сказаться болѣе энергическій и живой протестъ противъ притязаній Мадьяръ. На сеймѣ (25 августа) 1811 года въ Пожунѣ, не было новыхъ постановленій о распространеніи правъ мадьярскаго языка, но во время преній Мадьяре настаивали на томъ, чтобы Хорваты черезъ десять лѣтъ ввели у себя какъ оффиціальный языкъ—мадьярскій. Хорваты усердно оспаривали это постановленіе Мадьяръ. Они заявляли, что они позаботятся о томъ, чтобы способные молодые люди изучали и мадьярскій языкъ для занятія мѣстъ общегосударственныхъ, но рѣшительно отказывались отъ принятія мадьярщины въ свои учрежденія. Они отстаивали по прежнему права латинскаго языка на территоріи Хорватіи. Если для Мадьяръ, по ихъ мнѣнію, наступило время замѣны латинскаго языка мадьярскимъ, говорили они, то они, Хорваты находятся въ совершенно другомъ положеніи и еще не нуждаются въ замѣнѣ латинскаго языка какимъ либо другимъ, при томъ чужимъ. Хотя Мадьяре продолжали было настаивать на своихъ требованіяхъ, говоря, что ослабленная отдѣленіемъ Далматіи и южныхъ частей своей области Хорватія не можетъ предписывать имъ, сильному государству, законовъ, все же на этотъ разъ было

вычеркнуто постановленіе о введеніи мадьярскаго языка въ Хорватіи. Хорваты указывали на то, что ихъ страна уменьшена, потому что эта жертва нужна была для спасенія государства, какъ было сказано въ заявленіи объ этомъ самимъ королемъ, и слѣдовательно они не должны изъ за этого терпѣть какія либо ограниченія своихъ правъ. Общій угорскій сеймъ послѣ этого не созывался до 1825 года.

Палъ Наполеонъ, въ Австріи наступило темное время правленія князя Меттерниха, боявшагося всякаго проявленія новаго духа времени—національнаго самосознанія живущихъ въ Австріи народовъ, но безсильнаго сдержать ихъ развитіе полицейскими мѣрами. Впрочемъ, и самъ Меттернихъ поддерживалъ то тутъ, то тамъ національныя стремленія, но лишь съ эгоистическими разсчетами ослабить ту или другую изъ борющихся въ Австріи сторонъ. Подъ вліяніемъ примѣра Наполеоновской политики и опасаясь, что національизація французской Иллиріи повліяетъ на Юго-славянъ, оставшихся во власти Австріи, въ Вѣнѣ задумывали было въ 1810 г. издавать хорватскую газету, подъ редакціей нѣкоего Доротича, но эта попытка не удалась [29]).

Но и среди Хорватовъ пробуждается теперь, хотя и въ слабой степени, сознаніе необходимости поднять развитіе своего языка, позаботиться о литературѣ на народномъ языкѣ. Хорватъ изъ Карловца, Юрій Шпореръ, впослѣдствіи иллирскій писатель, согласившись съ Копитаромъ и нѣкоторыми другими жившими въ Вѣнѣ Хорватами и Сербами, задумалъ издавать въ 1814 году славянскую газету въ Вѣнѣ, подъ именемъ: „Ilirske novine,“ на что́ получилъ разрѣшеніе правительства. Попытка эта не нашла однако отзыва; подписчиковъ не оказалось въ достаточномъ числѣ, чтобы начать дѣло, и лишь въ 1817 г., когда Шпореръ отказался отъ этого предпріятія, какой-то Берличъ прислалъ ему имена 200 человѣкъ, заявившихъ желаніе подписаться на газету [30]). Подобному же изданію на сербскомъ языкѣ болѣе благопріятствовала судьба: первыя „Сербскія Новины“ вышли въ 1791 г.; „Славено-Сербскія Вѣдомости“ Стефана Новаковича, начавшія выхо-

дить въ Вѣнѣ 3 Августа 1792 года, прекратились въ 1794 г. Но Давидовичъ и Фрушичъ основали въ Вѣнѣ же „Новине Сербске,“ просуществовавшія съ 1 августа 1813 г. до 14 февраля 1822 г. Благодаря своему политическому воскрешенію, Сербы раньше прониклись сознаніемъ необходимости литературнаго подъема языка и потребности въ политическомъ органѣ, чѣмъ Хорваты. У Хорватовъ теперь, однако, все болѣе выясняется мысль, что приближается время, когда латинскій языкъ сеймовъ и школъ долженъ будетъ уступить мѣсто живому, народному. Раньше всего пробудилось это сознаніе именно въ той средѣ, гдѣ, казалось, латинскій языкъ занималъ незыблемое положеніе, — среди духовенства. Если приходское духовенство, находясь въ постоянномъ общеніи съ народомъ, должно было живѣе чувствовать необходимость подъема значенія языка, живущаго къ устахъ народа, то, къ счастію Хорватовъ, на архіепископской каѳедрѣ въ Загребѣ сидѣлъ тогда замѣчательно умный патріотъ епископъ Верховецъ. Въ 1813 г, онъ издалъ посланіе къ духовенству своей эпархіи о собираніи народныхъ пѣсенъ и словъ изъ устъ народа. Немного позже Антонъ Михановичъ, впослѣдствіи получившій извѣстность своимъ собраніемъ старо-славянскихъ рукописей, напечаталъ въ Вѣнѣ брошюру: Rech Domovini od hasznovitozti piszanja vu domorodnom jeziku, въ которой говоритъ о необходимости замѣнить дѣловой латинскій языкъ — народнымъ. Объ этихъ первыхъ предвѣстникахъ литературнаго возрожденія Хорватовъ будемъ говорить впослѣдствіи.—Такимъ образомъ, во второмъ десятилѣтіи этого вѣка въ Хорватіи уже раздаются голоса въ защиту правъ живаго народнаго языка.

Области, отрѣзанныя отъ Хорватіи „ради спасенія государства“ и вошедшія въ составъ французской Иллиріи, не тотчасъ были возвращены Хорватіи послѣ того, какъ онѣ вмѣстѣ со всей Далматіей отошли вновь къ Австріи. Лишь послѣ настойчивыхъ просьбъ со стороны Хорватовъ, онѣ были возвращены Хорватіи въ 1822 году.

Мадьяре въ это время уже прибѣгали къ самымъ сильнымъ средствамъ для омадьяренія тѣхъ народностей, которыя

не имѣли защиты, подобно Хорватамъ, въ цѣломъ рядѣ законовъ и въ сеймахъ. Особенно они обратили свои настоянія противъ Словаковъ. Средства при этомъ совершенно не разбирались. Въ газетахъ, журналахъ и оффиціальныхъ распоряженіяхъ проводилась мысль, что Мадьяре—господствующій народъ (uralkadó nemzet), и что Словаки могутъ служить только для увеличенія числа Мадьяръ. „Если возьмешь худшій сортъ напитка для пополненія лучшаго вина, то онъ не испортитъ его качества, но лишь смѣшается съ нимъ" писали Мадьяре о Словакахъ въ 1817 г., не признавая ихъ даже народомъ [31]). Въ 1822 г. было издано постановленіе о томъ, чтобы въ чисто словацкихъ общинахъ проповѣди въ евангелическихъ церквахъ произносились по мадьярски [32]). Уже и тогда, какъ нынѣ, словацкихъ дѣтей отдавали въ мадьярскія деревни, чтобы они тамъ научались мадьярскому языку [33]). Несмотря на то, что мадьярская аристократія еще далеко не вся стала на сторону тѣхъ, которые требовали полной замѣны латинскаго языка мадьярскимъ, патріоты спѣшили измышлять средства, чтобы мадьярить Славянъ, живущихъ въ предѣлахъ Венгріи.

Михаилъ Хорватъ, мадьярскій патріотическій историкъ жизни Венгріи съ 1823 по 1848 г., съ понятнымъ воодушевленіемъ разсказываетъ о фактахъ, свидѣтельствующихъ о высокомъ подъемѣ національнаго самосознанія у Мадьяръ въ это время. Однимъ изъ выраженій этого подъема было основаніе Академіи Наукъ въ Пештѣ. Въ парламентѣ, созванномъ въ Пожунъ къ 11 сентября 1825 г., въ началѣ ноября обсуждался вопросъ объ учрежденіи ученаго общества для изученія отечественнаго языка и литературы. Всѣ признавали нужду въ такомъ учрежденіи, не не было средствъ для его основанія. Депутатъ Павелъ Наджи произнесъ пламенную рѣчь, въ которой взывалъ къ пожертвованіямъ на эту цѣль. Тогда поднялся молодой офицеръ графъ Стефанъ Сечени, членъ палаты господъ, еще не выступавшій въ парламентѣ, и заявилъ въ „молодой," т. е. своей первой парламентской, кратвой рѣчи, что онъ жертвуетъ годичный доходъ со своихъ громадныхъ имѣній, простиравшійся до 60,000 гульденовъ, на основаніе такого учреж-

денія, которое „должно развивать мадьярскій языкъ и содѣйствовать воспитанію селянъ въ венгерскомъ духѣ“ [34]). Рѣчь Сечени, который не стоялъ, подобно своимъ сочленамъ верхней палаты, только на томъ, чтобы сохранить привилегіи высшихъ классовъ, и искренно былъ проникнутъ стремленіями строго патріотическими, вызвала полный энтузіазмъ въ палатѣ, а его примѣръ повлекъ за собою немедленно щедрыя пожертвованія. Въ декретъ этого сейма занесены имена крупныхъ жертвователей,—вся сумма этихъ пожертвованій достигла 250,000 гульденовъ [35]). По пункту 11 постановленій этого сейма было рѣшено возможно скорѣе основать въ Пештѣ Ученое общество, или Венгерскую Академію [36]). Единодушный откликъ на призывъ Наджи и Сечени среди мадьярской аристократіи свидѣтельствовалъ о глубокомъ пониманіи вождями мадьярскаго народа духа времени и его потребностей. Вообще графъ Стефанъ Сечени въ это время былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ мадьярскихъ дѣятелей. Онъ основалъ, при самомъ началѣ засѣданій общеугорскаго сейма 1825 г., политическій клубъ, въ которомъ сходились депутаты и мадьярскіе патріоты, и тѣмъ отчасти парализовалъ дѣйствія суровой цензуры, тяготѣвшей, по приказу Меттерниха, надъ печатью во всей Венгріи. Этотъ клубъ послужилъ образцомъ для многихъ политическихъ клубовъ, возникшихъ скоро въ различныхъ городахъ Венгріи и для учрежденій подобнаго рода въ Хорватіи, гдѣ собранія патріотовъ происходили впослѣдствіи обыкновенно въ читальняхъ.

Пламенныя рѣчи мадьярскихъ патріотовъ, исполненныхъ гордости своей народностью и любви къ ней, несомнѣнно заслуживаютъ уваженія. Но стараясь поднять значеніе своей народности и своего языка и свою литературу, мадьярскіе патріоты не ограничивались только заботою о защитѣ своихъ національныхъ задачъ: они въ сущности болѣе стремились къ тому, къ чему стремилась и нѣмецкая централистская политика — поглотить, претворить въ себя всѣ остальныя народности, живущія въ Венгріи, преимущественно Славянъ. Спасая себя отъ нѣмецкаго моря, волны котораго ка-

сались и ихъ, они хотѣли утопить въ своемъ озерѣ другія народности. Въ извѣстной степени они достигали этого. Виднѣйшіе антагонисты народнаго возрожденія у Словаковъ, напримѣръ, были омадьяренные Словаки. Въ Хорватіи во время иллиризма дѣлились иногда даже родные братья во взглядахъ на народность. Такъ, изъ сыновей графа Юрія Драшковича, одинъ Александръ былъ даже вождемъ мадьяронской партіи въ Хорватіи, а другой Иванъ Непомукъ, умершій въ тотъ же день и годъ (14 января 1856 г.) со своимъ знаменитымъ дядею графомъ Янко, въ тоже время былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей времени хорватскаго возрожденія и прославился, какъ щедрый жертвователь на народныя цѣли [37]). Если Мадьяре имѣли полную возможность прибѣгать къ самымъ дикимъ средствамъ, чтобы мадьярить Словаковъ, то относительно Хорватовъ, независимость которыхъ хотя отчасти ограждали договоры, они не могли столь полновластно распорядиться ихъ мадьяризаціей. Здѣсь имъ предстояла трудная борьба, изъ которой въ концѣ концовъ вышли побѣдителями Хорваты. И вотъ, съ каждымъ сеймомъ растутъ притязанія Мадьяръ относительно введенія мадьярскаго языка въ учрежденія и школы Хорватовъ.

На сеймѣ, засѣдавшемъ съ 1825 по 1827 г., Мадьяре вновь настойчиво требовали того, чтобы Хорваты, составляя одну державу съ Мадьярами, приняли и одинъ государственный народный языкъ, вмѣсто латинскаго—и такимъ языкомъ долженъ быть мадьярскій. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Хорваты отбивались отъ жестокихъ нападеній на нихъ въ сеймѣ, указывая на законами признанное самостоятельное развитіе Хорватіи. Хорваты, между прочимъ, указывали, что мадьярскій языкъ далеко не такъ распространенъ и извѣстенъ, чтобы могъ замѣнить у нихъ латинскій. Тогда и словацкіе депутаты, представители нитранскаго и липтовскаго округовъ, заявили съ своей стороны, что и на ихъ родинѣ еще не время замѣнять латинскій языкъ — мадьярскимъ. Быть можетъ, вслѣдствіе этого союзнаго отпора, Мадьяре съ необычайною настойчивостью стали на этомъ сеймѣ настаивать на своемъ

требованіи внести въ постановленіе сейма законъ о замѣнѣ латинскаго языка мадьярскимъ во всѣхъ учрежденіяхъ и введеніи преподаванія на немъ въ школахъ. Верхная палата, въ которой многіе члены аристократіи, сами не зная по мадьярски, не вполнѣ сочувствовали претензіямъ горячихъ мадьярскихъ патріотовъ, видя въ нихъ и признаки демократическаго движенія, опаснаго для привилегій аристократіи, согласились исключить Хорватовъ изъ постановленія объ обязательности мадьярскаго языка. Постановленіе это состоялось 26 февраля 1826 г. Тогда выступилъ на защиту хорватскаго протеста, противъ мадьярскаго языка для Хорватіи, протонотарій хорватскаго бана Іосифъ Кушевичъ, впослѣдствіи издавшій брошюру о муниципальныхъ правахъ Хорватіи и ставшій популярнымъ между хорватскими патріотами. Въ честь его написалъ въ 1830 г. свою лучшую оду на хорвато-загребскомъ нарѣчіи Павелъ Штоосъ: Nut! Novo Leto! matiszin-zorja, въ которой подъ „зарею“ отечества разумѣлъ Кушевича. Но и Кушевичъ сдѣлалъ уступку Мадьярамъ, сказавъ, что Хорваты, сознавая пользу и нужду мадьярскаго языка, постараются свою молодежь научить по мадьярски. Хорватскіе депутаты, стоя на почвѣ договоровъ и законовъ долго отбивались отъ мадьярскихъ настойчивыхъ требованій, но наконецъ были принуждены согласиться, чтобы мадьярскій языкъ, преподававшійся до нынѣ въ хорватскихъ училищахъ, какъ предметъ необязательный, впредь былъ обязательнымъ предметомъ ученія для всѣхъ учащихся. Правда, послѣ конференціи съ баномъ, хорватскіе депутаты заявили, что сами по себѣ, безъ согласія хорватскаго сейма принять это постановленіе они не могутъ, и что поэтому оно можетъ быть сдѣлано только на слѣдующемъ общеугорскомъ сеймѣ, но въ сущности они сдѣлали эту уступку Мадьярамъ, о чемъ и извѣстили хорватскій сеймъ. И дѣйствительно, хорватскій сеймъ 1837 г. постановилъ ввести обученіе мадьярскаго языка въ училищахъ Хорватіи въ число обязательныхъ предметовъ, на томъ основаніи, что иначе Хорваты не могли бы получить служебныхъ мѣстъ въ учрежденіяхъ, общихъ для Ма-

дьяръ и Хорватовъ, да и въ общемъ сеймѣ, гдѣ вводится для преній исключительно мадьярскій языкъ, могутъ участвовать только тѣ, кто знаютъ по мадьярски [38]).

Мадьярскій историкъ этого времени умалчиваетъ о жестокой борьбѣ Хорватовъ противъ введенія мадьярскаго языка въ учрежденія и старается выставить, что депутаты Хорватіи и Славоніи, какъ бы поддерживали стремленіе замѣнить латинскій языкъ мадьярскимъ [39]). А между тѣмъ, это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся моментовъ борьбы Хорватовъ противъ преобладающаго положенія мадьярскаго языка въ Венгріи. Въ это время уже выросталъ Людовикъ Гай, будущій создатель новаго народнаго и сильнаго движенія у Хорватовъ, а словакъ Колларъ написалъ первые наброски своей поэмы „Slavy dcera" и начиналъ проповѣдывать славянскую взаимность [40]). На слѣдующемъ общемъ сеймѣ хорватскіе депутаты уступили предъ напоромъ Мадьяръ, но эти уступки встрѣтили уже сильную оппозицію снизу въ начавшемся оживленіи хорватской народности.

Новое собраніе общеугорскаго сейма было назначено на 8 Сентября 1830 г. въ Пожунѣ. Областныя собранія въ Хорватіи и Славоніи готовились къ нему и давали порученія и инструкціи своимъ депутатамъ. Загребская жупанія въ постановленіяхъ отъ 15 іюня 1830 г., находясь, очевидно, подъ сильнымъ давленіемъ Мадьяръ и мадьяроновъ, постановила слѣдующее: 1) если какой либо народный учитель знаетъ по мадьярски, пусть тотчасъ начнетъ обучать дѣтей мадьярскому языку,—а впредь никого нельзя назначить учителемъ, кто не докажетъ, что знаетъ хорошо читать по мадьярски; въ латинскія школы не принимать такихъ учениковъ, которые не умѣютъ читать такъ же по мадьярски, какъ и по хорватски и по латыни. 2) Преподаваніе мадьярскаго языка во всѣхъ латинскихъ училищахъ вводится, какъ обязательный предметъ, начиная съ перваго класса; поэтому слѣдуетъ требовать, чтобы нужные для этого учителя получали жалованіе изъ фондовъ на просвѣщеніе. Пусть будетъ поэтому предложено высшей властью, что если этого нельзя будетъ сдѣлать, то выходъ предста-

вляется только тотъ, чтобы ученики Загребской гимназіи, которыхъ ежегодно бываетъ отъ 600 до 700, сами платили каждый по 4 гульдена въ годъ за обученіе мадьярскому языку. Нужно, чтобы было по крайней мѣрѣ 6 учителей, которые были бы обязаны каждый день, не пропуская свободныхъ отъ занятій, учить мадьярскому языку. 3) На будущее время не назначать въ Загребскую гимназію и во всѣ существующія въ королевствѣ гимназіи въ учителя никого, кто не зналъ бы по мадьярски такъ, чтобы быть въ состояніи хорошо преподавать этотъ языкъ. 4) Отъ занятій мадьярскимъ языкомъ не освобождаются ученики старшихъ классовъ [41]). Вараждинская жупанія со своей стороны выразила то же желаніе, но въ болѣе сильной формѣ: такъ какъ венгерскій народъ желаетъ постановить закономъ о введеніи венгерскаго языка во всѣ управленія, и части, присоединенныя къ венгерскому королевству, „горятъ равнымъ желаніемъ усовершенствованія“ и готовы приложить всѣ необходимыя средства для изученія венгерскаго языка,—то предлагается депутатамъ, чтобы они въ сеймѣ настояли на введеніи преподаванія мадьярскаго языка въ число предметовъ обязательныхъ, обсудили средства и способы для этого и выработали законъ. Эти предварительныя постановленія жупаній указали хорватскому сейму путь, по которому онъ долженъ идти, и потому сеймъ выработалъ 6 августа 1830 г. постановленіе, чтобы депутаты въ общеугорскомъ сеймѣ провели законъ объ обязательномъ обученіи мадьярскому языку въ хорватскихъ школахъ. Вслѣдствіе этого депутаты Хорватіи появились въ общеугорскомъ сеймѣ, созванномъ въ Пожунѣ 1830 г., съ готовою программою уступокъ по вопросу о языкѣ. Между тѣмъ мадьярскіе патріоты успѣли склонить свою верхнюю палату къ тому, что она согласилась замѣнить латинскій языкъ мадьярскимъ во всѣхъ отрасляхъ управленія. По 12-му пункту постановленій этого сейма, мадьярскій языкъ одержалъ почти полную побѣду въ собственной Венгріи: 1) королевское управленіе (Consilium Locumtenentiale) обязано впредь отвѣчать по мадьярски во всѣ тѣ учрежденія, которыя будутъ обращаться

къ нему на мадьярскомъ языкѣ; 2) судебныя аппелляціонныя палаты впредь обязаны производить на мадьярскомъ языкѣ разбирательство дѣлъ, представленныхъ имъ на мадьярскомъ языкѣ и полагать рѣшеніе по мадьярски; 3) въ другихъ судебныхъ и иныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мадьярскій языкъ не былъ еще введенъ, разрѣшается ввести этотъ языкъ въ употребленіе, а въ тѣхъ изъ этихъ учрежденій, гдѣ таковой языкъ еще не употреблялся, позволялось впредь вести дѣла по желанію на мадьярскомъ или латинскомъ языкахъ; 4) безъ знанія мадьярскаго языка никто впредь не можетъ быть допущенъ къ занятію государственныхъ должностей; 5) съ 1 января 1834 г. адвокатскіе дипломы могутъ быть выдаваемы только лицамъ говорящимъ по мадьярски. Къ этому пункту прибавлено, что венгерскіе полки, а также полки граничаръ и всѣ военныя власти въ Венгріи обязаны принимать направленныя къ нимъ отношенія, написанныя на мадьярскомъ языкѣ [42]). Мадьярскій языкъ становится языкомъ преподаванія въ новооснованной военной Академіи (Ludoviceum) и замѣняетъ нѣмецкій въ военной командѣ.

Но это отступленіе Хорватовъ въ начавшейся борьбѣ съ Мадьярами было только временное. Черезъ два года раздался голосъ графа Драшковича, призывающій Хорватовъ энергически стоять за права своей народности и языка, быть можетъ вызванный этимъ поспѣшнымъ отступленіемъ хорватскихъ жупаній предъ напоромъ Мадьяръ.

Мѣры, принимавшіяся мадьярами для приведенія въ дѣйствіе подобныхъ постановленій и вообще, для распространенія мадьярскаго языка, были жестокія и вызывали общую ненависть и къ мадьярамъ, и къ ихъ языку. Въ 1833 и 1834 г. вышло нѣсколько нѣмецкихъ брошюръ [43]), въ которыхъ, аппеллируя къ просвѣщеннымъ народамъ Европы, славянскіе ихъ авторы опровергали самое значеніе мадьярскаго языка и доказывали, что Мадьяре не имѣютъ никакихъ основаній требовать, чтобы Славяне, живущіе въ Венгріи, приняли ихъ языкъ. Чтобы судить о пріемахъ, къ какимъ прибѣгали Мадьяре, достаточно отмѣтить, что въ Веспримскомъ комитатѣ нѣсколько кре-

стьянъ-славянъ въ 1827 г. присуждены были къ значительному числу палочныхъ ударовъ (одинъ къ 64, другой къ 40 и т. д.) и заключенію въ тюрьмѣ только за то, что требовали, чтобы ихъ протестантскій проповѣдникъ произносилъ проповѣди по словацки, а не по мадьярски [44]).

Въ брошюрахъ того времени доказывалось, что мадьярскій языкъ не имѣетъ никакихъ правъ считать себя хотя бы обработаннымъ или способнымъ имѣть развитую письменность, указывали на массы заимствованій изъ славянскихъ языковъ въ мадьярщинѣ, на отсутствіе обработанной и удобной азбуки, вспоминали и перечисляли заслуги, принесенныя Славянами Мадьярамъ и Нѣмцамъ въ борьбѣ съ Турками, и т. д. [45]).

Таковъ былъ общій ходъ борьбы Хорватовъ съ Мадьярами, желавшими навязать имъ свой языкъ, до того времени, когда въ самой Хорватіи созрѣла мысль о необходимости поднять значеніе своего народнаго языка. Но рядомъ съ этимъ систематическимъ навязываніемъ мадьярскаго языка странѣ, имѣвшей свои особыя права и лишь соединенной въ лицѣ короля съ остальною Венгріею, шли и другія притязанія Мадьяръ, направляемыя къ тому, чтобы лишить Хорватію всякой самостоятельности. Хотя мадьярскіе писатели, описывающіе эту эпоху, отрицаютъ, что Венгрія хотѣла прямо вмѣшиваться въ дѣла Хорватіи [46]), но нѣтъ сомнѣнія, что вся цѣль Мадьяръ состояла въ томъ, чтобы лишить Хорватію всякой самостоятельности, уничтожить такъ называемыя ея муниципальныя права и обратить ее въ обыкновенную, простую часть мадьярской Венгріи. Хорваты, хотя еще долго отстаивали права латинскаго языка и впослѣдствіи, хорошо уже поняли истинныя цѣли Мадьяръ. Этимъ объясняются ихъ постоянные протесты противъ мадьярскихъ притязаній. Но у Хорватовъ не было еще такихъ энергическихъ патріотовъ, которые рѣшились бы выступить съ проповѣдью о замѣнѣ латинскаго языка—языкомъ народа. Хорватская аристократія, единственно сильный и вліятельный классъ, дорожа своими привилегіями, держалась союза съ мадьярами и опасливо глядѣла на начинавшееся народное движеніе въ Хорватіи. Нуж-

ны были сильные и убѣжденные дѣятели, а ихъ не было еще у Хорватовъ. Въ 1830 г. протонотарій Кушевичъ, отстаивавшій въ сеймѣ 1825 г. права самостоятельности Хорватіи, издалъ небольшую книгу, о которой мы уже выше упоминали: De municipalibus juribus et statutis regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae, въ которой исторически излагаетъ права самостоятельности хорватскаго народа. Мадьяре, между прочимъ, хотѣли постановить закономъ допущеніе протестантамъ селиться и пріобрѣтать помѣстья въ предѣлахъ Тріединаго королевства. Хорваты, у которыхъ католическое духовенство представляло въ свое время почти единственный патріотическій народный интеллигентный классъ, указывали на свои муниципальныя права, предоставляющія рѣшеніе подобныхъ вопросовъ имъ самимъ, безъ посредства и участія Мадьяръ. Пунктъ о протестантахъ, которыхъ было много въ Венгріи, не разъ поднимался въ угорскихъ сеймахъ. Самыя уступки, сдѣланныя Хорватами Мадьярамъ въ вопросѣ объ языкѣ, нисколько не уменьшили мадьярскихъ претензій и даже напротивъ какъ будто разожгли ихъ еще болѣе.

На обще-угорскомъ сеймѣ, засѣдавшемъ съ 1832 по 1836 г., Мадьяре провели чрезъ обѣ палаты постановленіе о мадьяризаціи хорватскихъ среднихъ и высшихъ училищъ и чиновничества. Было рѣшено установить закономъ, чтобы только въ низшихъ четырехъ классахъ гимназій римскіе классики толковались на латинскомъ языкѣ, причемъ всѣ остальные предметы должны были преподаваться по мадьярски; начиная же съ пятаго класса, переводы и толкованія классическихъ писателей должны были также производиться на мадьярскомъ языкѣ. Тоже относилось и къ преподаванію философскихъ и юридическихъ наукъ въ существовавшей тогда въ Загребѣ Академіи, гдѣ преподаваніе шло по латыни. Наконецъ, постановлялось, что впредь чиновниками въ Хорватіи могутъ быть назначаемы только лица, знающія мадьярскій языкъ, а находившимся тогда на службѣ чиновникамъ предлагался срокъ въ десять лѣтъ для изученія мадьярскаго языка. Тогда Хорваты заявили, что и хорватскій языкъ въ послѣдніе года столь

развился, что онъ можетъ распространяться и занять то мѣсто въ Хорватіи, которое намѣрены навязать имъ Мадьяре своему языку. Не имѣя возможности отмѣнить постановленіе сейма по вопросу объ языкѣ, Хорваты обратились съ просьбою объ этомъ къ королю-императору Фердинанду, и онъ, опасаясь крайне возбужденнаго роста мадьярскаго патріотизма, отказалъ подписать это постановленіе парламента. Въ Вѣнѣ въ эту пору, какъ видно, уже начали бояться мадьярскаго движенія и въ извѣстной степени оказывали покровительство начинавшемуся въ Хорватіи иллиризму. Графъ Янко Драшковичъ, энергическій защитникъ хорватскихъ правъ, напечатавшій въ 1832 г. свое разсужденіе: Disertatija iliti Razgovor, былъ депутатомъ въ сеймѣ 1832—1836 г. и затѣмъ вскорѣ награжденъ даже орденомъ.

Этотъ быстрый ростъ мадьярскаго національнаго самосознанія и стремленіе Мадьяръ создать изъ Хорватіи свою провинцію, лишенную всякой самостоятельности, окончательно разбудилъ дремавшія силы хорватскаго народа. Явились среди него лучшіе люди, которые, видя въ примѣрѣ Чеховъ, тогда дѣлавшихъ гигантскіе шаги своего возрожденія, энергически принялись за воскрешеніе своего народнаго языка и созданіе своей литературы. Однако какъ мало было распространено знаніе мѣстнаго хорватскаго языка, видно изъ того, что даже такіе дѣятели иллиризма и литературы, какъ Гай и Кукулевичъ, въ началѣ своей дѣятельности охотнѣе и лучше говорили и писали по нѣмецки, чѣмъ по хорватски. Патріотамъ-Хорватамъ предстояло или создать письменность на кайкавскомъ нарѣчіи провинціальной Хорватіи, или примкнуть къ имѣющему уже значительную литературу штокавскому нарѣчію, выдвинутому столь блистательно сербской письменностью. Они избрали послѣднее, и это въ извѣстной степени усилило трудности замѣны латинскаго языка славянскимъ въ Хорватіи. Лишь немногіе образованные Хорваты изучали свой языкъ въ ту пору: яркимъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что Кукулевичъ, прославившійся своею дѣятельностью на пользу „иллирскаго языка“ и одинъ

изъ лучшихъ иллирскихъ писателей 40-хъ годовъ, до 1843 г. все, кромѣ стихотвореній, сначала писалъ по нѣмецки, а затѣмъ переводилъ на „иллирскій языкъ“, при чемъ обращался съ просьбами объ исправленіи его языка къ другимъ современнымъ менѣе виднымъ дѣятелямъ, но лучше знавшимъ по иллирски [47]).

Между тѣмъ Мадьяре не переставали дѣлать натиски на Хорватовъ и вплоть до 1848 г. принимали всякія мѣры, чтобы заставить ихъ ввести мадьярскій языкъ въ школы и учрежденія. Но и Хорваты теперь были стойки: хотя они еще держались латинскаго языка, все же требованія общаго употребленія живаго народнаго языка быстро возрастали. У нихъ появились газета и литературный журналъ Гая. Въ 1836 году Людевитъ Гай внесъ записку въ хорватскій сеймъ объ учрежденіи „общества друзей народнаго иллирскаго просвѣщенія“ [48]), и сеймъ постановилъ ходатайствовать предъ королемъ объ учрежденіи такого общества, ибо, по мотивировкѣ сейма, „національное просвѣщеніе связано неразрывно съ обработкою національнаго языка“ [49]). Сверхъ того дѣлаются нѣкоторыя постановленія о мѣрахъ къ подъему училищъ въ Загребскомъ дистриктѣ и объ улучшеніи положенія учителей.

Въ ожиданіи различныхъ настойчивыхъ требованій со стороны Мадьяръ относительно расширенія правъ мадьярскаго языка, загребскій сеймъ снабдилъ своихъ депутатовъ общеугорскаго сейма: графа Янка Драшковича, графа Юрія Оршича и Марка Лентулая, инструкціей, въ силу которой они могли поставить требованіе отдѣленія Хорватіи отъ Венгріи и внести прошеніе къ королю объ учрежденіи особаго отдѣльнаго управленія Хорватіи и введеніи народнаго языка, если Мадьяре будутъ по прежнему стремиться уничтожить хорватскую народность [50]).

Въ Хорватіи, однако, еще не думали объ окончательномъ разрывѣ съ Мадьярами, и въ постановленіяхъ хорватскаго сейма 1840 г. находится еще пунктъ о пожертвованіяхъ на національный мадьярскій театръ, учрежденный Мадьярами въ Пештѣ, отъ хорватскихъ и славонскихъ комитатовъ и горо-

довъ [51]). Но въ этомъ же сеймѣ уже было положено хлопотать предъ королемъ о разрѣшеніи учредить каѳедры „національнаго языка“ (linguae nationalis) въ загребской Академіи и въ гимназіяхъ соединенныхъ королевствъ Хорватіи, Далматіи и Славоніи [52]). На томъ же загребскомъ сеймѣ 1840 г. было постановлено основать національный театръ и начались сборы пожертвованій на эту цѣль. Въ главѣ жертвователей стоялъ загребскій архіепископъ Георгій Гавликъ, предсѣдательствовавшій на этомъ сеймѣ, замѣняя бана, давшій тысячу гульденовъ [53]).

Эти опасенія и заботы Хорватовъ вполнѣ оправдывались тѣмъ, что происходило на обще-угорскомъ сеймѣ 1839—40 г. Мадьяре дѣйствительно возобновили старыя и предъявили новыя требованія относительно расширенія правъ мадьярскаго языка въ Хорватіи и даже въ сущности утвержденія его полнаго господства. Въ засѣданіи сейма 1836 г. было проведено постановленіе, чтобы законы впредь составлялись на мадьярскомъ языкѣ, хотя и съ латинскимъ переводомъ. Въ самомъ началѣ засѣданій сейма 1840 г. въ нижней палатѣ было внесено и принято также и верхнею палатою предложеніе, чтобы привѣтствіе королю и королевѣ, пріѣхавшимъ въ Пештъ, было произнесено только на мадьярскомъ языкѣ. Ободренные согласіемъ короля на это постановленіе парламента, мадьярскіе патріоты внесли новое предложеніе о томъ, чтобы впредь адресы, обычно подаваемые сеймомъ королю, были составляемы исключительно на мадьярскомъ языкѣ, безъ присоединенія латинскаго текста. Когда и на это послѣдовало согласіе престола, Мадьяре пошли дальше. Они составили рядъ требованій, спеціально направленныхъ къ обезпеченію полнаго господства мадьярскаго языка во всей Венгріи. Первымъ было выставлено то, чтобы впредь всѣ законы составлялись и публиковались только на мадьярскомъ языкѣ. Совѣтъ при намѣстникѣ и венгерская придворная канцелярія должны были также вести свои дѣла, всю переписку и издавать циркуляры только по мадьярски. Параграфомъ 4 этого проекта закона обязывались всѣ духовныя власти сноситься со свѣтскими,

равно какъ свѣтскія одна съ другою въ предѣлахъ государства исключительно на мадьярскомъ языкѣ. Суды должны были впредь принять тоже мадьярскій языкъ и на немъ постановлять свои рѣшенія. Параграфомъ 7 установлялось, что даже въ такихъ общинахъ, гдѣ проповѣдники не произносятъ мадьярскихъ проповѣдей, т. е. главнымъ образомъ исключительно славянскихъ по населенію, — метрическія книги должны быть ведены на мадьярскомъ языкѣ, для чего дается трехлѣтній срокъ. Въ слѣдующемъ параграфѣ было сказано: „отнынѣ безъ различія вѣроисповѣданій приходскими священниками, проповѣдниками, настоятелями и помощниками ихъ могутъ быть назначаемы только такія лица, которыя владѣютъ мадьярскимъ языкомъ". Въ пунктѣ 9 выражено желаніе, чтобы императоръ повелѣлъ распространять знаніе мадьярскаго языка и въ Военной границѣ, а также чтобы командиры полковъ вели съ властями переписку на мадьярскомъ языкѣ [54]).

Эти требованія мадьярскихъ націоналистовъ встрѣтили сильныя возраженія со стороны хорватскихъ депутатовъ, а въ верхней палатѣ и между Мадьярами нашлись такіе, которые считали ихъ по крайней мѣрѣ преждевременными. Напрасно Хорваты указывали на свои особыя права, на свое неподчиненное положеніе относительно Мадьяръ и произносили длинныя рѣчи по латыни. Имъ пришлось обратиться къ заступничеству въ Вѣнѣ, и императоръ Фердинандъ вновь отклонилъ эти требованія Мадьяръ относительно Хорватовъ.

Мадьяре стали обвинять [55]) во всемъ „панславизмъ, созданный русскою пропагандою", ибо они не хотѣли видѣть, что ихъ требованія прямо противорѣчатъ всѣмъ интересамъ большинства народностей, населяющихъ Венгрію, съ другой стороны они обвиняли вѣнское правительство въ уступчивости Хорватамъ, которыхъ они называли даже „вѣнскими" и „австрійскими наемниками".

Эти отношенія крайнихъ мадьярскихъ патріотовъ къ славянамъ и другимъ народностямъ Венгріи побудили выступить основателя Пештской Академіи Наукъ, человѣка, въ мадьярскомъ патріотизмѣ котораго не могло быть никакихъ сомнѣній,

именно вице-президента мадьярской Академіи графа Стефана Сечени, — того самаго Сечени, который въ обще-угорскомъ парламентѣ въ 1825 г. первый пожертвовалъ на учрежденіе Мадьярской Академіи Наукъ, — съ рѣчью, въ которой онъ предостерегалъ своихъ соплеменниковъ отъ увлеченій въ дѣлѣ распространенія мадьярскаго языка. 24 ноября 1842 г. графъ Сечени въ многочисленномъ собраніи въ Венгерской Академіи, прочелъ эту свою знаменитую рѣчь, донынѣ не нашедшую справедливой оцѣнки у мадьярскихъ историковъ. Михаилъ Хорватъ утверждаетъ, что Сечени, видя съ неудовольствіемъ паденіе своей прежней популярности, преслѣдовалъ свои личныя цѣли и въ сущности выступилъ противъ партіи Кошута и его органа Pesti Hirlap. Этотъ мадьярскій историкъ утверждаетъ, что самъ Сечени испугался похвалъ за свою рѣчь, полученныхъ имъ отъ различныхъ славянскихъ патріотовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, игнорируя факты, свидѣтельствующіе, къ какимъ насиліямъ прибѣгали Мадьяре ради скорѣйшаго омадьяренія всѣхъ пародностей Венгріи, старается объяснить поступокъ Сечени просто политическимъ недомысліемъ. Для этой его цѣли всего пригоднѣе оказались обвиненія Россіи и поддерживаемаго ею „панславизма“. Онъ съ особымъ удовольствіемъ передаетъ подробно содержаніе брошюры Весселени (Szózat a magyarés szláv nemzetiség ügyében, т. е. голосъ въ вопросѣ мадьярской и славянской національности), въ которой тотъ обвиняетъ Россію и ея восточную политику въ отпорѣ со стороны Славянъ и старается указать внутреннюю связь между русскими интересами и чешскими и иллирскими тенденціями. Тенденціозный историкъ этого времени жизни Венгріи очевидно хотѣлъ скрыть истинныя причины этого сильнаго выступленія Сечени противъ мадьярскихъ дѣятелей того времени [56]).

Въ дѣйствительности рѣчь Сечени направлена противъ крикуновъ и энтузіастовъ мадьярскаго патріотизма того времени, къ числу которыхъ принадлежалъ Кошутъ и его сторонники [57]). Но она проникнута такимъ спокойнымъ достоинствомъ и указываетъ такія стороны дѣятельности проповѣд-

никовъ мадьяризаціи, что по истинѣ заслуживала бы совершенно иной оцѣнки со стороны даже тенденціознаго историка мадьярскаго возрожденія. Личный элементъ остается въ ней въ тѣни, и, напротивъ того, Сечени поставилъ прямо вопросъ о томъ, можетъ ли продолжать свое существованіе мадьяризмъ, если онъ пойдетъ путемъ насилія, какимъ шелъ до той поры.

Защищая Академію, какъ учрежденіе, посвященное разработкѣ мадьярскаго языка, отъ нападокъ, будто самая цѣль Академіи непрактична, такъ какъ мадьярскій языкъ распространяется и развивается помимо Академіи, благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ, Сечени признаетъ, что „болѣе усердный мадьяринъ придаетъ внѣшности мадьярщины болѣе, чѣмъ сущности вещей". Этотъ преувеличенный патріотизмъ, объясняющійся тѣмъ, что Мадьяре испытали паденіе и забвеніе своего національнаго языка, приводитъ къ крайностямъ, вредящимъ народному дѣлу. Въ то время, какъ у другихъ народовъ придается важность самому дѣлу и сущности, причемъ не обращаютъ вниманія, откуда и въ какомъ видѣ приходитъ хорошее, мадьяре хотятъ все, малое и великое, облечь въ національный костюмъ, а то, что не является въ немъ, они презираютъ. Это крайнее предпочтеніе національнаго замѣчается и въ средѣ сочленовъ Академіи, предпочитающихъ новое, хотя бы темное выраженіе, лишь бы оно было мадьярское, и отказывающихъ въ правѣ гражданства самому ясному-чужому. Что же указываетъ это явленіе? спрашиваетъ Сечени. Онъ признаетъ и въ этомъ признаки жизненности мадьярской народности, какъ слѣдствіе „святаго энтузіазма, если не полезнѣйшаго, то во всякомъ случаѣ благороднѣйшаго изъ человѣческихъ мечтаній, которому Мадьяре обязаны тѣмъ, что донынѣ не упали до лишенной своихъ прирожденныхъ чертъ колоніи рабовъ". Но этотъ энтузіазмъ можетъ быть гибеленъ, такъ какъ онъ, переходя черезъ край и возбуждая страсти, вызываетъ противъ себя непримирную месть реакціи. Говорятъ о необходимости употребить всѣ средства и силы для обученія всѣхъ мадьярскому языку: „за-

говорятъ всѣ по мадьярски,—и спасено будетъ наше племя." Но, продолжаетъ Сечени: „говорить не значитъ чувствовать, бѣглость языка не влечетъ за собою ударовъ сердца, — такъ что говорящій по мадьярски, даже изящно, еще далеко не мадьяринъ". Онъ приходитъ къ выводу, что „тотъ святой энтузіазмъ" теперь не только „не поднимаетъ отечество", а, напротивъ того, даже „прямо его губитъ". Этотъ энтузіазмъ ослѣпилъ и юношество, и зрѣлыхъ людей: мѣры для омадьяренія, принимаемыя мадьярскими дѣятелями, вызываютъ и тѣхъ, кто обречены на эту судьбу, прибѣгать къ подобнымъ же мѣрамъ для самозащиты. Онъ возмущается неправдою обвиненія тѣхъ, кто защищаясь прибѣгаетъ къ тѣмъ же средствамъ, что́ и нападающій. „Въ мирномъ процессѣ преобразованія народностей, говоритъ онъ, гдѣ каждое, даже малѣйшее, насиліе вызываетъ реакцію, одна какая либо несправедливость рождаетъ тысячи мстителей,—побѣждаетъ же только превосходство духа и вѣчная правда. Объясняя, что онъ расходится, послѣ зрѣлаго и глубокаго обдумыванія о положеніи дѣлъ, съ существующими взглядами на то, какъ Мадьяре могутъ обезпечить силу своего языка и народность, графъ Сечени рисуетъ такую картину. Мадьяре спали глубокимъ сномъ, во время котораго забыли свой языкъ и потеряли свой національный типъ. Казалось, что они уже не поднимутся. Когда же они поднялись, мадьяризмъ представилъ обезображенный блѣдный видъ. Инымъ этотъ видъ былъ невыносимъ, и они предоставили отечество его судьбѣ. Но другіе имѣли въ себѣ достаточно силъ остаться мужами во время опасностей. Благодаря ихъ любви къ отечеству, мадьярское отечество постепенно оживлялось. Новое поколѣніе недовольно медленнымъ ростомъ мадьярскаго самосознанія, при сравненіи съ другими народами. „О, какъ мало насъ, стали говорить, невозможно намъ не расплыться въ большинствѣ Нѣмцевъ и Славянъ; слѣдовательно, нужно прежде всего распространять языкъ и народность". Графъ Сечени согласенъ съ этимъ, но задается вопросомъ: какъ это нужно дѣлать? ибо онъ не согласенъ съ путемъ, уже избраннымъ. „Меня никогда не ужасало, говоритъ онъ, наше малое

число, но я постоянно былъ болѣе всего озабоченъ нашей будущностью, такъ какъ матеріальныя и нравственныя качества нашего племени чрезвычайно *невѣски*. Въ этомъ лежитъ зло, и мы должны осилить эту горькую дозу самопознанія,— что не количество, но содержаніе составляетъ ось духовной силы, что наше существованіе не потому находится въ опасности, что насъ мало, а потому, что нашъ вѣсъ слишкомъ ничтоженъ“. Вся сила въ цивилизаціи. Въ борьбѣ тутъ не можетъ помочь обычная наступательная храбрость, но мужество остановить согражданъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Въ возрожденіи народа поэтому рѣдко помогаетъ энтузіазмъ, а часто напротивъ, онъ приноситъ только вредъ. Притягиваетъ къ себѣ та національность, которая обладаетъ богатствомъ цивилизаціи.

Утверждая, что новые мадьярскіе законы не требуютъ рѣшительно ничего больше, какъ замѣны мертваго латинскаго языка живымъ мадьярскимъ, графъ Сечени спрашиваетъ „главныхъ ревнителей отечества“, остаются ли они въ предѣлахъ этихъ законовъ или переходятъ ихъ. „Не навязывается ли силою мадьярское нарѣчіе со дня на день то тутъ, то тамъ тѣмъ учрежденіямъ и обществамъ, языкомъ которыхъ не былъ мадьярскій, такъ какъ онъ не есть языкъ ихъ членовъ. Во многихъ собраніяхъ, при многихъ торжествахъ развѣ въ угоду мадьярскому языку не былъ исключенъ, словно зараза, всякій другой языкъ? Сколь много проповѣдей были по приказанію произнесены передъ слушателями, большинство которыхъ не могли ихъ принять, какъ духовную пищу?“ Сечени смѣло намекалъ на насилія, къ которымъ прибѣгаютъ мадьяризаторы, и на всеобщую ревность мадьяризаціи, дошедшую до того, что кто хоть нѣсколько раскроетъ истинное положеніе дѣла, обвиняется даже въ измѣнѣ государству. „Бываютъ случаи, говоритъ Сечени, что не одинъ высокомнящій даже bona fide удивляется, почему, напр., Славянинъ не принимаетъ, какъ милость, того, что съ нимъ и для него намѣрены сдѣлать? А если онъ станетъ защищать свою кровь немного усерднѣе, что́ дѣлаютъ и столь многіе Мадьяре и въ

чемъ часто даже служатъ сильными примѣрами, то они ему этого рѣшительно не прощаютъ; они въ ярости кидаютъ прямо слѣдующее подозрѣніе: „все, что ты дѣлаешь для своей крови, только предлогъ, и у тебя на умѣ отпаденіе отъ общаго государства“. Мало писать законы, нужно и вызывать къ нимъ симпатіи. „Если кто не подчиняется закону, ему ненавистному, то его и постигнетъ строгость буквы закона,— это цѣли не достигаетъ, ибо это творитъ мученика въ жизни, а мученичество рождаетъ фанатизмъ“. Сечени такимъ образомъ признаетъ, что Мадьяре примѣняютъ совершенно иную мѣру въ отношеніяхъ къ Славянамъ, чѣмъ къ себѣ, хотя и сами только борются за спасеніе своей національности съ другими. Онъ далѣе признаетъ, что сами Мадьяре еще не обладаютъ такими качествами и не такъ еще цивилизованы, чтобы привлекать къ себѣ другихъ, и прямо отрицаетъ возможность омадьяренія насильственными средствами. Каждый народъ носитъ въ самомъ себѣ, въ своихъ дѣтяхъ „зерно жизни и славы или смерти и позора“, и совѣтуетъ своимъ соплеменникамъ искать спасенія народности въ „личныхъ добрыхъ качествахъ и духовномъ перевѣсѣ надъ другими“. Онъ считаетъ невозможнымъ ассимилировать Мадьярамъ другія народности путемъ чисто внѣшняго воздѣйствія. Онъ нападаетъ на всѣхъ кричащихъ о своемъ патріотизмѣ: „мадьярское слово еще не мадьярское чувство; быть мадьяриномъ не значитъ быть добродѣтельнымъ, и закутавшійся въ плащъ патріотизма—еще далеко не патріотъ“ и требуетъ отъ патріота мирной и трудолюбивой дѣятельности, которая одна только можетъ привлечь другія народности и укрѣпить положеніе мадьярской народности.

Такую же спокойную и умную дѣятельность онъ рекомендуетъ и членамъ Академіи. Заканчиваетъ онъ свою рѣчь характернымъ намекомъ на относительную бѣдность мадьярскаго языка, какъ бы признавая этимъ справедливость указаній Славянъ, что мадьярскій языкъ не можетъ требовать для себя у нихъ роли нѣмецкаго, вслѣдствіе своей бѣдности и необработанности. Онъ указываетъ на недостатокъ въ мадьяр-

скомъ языкѣ слова для выраженія понятія *мудрость* (Klugheit) и совѣтуетъ Академіи создать эту „мудрость".

Это было почти единственное мадьярское заявленіе, полное трезвыхъ мыслей, съ осужденіемъ пріемовъ мадьяризаторовъ народностей, живущихъ въ Венгріи. Такое неодобреніе возраставшаго шовинизма получило особенно важное значеніе въ виду того, что оно было сдѣлано выдающимся мадьярскимъ патріотомъ и дѣятелемъ. Оно какъ бы оправдывало оппозицію Хорватовъ въ парламентѣ и ихъ заботы о развитіи своей литературы и своего языка. Но оно осталось одинокимъ, и графъ Сечени, привлекшій къ себѣ сочувствіе славянскихъ дѣятелей того времени, подвергался лишь нападкамъ со стороны возраставшей тогда партіи Кошута, вскорѣ сдѣлавшагося почти деспотическимъ диктаторомъ общественнаго мнѣнія у Мадьяръ.

Но Сечени вполнѣ оправдывалъ введеніе мадьярскаго языка всюду, гдѣ донынѣ употреблялся языкъ латинскій, какъ языкъ оффиціальный. Этимъ онъ оправдывалъ и желаніе ввести мадьярскій языкъ въ уѣздныя собранія Хорватіи и хорватскій сеймъ, а также во всѣ оффиціальныя учрежденія [58]). До той поры латинскій языкъ служилъ связью между разнородными частями Венгріи,—одобреніе же замѣны его мадьярскимъ повсюду было равносильно мадьяризаціи всѣхъ учрежденій и въ Хорватіи.

Рѣчь Сечени мало помогла Хорватамъ, хотя въ извѣстной степени она побудила хорватскихъ патріотовъ рѣшительнѣе выступить съ требованіями, чтобы латинскій языкъ въ учрежденіяхъ Хорватіи былъ замѣненъ „иллирскимъ", введеннымъ въ изданіяхъ Гая. Какъ смотрѣло большинство Мадьяръ на положеніе Славянъ въ Венгріи, это кратко и ясно выражено въ одномъ изъ писемъ мадьярскаго дѣятеля Пульскаго къ чешскому графу Льву Туну [59]), которыми они обмѣнялись лишь нѣсколькими мѣсяцами раньше рѣчи Сечени. Графъ Тунъ спрашиваетъ: дозволяется ли Славянамъ въ Венгріи чувствовать себя Славянами и при томъ такъ, чтобы это чувство, на сколько оно имѣетъ силу, проникало ихъ нрав-

ственное и духовное развитіе. Пульскій замѣчаетъ на это, что въ Венгріи, кромѣ Венгровъ и Славянъ, живутъ еще Нѣмцы и Румыны, которые могутъ задать подобный же вопросъ и говоритъ: „если этотъ вопросъ долженъ обозначать только то, что нѣмецкіе, славянскіе и румынскіе обитатели Венгріи могутъ чувствовать себя отдѣленными частями тѣхъ народовъ, отъ которыхъ они происходятъ, что они къ нимъ исключительно обращаютъ свои симпатіи, что они считаютъ себя однимъ словомъ Нѣмцами, Славянами и Румынами на чужой землѣ, что Венгрія для нихъ только родина, что они рѣшенія всѣхъ дѣлъ ожидаютъ не изъ Пешта и Прессбурга, но изъ Вѣны и Берлина, изъ Праги и Петербурга, изъ Яссъ и Букурешта,—тогда я отвѣчаю рѣшительно: нѣтъ,—мы, Мадьяре, этого не дозволяемъ. Такое самоотреченіе было бы для насъ политическою ошибкой, самоубійствомъ и ближайшимъ послѣдствіемъ его было бы то, что при столкновеніи, которое едва ли возможно было бы избѣгнуть при паденіи одного сосѣдняго государства, Венгрія перестала бы существовать, какъ политическое цѣлое, такъ какъ ея части были бы поглощены нѣмецкими и славянскими провинціями Австріи, а отчасти бы отпали къ Сербіи и Валахіи, — непосредственно или посредственно къ Россіи“. Опасность онъ видитъ главнымъ образомъ въ славянскихъ симпатіяхъ къ Россіи и „апостолахъ панславизма“. На вопросъ, чего собственно желаютъ Мадьяре отъ Славянъ, Пульскій отвѣчаетъ весьма опредѣленно: „мы требуемъ отъ нихъ ничего больше, какъ того же, чего требуютъ Англичане отъ кельтскихъ жителей Валлиса и Шотландіи, нисколько не болѣе, чѣмъ Французы отъ Бретани и Эльзаса. Мы хотимъ, чтобы всѣ оффиціальные документы въ Венгріи, равно какъ и метрическія книги и протоколы конвентовъ велись на мадьярскомъ языкѣ, чтобъ языкомъ обученія былъ мадьярскій, что́ отчасти (въ протестантскихъ школахъ) уже въ теченіе этого года было проведено, однимъ словомъ, чтобы мадьярскій языкъ во всѣхъ отношеніяхъ вступилъ въ права латинскаго,—а славянскій можетъ довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое онъ зани-

малъ раньше,—въ *домашній* кругъ мадьярскій языкъ никогда не будетъ *насильственно* вводиться. Но что съ ростомъ образованія и этотъ кругъ постепенно станетъ мадьяриться, это вполнѣ естественно; ибо оффиціальная жизнь, органомъ которой служитъ мадьярскій языкъ, въ Венгріи проникаетъ столь глубоко во всѣ отношенія, что безъ всякаго давленія вводитъ мадьярскій языкъ во всѣ семейства, которыя мало-мальски живутъ въ соприкосновеніи съ таковыми отношеніями. Самый ревностный молодой Славянинъ обращается въ Мадьярина, если онъ адвокатъ; если же онъ дворянинъ, то онъ не можетъ остаться Славяниномъ, и такимъ образомъ объясняется удивительное явленіе, что только протестантское духовенство и профессора защищаютъ славянское дѣло въ верхней Венгріи, ибо они донынѣ еще въ большинствѣ комитатовъ не имѣютъ права голоса, которымъ владѣетъ католическій клиръ“ [60]).

Если столь опредѣленно относительно цѣлей мадьяризаціи выражались виднѣйшіе вожди народа того времени, то мадьярскіе историки прямо извращаютъ истину, утверждая, подобно Хорвату, что только чужеземныя вліянія могли вызвать отпоръ со стороны мадьярскихъ народностей, живущихъ въ Венгріи. Мадьяризаторы для оправданія своихъ дѣйствій принуждены были извращать исторію и доказывать, какъ напр. доказывалъ Стефанъ Хорватъ, будто Хорваты были покорены Мадьярами силою оружія и не имѣютъ правъ ни на какую самостоятельность [61]). Мадьяре не хотѣли признавать, что они составляютъ меньшинство въ Венгріи, а разъединеніе славянскихъ народностей и отсутствіе всякой солидарности между Славянами, Нѣмцами и Румынами доставило имъ силу. Эта система мадьяризаціи, столь опредѣленно выраженная Пульскимъ, продолжается въ Венгріи и нынѣ, съ тою разницею, что пріемы ея стали еще грубѣе.

Понятно, что въ Хорватіи все росъ протестъ противъ мадьярскихъ замысловъ. Въ началѣ 1843 г., всего черезъ полтора мѣсяца послѣ рѣчи графа Сечени, послѣдовало изъ Вѣны запрещеніе даже упоминать въ печати слова: иллиризмъ,

иллиры, иллирскій и т. д. въ смыслѣ тогда обычномъ. Теперь Хорваты убѣдились, что отстаиваніемъ правъ латинскаго языка въ Хорватіи они не могутъ защитить своей народности. Наступило крайнее время поднять вопросъ о введеніи „иллирскаго“ языка въ учрежденія и школы. Первымъ выступившимъ съ такимъ требованіемъ въ сеймѣ былъ молодой и начинающій въ ту пору писатель и патріотическій дѣятель Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій, оставившій военную службу въ 1842 г. для служенія своей народности на иныхъ поприщахъ. Но требовалось еще четыре года прежде чѣмъ хорватскій сеймъ рѣшился настаивать окончательно на замѣнѣ латинскаго языка — „иллирскимъ“.

Въ загребскомъ уѣздномъ собраніи Кукулевичъ 11 апрѣля 1843 г. произнесъ смѣлую рѣчь о цензурѣ, тогда весьма строгой, подъ руководствомъ цензора Мачика, преданнаго Мадьярамъ, не знавшаго хорошо „иллирскаго“ языка, и о значеніи иллирскаго имени. Кукулевичъ смѣло жаловался на цѣпи, которыя хотятъ наложить даже на духъ и мысли Хорватовъ: цензоръ диктаторски не допускалъ къ печати цѣлыя массы сочиненій, сдѣлавъ на нихъ лишь надпись: ad typum non admittitur, и Кукулевичъ требуетъ устраненія неслыханнаго деспотизма цензуры, не дозволяющей не только перепечатывать даже такихъ вещей, которыя уже напечатаны въ Вѣнѣ, Пештѣ и вообще въ Австріи, но даже ихъ цитировать. Нужно поставить цензора, который былъ бы родомъ изъ Хорватіи и хорошо зналъ мѣстный языкъ. Онъ требовалъ, наконецъ, чтобы была внесена въ сеймъ жалоба на цензора за то, что онъ, вычеркивая въ статьяхъ цѣлые отрывки изъ за одного слова *царь*, распускаетъ молву, будто бы Хорваты мечтаютъ о русскомъ царѣ и желаютъ гибели Австріи, и этимъ кидаетъ тѣнь сомнѣнія на вѣрноподданство Хорватовъ австрійскому императору [62]).

Въ засѣданіи сейма Тріединаго королевства, происходившемъ въ Загребѣ, Кукулевичъ 12 мая 1843 г. произнесъ новую рѣчь на „иллирскомъ“ языкѣ.

Это была первая рѣчь въ сеймѣ, произнесенная не на

латинскомъ языкѣ, а на живомъ нарѣчіи народа. „Знаю, говорилъ Кукулевичъ, что большинство изъ насъ, здѣсь собравшихся, не умѣетъ ни хорошо говорить, ни писать и читать на своемъ родномъ языкѣ. Гдѣ причина этого, какъ не въ томъ, что мы не пользуемся имъ въ общественной жизни и дѣлахъ? Мы свой языкъ оставляемъ только для домашняго обихода и для крестьянъ; въ оффиціальную жизнь мы ввели латинскій языкъ еще въ тѣ варварскія времена, когда во всемъ мірѣ онъ считался единственно образованнымъ и обработаннымъ; въ общество и въ семью съ теченіемъ времени вошелъ нѣмецкій и перемѣнилъ наши природныя свойства, а въ Приморьѣ эту же роль играетъ языкъ итальянскій. Что же мы достигли этимъ, какъ не того, что мы, отчудившись отъ себя самихъ, отдѣлились отъ своихъ сосѣднихъ единородныхъ братьевъ, и что многіе въ нашемъ народѣ не знаютъ, какой они народности, и какіе народы по происхожденію, крови и языку, принадлежатъ къ намъ". Обрисовавъ печальное положеніе своихъ соплеменниковъ, теряющихъ свои природныя свойства, Кукулевичъ отлично формулировалъ тогдашнее положеніе: „мы немного Латины, немного Нѣмцы, немного Итальянцы, немного Мадьяре и немного Славяне, а вмѣстѣ, говоря откровенно, мы дѣйствительно — *ничто*". Онъ хвалилъ Мадьяръ за ихъ твердость и согласіе въ стараніяхъ замѣнить мадьярскимъ языкомъ—латинскій и указывалъ на опасности, грозящіе Хорватамъ отъ ихъ внутренняго несогласія. Кукулевичъ видѣлъ, однако, что господствуетъ убѣжденіе, будто Хорваты никогда не добьются признанія за своимъ языкомъ значенія языка оффиціальнаго, языка сеймовъ и общества, но тутъ же онъ выразилъ увѣренность въ полномъ торжествѣ народнаго языка у Хорватовъ и Славонцевъ. Своей надеждѣ онъ находилъ оправданіе какъ въ томъ, что всѣ народы въ Европѣ подняли значеніе своего языка, такъ и въ идеѣ общности Славянъ. „Посмотримъ на сосѣдей, живущихъ съ нами подъ тѣмъ же австрійскимъ жезломъ,—каждый изъ нихъ: Нѣмецъ, Мадьяринъ и Итальянецъ поставили свой языкъ на первое мѣсто; лишь мы, кроткіе и покорные Славяне, которыхъ въ имперіи — 17

милліоновъ, лишь мы, трусливые Хорваты и Славонцы, не смѣшанные ни съ какимъ другимъ народомъ въ своемъ отечествѣ, боимся нашего языка, какъ какого-то страшилища"... „Мы— потомки тѣхъ предковъ, которые въ старыя времена свой языкъ на столько любили, что уже въ IX вѣкѣ исповѣдники обоихъ вѣроисповѣданій ввели его въ церковь и этимъ поставили рядомъ съ старѣйшими, греческимъ и латинскимъ, а въ своемъ отечествѣ его возвысили надъ ними; имъ это было очень трудно, но они своею твердостью побѣдили всѣ препятствія, и нынѣ большая часть нашего народа пользуется имъ въ церкви! Мы—сыновья матери Славы, которая населила своими дѣтьми весь міръ и которая глубоко приниженная нынѣ лежитъ во тьмѣ и лжи только потому, что угнетенъ языкъ ея потомковъ. Покажемъ-же, что мы достойны быть сынами такой матери, и что то, что угнетаетъ нашъ языкъ и насъ, мы желаемъ и хотимъ разрушить". Такъ энергически взывалъ Кукулевичъ въ борьбѣ за права народнаго языка, приглашая всѣхъ къ согласному и въ братскомъ единеніи дѣйствію. Онъ требовалъ, чтобы въ пунктѣ постановленія объ учрежденіи въ школахъ каѳедръ народнаго языка было внесено разъясненіе, что объ ихъ открытіи сеймъ хлопочетъ потому, что Хорваты, „надѣются со временемъ, по примѣру другихъ народовъ Европы, ввести свой языкъ въ общественную жизнь и дѣла и замѣнить мертвый живымъ" [63]).

Столь несмѣло и осторожно заявляли хорватскіе патріоты о правахъ своего языка въ Хорватіи и Славоніи въ ту пору, когда Мадьяре прямо требовали признанія не только правъ, но и господства для своего языка во всей Венгріи! Мало того, условія положенія въ Хорватіи были таковы, что требованія Кукулевича многимъ въ самомъ сеймѣ показались слишкомъ смѣлыми и рѣшительными. Самая рѣчь Кукулевича не могла появиться въ Загребѣ въ печати, вслѣдствіе давленія цензуры, и была напечатана въ хорватскомъ изданіи Branislav, которое издавалъ нѣкоторое время въ Бѣлградѣ Богуславъ Шулекъ, одинъ изъ главныхъ литературныхъ дѣятелей эпохи иллиризма.

На этомъ сеймѣ въ Загребѣ были выбраны представителями Хорватовъ въ засѣданія ближайшаго общеугорскаго сейма въ Пожунѣ: Карлъ Клобучаричъ, Германъ Бужанъ и Метеллъ Ожеговичъ, вполнѣ сочувствовавшіе иллирскому движенію и дѣятельности Гая. Отъ нихъ въ парламентѣ Мадьяре потребовали, чтобы они произносили рѣчи по мадьярски, и мѣшали имъ и запрещали говорить по латыни; тогда они обратились къ жупаніямъ и городскимъ представителямъ съ вопросомъ, какъ они должны поступить и получили указаніе, что и впредь они обязаны говорить только по латыни, а если бы Мадьяре имъ это воспретили, то они должны вернуться домой. Выяснилось одно: Хорваты рѣшились не признавать правъ оффиціальнаго языка за мадьярскимъ. Но не смотря на всѣ протесты хорватскихъ представителей, общеугорскій сеймъ 1843 г. постановилъ, что хорватскіе депутаты должны впредь говорить въ его засѣданіяхъ на мадьярскомъ языкѣ и что въ теченіе шести лѣтъ мадьярскій языкъ долженъ стать оффиціальнымъ въ Славоніи и Приморьѣ. Сверхъ того, было положено основать каѳедры мадьярскаго языка во всѣхъ училищахъ Хорватіи. Черезъ восемь лѣтъ всѣ хорватскія власти обязывались вести переписку съ учрежденіями во всей Венгріи исключительно по мадьярски, но и теперь принимать отношенія и акты, писанные на мадьярскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, единство и твердость дѣйствій со стороны мадьярскихъ патріотовъ давали полную силу ихъ требованіямъ, между тѣмъ, какъ Хорваты оказывались почти безсильными въ этой борьбѣ.

Эта борьба изъ за вопроса о правахъ мадьярскаго языка была искусно перенесена Мадьярами въ предѣлы самой Хорватіи. Между хорватскими магнатами и дворянами было немало такихъ, которые дорожа правами стараго дворянства, опасались народнаго движенія, начавшагося въ Хорватіи, какъ по преимуществу демократическаго. Часть стараго хорватскаго дворянства, помня о временахъ нѣмецкой централизаціи Іосифа II и о совмѣстной съ Мадьярами борьбѣ противъ Нѣмцевъ и ихъ культурнаго нашествія, предпочитала сохра-

нить связи съ Мадьярами, хотя бы жертвою значенія хорватскаго языка, котораго она въ добавокъ не знала, чѣмъ вступать въ договоры съ Вѣною. Между хорватскимъ дворянствомъ и магнатами нашлись и прямые измѣнники народному дѣлу, какъ графъ Александръ Драшковичъ, основатель мадьяронскаго клуба въ Загребѣ, или какъ Иванъ Непомукъ Эрдёди, запретившій въ засѣданіи вараждинской жупаніи, гдѣ онъ замѣщалъ великаго жупана, говорить рѣчи по хорватски, а въ парламентѣ заявившій, что онъ не Хорватъ, и что подъ короною Св. Стефана признаетъ одну только народность, именно мадьярскую,—Коломанъ Бедековичъ, Бриглевичъ и др. [64]), при томъ въ предѣлахъ Хорватіи нашлась цѣлая община, Турово-поле, имѣющая свои особыя права, сохранившіяся за нею отъ старины, которую Мадьяре искусно умѣли привлечь на свою сторону [65]). Туровопольцы, опираясь на свои права дворянства, дававшія имъ возможность участвовать въ сеймахъ, являлись массами на засѣданія сейма Тріединаго королевства въ Загребѣ и поддерживали мадьярскія требованія. Наконецъ, въ Хорватіи появились мадьярскіе агитаторы, подкупавшіе немущихъ членовъ сейма [66]).

Правда, дѣятельность Гая и Иллировъ въ это время достигала уже блестящихъ результатовъ. Одно за другимъ возникали патріотическія общества, читальни и т. д. „Иллирскія“ изданія распространили знаніе языка новой хорватской литературы, — постоянно увеличивалось число и патріотическихъ дѣятелей, и писателей. Но за то и обострялась вражда между партіями народной и такъ называемой мадьяронской. Дѣло вскорѣ стало доходить до кровавыхъ стычекъ между ними. Въ іюнѣ 1842 г. во время выбора лицъ на общественныя должности загребской жупаніи, народная партія, явившись въ національныхъ костюмахъ, разогнала мадьяронскую, а молодежь отказалась ходить на уроки мадьярскаго языка и торжественно сожгла учебники. Во время столкновенія были обнажены сабли, но до кровавыхъ стычекъ на этотъ разъ не дошло [67]). Эта партія умѣла провести своего человѣка въ великіе жупаны, — именно Николая Зденчая. Начались жалобы

и доносы, результатомъ которыхъ было назначеніе баномъ гр. Франца Галлера и удаленіе отъ этой должности замѣстителя банскаго достоинства епископа Гавлика. Во время торжественнаго въѣзда новаго бана въ Загребъ графъ Альбертъ Нудженть сталъ во главѣ массы депутатовъ, одѣтыхъ въ народный костюмъ, а самъ ѣхалъ на конѣ одѣтый въ платьѣ народнаго покроя съ красною шапочкою на головѣ, какъ одѣвались „Иллиры". На его знамени были написаны слова: „я рѣшился" (odlučio sam), — девизъ Иллировъ.

Въ началѣ 1843 г., какъ мы выше сказали, самое упоминаніе словъ: Иллиры, иллирскій—было запрещено, но это не успокоило партій, которыя стали, напротивъ того, вести борьбу еще болѣе ожесточенную. 9 декабря 1843 г. произошло въ Загребѣ новое столкновеніе между народною партіею и мадьяронами, которые привели на засѣданіе собранія загребской жупаніи Туропольцевъ. На этотъ разъ оно приняло уже кровавый характеръ: одинъ человѣкъ изъ партіи народной былъ убитъ и нѣсколько ранено. Но эти столкновенія двухъ враждебныхъ лагерей приняли окончательно воинственный характеръ въ 1845 г. Готовилось собраніе загребской жупаніи для новаго выбора должностныхъ лицъ. Каждая изъ двухъ партій хотѣла провести своихъ кандидатовъ. Явившіеся цѣлою массою Туропольцы вѣрно служили мадьяронамъ и своими 570 голосами дали 29 іюля перевѣсъ при выборѣ жупана мадьяронскому кандидату Іосифу Жувичу надъ народнымъ Бенкою Лентулаемъ. Это повело къ кровавому столкновенію, и Туропольцы вмѣстѣ съ войсками стали стрѣлять въ сторонниковъ партіи иллирской. Было убито 16 человѣкъ, между которыми было нѣсколько видныхъ лицъ и много ранено [68]). Это столкновеніе было предвѣстіемъ движенія 1848 г.

Мадьяронская партія, послѣ этого столкновенія, почувствовала себя сильною. Въ засѣданіи жупаніи 6 августа она сдѣлала нѣсколько постановленій, касавшихся языка и даже орѳографіи. Между прочимъ, было рѣшено, чтобы всѣ фамильныя прозванія писались старою, т. е. мадьярскою орѳо-

графіею, а не новою иллирскою. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановили жаловаться правительству на патріотическое направленіе газеты Гая и требовать закрытія иллирской типографіи. Эти вопросы были рѣшены по преимуществу голосами Туропольцевъ, между которыми почти не было умѣющихъ читать и писать [69]).

Въ Вѣнѣ однако пожелали сдержать мадьяронство, и въ загребскомъ сеймѣ собравшемся 1845 г. былъ объявленъ королевскій указъ объ ограниченіи правъ Туропольцевъ являться на сеймы массами и принимать участіе въ голосованіи. Тогда хорватскіе патріоты громче и смѣлѣе заговорили въ засѣданіяхъ сейма. Было между прочимъ, рѣшено просить о возстановленіе особаго хорвато-славонскаго, намѣстническаго совѣта (Consilium Regium Croatico-Slavonicum), учрежденнаго Маріей Терезіей въ 1767 г. и уничтоженнаго въ 1779. Это рѣшеніе было вызовомъ, брошеннымъ Мадьярамъ, и Кошутъ объявилъ, что Хорватія стремится къ окончательному отдѣленію отъ Венгріи. По вопросу объ учрежденіи такого особаго управленія Хорватіей и Славоніей особенно сильно дѣйствовалъ Кукулевичъ еще въ 1844 г., говорившій объ этомъ на собраніи вараждинской жупаніи [70]).

Загребскій сеймъ 1845 г. уже энергически заботится о подъемѣ значенія хорватскаго языка. Онъ постановилъ просить о скорѣйшемъ учрежденіи ученаго общества, объ открытіи всюду каѳедръ „національнаго“ языка и литературы, о преподаваніи древняго періода хорватской исторіи до времени соединенія Хорватіи съ Венгріей, и особенно настойчиво о назначеніи впредь цензора изъ мѣстныхъ уроженцевъ и при томъ хорошо знающаго „національный языкъ“ [71]).

Иллиризмъ и дѣятельность Гая сдѣлали свое дѣло: духъ народный былъ возбужденъ, и дни господства латинскаго языка въ Хорватіи и Славоніи были сочтены. Приближалось движеніе 1848 г. низвергнувшее весь старый строй Австріи,— и въ Хорватіи наконецъ было сломлено господство латинскаго жаргона, выработаннаго вѣковымъ обычаемъ. 23 октября 1847 г. въ засѣданіи сейма Хорватіи и Славоніи Кукулевичъ

произнесъ пламенную рѣчь о введеніи народнаго языка во всѣ училища и во всѣ учрежденія вмѣсто латинскаго. Выступили и другіе ораторы по этому вопросу. Единогласно было принято согласное съ этимъ рѣшеніе. Засѣданія происходили подъ предсѣдательствомъ епископа Гавлика, назначеннаго замѣстителемъ банскаго достоинства, послѣ удаленія Галлера. Это постановленіе сейма было принято восторженно: посыпались цвѣты и букеты на депутатовъ, въ театрѣ было устроено особое торжественное представленіе въ честь этого дня. При этомъ было рѣшено, чтобы „иллирскій" языкъ сталъ дипломатическимъ, т. е. вполнѣ замѣнилъ латинскій, какъ въ сеймѣ, такъ и въ оффиціальныхъ сношеніяхъ [72]). Протоколъ этого сейма былъ послѣдній на латинскомъ языкѣ. Такъ съ паденіемъ господства латинскаго языка въ Хорватіи были вмѣстѣ окончательно сломлены старанія замѣнить его мадьярскимъ. Побѣда оказалась на сторонѣ живаго, народнаго языка, при томъ объединившаго провинціальныхъ Хорватовъ со Славонцами, Сербами и Далматинцами, побѣда крайне важная для юго-славянскаго запада и имѣвшая большія послѣдствія въ судьбѣ хорватской народности.

Мы вкратцѣ обозрѣли главные моменты политической борьбы Хорватовъ за права своего языка. Но кто могъ поднять этотъ языкъ изъ его вѣковаго забвенія? Кто былъ настолько одаренъ духовными силами, чтобы побороть всѣ почти непреодолимыя препятствія, стоявшія на пути развитія національной литературы у Хорватовъ? Какія силы дали возможность преобразователямъ хорватской словесности устоять въ борьбѣ съ мадьярскою государственностью и вѣнскою централистическою политикою, устоять до конца защитникамъ хорватской литературы? Какими путями шло это возрожденіе народа въ литературѣ? Вотъ вопросы, которые необходимо поставить, при освѣщеніи времени иллиризма.

ГЛАВА II.

Очеркъ положенія литературы въ Хорватіи, Славоніи и Далматіи до Иллиризма.

Паденіе литературной дѣятельности въ Хорватіи, Славоніи и Далматіи. — Загребскій епископъ Верховецъ и его посланіе духовенству о собираніи народныхъ пѣсенъ, сказокъ и речсній. — Замыслы Михановича. — Ѳома Миклоушичъ и его литературная дѣятельность. — Комедіи: „Матвѣй, Грабанціашъ дьякъ" и „Любомировичъ". — Яковъ Ловренчичъ. — Комедія Вукотиновича и Раковца. — Дѣятельность Игнатія Кристіановича. — Другіе писатели этой эпохи. — Шпорерь-Матичъ и его „Иллирскій альманахъ". — Печальное положеніе словесности у кайкавцевъ-Хорватовъ.

Въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія литература въ Хорватіи, Славоніи и Далматіи находилась въ крайнемъ упадкѣ. Правда, были любители, собиравшіе словари и составлявшіе историческія повѣствованія о прошломъ Иллиріи на латинскомъ языкѣ, но это былъ интересъ археологическій къ остаткамъ старины, почти безъ надежды на возможность воскрешенія языка и литературы народа, словно обреченнаго на жертву другимъ болѣе сильнымъ своимъ сосѣдямъ. Если въ началѣ XIX вѣка появилось нѣсколько книгъ на народномъ языкѣ или, точнѣе, на народныхъ нарѣчіяхъ Хорватіи, Славоніи и Далматіи, то это были главнымъ образомъ изданія церковныя и книги религіознаго содержанія, а ихъ авторы были духовныя лица, стоявшія ближе другихъ къ народной массѣ. Даже столь обычныя въ ту пору витіеватыя, искусственныя оды на всевозможные случаи,

при нелегкомъ чтеніи которыхъ приходится удивляться трудолюбію и настойчивости ихъ авторовъ и сожалѣть о безсодержательности ихъ произведеній, значительно чаще писались на латинскомъ языкѣ, чѣмъ на томъ или другомъ діалектѣ, употреблявшемся въ Хорватіи, Славоніи и Далматіи. Въ Далматіи, славившейся въ прошлые вѣка своими учеными и писателями, послѣ паденія Дубровника, почти совершенно прекращается литературная жизнь. Самый языкъ писателей, дерзавшихъ писать по славянски, теряетъ свое опредѣленное имя: онъ чаще всего называется naški, т. е. *нашимъ*, употребительнымъ въ данномъ округѣ.

Оживленіе чувства народнаго самосознанія началось у юго-западнаго славянства со времени завоеванія Наполеономъ I Далматіи. Французское управленіе въ Далматіи и затѣмъ въ Крайнѣ, или „Иллирскихъ провинціяхъ“, принесло въ отношеніи пробужденія любви къ живому языку народа весьма большую пользу. Заводятся народныя школы съ мѣстнымъ языкомъ преподаванія, въ гимназіяхъ преподается нарѣчіе населенія, въ Задрѣ и Люблянѣ основываются газеты на мѣстныхъ языкахъ, правительственные акты и распоряженія переводятся на славянское нарѣчіе и текстъ славянскій печатается рядомъ съ французскимъ. Тогда же возникаютъ заботы объ упорядоченіи орѳографіи и принятіи однообразныхъ грамматическихъ формъ: такъ въ 1812 г. вышла въ Тріестѣ Иллирская грамматика Симеона Старчевича [1]) для потребностей и обученія „военной молодежи“, изъ которой Французы составляли свои иллирскіе полки. Если однако назвать нѣсколько одъ, написанныхъ на хорватскомъ, славонскомъ и далматинскомъ нарѣчіяхъ Миклоушичемъ, Антономъ Михаличемъ, Хорватовичемъ, Іосифомъ Михаличемъ, Титомъ Брезовачкимъ, Маркомъ Ивановичемъ, загребскимъ епископомъ Верховцемъ и нѣкоторыми, весьма немногими, другими, нѣсколько драматическихъ пьесъ Тита Брезовачкаго, Чеваповича, представленныхъ на ученической сценѣ въ духовныхъ семинаріяхъ клириками, посмертное изданіе Езоповыхъ басенъ (въ Осѣкѣ въ 1809 г.) Антона Рельковича, нѣсколько переводовъ прак-

тически полезныхъ и церковныхъ книгъ,—то этимъ почти исчерпывается вся литература первыхъ двухъ десятилѣтій текущаго столѣтія этой части славянскаго юга. Такъ какъ почти всѣ авторы и писатели принадлежали къ числу духовныхъ лицъ, то церковный и религіозный элементъ занималъ въ произведеніяхъ этой словесности самое видное мѣсто. Даже большинство одъ, вышедшихъ въ первыя три десятилѣтія текущаго вѣка, посвящено духовнымъ лицамъ, по случаю ихъ назначеній, повышеній, посѣщенія различныхъ праздниковъ и т. д.

Такимъ образомъ, въ то время, когда и на западно-славянскомъ югѣ стала проникать въ общественное сознаніе идея народности, весь образованный классъ не имѣлъ тамъ почти ничего для чтенія на народномъ языкѣ. Какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ обществѣ господствовала испорченная латынь и распространялось знаніе нѣмецкаго языка.

Феодальный строй жизни въ Хорватіи выдвигалъ на первое мѣсто только дворянство и отчасти духовенство, а высшій классъ хорватскаго народа, и безъ того стоявшій особнякомъ отъ народа, казалось, окончательно порвалъ всѣ связи съ народною массою. Историкъ Хорватіи утверждаетъ, что хорватская аристократія читала въ ту пору Вольтера и французскихъ писателей, предшественниковъ революціи 1789 года [2]). Но это знакомство съ французскою литературою отчасти содѣйствовало пробужденію живаго народнаго самосознанія и въ этомъ классѣ населенія, первоначально отстаивавшемъ отъ Мадьяръ только свои права нѣкоторой независимости и не думавшемъ о хорватскомъ народѣ и его языкѣ.

Къ дворянству примыкало духовенство, особенно высшее. Оно пользовалось латынью и мало обращало вниманія на подъемъ образованія народной массы. Лишь низшее духовенство, стоя близко къ народу, знало его языкъ и само становилось народнымъ,—по крайней мѣрѣ нѣкоторые его члены являлись поборниками мысли о поднятіи значенія народнаго языка. Но въ концѣ XVIII вѣка на вліятельной каѳедрѣ загребскаго епископа былъ епископъ Максимиліанъ Верховецъ, который покровительствовалъ изученію и подъему народнаго языка. Онъ

былъ сынъ капитана Алексѣя Верховца и сначала готовился къ военной службѣ (родился 23 ноября 1752 г.). Сначала онъ учился въ Градцѣ въ латинскихъ школахъ. Почувствовавъ затѣмъ влеченіе къ духовному сану, онъ поступилъ въ загребскую духовную семинарію, перешелъ затѣмъ въ Вѣну въ хорватскій коллегій и, какъ лучшій воспитанникъ, былъ посланъ для окончанія наукъ въ Болонію, гдѣ слушалъ курсы въ университетѣ и получилъ степень доктора философіи. Въ 1775 году онъ принялъ санъ священника, и 1 января 1776 г. служилъ такъ называемую „молодую миссу“, т. е. первую обѣдню. Когда при Іосифѣ II были закрыты многія семинаріи при епископскихъ каѳедрахъ, онъ, какъ выдающійся по образованію и дарованіямъ, былъ назначенъ ректоромъ загребской семинаріи, а въ 1785 г. сталъ каноникомъ загребскаго капитула и въ 1788 г. вступилъ на епископскую загребскую каѳедру, на которой и оставался до своей кончины (16 декабря 1827 г.) [3]).

Епископъ Верховецъ интересовался судьбами хорватскаго языка и впослѣдствіи даже заботился объ установленіи единства правописанія. Еще въ 1796 г., издавая одну церковную книгу (Rituale Romano-Zagrabiense), онъ вноситъ въ нее и тексты на штокавскомъ и кайкавскомъ нарѣчіяхъ [4]).

Хорватскіе писатели до времени дѣятельности Людевита Гая и примѣненія чешской системы орѳографіи, писали самымъ разнообразнымъ способомъ. Можно сказать, что не было никакихъ орѳографическихъ правилъ, что особенно было чувствительно для начинающей только жить словесности, не избравшей еще одного нарѣчія и пользовавшейся латиницей, бѣдной знаками для выраженія богатства славянскихъ звуковъ. Одинъ изъ хорватскихъ ученыхъ прослѣдилъ „хорватскую“ орѳографію съ 1495 до 1830 г. и представилъ полное разнообразіе въ выраженіи самыхъ простыхъ звуковъ, столь просто и удобно отмѣчаемыхъ кирилловскими знаками [5]). Нерѣдко одинъ и тотъ же писатель различно писалъ одно и тоже слово [6]). До какого разнообразія доходило обозначеніе такихъ звуковъ, какъ š, č, ć, ž, можетъ свидѣтельствовать то, что š

и č имѣли по 22 различныхъ обозначенія, а ć и ž — по 18. Въ формахъ и вообще языкѣ не было никакого единства. Славонцы писали ближе къ штокавскому или сербскому нарѣчію, Хорваты (провинціальной Хорватіи) на мѣстномъ кайкавскомъ, а Далматинцы по разнымъ мѣстамъ вносили свои особенности въ старый дубровницкій стиль.

Между явленіями, относящимися къ этому времени, свидѣтельствующими о началѣ новаго поворота въ исторіи хорватской письменности, выдается посланіе загребскаго епископа Максимиліана Верховца къ подчиненному ему духовенству, проникнутое пониманіемъ потребности изученія и народнаго быта, и народнаго языка. Это посланіе хорватскаго епископа почти совпадаетъ по времени съ выходомъ въ Вѣнѣ книжки Караджича: „Мала простонародна славено-сербска песнарица“ (въ 1814 г.), но возникло совершенно независимо. Посланіе Верховца помѣчено 26 іюня 1813 года и написано на латинскомъ языкѣ, „Языкъ иллирскій, хотя разбросанный среди стольхихъ народовъ, — такъ начинается посланіе,—различно произносится, однако повсюду въ словахъ и выговорѣ сохраняетъ чистоту и красоту, а въ выраженіи особыхъ понятій и сужденій обладаетъ разнообразіемъ, изяществомъ, обиліемъ и пріятностью, — и не смотря на разнообразіе частныхъ нарѣчій и примѣсь чужестранныхъ словъ, въ немъ сохраняется большое богатство чистыхъ реченій“. Указывая далѣе на то, что существуютъ собранія хорватскихъ и славонскихъ словъ, пѣсни и печатныя книги, Верховецъ перечисляетъ важнѣйшіе труды по хорватскому и словенскому нарѣчіямъ, начиная съ словаря Габделича (1670 г.). „Эти труды сдѣлали то, говоритъ онъ, что отечественный языкъ постепенно получаетъ силу и красоту“. Но не смотря на это, многихъ реченій и словъ недостаетъ и нѣтъ еще классическихъ писателей. Поэтому онъ полагаетъ, что еще много богатствъ „иллирскаго языка“ скрыто въ живомъ пользованіи сельскаго духовенства и простаго народа. Это богатство языка должно быть раскрыто и сохранено. Оно относится и къ отдѣльнымъ словамъ или вновь „открытымъ“ и получающимъ новое необычное значе-

ніе, и къ пословицамъ, которыми богаты славонское и хорватское нарѣчія, и къ пѣснямъ, которыя важны не только по своему содержанію, но и потому, что показываютъ количество слоговъ и природу языка. — „Принимая во вниманіе, что иллирскій языкъ служитъ многимъ въ утѣшеніе, что на немъ съ каждымъ днемъ пишется все болѣе, и что можно надѣяться, что образующееся въ послѣднее время въ Вѣнѣ общество ученыхъ людей для изученія и обработки нарѣчій иллирскаго языка подниметъ его до высокой степени процвѣтанія, и для того, чтобы его обиліе, красота и добрыя качества могли глубже быть изслѣдованы, сохранены и увеличены, а также чтобы чистота словъ, исключающая все чужое, и красота языка могла быть поднята до изящества, свойственнаго нынѣ другимъ языкамъ, — я призываю васъ, побуждаю и прошу, чтобы спеціальныя хорватскія или славонскія слова, пословицы и народныя пѣсни, собранныя уже вами для себя, а также и тѣ, которыя будутъ собраны, вы послали мнѣ какъ можно скорѣе“. Опредѣляя ближе цѣли этого собранія словъ и пословицъ, Верховецъ указываетъ, что и теперь многіе собираютъ и записываютъ слова и техническія выраженія по спеціальности (богословскія, юридическія и т. д.), и проситъ подчиненное ему духовенство: 1) записывать не только оригинальныя (proprіа) слова, постоянно употребляемыя у народа при земледѣльческихъ и иныхъ работахъ, но и отмѣтить стилистическое употребленіе прилагательныхъ при именахъ существительныхъ, нарѣчій при глаголахъ и присоединить объясненіе и толкованіе такихъ словъ и выраженій; 2) собирать пословицы и поговорки; 3) записывать всякаго рода хорватскія и славонскія пѣсни, причемъ объяснить, насколько возможно, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ онѣ составлены; 4) отмѣтить и записать заглавія старыхъ книгъ, находящихся въ приходскихъ библіотекахъ, а болѣе рѣдкія изданія прислать къ нему. Всякій, кто постарается содѣйствовать познанію свойствъ и произведеній хорватскаго или славонскаго языка, служащихъ для его обогащенія, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ содѣйствовать блеску отечественнаго языка. Всѣ эти свѣдѣнія Верховецъ проситъ

присылать къ нему и выражаетъ надежду, что собранное можно будетъ напечатать [7]).

Этотъ призывъ патріота-епископа не встрѣтилъ однако надлежащаго отклика среди духовенства, и хотя впослѣдствіи въ латинскихъ одахъ и хорватскихъ рѣчахъ въ честь епископа Верховца и восхвалялась его любовь къ народу и народному языку, однако онъ не получилъ просимыхъ имъ свѣдѣній. Среди западныхъ юго-славянъ мало еще понимали значеніе изученія народной словесности. Вспомнимъ, что собраніе пѣсенъ и пословицъ Вука Караджича и среди Сербовъ, возродившихся въ смыслѣ національномъ ранѣе Хорватовъ, не сразу нашло полное сочувствіе. Впослѣдствіи, во время борьбы за языкъ ново-сербской литературы, языкъ сербскихъ народныхъ произведеній получилъ даже имя „говедарскаго" отъ нѣкоторыхъ сторонниковъ и защитниковъ такъ называемой Славено-Сербской школы. У Хорватовъ, у которыхъ католическая вѣра и историческія преданія какъ бы освятили латинскій языкъ, и даже у Словенцевъ, имѣвшихъ уже въ концѣ прошлаго столѣтія такого дѣятеля, какъ Водникъ, долго не придавали надлежащаго значенія народному творчеству. Еще въ 1833 г. Словенецъ Ахацель, издавая свои Pesme po Koroshkim ino Stajarskim, переправлялъ народныя пѣсни по своему и составлялъ ихъ самъ. Ахацель называетъ чисто-народныя пѣсни „безстыдными, грязными, шутовскими, которыя самъ чертъ выбросилъ изъ ада на свѣтъ черезъ своихъ помощниковъ и разсѣялъ между людьми, какъ куколь среди пшеницы". Шафарикъ тогда же возмущался подобными сужденіями и побуждалъ Словенцевъ приняться за собраніе и изданіе народныхъ пѣсенъ [8]). Но посланіе Верховца указало Хорватамъ, гдѣ нужно искать помощи для оживленія словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ народности. Можно сказать, инстинктивно стали понимать какъ пользу изученія живаго народнаго языка, такъ и необходимость возстановить прерванныя связи съ прошедшимъ.

Блестящій періодъ дубровницкой словесности былъ почти совершенно забытъ въ Хорватіи, самыя имена писателей той

эпохи не были извѣстны. Первый изъ Хорватовъ обратилъ вниманіе на дубровницкую словесность Антонъ Михановичъ. Онъ пріобрѣлъ въ Венеціи рукопись „Османа", поэмы Гундулича, и въ 1818 г. возъимѣлъ намѣреніе ее напечатать. Съ этою цѣлью онъ обратился съ приглашеніемъ къ подпискѣ, написаннымъ на латинскомъ и хорватскомъ языкахъ, въ которомъ говоритъ, что слѣдовало бы издать многое изъ старой хорватской словесности, оставшейся отъ дѣдовъ. Но эта попытка Михановича, впослѣдствіи составившаго прекрасное собраніе кирилловскихъ рукописей, не встрѣтила въ ту пору сочувствія, ибо изданіе этой поэмы не состоялось [9]).

Къ тому же времени относится и новая попытка основать газету на хорватскомъ языкѣ. Это была уже третья попытка. Тотъ же Михановичъ получилъ въ 1818 г. разрѣшеніе на изданіе газеты: Oglasnik ilirski. Тутъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ общества патріотовъ Хорватовъ, по преимуществу молодыхъ врачей, и имѣлъ даже покровительство властей. Редакторомъ этой газеты долженъ былъ быть Шпореръ, впослѣдствіи писавшій подъ именемъ Матича [10]). Изданіе не состоялось и на этотъ разъ [11]).

Но все же въ общественномъ сознаніи укрѣплялась мысль, что приближается конецъ господству латинскаго языка въ Хорватіи, и что является необходимость развить употребленіе живаго народнаго языка и создать на немъ новую литературу. Первымъ сильнымъ отголоскомъ этого была брошюра Михановича, вышедшая въ Вѣнѣ въ 1815 г. подъ заглавіемъ: „Слово отечеству о пользѣ писанія на родномъ языкѣ". Она написана на хорватскомъ провинціальномъ нарѣчіи [12]). Михановичъ въ ней поднимаетъ голосъ противъ господства латинскаго языка въ Хорватіи. Призывая своихъ земляковъ говорить и писать на родномъ языкѣ, Михановичъ самое развитіе греческаго и латинскаго языковъ объясняетъ тѣмъ, что Греки и Римляне любили и цѣнили свой языкъ. Онъ хорошо понималъ всю неприложимость образовъ и выраженій классическаго Рима къ опредѣленію современныхъ отношеній хорватской жизни. Это былъ первый въ Хорватіи протестъ противъ псев-

доклассицизма, господствовавшаго не только въ латинскихъ рѣчахъ и одахъ хорватскихъ писателей, но отражавшагося даже въ церковныхъ проповѣдяхъ („говореніяхъ“). Михановичъ хвалитъ старанія тѣхъ, кто пишетъ на народномъ языкѣ. „Въ немъ одномъ только возможно испытать свои силы, развить ихъ свободно и узнать въ тоже время тайны греческихъ и римскихъ мудрецовъ. Будемъ учиться чувствовать, понимать и думать такъ, какъ они чувствовали, понимали и думали“. Онъ указываетъ на примѣръ исторіи народовъ, свидѣтельствующей, что первое основаніе просвѣщенія можетъ быть положено только на народномъ языкѣ и видитъ самое главное препятствіе и помѣху развитію народной литературы у Хорватовъ въ томъ, что языкомъ общественныхъ дѣлъ и школы — языкъ, совершенно отличный отъ отечественнаго, народнаго. Съ болью онъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе господства латинскаго языка „самое имя народа, занимающаго столь большое мѣсто въ Европѣ, мало извѣстно, а народный языкъ такъ запущенъ, что и знающіе его стыдятся говорить на немъ“. Онъ справедливо укоряетъ тѣхъ, которые отказываются писать на родномъ языкѣ, потому что онъ не имѣетъ достаточно словъ и обработанныхъ выраженій. „Итальянскій, французскій, англійскій и нѣмецкій языки, говоритъ онъ, никогда не достигли бы той высоты, совершенства и красоты, которыми нынѣ они славятся, если бы друзья отечества не стали заботиться объ очисткѣ ихъ только потому, что начало тяжело и неблагодарно“.

При самомъ началѣ дѣятельности Гая, Михановичъ принималъ участіе въ его изданіяхъ, и одна изъ его пѣсенъ (Liepa naša domovina) стала любимымъ хорватскимъ гимномъ [13]).

Между предшественниками иллиризма и писателями до-Гаевской эпохи, особенно выдается Ѳома Миклоушичъ. Онъ можетъ быть названъ главнымъ и лучшимъ писателемъ кайкавской хорватской литературы до Гая [14]). На всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ яркая печать патріотизма и заботы о развитіи литературы на языкѣ народномъ. Миклоушичъ не только самъ писалъ по хорватски, но издавалъ хорватскія произ-

веденія своихъ предшественниковъ и современниковъ, какъ Тита Брезовачкаго, Матіи Яндрича, Юрія Павлинича и другихъ. По латыни онъ написалъ нѣсколько одъ по разнымъ поводамъ [15]) и издалъ въ 1796 году объясненіе хорватскихъ словъ при изученіи латинской грамматики по Альвари [16]). И въ его латинскихъ одахъ господствуетъ народный и патріотическій духъ, чѣмъ онѣ отличаются отъ другихъ произведеній этого рода, имъ современныхъ.

Ѳома Миклоушичъ родился въ Яскѣ (округѣ Ястребарскомъ) 25 октября 1767 г. Онъ сначала учился въ Загребѣ, а затѣмъ въ Пештѣ въ высшей духовной семинаріи. Вернувшись на родину въ 1790 г., онъ сталъ законоучителемъ въ одномъ изъ загребскихъ училищъ, а въ 1791 г. принялъ священство и сталъ помощникомъ приходскаго священника (kapelan) на своей родинѣ и затѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Съ 1795 по 1805 г. онъ былъ профессоромъ въ загребской архигимназіи, гдѣ сначала преподавалъ грамматику, а затѣмъ поэтику. Въ 1805 г. онъ сталъ приходскимъ священникомъ сначала въ Пущѣ, а затѣмъ въ Стеньевцѣ вблизи Загреба и незадолго до своей кончины перешелъ на приходъ на родину въ Яскѣ (въ 1831 г.), гдѣ и умеръ 7 января 1833 г. Миклоушичъ не получилъ широкаго образованія: хорватскія школы того времени не могли дать его, а продолжать образованіе за границею Миклоушичъ не имѣлъ средствъ и возможности. Но онъ выдавался своею неутомимою энергіею и крайнею любовью къ народному языку и литературнымъ занятіямъ. Когда епископъ Верховецъ задумалъ издать переводъ священнаго писанія на кайкавско-хорватскомъ нарѣчіи, онъ приглашалъ къ этому труду Миклоушича. Кукулевичъ, сообщая біографическія данныя о Миклоушичѣ, замѣчаетъ, что онъ не имѣлъ надлежащей богословской подготовки для этого труда. За смертью Верховца это предпріятіе не осуществилось [17]).

Миклоушичъ написалъ и издалъ много различныхъ сочиненій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ: по сельскому хозяйству (о способахъ лучше сохранять картофель), по медицинѣ (о вѣрномъ

способѣ лѣченія отъ укушенія бѣшеныхъ животныхъ), много книгъ церковнаго и нравоучительнаго содержанія и т. д. Нѣкоторыя его сочиненія остались ненапечатанными и сохранились въ рукописи. Онъ былъ, можетъ быть, единственнымъ человѣкомъ, который хорошо понялъ призывъ епископа Верховца, и между его рукописями осталось собраніе народныхъ пѣсенъ, сдѣланное имъ, очевидно, для Верховца. Тѣмъ же откликомъ на призывъ Верховца служитъ самое лучшее изъ сочиненій Миклоушича: Izbor dugovanyh vszakoverztnéh (Выборъ повѣствованій всякаго рода), вышедшее въ 1821 году, представляющее своего рода хорватскую народную энциклопедію. Въ этой книгѣ онъ вкратцѣ излагаетъ исторію Хорватовъ и даетъ краткій очеркъ исторіи хорватской литературы. Миклоушичъ предполагалъ также издать словарь и грамматику хорватскаго языка, но не исполнилъ своего намѣренія [18]).

До Миклоушича интересовался хорватскою литературою Адамъ Алоизій Баричевичъ, бывшій священникомъ въ Загребѣ и Бердовцѣ. Баричевичъ писалъ по латыни и пользовался славою ученаго за предѣлами Хорватіи. Онъ былъ членомъ Петербургской, Неаполитанской и Туринской Академій Наукъ и велъ обширную переписку со многими учеными въ различныхъ городахъ Европы. О немъ знала Екатерина II, отъ которой онъ получилъ золотую медаль и собраніе русскихъ книгъ. Баричевичъ издалъ сочиненіе Микоци: Otiorum Croatiae liber unus. Между его сочиненіями есть одно посвященное хорватской литературѣ, написанное по латыни.

Сочиненіе Миклоушича: „Выборъ повѣствованій всякаго рода для пользы и увеселенія служащихъ“ [19]) — дѣлится на слѣдующія главы: 1) О началѣ славянскаго народа и его правителяхъ; 2) о грамматикахъ, писателяхъ и книгахъ хорватской страны; 3) о хозяйствѣ и различныхъ домашнихъ нуждахъ; 4) изреченія хорватскія. Въ послѣдней главѣ Миклоушичъ помѣстилъ собраніе различныхъ поговорокъ, пословицъ и изреченій, преимущественно нравоучительнаго содержанія. Затѣмъ идутъ всякаго рода казавшіяся ему полезными или

интересными свѣдѣнія, напр. о библіотекахъ, колоколахъ, церквахъ и т. д. Перечисляя большія библіотеки, существующія въ главныхъ городахъ Европы, Миклоушичъ замѣчаетъ, что слѣдуетъ основать и въ Хорватіи большія библіотеки, а потому онъ совѣтуетъ всякому завѣщать книги въ какое либо общественное учрежденіе [20]).

Въ предисловіи къ этому сочиненію Миклоушичъ, жалуясь на трудность изданія хорватскихъ книгъ и небольшой кругъ ихъ читателей и покупателей, старается примѣромъ Мадьяръ побудить своихъ соотечественниковъ болѣе заботиться о родномъ языкѣ и литературѣ. Онъ вспоминаетъ, какъ учась въ Seminarium alumnorum въ Пештѣ, онъ былъ свидѣтелемъ образованія общества молодежи, поставившаго своею цѣлью поднять значеніе мадьярскаго языка. Сначала въ этомъ обществѣ приняли участіе только четыре человѣка, но вскорѣ, пользуясь благосклоннымъ и сильнымъ покровительствомъ вліятельныхъ лицъ, оно сильно развилось. Эта энергія Мадьяръ подняла ихъ языкъ.

Въ глазахъ Миклоушича мадьярскій языкъ сталъ уже такимъ, что онъ можетъ считаться между первыми европейскими языками и вполнѣ пригоденъ какъ для духовныхъ, такъ и свѣтскихъ дѣлъ. „Почему бы нельзя было того же сдѣлать и съ хорватскимъ языкомъ, отличающимся въ сравненіи со многими обиліемъ словъ?“ пишетъ онъ. „Я уже не дождусь этого счастья, но и въ гробу буду думать о томъ, что будущіе патріоты вспомнятъ когда нибудь обо мнѣ. Былъ когда-то, скажутъ они, патріотъ, одинъ изъ всѣхъ, который имѣлъ горячее желаніе прославить свое отечество поднятіемъ его языка; но тотъ, кто хотѣлъ бы поддержать его стремленія, не могъ, а кто бы могъ, тотъ не хотѣлъ“.

Въ первой главѣ этой своей книги Миклоушичъ говоритъ о древнихъ Иллирахъ, которыхъ онъ, слѣдуя Микоци, Дю-Френу и Мавру Орбини, считаетъ Славянами. Ихъ общій иллирскій языкъ, не смотря на большія разстоянія и раздѣленія на племена, на отсутствіе письменности и литературы, нашествіе непріятелей, все же столь сходенъ въ нарѣ-

чіяхъ, что одинъ народъ можетъ понимать другой. Изъ всѣхъ иллирскихъ нарѣчій Миклоушичъ считалъ самымъ лучшимъ хорватское, между прочимъ потому, что оно болѣе всѣхъ похоже на латинскій [21]). Слѣдуя Ямбрешичу, онъ насчитываетъ до 20-ти славянскихъ нарѣчій, причисляя къ нимъ и литовскій языкъ, при чемъ русскій языкъ отличаетъ отъ „московскаго". Свѣдѣнія о происхожденіи Славянъ и первоначальной ихъ исторіи Миклоушичъ излагаетъ по Іорнанду, Дю-Френу, Мавру Орбини и др. и ведетъ генеалогію Иллира, родоначальника Иллировъ, отъ Кадма, изгнаннаго Аргивянами изъ Віотіи и бѣжавшаго въ Иллирію. Онъ не сомнѣвается въ подлинности грамоты Александра Македонскаго, данной Славянамъ на право владѣнія обширными областями Европы и нападаетъ на Дю-Френа, признавшаго ее подложною [22]). При этомъ онъ ссылается на Мавро-Орбини и другихъ, считающихъ ее дѣйствительною привилегіею Славянъ, исходящею отъ Александра Великаго, и одобряетъ его за мнѣніе, что населеніе Македоніи искони было славянское [23]).

Что касается опредѣленія объема Иллиріи, то онъ повторяетъ Ямбрешича, давшаго въ своемъ словарѣ подъ словомъ Illirium перечисленіе областей и границъ древней Иллиріи. По этому обычному опредѣленію Иллирія состояла изъ слѣдующихъ областей: 1) Паннонія западная, носившая наименованіе prima Consularis Noricum. Въ нее входили: Хорватія, Крайна, Штирія, область Виндовъ, Хорутанія, большая часть Австріи и сосѣднія области Венгріи. 2) Паннонія восточная или Secunda Consularis, въ составъ которой входили: Славонія, Боснія и часть Придунайской Угріи. 3) Двѣ Мезіи, т. е. Сербія, Болгарія, Расція и Дарданія. 4) Ѳракія или Романія. 5) Либурнія, подъ которою понимается область по Адріатическому морю отъ Истріи до Греціи; въ нее входятъ: Истрія, Далматія, Албанія и Эпиръ. 6) Дакія древняя, которую Миклоушичъ считаетъ областью иллирской, хотя Ямбрешичъ не рѣшался включить эту страну въ составъ Иллиріи [24]). Но при этомъ Миклоушичъ замѣчаетъ, что нынѣшняя Иллирія состоитъ только изъ Далматіи, Хорватіи, Славоніи, Сер-

біи, Босніи, Болгаріи и нѣкоторыхъ другихъ меньшихъ областей [25]).

Глава о писателяхъ принадлежитъ къ числу лучшихъ и болѣе полныхъ того времени обзоровъ исторіи литературы хорватской и далматинской. Шафарикъ, съ которымъ состоялъ впослѣдствіи въ перепискѣ Миклоушичъ, воспользовался свѣдѣніями, тамъ сообщенными [26]). Миклоушичъ уже зналъ о Гундуличѣ и его „Османѣ“.

Второе изъ выдающихся произведеній Миклоушича былъ „Столѣтній Календарь“, заключающій всякаго рода общеполезныя свѣдѣнія [27]). Эта книга заканчивается нравоучительною повѣстью, переведенною съ нѣмецкаго, о заклинаніи духовъ и стихотвореніями. Въ предисловіи Миклоушичъ говоритъ о хорватской орѳографіи и убѣждаетъ не слѣдовать примѣру нѣкоторыхъ писателей, измысливших „славонскій“ языкъ, держаться хорватскаго кайкавскаго нарѣчія и старой орѳографіи. Онъ особенно отстаиваетъ употребленіе *y* (паhadyam, союзъ *y* вм. *i*) и обозначеніе *cz* для *ц*.

Между произведеніями свѣтской письменности, относящимися къ той эпохѣ, выдаются и по своему содержанію, и по обилію — драматическія. Хорватскаго театра еще не было, и представленія на народномъ языкѣ изрѣдка давались учениками въ духовныхъ семинаріяхъ во время масляницы и вообще любителями, и потому не имѣли общественнаго значенія. Многія изъ этихъ комедій по преимуществу были переведены и передѣланы съ нѣмецкаго. Часто онѣ представляли только аллегорическія сцены, въ которыхъ проводилось какое либо нравоученіе. Самъ Миклоушичъ не писалъ такихъ комедій, но переиздавалъ и передѣлывалъ старыя произведенія этого рода. Въ 1822 г. Хорватіи была возвращена та часть хорватской области за Савою, которая входила въ составъ иллирскаго королевства. Это событіе было привѣтствовано съ большою радостью, и Хорваты посылали къ императору въ Вѣну депутацію съ изъявленіями своей благодарности. Исполнителемъ рѣшенія императора былъ графъ Майлатъ, въ честь котораго въ Загребѣ устраивались празднества. Между прочимъ, на

этотъ случай была написана нѣмецкая пьеса, въ которой изображалась преданность Хорватовъ императору и благодарность графу Майлату. Эта пьеса представлялась на сценѣ. Миклоушичъ перевелъ ее подъ именемъ: Избушка при Савѣ [28]), присоединивъ къ ней предисловіе, какъ прологъ, въ которомъ выводитъ въ образѣ *вилъ* — Науку, Торговлю и Хозяйство, которыхъ утѣшаетъ „духъ хорватской земли“ указаніемъ на „Надежду“ на императора и исполненіемъ ихъ желаній. Въ яркихъ краскахъ въ этой небольшей пьесѣ рисуется благодарность Хорватовъ императору Францу за дарованное соединеніе хорватскихъ областей и заявляется вѣрность народа своему благодѣтелю.

Но между драматическими пьесами этого времени лучшія были составлены Титомъ Брезовачкимъ, и лишь переизданы и передѣланы Миклоушичемъ. Къ числу такихъ относится комедія: Св. Алексѣй [29]), въ 4-хъ дѣйствіяхъ, напечатанная въ 1786 г., въ которой передается въ драматической формѣ сказаніе о жизни и подвигахъ Алексѣя Божія человѣка. Эта тема вообще обрабатывалась у юго-славянъ и перешла въ народныя сказанія. Но къ числу самыхъ любимыхъ и популярныхъ въ свое время произведеній этого рода относятся двѣ комедіи Брезовачкаго: „Матвѣй, Грабанціашъ дьякъ“, и „Діогенесъ или слуга двухъ потерявшихъ другъ друга братьевъ“ [30]), и комедія священника Яндрича: „Любомировичъ или истинный другъ“ [31]).

Комедія „Діогенесъ“ представляетъ передѣлку нѣмецкой пьесы. Два брата, давно разставшіеся, разыскиваютъ другъ друга, хотя живутъ рядомъ и имѣютъ одного и того же слугу Діогена. Случайно дѣло объясняется, они узнаютъ другъ друга, и Діогенъ оказывается сыномъ одного изъ нихъ, отданнымъ въ раннемъ дѣтствѣ на воспитаніе въ чужія руки. Но въ комедіи выводятся и другія лица, — какъ напр. содержатель гостинницы. Эти второстепенныя лица и должны были отражать въ своихъ поступкахъ и рѣчахъ современный бытъ. Типы нарисованы довольно грубыми чертами и указы-

ваютъ на невысокую степень нравственныхъ понятій современнаго общества.

„Матвѣй, Грабанціашъ дьякъ“, — комедія Брезовачкаго, пользовалась большою извѣстностью, особенно въ передѣлкѣ и изданіи Ѳомы Миклоушича. Главное дѣйствующее въ ней лицо — Грабанціашъ — заимствовано изъ народныхъ сказокъ о немъ, весьма распространенныхъ въ Хорватіи, населенной кайкавцами, и у Мадьяръ. Профессоръ Ягичъ объясняетъ это имя заимствованіемъ и передѣлкою изъ итальянскаго gramanzia вмѣсто negromanzia съ прибавленіемъ суффикса aš, подобно тому, какъ образовано kartaš отъ *карта*, ošterijaš отъ osteria и т. д. Слово же *діак* производится отъ diaconus и въ хорватскихъ сказкахъ связывается съ представленіемъ о клирикѣ, прислуживавшемъ священнику при совершеніи литургіи. „Грабанціашъ дьякъ“ — чудодѣй, прогоняющій драконовъ и имѣющій силу нагнать тучи, градъ и дождь на землю. По народнымъ сказаніямъ, собраннымъ среди Хорватовъ-кайкавцевъ профессоромъ Вальявцемъ, будущій Грабанціашъ проходитъ тринадцать классовъ, между тѣмъ какъ по старому строю богословскихъ школъ въ нихъ было только 12 классовъ. Въ этомъ „тринадцатомъ“ классѣ, слѣдовательно, могли быть преподаваемы, по представленію сказокъ, только запрещенныя, чудодѣйственныя науки. Прошедшій „13 классъ“ и соблюдающій невинность клирикъ получаетъ силу изгонять драконовъ, появляющихся въ разныхъ мѣстностяхъ. Вѣра въ эту чудодѣйственную силу Грабанціаша была столь распространена въ Хорватіи и Венгріи, что даже духовенство считало нужнымъ бороться съ нею еще въ половинѣ текущаго столѣтія.

Эти сказанія о Грабанціашѣ и дали поводъ Брезовачкому у Хорватовъ и Мункачи у Мадьяръ написать комедіи [32]).

Въ хорватской комедіи подъ этимъ именемъ изобличаются современные недостатки жизни и общественнаго воспитанія. При этомъ Брезовачкій старается разрушить вѣрованіе въ сверхъестественную силу Грабанціаша, но все же

главный смыслъ комедіи заключается именно въ характеристикѣ современныхъ нравовъ.

Въ какой-то городъ является Грабанціашъ дьякъ, принимая видъ то торговца, то прохожаго, знающаго прошедшее и предсказывающаго будущее. Онъ наказываетъ суевѣріе, жадность, скупость и другіе пороки лицъ, выводимыхъ въ комедіи. Дѣйствующія лица берутся изъ самыхъ разнообразныхъ сословій, но преимущественно изъ средняго. Сапожникъ Смолка хочетъ при помощи чародѣйства добыть отъ черта денегъ. Грабанціашъ учитъ его, какъ долженъ поступить, и когда Смолка за городомъ, на перекресткѣ, сталъ призывать черта, переодѣтый Грабанціашъ такъ его побилъ, что тотъ былъ долго боленъ. Молодой расточитель Юговичъ желалъ бы жениться на дочери богатаго скряги Кузмана. Грабанціашъ даетъ ему какую-то траву, увѣривъ его въ чудодѣйственной ея силѣ — сдѣлать невидимымъ того, кто возьметъ ее въ ротъ, и предупреждаетъ Кузмана о томъ, что разговоръ имъ будетъ подслушивать Юговичъ, считающій себя невидимымъ. Въ этомъ разговорѣ Кузмана съ Грабанціашемъ изображаются недостатки современнаго воспитанія. Авторъ влагаетъ въ уста Кузману длинныя рѣчи о вредѣ полуобразованія и испорченности нравовъ. Дѣти состоятельныхъ людей воспитываются за границей въ иностранныхъ училищахъ и приносятъ оттуда на родину презрѣніе ко всему народному. Высшій и вообще интеллигентный классъ отказался отъ народнаго костюма, но слѣдовало бы брать примѣръ съ Тирольцевъ, которые берегутъ свою національную одежду. Сыновья дворянъ, поучившись лишь немного, сразу хотятъ занять видныя и выгодныя должности, отказываются отъ низшихъ службъ въ государствѣ, и потому проживаютъ въ имѣніяхъ, гдѣ проводятъ время въ расточительныхъ роскошныхъ забавахъ и обираютъ простой народъ, стонущій подъ бременемъ налоговъ. Въ этомъ полуобразованномъ классѣ дворянства потухаетъ вѣра, церковные обычаи и посты не соблюдаются, декретъ о вѣротерпимости, столь благодѣтельно установившій возможность жить рядомъ различнымъ христіанскимъ ис-

повѣданіямъ, толкуется, какъ разрѣшеніе всякаго безвѣрія. Молодые дворяне, расточивъ достояніе отцовъ, разыскиваютъ богатыхъ невѣстъ, на счетъ которыхъ желаютъ поправить свое положеніе, чтобы получить возможность далѣе проводить время въ роскошныхъ увеселеніяхъ. Воспитаніе женщины тоже весьма плохое. Многія богатыя горожанки, выйдя замужъ за дворянъ, становятся щеголихами и относятся презрительно къ своему прежнему обществу, наряжаются и тратятъ все достояніе. Для обыкновенной горожанки нужно только научиться читать и писать, знать катехизисъ „до грѣховъ“, хорошо шить и вышивать, да немного прясть. Нужно поднять образованіе въ національномъ духѣ у дворянъ, чтобъ они считали честью служить государству на всѣхъ ступеняхъ, истребить расточительность и всякаго рода распущенность, поселить любовь къ родинѣ и народному языку, въ чиновничествѣ истребить взяточничество, воспитывать женщину такъ, чтобы она была доброю хозяйкою, берегущею домашній достатокъ,—вотъ мораль, которую проповѣдывалъ авторъ въ монологахъ Кузмана. Но самъ Кузманъ грубъ и потому тоже терпитъ наказаніе, при участіи ловкаго Грабанціаша.—Въ третьемъ дѣйствіи Грабанціашъ является въ видѣ торговца, только что продавшаго много воловъ по очень выгодной цѣнѣ, въ гостинницѣ, гдѣ собрались молодые кутилы, служащіе въ различныхъ мелкихъ общественныхъ должностяхъ. Они задумываютъ обыграть торговца въ карты, но онъ всѣхъ ихъ самъ обыгралъ и часть выигранныхъ денегъ даетъ случившимся тутъ же бѣднымъ крестьянамъ. Въ діалогахъ этого акта описывается съ самой мрачной стороны отношеніе мелкаго чиновничества къ службѣ. Получаемаго жалованья чиновники не цѣнятъ и живутъ поборами и взятками, берутъ всюду въ долгъ, ведутъ крупную картежную игру. Они даже считаютъ правильнымъ и моральнымъ не заботиться о службѣ, ибо она вознаграждаетъ ихъ не такъ, какъ бы имъ хотѣлось. Грабанціашъ, желая ихъ наказать, дѣлаетъ чудесное превращеніе: одинъ получаетъ свиную голову, другой— ослиную и т. д., сообразно съ значеніемъ ихъ поступковъ

и мнѣній. Послѣдній актъ, въ которомъ Юговичъ, оскорбленный тѣмъ, что Кузманъ его оплевалъ, когда онъ воображалъ себя невидимкою, сильно побилъ Кузмана, подслушивавшаго разговоръ его съ Грабанціашемъ, опять таки при содѣйствіи Грабанціаша,—разрѣшается объясненіемъ чудодѣя своихъ поступковъ и всего хода событій. Онъ объясняетъ всѣмъ этимъ лицамъ ихъ недостойный образъ мыслей и смыслъ постигшихъ ихъ наказаній. Въ заключеніе, объявляя себя Грабанціашемъ, отчего приходятъ всѣ въ оцѣпенѣніе, онъ объясняетъ свои поступки не какимъ либо чудодѣйствомъ, а лишь знаніемъ природы, которое легко дается тому, кто изучаетъ науки. — Такимъ образомъ, Грабанціашъ, объяснявшій при своемъ появленіи на сценѣ, что всѣ свои познанія, пріобрѣтенныя изъ философіи и изученія наукъ, онъ желаетъ передать другимъ, и очутившійся въ обществѣ, которое пришлось ему увѣрять, что онъ по звѣздамъ и вычисленіямъ можетъ предсказывать будущее, является представителемъ моральнаго начала въ жизни, стараясь разсѣять суевѣрія и поучить объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ Богу и отечеству. Вся тенденція этой комедіи сводится къ положенію, что благосостояніе и богатство добывается честнымъ трудомъ, и что слѣдуетъ стремиться къ истинному образованію и любить свое отечество и свою народность.

Комедія Яндрича, изданная Миклоушичемъ, вмѣстѣ съ комедіей „Грабанціашъ дьякъ“, подъ заглавіемъ: „Любомировичъ или истинный другъ“ носитъ признаки заимствованій изъ нѣмецкой литературы. Сюжетъ ея чисто романическій и несложный. Два друга, одинъ богатый - Любомировичъ, и другой бѣдный — Поштеновичъ, влюблены въ Розику, дочь богатаго скряги Фабіана. Розика предпочитаетъ Любомировича, который ей нравится. Любомировичъ, сначала скрывавшій предъ своимъ другомъ симпатіи къ Розикѣ, чтобы не мѣшать ему въ его стараніяхъ ей понравиться, становится ея женихомъ, когда ея отецъ объявилъ, что за дочерью не можетъ дать никакого приданаго, вслѣдствіе чего Поштеновичъ отказывается отъ руки невѣсты. Но скупецъ Фабіанъ, пораже-

ный тѣмъ, что слуга сдѣлалъ попытку украсть скопленное имъ всякими неправдами золото, умираетъ, богатое наслѣдство переходитъ къ Розикѣ, и Любомировичъ, желая осчастливить своего друга, убѣждаетъ свою невѣсту, которую онъ любилъ, выйти замужъ за Поштеновича, а самъ женится на нелюбимой имъ сестрѣ Поштеновича Марицѣ.—Такимъ образомъ, дружба торжествуетъ надъ любовью и иными склонностями сердца.—Въ этой комедіи чрезвычайно удачно обрисованъ типъ скупца. Первая сцена третьяго дѣйствія изображаетъ скупца Фабіана, восхищающагося видомъ накопленнаго имъ золота. Онъ, подобно *Скупому рыцарю* Пушкина въ извѣстной сценѣ, перебираетъ накопленные имъ червонцы и вспоминаетъ нечистые пути, которыми онъ ихъ собралъ. „О, если бы я могъ жить тысячу лѣтъ и каждый годъ наполнять подобный ящичекъ этою драгоцѣнностью и утѣшеніемъ моего сердца! И все же придется умереть при такомъ блаженствѣ! Умереть? умереть? Ахъ, оставить васъ, мои боги? Ахъ, тяжело мнѣ!“ восклицаетъ скупецъ. „Вотъ этотъ дуплонъ, который мнѣ дали спрятать! Но — слава Богу, утонулъ тотъ, кто мнѣ его далъ. Послѣ него осталось шестеро дѣтей, но они о немъ не знаютъ! поэтому bona fide juris proprii!“ [33]).

Всѣ комедіи и драмы, которыя издавалъ Миклоушичъ, принадлежатъ къ числу „драмъ морали“. Къ нимъ относится также комедія подъ заглавіемъ: „Лизимахъ или злоба мачехи“, которая была переведена еще въ XVIII в. іезуитомъ Сибенегомъ. Миклоушичъ только исправилъ ее и вновь издалъ въ 1823 г. въ Вараждинѣ. Въ ней гибнетъ по злобѣ мачехи одинъ изъ ея пасынковъ, но за то гибнутъ и два ея собственные сына [34]).

Послѣднее изъ многочисленныхъ изданій Миклоушича было изданіе въ 1833 г. повѣсти, переведенной съ мадьярскаго въ 1823 г. Павлиничемъ и передѣланной Миклоушичемъ, подъ заглавіемъ: „Николай Зриньи или приключенія Николая Зриньи, бана хорватскаго“ [35]). И эта повѣсть, подобно драмамъ и комедіямъ, изданнымъ Миклоушичемъ, — поучительнаго характера о побѣдѣ добродѣтели и наказаніи зла.

Миклоушичъ считался лучшимъ стихотворцемъ эпохи, предшествовавшей Гаю. Мы уже упоминали объ его одахъ. Когда въ половинѣ 1826 г. въ Загребѣ было основано нѣмецкое изданіе Luna, въ первомъ же нумерѣ было помѣщено стихотвореніе Миклоушича, въ которомъ онъ выражаетъ свою радость по поводу того, что въ главномъ городѣ Хорватіи появилось повременное изданіе. И впослѣдствіи по различнымъ торжественнымъ случаямъ Миклоушичъ помѣщалъ тамъ свои стихотворенія.

Этотъ писатель пользовался большою популярностью между хорватскими патріотами, которые его нерѣдко посѣщали въ селѣ Стеньевцѣ, вблизи Загреба, гдѣ онъ жилъ, какъ приходскій священникъ. Посѣщалъ его и Гай. Кукулевичъ-Сакцинскій вспоминаетъ о томъ, какъ онъ, будучи еще ученикомъ гимназіи, вмѣстѣ съ товарищами имѣлъ случай быть у Миклоушича въ Стеньевцѣ, и старый писатель совѣтовалъ молодымъ людямъ читать хорватскія книги [36]).

Ѳома Миклоушичъ умеръ наканунѣ новаго литературнаго и политическаго движенія въ Хорватіи, и поэтъ переходной эпохи, а затѣмъ дѣятель иллиризма священникъ Павелъ Штоосъ откликнулся на его кончину патріотическою одою: „Гласъ вопіющаго въ пустынѣ хорватской словесности“. Ода посвящена родственнику Миклоушича, священнику Игнатію Кристіановичу, тогда начинавшему еще писателю, оставшемуся вѣрнымъ до конца провинціальной кайкавской хорватщинѣ, которую столь воздѣлывалъ Миклоушичъ. Кристіановичъ былъ единственнымъ хорватскимъ писателемъ, не приставшимъ къ реформѣ языка и правописанія, произведенной Гаемъ.

Штоосъ, изображая въ мрачныхъ краскахъ положеніе хорватскаго языка, хранящагося только въ крестьянскихъ избахъ, оплакиваетъ патріота, который „хранилъ образъ своего отечества въ народномъ языкѣ до послѣдняго издыханія“ и который одинъ, подобно горѣ, своими плечами поддерживалъ народные завѣты въ ту пору, когда „другіе спали и не обращали никакого вниманія на словесность своего народа“ [37]). Но присталъ ли бы Миклоушичъ къ новому движенію въ ли-

тературѣ, перемѣнившему даже самый языкъ, или онъ, подобно Кристіановичу, не понялъ бы его значенія и силы? Судя по неутомимой дѣятельности Миклоушича и постоянно замѣтной заботѣ о подъемѣ народнаго образованія въ Хорватіи, онъ, чутко отзывавшійся на пользы и нужды народа, вѣроятно, понялъ бы значеніе и смыслъ идей, проповѣдываемыхъ Гаемъ. Онъ могъ убѣдиться въ теченіе своей многолѣтней неутомимой литературной дѣятельности, что созданіе литературы на провинціальномъ хорватскомъ нарѣчіи—невозможно: не было ни писателей, ни читателей. Миклоушичъ въ теченіе сорока лѣтъ былъ почти единственнымъ писателемъ, ибо другіе писатели этого времени были неплодовиты, какъ напр. Ромуальдъ Кватерникъ (1799 — 31 марта 1851 г.), несомнѣнно, обнаруживавшій нѣкоторое дарованіе въ стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ нѣмецкомъ журналѣ Luna, или принуждены были оставлять свои сочиненія въ рукописи. Шафарикъ насчитываетъ до 35 разнообразныхъ хорватскихъ изданій и сочиненій Миклоушича. Но сверхъ того, осталось довольно много въ рукописи приготовленныхъ имъ къ печати; между послѣдними и его собраніе народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того онъ былъ довольно искусный латинскій одописецъ.

Другой изъ болѣе извѣстныхъ писателей того времени былъ Яковъ Ловренчичъ, подписывавшійся подъ своими произведеніями „истиннымъ патріотомъ“ (Istinski domorodec). О жизни и воспитаніи Ловренчича у насъ нѣтъ свѣдѣній. Родился онъ въ 1780 г. и долгое время служилъ управляющимъ имѣній у нѣсколькихъ хорватскихъ магнатовъ. Многое изъ написаннаго имъ осталось въ рукописи, ибо не было средствъ на изданіе. Писалъ онъ оды, нравоучительныя поученія и особенно извѣстенъ тремя комедіями, передѣланными имъ съ нѣмецкаго, изъ коихъ двѣ: „Родство“ и „Предразсудки сословные и родовые“ [38]) пользовались нѣкоторою популярностью.

Первая изъ этихъ комедій была и первымъ печатнымъ трудомъ Ловренчича. Въ ней изображается сила богатства и осмѣивается поклоненіе деньгамъ и пустое тщеславіе. Главнымъ лицомъ является разбогатѣвшій въ Индіи братъ, вер-

нувшійся въ Хорватію и прикинувшійся предъ другими двумя братьями бѣднякомъ. Этотъ „богатый родственникъ изъ Индіи“ является вмѣстѣ съ тѣмъ и идеальнымъ лицомъ комедіи. — Во второй комедіи, передѣланной изъ Эккартсгаузена, дѣйствіе происходитъ въ аристократической семьѣ, при чемъ идеальными лицами являются люди низшихъ сословій. Комедія заканчивается слѣдующими словами: „братья мои Хорваты, истинное удовольствіе даетъ только добродѣтель, а истинная добродѣтель отрицаетъ сословные и родовые предразсудки“. На свою литературную дѣятельность Ловренчичъ смотрѣлъ какъ на патріотическую службу народу съ цѣлью содѣйствовать обработкѣ языка и распространенію въ обществѣ нравственныхъ правилъ и взглядовъ. Самыя имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ уже показываютъ главныя черты ихъ характера: таковы графиня Поштеновичъ, графъ Доброславъ, графъ Правомиръ, Заплетающій (адвокатъ).—Языкъ Ловренчича несвободенъ отъ рѣзкихъ германизмовъ, особенно въ первыхъ его произведеніяхъ. Что касается характеристики главныхъ лицъ, выводимыхъ имъ въ комедіяхъ, то несомнѣнно авторъ старался придать имъ живой колоритъ современности. Такъ, въ комедіи „Родство“ одинъ изъ дѣйствующихъ тамъ братьевъ мечтаетъ только о томъ, чтобы попасть въ дворяне и въ свою рѣчь примѣшиваетъ отдѣльныя французскія слова, что́ вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнимъ общественнымъ нравамъ. Вообще Ловренчичъ, служившій въ домахъ хорватскихъ магнатовъ, старался осмѣять тщеславіе и пустоту жизни высшаго сословія.

Въ числѣ произведеній этого рода хорвато-кайкавской словесности выдаются два драматическихъ произведенія Людевита Фаркаша, который впослѣдствіи принималъ живое участіе въ дѣятельности иллиризма, и даже перемѣнилъ свою фамилію, переведши свое мадьярское прозвище и принявъ фамилію *Вукотиновичъ*, по соотвѣтствію значенія мадьярскаго слова Farkas — волкъ — вук. Эти произведенія назывались: „Голубь“ и „Первая и послѣдняя картина“ [39]). Въ комедіи „Голубь“ дѣйствіе происходитъ въ Хорватіи въ XI столѣтіи.

Въ ней изображается родовая вражда хорватской аристократіи, которую примиряетъ взаимная любовь между сыномъ одного рода и дочерью другаго. Добро торжествуетъ и зло въ лицѣ Злобора, дѣйствовавшаго предательски, гибнетъ и даже само признаетъ себя достойнымъ ада. „Первая и послѣдняя картина" — драматическая сцена, написанная по балладѣ Зейдля: Das erste und letzte Bild въ романтическомъ вкусѣ этой эпохи. Комедіи другаго дѣятеля Иллирской эпохи въ хорватской словесности, начавшаго свое писательство до переворота, произведеннаго Гаемъ, — Раковца, представлявшіяся даже въ театрѣ, не были напечатаны, за исключеніемъ одной. Онѣ не представляли ничего самостоятельнаго и были переводъ и передѣлки Коцебу [40]).

Но самымъ ближайшимъ по времени къ Гаевской эпохѣ и главнымъ писателемъ кайкавской литературы былъ вышеупомянутый Игнатій Кристіановичъ, явившійся впослѣдствіи и главнымъ противникомъ реформы языка литературы и правописанія, произведенной Гаемъ. Игнатій Кристіанъ или Кристіановичъ родился въ Загребѣ 31 іюля 1796 г. По матери онъ приходился племянникомъ Ѳомѣ Миклоушичу. Отецъ—мельникъ, желая видѣть сына своего священникомъ, отдалъ его въ духовную семинарію въ Загребѣ, въ которой онъ и окончилъ курсъ, и 4 іюля 1819 г. былъ рукоположенъ во священники. Сначала онъ былъ сельскимъ приходскимъ священникомъ, а въ 1823 г. былъ переведенъ въ Загребъ и назначенъ въ число священниковъ при церкви св. Марка. Родство и общеніе съ Миклоушичемъ, жившимъ въ Стеньевцѣ, рано побудили Кристіановича къ литературнымъ занятіямъ. Первое сочиненіе Кристіановича вышло въ 1826 г. Это былъ переводъ съ французскаго: „Способъ быть всегда довольнымъ во всѣхъ случаяхъ жизни" [41]). Въ предисловіи онъ называетъ себя „истиннымъ патріотомъ" (Jztinzki Domorodecz) и объясняетъ, что онъ издаетъ книгу по желанію и побужденію „нѣкоторыхъ благородныхъ любителей отечества," хотя перевелъ ее только для того, чтобы упражниться въ отечественномъ языкѣ и имѣть понравившуюся ему книгу,

ибо оригиналъ онъ принужденъ былъ возвратить. Съ того времени Кристіановичъ является дѣятельнымъ издателемъ книгъ, распространявшихся въ народной массѣ. Въ 1830 г. онъ издалъ сборникъ проповѣдей, переведенныхъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ, надъ которымъ трудился 11 лѣтъ, подъ заглавіемъ: Blagoréchja za vsze czeloga léta nedelye, съ цѣлью дать образцы обработаннаго языка и въ виду рѣдкости хорватскихъ книгъ. Въ это время Миклоушичъ постарался познакомить Кристіановича съ Копитаромъ и Шафарикомъ, съ которыми онъ по временамъ велъ переписку [42]). Въ октябрѣ 1831 г. Шафарикъ проситъ Кристіановича дать ему новыя пополненія къ свѣдѣніямъ о хорватскихъ писателяхъ, доставленнымъ ему Миклоушичемъ и Гаемъ [43]). Кристіановичъ далъ нужныя Шафарику свѣдѣнія, пославъ ихъ чрезъ Гамульяка въ Будимъ. Шафарикъ, благодаря за эти сообщенія, побуждаетъ Кристіановича заняться собираніемъ народныхъ пѣсенъ, одинъ сборникъ которыхъ составленъ уже Миклоушичемъ [44]). Такимъ образомъ, Кристіановичъ, твердо державшійся хорватскаго провинціальнаго діалекта, какъ языка литературнаго, въ интересѣ такихъ авторитетовъ своего времени, какъ Копитаръ и Шафарикъ, къ произведеніямъ устной словесности и формамъ мѣстнаго языка, могъ найти только поощреніе того упрямства, съ которымъ онъ до конца держался и стараго языка, и старой орѳографіи до-Гаевской литературы. Въ эту пору Кристіановичъ занимался составленіемъ по преимуществу духовныхъ книгъ. Въ 1831 г. онъ издалъ переводъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ одного французскаго поучительно-религіознаго сочиненія: Kerztchanzki navuk, а въ 1832 г. аскетическую книгу: Pomochnik betegujucheh y vumirajucheh. И впослѣдствіи онъ издавалъ различныя книги религіозно-поучительнаго содержанія. Но главное его изданіе былъ календарь: Danicza Zagrebechka, который онъ издавалъ семнадцать лѣтъ (съ 1834 по 1850 г.). Это изданіе было для своего времени весьма важное. До того времени для хорватовъ-кайкавцевъ выходили два малыхъ календаря въ Загребѣ и Вараждинѣ и носили названіе „Шош-

таръ“ (Šoštar) съ гіероглифическими изображеніями святыхъ. Кристіановичъ зналъ нѣмецкія изданія календарей и хотѣлъ создать изъ календаря поучительную книгу для народной массы. И дѣйствительно, его Danicza расходилась въ большомъ числѣ экземпляровъ, вслѣдствіе чего его противодѣйствіе введенію новаго иллирскаго языка Гая оказывало свое вліяніе на борьбу Гая за Иллиризмъ.—Въ 1836 г. календарь Кристіановича Danicza навлекъ на себя даже преслѣдованіе со стороны администраціи, вслѣдствіе того, что въ немъ былъ помѣщенъ „новый латино-хорватскій словарь“ (Novi diačko-horvatski rječnik) сатирическаго характера [45]), но за календарь заступились духовныя власти. Согласно съ обычаями своего времени Кристіановичъ помѣщалъ въ своихъ календаряхъ и впослѣдствіи немало сатирическихъ стихотвореній и поговорокъ, имѣвшихъ отношеніе и къ современному быту. Въ Danicz'ѣ Кристіановичъ помѣстилъ много житій святыхъ, переводовъ посланій апостольскихъ и т. д. Въ тоже время, не смотря на свой рѣшительный протестъ противъ принятія штокавщины Гаемъ и иллиризма вообще, Кристіановичъ все же съ 1840 г. помѣщалъ въ своемъ календарѣ статьи, знакомящія съ остальнымъ славянствомъ. Въ 1842 г. онъ далъ въ своей *Даницѣ* обстоятельную статью о родословіи нѣсколькихъ дворянскихъ родовъ (Драшковичей, Сечени и др.). До того времени, пока Людевитъ Гай издавалъ свою газету и *Даницу* на кайкавскомъ нарѣчіи, Кристіановичъ смотрѣлъ благосклонно на новое патріотическое движеніе въ литературѣ; но когда Гай перешелъ окончательно къ штокавщинѣ и ввелъ чешскую ороографію, Кристіановичъ выступилъ рѣшительнымъ его противникомъ и остался до смерти (18 мая 1884 г.) единственнымъ хорватскимъ кайкавскимъ писателемъ. Въ 1837 г. онъ издалъ по нѣмецки грамматику хорватскаго языка [46]), а въ 1840 г. прибавленіе къ ней, въ которомъ помѣстилъ собраніе словъ, выраженій, поговорокъ и образцы писемъ на этомъ нарѣчіи съ присоединеніемъ нѣмецкихъ переводовъ. Въ своей грамматикѣ ссылаясь на авторитетъ Копитара, писавшаго ему въ 1831 году, что онъ считаетъ кай-

кавскую хорватщину прямымъ потомкомъ языка Кирилла и Меѳодія и притомъ однимъ изъ самыхъ чистыхъ и неиспорченныхъ славянскихъ нарѣчій,—Шафарика, который въ 1830 г. писалъ Миклоушичу, что онъ находитъ близкое сходство между хорватскимъ и словацкимъ нарѣчіями, — Кухарскаго, изучавшаго это нарѣчіе при посѣщеніи Хорватіи и Загреба, гдѣ онъ провелъ полгода, и Ганки, Кристіановичъ защищаетъ права этого нарѣчія на литературное развитіе. „Знаніе хорватскаго языка приноситъ большую пользу, говоритъ онъ, ибо онъ ограниченъ не одной Хорватіею, а простирается на удаленнѣйшія страны: Хорваты немаловажное племя Славянъ, которые распространили свой языкъ и господство на три части свѣта,—Европу, Азію и Сѣверную Америку.“ Такимъ образомъ Кристіановичъ прибѣгаетъ къ тѣмъ же аргументамъ, которыми пользовался и Гай для убѣжденія важности принятія „иллирскаго“ имени и общаго со штокавцами языка. Но и Кристіановичъ принужденъ былъ въ концѣ концовъ принять орѳографію Гая и въ 1848 г. издалъ Danicz'у гаевицею, хотя и помѣстилъ въ ней статью о важности хорватскаго нарѣчія и необходимости сохраненія на немъ литературы. Копитаръ велъ съ нимъ, послѣ кончины Миклоушича, дѣятельную переписку, въ которой ясно обнаруживается отношеніе этого ученаго къ перевороту, созданному Гаемъ. Кристіановичъ былъ послѣдній изъ видныхъ хорватскихъ писателей, неприставшихъ къ Иллиризму.

Въ Славоніи на такъ называемомъ *иллирскомъ* нарѣчіи появлялось тоже весьма мало свѣтскихъ произведеній. Большинство лучшихъ писателей принадлежитъ XVIII столѣтію. Канижличъ написалъ свою поэму „Sveta Roxalia“ въ подражаніе „Uzdasi Mandaljene pokornice“ Джорджича; издана она была въ 1780 году, послѣ смерти ея автора (1777 г.). Рельковичъ, авторъ „Сатира,“ умеръ въ 1798 г., и его „Езоповы басни“ вышли въ 1804 г. (въ Осѣкѣ). Какъ Рельковичъ, такъ Ланосовичъ издали свои грамматики еще въ XVIII стол. Грамматика Рельковича вышла въ Загребѣ въ 1767 г., а грамматика Ланосовича, писанная по нѣмецки и посвящен-

ная Маріи-Терезіи, въ первый разъ была издана въ 1778 г. Видъ Дошенъ, авторъ сочиненія Aždaja sedmoglava, напечатаннаго въ первый разъ въ 1768 г., умеръ въ 1778 г. Вся дѣятельность Кермпотича, составившаго поэму: „Путь Екатерины II и Іосифа II въ Крымъ“ (Вѣна 1788 г.), относится къ прошлому столѣтію. Дѣятельность фратра Александра Томиковича, передѣлавшаго съ итальянскаго „Жизнь Петра Великаго, царя Россіи“ (въ Осѣкѣ въ 1794 г. и въ Пештѣ въ 1876 г.), считающагося лучшимъ прозаикомъ славонско-иллирской литературы, хотя онъ умеръ въ 1829 г., относится тоже къ XVIII вѣку. Матія Петръ Катанчичъ, удалившійся въ 1809 г. въ монастырь въ Будимѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1825 г., принадлежалъ несомнѣнно къ числу глубокихъ ученыхъ. Онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ вполнѣ близко держался латинскихъ и греческихъ поэтовъ, извѣстенъ своимъ переводомъ священнаго писанія на „славянско-иллирское“ нарѣчіе „изговора босанскаго“, изданнымъ въ 1831 г. Копитаръ указывалъ Кристіановичу, побуждая его примѣромъ Катанчича заняться переводомъ священнаго писанія на хорватское нарѣчіе [47]).

Кромѣ нѣкоторыхъ одъ Марича, Михалича, Павича, Бресовачкаго и нѣкоторыхъ другихъ, Карла Павича (Politika za dobre ljude, въ Пештѣ въ 1821 г.), Чеваповича, написавшаго въ стихахъ драму о Іосифѣ, едва ли что можетъ быть упомянуто въ очеркѣ славонской письменности этой эпохи. Въ отношеніи изученія языка сдѣлано было гораздо болѣе. Къ этому времени относятся труды Аппендини: Иллирская грамматика, которая вышла въ 1808 г., Вольтиджи, издавшаго въ 1803 г. въ Вѣнѣ свой Ricsoslovnik Iliricskoga jezika съ переводомъ словъ на итальянскій и нѣмецкій языки, и Стулли, знаменитый трудъ котораго: Lexicon Latino-Italico-Latinum вышелъ въ Пештѣ въ 1801 г. Но дѣятельность Аппендини принадлежитъ въ сущности далматинской и даже спеціально дубровницкой литературѣ.

Въ Далматіи собственно литературная дѣятельность почти совершенно прекратилась въ началѣ XIX вѣка. Изъ бо-

лѣе извѣстныхъ писателей этой эпохи былъ только Марко Брюэръ или Бруеровичъ, Французъ по происхожденію, ребенкомъ привезенный въ Дубровникъ. Впослѣдствіи онъ былъ французскимъ консуломъ въ Травникѣ (въ Босніи). Большинство его стихотвореній появилось однако въ печати послѣ его смерти (1827 г.).

Существенно отличается отъ этихъ писателей до-Гаевскаго періода хорватской литературы — Шпореръ, писавшій также подъ именемъ Матича. Шпореръ участвовалъ въ томъ обществѣ, которое задумало въ 1818 г. издавать въ Вѣнѣ газету: Oglasnik Ilirski. Онъ былъ по спеціальности—врачъ. Въ 1823 г. Шпореръ издалъ въ Карловцѣ „Альманахъ Иллирскій“ [48]). Motto къ нему онъ взялъ изъ Гундулича. Въ этой небольшой книжкѣ, послѣ календарныхъ свѣдѣній, Шпореръ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній Иванишевича, писателя XVII вѣка: 1) о вилахъ славянскихъ, и 2) о злыхъ женахъ. Какъ заимствованія изъ Гундулича, такъ и помѣщеніе стихотвореній Иванишевича указываютъ, что Матичъ имѣлъ уже свѣдѣнія о старой далматинской письменности. Тамъ же онъ помѣстилъ нѣсколько другихъ стихотвореній, и книжечка заканчивается повѣстью Almanzai, переведенною съ французскаго и нѣсколькими небольшими восточными аллегоріями поучительнаго содержанія. Шпореръ объясняетъ однако, что онъ передѣлывалъ Иванишевича, исправлялъ его и прибавлялъ къ его стихотвореніямъ. Побужденіемъ къ изданію Альманаха было желаніе представить образцы обработаннаго языка. Шпореръ предпосылаетъ своей книгѣ небольшое предисловіе, въ которомъ объясняетъ, что объ образованіи народа можно судить по языку и его литературѣ. Причины упадка народа, который онъ объединяетъ уже въ имени „Иллировъ“, онъ видитъ въ полномъ ихъ разъединеніи. „Почти каждый Иллиріецъ, говоритъ онъ, хочетъ читать и писать только на томъ нарѣчіи, къ коему онъ привыкъ“, не принимая во вниманіе, что въ каждомъ народѣ много нарѣчій. Онъ полагалъ, что со временемъ легко будетъ объединить всѣ нарѣчія выборомъ лучшихъ формъ и словъ. Вслѣдствіе же

того, что нѣтъ литературы на языкѣ народа и даже опредѣленнаго литературнаго языка, въ обществѣ слышится обыкновенно смѣшеніе формъ и словъ двухъ и трехъ языковъ, ибо для выраженія мысли не хватаетъ словъ въ отечественномъ языкѣ или, быть можетъ, слова эти неизвѣстны. Самъ Шпореръ писалъ на славонскомъ нарѣчіи. Онъ почти не употребляетъ формъ кайкавскаго хорватскаго діалекта.

Въ извѣстномъ отношеніи Шпореръ можетъ быть названъ самымъ виднымъ предшественникомъ Гая. Онъ уже нашелъ имя для объединенія юго-славянъ въ словѣ *Иллиръ* и обозначилъ необходимость избранія одного языка для письменности. Этотъ языкъ онъ искалъ почти тамъ, гдѣ впослѣдствіи искалъ и Людевитъ Гай. Онъ хотѣлъ указать историческія основы, опираясь на которыя стало бы возможно образовать языкъ новой литературы. Въ пѣснѣ о „Славянскихъ вилахъ“ Шпореръ выражаетъ свой юго-славянскій патріотизмъ и убѣжденіе въ народномъ единствѣ юго-славянъ, не смотря на разнообразіе племенъ [49]). Вслѣдствіе этого Шпореръ въ своемъ „Иллирскомъ Альманахѣ“ является исключительнымъ явленіемъ, какъ самый видный предшественникъ Гаевскаго переворота.

Такимъ образомъ, въ хорватской словесности кайкавскаго нарѣчія, предшествовавшей перевороту, произведенному ученіемъ Иллиризма, можно сказать, не было ни одного выдающагося дѣятеля, и выраженіе Штооса. „Гласъ вопіющаго въ пустынѣ хорватской словесности“ было дѣйствительнымъ опредѣленіемъ положенія кайкавской литературы въ Хорватіи. Ни Славонія, ни Далматія почти ничего не издавали въ области словесности, да и языкъ ихъ былъ иной, значительно отличавшійся отъ языка Хорватовъ-кайкавцевъ. Повѣсть и романъ не существовали. Оды носили характеръ псевдоклассическій и въ сущности представляли только искусное упражненіе въ различныхъ видахъ метрическаго сложенія словъ. Ученые трактаты и изслѣдованія появлялись обыкновенно на латинскомъ языкѣ,—даже грамматики хорватскаго, славонскаго, иллирскаго языка писались чаще по нѣмецки,

и самъ Кристіановичъ, этотъ вѣрнѣйшій защитникъ провинціальнаго хорватскаго языка, свою грамматику издалъ на нѣмецкомъ языкѣ, хотя въ ту пору уже существовала грамматика Бабукича (Osnove), писанная на штокавскомъ нарѣчіи Иллировъ. Не было ни журналовъ, ни газетъ, ни вообще изданій хорвато-кайкавскихъ. Большинство сочиненій оставались въ рукописи, и даже самъ неутомимый Миклоушичъ, передѣлывавшій и издававшій чужіе труды, которые онъ считалъ лучшими, оставилъ послѣ себя немало своихъ рукописей, которыя онъ предполагалъ издать.

Но потребность въ литературѣ на языкѣ понятномъ и народномъ въ Хорватіи и близкихъ ей по племени странахъ все же сказывалась весьма сильно. Нужно было только сильнаго инициатора, который бы понялъ положеніе общества и народа и ихъ потребности, и умѣлъ сгруппировать около себя людей дарованія, вдохновленныхъ патріотизмомъ.

Давленіе извнѣ въ видѣ грозно и рѣшительно наступающей мадьяризаціи и возбужденіе славянскаго самосознанія, благодаря дѣятельности Коллара и Шафарика, уже оказало свое вліяніе на хорватскихъ молодыхъ людей, учившихся въ Грацѣ и Пештѣ.

Въ самой политической атмосферѣ въ Австріи уже чуялись живыя, новыя вѣянія, хотя политика Меттерниха принимала всевозможныя мѣры, какъ напр. въ видѣ строжайшей цензуры въ началѣ 20-хъ годовъ, чтобы задержать эти новыя мысли демократическаго свойства. По сосѣдству съ юго-западными Славянами возродилась Сербія, и сербская литература того времени представлялась блестящею въ глазахъ Хорватовъ и Славонцевъ. Досиѳей Обрадовичъ и Вукъ Караджичъ указали пути, по коимъ слѣдуетъ идти, чтобы создать свою литературу, опирающуюся на потребностяхъ народа и имѣющую всѣ признаки жизненности.

Въ эту то пору и выступилъ Людевитъ Гай, около котораго группируются всѣ лучшія силы того времени. Онъ инициаторъ и вождь, онъ даетъ толчокъ всему. Правда, онъ ограничивается этою ролью и, будучи инициаторомъ, онъ не

всегда является дѣятелемъ и даже личнымъ участникомъ всего происходящаго вокругъ него. Но именно одинъ Гай даетъ свою окраску новому движенію, и по справедливости новая эпоха хорватской словесности можетъ быть названа эпохой Гая, который хорошо понялъ, что сами по себѣ Хорваты малы и слабы, чтобы создать свою литературу, и потому оперся на языкъ болѣе многочисленнаго населенія Славоніи и Далматіи, почти тождественный съ языкомъ Сербовъ, — и старался слить языки новой хорватской письменности съ языкомъ новой сербской словесности. Этимъ онъ расширилъ рамки для новой хорватской литературы и сразу обогатилъ ее, ибо произведенія сербской словесности стали, какъ и самый языкъ, общими для Хорватовъ и Сербовъ.

ГЛАВА III.

Развитіе Иллиризма и ходъ литературной дѣятельности Иллирскаго періода хорватской литературы.

1.

Людевитъ Гай.—Его воспитаніе и первые литературные опыты.—Вліяніе Коллара.—Первые дѣятели начальнаго періода Иллиризма. — Смодекъ и первые уроки хорватскаго языка въ Загребѣ. — Графъ Янко Драшковичъ.—Біографическія данныя о немъ. — Его „диссертація". — Брошюра Деркоса и ея тенденція.—Патріотическія оды Штооса, Кундека, Раковца и Гая. — Значеніе Штооса и свѣдѣнія объ его жизни. — Первыя хорватскія представленія въ Загребскомъ театрѣ. — Основаніе Гаемъ изданій: Danica и Novine.

Самымъ главнымъ и виднымъ лицемъ въ эпоху литературнаго возрожденія Хорватовъ, съ которымъ тѣсно связано и ихъ политическое возрожденіе, былъ энергическій, краснорѣчивый и дѣятельный Людовикъ Гай, принявшій славянское имя Людевита.

Людовикъ Гай родился 8 іюля (27 іюня) 1809 г. въ городкѣ Крапинѣ, въ Загорьѣ. Крапина расположена въ живописной мѣстности, и съ ея именемъ связывается одно изъ весьма характерныхъ сказаній о происхожденіи славянскихъ племенъ: о Чехѣ и Лехѣ. Въ своей автобіографіи [1]) Гай говоритъ, что уже въ раннемъ дѣтствѣ онъ любилъ слушать разсказы о юнакахъ и мѣстныя преданія. Впослѣдствіи онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе замковъ Крапины и отвелъ Крапинѣ значительное мѣсто въ своей неизданной „Исторіи Великой Иллиріи". Вотъ какъ самъ Гай передаетъ сказаніе, связанное съ Крапиною и слышанное имъ

изъ устъ народа. „На трехъ горахъ, поднимающихся надъ этимъ городомъ, стояли три замка. Тотъ, отъ котораго остались еще старыя стѣны, звался въ старину, какъ и нынѣ, по имени города—Крапина. На другомъ холмѣ, надъ церковью францисканцевъ, замокъ назывался Псаръ, а надъ городскою мельницею высился Шабацъ. Въ этихъ трехъ замкахъ были три брата: Чехъ, Лехъ и Мехъ, которые ими и владѣли. Эти братья были королевской крови нашего народа и имѣли сестру, которая называлась Вилина. Въ эту пору владѣли страною Римляне, притѣснявшіе народъ, и братья захотѣли скинуть съ себя римское иго. Замки были соединены висячими кожаными мостами, по которымъ братья ходили другъ другу совѣтоваться о томъ, какъ бы они могли избавиться отъ тяготѣвшаго надъ ними ига. Между тѣмъ ихъ сестра Вилина вступила въ любовную связь съ римскимъ правителемъ этой области и выдала ему тайну о замыслахъ братьевъ. Заговорщики однако убили этого правителя, а Вилина убѣжала въ „Яму надъ Жупницею“, которая и по нынѣ зовется „Любине“ или „Вилине ямы“ (пещеры). Вилиными эти пещеры зовутся также потому, что тамъ жили вилы, которыя и приняли подъ защиту свою соплеменницу. Она родила тутъ сына. Когда однажды она грѣлась на солнцѣ предъ пещерою, братья, тамъ охотившіеся, захватили ее, отвели въ Крапину и задѣлали въ одну изъ башенъ. Сына же ея постигла слѣдующая судьба. Однажды, когда вилы разбрелись по лѣсу, дикій волъ ворвался въ пещеру, поднялъ на рога мальчика, игравшаго золотымъ яблокомъ, и бросился съ нимъ подземными ходами въ другую сторону, гдѣ и оставилъ въ лѣсу тѣло мальчика. Какой-то пустынникъ нашелъ его и похоронилъ. Это мѣсто съ той поры называется „Лѣпа глава“ отъ красивой (лѣпой) головы сына Вилины. — Но Римляне скоро послали войска, чтобы укротить взбунтовавшихся, и всѣ три брата, видя, что они защищаться не могутъ, рѣшили вмѣстѣ со своими старѣйшинами и воеводами оставить свое отечество и выселиться изъ предѣловъ римской державы. Они знали, что ихъ соплеменники живутъ за Дунаемъ, и потому они перешли Ду-

най и тамъ разошлись на три стороны и основали три славянскія державы; Чехъ поставилъ свою столицу въ Богемской землѣ, Лехъ въ Польской, а отъ Меха пошли „Московиты“. — „И вотъ такимъ-то образомъ настоящій корень (korenica) всего нашего Славянскаго народа вышелъ изъ этой нашей округи“, прибавляетъ Гай [2]).

Подобныя сказанія рано занимали Гая и воспитывали въ немъ интересъ и къ народу, и къ его преданіямъ. Отецъ его былъ мѣстнымъ врачемъ и уже по своей профессіи часто имѣлъ сношенія съ людьми изъ народной массы.

Заинтересованный подобными преданіями, Гай въ раннемъ дѣтствѣ полученныя имъ мелкія деньги отдавалъ старикамъ и старухамъ, которыя ему разсказывали старыя сказанія. „Въ книгахъ, думалъ я, говоритъ онъ, все это пространнѣе изложено, чѣмъ мнѣ разсказываетъ мой старый Матвѣй и, конечно, на латинскомъ языкѣ, — ибо мой отецъ и его духовные и свѣтскіе знакомые, его посѣщавшіе, разсуждали по латынѣ, лишь только дѣло заходило о предметахъ болѣе важныхъ“. И онъ рѣшилъ научиться латинскому языку.

Другое обстоятельство дѣтства Гая еще болѣе повліяло на воспитаніе въ немъ патріотическаго народнаго самосознанія и отразилось въ его дѣятельности. Въ своей автобіографіи Гай трогательно разсказываетъ объ этомъ. Нерѣдко по вечерамъ онъ съ матерью сиживалъ на скамейкѣ предъ домомъ, и мать обращала вниманіе своего сына на поселянъ, босыхъ и усталыхъ, возвращавшихся домой со своихъ работъ. Весь строй хорватской жизни былъ аристократическій, и народъ испытывалъ на себѣ всю тяжесть зависимости отъ произвола дворянъ. Въ дни дѣтства Гая случилось въ Хорватіи нѣсколько неурожайныхъ годовъ, тяжело отразившихся на жизни крестьянъ. Нужда и нищета сильно увеличивались. Добрая мать будущаго народнаго дѣятеля „Иллирства“ ежедневно кормила отъ 20 до 30 голодныхъ, давая имъ кушанія на деревянныхъ тарелкахъ. Мальчикъ видѣлъ, какъ сердечно благодарили ее крестьяне Загорья. Но онъ отъ нея слышалъ о томъ, что есть на свѣтѣ народы болѣе счастливые, не тер-

пащіе нужды, и на вопросъ о причинахъ народной бѣдности и невѣжества мать ему такъ говорила: „виною всей этой бѣдности то, что этотъ народъ совершенно заброшенъ и забытъ своими господами, такъ какъ и духовные и свѣтскіе господа скрываютъ свои знанія и ученость въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и не даютъ бѣдной своей братіи той же крови ни малѣйшаго просвѣщенія на родномъ языкѣ. Если бы у этого народа были всѣ нужныя книги на его языкѣ и если бы онъ умѣлъ ими пользоваться, то онъ бы изъ нихъ на столько просвѣтился и узналъ, что его никакая бѣда не нашла бы неприготовленнымъ, и онъ бы съумѣлъ такъ распредѣлить свои силы, что могъ бы осилить всякую нужду и бѣдствіе. Книгъ, книгъ на родномъ языкѣ! Вотъ что нужно! Онѣ просвѣтятъ разумъ, поправятъ одежду и пополнятъ амбары и житницы на случай голодныхъ годовъ!...“ Такъ описывалъ свои воспоминанія дѣтства Гай въ 1851—52 г., когда его слава стала уже окончательно меркнуть, и онъ разошелся съ хорватскими патріотическими дѣятелями.

До 9 лѣтъ Гай не говорилъ на иностранномъ языкѣ, — зналъ только свое загорское нарѣчіе. Онъ вспоминаетъ, что не любилъ въ своемъ дѣтствѣ даже слушать, какъ говорятъ на чужихъ языкахъ, но онъ скоро понялъ, что узнать все то, что могло его интересовать, можно только, зная иностранные языки, и сталъ усердно учиться латинскому. Съ большою теплотою вспоминаетъ онъ о своемъ первомъ учителѣ латинскаго языка, Евгеніи Ребичѣ, настоятелѣ францисканскаго монастыря, учившемъ его латинскому и хорватскому языкамъ и письму. Въ монастырѣ Гай увидѣлъ нѣсколько запыленныхъ книгъ на латинскомъ языкѣ, и между ними ему попалась книга или рукопись патера Скленскаго, въ которой онъ нашелъ замѣтки по исторіи родныхъ мѣстъ и о всѣхъ вѣтвяхъ югославянъ. Въ эту пору Гай учился въ Вараждинѣ въ училищѣ при монастырѣ францисканцевъ. Здѣсь онъ познакомился съ польскими и чешскими хрониками и приготовилъ изъ своихъ выписокъ на латинскомъ языкѣ небольшую книжку подъ заглавіемъ: Brevis descriptio loci Krapinae, которую и хотѣлъ на-

печатать, но тогдашній загребскій цензоръ, бывшій іезуитъ Клогаммеръ, узнавъ, что авторъ — 15-лѣтній мальчикъ, ученикъ 5-го класса латинской школы, не пропустилъ книги, замѣтивъ: „мальчишки должны учить уроки, а не книжки писать“.— Затѣмъ Гай перешелъ въ старшіе классы въ Карловацъ на Купѣ. Здѣсь учитель нѣмецъ францисканецъ Аврелій Германнъ [3]), бывшій въ тоже время цензоромъ, посовѣтовалъ Гаю перевести на нѣмецкій языкъ свое латинское сочиненіе о Крапинѣ и издать. Такимъ образомъ вышло первое сочиненіе Гая, когда ему было только 17 лѣтъ [4]). Motto для этой небольшой книжки Гай взялъ изъ Оссіана: „Герои прежнихъ временъ погибли. Ихъ сыновья исчезаютъ, какъ и они, и другое племя возникаетъ; народъ подобенъ бездоннымъ движущимся волнамъ Океана“ и т. д. Изъ книжки видно, что Гай въ ту пору былъ уже нѣсколько знакомъ съ сочиненіями Мавро Орбини и другихъ историковъ юго-славянъ. Въ Гаѣ сказывается уже будущій дѣятель „славянской взаимности“, и онъ пишетъ: „Всякій Славянинъ гордо можетъ взирать на эти достойные почтенія дорогіе остатки (развалинъ замковъ около Крапины), ибо они были колыбелью Чеха, Леха. Здѣсь собирали они своихъ вѣрныхъ; отсюда они начали свой воинственный походъ и явились затѣмъ основателями могущественнаго государства, чѣмъ они заслужили себѣ неувядаемый вѣнецъ славы въ исторіи и благочестивое почитаніе своего имени въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Славянъ“.

Такимъ образомъ, до знакомства съ Колларомъ въ Пештѣ въ Гаѣ возникъ интересъ къ прошлому Славянства. Крапиною онъ интересовался и впослѣдствіи, что доказываютъ выписки изъ его рукописи, напечатанныя въ *Даницъ* въ 1848 году Драгутиномъ Галцемъ [5]).

Въ Карловцѣ Гай познакомился съ людьми, по его выраженію, „стараго, болѣе народнаго закала“, Сербами и Хорватами, и слышалъ ихъ языкъ. Когда онъ прочелъ „Razgovor ugodni naroda Slovinskoga“ Качича-Міошича, вышедшій тогда (въ 1826 г.) въ новомъ изданіи въ Дубровникѣ, онъ понялъ „сладость и достоинство иллирскаго языка“. Но онъ въ

первыхъ попыткахъ писать на славянскомъ языкѣ держался своего загорскаго нарѣчія.

Въ это время Штаудуаръ задумалъ нѣмецкое изданіе въ Загребѣ: Luna, посвященное удовлетворенію потребностей мѣстныхъ жителей въ чтеніи, какъ литературное прибавленіе къ газетѣ Agramer Zeitung,— этой первой газетѣ въ Загребѣ, основанной тѣмъ же Штаудуаромъ вмѣстѣ съ бывшимъ нѣмецкимъ актеромъ Розенау. Первый нумеръ *Луны* вышелъ 1 іюля 1826 г.; онъ начинается одой Миклоушича на провинціально-хорватскомъ нарѣчіи, въ которой хорватская вила объясняетъ „старой загребской вилѣ“ значеніе изданія. Въ № 6 *Луны* была напечатана „Загадка“ въ стихахъ Ромуальда Кватерника, которую поспѣшилъ разрѣшить Гай акростихомъ: Horvatska (Хорватія) въ № 11 [6]). Въ своей автобіографіи Гай говоритъ, что его хорватскія стихотворенія редакція нѣмецкаго журнала не хотѣла было печатать, но онъ ей пригрозилъ основать особое изданіе на мѣстномъ нарѣчіи. Впрочемъ, въ первыхъ годахъ Luna находимъ нѣсколько хорватскихъ стихотвореній, писанныхъ Миклоушичемъ, Гаемъ, І. Р. Кватерникомъ и другими за буквенными подписями.— Въ „Загадкѣ“, написанной Кватерникомъ и „разгадкѣ“ Гая сказывается сознаніе народнаго единства Хорватіи съ Сербіей, и другими юго-славянскими странами.— Стихотворенія Гая, помѣщенныя въ эту пору въ Luna, по преимуществу относятся къ его родинѣ Загорью, гдѣ онъ впервые понялъ необходимость писать на родномъ языкѣ [7]). Всѣ эти произведенія Гая не имѣютъ, конечно, художественнаго и литературнаго значенія, но свидѣтельствуютъ о все возростающемъ въ немъ сознаніи своей народности и предсказываютъ въ немъ будущаго дѣятеля.

Въ 1826 г. умеръ его отецъ, и Гай провелъ осень съ матерью, которая постоянно поддерживала въ немъ пробудившуюся симпатію къ народу и языку. „Разговоръ Угодни“ Качича усилилъ интересъ къ исторіи юго-славянъ, пробужденный въ немъ еще ранѣе чтеніемъ различныхъ латинскихъ книгъ и хроникъ. Посовѣтовавшись съ матерью, Гай отпра-

вился въ Вѣну, гдѣ поступилъ на философскій факультетъ университета и сталъ усердно заниматься въ вѣнской придворной библіотекѣ. Читалъ онъ по преимуществу такія книги, въ которыхъ надѣялся найти свѣдѣнія по исторіи родины и своего народа, и дѣлалъ изъ нихъ выписки. Но не имѣя ни знакомыхъ, ни друзей въ Вѣнѣ, Гай сталъ страдать такою тоскою по родинѣ, что, по совѣту врача, скоро переѣхалъ въ Градецъ, откуда ближе къ родинѣ и гдѣ могъ встрѣтить своихъ соплеменниковъ въ университетѣ. Это было въ началѣ 1827 г. Въ Градцѣ Гай чувствовалъ себя хорошо. „Прелестныя окрестности этого города, привѣтливость тамошнихъ жителей, а особенно кружокъ избранныхъ учителей и учениковъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ просвѣщенію, вполнѣ излѣчили и спасли мое сердце отъ тоски, его одолѣвшей", говоритъ онъ [8]). Въ ту пору въ Градцѣ училось нѣсколько молодыхъ людей, Хорватовъ и Словенцевъ, дружба съ которыми принесла Гаю немало пользы. Гай, будучи студентомъ, уже заинтересовался вопросомъ объ улучшеніи системы правописанія и о выборѣ языка для хорватской словесности. Своимъ энтузіазмомъ онъ возбуждалъ и въ своихъ товарищахъ и друзьяхъ интересъ къ народному языку и занятіямъ исторіей юго-славянъ [9]). Въ Градцѣ Гай, впрочемъ, нашелъ уже общество, состоявшее изъ молодыхъ Хорватовъ и Сербовъ, которое называло себя „иллирскимъ клубомъ" или въ шутку „народнымъ правительствомъ". Въ числѣ членовъ-товарищей этого кружка былъ Божидаръ Петрановичъ, родомъ изъ Далматіи, впослѣдствіи основавшій въ Задрѣ альманахъ „Сербско-Далматинскій Магазинъ", выходившій съ 1836 по 1870 г. (всего 30 книгъ), и нѣсколько сербовъ изъ тогдашняго Сербскаго княжества [10]), а также Словенцевъ. Гай здѣсь ознакомился съ новымъ чешскимъ правописаніемъ, вводившимъ значительное упрощеніе въ латинско-славянскую орѳографію, чтó могло повести къ прекращенію существовавшей всюду среди пишущихъ латиницей Славянъ путаницы въ изображеніи славянскихъ звуковъ. Онъ побуждалъ въ 1828 году словенца Мурко издать приготовленный имъ Словенскій сло-

варь чешскимъ правописаніемъ [11]). Во время своего пребыванія въ Градцѣ Гай ознакомился впервые съ кириллицей и читалъ сербскія народныя пѣсни въ изданіи Вука Караджича, при помощи серба Моисея Балтича, о чемъ онъ вспоминаетъ въ своей автобіографіи. Слушая лекціи въ университетѣ и занимаясь въ Іоаннеумѣ, Гай увлекался чтеніемъ Фарлатти. Свои деньги онъ употреблялъ, по свидѣтельству Курельца, на покупку книгъ, и сочиненіе Вальвазора: Die Ehre des Herzogthums Krain, имъ тогда пріобрѣтенное, оказало на него большое вліяніе. Гай вспоминаетъ съ особенною любовью о своихъ профессорахъ Адальбертѣ Мухарѣ, написавшемъ исторію Штиріи, по происхожденію славянинѣ изъ Военной Границы, и Вартингерѣ, хранителѣ рукописнаго отдѣленія въ Іоаннеумѣ. Гай у него учился вспомогательнымъ историческимъ наукамъ: чтенію древнихъ документовъ и рукописей, геральдикѣ, сфрагистикѣ и т. д. О Мухарѣ Гай вспоминаетъ и въ своихъ запискахъ, представленныхъ въ Москвѣ Погодину, указывая на его сочиненія, посвященныя изслѣдованію древнѣйшей эпохи Славянской исторіи [12]). Когда Мухаръ узналъ, что Гай написалъ какую-то исторію хорватскаго народа по хорватски и намѣренъ ее напечатать, онъ напалъ на молодаго способнаго студента, совѣтуя ему сильнѣе заниматься науками и оставить пока въ сторонѣ сочинительство. „Бросьте въ огонь, что написали, говорилъ онъ Гаю. Для изданія такихъ произведеній, которыми можете быть полезными своему народу и пробудить его, нужно много знаній, зрѣлаго размышленія и долговременнаго заботливаго труда. Что станете дѣлать теперь, когда не знаете и десятой доли своей исторіи? Да и гдѣ у васъ книжный языкъ, на которомъ бы вы могли издать свою книгу? Выбросьте же изъ головы такія незрѣлыя мысли и постарайтесь приготовить и себя, и другихъ, чтобы быть въ силахъ положить основаніе народной письменности, которой у васъ нѣтъ“. Эти слова ученаго нѣмца-профессора, относившагося доброжелательно къ своимъ славянскимъ ученикамъ, такъ повліяли на Гая, что онъ рѣшился отказаться отъ печатанія своей работы и сталъ изучать источники. Извѣстно,

что Гай впослѣдствіи готовилъ исторію иллирскихъ народовъ, но не напечаталъ ея, хотя о предстоящемъ ея выходѣ нерѣдко упоминалось въ *Даницѣ*. Вспоминая о другомъ профессорѣ Вартингерѣ, Гай для характеристики его любви къ наукѣ разсказываетъ, что онъ, издавъ краткую исторію Штиріи, собралъ небольшую сумму изъ своего жалованія и предназначилъ ее тѣмъ ученикамъ штирійскихъ гимназій, которые будутъ всего лучше заниматься исторіей. Нѣмецъ Вартингеръ сочувственно относился къ мысли о введеніи преподаванія въ школахъ на народномъ нарѣчіи. Онъ побуждалъ Гая постараться о развитіи литературы въ его отечествѣ на народномъ языкѣ и объ основаніи тамъ народныхъ училищъ,— особенно же о томъ, чтобы исторія преподавалась на народномъ языкѣ.

Изъ числа своихъ товарищей-славянъ въ Градцѣ, Гай упоминаетъ о Балтичѣ и Деметрѣ. Балтичъ, какъ выше сказано, ознакомилъ его съ кирилловскою азбукою и читалъ съ нимъ сербскія народныя пѣсни Караджича. „Онъ первый открылъ мнѣ внутреннее достоинство нашего чистаго народнаго языка, который единственно достоинъ общаго иллирскаго имени“, говоритъ Гай. Такимъ образомъ, мысль Гая о замѣнѣ хорватскаго провинціальнаго нарѣчія языкомъ общимъ съ Сербами ведетъ свое начало со времени его студенчества въ Градцѣ и знакомства съ Балтичемъ.

Дружба Гая съ Деметромъ, начавшаяся также въ Градцѣ, имѣла большое значеніе не только для развитія послѣдующей дѣятельности Гая, но и для успѣшнаго хода литературнаго возрожденія Хорватіи. Грекъ по происхожденію, сынъ довольно состоятельнаго торговца, бѣжавшаго изъ Македоніи во время первыхъ греческихъ возстаній и поселившагося въ Загребѣ, Димитрій Деметеръ принадлежалъ къ числу самыхъ способныхъ и образованныхъ дѣятелей своей эпохи. Хорошо зная по гречески съ дѣтства, Деметеръ, будущій писатель первыхъ хорватскихъ драмъ, въ Градцѣ усердно занимался изученіемъ греческой драмы. Онъ хорошо владѣлъ и хорватскимъ языкомъ и стихомъ, Гай разсказываетъ, что первая хорват-

ская ода была написана Деметромъ въ 1828 г. и посвящена Гаю, когда онъ вернулся въ Градецъ послѣ поѣздки на Рождественскія каникулы къ матери. Ода эта была написана на загребскомъ нарѣчіи. Самое посвященіе хорватской оды Гаю свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, которымъ онъ пользовался среди товарищей. Частыя общенія Деметра и Гая и ихъ разговоры, по словамъ Гая, наводили ихъ на мысли о тѣхъ способахъ, къ какимъ нужно прибѣгнуть, чтобы пробудить хорватскій народъ изъ его вѣковаго сна. „Почти ничего болѣе важнаго въ дѣлѣ народнаго возрожденія до нынѣ не было сдѣлано, о чемъ бы мы тогда уже не договаривались", пишетъ Гай въ 1852 г. [13]). Пѣсни Гая, напечатанныя въ журналѣ Luna, вдохновили Деметра, по словамъ Гая, твердою надеждою, что „своимъ постоянствомъ они смогутъ развить и поднять народную литературу". Занятія Гая исторіей югославянъ дали Деметру мысль воспроизвести впослѣдствіи дѣянія славныхъ хорватскихъ героевъ въ драматическихъ произведеніяхъ, но для этого необходимо было учрежденіе хорватскаго театра. Тогда же у молодыхъ патріотовъ возникла мысль объ основаніи народнаго музея. Съ этой цѣлью Гай сталъ собирать уставы и правила подобныхъ учрежденій, существующихъ въ Австріи.

Изъ Градца Гай переѣхалъ въ Пештъ, такъ какъ тамъ онъ надѣялся найти болѣе всего рукописей и книгъ, относящихся къ исторіи хорватскаго народа. Когда при императорѣ Іосифѣ II послѣдовало закрытіе монастырей, много рукописей и книгъ было передано изъ монастырскихъ книгохранилищъ и архивовъ въ вѣнскую придворную библіотеку, но часть ихъ была переслана въ Пештъ. Здѣсь Людевитъ Гай надѣялся найти много матеріала для своихъ задуманныхъ историческихъ работъ въ университетской и Сеченьевско-народной библіотекѣ, незадолго предъ тѣмъ основанной. Ему было извѣстно, что библіотека павлинскаго монастыря, находившагося на Лѣпой Главѣ [14]), была перевезена въ Пештъ и передана въ университетъ. Гай продолжалъ свои занятія въ университетѣ, гдѣ слушалъ курсы по венгерскому праву, по словес-

ности и исторіи. Лекціи тогда читались на латинскомъ языкѣ, но уже среди Мадьяръ было сильно возбуждено стремленіе замѣнить и въ университетѣ латинскій языкъ — мадьярскимъ.

Занимаясь въ Сеченьевской библіотекѣ, Гай пришелъ къ мысли о необходимости основать въ Хорватіи библіотеку, подобную той, какую имѣли Мадьяре. „Здѣсь, пишетъ онъ, я впервые твердо рѣшилъ составить, не жалѣя труда и не щадя издержекъ, такое же полное собраніе книгъ и рукописей, которое охватывало бы всю Иллирію во всякомъ отношеніи, особенно же въ историческомъ“. Такимъ образомъ, Гай принялъ и тутъ намѣреніе практически содѣйствовать воскрешенію хорватской народности.

Начавшаяся между Хорватами и Мадьярами борьба за языкъ еще не приняла въ двадцатыхъ годахъ такихъ размѣровъ, какъ послѣ постановленій пожунскаго сейма 1832—1836 г., когда Хорваты принуждены были прибѣгнуть съ просьбою къ императору Фердинанду V объ его личномъ вмѣшательствѣ по вопросу о введеніи въ хорватскихъ школахъ и учрежденіяхъ мадьярскаго языка. Хорватская и мадьярская аристократія употребляла еще въ разговорѣ латинскій языкъ. Гай, разсказывая о своихъ занятіяхъ въ Сеченьевской библіотекѣ, вспоминаетъ о слѣдующемъ случаѣ, доставившемъ ему знакомство съ однимъ изъ хорватскихъ вліятельныхъ людей, Степаномъ Ожеговичемъ, отцомъ Метелла Ожеговича, извѣстнаго дѣятеля во время труднѣйшей поры жизни хорватскаго народа съ 1837—1860 г. Мадьяре, кричавшіе о значеніи мадьярскаго языка и литературы, еще мало занимались своей исторіей. Гай работалъ въ теченіе цѣлаго года въ народной библіотекѣ почти всегда одинъ. Однажды въ читальную залу вошли два господина и потребовали нѣкоторыхъ книгъ и документовъ, относившихся къ парламентскимъ дѣламъ. Старшій — это былъ Степанъ Ожеговичъ — спросилъ Гая по латыни, не занимается ли онъ „исторіей отечества“. Гай отвѣтилъ: „да, исторіей моего отечества, Хорватіи“. Старый Ожеговичъ обнялъ Гая и, узнавъ его фамилію, вспомнилъ объ его отцѣ и похвалилъ ревность молодаго человѣка. Ожеговичъ и его

товарищъ, какой то мадьярскій магнатъ, затѣмъ не разъ приходили въ библіотеку. Однажды послѣдній обратился къ Ожеговичу съ вопросомъ: Amice! Mihi videtur, quod iste Dominus se paret ad expugnandam Hungariam (другъ, мнѣ кажется, этотъ господинъ готовится завоевать Венгрію). Гай, услышавъ вопросъ, отвѣтилъ: Non ad expugnandam Hungariam, sed ad propugnandam Croatiam, (не завоевать Венгрію, а освободить Хорватію). Этотъ случай доставилъ Гаю симпатію и покровительство Ожеговича.

Пребываніе въ Пештѣ оказало глубокое вліяніе на всю послѣдующую дѣятельность Гая. Здѣсь онъ завязалъ свои связи съ Колларомъ и Шафарикомъ, здѣсь онъ познакомился съ Сербами, здѣсь же въ немъ, подъ вліяніемъ Коллара съ одной стороны, и какъ противодѣйствіе мадьярскимъ патріотическимъ крайнимъ увлеченіямъ съ другой, воспиталась и укрѣпилась мысль о славянской взаимности, въ которой онъ нашелъ оправданіе своихъ цѣлей—объединить всѣхъ юго славянъ въ одномъ литературномъ языкѣ.

Въ доказательство крайностей, до которыхъ доходили Мадьяре въ своемъ стремленіи поставить выше всѣхъ свою народность, Гай приводитъ слѣдующій случай. Стефанъ Хорватъ, впослѣдствіи доказывавшій, что Хорватія и Славонія всегда были подчинены Мадьярамъ и поэтому не имѣютъ никакихъ основаній требовать для себя и своего языка какихъ бы то ни было особыхъ правъ, читалъ лекціи по венгерской дипломатикѣ въ Пештскомъ Университетѣ. Между разными нелѣпыми доказательствами о древности мадьярскаго народа и его преимуществахъ, Хорватъ, утверждавшій, что всѣ древнѣйшіе образованные народы были мадьярскаго племени, показывалъ своимъ слушателямъ какую-то „тряпку“ (dronjak) съ изображеніями, снятую съ египетской мумміи. „Вотъ, сказалъ онъ, я вамъ уже нѣсколько разъ доказывалъ, что древніе Египтяне, или наши предки, были настоящіе Мадьяре: вотъ вамъ одно изъ самихъ древнихъ доказательствъ“. Мадьярскіе студенты съ удовольствіемъ слушали эти рѣчи патріота-профессора, но Гай рѣшился спросить, нельзя ли прочитать эту „мадьяр-

скую“ грамоту. Тогда профессоръ, ничѣмъ не стѣсняясь, отвѣтилъ: „Эхъ, сударь,—никто еще не могъ прочитать этого!“ [15]). Шафарикъ приводитъ нѣсколько примѣровъ самыхъ нелѣпыхъ мадьярскихъ отзывовъ о Славянахъ: такъ, піаристъ Дугоничъ профессоръ въ Пештѣ громко проповѣдывалъ ненависть и презрѣніе къ Славянамъ, а въ одномъ его романѣ русскіе или „русняки“ отождествовались съ цыганами, имя Моравянъ производится отъ слова marva, т. е. скотъ и т. д. Въ то же время въ нѣмецкихъ газетахъ, какъ напр. въ аугсбургской Allgemeine Zeitung, выражалось удивленіе, что славянскіе народы хотятъ придать своимъ языкамъ и нарѣчіямъ литературное значеніе [16]), и т. п.

Понятно, что живя въ Пештѣ во время всеобщаго возбужденія Мадьяръ, совпадавшаго съ революціонными движеніями въ Европѣ начала тридцатыхъ годовъ, Гай сильнѣе укрѣплялся въ мысли скорѣйшаго возрожденія хорватскаго народа. Но этотъ народъ былъ слишкомъ малъ и слабъ самъ по себѣ, разъединенъ и литературно, и политически, и даже орѳографически.—Нужно было искать средствъ увеличить его значеніе и силы, поднять его правоспособность. Въ этомъ отношеніи знакомство Гая съ Колларомъ имѣло рѣшающее значеніе.

Янъ Колларъ, вдохновенный пѣвецъ Slavy dcera и проповѣдникъ Славянской взаимности, во время пребыванія Гая въ Пештѣ пользовался уже большимъ вліяніемъ на всю славянскую молодежь, собиравшуюся въ Пештѣ. Окружавшіе его Сербы и Хорваты проникались его мыслями о близкомъ общемъ возрожденіи Славянства и заучивали сонеты изъ его поэмы Slavy dcera, вышедшей въ 1821 г., въ сокращенномъ видѣ, вслѣдстіе цензорскихъ помарокъ, подъ именемъ Básně и въ 1824 г. подъ своимъ общеизвѣстнымъ именемъ въ болѣе полномъ видѣ. Колларъ въ ту пору уже выяснилъ для себя тѣ идеи, которыя послѣ онъ изложилъ въ извѣстной брошюрѣ о славянской взаимности. Уже въ поэмѣ Slavy dcera проходитъ общая мысль объ единствѣ Славянскихъ народовъ. Въ 1830 г. онъ уже признаетъ необходимымъ свести всѣ славянскіе литературные языки къ четыремъ: русскому, поль-

скому, сербскому и чешскому [17]), что́ съ такою опредѣленностью онъ выразилъ затѣмъ въ альманахѣ Hronka въ 1836 и въ брошюрѣ: Ueber die literarische Wechselseitigkeit въ 1837 [18]). Колларъ принималъ живое участіе въ трудахъ Шафарика и вмѣстѣ съ Гамульякомъ содѣйствовалъ распространенію его книги: „Исторія славянскихъ литературъ по всѣмъ нарѣчіямъ". Въ эту пору словацкіе патріоты съ Палковичемъ и Гамульякомъ во главѣ задумывали уже было основать словацкій журналъ [19]). Въ 1828 г. сербскій патріотъ и поэтъ Пачичъ издаетъ при ближайшемъ участіи Коллара книгу о личныхъ именахъ различныхъ славянскихъ народовъ, къ которой Колларъ придалъ свои примѣчанія [20]).

Вотъ какъ самъ Гай характеризуетъ свое знакомство съ Колларомъ. „Этотъ замѣчательный Славянинъ несказанно радовался всякому слову, которое онъ отъ меня слышалъ объ Иллирскихъ Славянахъ. А болѣе всего его заняло сообщеніе о моей родинѣ и живой еще разсказъ о славянскихъ братьяхъ (т. е. о Чехѣ, Лехѣ и Мехѣ около Крапины), изъ котораго простой народъ выводитъ въ своей простотѣ всѣ главныя вѣтви своего народа. Этотъ разсказъ такъ сильно заинтересовалъ его, что онъ тотчасъ началъ думать о томъ, какъ бы свѣдѣніе о немъ распространить среди ученыхъ и перенести въ литературу мысль о всеславянскомъ братствѣ,— мысль, которая среди простаго, необразованнаго народа переходила отъ отца къ сыну и хранилась, какъ какая-то святыня. Это́ онъ впослѣдствіи, чрезъ нѣсколько лѣтъ, и сдѣлалъ, издавъ свое сочиненіе о литературной славянской взаимности".—Едва ли однако былъ правъ Гай, полагая, что онъ своимъ разсказомъ далъ поводъ Коллару создать его знаменитую теорію о четырехъ главныхъ славянскихъ языкахъ. Мысль о необходимости противодѣйствовать дробленію славянскихъ литературныхъ языковъ высказывалась значительно раньше. Такъ, Шафарикъ, издавая въ 1823 г. свой сборникъ словацкихъ народныхъ пѣсенъ, насчитывалъ семь нарѣчій словацкаго языка: словацко-чешское, собственно словацкое, польско-словацкое, русско-словацкое (сотаки), сербо-словацкое,

нѣмецко-словацкое и мадьярско-словацкое, кромѣ того называетъ три изъ многочисленныхъ подрѣчій: Ганацкое (около Прессбурга), Трпацкое (отъ слова *tepрv*, произносимаго *trpov*, около Гонта) и Крекачское (въ Гемерской столицѣ, отъ слова *kre*, примѣшиваемаго очень часто къ рѣчи). Онъ сводилъ всѣ славянскія нарѣчія къ семи главнымъ языкамъ: русскому, польскому, чешскому, иллирскому, сербскому, хорватскому и лужицкому. Шафарикъ рѣшительно выказывался противъ созданія словаками своего особаго, отдѣльнаго отъ Чеховъ литературнаго языка. Уже тогда Шафарикъ явился противникомъ мысли Копитара, полагавшаго возможнымъ проводить сравненіе между славянскими нарѣчіями и нарѣчіями греческаго языка—и желавшаго развитія каждаго отдѣльнаго вида нарѣчія. Онъ прямо называетъ *измѣною* всякое стремленіе раздробить и безъ того разъединенное Славянство [21]).

Эти мысли о необходимости сближать нарѣчія и соединять ихъ въ большія группы были общими у многихъ выдающихся писателей и дѣятелей того времени. Самъ Гай испыталъ всю силу вліянія, какое оказывалъ Колларъ на всѣхъ его окружавшихъ, и конечно не молодой студентъ Пештскаго Университета навелъ Коллара на идеи, выраженныя въ его извѣстной брошюрѣ. Вернувшись изъ Пешта, въ Загребѣ и Вѣнѣ Гай на всѣхъ собраніяхъ молодыхъ людей говорилъ о Колларѣ, его глубокой учености, его увлекательныхъ мысляхъ и распространялъ чтеніе Slavy dcera [22]).

Когда польскій ученый Кухарскій ѣздилъ по славянскимъ странамъ и въ 1829 г. направился въ Хорватію, Гай поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, чтобы сопутствовать ему въ путешествія. Въ 1830 г. Кухарскій былъ въ Москвѣ и, вѣроятно, отъ него Погодинъ впервые услышалъ о начинающемся литературномъ движеніи среди католическихъ Иллировъ [23]) и о самомъ Гаѣ.

Къ этому времени жизни Гая относятся его сборники пословицъ и хорватскихъ сказокъ, оставшихся въ рукописи, ибо всѣ они писаны старой орѳографіей, а на одномъ изъ нихъ значится 1827 — 28 г., а также рукопись Гая: Ueber

die Vereinigung der in altilirischen Districten wohnenden Slaven zu einer Büchersprache, помѣченная 1830 г. [24]).

Знакомство съ Шафарикомъ Гай завязалъ письменно чрезъ посредство Коллара. Шафарикъ тогда жилъ въ Новомъ Садѣ, гдѣ онъ былъ учителемъ гимназіи и собиралъ, между прочимъ, матеріалы для новаго изданія „Исторіи славянскихъ литературъ". Онъ обратился къ Гаю съ просьбою сообщить ему матеріалы относительно хорватской литературы.

Знакомство и связи Гая съ Колларомъ не прерывались до самой смерти этого замѣчательнаго поэта и славянскаго мыслителя. Когда Колларъ въ 1841 году, отправился въ путешествіе по Италіи и по пути посѣтилъ Хорватію и Штирію, онъ, направляясь въ Загребъ, прежде всего побывалъ на родинѣ Гая въ Крапинѣ. Гай въ эту пору былъ уже популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Хорватіи [25]). Колларъ свидѣтельствуетъ о чрезвычайной распространенности въ населеніи Крапины сказанія о братьяхъ Чехѣ, Лехѣ и Мехѣ, родоначальникахъ славныхъ славянскихъ племенъ. Посѣтивъ Гая въ Загребѣ, гдѣ Коллару былъ оказанъ самый радушный, даже восторженный пріемъ, онъ называетъ Гая „осью, вокругъ которой вращается духовная и народная жизнь Загреба и даже всей Хорватіи". Онъ вспоминаетъ, какъ 12 лѣтъ тому назадъ онъ училъ Гая по чешски и разсуждалъ съ нимъ о правописаніи, о газетахъ и вообще о способахъ подъема народнаго самопознанія у Славянъ. Характеризуя Гая, какъ человѣка серіознаго, приводящаго въ исполненіе всѣ замыслы молодости, Колларъ называетъ его магнитомъ, который имѣлъ силу привлечь къ себѣ самую способную иллирскую молодежь всѣхъ странъ и нарѣчій и пріобрѣсти симпатіи къ новому литературному движенію даже среди дворянства, что̀ представлялось Коллару особенно важною заслугою Гая въ виду отношенія дворянства къ народнымъ вопросамъ у Словаковъ. „Что-то чудесное имѣетъ въ себѣ и около себя Гай. Не заслуживаетъ ли воскрешеніе народа имени чуда?", восклицаетъ Колларъ. Онъ описываетъ типографію Гая и удивляется обилію славянскихъ газетъ въ Иллирской читальнѣ,

помѣщавшейся надъ типографіей. Въ Загребѣ Колларъ засталъ Срезневскаго и Прейса, тогда готовившихся занять первыя каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Русскихъ Университетахъ. Онъ оправдываетъ Гая въ виду обвиненій его въ честолюбіи и похвальбѣ указаніемъ на его заслуги: „Если бы мы, Славяне, имѣли народный Пантеонъ, подобно Римлянамъ и Французамъ, или валгаллу, какъ Нѣмцы, я бы тамъ поставилъ изображеніе Гая и украсилъ его вѣнкомъ, составленнымъ изъ красивыхъ листьевъ", говоритъ Колларъ [26]). Столь высоко цѣнилъ пѣвецъ единства Славянъ — дѣятельность Гая въ лучшую ея пору.

Въ 1831 г. Гай окончилъ курсъ Пештскаго Университета и съ той поры онъ цѣликомъ посвящаетъ себя дѣлу возрожденія Хорватовъ. Но будучи еще студентомъ, онъ издалъ небольшую книжку на хорватскомъ и нѣмецкомъ языкахъ о реформѣ хорватскаго правописанія. Въ Загребѣ, Градцѣ и Вѣнѣ въ то время уже собирались кружки молодыхъ славянскихъ патріотовъ, которыхъ занимаетъ мысль о воскрешеніи народа и выработкѣ народнаго языка. Въ Вѣнѣ они собирались въ гостинницѣ Morgenstern, которую прозвали Danica, т. е. денница, въ Градцѣ въ это же время учились Миклошичъ и Станко Вразъ, а въ Загребѣ образовался довольно тѣсный кружокъ молодыхъ патріотовъ, въ который входили Бабукичъ, Деркосъ, Маричъ, Антонъ Мажураничъ, Раковецъ и Смодекъ [27]),—всѣ они принимали впослѣдствіи живое участіе въ журналахъ, которые началъ издавать Гай въ 1835 г.

Въ Загребѣ профессоръ Смодекъ началъ безплатно преподавать желающимъ хорватскій языкъ и литературу. Загребская архигимназія, основанная въ 1672 г., состояла изъ 6 гимназическихъ классовъ и двухъ спеціальныхъ, въ которыхъ преподавались философія, юридическія науки и богословіе [28]). Преподаваніе шло на латинскомъ языкѣ. Съ 1792 г. въ ней преподавался, какъ необязательный предметъ, мадьярскій языкъ, а съ 1833 г. обученіе всѣхъ учащихся этому языку стало обязательнымъ. Но хорватскаго языка въ ней не преподавалось [29]). Лишь въ низшихъ классахъ при преподаваніи

латинскаго языка и Закона Божія дозволялось дѣлать объясненія на нѣмецкомъ и мѣстномъ хорватскомъ языкахъ.

Со времени Іосифа II нѣмецкій языкъ сталъ вообще весьма распространяться и въ Хорватіи, а сильное развитіе нѣмецкой литературы, имѣвшей въ эту пору Шиллера и Гете, не могло не отразиться и во всѣхъ славянскихъ странахъ, связанныхъ политически съ Австріей, стоявшей во главѣ Германіи. — Но эта гимназія, какъ и всѣ другія заведенія этого рода, существовавшія въ Хорватіи, Военной Границѣ и Славоніи [30]), со своимъ преподаваніемъ въ схоластическомъ духѣ, съ варварскою латынью, какъ языкомъ преподаванія, съ узкими цѣлями воспитанія, не могли давать хорватскому юношеству надлежащаго воспитанія. Хорватскіе юноши до самаго иллирскаго возрожденія почти не слыхали ничего о славной эпохѣ дубровницкой и далматинской литературы, самое имя Гундулича пѣвца „Османа“ было совершенно неизвѣстно. Просвѣщенные Хорваты не считали себя Хорватами, а считавшіе себя таковыми, не хотѣли признать Хорватами другихъ изъ сосѣднихъ краевъ. Юношамъ впаивалось презрѣніе къ родному „варварскому“ языку, — всѣ красоты приписывались одному латинскому. Многіе образованные люди поэтому не могли связать правильно и десяти словъ по хорватски. Иные Хорваты проникались такою ненавистью къ родному прошедшему, что безъ всякаго милосердія уничтожали старинныя хорватскія грамоты, особенно же глаголическія, съ цѣлью стереть слѣды временъ варварства, чтобы „не краснѣть отъ стыда предъ чужеземцемъ, если бы онъ замѣтилъ, что старыя хорватскія грамоты писаны не образованною латиницей, а варварскимъ хорватскимъ языкомъ“. — „Однимъ словомъ, восклицаетъ Антонъ Мажураничъ, эти школы завели насъ въ народномъ отношеніи въ настоящее варварство!“ Изучая только латинскій языкъ, хорватскіе юноши мало чему научились, и то, что они узнавали, было безполезно для народа [31]).

Въ такихъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ Мажураничъ, свидѣтель всего періода хорватскаго возрожденія, положеніе

школъ въ Хорватіи и результаты ихъ дѣятельности. Понятно какое важное значеніе могли имѣть первыя попытки преподаванія хорватскаго языка въ Загребѣ. Какъ выше сказано, это преподаваніе началъ Смодекъ.

Смодекъ окончилъ курсъ въ Пештскомъ Университетѣ въ ту пору, когда въ Пештѣ жилъ Гай. Вѣроятно, подъ его вліяніемъ онъ, будучи назначенъ профессоромъ въ Загребскую архигимназію, задумалъ открыть безплатное преподаваніе хорватскаго языка. Его лекціи привлекали многочисленныхъ слушателей: ходили не только ученики старшихъ классовъ, но и профессора, ибо самый предметъ казался въ ту пору необычайнымъ. Впрочемъ, дѣло не обошлось безъ столкновенія между учениками, ибо Мадьяре, присылаемые въ Загребъ изъ Венгріи и учившіеся въ этой гимназіи, протестовали противъ этого нововведенія, и многіе профессора не хотѣли допустить преподаванія хорватскаго языка [32]). Это происходило въ началѣ 1832 г. Но все же и четыре года спустя Степанъ Мойзесъ, Словакъ по происхожденію, бывшій въ ту пору профессоромъ въ Загребской архигимназіи, а впослѣдствіи епископомъ въ Быстрицѣ у Словаковъ, въ 1836 г. въ торжественной рѣчи долженъ былъ витіевато, по тогдашнему обычаю, доказывать пользу и значеніе преподаванія хорватскаго языка [33]). Смодекъ сталъ первый примѣнять ученія Гая о правописаніи и употреблять діакритическіе знаки [34]). Онъ преподавалъ десять лѣтъ хорватскій языкъ по собственному желанію, безъ всякой платы [35]).

Одновременно съ тѣмъ въ Загребѣ обнаруживается сильный интересъ въ различныхъ слояхъ къ хорватскому языку и вообще къ Славянству. Бабукичъ, впослѣдствіи первый профессоръ хорватской словесности, въ 1833 г. составилъ уже свою грамматику хорватскаго языка и примѣнилъ новое правописаніе [36]). Онъ въ ту пору уже основательно изучилъ чешскій языкъ, желая по его примѣру развить хорватскій. Бабукичъ, учась еще въ Сегединѣ, познакомился съ Сербами, отъ нихъ научился кириллицѣ и прочиталъ Досиѳея Обрадовича, который произвелъ на него впечатлѣніе, оставшееся

на всю жизнь, своею простотой и ясностью мысли и изложенія.

Политическая борьба въ ту пору въ 1831—32 годахъ въ Хорватіи принимаетъ уже довольно большіе размѣры. Когда Хорваты готовились выбирать депутатовъ на общій сеймъ въ Пожунѣ, графъ Янко Драшковичъ выступилъ со своею брошюрою: Dissertatio iliti rozgovor. Появленіе члена хорватской аристократіи въ рядахъ явныхъ и рѣшительныхъ защитниковъ правъ народнаго языка и самая личность графа Янка Драшковича—свидѣтельствовали о томъ, что наступило время рѣшительной борьбы за языкъ съ мадьярскими притязаніями.

Выступленіе графа Драшковича въ ряду борцовъ за хорватскую народность и литературный языкъ имѣетъ большое значеніе въ исторіи хорватскаго возрожденія. Графъ Янко Драшковичъ-Тракошчанскій происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, получившаго графскій титулъ отъ императора Фердинанда II въ 1631 г. Онъ родился въ Загребѣ 20 октября 1770 г. Учился сначала въ Загребѣ, а затѣмъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи по философскому и юридическому факультетамъ. По обычаю аристократовъ того времени, онъ рано вступилъ въ военную службу, участвовалъ въ осадѣ Лаудономъ Бѣлграда въ 1789 году и въ первыхъ австрійскихъ войнахъ Наполеоновскаго времени. Испытавъ на самомъ себѣ значеніе военной дисциплины для воспитанія характера и привычекъ, Драшковичъ остался навсегда сторонникомъ того, чтобы молодые люди начинали свою дѣятельность службою въ войскахъ. — Въ 1806 году въ Вѣнѣ онъ случайно сломалъ ногу, что̀ заставило его выйти въ отставку. Вскорѣ послѣ этого Янко Драшковичъ, богатый, и самъ по себѣ и по двумъ своимъ бракамъ (онъ былъ дважды женатъ: сначала на дѣвицѣ Погледичъ, стариннаго дворянскаго рода, а затѣмъ, послѣ ея смерти, на баронессѣ Кульмеръ), поселился въ Парижѣ. Переѣхать на жительство въ столицу Франціи отчасти побудило его и то обстоятельство, что послѣ образованія Наполеономъ

„Иллирскихъ провинцій“, часть его имѣній, находившихся за Савою, дѣлали его подданнымъ Франціи, между тѣмъ какъ другія имѣнія, оставшіяся въ Австрійскихъ предѣлахъ, привязывали его къ Австріи. Удалившись въ Парижъ, онъ избѣгалъ различныхъ непріятностей, связанныхъ съ этимъ положеніемъ. Въ Парижѣ онъ велъ роскошную жизнь, о которой сохранилось немало анекдотовъ. Здѣсь онъ старался поддерживать связи со славянскими аристократами, жившими въ столицѣ Франціи. Уже въ ту пору онъ любилъ народныя хорватскія пѣсни и даже костюмы. Одинъ изъ его біографовъ разсказываетъ, что въ Парижѣ онъ держалъ оркестръ, одѣтый въ хорватскіе костюмы и исполнявшій на его вечерахъ хорватскія и другія юго-славянскія пѣсни.—Графъ Драшковичъ дѣйствительно любилъ все народное. Когда въ 1818 г. императоръ Францъ посѣтилъ Загребъ, Драшковичъ, по договору съ епископомъ Верховцемъ, устроилъ предъ епископскимъ домомъ, гдѣ остановился императоръ, народное хорватское „коло“, въ которомъ принимали участіе хорватскіе аристократы и аристократки, спѣвшіе при этомъ популярную народную пѣсню: Zaspal Janko pod jablankom. Но это предпочтеніе народнаго не вытекало изъ сознанія потребности національнаго славянскаго развитія — по крайней мѣрѣ у большинства: это была еще лишь оригинальная забава, тѣшившая своею новизною. — Большинство аристократовъ совершенно не знали по хорватски, самъ Драшковичъ имѣлъ ограниченныя познанія въ этомъ языкѣ. Но Драшковичъ зналъ хорошо и могъ говорить на многихъ языкахъ: латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, мадьярскомъ, румынскомъ и польскомъ. Послѣднимъ четыремъ онъ научился во время своихъ стоянокъ въ областяхъ этихъ народностей. Онъ отличался отъ большинства членовъ хорватской аристократіи тѣмъ, что былъ большимъ любителемъ книгъ и чтенія. Впослѣдствіи онъ хорошо ознакомился и съ другими славянскими нарѣчіями, но навсегда остался большимъ поклонникомъ польскаго языка, которому научился въ молодости во время стоянки съ войсками въ Галиціи. Вслѣдствіе своего интереса къ литературѣ, Драшко-

вичъ и впослѣдствіи остался покровителемъ искусствъ и наукъ на своей родинѣ [37]).

Въ концѣ 20-ыхъ и началѣ 30-ыхъ годовъ Драшковичъ жилъ въ Загребѣ и сталъ центромъ для всѣхъ патріотически настроенныхъ Хорватовъ. Какъ членъ аристократіи, онъ умѣлъ привлечь къ дѣлу народнаго возрожденія и многихъ изъ хорватскихъ богатыхъ вельможъ своего времени. Какъ увидимъ впослѣдствіи, Драшковичъ положилъ начало Загребской читальнѣ и Иллирской Матицѣ.

Въ 1832 г. онъ напечаталъ политическую брошюру Disertatia iliti Razgovor [38]), въ которой, по справедливому выраженію автора Хорватской исторіи, заключается вся „программа хорватскаго народа до 1848 г.“ [39]). Драшковичъ написалъ это свое наставленіе депутатамъ, которые должны были отправиться въ Пожунъ для участія въ общеугорскомъ сеймѣ 1832—1836 гг., на штокавскомъ нарѣчіи, которое онъ тутъ назвалъ „naški jezik“. Самую орѳографію онъ приспособилъ по своему, ибо ему казалась принятая въ Загребѣ слишкомъ мадьярской и въ Далматіи слишкомъ итальянскою.— Онъ приводитъ причину выбора штокавскаго „діалекта“: на немъ говорятъ Словенцы, краишники-Хорваты, Приморцы, населеніе при Купѣ, Далматинцы, Боснійцы, Черногорцы и тѣ Хорваты, которые называются Wasserkroaten, т. е. живущіе въ мадьярскихъ областяхъ; на немъ печатались старыя книги въ Загребѣ, Пожегѣ, Сплѣтѣ, Венеціи и Дубровникѣ; наконецъ, богослужебныя книги въ Сеньской и другихъ приморскихъ эпархіяхъ — здѣсь разумѣется славянское богослуженіе у католиковъ по глаголическимъ книгамъ — написаны на этомъ же языкѣ. Къ своей брошюрѣ онъ приложилъ таблицу для опредѣленія численности населенія „языка великой Иллиріи“ съ подраздѣленіемъ его по вѣроисповѣданіямъ, католическому и православному. Изъ нея видно, что онъ объединялъ въ понятіи „великая Иллирія“ Хорватію, Славонію, бывшую Военную границу, Далматію съ Которомъ, Боснію и Герцеговину, Штирію, Хорутанію и Крайну, — однимъ словомъ весь славянскій югъ Австріи, съ присоединеніемъ Босніи и Херцего-

вины. По краямъ этой обширной территоріи языкъ смѣшивается съ чужими, а въ городахъ, какъ Загребъ, въ языкъ хорватскій входятъ слова латянскія и нѣмецкія. Что касается вѣроисповѣданія, то онъ насчитывалъ католиковъ безъ Крайны и Штиріи 1,321,000, съ этими же послѣдними число католиковъ возрастало до 2,213,000, а православныхъ 1,233,000. Сообразно съ такимъ взглядомъ на объемъ народности и языка, Драшковичъ требуетъ, чтобы депутаты настаивали на соединеніи Далматіи съ Хорватіей и Славоніей, на основаніи старыхъ правъ, и требовали подчиненія Рѣки хорватскому управленію. Онъ выражаетъ надежду на то, что со временемъ будетъ присоединена и Боснія, и что „нынѣшняя Иллирія", т. е. Крайна, Штирія и Хорутанія, также соединятся съ Хорватіей. Передъ нимъ рисовался идеалъ „Великой Иллиріи". „И такъ надѣйтесь, что Далматія будетъ, какъ прежде, со временемъ соединена съ нами, и мы тогда будемъ единоплеменный народъ въ 2 милліона. Возможно, что будетъ и больше, если со временемъ съ Божіею помощью вернется въ наши объятія Боснія, гдѣ живетъ столь много нашихъ единоплеменниковъ. Какъ велики эти надежды для нашего народа! И какъ всякому сердцу дозволена надежда, а всякому языку — молитва, пусть намъ будетъ позволено надѣяться, а отъ Бога просить, чтобы высшею милостью нашихъ королей соединенъ былъ съ нами нашъ край, который теперь именуется Иллиріей, и который говоритъ языкомъ, похожимъ на нашъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда такое королевство иллирское, считающее $3^1/_2$ милліона душъ, могло бы своему имени доставить славу, своему положенію — силу, коронѣ — пользу и имѣть значительный вѣсъ" [40]). Онъ хорошо зналъ, можно думать, настроеніе въ Вѣнѣ, которая начинала опасаться все возростающихъ требованій со стороны Мадьяръ, и разсчитывалъ, что усиленіе Хорватіи можетъ составить значительный противовѣсъ Венгріи.

Но чтобы возможно было усилить политическій ростъ Хорватіи, необходимо поднять значеніе народнаго языка и доставить ему подобающее мѣсто. Драшковичъ указываетъ на примѣръ Мадьяръ, такъ усиленно старающихся дать ши-

ровое распространеніе своему языку, и требуетъ, чтобы Хорваты приняли свой языкъ во всѣ дѣла и отношенія въ замѣнъ латинскаго, совершеннаго устраненія котораго онъ однако не желаетъ въ виду общихъ дѣлъ съ Мадьярами. А для того, чтобы можно было усовершенствовать языкъ и поднять образованіе народа, необходимо увеличить число школъ и улучшить положеніе учителей. „Мы расположены въ srединѣ Европы, намъ грозятъ востокъ и западъ, тотъ—тьмою, этотъ слишкомъ большимъ свѣтомъ", говоритъ Драшковичъ. Онъ наравнѣ боится какъ тьмы турецкаго рабства, тяготѣвшаго надъ частью его „великой Иллиріи", такъ и блестящаго свѣта запада, котораго не могутъ вынести „слишкомъ еще слабые глаза народа" [41]). Потому необходимо скорѣе позаботиться о подъемѣ просвѣщенія народа и особенно о болѣе полномъ образованіи духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій въ Хорватіи. Въ просвѣщеніи онъ видитъ не только средство къ подъему образованія и улучшенію быта народа, но и рѣшительное противодѣйствіе распространенію въ Хорватіи революціонныхъ идей, развивающихся въ Европѣ.

Драшковичъ останавливается и на положеніи православныхъ жителей хорватскаго королевства. Онъ одобряетъ признаніе за православными полноправности вмѣстѣ со всѣми другими жителями Венгріи въ 1790 г. и требуетъ, чтобы депутаты настаивали предъ Мадьярами о допущеніи способныхъ православныхъ гражданъ къ высшимъ должностямъ и объ улучшеніи положенія православныхъ епископовъ, которые, не будучи такъ обезпечены, какъ католическіе, не могутъ дать своему духовенству надлежащаго образованія [42]).

Указывая различные вопросы и способы, какими можно поднять Хорватское королевство въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, Драшковичъ настаиваетъ на томъ, что это королевство не было присоединено къ Венгріи въ силу завоеванія, а лишь въ силу договора, и потому требуетъ отъ депутатовъ-Хорватовъ достойнаго тона рѣчей и самостоятельности. Онъ имъ совѣтуетъ, — въ случаѣ, если бы они были побѣждены Мадьярами и должны были уступить мадьярскому

большинству, — не жаловаться и не плакать, ибо нѣтъ ничего недостойнѣе плачущаго народа. „Плачъ есть оружіе слабаго женскаго пола и помощь рабовъ и нищихъ — и нѣтъ ничего позорнѣе для юнаковъ, какъ тайныя жалобы“, восклицаетъ онъ [43]).

Языкъ, которымъ писалъ Драшковичъ, былъ очень запутанъ. Это чувствовалъ и самъ авторъ политической брошюры и потому присоединилъ къ ней: „Краткій словарь нѣкоторыхъ во всегдашнемъ разговорѣ необычныхъ коренныхъ реченій“. Между этими словами, которыя онъ объясняетъ по латыни и по нѣмецки, встрѣчаются такія, какъ baštiniti (erben), blagodariti (gratificare), dogodovština (historia), knjiželstvo (Litteratura), nadsud (Uhrtheil, judicium), obzir (Umsicht), požuda (Begierde), samosvojstvo (egoizmus), zakon (lex), даже Dubrovnik (Ragusa) и т. д. И дѣйствительно, многимъ читателямъ этой брошюры въ то время эти и подобныя хорватскія слова могли казаться совершенною новинкою.

Относительно орѳографіи Драшковичъ не рѣшился принять чешской системы, или той, которую рекомендовалъ Гай, и держится своей собственной, въ извѣстной степени сходной съ далматинскою. Такъ Драшковичъ выражаетъ звуки: ц — знакомъ z, звукъ ч — ch, безразлично соотвѣтствуетъ ли онъ č (ч) или ć (ћ), с — ſ, а большое S—Ṣ, ж—x̆, ш—s, з—ʒ, ђ—dj и т. д.

Драшковичъ зналъ и любилъ кириллицу. Онъ даже велъ свой дневникъ сербскимъ кирилловскимъ письмомъ [44]). — Какъ увидимъ, Драшковичъ принималъ участіе въ *Даницѣ* Гая и сталъ весьма извѣстенъ своею брошюрою: Ein Wort an Illyriens hochherzige Töchter, въ которой онъ формулировалъ стремленіе иллировъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 30-ыхъ годовъ въ центрѣ Хорватіи болѣе или менѣе уже опредѣлились ближайшія задачи, предстоявшія Гаю и его сотрудникамъ. Нужно было прежде всего позаботиться объ языкѣ и распространеніи знанія штокавскаго нарѣчія между образованными Хорватами. Нужно было приспособить этотъ языкъ къ употребленію въ хорватской

письменности. Уже тотъ фактъ, что Драшковичъ для большаго распространенія своихъ мыслей принужденъ былъ перевести на нѣмецкій языкъ свою „диссертацію", и что брошюра: Sollen wir Magyaren werden, направленная противъ Мадьяръ, выдержала три изданія [45]), (вышла въ Карловцѣ въ 1833 г), свидѣтельствуетъ о сильномъ распространеніи нѣмецкаго языка въ обществѣ. Даже Гай и его сотрудники въ иллирскомъ движеніи чаще всего разговаривали между собою по нѣмецки [46]).

Къ этому же времени относится выходъ небольшой хорватской брошюры молодаго и рано умершаго Деркоса: Genius patriae super dormientibus suis filiis (геній отечества надъ спящими своими сынами) [47]). Брошюра эта вышла въ апрѣлѣ 1832, почти одновременно съ „диссертаціей" Драшковича, и служитъ какъ бы ея дополненіемъ. Деркосъ былъ хорошо знакомъ съ вышедшими тогда трудами Шафарика, и часто подтверждаетъ свои выводы его сужденіями о необходимости подъема и развитія отечественнаго языка у Славянъ, высказанными имъ особенно въ „Исторіи Славянскихъ литературъ по всѣмъ нарѣчіямъ". Онъ хорошо зналъ произведенія Досиѳея Обрадовича и его значеніе въ сербской литературѣ и былъ знакомъ съ Гердеромъ, Кругомъ, Шлецеромъ, читалъ Суровецкаго и Данковскаго. Деркосъ начинаетъ свою брошюру опредѣленіемъ понятій: *отечество* и *патріотизмъ*. Онъ говоритъ объ отечествѣ въ смыслѣ общемъ, юридическомъ и генеалогическомъ. Юридическое понятіе отечества онъ раздѣляетъ сообразно историческому положенію Хорватіи на juridico-naturalis и juridico-positivus. Подъ первымъ онъ понимаетъ патріотизмъ, такъ сказать, обще-угорскій, подъ вторымъ спеціально хорватскій. Для объясненія послѣдняго онъ указываетъ на условія, при которыхъ Хорватія соединилась съ Венгріей, и на такъ называемыя муниципальныя права, обезпечивающія независимое отъ Мадьяръ внутреннее развитіе страны. Онъ настаиваетъ на томъ, что Далматія составляетъ необходимую часть Хорватскаго королевства и требуетъ такого патріотизма у Хорватовъ, который охватывалъ бы Хорва-

тію, Славонію и Далматію. Подъ „генеалогическимъ“ патріотизмомъ онъ понимаетъ патріотизмъ славянскій, вслѣдствіе сродства Хорватовъ съ другими славянскими народами. Такимъ образомъ, Деркосъ хотѣлъ подобно графу Драшковичу въ виду предстоящихъ засѣданій обще-угорскаго сейма дать патріотамъ Хорватамъ указанія, какъ они должны отстаивать права единаго цѣльнаго Хорватскаго королевства. Но главная задача брошюры Деркоса была — доказать колеблющимся и сомнѣвающимся необходимость и возможность поднятія значенія народнаго языка и созданія на немъ литературы. Онъ энергически возстаетъ противъ предразсудка, что должно изучать нѣмецкій языкъ больше, чѣмъ отечественный, и опровергаетъ мнѣнія автора брошюры: Aliquid circa linguam Hungaricam, желавшаго распространенія знанія мадьярскаго языка у Хорватовъ. Деркосъ, опираясь на историческихъ данныхъ, доказываетъ, что Хорваты не имѣютъ никакого обязательства изучать мадьярскій языкъ, и что, напротивъ того, имѣютъ полное право заботиться объ усовершенствованіи своего роднаго нарѣчія. Исходя изъ мысли, что просвѣщеніе народа стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ народнаго языка, Деркосъ ссылается на примѣръ всѣхъ европейскихъ народовъ и русскихъ въ томъ числѣ [48]). —Но главное и убѣдительнѣйшее доказательство связи между подъемомъ значенія народа и его языка даетъ быстро развивающаяся сербская литература и ея языкъ. „Эта Сербія имѣетъ уже такого человѣка, имя котораго сами Англичане упоминаютъ въ своихъ сочиненіяхъ“, говоритъ Деркосъ, приводя отзывы объ Досиѳеѣ Обрадовичѣ изъ одного англійскаго сочиненія. Онъ указываетъ на родственныя Хорватамъ Чешскую, Польскую и Русскую литературы, которыя стараются доставить Славянамъ въ Европѣ подобающее ихъ многочисленности (до 70-ти милліоновъ) положеніе, и требуетъ, чтобы и Хорватія вступила въ этотъ славянскій литературный союзъ. Онъ призываетъ Хорватовъ къ дѣятельности въ народномъ смыслѣ, если въ нихъ сохранилась „хоть малая искра народности, если только хоть немного славянской крови течетъ въ ихъ жилахъ“. Желая

доказать древность и достоинство славянскихъ языковъ, Деркосъ, слѣдуя сочиненіямъ Данковскаго [49]), приводитъ рядъ словъ славянскихъ и греческихъ, которыя ему кажутся однозвучными.

Деркосъ хорошо понималъ существенную важность вопроса, какое изъ нарѣчій должно быть принято въ Хорватіи, какъ литературное. Онъ находилъ въ Далматіи три діалекта: Дубровницкій, собственно Далматинскій и Нарентскій, которые онъ различаетъ по произношенію прошедшаго причастія: въ первомъ piso sam, reko sam, во второмъ pisal sam, rekal sam, въ третьемъ pisa sam, reka sam. Слѣдуя Шафарику, онъ находитъ, что эти малыя различія однако не мѣшаютъ существу языка, и что языкъ Далматинцевъ есть *Сербскій*. Опираясь на авторитетъ Шафарика, причислившаго языкъ Славоніи къ Сербско-Далматинскому, Деркосъ считаетъ языкъ Далматинцевъ, Славонцевъ и Боснійцевъ разными діалектами Сербскаго. Но какъ быть съ языкомъ населенія Хорватіи, дѣлившейся на двѣ части: провинціальную до Купы и военную? Шафарикъ считалъ языкъ военной части Хорватіи близкимъ къ Славонскому и Далматинскому, а языкъ провинціальной Хорватіи, по его мнѣнію, приближается къ языку Вендскихъ Словенцевъ. Деркосъ, причисляя первую часть прямо къ Сербо-Далматинскому нарѣчію, приводитъ историческія причины, въ силу которыхъ и провинціальная или „гражданская“ (civilis) Хорватія должна примкнуть къ тому же общему языку Сербо-Далматинскому. Хорватія, соединенная давно со Славоніей и Далматіей въ одно цѣлое политически, должна быть объединена и въ литературномъ языкѣ. Пользу соединенія всѣхъ діалектовъ въ одномъ языкѣ Деркосъ видитъ въ 4 отношеніяхъ: 1) соединеніе силъ поведетъ къ облегченію тягостей; 2) можно было бы печатать и большія произведенія для милліоновъ людей, и этимъ литература могла бы послужить на пользу Славянъ; 3) легче было бы распространить и продать книгу; 4) изящная литература процвѣтетъ, въ ней примутъ участіе Сербы венгерскіе, да и сами турецкіе Сербы сблизятся съ этимъ общимъ языкомъ, ибо ихъ діалектъ не от-

личается отъ языка остальныхъ трехъ нарѣчій настолько, чтобы ихъ книги не могли быть легко поняты въ этихъ трехъ областяхъ. Такимъ образомъ Деркосъ прямо указываетъ на необходимость объединенія въ языкѣ и принятія для этой цѣли Сербо-Далматинскаго нарѣчія въ качествѣ общаго для всѣхъ юго-славянскихъ областей, кромѣ Крайны, Штиріи и Хорутаніи.

Но Деркосъ опасался возраженій со стороны провинціальныхъ Хорватовъ относительно сліянія ихъ въ языкѣ съ остальными частями Хорватскаго королевства. „Славонія, Далматія и военная Хорватія, я знаю, охотно принесутъ эту небольшую жертву на алтарь отечества" [50]), пишетъ онъ, разумѣя подъ этою „жертвою" отреченіе отъ нѣкоторыхъ діалектическихъ различій, и убѣждаетъ провинціальныхъ Хорватовъ со своей стороны пожертвовать своимъ нарѣчіемъ для общаго блага. Онъ указываетъ на примѣръ Словаковъ, отказавшихся отъ своего діалекта и начавшихъ писать по чешски, и на Нѣмцевъ, которые дѣлились и дѣлятся на многія нарѣчія, но имѣютъ одинъ языкъ. Деркосъ утѣшаетъ патріотовъ провинціальной Хорватіи, что писатели станутъ брать лучшее и изъ ихъ нарѣчія въ общій языкъ.

Какъ диссертація графа Янка Драшковича, такъ и брошюра Деркоса по самой своей цѣли могли имѣть лишь ограниченный кругъ читателей, имѣвшихъ вліяніе на общія политическія дѣла. Не менѣе важно было распространеніе патріотическихъ идей и мысли о необходимости образованія на народномъ языкѣ среди обыкновенныхъ, простыхъ членовъ общества. Подобно тому, какъ во всѣхъ начинающихъ развиваться литературахъ, такъ и въ Хорватской большую роль играли стихотворныя произведенія,—оды, писанныя на различные случаи. Одописцами были, по преимуществу, духовныя лица и воспитанники семинарій; лишь рѣдкія исключенія составляли произведенія этого рода, писанныя свѣтскими. Большинство одъ носитъ, какъ было уже указано, характеръ обращенія къ высокопоставленнымъ лицамъ или друзьямъ и составлялись по поводу назначенія и смерти бановъ, епископовъ и вообще сановниковъ. Но между одами начала тридцатыхъ

годовъ есть и такія, въ которыхъ преобладаетъ мысль и забота о дѣлахъ народности. Между такими произведеніями выдаются оды клириковъ Штооса и Кундека, юриста Раковца, впослѣдствіи дѣятельнаго участника иллирскаго возрожденія, и самого Гая. Славный одописецъ Ѳома Миклоушичъ скончался въ самомъ началѣ 1833 г.—Всѣ эти первыя *иллирскія* оды были еще писаны на мѣстномъ хорватскомъ нарѣчіи.

Мы уже упоминали о произведеніяхъ Штооса. Павелъ Штоосъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени у Хорватовъ. Онъ родился въ Загорьѣ 10 декабря 1806 г., въ вараждинской жупаніи. Еще находясь въ Загребской семинаріи, онъ началъ писать латинскія и хорватскія стихотворенія. Первая его латинская ода появилась въ 1827 г.; она была написана по поводу кончины загребскаго епископа Максиміліана Верховца. Первою же его хорватскою одою была та, которую онъ составилъ въ 1830 г. въ честь Кушевича, издавшаго латинскую брошюру о муниципальныхъ правахъ Хорватовъ. Эту оду онъ передѣлалъ, назвавъ ея — Kip domovine; подъ этимъ заглавіемъ она была помѣщена въ *Даницѣ* въ 1835 году (№ 3). Штоосъ затѣмъ былъ секретаремъ при двухъ епископахъ и въ 1841 году сталъ приходскимъ священникомъ въ селѣ Покупскомъ, недалеко отъ Загреба, гдѣ и умеръ 30 Марта 1862 года. — Это удаленіе Штооса изъ центра иллирской дѣятельности нисколько не охладило его пыла и горячности. Онъ былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ *Даницы*, особенно въ первые ея года, и ревностнымъ сторонникомъ Гая. Его стихотворенія въ свое время пользовались большою популярностью, и одинъ изъ его современниковъ заявляетъ, что его пѣсни „болѣе всего открыли путь народному самосознанію". Дѣйствительно, онѣ проникнуты глубокою, искреннею любовью къ Хорватіи и народу и вѣрою въ воскрешеніе его значенія. Во время движеній 1848 г. онъ напечаталъ важную брошюру „объ улучшеніи нравственности духовенства", и принялъ живое участіе, можно сказать, былъ даже иниціаторомъ въ требованіяхъ реформъ въ строѣ церкви и положенія католическаго священ-

ства въ Хорватіи. Многія духовныя лица въ Хорватіи требовали тогда возстановленія браковъ священниковъ. Это навлекло большое неудовольствіе на Штooса со стороны тогдашняго архіепископа, и онъ принужденъ былъ отречься отъ мнѣній, выраженныхъ имъ въ брошюрѣ, но остался подъ большимъ подозрѣніемъ до конца жизни, почему и не сдѣланъ былъ каноникомъ въ Загребѣ, чего онъ усиленно добивался. Предъ своею смертью онъ написалъ стихотвореніе, полное грустныхъ думъ надъ судьбою своей народности и сожалѣнія, что за его душевный жаръ и стремленіе служить народу ему было воздано „ядомъ“ [51]).

Оставляя въ сторонѣ латинскія оды Штooса, въ которыхъ вообще выражались тѣже патріотическія мысли, что̀ и въ хорватскихъ, къ болѣе виднымъ первымъ его произведеніямъ этого рода могутъ быть отнесены слѣдующія оды, вышедшія между 1830 и 1833 годами: 1) Ночь Хорватской земли или Плачъ Хорватовъ по случаю кончины бана Дьюлая; 2) Выше указанная ода въ честь протонотарія Кушевича: Kip domovine; 3) въ честь каноника Палешака подъ названіемъ: Pastir dobri; 4) въ честь каноника Михалича. Всѣ эти оды проникнуты патріотическою заботою о судьбѣ Хорватіи.—Штoосъ былъ болѣе искусенъ въ своихъ одахъ, чѣмъ его предшественники и современные ему одописцы; самый его стихъ по построенію и выраженію значительно проще и легче, чѣмъ у другихъ писателей одъ. Искренній и увлекающійся Штoосъ и въ этихъ своихъ произведеніяхъ удачно выразилъ силу своего патріотическаго настроенія и искуснѣе другихъ пользовался образами поэтическаго выраженія, насколько давало возможность необработанное провинціально-хорватское нарѣчіе.

Ложноклассическія правила тогда были еще въ полной силѣ, и въ одахъ этого времени должны были дѣйствовать музы и высшія существа. Вмѣсто музъ тутъ дѣйствовали *вилы* и нерѣдко выводится „королева“ Хорватіи или старецъ, долженствовавшій олицетворять въ себѣ хорватское королевство. Поэты взываютъ къ музамъ-виламъ и пользуются

въ обильной мѣрѣ всевозможными фигурами по правиламъ реторики и піитики своего времени. Въ одѣ „Образъ отечества“ (Kip domovine), Штоосъ выводитъ отечество въ видѣ какого-то привидѣнія-женщины, прилетѣвшей въ темную ночь къ берегамъ Савы. Зовѣтъ она своихъ сыновей, но они не просыпаются. Мать - отечество, нѣкогда имѣвшая корону и богатыя украшенія, теперь одѣта въ черное. Не слыша отзыва ни откуда, она направляется туда, гдѣ когда-то хорватскіе короли имѣли свои дворцы. Но и тамъ она никого не встрѣчаетъ. Она оплакиваетъ паденіе народа. „Другимъ народамъ ярко свѣтитъ солнце, говоритъ она, а меня охватилъ страшный мракъ; другіе народы радуются своему, а меня стыдятся мои сыновья. Вотъ Хорваты хотятъ позабыть свой языкъ и стать другимъ народомъ... Не узнать уже Хорватки,—подумаешь, что она рождена Нѣмкою“. Но поднимается одинъ „сынъ“ изъ гроба и утѣшаетъ мать-отечество указаніемъ на Загребъ, гдѣ являются уже защитники народности.

Тотъ же образъ отечества выступаетъ и во многихъ другихъ одахъ того времени. Клирикъ Кундекъ[52]) въ одѣ бану барону Влашичу, при его утвержденіи на банскомъ столѣ, поетъ оду, въ которой дѣйствуетъ королева хорватской земли. Три ея дочери—Хорватія, Славонія и Далматія—радуются назначенію баномъ Влашича, опытнаго воина. Бана онъ называетъ въ одѣ вице-королемъ хорватскимъ, желая этимъ поднять въ глазахъ своихъ соотечественниковъ значеніе Хорватіи. — Другая ода Кундека „Рѣчь языка народнаго“ въ честь Стефана Ожеговича, по случаю его назначенія на важную должность ближайшаго помощника бана въ 1832 г., болѣе энергично и ясно говоритъ о предстоящихъ патріотическихъ задачахъ. Хорватія жалуется на своихъ дѣтей, которыя стыдятся своего хорватскаго происхожденія и своего языка. Она называетъ счастливыми своихъ сестеръ: Богемку (Pemka), Россіянку (Rutenka) и Сербіянку, такъ какъ ихъ славу распространяютъ ихъ сыновья, заботясь о книгахъ и языкѣ. „Не удивляюсь, говоритъ она, ни Албанцамъ, ни

Біснякамъ, ни юнакамъ Влахамъ, ни Болгарамъ, ни Румеліотамъ, надъ которыми тяготѣетъ турецкое иго, но удивляюсь, что я гибну въ славной Далматіи, въ Хорватіи и счастливой Славоніи, гдѣ господствуетъ миръ и свобода подъ одной короной, гдѣ Мадьяре показываютъ примѣръ моимъ сыновьямъ своими заботами объ языкѣ. Они присваиваютъ себѣ мои слова...". Но если родные сыновья столь легко забыли о чести и правахъ хорватскаго языка, то родъ Славянскій можетъ доставить славу и Хорватіи. Однако есть надежда, что и прямые потомки славной Хорватіи позаботятся объ ея славѣ и чести: молодые уже работаютъ трудолюбиво и воспламеняютъ въ старыхъ потухшее въ нихъ сознаніе народности. Нужно найти такихъ сыновей, которые могли бы защитить права Хорватіи и пріобрѣсти глубокія познанія, чтобы освѣтить прошлое хорватскаго народа. Находя такого сына въ Ожеговичѣ, Хорватія указываетъ ему задачу: отнять все взятое у Хорватовъ другими, показать значеніе роднаго и создать писателей отечественныхъ, изучать Славянъ и приблизить значеніе Хорватіи къ значенію родственныхъ ей по племени странъ. — Эта ода Кундека пользовалась большою популярностью въ свое время.

Къ числу выдающихся патріотическихъ одъ, въ которыхъ яснѣе выражаются мысли о политическомъ и литературномъ возрожденіи Хорватіи, относятся также оды Раковца и Гая. Карлъ Раковецъ, впослѣдствіи перемѣнившій свое имя Карла на *Драгутинъ*, будучи еще слушателемъ юридическихъ наукъ въ Загребской архигимназіи, въ 1831 г. написалъ оду въ честь графини Элеоноры Патачичъ, какъ „любительницы народнаго языка", а въ 1832 г. пѣсню подъ заглавіемъ: „Духъ, драматическое стихотвореніе" [53]) въ честь барона Влашича, по случаю его назначенія баномъ, что̀ воспѣлъ съ своей стороны и Кундекъ. Въ этой пѣсни старикъ, представляющій собою старую Хорватію, и его молодой сынъ, ведутъ бесѣду о судьбѣ Хорватіи, которой угрожаютъ всякія опасности. Но пока молодой, новый Хорватъ спитъ, старый бодрствуетъ и будитъ спящаго въ минуту наступающей крайней опасности. Тучи растутъ, усиливается гроза,

которая можетъ уничтожить обиталище Хорватовъ, нужно защитить его. Но молодой Хорватъ не разсчитываетъ на свои силы и готовъ оставить на произволъ судьбы свой очагъ, лишь бы спастись самому. Старикъ указываетъ ему оружіе, которымъ можно было бы спасти отечество,—именно просвѣщеніе (izobraženost), которое даетъ быстрые ростки, и благодаря которому все процвѣтетъ въ странѣ, гдѣ была прежде пустыня. Молодой Хорватъ не внемлетъ рѣчамъ старика, ибо и образованіе находится въ чужихъ рукахъ, и поэтому хочетъ оставить отечество. Старецъ тогда произноситъ воодушевленную рѣчь въ защиту отечества, гдѣ похоронено столько дорогихъ воспоминаній. Громъ и буря усиливаются, все готово рухнуть. Тогда появляется духъ, и произноситъ монологъ. Задача человѣка — просвѣщеніе. Птица поетъ свою пѣсню, каждая по своему, и птицы стараются подражать одна другой, но послѣ каждая остается при своей пѣснѣ. Птицы любятъ свои гнѣзда. На примѣрѣ птицъ можно понять, что такое народный голосъ и любовь къ народу. Духъ повелѣваетъ стремиться къ великимъ цѣлямъ и служить всегда отечеству. Онъ обѣщаетъ свою помощь и поддержку слабымъ. Ода заканчивается строфами пѣсни старика, юноши и дѣвушки, въ которой предвѣщается народу наступленіе новаго лучшаго времени.

Между одами Людевита Гая выдается пѣсня въ честь Стефана Ожеговича, по тому же случаю, по которому ему посвятилъ свою оду и Кундекъ. Онъ познакомился съ Ожеговичемъ, какъ было разсказано выше, въ Пештѣ въ Сечевьевской библіотекѣ. Гай въ своей одѣ нѣсколько отступаетъ отъ обычнаго пріема одописцевъ своего времени и не призываетъ съ самаго начала музы-вилы. Поэтъ съ восторгомъ смотритъ на красоты природы Загорья и ощущаетъ въ себѣ живое чувство благодарности Творцу. Вдругъ онъ увидѣлъ сокола, летящаго къ Савѣ. И онъ услышалъ голосъ вилы „Загоркини“, поющей пѣсню и подъигрывающей на „тамбурицѣ“, народномъ инструментѣ Хорватовъ. Это была сама королева вилъ, та же хорватская королева, безъ упоминанія о которой не обходился уже Миклоушичъ. Королева зоветъ вилъ начать ве-

селый танецъ, потому что возвращаются старыя времена и старыя права. „Еще Хорватія не пропала, хотя и долго спала“, поетъ она. Хорваты имѣютъ отца въ Вѣнѣ, который посылаетъ имъ бана славянской крови (Влашича), готоваго защищать права отечества и хранить народность. Помощникомъ его нынѣ становится человѣкъ (Стефанъ Ожеговичъ), который свяжетъ Славонцевъ, Далматинцевъ и Хорватовъ въ одно, покажетъ братьямъ Мадьярамъ, что Хорваты высоко цѣнятъ свои народныя права, подниметъ народную славу, собьетъ чужеземную гордыню и воскреситъ значеніе народнаго языка временъ Крешимира. Восхищенный этою пѣснью поэтъ проситъ вилу дать ему возможность перенестись изъ Загорья къ воспѣваемымъ имъ лицамъ (бану и его помощнику) и сообщить имъ эту пѣсню, выражающую желаніе Далматинцевъ, Славонцевъ и Хорватовъ.

Въ нѣмецкомъ загребскомъ театрѣ въ началѣ 30-ыхъ годовъ было дано нѣсколько представленій на мѣстномъ хорватскомъ нарѣчіи. Представлялись піесы Драгутина Раковца, и первое такое представленіе было 2 октября 1832 г. Такихъ хорватскихъ представленій въ театрѣ было три въ теченіе 1832 и 1833 годовъ. Они сопровождались пѣніемъ хорватскихъ пѣсенъ, а въ одномъ случаѣ пѣли даже русскую пѣсню. Этому допущенію піесъ на хорватскомъ языкѣ въ театрѣ содѣйствовало то обстоятельство, что во главѣ театра стоялъ чехъ Швейгертъ, сочувствовавшій начинающемуся среди Хорватовъ народному движенію [54]).

Въ это-то время пробуждающагося самосознанія у Хорватовъ появляется въ Загребѣ молодой, одаренный краснорѣчіемъ Гай. — Живя въ Пештѣ и имѣя общеніе съ Колларомъ, Гай могъ хорошо узнать, что дѣлаютъ Мадьяры въ болѣе зависимыхъ отъ нихъ Славянскихъ областяхъ, напр. въ Словачинѣ, съ цѣлями скорѣйшаго омадьяренія. Онъ понялъ, что ученіе Коллара о всеславянской взаимности прямо ведетъ къ сохраненію національныхъ особенностей отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, и что малыя славянскія народности могутъ спастись только въ соединеніи своихъ силъ и

опираясь на болѣе крупныя единицы. Гай могъ наблюдать быстрый ростъ мадьяризма въ самомъ Пештѣ, гдѣ, по свидѣтельству современниковъ, въ теченіе шести лѣтъ, послѣ Пожунскаго сейма 1825 г., произошла такая перемѣна, что въ столицѣ Венгріи не только не слышался даже нѣмецкій языкъ, но каждый, кто говорилъ не по мадьярски въ общественномъ мѣстѣ, могъ подвергнуться насмѣшкамъ и непріятностямъ [55]). Стремленіе Мадьяръ отнять у Хорватовъ всякую самостоятельность во внутреннемъ управленіи, насильно навязать мадьярскій языкъ въ учрежденія и школы, въ замѣнъ латинскаго, рѣшительное противодѣйствіе соединенію Далматіи съ Хорватіей и Славоніей и даже попытки отдѣлить Славонію отъ Хорватіи съ цѣлями ослабить Хорватовъ, различныя рѣзкія выходки мадьярской аристократіи противъ хорватскихъ магнатовъ, — все это должно было пробудить въ Хорватахъ духъ противодѣйствія и заставить искать опоры въ началахъ народныхъ. Это заставило хорватскую аристократію въ извѣстной степени сблизиться съ хорватскими демократами, вообще относиться теперь менѣе враждебно къ демократизму, чѣмъ прежде. Сначала слухи и разсказы, а затѣмъ брошюра Sollen wir Magyaren werden, выдержавшая въ короткое время въ Хорватіи три изданія, разнесли повсюду извѣстія, къ какимъ суровымъ и даже дикимъ мѣрамъ прибѣгаютъ Мадьяре для распространенія своего языка въ славянскихъ предѣлахъ Венгріи.

Если въ двадцатыхъ годахъ хорватскіе писатели говорили о патріотизмѣ, о любви къ народу и его языку, то это были голоса одинокіе. Стоящія внѣ широкихъ круговъ духовныя лица, въ родѣ скромнаго священника Миклоушича, конечно, готовили почву, но ихъ голоса были почти не слышны. Они лучше писали по латыни, чѣмъ на своемъ домашнемъ „неустроенномъ“ языкѣ, при томъ невозможно сложной ороографіей, различной почти у каждаго писателя, и ихъ произведенія почти не имѣли читателей. — Въ началѣ тридцатыхъ годовъ возникла уже не только мысль о преобразованіи и упрощеніи ороографіи, но и сомнѣніе къ пригодности языка провинціальной Хорватіи, своеобразнаго кайкавскаго нарѣчія. Ко време-

ни появленія Гая въ Загребѣ эта мысль уже назрѣла. Графъ Драшковичъ по своему измѣнилъ орѳографію въ своей „диссертаціи“ и писалъ уже на штокавскомъ нарѣчіи. Оды, составляемыя уже не одними только духовными лицами, но и свѣтскими, говорятъ все громче объ отечествѣ, о народныхъ правахъ, о любви къ народу и къ его языку. Становится меньше латинскихъ напыщенныхъ стихотвореній, и тогдашняя „поэзія“ больше занимается мірскими интересами и свѣтскими людьми, чѣмъ прежде. При томъ вѣнское правительство, напуганное и безъ того революціонными движеніями во Франціи и въ бывшей Польшѣ, начинаетъ съ нѣкоторою опасливостью смотрѣть на все возрастающее народное движеніе въ Венгріи и увеличивающіяся требованія Мадьяръ. Оно въ извѣстной степени поддерживаетъ Хорватовъ и ободряетъ ихъ, очевидно разсчитывая этимъ способомъ хоть нѣсколько парализовать мадьярскія тенденціи, угрожающія цѣлости государства. Съ другой стороны идеи Коллара и обаяніе его личности привлекали къ нему всѣхъ хорватскихъ юношей, которые учились въ Пештѣ. Тѣмъ же вліяніемъ Коллара объясняется и то, что Смодекъ, почти непосредственно послѣ возвращенія изъ Пешта, гдѣ онъ пользовался обществомъ Коллара, начинаетъ въ Загребѣ преподаваніе хорватскаго языка и вводитъ новую орѳографію, слѣдуя Гаю по его брошюрѣ объ орѳографіи [56]). Антонъ Мажураничъ и Бабукичъ живо интересуются въ это время славянскими нарѣчіями и, находясь подъ впечатлѣніемъ Slavy dcera, изучаютъ чешскій языкъ.

Но ни въ Загребѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Хорватіи и Далматіи не было никого достаточно энергичнаго и воспламененнаго энтузіазмомъ, кто бы могъ соединить всѣ эти благопріятныя пробужденію духа народности у Хорватовъ теченія и направить ихъ къ одной цѣли, — не было человѣка инициативы. Такимъ человѣкомъ въ ту пору оказался Людевитъ Гай.

Живя по временамъ въ Загребѣ съ 1831 г. и вскорѣ окончательно утвердившись тамъ, Гай воодушевлялъ своимъ краснорѣчивымъ словомъ всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ обще-

ніе [57]). Онъ сблизился съ кружкомъ молодыхъ патріотовъ, но былъ тотчасъ замѣченъ и старшими людьми, графомъ Драшковичемъ и священникомъ Кризманичемъ, настоятелемъ прихода въ Быстрицѣ, неподалеку отъ Загреба,—человѣкомъ, пользовавшимся большимъ уваженіемъ и вліяніемъ [58]). У Драшковича собирались представители аристократіи, и Гай получилъ возможность распространять свои мысли о преобразованіи языка и подъемѣ литературы даже въ замкнутой средѣ хорватскихъ магнатовъ.

По свидѣтельству Курельца [59]), Гай знакомилъ всѣхъ съ произведеніями Коллара особенно съ его знаменитою „всеславянскою" поэмою. Идеи Коллара увлекали всѣхъ, тѣмъ болѣе, что всѣ сознавали трудность положенія югославянъ въ Австріи, раздѣленныхъ даже внутри одного государства не только вѣроисповѣданіемъ, различными діалектами, областными и народными именованіями, но и въ политическомъ отношеніи. Труды и изслѣдованія Шафарика, охватывавшія все Славянство, какъ единое цѣлое, и восторженная поэма Коллара, изображавшая это единство въ поэтическихъ образахъ, производили на Славянъ вообще ободряющее, живительное впечатлѣніе. Хорватскіе патріоты понимали, что спасти свой малый народъ они могутъ только опираясь на идею всеславянства, и что прежде всего они должны стремиться къ объединенію Хорватовъ съ другими ближайшими родичами. Первою ихъ задачею было создать такой органъ, который могъ бы проводить эти новыя животворныя мысли.

Въ то время, какъ у Мадьяръ существовало уже нѣсколько газетъ и политическихъ изданій, смѣло отстаивавшихъ права и интересы мадьярской народности, ни у Сербовъ, ни у Хорватовъ не было никакого органа. „Сербске Новине" возобновлены были Давидовичемъ въ 1834 году въ Крагуевцѣ, но онѣ выходили внѣ Австріи и были оффиціальнымъ органомъ сербскаго правительства. Молодой, энергическій Гай, подъ вліяніемъ патріотическаго кружка, рѣшилъ воспользоваться настроеніемъ вѣнской политики, опасавшейся быстраго роста мадьярскаго патріотизма, и задумалъ

основать въ Загребѣ такой живой органъ, около котораго могли бы собраться лучшія патріотическія силы не только Хорватовъ, но и вообще югославянъ. Въ Вѣнѣ разсчитывали посредствомъ покровительства хорватскимъ національнымъ стремленіямъ усилить вліяніе Австріи на Славянъ задунайскихъ и засавскихъ. Хорваты, ревностные католики и славные своимъ воинскимъ духомъ, могли казаться лучшимъ орудіемъ для австрійской политики, съ опасеніемъ взиравшей на возрастаніе вліянія Россіи на Балканахъ. Вѣнская политика въ извѣстной степени не ошибалась въ этомъ отношеніи. Въ 1842 г. Метеллъ Ожеговичъ составилъ отъ имени Вараждинской жупаніи меморандумъ, обращенный къ императору, съ просьбою заступиться за христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи, а въ 1844 г. Германъ Бужанъ въ общеугорскомъ парламентѣ прямо указывалъ, что въ хорошо понятыхъ интересахъ Мадьяръ лежало бы покровительство хорватскому иллиризму, который, привлекая къ себѣ турецкихъ Славянъ, явился бы противодѣйствіемъ русскому вліянію на нихъ. Но такое значеніе иллиризма, какое хотѣли ему приписать нѣкоторые хорватскіе патріоты, выяснилось только впослѣдствіи, хотя нельзя не видѣть подобной же мысли даже въ „диссертаціи“ графа Драшковича, вышедшей въ 1832 году.

Людевитъ Гай въ 1832 г. обратился въ Загребѣ къ властямъ съ просьбою разрѣшить ему начать изданіе литературнаго журнала: Danicza Horvatzka, Slavonzka i Dalmatinzka. Это намѣреніе Гая было встрѣчено въ Хорватіи весьма сочувственно, но въ сеймѣ натолкнулось на противодѣйствіе и возраженія особенно со стороны преданнаго мадьярамъ туропольскаго графа Іосиповича. Высшее управленіе медлило отвѣтомъ на просьбу Гая. Въ Пештѣ не желали допустить осуществленіе замысла Гая и хорватскихъ патріотовъ. Между тѣмъ Гай, въ ожиданіи рѣшенія дѣла, жилъ въ Пештѣ. Когда стало ясно, что въ его просьбѣ объ основаніи журнала будетъ отказано, и что обычнымъ путемъ онъ не можетъ добиться такъ называемой *привилегіи* для изданія

газеты, онъ задумалъ воспользоваться благосклонностью императора и вѣнскаго двора къ Хорватамъ, ясно обнаружившеюся въ томъ, что по просьбѣ хорватскихъ депутатовъ не были санкціонированы нѣкоторыя постановленія парламента относительно распространенія мадьярскаго языка въ Хорватіи. Получивъ указанія и рекомендаціи вѣроятно отъ графа Драшковича, Гай отправился въ Вѣну и здѣсь представился министру внутреннихъ дѣлъ графу Коловрату, къ которому имѣлъ рекомендацію отъ Коллара. Графъ Коловратъ направилъ его къ всемогущему въ ту пору въ Австріи канцлеру князю Меттерниху, который принялъ весьма сочувственно молодаго хорватскаго патріота [60]). Наконецъ Гай добился даже аудіенціи у императора Франца I и услышалъ отъ него слѣдующія слова: „если Мадьяре могутъ печатать свои газеты, почему бы не могли ихъ имѣть и Хорваты?“ [61]). Это рѣшило вопросъ, и Гай смѣло обратился съ новою просьбою въ Пештъ не только объ изданіи литературнаго журнала, но и политической газеты. Въ началѣ апрѣля 1834 г. Гай писалъ Вразу: „Большую помощь отечественному возрожденію должны оказать Новины (Вѣдомости) политическія и литературныя, изданіе которыхъ, какъ слышно, мнѣ дозволено вѣнскимъ дворомъ съ милостивымъ рѣшеніемъ“ [62]). Такъ возникли, вмѣсто одного литературнаго изданія, два—одно политическое: Novine Horvatzke, другое литературное: Danicza Horvatzka, Slavonzka y Dalmatinzka. Образцомъ для этихъ изданій послужили Agramer Zeitung и прибавленіе къ ней Luna, а также журналъ: Carinthia, издававшійся въ Цѣловцѣ съ 1811 году. Гай и его друзья стали готовиться къ изданію, начиная съ слѣдующаго 1835 г., журналовъ, на которые возлагались патріотами величайшія надежды.

Какъ понималъ свою задачу Гай, видно изъ его объявленія объ изданіи газеты и литературнаго прибавленія. Этотъ его „Oglas“ адресованъ къ Хорватамъ, Словенцамъ, Далматинамъ, Дубровничанамъ, Сербамъ, Крайнцамъ, Штирійцамъ, Хорутанцамъ, Истрійцамъ, Боснякамъ и остальнымъ „Словенцамъ“ и былъ датированъ 20 октября 1834 года [63]). Го-

воря о *Новинахъ*, Гай обѣщаетъ издавать ихъ дважды въ недѣлю. Въ нихъ онъ предположилъ сообщать о политическихъ событіяхъ во всѣхъ государствахъ міра, а особенно о томъ, что происходитъ въ предѣлахъ Тріединаго королевства: Далматіи, Хорватіи и Славоніи. Къ нимъ онъ обѣщаетъ прибавлять толкованіе менѣе употребительныхъ словъ. Въ *Даницѣ*, которую предполагалось издавать еженедѣльно, Гай обѣщалъ помѣщать статьи, служащія какъ для увеселенія, такъ и для поученія, не только на хорватскомъ, но и на другихъ Иллирскихъ нарѣчіяхъ. Въ обоихъ изданіяхъ Гай предполагалъ знакомить читателей какъ со славянскою стариною вообще, такъ въ особенности съ исторіею „древнихъ Иллировъ и Хорватовъ, съ жизнью и дѣятельностью ихъ жупановъ, князей, бановъ, королей, витязей и ученыхъ извѣстныхъ людей“. При этомъ Гай считаетъ нужнымъ объяснить важное значеніе появленія періодическихъ изданій на отечественномъ языкѣ. „Почти всѣ европейскіе народы въ знаніи и наукахъ дошли такъ далеко, что у нихъ книги и газеты на отечественномъ языкѣ читаются и уважаются не только въ богатыхъ дворцахъ, но и въ самыхъ бѣдныхъ домахъ. — Не наступило ли крайнее время, чтобы и мы, славные предки которыхъ, въ теченіе столѣтій охраняя и защищая всю Европу, храбро боролись съ оружіемъ въ рукахъ за возрожденіе всего человѣчества, прославили и постарались возвысить до подобающей ему высоты языкъ нашей дорогой славянской матери, который славится обиліемъ словъ и пріятностью выговора и который связываетъ насъ съ восьмидесятью милліонами нашихъ братьевъ? Ни однимъ, конечно, способомъ нельзя скорѣе достигнуть этой благородной цѣли, какъ съ помощью *Народныхъ Новинъ*, которые намъ разрѣшилъ издавать съ дѣйствительно отеческою милостью и довѣріемъ нашъ свѣтлый цесарь и король; ибо какъ въ политической части изданія новыя событія въ мірѣ, такъ въ *Даницѣ* различныя нужныя и полезныя хорвато-славянскому патріоту свѣдѣнія будутъ сплетаться въ одинъ вѣнецъ такъ, что надѣемся нашими *Народными Новинами* по возможности нѣ-

сколько восполнить печальный недостатокъ книгъ на отечественномъ языкѣ“.—Такимъ образомъ, Гай надѣялся своими изданіями поднять значеніе роднаго языка, обработать его, связать тѣснѣе съ остальнымъ славянствомъ свой народъ и восполнить недостатокъ книгъ на родномъ языкѣ. Это былъ первый и самый важный шагъ Людевита Гая, около котораго теперь сгруппировались всѣ лучшіе люди Хорватіи. Обладая даромъ слова, онъ умѣлъ привлечь на свою сторону колеблющихся и сомнѣвающихся, и по свидѣтельству современниковъ, онъ нерѣдко тратилъ большую часть своего времени на бесѣду съ молодыми людьми, въ которыхъ замѣчалъ дарованія, желая направить ихъ на патріотическую дѣятельность. Около *Новинъ* и *Даницы* стали собираться писатели какъ старые и уже извѣстные, такъ и новые. Въ періодъ съ 1835 по 1848 г. едва ли можно найти имя какого либо хорватскаго писателя, который не принималъ бы какого либо участія въ изданіяхъ Гая, не начиналъ бы тамъ своей дѣятельности.

Гай не рѣшился съ самаго же начала своихъ изданій принять ни новаго правописанія, ни штокавскаго нарѣчія. Онъ боялся, что этимъ онъ усилитъ противъ себя оппозицію, къ которой, кромѣ сторонниковъ Мадьяръ и иныхъ просто трусливыхъ Хорватовъ, боявшихся демократическаго духа, сказывавшагося въ заботахъ о народномъ языкѣ, пристали, впрочемъ, немногіе защитники старой провинціальной кайкавщины, какъ Игнатій Кристіановичъ. Однако уже въ 5 № перваго года изданія *Даницы* Гай помѣстилъ письмо одного изъ иллирскихъ патріотовъ, священника Матіи Топаловича, въ которомъ говорится о необходимости преобразованія правописанія и введеніи однообразія орѳографіи. Топаловичъ, Славонецъ по происхожденію, писалъ уже штокавскимъ нарѣчіемъ. Въ томъ же нумерѣ *Даницы* Гай помѣстилъ свое стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Согласіе Хорватовъ“ (Horvatov szloga), написанное еще въ 1833 г. [61]), которое было спѣто графинею Сидоніей Эрдеди въ Загребскомъ театрѣ 7 января 1835 г. во время представленія одной нѣмецкой піесы, изображавшей случай вѣрности Хорватовъ австрійскому императору во время войны съ Фран-

цузами въ 1813 г. Стихотвореніе начиналось стихами: Još Hrvatska nij' propala, Dok mi živimo [65]). Оно проникнуто мыслью о соединеніи разъединенныхъ Хорватовъ и напоминаетъ объ ихъ преданности австрійскому императору. Съ десятаго нумера *Даницы* Гай начинаетъ печатать стихотворенія новою орѳографіею, примѣняя діакритическіе знаки, по образцу чешской графики, и первое стихотвореніе ею напечатанное была пѣсня Михановича: Lěpa naša domovina, ставшая любимымъ хорватскимъ гимномъ. Постепенно онъ расширяетъ употребленіе новой графики и съ 28 нумера вполнѣ замѣнилъ ею старую, а въ 29 исправилъ по новой графикѣ и самое заглавіе Даницы, употребивъ вмѣсто прежняго обозначенія cz — c и вмѣсто z — s. Съ той поры и самый языкъ мѣняется, характерныя формы и выраженія провинціально-хорватскаго нарѣчія постепенно исчезаютъ и вводится употребленіе формъ новыхъ, штокавскихъ. За эти нововведенія Гая осуждали многіе приверженцы стараго правописанія [66]) и потому онъ, повторяя въ № 22 свое объявленіе и развивая свою мысль объ единствѣ народа въ Иллиріи, замѣчаетъ, что за эти нововведенія въ графикѣ не будутъ обвинять тѣ, для которыхъ „отечество дороже, чѣмъ иностранныя буквы x и y (употреблявшіяся въ значеніи *ж* и смягчающаго іота и удаленныя изъ алфавита Гаемъ), и новое единеніе вмѣсто прежняго разъединенія“.

Такимъ образомъ Гай въ самомъ началѣ своихъ изданій уже является новаторомъ въ хорватской орѳографіи и въ литературномъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ первыхъ же нумеровъ проводитъ мысль объ единствѣ юго-славянъ и находитъ имя этому единству въ названіи Иллировъ. Эти нововведенія должны были встрѣтить отпоръ и возраженія, но они также нашли ревностныхъ сторонниковъ и имѣютъ громадное значеніе въ исторіи возрожденія хорватской литературы. Этими изданіями и руководящей своею мыслью относительно объединенія юго-славянъ подъ именемъ Иллировъ въ языкѣ и въ политическихъ стремленіяхъ Людевитъ Гай указалъ путь Хорватамъ, по которому они могли достигнуть

важнаго значенія среди Славянъ. Онъ пробудилъ народныя силы и явился вмѣстѣ съ тѣмъ политическимъ вождемъ въ борьбѣ Хорватовъ съ Мадьярами за народныя права.

2.

Вопросъ о преобразованіи хорватской орѳографіи. — Брошюра Гая о правописаніи и введеніе чешской системы графики въ хорватской письменности.—Заботы Копитара о новой орѳографической системѣ для юго-славянъ, пишущихъ латиницею.— Сношенія его по этому вопросу съ Добровскимъ. — Очеркъ попытокъ выработать новую систему орѳографіи и ввести единство у юго-славянъ, пишущихъ латиницею.—Съѣзды въ Вѣнѣ при Іосифѣ II и въ 1820 г. въ Задрѣ и Вѣнѣ.— Орѳографія у Словенцевъ.— Данько и Метелко. — Мечты Копитара выработать общеславянскую азбуку. — Мурко и его грамматика. — Абецедная война. — Чопъ и Прешернъ.—Участіе въ ней Копитара.— Попытки Сербовъ примѣнить латиницу, усиливъ ее кирилловскими знаками.—Побѣда въ Хорватіи системы, введенной Гаемъ.

Будучи еще студентомъ Пештскаго университета, Гай напечаталъ въ Будимѣ небольшую книгу о правописаніи на хорватскомъ нарѣчіи съ приложеніемъ ея нѣмецкаго перевода. Motto къ этому своему труду, имѣющему весьма важное историческое значеніе въ хорватской литературѣ, авторъ выбралъ изъ св. Августина: „не потому, что трудно, мы не рѣшаемся, а потому, что не рѣшаемся, трудно“ [1]). Онъ предпосылаетъ изложенію своего ученія о правописаніи сужденіе Копитара о важности единства въ орѳографіи для западныхъ Славянъ, пишущихъ латиницею. Копитаръ въ своей „Грамматикѣ славянскаго языка въ Крайнѣ, Каринтіи и Штиріи“, сопоставивъ различное правописаніе нѣсколькихъ словъ латиницей у Краинцевъ, Далматинцевъ, Хорватовъ, Чеховъ, Поляковъ и Лужичанъ съ написаніемъ тѣхъ же словъ по русски кириллицею, замѣчаетъ, что разнообразіе въ написаніи латиницею составляетъ величайшее препятствіе къ общему прогрессу „латинской“ половины Славянъ, и что важность и необходимость однообразной орѳографической системы очевидны [2]).—Во вступленіи Гай сопоставляетъ заботу Чеховъ, Поляковъ и Русскихъ о развитіи отечественнаго языка и литературы съ пренебреженіемъ къ родному языку у Хорватовъ.

Онъ указываетъ на то, что въ Хорватіи нѣмецкій языкъ постепенно вытѣсняетъ родной и вообще примѣшивается всюду чужеземщина. Отечественный языкъ въ хорватской землѣ не пользуется никакимъ уваженіемъ, а тѣмъ, кто хоть нѣсколько заботились о родномъ языкѣ, выпадало на долю даже преслѣдованіе, говоритъ онъ и взываетъ къ патріотамъ не позволить болѣе унижать родной языкъ, прославленный предками, и позаботиться объ его развитіи. Для этой цѣли прежде всего должно позаботиться объ улучшеніи правописанія, такъ какъ нынѣшняя орѳографія самая худшая между всѣми славянскими. Въ этомъ отношеніи Хорваты должны постараться такъ переустроить свое правописаніе, чтобы приблизить его къ болѣе образованнымъ Славянамъ, а не къ чужестранцамъ, какъ Итальянцы, Нѣмцы или „неевропейскіе“ Мадьяре. Гай выражаетъ надежду дать впослѣдствіи полную систему хорватскаго правописанія въ грамматикѣ, которую онъ надѣялся составить по Добровскому, а пока ограничивается выборомъ лучшаго изъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Сообразно съ этимъ онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи отмѣчаетъ тѣ перемѣны, которыя онъ желалъ бы ввести въ графику. Онъ исходитъ изъ положенія: Entia sine necessitate non sunt multiplicanda.

Касательно обозначенія гласныхъ, существовавшаго до той поры у Хорватовъ, Гай предлагаетъ исключеніе *y*, употреблявшагося вмѣсто *i*, а также вмѣсто *j* для смягченія послѣ *d*, *g*, *l*, *n*. Онъ указываетъ, что уже въ прошломъ столѣтіи нѣкоторые хорватскіе писатели употребляли *i* вмѣсто *y*, и что это *i* употребляется и другими Славянами.—Переходя къ согласнымъ, Гай прежде всего возстаетъ противъ обычнаго въ хорватской письменности того времени употребленія сочетанія двухъ знаковъ для выраженія одного звука. Кирилловское *ч* имѣло соотвѣтствіе въ тогдашней письменности Хорватовъ, Славонцевъ и Далматинцевъ въ *ch* и *cs*, а у нѣкоторыхъ писателей *tch* и просто *c*. Гай предлагаетъ принять для обозначенія этого звука чешскій знакъ č. Гай противъ употребленія діакритическихъ подстрочныхъ знаковъ, напр. *ç*, которое употреблялось нѣкоторыми, по преимуществу далматин-

скими писателями XVIII в. въ значеніи то *ц*, то *ч*, особенно потому, что такого пріема не существуетъ у другихъ образованныхъ Славянъ.

Гай понималъ различіе звуковъ, выражаемыхъ въ нынѣшней хорватской азбукѣ знаками č и ć. Онъ приводитъ цѣлый рядъ словъ, начинающихся со звука ŧ въ чешскомъ языкѣ, и сравниваетъ ихъ съ польскими и сербо-лужицкими, — напр. tělo—ciało, cžielo, tele—cielę, cželе и т. д. Но указывая далѣе примѣры однозвучнаго смягченія k, t, c, онъ предлагаетъ все же одинъ знакъ č для его обозначенія. Вмѣсто сочетанія *dy*, *di* и *dj* для обозначенія смягченнаго d, Гай предлагалъ прибавить надстрочный діакритическій знакъ буквѣ d,— т. е. d̆, а для смягченнаго g обозначеніе ğ. Подобную же замѣну онъ предлагаетъ для обычныхъ до того времени сочетаній ly и ny — l̂ и ñ [3]).

Знаку s придавалось въ хорватской письменности значеніе *ж*, а звукъ *с* обозначался чаще всего сочетаніемъ *sz* или просто *z*. „Постараемся возвратить буквѣ *s* ея собственное значеніе, — вѣдь живемъ въ Европѣ“, замѣчаетъ Гай и приводитъ примѣры однокоренныхъ нѣмецкихъ, латинскихъ и славянскихъ словъ, начинающихся съ *s*, которыя писались въ хорватской литературѣ то съ *z*, то съ *sz*. Для звука *ш*, который въ хорватской графикѣ обозначался то *sch*, то *sh*, Гай, слѣдуя Ямбрешичу, предлагаетъ знакъ š, а для *ж*, которое Славонскіе, Далматинскіе и даже Штирійскіе и Краинскіе писатели обозначали *x*,—знакъ ž. Гай при этомъ руководится соображеніемъ, что знаки латинской азбуки могутъ быть сохраняемы лишь постольку, поскольку возможно сохранить за латинскимъ знакомъ его произношеніе. На этомъ основаніи онъ не находитъ нужнымъ сохранять въ хорватской графикѣ *x*.

Эти орѳографическія перемѣны Гай считаетъ только нужнѣйшими, но не полными.

Въ послѣдней главѣ своей книжки Гай входитъ въ разсмотрѣніе важности и пользы имъ предлагаемой орѳографической реформы для Славянъ, пишущихъ латиницею. Здѣсь

ясно оказывается вліяніе на него Коллара. Въ знакахъ діакритическихъ надъ буквами нуждаются Поляки, Чехи, Моравание и Словаки. Въ такомъ измѣненіи правописанія онъ видитъ прогрессъ „всеславянства“, т. е. сближеніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій между собою, ибо, по его мнѣнію, хорватская книга, написанная графикою, однообразной съ чешскою, будетъ читаться у Чеховъ и Поляковъ. Но болѣе всего онъ желаетъ сближенія въ языкѣ и правописаніи „ближайшихъ братьевъ“ хорватскихъ: Славонцевъ, Далматинцевъ, Штирійцевъ, Краинцевъ и Хорутанъ. „О, восколько полезнѣе было бы славнымъ нашимъ сосѣдямъ въ Штиріи и Краинѣ по возможности трудиться вмѣстѣ съ нами для этой нашей общности, чѣмъ придумывать изъ крайняго народолюбія или изъ упорнаго, упрямаго эгоизма, новые знаки, совершенно не подходящіе къ славянской письменности, ибо лишь полнымъ единеніемъ мы можемъ достигнуть цѣли“ [1]), говоритъ Гай. „Только такимъ образомъ мы можемъ надѣяться, что когда либо весь великій славянскій языкъ изъ всѣхъ своихъ разнорѣчій соберется въ четыре главныя нарѣчія, литературы которыхъ, опираясь на крѣпкіе столпы образованія и просвѣщенія и согласіе въ словѣ, будутъ общимъ достояніемъ всѣхъ Славянъ“. Далѣе Гай указываетъ, что исключеніемъ изъ азбуки двойныхъ обозначеній звуковъ достигнется и практическая выгода при печатаніи.

Въ заключеніе онъ взываетъ къ патріотизму Хорватовъ, чтобы они очищали свой отечественный языкъ отъ различныхъ наносовъ, вторгшихся въ него во время печальныхъ обстоятельствъ жизни народа, и приводитъ отзывъ одного изъ мадьярскихъ писателей о важной роли Хорватовъ въ Европѣ и ихъ дарованіяхъ и способностяхъ.

Можно сказать, что въ этой маленькой брошюрѣ намѣчено все, что впослѣдствіи предпринималъ Людевитъ Гай въ блестящую пору своей дѣятельности. Желая упростить орѳографію, Гай думалъ о сближеніи югославянъ и ихъ нарѣчій между собою и предъ нимъ носился идеалъ всеславянства Коллара. Гаю предстояло лишь приложить къ дѣлу свои мы-

сли какъ объ упрощеніи орѳографіи и сближеніи ея съ чешскою и объ единеніи въ языкѣ всѣхъ разбросанныхъ югославянскихъ народностей, такъ и найти имя для этого единенія. Такое имя онъ нашелъ въ понятіи Иллирства.

Начиная изданіе Novine и Danica, Гай тотчасъ натолкнулся на большія противорѣчія въ правописаніи или точнѣе графикѣ, ибо дѣло касалось по преимуществу обозначенія отдѣльныхъ звуковъ. Въ первомъ же нумерѣ *Даницы*, на первой страницѣ, помѣщено два стихотворенія: Драгутина Раковца, подъ заглавіемъ *Danicza* и, кажется, единственное [5]) стихотвореніе Вѣкослава Бабукича: *Granici i Danici* — различными орѳографіями. Подъ стихотвореніемъ Бабукича даже отмѣчена разница между *хорватскимъ* правописаніемъ Раковца и *иллирскимъ* Бабукича. Въ послѣднемъ меньше сложныхъ обозначеній, но неупотреблено еще діакритическихъ знаковъ. Гай въ первыхъ нумерахъ *Даницы* [6]) помѣстилъ статью о правописаніи, въ которой повторяетъ и пополняетъ нѣкоторыя свои соображенія объ орѳографическихъ измѣненіяхъ. Онъ исходитъ изъ положенія, что пока важнѣе всего выработать одну орѳографію для всѣхъ южныхъ нарѣчій и сравниваетъ ее съ потокомъ, по которому можетъ плыть „одно изъ четырехъ великихъ славянскихъ нарѣчій въ общее Славянское море“. Онъ старается въ этой статьѣ провести мысль, что его задача не новатора, но что онъ хочетъ возстановить старыя преданія и начала и очистить хорватскую орѳографію отъ мадьярскихъ наносовъ. Поэтому онъ вспоминаетъ о Павлѣ Витезовичѣ (1650—1715), сдѣлавшемъ первую попытку основать въ Загребѣ типографію и установить болѣе простую орѳографію, и о Петрѣ Петречичѣ (1604—1667), загребскомъ епископѣ, издавшемъ переводъ Евангелія, придавъ къ нему нѣкоторыя орѳографическія замѣчанія, и принявшемъ впервые нѣкоторыя неудобныя обозначенія по мадьярской системѣ, особенно *y* вмѣсто *j* послѣ *g*, *n* и *l* для выраженія ихъ смягченія.—И въ этой своей статьѣ Гай держится трехъ положеній, проведенныхъ имъ въ первомъ своемъ трудѣ о правописаніи: 1) для всякаго звука должна быть

только одна буква; 2) буквы должны сохранить такое свое значеніе, какое имѣютъ въ латинскомъ языкѣ; 3) употребленіе діакритическихъ знаковъ сверху надъ нѣкоторыми буквами, имѣющими ближайшее отношеніе къ тѣмъ звукамъ, для обозначенія которыхъ нѣтъ отдѣльныхъ буквъ въ латинскомъ алфавитѣ, но которые существуютъ въ хорватскомъ языкѣ. Эта орѳографическая система, принятая въ чешскомъ языкѣ, названа Гаемъ *органическою*. Въ 1835 г. въ Вѣнѣ издатель Дундеръ началъ печатать: „Razgovor ugodni“ Качича по Гаевской системѣ орѳографіи и, вѣроятно, по договору съ Гаемъ, не употреблялъ ď, ť, ĭ, ň, которыя замѣнилъ знаками: dj, tj, lj, nj.—Гай въ своей статьѣ, помѣщенной въ *Даницѣ*, о правописаніи принимаетъ эти начертанія, отказавшись отъ простыхъ, и прибавляетъ къ нимъ еще gj и ě. Этимъ онъ отступилъ отъ своего правила относительно обозначенія каждаго звука однимъ знакомъ. Но Гай при этомъ старается держаться этимологическаго правописанія.

Вопросъ о правописаніи давно волновалъ и занималъ почти всѣхъ писателей на славянскомъ югѣ. У Сербовъ Соларичъ, Меркайль и другіе въ началѣ этого столѣтія писали объ измѣненіяхъ сербской орѳографіи. Досиѳей Обрадовичъ, отъ котораго сербская новая литература ведетъ свое начало, вводитъ также нѣкоторыя орѳографическія видоизмѣненія. Со времени Вука Караджича и его „Письменицы“ споръ о правописаніи принялъ самые широкіе размѣры. Лучшимъ выходомъ изъ всевозможныхъ затрудненій относительно орѳографіи представлялось принятіе для новой хорватской письменности, кириллицы—тѣмъ болѣе, что она была вполнѣ прилажена Вукомъ Караджичемъ къ тому языку, который принялъ Гай съ „Иллирами“. Гай и его окружавшіе думали объ этомъ: это косвенно свидѣтельствуетъ Деметеръ [7]), на это намекаетъ самъ Гай въ своихъ запискахъ, написанныхъ имъ въ Москвѣ, когда онъ искалъ помощи для основанія типографіи въ Загребѣ съ кирилловскими шрифтами въ виду плановъ издавать газету кириллицею [8]). Но привести въ исполненіе эту послѣднюю мысль, если онъ имѣлъ ее въ са-

момъ дѣлѣ, Гай въ ту пору дѣйствительно бы не могъ. Онъ, искавшій покровительства въ Вѣнѣ при началѣ своего предпріятія и желавшій объединить католическихъ юго-славянъ въ литературѣ, не могъ бы найти ни благоволенія въ правительственныхъ кругахъ, ни отзыва во всѣхъ областяхъ, на которыя онъ разсчитывалъ распространить свое вліяніе. Литературныя преданія Далматіи и Крайны были тѣсно связаны съ латиницею, главными дѣятелями и патріотическими руководителями въ первой четверти текущаго столѣтія были католическіе священники, уже своимъ положеніемъ связанные съ латинскими преданіями, кириллица тамъ была почти неизвѣстна, и книги, ею печатанныя, были столь рѣдки, что только особый случай давалъ возможность даже виднымъ дѣятелямъ иллиризма ознакомиться съ кирилловскими начертаніями. Какъ кажется, однако, мысль о примѣненіи кириллицы къ иллирской письменности одно время дѣйствительно была у Гая и его сотрудниковъ и союзниковъ.

Попытка Гая ввести чешское „органическое“ правописаніе возбудила большое неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ современныхъ ему славянскихъ дѣятелей въ наукѣ и литературѣ. Какъ увидимъ, въ Далматіи только съ трудомъ и подъ конецъ иллирскаго движенія принято было правописаніе Гая, и въ самой Хорватіи были нерѣдки протесты противъ „гаевицы“.

Вопросы объ улучшеніи азбуки и орѳографіи въ то время считались въ высшей степени важными и съ ними связывались вопросы другаго порядка — политическіе и религіозные. Какъ въ кириллицѣ видѣли признакъ православія, такъ латиницу признавали исключительно католическимъ письмомъ. Извѣстно, что введеніе j въ сербской азбукѣ Караджича было одною изъ главныхъ причинъ, почему столь долго вуковица была запрещена въ Сербіи. Съ другой стороны старая система орѳографіи при написаніи фамилій въ Хорватіи, держащаяся отчасти и нынѣ, свидѣтельствовала о томъ, что данное лицо причисляетъ себя къ мадьярской партіи и не считаетъ себя „Иллиромъ“. Споры объ орѳографіи охватили какъ Хорватовъ, такъ и Словенцевъ и были одною изъ при-

чинъ разлада между далматинскими и иллирскими писателями. Въ виду этого остановимся на ходѣ вопроса объ ороографіи и системахъ преобразованія алфавитовъ у югозападныхъ Славянъ.

Во главѣ недовольныхъ и сильныхъ противниковъ Гая сталъ Копитаръ, впослѣдствіи обвинявшій Гая почти въ государственной измѣнѣ. Глубокій ученый, замѣчательный по своему критическому таланту, Копитаръ отличался крайнею нетерпимостью въ своихъ взглядахъ и рѣзкостью въ отзывахъ. Извѣстно, что Копитаръ считалъ самымъ лучшимъ для Славянъ развитіе діалектическихъ особенностей каждаго нарѣчія [9]). Но въ то же время онъ, будучи Словенцемъ по происхожденію, желалъ дать преимущество словенскому языку, т. е. кайкавскому нарѣчію Крайны, предъ штокавскимъ, которое ввелъ въ хорватскую письменность Людевитъ Гай взамѣнъ прежняго кайкавскаго, близкаго къ словенскому. Еще въ 1810 г. въ письмѣ къ Добровскому Копитаръ говоритъ, что, по его мнѣнію, Хорваты относятся къ Словенцамъ такъ, какъ Чехи къ Словакамъ [10]), и потому должны сами принять имя Словенцевъ и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ словенскій, имѣвшій тогда уже нѣкоторую обработку, извѣстныхъ писателей, какъ Водникъ, и ученыхъ. Подъ Хорватами онъ тутъ разумѣлъ только „провинціальныхъ“ Хорватовъ. Что же касается чистыхъ Хорватовъ и ихъ нарѣчія, то онъ признавалъ таковыми только такъ называемыхъ глаголитовъ, у которыхъ богослуженіе совершалось по славянски, а это были по преимуществу Чакавцы, и считалъ хорватскій и сербскій діалекты тождественными. Добровскій, напротивъ того, считалъ Хорватовъ болѣе чистымъ славянскимъ племенемъ, чѣмъ Словенцы, и признавалъ права Хорватовъ именоваться именно такъ, а не Словенцами. „Хорваты теперь средній членъ соединенія Вендовъ (т. е. Краинцевъ) и Сербовъ“, пишетъ онъ, отвѣчая Копитару [11]). Вообще Добровскій считалъ Хорватовъ болѣе чистыми Славянами по языку, чѣмъ Краинцы, принявшіе въ свое нарѣчіе много нѣмецкаго. Дѣлая замѣчанія на грамматику Копитара, Добровскій говоритъ, что „Краинцы

должны были бы считать для себя честью именоваться Хорватами" [12]).

Почти съ первыхъ своихъ писемъ къ Добровскому, Копитаръ убѣждаетъ его составить азбуку для католиковъ Славянъ, быть „вторымъ Кирилломъ" для нихъ. Онъ мечталъ даже объ общеславянской азбукѣ. Сознаніе недостаточности латиницы для славянскихъ нарѣчій, было болѣе или менѣе общее у славянскихъ писателей XVIII в., касавшихся этого вопроса. Словенецъ Поповичъ предлагалъ въ половинѣ этого вѣка ввести въ латиницу нѣкоторыя буквы изъ кириллицы. Копитаръ не разъ упоминаетъ въ письмахъ къ Добровскому объ этой попыткѣ. Онъ признавалъ всѣ существующія латино-славянскіе алфавиты вполнѣ несоотвѣтственными требованіямъ языка и его правилъ [13]). Ему не нравилась и кирилловская азбука, что отчасти можно объяснить вообще его антипатіей къ Россіи и его ярко обозначенною католическою ревностью. Добровскій въ своихъ письмахъ нерѣдко касается ороографическаго вопроса, дѣлаетъ разныя комбинаціи, но онъ сознаетъ крайнюю трудность рѣшенія задачи объ установленіи единаго славяно-латинскаго алфавита. Въ двухъ письмахъ въ 1810 г. (отъ 1 января и 7 августа) [14]) Добровскій даже говоритъ о рѣшеніи вопроса только внѣшнею политическою силою: „Славянскій самодержецъ могъ бы болѣе тутъ уладить, чѣмъ ученое народное собраніе. Онъ бы сказалъ: Буди сему . . .", писалъ онъ Копитару. Уже въ ту пору Копитаръ рѣшительно высказывался противъ надстрочныхъ діакритическихъ знаковъ, вводимыхъ въ чешскую графику, а буквы съ подстрочными знаками не нравились самому Добровскому [15]). Онъ скорѣе готовъ былъ принять въ этотъ новый алфавитъ нѣкоторые кирилловскіе знаки. Извѣстно, что самъ Добровскій въ Institutiones Slavicae dialecti veteris примѣнилъ кирилловскія *з* и *ш* къ словамъ, написаннымъ латиницею [16]). Въ изданной перепискѣ Копитара и Добровскаго встрѣчается нѣсколько проектовъ различныхъ исправленій и пополненій славянской латиницы [17]), но эти проекты встрѣчали возраженія то со стороны Копитара, то со стороны Добровскаго. Въ то же время

составлялись орѳографическіе проекты и многими другими современниками Копитара и Добровскаго. Польскій лексикографъ Линде сообщилъ Добровскому одинъ изъ опытовъ примѣненія кирилловскихъ *з*, *ч*, *ш*, *ж* и другихъ знаковъ къ славянской латиницѣ. Онъ даже приводитъ образецъ примѣненія этой азбуки [18]). Ученикъ Водника и затѣмъ его другъ, Францъ Бильцъ въ тоже время предлагалъ свою систему примѣненія нѣкоторыхъ особыхъ буквъ и измѣненій къ словенской азбукѣ и даже составлялъ планъ общеевропейскаго алфавита, о чемъ было извѣстно Копитару [19]). Метелко въ 1817 году написалъ разборъ этого проекта [20]).

Въ первую четверть текущаго столѣтія вообще поиски за новою орѳографіею были весьма сильны на славянскомъ югѣ, ибо всѣ чувствовали величайшее неудобство вслѣдствіе отсутствія твердо установленныхъ и ясныхъ правилъ орѳографіи и неопредѣленности азбуки, чтó сильно вліяло и на неустойчивость формъ литературнаго языка. Начинавшія жить югославянскія литературы грозили распасться на много видовъ, такъ какъ каждое мѣстное нарѣчіе, ничѣмъ не ограниченное въ правахъ, являлось въ томъ или другомъ произведеніи по желанію автора.— Само вѣнское правительство приняло нѣкоторое участіе въ этихъ поискахъ однообразія алфавита и орѳографіи. Еще при Іосифѣ II въ Вѣнѣ была составлена, по иниціативѣ правительства, коммиссія для выработки однообразной „иллирской“ орѳографіи. Въ ней принимали участіе: Іоахимъ Стулли, составитель Итальяно-иллирско-латинскаго словаря, Ланосовичъ, составитель Грамматики славонскаго языка, и Кермпотичъ, бывшій придворнымъ капелланомъ въ Вѣнѣ, авторъ извѣстнаго стихотворенія: Katarine II i Josefa II put u Krim; а предсѣдателемъ этой коммисіи былъ Мандичъ, впослѣдствіи епископъ дьяковскій. Результатомъ совѣщаній было то, что Ланосовичъ и Кермпотичъ защитили противъ Стулли обычную въ то время въ Славоніи орѳографію и доказали непригодность далматинскаго правописанія, защищаемаго Стулли [21]). Вслѣдствіе этого было приказано Стулли декретомъ исправить приготовленный имъ къ печати Словарь по этому пра-

вописанію [22]). Въ 1820 г. составилось собраніе нѣсколькихъ болѣе извѣстныхъ знатоковъ языка и грамматики въ Вѣнѣ и Задрѣ. Еще въ 1817 г. профессоръ Матвѣй Равникаръ, бывшій впослѣдствіи тріестскимъ епископомъ, писалъ о превосходствѣ кириллицы для славянскихъ нарѣчій предъ латиницей, говорилъ съ Цойсомъ и Водникомъ о пополненіи послѣдней кирилловскими знаками и выражалъ надежду, что въ Вѣнѣ вскорѣ установятъ прочную и удобную ореографію для Славянъ [23]). Вѣроятно, благодаря стараніямъ Равникара и содѣйствію Копитара, въ 1820 г. состоялись вышеуказанныя собранія для выработки однообразной азбуки у югославянъ-католиковъ. Въ собраніи въ Вѣнѣ приняли участіе: Добровскій, Копитаръ, Метелко, Калистеръ, Шлокаръ и Равникаръ. На этомъ собраніи задача ставилась широко и думали даже о выработкѣ общеславянскаго алфавита и правописанія [24]). Эта вѣнская коммиссія выработала 11 особыхъ новыхъ знаковъ для пополненія латиницы. Знаки эти привезъ съ собою Метелко въ Люблану, гдѣ онъ занималъ съ 1817 г. каѳедру словенскаго языка въ духовной семинаріи, тогда учрежденную, благодаря стараніямъ Равникара [25]).

Въ тоже время въ Задрѣ собиралась другая коммиссія для установленія единства ореографіи, весьма разнообразной въ Далматіи. Дубровничане особенно твердо держались итальянской системы въ своей ореографіи. Въ этой коммиссіи засѣдали Аппендини, уже издавшій грамматику иллирскаго языка по итальянски, извѣстный ученый русскій священникъ Михаилъ Бобровскій, въ ту пору путешествовавшій по Далматіи [26]), Бено Микалевичъ, Николай Будровичъ и Павелъ Міошичъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ въ Сеньѣ. Они должны были выработать, по желанію правительства, одну общую азбуку, которую и предполагалось ввести въ учебникахъ для школъ, а также установить формы литературнаго языка. Образцомъ для распредѣленія и количества знаковъ и звуковъ должны были служить имъ кирилловская и глаголическая азбуки. Они дѣйствительно выработали алфавитъ, которымъ и было напечатано нѣсколько учебныхъ и общеполезныхъ книгъ

для народа. Эта азбука и была принята во всей Далматіи, за исключеніемъ Дубровника, гдѣ держались своего стараго правописанія. Изъ знаковъ латинской графики 16 не возбуждали сомнѣній и споровъ (a b d e f i j k l m n o p r u v). Относительно другихъ знаковъ эта коммисія пришла къ слѣдующему рѣшенію: соотвѣтствующую букву для *ц* было рѣшено признать *c*, какъ это употреблялъ Стулли и Вольтиджи; для обозначенія *ч* было принято *ç*, согласно съ Микали; для славянскаго *г* — было взято *g*, при чемъ соединеніе *gj* должно было соотвѣтствовать сербскому ђ (напр. tugji); звукъ *с* долженъ былъ обозначаться *s*, а для *ш*—ſ, *ſ*; для ћ (ть) было положено оставить комплексъ *ch*; что касается знака для *з*, то было рѣшено признать ему соотвѣтствующимъ *z*, а *ж* было постановлено изображать *x* [27]).

Такимъ образомъ, въ ту пору когда въ Вѣнѣ придумывались оригинальные знаки для пополненія латиницы, въ примѣненіи къ словенскому языку, по преимуществу передѣланные и видоизмѣненные изъ кириллицы, въ Задрѣ старались обойтись безъ заимствованій изъ азбуки. Насколько можно судить по метелчицѣ, знаки, придуманные въ Вѣнѣ, дѣйствительно были неудобны: они представляли странное и чрезвычайно не удобное для письма начертаніе. Вѣроятно, Копитаръ, хотя и указывавшій на кириллицу, какъ на источникъ, отъ котораго должно было взять новые знаки для пополненія латиницы, въ тоже время старался о томъ, чтобы эти заимствованія по возможности не походили на кирилловскія буквы.

Результаты обѣихъ коммиссій были переданы Добровскому на разсмотрѣніе [28]), который долженъ былъ получить наглядное доказательство о разногласіи, существовавшемъ у объединителей орѳографическихъ системъ на славянскомъ югѣ.

Впослѣдствіи эту задрскую орѳографію съ нѣкоторыми видоизмѣненіями приняла Zora Dalmatinska, подъ редакціей Кузманича (съ 1844 г.), относившагося оппозиціонно къ гаевицѣ и иллиризму. Результаты же вѣнской коммиссіи съ нѣкоторыми видоизмѣненіями были приложены къ дѣлу Метелкомъ и Данькомъ у Словенцевъ.

Метелко въ своей грамматикѣ [29]) предложилъ латиницу, переустроенную въ извѣстной степени по кириллицѣ со внесеніемъ простыхъ знаковъ, какъ *ш*, *щ*, *ч*, *ц*, *ж* (ш, щ, ч, ц, ӕ) и даже *ы* и *ъ*, передѣланныхъ по кирилловскимъ буквамъ. Кромѣ того Метелко вводилъ особыя начертанія для звуковъ, выражаемыхъ въ сербскомъ алфавитѣ Караджича—љ, њ. Дабровскій однако не одобрилъ начинаній Метелка и со свойственною ему откровенностью назвалъ знаки метелчицы „варварскими“ [30]). Это правописаніе Метелко преподавалъ въ Люблянѣ своимъ ученикамъ, вернувшись изъ Вѣны послѣ собранія для обсужденія алфавита, еще до изданія своей грамматики. Немного раньше, чѣмъ Метелко, въ Штиріи выступилъ Данько со своимъ проектомъ орѳографіи, отличнымъ отъ системы Метелка [31]). Онъ также принималъ нѣкоторыя кирилловскія буквы, своеобразно видоизмѣнивъ ихъ. Эти орѳографическія преобразованія пользовались покровительствомъ Копитара, но они встрѣтили мало сочувствія въ Штиріи и Хорватіи и повели даже къ такъ называемой словенской „абецедной войнѣ“.

Орѳографическіе вопросы были особенно важны потому, что съ ними были тѣсно связаны интересы школы, которая не знала, какой системы держаться, такъ какъ даже алфавитовъ предлагалось нѣсколько. Словенскій поэтъ Прешернъ въ одномъ изъ своихъ сонетовъ упоминаетъ объ этихъ спорахъ объ азбукѣ, насмѣшливо относясь къ метелчицѣ и вообще къ орѳографическимъ новизнамъ [32]).

Если Копитаръ поощрялъ и одобрялъ метелчицу, хотя ему болѣе нравились знаки Данька [33]), и вообще сочувствовалъ стремленію создать новую латиницу для Славянскихъ нарѣчій, даже съ примѣсью кириллицы, разсчитывая, что со временемъ эту новую азбуку примутъ и православные Славяне, то Шафарикъ уже въ эту пору относился неодобрительно къ затѣямъ „вторыхъ Кирилловъ“. Такъ, онъ крайне не одобрялъ попытки Словака Геркля выработать новую азбуку и признавалъ самою удобною систему надстрочныхъ діакритическихъ знаковъ для пополненія латинской азбуки

у Славянъ [34]). Онъ считалъ виновникомъ всѣхъ этихъ орѳографическихъ затѣй—Копитара, который „самъ стыдится вынести на показъ свои домыслы, но постоянно возлагаетъ эту затѣю на другихъ—Ганку, Данька, Вука и т. д." Онъ удивляется, что Данько и Метелко могутъ считать свою азбуку способною стать *всеобщею* славянскою [35]).

Но почти одновременное появленіе метелчицы и даньчицы могло имѣть печальное послѣдствіе для словенской письменности. Метелчица находила своихъ сторонниковъ въ Крайнѣ, даньчица — въ Штиріи и сосѣднихъ предѣлахъ. — Сторонники той и другой писали различно, примѣняясь къ различіямъ подрѣчій. Могло произойти образованіе двухъ литературныхъ языковъ у народа, едва ли насчитывавшаго въ эту пору даже милліонъ. Вскорѣ между сторонниками той и другой системы возгорѣлся споръ, который могъ рѣшить преобладаніе одной изъ нихъ, а это повлекло бы за собою введеніе побѣдившей системы въ школы и учебники. Споръ этотъ велся оживленно и весьма настойчиво. Сначала преимущество признавалось за метелчицею, но и самъ Данько и его сторонники сильно старались не дать возможности укрѣпиться этой системѣ [36]).

Противъ метелчицы въ Крайнѣ первый выступилъ Яковъ Жупанъ, помѣстившій въ журналѣ Carinthia статью противъ попытокъ Метелка примѣнить кириллицу къ славянскому алфавиту [37]). Въ 1832 г. Урбанъ Ярникъ, впослѣдствіи одинъ изъ первыхъ Словенцевъ, приставшихъ къ Иллиризму, издалъ въ Цѣловцѣ книгу: Versuch eines Etymologikon's der Slovenischen Mundart in Inner Oesterreich, въ которой для славянскихъ словъ употребилъ богоричицу. Въ томъ же году Мурко издалъ по нѣмецки словенскую грамматику, въ которой проводитъ мысль объ единствѣ нарѣчій во всѣхъ словенскихъ областяхъ, между тѣмъ какъ писатели дѣлили ихъ на Краинское, Хорутанское и Штирійское [38]). Мурко употребилъ въ своей грамматикѣ богоричицу, какъ старое словенское письмо, всѣмъ извѣстное. Этимъ онъ нанесъ сильный ударъ и метелчицѣ, и даньчицѣ. Когда же въ 1838 году штирійское

управленіе объявило, что оно прекращаетъ печатать школьныя книги даньчицею и передало пересмотръ ихъ Муркѣ [39]), и метелчица, и даньчица стали только интересными для историка. Вообще обоими этими алфавитами было напечатано весьма мало книгъ [40]).

Но окончательному ихъ паденію предшествовалъ рѣзкій поворотъ въ „абецедной войнѣ", вызвавшій участіе Копитара, который неожиданно для себя встрѣтилъ сильный отпоръ у Словенцевъ, между тѣмъ какъ онъ считался до той поры у своихъ единоземцевъ непререкаемымъ авторитетомъ. Это произошло по слѣдующему поводу.

Челяковскій помѣстилъ въ Časopis'ѣ Muz. Českého въ 1832 г. [41]) статью объ изданіи Krajnska Čbelica, въ которой рѣзко отзывается о реформаторахъ азбуки и называетъ каракулями (čarymary) знаки, придуманные Метелкомъ и Даньчикомъ. Онъ перепечаталъ стихотвореніе Прешерна противъ метелчицы (Čerkarska pravda) и совѣтуетъ Словенцамъ или остаться при прежней богоричицѣ, или принять чешскую систему діакритическихъ знаковъ. Онъ насмѣшливо отзывается о множествѣ грамматикъ у Словенцевъ, несоотвѣтствующемъ малому количеству литературныхъ произведеній. Признавая необходимость преобразованія алфавита, онъ выражалъ мнѣніе, что его лучше сдѣлаетъ какой либо даровитый писатель, чѣмъ грамматистъ. Челяковскій побуждаетъ въ своей статьѣ молодыхъ Словенцевъ заботиться объ очищеніи словенскаго языка отъ вошедшей въ него нѣмечины, не бояться „ни суроваго Аристарха", ни суда отрекшихся отъ народности, восторгается Прешерномъ и ободряетъ молодыхъ словенскихъ писателей сочувствіемъ благомыслящихъ земляковъ и вниманіемъ „шестидесяти милліоновъ Славянъ". Статью эту перевелъ на нѣмецкій языкъ извѣстный знатокъ многихъ языковъ словенскій писатель Чопъ и со своими замѣчаніями помѣстилъ ее въ Illyrisches Blatt, при чемъ рѣзко отозвался о метелчицѣ. Споръ о приложимости съ одной стороны и неудобствахъ съ другой преобразованій азбуки велся раньше этого въ журналѣ Carinthia въ 1832 г. [42]).

Противъ статьи Чопа явилось возраженіе въ той же газетѣ Illyrisches Blatt, написанное въ рѣзкой формѣ. Тогда Чопъ помѣстилъ обстоятельную статью, въ которой подвергъ серіозной критикѣ реформу Метелка [43]). Онъ приводитъ ее въ связь съ указаніями Копитара въ его грамматикѣ Краинскаго языка относительно пополненія словенской азбуки новыми буквами. Если Копитаръ въ 1808 г. требовалъ только восьми новыхъ буквъ, то Метелко далъ ихъ 12. Чопъ весьма обстоятельно разобралъ принципы реформы, произведенной Метелкомъ, и раскрылъ непослѣдовательность въ его правописаніи, обнаруживъ при этомъ замѣчательную эрудицію. Онъ видитъ вредъ этого стремленія Метелка и Данька преобразовать алфавитъ и въ отношеніи народнаго единства Словенцевъ: система Метелка и Данька различны,—одна вводится въ Крайнѣ, другая въ Штиріи, — и дѣлятъ такимъ образомъ одинъ народъ на два литературныхъ *отдѣла*. Въ заключеніе онъ приводитъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, мнѣніе Мурка о двухъ новыхъ алфавитахъ, созданныхъ у Словенцевъ. Мурко издавая свою грамматику и лексиконъ, возстановилъ, какъ было сказано выше, употребленіе прежней системы правописанія и выразилъ опасеніе, что за изученіемъ и спорами объ орѳографіи затеряется главный предметъ—наука (Wissenschaft).

Противъ этой статьи было помѣщено въ томъ же журналѣ возраженіе, въ которомъ защищались орѳографическія нововведенія Метелка и Данька, особенно обозначенія *г* (*ъ*), є (*ѣ*) и ф (ѡ), придуманныя Метелкомъ, и давалось предпочтеніе знаку ш, введенному этимъ послѣднимъ для обозначенія *ш*, предъ знакомъ ꙋ, придуманнымъ для этого звука Данькомъ [44]). Чопъ тогда рѣзко отвѣтилъ своему противнику [45]), настаивая на непослѣдовательности правописанія Метелка, и упрекнулъ оппонента, что онъ даетъ слишкомъ большое значеніе „авторитетамъ", разумѣя тутъ Копитара, и что первое мѣсто въ этомъ вопросѣ принадлежитъ разбору основаній, по которымъ производится реформа. Дѣло шло, очевидно, о фонетическомъ и историческомъ или этимологиче-

скомъ правописаніи, при чемъ Метелко пробовалъ удовлетворить вмѣстѣ и тому, и другому, но его знаки были весьма неудобны, а самое ихъ примѣненіе непослѣдовательно.— Тогда отозвался Копитаръ, напечатавшій статью: Ein Wort über der Laibacher ABC-Streit [46]), въ которой онъ со злою насмѣшкою, даже саркастически выражается о Чопѣ, Челяковскомъ и Прешернѣ, давая имъ презрительные и ироническіе эпитеты. Въ этомъ случаѣ Копитаромъ руководило не столько желаніе защитить Метелка отъ нападокъ Чопа, сколько осмѣять его противниковъ. Правда, Копитаръ отстаиваетъ нѣкоторые знаки Метелка, напр. *г* для обозначенія полугласныхъ (Nemгη, tгnгk), хотя далеко нерѣшительно; но онъ здѣсь выражаетъ ту мысль, которою руководился, защищая всѣ подобныя нововведенія въ латиницѣ, а именно: западные Славяне должны стремиться къ *полному* алфавиту *простыхъ* значковъ и для нихъ должны быть пріятнѣе хотя неловкіе, но простые знаки, чѣмъ самые красивые комбинированные [47]), потому что „восточные братья“ имѣютъ уже простые знаки. „Мы должны, говоритъ онъ, побѣдоносно отразить ихъ гордый, но неосновательный сарказмъ ничѣмъ инымъ, какъ посредствомъ еще болѣе красиваго алфавита изъ однихъ простыхъ знаковъ“ [48]). Вотъ та главная, руководящая мысль Копитара, которая его заставляла цѣлое десятилѣтіе почти въ каждомъ письмѣ къ Добровскому говорить о необходимости выработать новую латиницу для Славянъ!

Чопъ и Прешернъ не могли оставить безъ отвѣта эту статью Копитара, тѣмъ болѣе, что Копитаръ и тутъ сдѣлалъ нѣсколько намековъ на „чужія вліянія“. Чопъ называетъ пунктами помѣшательства (fixen Ideen) Копитара два положенія, проводимыя имъ въ статьяхъ объ орѳографіи и о древне-церковно-славянскомъ языкѣ: 1) пиши, какъ говоришь и 2) краинское нарѣчіе—прямой потомокъ древне-церковно-славянскаго языка, почему для него и необходимы знаки для глухихъ звуковъ. Чопъ высказывается противъ этихъ положеній. Если Копитаръ думалъ, что со временемъ Хорваты и Иллиры (Сербы) могутъ присоединиться къ Словенцамъ въ языкѣ литера-

туры или, наоборотъ, Словенцы присоединятся къ нимъ, и такимъ образомъ произойдетъ значительный по числу народъ, не уступающій ни Полякамъ, ни Чехамъ, ни Великорусамъ [49]), то Чопъ считалъ такое соединеніе нежелательнымъ, ибо Словенцевъ меньше, чѣмъ Хорватовъ и Иллирцевъ, и ихъ нарѣчіе было бы осуждено на литературную смерть, если бы Словенцы соединились со своими сосѣдями въ одинъ литературный языкъ. Тогда не понадобились бы и тѣ значки, которые придуманы для чисто словенскихъ звуковъ, замѣчаетъ Чопъ [50]). и рѣзко отбиваетъ саркастическія выходки Копитара противъ Челяковскаго и Прешерна.

Прешернъ не оставилъ тоже безъ отвѣта выходки Копитара. Онъ приложилъ къ отвѣту Чопа стихотвореніе: Апеллесъ и сапожникъ", оканчивающееся стихомъ: Le zhevlje sodi naj kopitar (пусть сапожникъ судитъ только о сапогахъ) [51]). Къ этому онъ прибавилъ нѣсколько нѣмецкихъ стихотвореній, въ которыхъ рѣзко нападаетъ на грубыя выраженія и пріемы полемики Копитара.

Результатомъ всѣхъ этихъ споровъ о пригодности пополненій алфавита и препирательствъ о метелчицѣ и даньчицѣ было то, что духовныя власти, въ вѣдѣніи которыхъ находились школы, рѣшили прекратить обученіе по новоизобрѣтеннымъ алфавитамъ и впредь не печатать ими школьныхъ книгъ, а возстановить употребленіе прежняго, стараго. 30 ноября 1833 г. краинскій губернаторъ въ Люблянѣ издалъ запрещеніе печатать учебники метелчицею [52]).

Эта полемика по вопросу объ орѳографіи, происходившая въ Крайнѣ незадолго до начала изданій Людевита Гая, въ нѣкоторой степени объясняетъ съ одной стороны, почему Копитаръ столь рѣзко и рѣшительно выступилъ противъ Гая и его иллиризма, особенно же противъ его орѳографіи, а съ другой, почему лучшій словенскій поэтъ Прешернъ, находившійся при томъ въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ однимъ изъ столповъ иллиризма, Словенцемъ Станкомъ Вразомъ, вполнѣ раздѣлявшимъ идеи Гая о соединеніи Словенцевъ и Хорватовъ въ „иллирскомъ" языкѣ и литерату-

рѣ, до конца остался враждебенъ иллиризму и въ языкѣ, и въ орѳографіи.

Одновременно съ этимъ и Сербы дѣлали попытки создать латиницу, пополненную кирилловскими знаками. Сербскій поэтъ и ученый, епископъ Лукіанъ Мушицкій подъ вліяніемъ Копитара дѣлалъ различныя комбинаціи изъ обѣихъ азбукъ и въ 1830 г. напечаталъ въ Карловцѣ свой переводъ австрійскаго гимна: „Gott erhalte den Kaiser — Да Богъ живитъ царя! Отечественно-народная пѣснь" нѣсколькими способами: нѣмецкому тексту противопоставленъ церковно-славянскій и сербскій переводы, а за тѣмъ напечатаны оба эти перевода латиницею съ присоединеніемъ къ ней нѣкоторыхъ знаковъ изъ кириллицы, какъ *ж*, *ц*, *ш*, *ч*, и изъ вуковицы—ћ. Мушицкій считаетъ термины: *сербскій* и *иллирскій* языки тождественными и къ этому языку присоединялъ населеніе Сербіи, Босніи, Герцеговины, Черногоріи, Дубровника, Далматіи, Истріи, Военной Границы, Славоніи и Южной Венгріи; часть Сербовъ—православные, а другая—католики. Что же касается населенія провинціальной Хорватіи, то онъ причислялъ его по языку къ Виндамъ, т. е. Словенцамъ [53]).

Такимъ образомъ Гай, желавшій объединить всѣхъ Хорватовъ, Приморцевъ, Далматинцевъ и Словенцевъ въ орѳографіи и языкѣ письменности, встрѣтилъ полное разъединеніе всѣхъ ихъ даже въ ихъ собственныхъ предѣлахъ. Попытки выработать лучшую и опредѣленную систему орѳографіи у Словенцевъ окончились, какъ мы видѣли, неудачей. Въ Далматіи, въ Задрѣ, эти попытки были удачнѣе, но и тутъ онѣ не привели къ соглашенію всѣхъ Далматинцевъ.

Орѳографическія перемѣны Гая, не смотря на оппозицію Копитара и другихъ, все же вызвали и одобрительные отзывы. Изъ различныхъ мѣстъ „Великой Илиріи" въ редакціи *Новинъ* получались письма съ одобреніемъ перемѣнъ въ правописаніи по чешскому образцу. Такъ, Игнатій Берличъ, издавшій грамматику сербскаго языка въ 1833 г., въ которой онъ предлагалъ всѣмъ Иллирамъ, какъ онъ называлъ безъ различія исповѣданій всѣхъ штокавцевъ-Сербовъ, Сла-

вонцевъ и Далматинцевъ, принять кириллицу въ обработкѣ Вука Караджича, написалъ письмо Бабукичу, въ которомъ заявляетъ полное одобреніе „общеславянскому правописанію“ Гая и прибавляетъ: „лишь бы это правописаніе приняли Сербы, пишущіе кириллицею!“ Но такъ какъ этого не можетъ случиться, то онъ совѣтовалъ принять кириллицу для нововозникающей иллирской литературы, чтобы произошло полное согласіе и единеніе шести милліоновъ иллирскаго народа. Бабукичъ въ своемъ отвѣтѣ Берличу объясняетъ, что югославяне, держащіеся латиницы, не могутъ отречься отъ нея въ угоду Сербамъ. Весь вопросъ онъ сводитъ къ ученію о „взаимности“ и утверждаетъ, что въ теченіе пяти лѣтъ знаніе кириллицы чрезвычайно распространилось среди католическихъ юго-славянъ. Бабукичъ при этомъ противопоставлялъ кириллицу глаголицѣ, говоря объ ея преимущественной древности и общности употребленія у Хорватовъ и Далматинцевъ, однако онъ предпочиталъ принятію кириллицы — изобрѣтеніе новыхъ знаковъ, преобразованныхъ изъ глаголицы, которую онъ считалъ преемницей финикійско-греческихъ письменъ [54]).

Ороографическая система Гая нашла съ перваго же года существованія *Даницы* даже путь къ школѣ. Одинъ изъ учителей въ 1835 г. написалъ въ *Даницу*, что онъ обучаетъ своихъ учениковъ по системѣ Гая и радуется ихъ успѣхамъ [55]). Но эти первые сторонники Гая увлекались предположеніемъ, что новая ороографія станетъ *общеславянскою* и дастъ возможность достигнуть литературнаго единенія между Иллирами, Чехами, Поляками и Русскими [56]).

3.

Мысль о „Великой Илліріи" и распространенность именованій: *Иллирія, иллирскій.*—Переименованіе изданій Гая въ *Иллирскія.*—Объемъ Илліріи по Ямбрешичу.—Мнѣніе Аппендини объ иллирскомъ языкѣ.—Отожествленіе именованій: *Сербскій* и *Иллирскій.* — Статья объ иллирскомъ языкѣ и литературѣ въ *Сербскихъ Новинахъ* въ 1820 г.—Представленіе Раича объ Илліріи и Катанчича объ иллирскомъ языкѣ.—Водникъ и его мечты объ Илліріи.— Савва Текели и его проектъ созданія Илліріи.—Культурное и литературное разъединеніе Юго-славянъ.—Задачи, предстоявшія Гаю. — Отношеніе въ Хорватіи къ новому литературно-политическому движенію. — Распространеніе изученія славянскихъ нарѣчій въ молодежи.—Отношеніе участниковъ *Даницы* къ именованію *Иллиръ.*— Швеяръ и его исторія Великой Илліріи.— Селянъ и его географія Великой Илліріи. — „Прогласы" Гая.—Стихотвореніе Штооса объ Илліріи. — Благосклонность австрійскаго правительства къ Гаю.—Основаніе иллирской типографіи.—Столкновенія иллирской партіи съ мадьяронами на выборахъ въ общественныя должности въ 1842 г.—Запрещеніе употребленія словъ: *Иллирія, иллирскій.* — Переименованіе изданій Гая. — Опредѣленіе значенія Иллиризма и его цѣлей по брошюрамъ графа Драшковича: Ein Wort an Illiriens hochherzige Töchter, Раковца и Шулека. — Біографическія свѣдѣнія о Богуславѣ Шулекѣ. — Строгости цензуры.— Политическая роль Иллиризма.—Объясненія Метелла Ожеговича и Германа Бужана въ парламентѣ.

Преобразованіе ороографіи составляло только первый, начальный шагъ въ литературной дѣятельности Гая. Главная его задача состояла въ томъ, чтобы создать литературное объединеніе всѣхъ Юго-славянъ, въ надеждѣ на возможность ихъ политическаго союза. Поэтому ему предстояло не только пробудить интересъ и любовь къ народному языку въ хорватской интеллигенціи [1], — онъ долженъ былъ заинтересовать всѣхъ Юго-славянъ въ возрожденіи хорватской словесности и связать ихъ въ одно цѣлое въ литературномъ отношеніи. Мысль о „Великой Илліріи" несомнѣнно нашла нѣкоторое покровительство и въ тогдашнемъ вѣнскомъ правительствѣ и въ то же время усилила вражду къ Хорватамъ со стороны Мадьяръ. Но что такое „Великая Иллирія" по ученію Гая и его ближайшихъ сторонниковъ?

Выше было указано, какъ графъ Драшковичъ понималъ политическія задачи Хорватовъ и выражалъ надежду на присоединеніе со временемъ Босніи къ соединенному королевству Хорватіи, Славоніи и Далматіи, а также на единеніе

19

съ Крайной и Штиріей. Гай болѣе опредѣленно впервые говоритъ о „Великой Иллиріи“ въ статьѣ: Naš Narod [2]). Онъ дѣлитъ Славянъ по языку и племени, согласно съ Колларомъ, слѣдующимъ образомъ: Великая Иллирія, Великая Польша, Великая Чехія и Великая Россія. Иллировъ онъ связываетъ съ Русскими въ одну вѣтвь, а Чеховъ съ Поляками—въ другую. Къ иллирскому племени онъ причисляетъ: Словенцевъ, Хорватовъ, Славонцевъ, Далматинцевъ, Босняковъ, Черногорцевъ, Сербовъ и Болгаръ, которыхъ онъ насчитываетъ только 500,000; самые многочисленные изъ нихъ Сербы (1,730,000), Хорваты (1,620,000) и Словенцы (1,240,000). Такимъ образомъ, Великая Иллирія, по мнѣнію Гая, охватываетъ все югославянство. Онъ сравниваетъ все Славянство съ великаномъ, голову котораго омываютъ волны Адріатическаго моря, а ногами онъ упирается въ Китайскія стѣны; въ правой его рукѣ Черное море, а въ лѣвой Балтійское; голова его — средняя Иллирія; его грудь — Угрія, его сердце подъ Карпатами, его желудокъ — равнина Польши, а животъ (terbuh) и ноги — неизмѣримый просторъ Россіи [3]). Для рѣшенія вопроса о родствѣ славянскихъ племенъ между собою онъ беретъ, какъ основаніе, языкъ. Хотя Slovansky Narodopis Шафарика вышелъ только семь лѣтъ спустя (1842 г.), но нельзя не видѣть уже здѣсь вліянія на Гая мыслей Шафарика, высказанныхъ въ первыхъ его трудахъ. Но еще болѣе ярко развита эта мысль Гаемъ объ единствѣ Иллиріи въ его объявленіи объ изданіи *Даницы* и *Новинъ* въ 1836 г., при чемъ оба изданія получаютъ названіе иллирскихъ вмѣсто прежняго сложнаго: „Хорватскія, Славонскія и Далматинскія“. Объясненіе цѣли изданія сдѣлано въ напыщенной формѣ, согласно съ обычаями того времени и привычками, которыя привили латинскіе одописцы. Гай даже прибѣгаетъ къ игрѣ словъ: *лира* и *Иллирія* и называетъ Иллирію *лирою* Европы. Онъ уподобляетъ Европу — дѣвѣ, сидящей съ лирою въ рукахъ. Эта лира, имѣющая три угла, когда-то издавала прекрасные звуки подъ дуновеніями вѣтровъ. Но поднялся вихорь съ юга и запада и буря съ востока и сѣвера, струны

оторвались и не стало гармоніи и прекрасныхъ звуковъ. Эта *лира* Европы и есть *Иллирія* съ тремя углами между Скадромъ (Скутари), и Бѣлякомъ (Виллахъ). Струны ея: Хорутанія, Горица, Истрія, Крайна, Штирія, Хорватія, Славонія, Далматія, Дубровникъ, Боснія, Черногорія, Герцеговина, Сербія, Болгарія и южная Венгрія — издаютъ теперь диссонансы. И вотъ, является задача привести вновь въ одну мелодію звуки этихъ разобщенныхъ между собою струнъ „великой лиры Европы", чтобы „прославить вѣчную молодость возсѣдающей дѣвы". „Перестанемъ каждый бренчать на своей струнѣ, говоритъ Гай, настроимъ лиру на одинъ ладъ, ибо она едина, но ея струны, каждая въ отдѣльности болѣе или менѣе удалены отъ ея природнаго звука. Откроемъ старую книгу нашего народа, въ ней отмѣчены славянскимъ духомъ давніе, сладкіе звуки нашей *лиры*, согласно съ ними составимъ при возобновленномъ согласіи Европы драгоцѣнную *лиру* — *Иллирію*". Затѣмъ онъ объясняетъ о переименованіи своихъ изданій въ „*Иллирскія*". Задачи ихъ знакомить со всѣмъ славянствомъ, но главнымъ образомъ съ исторіей и бытомъ „*всѣхъ* Иллировъ, т. е. южныхъ Славянъ: Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ". Такимъ образомъ понятіе Иллиріи сводилось къ тремъ послѣднимъ ближайше родственнымъ между собою народностямъ.

Гай далѣе отмѣчаетъ нападки, которыя встрѣтили его изданія съ первыхъ же дней своего появленія; подозрѣвали, что Гай имѣетъ замыслы *повлашить* Хорватовъ, т. е. обратить ихъ въ православіе, и обвиняли, что онъ портитъ языкъ, внося въ него слова и выраженія различныхъ нарѣчій и тѣмъ нарушая его діалектическую чистоту. Гай устраняетъ эти нападки указаніемъ на примѣръ образованія нѣмецкаго языка и высказывается противъ литературнаго развитія отдѣльныхъ небольшихъ нарѣчій и подрѣчій. Ссылками на одобреніе и благосклонность къ его предпріятію новаго императора Фердинанда I, наслѣдовавшаго австрійскій престолъ послѣ смерти Франца I въ 1835 г., отъ котораго Гай получилъ разрѣшеніе издавать газету, онъ, очевидно, старается отклонить

обвиненія въ политическихъ замыслахъ, враждебныхъ государству и народу.

Въ программу своихъ журналовъ Гай включилъ съ цѣлями показать единство народа также печатаніе „народныхъ и патріотическихъ пѣсенъ". Уже въ своей одѣ Степану Ожеговичу онъ показалъ свое знакомство съ народной поэзіей, и его „пѣсня Вилы" свидѣтельствуетъ объ этомъ. Съ той поры въ *Даницѣ* нерѣдко печатались народныя пѣсни, заимствованныя по преимуществу изъ сборниковъ Вука Караджича [4]).

Мысль о Великой Иллиріи, о славянскомъ происхожденіи населенія древней Иллиріи и даже объ Иллиріи, какъ разсадникѣ Славянъ, была, можно сказать, общею въ XVIII вѣкѣ. Мавро-Орбини, Дю-Френъ, Микоци и др., болѣе или менѣе повторяли тутъ одинъ другаго. Ямбрешичъ, издавшій въ Загребѣ въ 1742 г. „Словарь иллиро-германо-латинскій", внесъ въ него сказанія о происхожденіи Иллировъ и подъ Illyricum или Illyria понимаетъ „великое славянское царство, которое заключаетъ въ себѣ много королевствъ, какъ: Хорватское, Далматинское, Боснійское, Болгарское, Сербское, нынѣшнюю Словенію и др.". Границы этой Иллиріи онъ опредѣляетъ: Чернымъ, Эгейскимъ и Адріатическимъ морями, Италіей, Галліей, Германіей и Дунаемъ. Населеніе Иллиріи было Славянское (отъ слова: слава — gloria). По взгляду Ямбрешича, языкъ Славянскій или Иллирскій—одно и тоже. Имя *Иллиръ* (Illyrus, Ilirianec) Ямбрешичъ объясняетъ, какъ общее для Словенца, Хорвата, Далматинца, Босняка и т. д. Самъ Ямбрешичъ не дѣлалъ различія между хорватскимъ языкомъ въ узкомъ значеніи слова и иллирскимъ [5]).

Многіе латинскіе и хорватскіе одописцы въ Хорватіи и Славоніи выраженія „иллирскій и славянскій языкъ" считали синонимичными [6]).

Та же мысль о значеніи „Великой Иллиріи" и эпитета „Иллирскій" проводилась и писателями начала XIX в., напр. Миклоушичемъ. Аппендини, составившій сочиненіе о родствѣ иллирскаго языка съ греческимъ, нѣмецкимъ и латинскимъ, издавшій въ 1808 г. по итальянски иллирскую грамматику,

въ предисловіи, повторяющемся въ третьемъ изданіи ея (1838 г.), отождествляетъ понятія: Иллирскій и Славянскій языкъ, зная нарѣчія котораго можно пройти, безъ переводчика, отъ предѣловъ Македоніи до Балтика и Китая. Этотъ языкъ онъ дѣлитъ на четыре главныхъ нарѣчія: Русское, Польское, Чешское и Иллирское. Иллирское нарѣчіе, которое онъ иначе называетъ Далмато-Боснійскимъ, онъ считаетъ самымъ совершеннымъ, ибо оно сохранило древнюю чистоту и простоту. Между иллирскими діалектами Аппендини считаетъ лучшимъ дубровницкій и сравниваетъ его съ аттическимъ въ Греціи и тосканскимъ въ Италіи. Онъ жалуется на разнообразіе орѳографіи у иллировъ, для которыхъ латинская азбука недостаточна, но самъ не принялъ органическаго загребскаго правописанія, а остался при своемъ иллирско-дубровницкомъ [7]). Аппендини считалъ глаголицу азбукою Ѳракійцевъ и Фриговъ, что̀ повторялъ вслѣдъ за нимъ и Бабукичъ [8]).

Имя *Иллирійцевъ* придавалось въ XVIII вѣкѣ чаще всего Сербамъ, переселившимся въ Австрію изъ Старой Сербіи и Балканскаго полуострова въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Австрійское правительство въ оффиціальныхъ актахъ понимало подъ словами: Natio illiryca именно православныхъ жителей Венгріи сербскаго происхожденія. Въ 1791 г. была учреждена особая придворная канцелярія для завѣдыванія дѣлами Сербовъ Венгріи, подъ именемъ Cancelaria Illyrica и, какъ извѣстно, была уничтожена, въ 1792 г., по настояніямъ Мадьяръ. Сами Сербы въ ту пору вообще отождествляли понятія: *иллирскій* и *сербскій*. Въ 1820 г. Евѳимій Поповичъ, бывшій учителемъ въ Тріестѣ, перевелъ изъ итальянской Тріестской газеты статью о языкѣ и литературѣ иллирской [9]). Въ этой статьѣ утверждается, что языкъ населенія отъ моря Адріатическаго до границъ Болгаріи и Албаніи, отъ Македоніи и Румеліи до середины Мадьяріи, въ Хорватіи, выше рѣкъ Савы и Дравы, въ Краинѣ и Истріи, есть языкъ *иллирскій*, иначе сербскій. Болгарскій языкъ, испорченный вліяніемъ греческаго, ближе стоитъ къ иллирскому, чѣмъ краинскій, испорченный вліяніемъ нѣмецкаго.

Краинскій и славено-хорватскій языки въ сущности даже не принадлежатъ къ числу иллирскихъ діалектовъ. Штирійское, хорвато-приморское и далматинское нарѣчія, а также языкъ населенія острововъ,—хорватскіе діалекты, болѣе близкіе къ иллирскимъ. Что касается дубровницкаго нарѣчія, то оно то же, что въ Славоніи, Босніи, Герцеговинѣ и другихъ иллирскихъ областяхъ. Иллиры раздѣлены исповѣданіемъ и вслѣдствіе этого и азбукою на восточныхъ и западныхъ. Если восточные Иллиры, или Сербы, имѣютъ уже свою литературу и свой литературный языкъ, опирающійся съ одной стороны на языкъ церковной книги, а съ другой на языкъ народный, благодаря существованію народныхъ пѣсенъ, то западные Иллиры, раздѣленные между собою разнообразіемъ ороографіи, почти не имѣютъ своей литературы [10]).

Вообще мысль объ единствѣ „Иллирскихъ" народовъ и ихъ языка была въ извѣстной степени общею среди Югославянъ какъ восточныхъ (Сербовъ), такъ и западныхъ (Хорватовъ и Словенцевъ). Архимандритъ Раичъ въ своей „Исторіи разныхъ Словенскихъ народовъ, найпаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ" (Вѣна, 1794) разсматривалъ исторію Югославянъ, какъ единое цѣлое. Въ „Иллирію послѣдняго времени" онъ включалъ Далматію, Хорватію, Славонію, Боснію, Сербію и Болгарію — „шесть кралевствъ большихъ" и дѣлитъ ее на Угорскую, Венеціанскую и Турецкую. „Угорская Иллирія" состояла изъ Славоніи, Хорватіи и Далматіи [11]). Катанчичъ, трудолюбивѣйшій и ученѣйшій человѣкъ своего времени (1750—1824), въ понятіи „иллирскій языкъ" объединялъ всѣ югославянскіе діалекты. Издавая переводъ Священнаго писанія, онъ отмѣтилъ, что это переводъ на иллирскій языкъ „боснійскаго выговора" [12]). Извѣстно, какою восторженною пѣснью встрѣтилъ словенскій писатель провозглашеніе въ 1809 году Наполеономъ I Иллирской области, охватывавшей Крайну, графство Горицкое, Истрію, Приморье, часть Хорватіи до р. Савы и Далматію. „Иллирія возстань", пѣлъ тогда Водникъ, мечтавшій о образованіи изъ Югославянъ одного сильнаго государственнаго цѣлаго. Сербскій меценатъ

Савва Текели въ своихъ автобіографическихъ запискахъ приписываетъ себѣ мысль о созданіи „Иллирскаго королевства“. По его словамъ, онъ послалъ Наполеону черезъ французскаго посланника въ Вѣнѣ Шампаньи проектъ образованія Иллиріи изъ югославянскихъ странъ, отнятыхъ у Австріи [13]). И впослѣдствіи Савва Текели относился съ большимъ сочувствіемъ къ Иллирской дѣятельности Людевита Гая. Въ началѣ 1836 г. онъ послалъ Гаю письмо въ стихахъ, послѣ того какъ Гай въ концѣ 1835 г. объявилъ о переименованіи своихъ изданій въ *Иллирскія*. Текели вспоминалъ, что 30 лѣтъ тому назадъ онъ поднялъ „имя Иллиріи“ изъ гроба и поощрялъ Гая твердо идти по избранному имъ пути. Различіе вѣръ: православной, католической и магометанской, по его убѣжденію не должно дѣлить единокровныхъ братьевъ [14]).

Такимъ образомъ, задолго до Гая въ представленіи какъ Сербовъ, такъ и Хорватовъ и Словенцевъ, подъ именемъ „Великой Иллиріи“ понималось соединеніе всѣхъ югославянъ въ одно цѣлое, и самое названіе „Иллирскій языкъ“, „иллирская литература“ были обычны. Какъ Сербы, такъ и Далматинцы, и Хорваты считали общимъ именемъ для всѣхъ языковъ и литературъ—прозваніе „Иллирскій“, но это единство могло быть только предполагаемо, его ожидали и предвидѣли, но даже признаковъ фактическаго объединенія не было видно: оно могло быть пока только мечтою нѣкоторыхъ лучшихъ умовъ. Разъединенные культурно, политически, вѣроисповѣдно, имѣющіе много нарѣчныхъ разновидностей, пробуждающіеся не совмѣстно, а порознь для новой жизни, послѣ долговременнаго сна, Югославяне не могли понять необходимости взаимнаго соединенія и скоро найти путь, ведущій къ этому единству. Каждое племя, каждая народность старательно берегла все, отличающее ее отъ другихъ, хотя бы самыхъ сродныхъ. Можетъ быть въ этомъ сказывалась и старая свойственная всѣмъ Славянамъ черта — крайнее развитіе племеннаго индивидуализма, но нельзя отрицать и того, что положеніе, въ которомъ находились югославянскія народности въ началѣ текущаго столѣтія было таково, что оправдывало эту крайнюю

заботу каждой народности о своемъ индивидуализмѣ. Освободившись отъ Турокъ, Сербы боялись нашествія нѣмецкой культуры и католичества. Они, какъ увидимъ, вскорѣ оказались самыми горячими противниками Иллиризма Гая. Болгаре еще не пробуждались, и Гай скоро исключилъ ихъ изъ объема своей Иллиріи. Въ Далматіи господствовало полное разъединеніе, и Дубровникъ не забылъ своей старой самостоятельной роли и своего значенія въ югославянскомъ мірѣ. Изъ опасенія, что роль первенства перейдетъ къ сѣвернымъ Хорватамъ, дубровницкіе писатели старались противодѣйствовать даже новой ороографіи Гая. Въ Крайнѣ особенности словенскаго нарѣчія и болѣе раннее начало новой литературной жизни, чѣмъ въ Хорватіи и Славоніи, не допускали признанія ни новаго языка въ видѣ штокавскаго нарѣчія, сближавшагося съ сербскимъ, ни даже немедленнаго принятія новой ороографіи, на которую возлагали столь широкія надежды основатели хорватскаго Иллиризма. Въ тоже время неудачныя попытки до времени Гая создать даже „общеславянскую азбуку", при помощи и руководствѣ Копитара, должны были только увеличить силу тѣхъ препятствій, которыя пришлось встрѣтить Гаю, когда онъ провозгласилъ литературное объединеніе Югославянъ въ Иллиризмѣ [15]). Оставляя въ сторонѣ пріемы австрійской политики, то поощрявшей мысль о соединеніи Югославянъ въ Иллирствѣ, то напротивъ того подозрительно относившейся къ Иллиризму, слѣдуетъ признать, что сами Югославяне были внутри себя слишкомъ разъединены и не были въ состояніи провести на практикѣ теоретическія предположенія и разсчеты. Самое имя Иллирства казалось мертвымъ, лишеннымъ значенія, слишкомъ книжнымъ, не смотря на то, что оно было всѣмъ понятно, и хотя Австрія, получивъ обратно югославянскія области и даже расширивъ свои владѣнія по Адріатикѣ, оставила было именованіе *Иллирія* за западной частью бывшей французской Иллиріи, придавъ къ ней округи Чивидале, Градишку и Цѣловацкій, но уже въ 1822 г. оно было уничтожено, и округи этой провинціи были распредѣлены по

различнымъ областямъ. Правда, Хорваты обрадовались этому соединенію хорватской области, но въ сущности съ той поры начавшееся было слагаться объединеніе части Югославянъ въ Австріи стало распадаться. Далматія, составляющая часть тріединаго королевства, жила своею особою жизнью, и вскорѣ дѣлались Мадьярами попытки отдѣлить отъ Хорватіи даже Славонію, а Словенцы въ Крайнѣ, Хорутаніи и Штиріи почувствовали себя навсегда удаленными отъ Хорватовъ.

Сообразно съ такимъ положеніемъ, Гаю предстояла сложная задача, чтобы достигнуть цѣли — литературнаго объединенія „иллирскихъ" народовъ. Онъ такъ опредѣляетъ свои задачи: „пробудить въ Иллирахъ любовь къ своему народу и иллирскому отечеству, соединить въ согласіи братьевъ, разъединенныхъ несогласіемъ, истребить все, что несогласно съ исконной красотою иллирскаго нарѣчія, возвратить всѣмъ Иллирамъ ихъ сильный и богатырскій языкъ, однимъ словомъ вновь поднять славу племени и отечества въ любви, вѣрности и силѣ такъ, какъ была она въ старину, — вотъ наша цѣль, которой развѣ только одинъ адъ можетъ не одобрять" [16]).

Девизомъ для *Даницы* Гай взялъ изреченіе: „Народъ безъ народности—тѣло безъ костей" и посвятилъ ее: „Единенію (sloga) иллирскому". Если политическая часть изданій Гая, газета Novine, выходившая дважды въ недѣлю, въ первые года ограничивалась сообщеніемъ о нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, назначеніяхъ и т. д. и краткими извлеченіями изъ газетъ, при чемъ обращалось особенное вниманіе на славянскія страны, особенно Россію, то литературный отдѣлъ изданія *Danica* былъ довольно полный и велся чрезвычайно заботливо. Ближайшими помощниками Гая въ первомъ году изданія были: Драгутинъ Раковецъ, Людевитъ Вукотиновичъ, Антонъ Мажураничъ, Вѣкославъ Бабукичъ и Павелъ Штоосъ. Всѣ эти ближайшіе участники начала иллирской литературы были свѣтскія лица, за исключеніемъ Штооса. Такимъ образомъ, литературная дѣятельность въ Хорватіи впервые переходитъ въ руки свѣтскихъ

людей, ибо до той поры писателями были почти исключительно духовныя лица. Изъ числа этихъ первыхъ дѣятелей въ новой иллирской словесности были уже извѣстны своими печатными трудами Вукотиновичъ, Раковецъ, Гай и Штоосъ, изъ нихъ послѣдніе писали только оды [17]). Къ нимъ вскорѣ присоединились и другіе молодые дѣятели, какъ священники Матвѣй Топаловичъ и Юрій Тординацъ, Иванъ Мажураничъ и др. Но самымъ важнымъ было участіе графа Янка Драшковича, который въ своихъ стихотвореніяхъ, не имѣющихъ, впрочемъ, никакого художественнаго значенія, то воспѣвалъ соединеніе Иллировъ въ хороводѣ—*коло*, то призывалъ всѣхъ Хорватовъ, Сербовъ и Краинцевъ любить отечество и къ согласію, то требовалъ юначества и борьбы за права и провозглашалъ гибель измѣнникамъ [18]). Въ *Даницѣ* за 1836 г. (№ 7) Драшковичъ помѣстилъ свое извѣстное стихотвореніе, посвященное „Иллирской молодежи“, въ которомъ онъ призываетъ ее любить Иллирію во всемъ ея объемѣ, включая въ нее и Балканскій полуостровъ въ славянской его части, стремиться къ согласію и дружно трудиться на пользу этого иллирскаго отечества.

Согласно съ поставленной цѣлью, Гай и его сторонники должны были постараться разъяснить и распространить мысль объ единствѣ иллирскихъ народовъ и ихъ литературнаго языка, установить правила новаго языка и ороографіи, создать въ обществѣ потребность знанія иллирскаго языка и любовь къ чтенію книгъ на немъ, ввести въ употребленіе этотъ языкъ въ обществѣ, создать народный театръ и музыку, расширить познанія о Славянствѣ, дать образцы художественнаго творчества, развить ученый интересъ и поддерживать сознаніе необходимости борьбы за право народности и языка у Хорватовъ. Задачи и цѣли были широкія, и требовались большія силы для ихъ достиженія, хотя бы только въ извѣстной ихъ части. И дѣйствительно, сила идеи и энергія молодыхъ „Иллировъ“ была столь велика, что въ теченіе неполныхъ десяти лѣтъ возникаетъ иллирская литература съ полнымъ разнообразіемъ произведеній, полагается начало иллирскому теа-

тру, создаются всевозможныя патріотическія общества, — однимъ словомъ поднимается народъ, который, казалось, и по своей малочисленности, и по своему положенію обреченъ на исчезновеніе или перерожденіе. Правда, для достиженія этой цѣли потребовалось пожертвовать его языкомъ, предоставивъ роль языка литературы другому, болѣе сильному сродному нарѣчію, но именно этою жертвою и было куплено самое воскрешеніе народности и ея новая жизнь.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гай выступилъ съ ясною программою Иллиризма, онъ явился и центромъ, вокругъ котораго кипѣла какъ литературная, такъ и политическая борьба. Противъ Иллиризма выступили не только Мадьяре и мадьяроны, но и члены высшей хорватской аристократіи, а также отчасти и духовенство. Мадьяронство не было новинкою въ Хорватіи. Оно объясняется въ извѣстной степени вѣковыми политическими связями между Хорватіей и собственно Венгріей. Мадьяре получили славу геройскаго народа, хотя выдающіеся военные ихъ вожди, какъ Зрини, Франкопаны и др. были Хорваты по происхожденію, и потому самое имя Мадьяръ пользовалось извѣстностью и уваженіемъ. Они сильно отстаивали феодальное устройство Венгріи, что́ было на руку хорватскимъ магнатамъ и вообще дворянству, охотно причислявшимъ себя къ Мадьярамъ. Съ другой стороны быстро возраставшее вліяніе нѣмецкой культуры грозило онѣмеченіемъ слабымъ славянскимъ народностямъ, послѣ эпохи Іосифа II, и Хорваты предпочитали союзъ съ Мадьярами вліянію Вѣны и нѣмецкой части Австріи. Уступка Австріей части хорватскихъ земель по Саву Наполеону — эта часть вошла въ составъ французской Иллиріи — еще болѣе заставила Хорватовъ опасаться подчиненія ихъ страны непосредственно австро-нѣмецкому режиму. Этимъ объясняется въ извѣстной степени, почему нѣкоторые члены аристократіи, сначала было благосклонно отнесшіеся къ идеямъ Гая и его начинаніямъ, вскорѣ стали рѣшительными противниками Иллиризма.

Менѣе противниковъ Гай встрѣтилъ въ духовенствѣ, давно понявшемъ необходимость народнаго возрожденія, изъ

среды котораго выходили писатели на народномъ языкѣ. Какъ епископъ Верховецъ, такъ и его преемники Алаговичъ (ум. 1837 г.) и Гавликъ относились сочувственно къ патріотическимъ заботамъ Хорватовъ о сохраненіи своей народности и и ея главнаго признака — языка. Гавликъ, Словакъ по происхожденію, хорошо зналъ тотъ гнетъ, который налагали новые мадьярскіе замыслы на Славянъ, вошедшихъ въ область Венгріи, — и тѣмъ сильнѣе могъ сочувствовать литературному и политическому движенію, поднятому Гаемъ въ Хорватіи и развившемуся главнымъ образомъ во время его епископства. Противъ Гая были только ультракатолики среди духовенства. Но за то идея объединенія всѣхъ Юго-славянъ въ одномъ имени и созданія одной литературы съ однимъ языкомъ произвела глубокое впечатлѣніе на хорватскую молодую интеллигенцію. Въ Загребской духовной семинаріи уже съ 1833 года существовалъ кружокъ любителей хорватской словесности (kolo mladih rodoljubah), возникшій подъ вліяніемъ Штооса. Молодые клирики съ восторгомъ приняли вѣсть о новой идеѣ. Поэма Коллара, въ которой въ поэтическихъ картинахъ изображалось „Всеславянство", воспламенила молодые умы, и въ Загребской семинаріи стали учиться по чешски. Когда Колларъ въ 1841 г. былъ въ Загребѣ и посѣтилъ семинарію, его привѣтствовалъ одинъ изъ учениковъ чешскою рѣчью [19]). Сознаніе, что Славяне представляютъ многочисленный народъ, и что во главѣ ихъ Россія, территоріальный объемъ которой представлялся безграничнымъ для молодаго воображенія патріотовъ небольшой хорватской страны, усиливало еще болѣе стремленіе ознакомиться съ разными частями Славянскаго міра.

Къ Иллиризму вполнѣ присоединились всѣ молодые писатели того времени. Въ *Даницѣ* 1835 г. участники въ началѣ подписывались просто по именамъ, но уже во второмъ полугодіи являются подписи съ заявленіемъ о принятіи имени Иллировъ: такъ Михановичъ, Ѳома Блажекъ, Вукотиновичъ, Александръ Зденчай и др. стали подписывать подъ своимъ именемъ: „Иллиръ изъ Хорватіи", Иванъ Мажураничъ— „Иллиръ изъ Хорватскаго Приморья", Топаловичъ—„Иллиръ

изъ Славоніи“ и т. п. Начиная съ 1836 года, Danica и Narodne Novine, не безъ нѣкоторыхъ препятствій со стороны барона Влашича, приняли названіе *иллирскихъ*. Съ этихъ поръ подпись: *Иллиръ* подъ статьями стала обычнымъ явленіемъ, и это продолжалось до 1843 г., когда правительство запретило даже простое употребленіе словъ *иллирскій, иллиръ*. Съ особымъ удовольствіемъ встрѣчались въ *Даницѣ* подписи: Иллиръ изъ Срема, изъ Дубровника, изъ Босніи, Иллиръ-Сербъ [20]) или изъ Сербіи [21]), изъ Штиріи [22]), изъ Крайны [23]) и т. д. Были даже подписи: Иллиръ изъ Иллиріи, указывавшія на широкій патріотизмъ автора, признававшаго своимъ отечествомъ всю Иллирію, а не только свою родину или какую нибудь часть Иллиріи. Всего болѣе въ первые годы выхода изданій Гая было участниковъ „Иллировъ“ изъ Хорватіи и Славоніи. Если Славонцамъ изученіе діалекта, на которомъ сталъ печатать Гай, не представляло особыхъ затрудненій, то нельзя не признать, что немалыя трудности пришлось преодолѣвать „Иллирамъ изъ Хорватіи“, говорившимъ дотолѣ на кайкавскомъ нарѣчіи провинціальной Хорватіи. Но быстрота распространенія знанія именно этого діалекта свидѣтельствовала о томъ, что Гай избралъ вѣрный путь для возрожденія хорватской народности.

Провозгласивъ идею Иллиризма, объединяющую всѣхъ Юго-славянъ, Людевитъ Гай долженъ былъ постараться не только распространить мысль объ этомъ единствѣ, но и доказать его права и возможность. Какъ было сказано, Гай занимался исторіей „иллирскихъ народовъ“ и готовилъ обширное сочиненіе: Dogodovština Ilirije, но этого сочиненія онъ никогда не издалъ [24]). Есть указанія, что Гай искалъ разрѣшенія цензуры на печатаніе своего сочиненія, но встрѣтилъ препятствія. Въ 1845 г. онъ получилъ это разрѣшеніе отъ высшей цензуры въ Вѣнѣ, равно какъ на задуманное имъ изданіе полной иллирской библіографіи [25]), но никогда не привелъ въ исполненіе этихъ своихъ плановъ. Гай вообще не былъ достаточно приготовленъ къ историческимъ работамъ, судя по тѣмъ отрывкамъ его исторіи, которые появи-

лись въ *Данцигѣ*. Эту задачу освѣтить исторію Иллировъ и дать географію Великой Иллиріи взяли на себя Швеаръ и Селянъ. Священникъ въ одномъ изъ селъ вблизи Пожеги Швеаръ написалъ обширное сочиненіе въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ: Ogledalo Ilirium[26]), оконченное изданіемъ послѣ его смерти; первый его томъ вышелъ въ 1839 г., послѣдній (4-ый) въ 1842 году. Исторія Швеара отличается крайней слабостью исторической критики и стоитъ ниже трудовъ Лучича, Керчелича, Фарлати, Микоци и др. Будучи сельскимъ священникомъ, Швеаръ не имѣлъ возможности познакомиться съ „Древностями" Шафарика, появившимися въ 1837 г. Воспламененный въ немъ иллирскій патріотизмъ побуждалъ его искать всюду Славянъ[27]). Швеаръ, слѣдуя своимъ латинскимъ предшественникамъ по исторіи Юго-славянъ, начинаетъ повѣствованіе со временъ Ноя и разселенія его потомства и доводитъ свой разсказъ до 1790 г. Но если бы Швеаръ и обладалъ достаточной подготовкою для такаго обширнаго труда, онъ едва ли бы былъ возможенъ въ ту пору въ тѣхъ обширныхъ рамкахъ, которыя онъ себѣ поставилъ, такъ какъ онъ включилъ въ свой трудъ также исторію Босніи, Герцеговины, Болгаріи и т. д., большинство матеріаловъ для которой были въ ту пору почти недоступны. Его критика источниковъ можетъ быть названа только *патріотическою*. Такъ, онъ отвергаетъ подлинность пресловутой грамоты Александра Великаго Славянамъ главнымъ образомъ потому, что македонскій царь никогда не господствовалъ надъ всѣми Иллирами, никогда ихъ всѣхъ не покорялъ,—а Иллиры, по его мнѣнію, были Славяне—, и слѣдовательно *независимому* отъ него народу онъ и не могъ ничего жаловать. Швеаръ, вполнѣ присоединившійся къ провозглашенному Гаемъ Иллиризму, писалъ свою исторію Иллиріи преимущественно съ цѣлями патріотическими, *иллирскими*. Нерѣдко онъ дѣлаетъ лирическія отступленія, упоминая о родствѣ всѣхъ Славянъ между собою и о громадной ихъ территоріи. Въ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ о дѣленіи Славянъ на четыре нарѣчія и о возможности сблизить иллирскіе народы въ языкѣ литературы, ибо

они уже не могутъ быть соединены въ своихъ обычныхъ нарѣчіяхъ. Онъ не придаетъ значенія отдѣльнымъ славянскимъ племеннымъ наименованіямъ [28]).

Географическое описаніе Великой Илліріи сдѣлалъ Драгутинъ Селянъ, помѣстившій въ Даницѣ нѣсколько статей. Съ перваго же времени изданія *Даницы*, Гай помѣщалъ въ ней географическія описанія странъ, входившихъ въ его „Великую Илирію“ [29]). Драгутинъ (Карлъ) Селянъ былъ священникомъ и начальникомъ конвикта въ Загребѣ. Въ 1840 году онъ напечаталъ первую исторію происхожденія и развитія Иллиризма [30]). Къ этой послѣдней книгѣ онъ прибавилъ описаніе Великой Илліріи, въ которомъ держится того же взгляда, какой проводилъ Гай. Подъ этимъ именемъ онъ понимаетъ всю область славянскаго юга, включая и Болгарію. Здѣсь онъ уже сдѣлалъ краткое статистическое описаніе Илліріи и даетъ нѣкоторыя цифры. Онъ насчитываетъ Илліровъ въ Австріи и Турціи 9,885,000 и территорію опредѣляетъ въ 6658 квадр. миль, описываетъ нравы и занятія жителей и т. д. Въ 1843 г., когда Мадьяре подняли ожесточенную войну противъ Иллиризма въ угорскомъ сеймѣ, Селянъ напечаталъ первый томъ своей „Географіи иллирскихъ странъ“, въ которомъ описалъ иллирскія земли въ Австріи [31]). Второй томъ не былъ пропущенъ цензурою ни въ Загребѣ, ни въ Будимѣ, равно какъ и составленная Селяномъ географическая карта иллирскихъ странъ. Въ первый томъ вошло описаніе: a) Хорутаніи и Штиріи, b) Горицы и Крайны, c) Истріи и Далматіи, d) Хорватіи, Славоніи, Бачки, Баната и Военной Границы, которыя онъ объединяетъ въ именованіи: Угорско-иллирскія области (pokrajine). Книга Селяна, по словамъ ея автора, имѣетъ главною цѣлью побудить соотечественниковъ сознать свое единство и беречь свой языкъ и свою народность. Въ это время жестокой борьбы Хорватовъ съ Мадьярами, когда самое слово *Иллирія*, *иллирскій* подверглось запрещенію, Селянъ указываетъ на примѣръ Мадьяръ, старающихся поднять значеніе своего языка, хотя они одиноки въ Европѣ. „А мы, восклицаетъ онъ, Европейцы, мы, Славяне,

въ принадлежащей намъ съ давнишнихъ и незапамятныхъ временъ европейской области, наше растеніе, нашъ цвѣтъ, нашъ славянскій языкъ, дорогое наше иллирское нарѣчіе, которое можно сохранить и поддержать съ весьма малымъ трудомъ, развѣ допустимъ погибнуть? О, конечно, не допуститъ этого нашъ юнацкій хорватскій народъ, ни Славонцы, ни Сербы, сыны матери Славы, не допустятъ и остальные иллирскіе народы, чтобы нашъ богатырскій народъ пропалъ". Поэтому чрезъ всю книгу Селяна проходитъ тенденція — показать: во 1) давность славянскаго населенія въ этихъ странахъ, почему онъ относитъ начало исторіи Иллировъ за 16 вѣковъ до Р. Х., и 2) богатство страны, а также силу и способность Иллировъ къ исторической жизни. Эти труды должны были со стороны науки защитить и поддержать иллирскую идею Гая. Съ этою цѣлью Селянъ описываетъ нѣкоторые обычаи Иллировъ, особенно жителей Хорватіи, ихъ костюмъ, указывая на красныя шапочки, которыя въ ту пору стали модными среди иллирскихъ патріотовъ, и сопоставляетъ немногочисленность мадьярскаго племени по сравненію со славянскимъ. Онъ включаетъ въ свою книгу и краткое изложеніе исторіи Хорватіи и Славоніи съ цѣлью показать „достоинство" иллирскаго населенія этихъ областей. Описывая города и селенія, онъ старается указать славныя имена дѣятелей въ хорватской исторіи, связанныя съ этими мѣстами. Селянъ не считаетъ важнымъ племенное различіе Юго-славянъ и различіе ихъ по именамъ: „братья Иллиры! Юго-славяне! Хорваты! Сербы! или какія бы отдѣльныя имена ни употреблялись, — всѣ мы одной матери дѣти и имѣемъ одинъ и тотъ же языкъ..." восклицаетъ онъ, призывая всѣхъ дѣйствовать совмѣстно противъ вражескихъ козней.

Какъ исторія Иллиріи Швеара, такъ и географія Селяна давали довольно цѣльное представленіе о правахъ Иллиріи на самостоятельное развитіе во всѣхъ отношеніяхъ. Обѣ книги проникнуты однимъ духомъ широкаго иллирскаго патріотизма, мысль о которомъ была брошена Гаемъ. Очевидно, почва для объединенія Юго-славянъ въ идеѣ Иллиризма въ Хор-

ватіи подготовлялась во всѣхъ отношеніяхъ: историческія разысканія, какъ бы ни были они слабы и даже фантастичны, вслѣдствіе полнаго недостатка необходимой критики, и географическое описаніе югославянскихъ странъ должны были послужить оправданіемъ современной проповѣди иллирскаго ученія.

Въ то время, когда Швеаръ и Селянъ готовили свои обширные труды, Гай старался практически дѣйствовать въ пользу Иллиризма. Онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы распространить и разъяснить проповѣдуемую имъ мысль объединенія Юго-славянъ подъ именемъ Иллировъ и въ тоже время, отбиваясь отъ подозрѣній и обвиненій въ антигосударственныхъ замыслахъ, онъ старался подтвердить историческими примѣрами преданность Хорватовъ своимъ королямъ и Австріи. Но Гай не могъ не видѣть, что опираясь на одну благосклонность вѣнскаго правительства, хорватское возрожденіе не можетъ быть прочно и сталъ искать поддержки и опоры въ идеѣ „Всеславянства". Отсюда въ дѣйствіяхъ Гая можно замѣтить нѣкоторое противорѣчіе, вполнѣ объясняемое его положеніемъ и положеніемъ Хорватовъ, которыхъ въ то время Мадьяре разсчитывали уничтожить прямымъ обращеніемъ школъ и учрежденій въ мадьярскія. Въ тоже время иллирство Гая и его старанія объединить иллирскихъ Славянъ въ орѳографіи и языкѣ литературы встрѣчали сильный отпоръ со стороны многихъ Юго-славянъ, особенно Сербовъ и Далматинцевъ. Иллирскіе сторонники Гая вѣрили, что эти препятствія со временемъ легко устранятся, лишь только сознаніе единства Славянъ проникнетъ въ общественныя массы.

Гай объяснялъ свои взгляды на Иллиризмъ и отражалъ нападки на него въ своихъ *Проглаcахъ*, т. е. объявленіяхъ объ изданіи своихъ журналовъ. Въ 1839 г. онъ разъясняетъ еще разъ значеніе „иллирскаго имени" [32]). Онъ призываетъ Хорватовъ, Сербовъ, Вендовъ, Славонцевъ, Далматинцевъ, Босняковъ и т. д. въ *иллирскій* кругъ (коло). Именованіе *Славяне* должно быть всеобщимъ, имя *Иллиры* общенароднымъ и въ этомъ единеніи онъ видитъ единственную возможность сохранить народныя силы и значеніе Юго-славянъ, но

онъ не проповѣдуетъ истребленіе отдѣльныхъ племенныхъ именованій. Юго-славянъ вообще, а Сербовъ и Хорватовъ въ особенности, раздѣляетъ вѣроисповѣданіе. Гай хорошо это понималъ и постоянно прилагалъ старанія умалить значеніе этого препятствія къ единенію, и потому вопросы народные ставилъ выше религіозныхъ. „Не смотря на различіе вѣръ (ибо каждый долженъ уважать свою религію), мы обязаны обнимать и любить одинъ другаго, такъ какъ Единый Основатель западной и восточной церквей всѣхъ одинаково любитъ. Пусть каждый изъ насъ останется вѣрнымъ своей церкви, но всѣ мы должны соблюдать ученіе Іисуса о братской любви, которою только и можетъ когда нибудь спастись нашъ народъ, раздробленный междоусобной распрей. Сербское царство пало на Косовѣ, но иллирское не погибло бы. Хладнокровно взиралъ одинъ братъ Иллиръ на другаго, когда онъ эгоистически возвышался подъ своимъ отдѣльнымъ именемъ, но за то хладнокровно видѣлъ и его паденіе. А упрямое желаніе навязать другимъ свое отдѣльное именованіе, какъ бы оно ни было славно, это — эгоизмъ, который никогда не можетъ воспламенить сердца“ [33]). Въ первые года Иллиризма Сербы выступили противъ именованія *Иллиры* и нѣкоторые предлагали принять имя Юго-славянъ. Гай замѣчаетъ, что *Юго-славяне* — имя неудобное потому, что оно весьма относительно. „И казаки по отношенію къ сѣвернымъ своимъ братьямъ Юго-славяне“, говоритъ онъ. Возражая тѣмъ, кто указывалъ на неизвѣстность массѣ имени *Иллиръ*, Гай замѣчаетъ, что и имя *Итальянецъ* не было извѣстно массѣ итальянскаго народа, дѣлившагося на различныя отдѣльныя области, имѣвшія по нарѣчіямъ отдѣльныя именованія.

По вопросу объ азбукѣ и алфавитѣ Гай требуетъ, чтобы каждый образованный Иллиріецъ зналъ обѣ системы славянской графики, при чемъ утверждалъ, что было время, когда и всѣ Юго-славяне, безъ различія вѣроисповѣданія, пользовались кириллицей. „Абецеда принадлежитъ всей Европѣ — слѣдовательно и намъ, азбука же исключительно наша“, замѣчаетъ Гай, говоря о необходимости знать и пользоваться обѣ-

ими. Гай твердо держался ученія Коллара о дѣленіи Славянъ на четыре группы: „Пусть каждому изъ насъ будетъ прозвище *Славянинъ*, а имя *Иллиръ*, и точно также каждому между нашими братьями пусть будетъ всеобщее прозваніе *Славянинъ*, а имена *Русъ*, *Чехъ*, *Полякъ* пусть будутъ навсегда священны. Остальныя имена пусть каждый любитъ у себя дома, сколько угодно, но да не выходитъ съ ними за порогъ своего дома сѣять сѣмя ненависти, изъ коего возникаетъ и растетъ несогласіе, какъ сорная трава. Но нѣтъ никакого лѣкарства тому, кто донынѣ не понялъ бѣдствія нашей разрозненности: кто не хочетъ признать брата — братомъ, тотъ признáетъ чужака своимъ господиномъ".

Но эти разъясненія необходимости согласія и единенія не оказывали все же надлежащаго дѣйствія. Идея согласія и иллирскаго единенія проповѣдывалась почти въ каждомъ нумерѣ *Даницы*. Между стихотвореніями этого времени, посвященными ея разъясненію, выдается: Poziv u kolo ilirsko (приглашеніе въ иллирскій хороводъ) Штооса [34]). Въ *Даницѣ* ему предшествуетъ изображеніе шестиугольной звѣзды вокругъ круга, въ которомъ написаны слова: „Боже, помоги нашему согласію". Шесть угловъ звѣзды составляютъ: Хорваты, Славонцы, Далматинцы, Дубровчане, Истрійцы, Хорутане, Краинцы, Штирійцы, Междумурцы, Подунавляне, жители Бачки и Баната. Подъ звѣздою значатся Сербы, Босняки, Черногорцы, Герцеговинцы и Болгаре. Звѣзда аллегорически изображала звѣзду иллирскаго герба. Это стихотвореніе Штооса въ это время стало весьма популярнымъ. Оно въ стихахъ передаетъ то, что Гай изложилъ въ своемъ Proglas'ѣ объ изданіяхъ въ 1840 г. Обращаясь ко всѣмъ поименованнымъ народностямъ и призывая всѣхъ къ единенію въ иллирскомъ *колѣ*, особенно же Сербовъ, Штоосъ обращается и къ Славянству: „Первое *коло* пусть будетъ за Россіей, второе за Польшей, третье за Чехіей, а четвертое все увеличивающееся пусть охватываетъ иллирскій духъ", говоритъ Штоосъ, слѣдуя Коллару.

Между другими заявленіями Гая въ этотъ первый пе-

ріодъ Иллиризма, до запрещенія употребленія самаго слова *Иллиръ*, Proglas приложенный въ 1842 г. къ газетѣ Ilirske Narodne Novine, даетъ отчетъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми пришлось бороться Гаю [35]). Нападки, которымъ Гай подвергся въ началѣ своей дѣятельности, сводитъ онъ къ слѣдующимъ пунктамъ: одни обвиняли въ презрѣніи къ хорватскому языку, другіе—въ уничтоженіи хорватскаго имени, третьи — въ стремленіи уничтожить старыя права Хорватовъ, четвертые—въ задержкѣ народнаго образованія, пятые—католики—въ стремленіи оправославить ихъ, шестые — Сербы—въ стремленіи ихъ окатоличить; одни обвиняли — въ западно-европейскомъ либерализмѣ, другіе въ стремленіи къ деспотизму и т. д. Но, по словамъ Гая, силы въ борьбѣ ему давало сознаніе чистоты намѣреній и благосклонность отношенія какъ вѣнскаго правительства, такъ и самого императора Фердинанда V къ его дѣятельности. Дѣйствительно, въ 1837 г., не смотря на всякаго рода препятствія и противодѣйствія со стороны Мадьяръ и мадьяроновъ, Гаю было дано разрѣшеніе основать отдѣльную типографію, при чемъ ей дано было право именоваться королевско-привилегированною, а въ 1839 г. императоръ Фердинандъ пожаловалъ ему перстень съ бриліантами за его литературные труды, въ знакъ своего благоволенія [36]). Это было какъ разъ въ ту пору, когда въ обще-угорскомъ сеймѣ какъ въ нижней, такъ и въ верхней палатѣ шли самыя оживленныя пренія по поводу Иллиризма. Мадьярскіе патріоты, желавшіе навязать мадьярскій языкъ Хорватамъ, произносили сильныя рѣчи противъ Гая и его сторонниковъ, обвиняя ихъ въ сепаратизмѣ, политическихъ интригахъ и государственной измѣнѣ. Отчеты этихъ парламентскихъ засѣданій полны самыхъ крайнихъ нападокъ. Даже въ нѣкоторыхъ жупаніяхъ славонскихъ, какъ Сремской, и въ нѣкоторыхъ мадьярскихъ, какъ Саладской, были заявлены протесты противъ Иллировъ, при чемъ взводились на нихъ всевозможныя обвиненія [37]). Эти обвиненія были вызваны жалобами Туропольскихъ дворянъ, приставшихъ ка мадьярамъ. До чего доходили мадьярскіе націоналисты въ своихъ требованіяхъ,

можно судить потому, что въ одной изъ жупаній (Сатмарской) было внесено предложеніе о замѣнѣ латинскаго языка мадьярскимъ въ католическомъ богослуженіи; тогда же въ этой жупаніи было заявлено, что для выраженія сочувствія къ Полякамъ, какъ враждующимъ съ Россіей, съ которою поддерживаютъ связи „Иллиры" и Хорваты, должно начинать танцы на балахъ *полонезомъ*. Даже вышедшая тогда въ Прагѣ этнографическая карта Славянскаго міра Шафарика возбудила противъ себя преслѣдованія и жалобы со стороны Мадьяръ [38]). Въ то же время и въ Загребѣ сильно поднялся духъ націонализма. При торжественномъ въѣздѣ новаго бана Галлера большинство Хорватовъ появилось въ своихъ національныхъ костюмахъ, необычныхъ дотолѣ, въ красныхъ шапочкахъ и съ знаменами, на которыхъ изображенъ былъ гербъ Илліріи: полумѣсяцъ и звѣзда. Окна домовъ, были украшены патріотическими надписями въ стихахъ не только по иллирски, но и по чешски и по польски, въ которыхъ хорошо отражалось возбужденное общественное настроеніе, требовавшее отъ бана защиты правъ народа [39]).

Гай, отвѣчая на нападки, съ полнымъ правомъ утверждалъ, что со времени начала его дѣятельности онъ сдѣлалъ извѣстнымъ повсюду имя своего народа и создалъ новую литературу. Онъ указывалъ, что именно тѣ, кто приняли имя Иллировъ, явились самыми энергическими защитниками правъ хорватскаго народа. Враждебныя отношенія между членами различныхъ вѣроисповѣданій прекращаются, при чемъ для православнаго ругательное прозвище: *влахъ*, а для католика—*шокацъ* выходятъ изъ употребленія. „Иллирскіе патріоты своими дѣлами показали, что они каждый любятъ свое отечество: Хорватъ — хорватское, Славонецъ — славонское, Сербъ — сербское—и всѣ вмѣстѣ безъ различія именованій, вѣроисповѣданій, управленія и остальныхъ особенностей, любятъ болѣе всего свое *общее* отечество и желаютъ согласіемъ въ Иллирствѣ достигнуть только того, чтобы каждый сохранилъ свое, получивъ помощь въ братской любви. Слѣдовательно, братъ по иллирству Хорватъ пусть сохранитъ не только свое имя, но

и все то, что есть хорватское; братъ по иллирству Словенецъ да сохранитъ не только свое имя, но и все — словенское; братъ по иллирству Сербъ да удержитъ не только свое имя, но и все, что есть сербское".

Защищаясь отъ обвиненія въ недостаткѣ патріотизма, Гай проводитъ сравненіе между плодами дѣятельности Иллировъ и ихъ враговъ и приходитъ къ заключенію, что противники иллирства ничего не сдѣлали въ пользу народности ни въ политикѣ, ни въ литературѣ. „Не они ли хорватскимъ и славонскимъ языкомъ всегда не только пренебрегали, но пользуясь всегда чужимъ, старались намъ навязать мадьярскій вмѣсто нашего народнаго, ввести перемѣны въ нашемъ представительствѣ въ угорскомъ сеймѣ, противорѣчащія нашимъ муниципальнымъ правамъ, и слить такимъ образомъ наше хорватское королевство съ Венгріей?", говоритъ Гай, намекая на парламентскія пренія о правильности выбора представителей Хорватіи въ сеймѣ 1842 г. Противники Иллиризма пустили въ народной массѣ слухъ, будто сторонники Гая согласны наложить на Хорватовъ новую подать и этимъ лишить ихъ старой привилегіи, въ силу которой Хорваты платили половину суммы прямаго налога (štibra), обычнаго въ Венгріи. Гаю пришлось защищаться и отъ этого рода клеветы. Въ концѣ онъ энергически заявляетъ свое намѣреніе стоять до конца, безъ страха и боязни, на защитѣ народности, и муниципальныхъ правъ Хорватіи.

Но не смотря на то, что Гай постоянно ссылался на благосклонность императора Фердинанда и имѣлъ явные знаки ея, все же клеветы и обвиненія Иллировъ какъ въ самой Хорватіи, такъ и въ Венгріи возрастали. Гай принужденъ былъ въ Nar. Novin'ахъ нѣсколько разъ повторять въ однихъ и тѣхъ же словахъ, что Иллиры „хотятъ остаться вѣрными святой коронѣ (Венгерской) и не признаютъ никакого иллирскаго царства", что они „осуждаютъ всѣ противоконституціонныя движенія Иллиризма". Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявлялъ, что „Иллиры не признаютъ никакого царства Мадьярскаго à la Аттила" и „осуждаютъ противоконституціонныя движенія мадьяриз-

ма“ [40]). Вѣнское правительство само перемѣнило свой взглядъ на Иллиризмъ, лишь только Хорваты стали энергически отстаивать свои народныя права. Многочисленныя жалобы и доносы на Иллировъ съ одной стороны, и подозрительность меттерниховской политики съ другой, привели къ тому, что было наряжено слѣдствіе по разбору смысла и направленія иллирскаго движенія.

Въ половинѣ января 1843 г. было получено въ Загребѣ распоряженіе, запрещающее употребленіе словъ: *иллирскій, иллиризмъ, иллиры.* Поводъ этому запрещенію подали волненія, происходившія въ Загребѣ въ 1842 г. при „реставраціи“, т. е. при выборѣ должностныхъ лицъ. Въ то время какъ мадьяроны, прикрываясь тѣмъ, что они только противъ *Иллировъ*, но не противъ *Хорватовъ*, называли себя Хорватами и получали наставленія и руководство отъ мадьярскихъ агитаторовъ, иллирскіе патріоты естественно заботились о привлеченіи къ выборамъ большаго числа дворянъ патріотически настроенныхъ. Епископъ Гавликъ издалъ 1 мая 1842 г. циркуляръ къ духовенству, предписывая ему вліять на сельское мелкопомѣстное дворянство, чтобы оно поддерживало на выборахъ кандидатуру великаго жупана Николая Зденчая, стоявшаго на сторонѣ иллирской партіи [41]). Во главѣ противной партіи стоялъ графъ туропольскій Антонъ Іосиповичъ, вмѣстѣ съ туропольцами постоянно поддерживавшій мадьярскія стремленія и планы. Когда въ концѣ мая 1842 г. въ Загребѣ стали собираться сторонники обѣихъ партій, загребскіе Иллиры старались склонить на свою сторону собиравшихся дворянъ. Еще наканунѣ выборовъ произошло столкновеніе между обѣими партіями, окончившееся тѣмъ, что было нѣсколько избитыхъ. Гай подвергался также нападенію и принужденъ былъ спасаться въ домѣ великаго жупана. Въ самый день выборовъ до начала засѣданія между партіями произошло такое сильное столкновеніе, что многіе противники Иллировъ сочли болѣе удобнымъ удалиться изъ засѣданія. 31 мая 1842 г. произошли наконецъ выборы, результатомъ которыхъ было избраніе кандидатовъ иллирской

партіи. Иллиры вели себя вызывающимъ образомъ. Они повсюду являлись въ „суркахъ“ и красныхъ шапкахъ съ знаменами, на которыхъ былъ изображенъ иллирскій гербъ, распѣвали патріотическія и воинственныя пѣсни (даворіи), призывая всѣхъ къ единенію и сопротивленію врагамъ народности. Но на такой шумный протестъ противъ Мадьяръ они вызывались поведеніемъ самихъ Мадьяръ и ихъ хорватскихъ союзниковъ. Мадьярскій клубъ въ Загребѣ дѣйствовалъ энергически, а изъ Пешта получались и помощь, и указанія. Даже мадьярскій историкъ этого времени Михаилъ Хорватъ признаетъ, что Мадьяре тогда стремились къ тому, чтобы признавалась только венгерская народность тамъ, гдѣ имѣетъ силу венгерская конституція. Въ оправданіе этого положенія, вызывавшаго основательныя жалобы Словаковъ, Хорватовъ, Сербовъ и Саксовъ, онъ приводитъ только то, что тогда въ Венгріи „еще не родилась идея братства народовъ“. Причина смутъ, по его мнѣнію, лежала въ смѣшеніи понятій: *отечество* и *національность*. Мадьяре считали патріотизмъ равнозначущимъ съ принадлежностью къ венгерской національности и ставили въ грѣхъ всѣмъ другимъ народностямъ, если онѣ не были столь же воодушевлены мадьярскимъ націонализмомъ, какъ они сами, или стремились развивать также свой языкъ и свою народность [42]).

Слѣдствіемъ этого перваго столкновенія Иллировъ съ мадьяронами въ Загребѣ были жалобы со стороны туропольцевъ и нѣкоторыхъ другихъ комитатовъ, въ которыхъ Мадьяре имѣли своихъ сторонниковъ, на неправильности загребской реставраціи 1842 г. Было назначено изслѣдованіе дѣла и въ качествѣ императорскаго коммиссара былъ присланъ вировитицкій великій жупанъ Іосифъ Шишковичъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что епископъ Гавликъ, замѣнявшій бана послѣ барона Влашича, былъ лишенъ этого званія, и баномъ назначенъ Галлеръ, усилена строгость цензуры надъ иллирскими изданіями, а на мѣсто Мойзеса, сочувствовавшаго литературному движенію у Хорватовъ и принимавшаго даже участіе въ иллирскихъ изданіяхъ, назначенъ былъ цензоромъ нѣкто

Мачикъ, сторонникъ мадьяронской партіи, который сталъ относиться къ изданіямъ Гая съ крайней строгостью. Въ началѣ 1843 г. послѣдовало запрещеніе называть эти изданія иллирскими и вообще употреблять въ печати слова: иллирскій, Иллиризмъ. Въ указѣ по этому поводу говорилось, что императоръ намѣренъ поддерживать заботу Хорватовъ о развитіи національнаго языка въ законныхъ предѣлахъ и защитить муниципальныя права Хорватовъ отъ всякихъ нападеній, но онъ не можетъ терпѣть, чтобы подъ прикрытіемъ ревности о сохраненіи народности сѣялись раздоры между его подданными. Поэтому для устраненія повода къ нимъ запрещается употребленіе вошедшихъ въ обычай именованій: иллирскій, Иллиризмъ, Иллирія и т. д. въ газетахъ и вообще въ печати, въ дѣлахъ и въ школахъ. Говорилось въ этомъ указѣ также о томъ, что будутъ приняты мѣры и въ Венгріи, чтобы не являлось въ Хорватіи предлоговъ къ различнымъ эксцессамъ. Вообще рескриптъ составленъ въ томъ духѣ, что императоръ желаетъ примиренія между народностями и прекращенія споровъ. Особенно же обращалось въ немъ вниманіе на школы и печать, которой предписывалось избѣгать всего того, что можетъ повести къ обостренію отношеній между народностями и усилить между ними раздоры [43]).

Это запрещеніе Иллиризма произвело сильное смущеніе въ Хорватіи. Становилось вполнѣ ясно, что австрійская политика перестаетъ быть благосклонною къ хорватскому возрожденію. Болѣе осторожные Иллирскіе дѣятели это предвидѣли, и Вукотиновичъ въ *Новинахъ* еще въ началѣ 1842 года помѣстилъ рядъ статей подъ заглавіемъ: Zimske misli, въ которыхъ предостерегалъ молодыхъ иллирскихъ патріотовъ отъ увлеченій и крайностей. Онъ справедливо указывалъ на то, что одни внѣшніе знаки принадлежности къ патріотической партіи—а они именно представляли главный поводъ къ столкновеніямъ и жалобамъ—и горячія рѣчи съ выраженіемъ патріотическаго настроенія не составляютъ еще доблести. Онъ употреблялъ въ своихъ статьяхъ даже слово *иллиромanія* и призывалъ патріотовъ къ труду, къ заботѣ объ эконо-

мическомъ ростѣ народа, къ сокращенію роскоши въ богатомъ классѣ и т. д. „Не только въ языкѣ и въ литературѣ вся народность. Во всемъ долженъ быть одинъ духъ, которой ведетъ насъ только къ тому, что есть наше“, писалъ онъ, совѣтуя изучать народъ и готовиться къ событіямъ [44]). Иллирская партія попробовала было обратиться въ Вѣну, надѣясь испросить у императора отмѣну запрещенія, наложеннаго на Иллиризмъ. Съ этою цѣлью была послана депутація съ графомъ Янкомъ Драшковичемъ къ императору, но она возвратилась безъ успѣха. Драшковичъ, впрочемъ, утѣшалъ иллирскихъ патріотовъ, что „король—справедливый отецъ для всѣхъ своихъ народовъ, и что онъ не позволитъ одному народу притѣснять другой“ [45]).

Въ своей газетѣ въ нумерѣ 6 за 1843 годъ отъ 21 января Гай сдѣлалъ заявленіе объ этомъ распоряженіи императора, объяснивъ его желаніемъ устранить предлогъ къ междоусобнымъ распрямъ [46]). „Иллирскія Народныя Новины“ стали съ тѣхъ поръ выходить подъ именемъ: Narodne Noviny, а *Даница* возстановила свое первоначальное прозваніе: Danica Horvatska, Slavonska i Dalmatinska (№ 3 за 1843 г.). Но и это не прекратило нападокъ на изданія Гая. Его обвиняли, что, назвавъ просто свою газету Narodne Novine, онъ продолжаетъ проводить хотя скрыто Иллиризмъ, теперь уже запрещенный, и въ началѣ 1844 г. Гай долженъ былъ перемѣнить названіе своей газеты, исключивъ слово: *народныя* и прибавивъ: Horvatsko-Slavonsko-Dalmatinske [47]). Лишь въ 1849 г. Гай возстановилъ въ *Даницѣ* названіе ея *Иллирскою.*

Между произведеніями, формулировавшими понятіе „Иллиризма“ и содѣйствовавшими распространенію и уясненію иллирской идеи, отмѣтимъ графа Драшковича: Ein Wort an Iliriens hochherzige Töchter (Загребъ, 1838 г.), Драгутина Раковца: Mali katekizam za velike ljude (Загребъ, 1842 г.) и Богуслава Шулека: Šta naměravaju Iliri (Бѣлградъ, 1844 г.).

Женщины въ Хорватіи въ то время воспитывались на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и въ образованномъ классѣ весьма немногія изъ нихъ знали по хорватски. Гай и

его сторонники съ самаго начала своей дѣятельности старались привлечь женщинъ къ Иллиризму и участію въ литературѣ. Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ *Даницы* за 1835 г. [48]) помѣщено было стихотвореніе, написанное женщиной и обращающееся къ женщинамъ съ воззваніемъ принять участіе въ литературѣ на отечественномъ языкѣ. Брошюра графа Драшковича имѣла единственную цѣль ознакомить хорватскихъ женщинъ съ значеніемъ начавшагося движенія [49]). Обращаясь къ женщинамъ, Драшковичъ объясняетъ, что вслѣдствіе господства латинскаго языка почти во всей Иллиріи былъ запущенъ отечественный языкъ, и женщины едва ли знаютъ, какой онѣ народности. Самое слово *Иллиръ* звучитъ для нихъ чуждо, ибо немногія женщины знаютъ по латыни. Указывая на примѣры Германіи и Италіи, Драшковичъ выражаетъ свое полное убѣжденіе, что выбравъ одно изъ лучшихъ иллирскихъ нарѣчій, именно дубровницкое, иллирскіе дѣятели могутъ надѣяться, что немногимъ различающіеся по языку Хорваты, Краинцы и Сербы объединятся въ литературѣ. Въ своей брошюрѣ онъ даетъ краткій очеркъ исторіи Иллиріи, начиная отъ Кадма (съ 1443 г. до Р. Х.), основавшаго „первое иллирское царство“ на берегахъ Далматіи и распространившаго знаніе письменности. Изложивъ исторію поселенія Хорватовъ, родственныхъ Иллирамъ, и вообще Славянъ, онъ останавливается на судьбѣ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Герцеговины и Хорватіи и битву на Косовомъ полѣ называетъ „роковою для всей Иллиріи“. Вся задача брошюры показать, что у Хорватовъ-Иллировъ есть славное прошедшее и немало знаменитыхъ дѣятелей. Онъ проводитъ идею славянской взаимности и ученіе Коллара о четырехъ главныхъ нарѣчіяхъ и знакомитъ съ нѣкоторыми именами дубровницкихъ и сербскихъ писателей. Къ своей брошюрѣ Драшковичъ придалъ статью Шафарика изъ Ost und West, въ которой онъ дѣлаетъ оцѣнку новаго литературнаго движенія въ Хорватіи, весьма сочувственную къ Гаю, и статью подъ заглавіемъ: Noch ein Wort von einem Adoptiv-Ilirier, написанную Колларомъ [50]). Какъ образецъ изящества выраженій и стиха и художественности произведеній

старой иллирской литературы, Драшковичъ приложилъ къ своей брошюрѣ одну изъ лучшихъ анакреонтическихъ одъ Джорджича съ переводомъ ея на нѣмецкій языкъ, сдѣланнымъ Деметромъ.

Брошюра Драшковича имѣла громадный успѣхъ. Дѣйствительно между хорватскими женщинами нашлось немало патріотокъ, которыя отозвались на призывъ Драшковича къ сознанію своей народности. Въ обществѣ стало распространяться употребленіе хорватскаго языка, и на вечерахъ нерѣдко раздавались хорватскія пѣсни. При ближайшемъ участіи графа Драшковича возникли въ Загребѣ тѣ хорватскія общества, которыя содѣйствовали возрожденію Хорватовъ.

Драгутинъ Раковецъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ Гая и дѣятельнымъ участникомъ Иллиризма. Какъ было уже указано, онъ началъ свою литературную дѣятельность при первыхъ вѣяніяхъ приближавшагося литературнаго переворота. Еще будучи студентомъ юридическаго факультета въ Загребѣ, Раковецъ началъ переводить съ нѣмецкаго на загребское нарѣчіе драмы, изъ коихъ три были поставлены на сценѣ. Его оды служатъ выраженіемъ патріотическаго настроенія и мысли о возрожденіи народности. Первый нумеръ *Даницы* открывается его пѣснью. Раковецъ сталъ ближайшимъ участникомъ и помощникомъ при изданіи газеты Ilirske Narodne Novine и въ теченіе семи лѣтъ редактировалъ *Даницу*.

Въ 1842 году Раковецъ помѣстилъ сначала въ „Иллирскихъ Народныхъ Новинахъ“, а затѣмъ выпустилъ отдѣльно небольшую брошюру, назвавъ ее „Малымъ катехизисомъ“ Иллиризма, въ которой въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ разъясняетъ главныя положенія Иллировъ и формулируетъ ихъ ученіе. Хорваты дѣлятся на двѣ партіи, изъ которыхъ меньшая, состоящая по преимуществу изъ дворянъ, готова отречься отъ народности и языка и принять мадьярскій языкъ и народность. Это — псевдомадьяре (nadrimagjare). Эта партія концентрировалась въ Загребскомъ казино, держится связей только съ Мадьярами, не посѣщаетъ театра или собраній, когда

тамъ даются хорватскія піесы или поются хорватскія пѣсни, ведетъ переписку по мадьярски, содѣйствуетъ всячески Мадьярамъ въ ихъ стремленіи уничтожить муниципальныя права Хорватіи, въ извѣстной степени ограждающія ея самостоятельное развитіе и т. д. Причины существованія и возникновенія подобной партіи между Хорватами заключаются съ одной стороны въ томъ, что высшій классъ донынѣ всегда получалъ ненародное воспитаніе и не зналъ народнаго языка, а съ другой въ побужденіяхъ со стороны Мадьяръ, хотя между членами этой мадьяронской партіи многіе совершенно не знаютъ по мадьярски. Ссылаясь на брошюру графа Зая: Magjarismus, Protestantismus und Freiheit, Раковецъ выставляетъ положеніе, что Мадьяре хотятъ на развалинахъ всѣхъ остальныхъ народностей въ Венгріи создать мадьярскую съ ея языкомъ и уничтожить всѣ вѣроисповѣданія, распространивъ кальвинизмъ. Вслѣдствіе этихъ цѣлей Мадьяръ создались противъ нихъ три оппозиціи: саксонская въ Семиградіи, словацкая въ Венгріи, иллирская въ Венгріи, Хорватіи, Славоніи и Рѣкѣ; что касается Румынъ, то они еще молчатъ. Но Венгрія можетъ процвѣтать и при существованіи нѣсколькихъ языковъ и литературъ. Примѣръ Австріи и Швейцаріи, гдѣ господствуетъ нѣсколько языковъ и самостоятельно развивается нѣсколько народностей, доказываетъ возможность полнаго развитія государства и при раздѣленіи на нѣсколько языковъ и литературъ. Считая языкъ и народность святынями народа, Раковецъ признаетъ необходимость одного оффиціальнаго языка, но такимъ языкомъ онъ считаетъ для Венгріи латинскій. Если бы необходимо было замѣнить его какимъ либо изъ живыхъ языковъ, существующихъ въ Венгріи, то этимъ языкомъ не могъ бы быть избранъ мадьярскій, потому что онъ — языкъ меньшинства населенія. Онъ отмѣчаетъ, что въ строѣ мадьярской государственной жизни народъ не играетъ никакой роли и не имѣетъ никакого значенія, и этимъ объясняетъ всѣ стремленія мадьярской аристократіи навязать школамъ и учрежденіямъ мадьярщину, что вызвало сопротивленіе со стороны немадьярскихъ народовъ, живущихъ въ Венгріи, и за-

ставляетъ подозрѣвать и другія тайныя цѣли со стороны Мадьяръ. Хорваты и Славонцы не желаютъ замѣны латинскаго языка мадьярскимъ потому, что это привело бы къ полному паденію ихъ собственный языкъ, начинающій жить литературно, и нанесло бы ударъ ихъ муниципальнымъ правамъ, ограждающимъ ихъ права на независимость развитія. Если бы вопросъ шелъ о необходимости замѣны языка латинскаго какимъ либо другимъ, то этимъ языкомъ могъ бы быть принятъ только языкъ иллирскій. Далѣе онъ ставитъ вопросъ: „Почему мы зовемся Иллирами, а не только Хорватами?“ и такъ отвѣчаетъ: „Потому, что хотимъ имѣть литературу и знаемъ, что три хорватскія вармедіи (округа), съ Военною Границею особой литературы имѣть не могутъ. Литература должна охватить и остальныхъ нашихъ братьевъ по крови и языку, именно: Славонцевъ, Далматинцевъ, Сербовъ, Краинцевъ, однимъ словомъ, всѣхъ югозападныхъ Славянъ. Она не можетъ назваться хорватскою, ибо каждая изъ этихъ народностей имѣла бы право желать, чтобы этотъ общій языкъ и литература были названы ея именемъ. Нужно, слѣдовательно, принять одно общее имя, которое никому не дѣлаетъ обиды, которое никогда еще не умирало въ нашемъ отечествѣ, которымъ пользуются многіе югозападно-славянскіе писатели съ древнѣйшихъ временъ до нынѣ, которое весьма хорошо извѣстно всѣмъ вѣтвямъ нашего югозападно-славянскаго народа, которое Англичане, Французы, Итальянцы и т. д. всегда намъ даютъ, когда говорятъ о всѣхъ югозападныхъ Славянахъ, какъ объ единомъ цѣломъ, которое у насъ никто еще донынѣ не отнялъ со времени до рожденія Іисуса Христа, — и это имя есть *иллирское*“. Мы привели весь текстъ этого отвѣта на вопросъ объ Иллирствѣ, ибо въ немъ удачно сгруппированы всѣ положенія, развиваемыя въ Danic'ѣ и Ilirsk'ихъ Narodn'ыхъ Novin'ахъ какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Равовецъ уже признавалъ, что древніе Иллиры могли не быть Славянами, но оправдывалъ принятіе Славянами имени Иллировъ примѣромъ Русскихъ, принявшихъ названіе отъ „германскаго племени“. Названіе: Славяне слишкомъ широко, а име-

нованіе: южные или югозападные Славяне—не соотвѣтствовало бы дѣлу и вообще неудобно. Раздѣливъ Славянъ на четыре группы: Русскіе, Поляки, Чехи и Иллиры, Раковецъ объясняетъ употребленіе этого наименованія — „иллирскій", „Иллиры" и въ политическомъ смыслѣ. Названіе это относится къ Далматіи, Хорватіи и Славоніи и было къ нимъ относимо еще издавна. Онъ ссылается на мадьярскаго ученаго Беля, издавшаго въ 1779 году въ Пожунѣ и Кошицахъ (Kaschau) Compendium Hungariae Geographicum, въ которомъ онъ дѣлитъ Иллирію на венгерскую, венеціанскую и турецкую и подъ первою понимаетъ Славонію, Хорватію и Далматію. Далѣе онъ оправдываетъ Иллировъ отъ обвиненія, будто бы они имѣютъ своею цѣлью — онѣмеченіе народа,— обвиненія, взводимаго на послѣдователей Гая Мадьярами и основываемаго на томъ, что прежняя венеціанская Иллирія подчинена Австріи, гдѣ господствуютъ Нѣмцы, а Иллиры стремятся къ объединенію всѣхъ Иллировъ, для чего они должны стремиться къ подчиненію Нѣмцамъ и Хорватіи, Славоніи и Далматіи. Указывая на то, что вся забота Иллировъ сводится къ воскрешенію народнаго языка и народности, Раковецъ восклицаетъ: „Эти обвиненія не новинка для насъ. Противники наши и нашей народности измышляли, что мы получаемъ русскія деньги и имѣемъ Богъ знаетъ еще какія намѣренія". Затѣмъ Раковецъ оправдываетъ ношеніе Иллирами народнаго костюма и красныхъ шапокъ, ибо *сурка* — обычное платье всего населенія, а красный цвѣтъ на шапкахъ — національный [51]). Что касается иллирскаго герба (полумѣсяцъ со звѣздою), то онъ историческій, встрѣчается на римскихъ монетахъ, чеканенныхъ для Иллиріи, а также на старыхъ угорскихъ, входитъ въ составъ гербовъ нѣкоторыхъ городовъ, напр. Загреба, и нѣкоторыхъ дворянскихъ родовъ [52]). Далѣе Раковецъ указываетъ обстоятельства, которыя изстари мѣшали единенію югозападныхъ Славянъ въ языкѣ и литературѣ. Во первыхъ, главная помѣха — различіе именованій и дробность дѣленія по племенамъ и нарѣчіямъ, вслѣдствіе чего появились писатели, окрестившія свои поднарѣчія именемъ

языка. Такъ возникли *языки* хорватскій, сербскій, словенскій, краинскій, штирійскій, далматинскій и т. д. Эти литературы слишкомъ малы и слабы, чтобы могли оказать какое либо противодѣйствіе или сопротивленіе вліянію чужихъ литературъ и языковъ, и потому въ Хорватіи возникло стремленіе создать одинъ общій языкъ и литературу, что̀ и было причиною возникновенія Иллиризма. Во вторыхъ, различіе вѣроисповѣданій мѣшало единенію и можетъ служить помѣхою до той поры, пока масса не будетъ просвѣщена, ибо религіозныя вѣрованія переходятъ легко въ фанатизмъ, рождающій ненависть и преслѣдованія. Въ третьихъ, разъединяетъ Югославянъ различіе письменъ — латиницы и кириллицы, употребляемыхъ Иллирами. Раковецъ выражаетъ ту же мысль, что и Гай, объ обязательности знанія обѣихъ азбукъ всѣми Иллирами. Послѣднія страницы брошюры заняты краткою формулировкою основныхъ цѣлей Иллировъ. На вопросъ: Чего мы хотимъ? Раковецъ перечисляетъ слѣдующія желанія: 1) имѣть свой народный языкъ; 2) свою народную литературу; 3) просвѣщеніе народа на его родномъ языкѣ; 4) сохраненіе муниципальныхъ правъ, охраняющихъ политическое существованіе народа; 5) остаться „братьями" Мадьяръ подъ венгерскою короною. — Брошюра заканчивается воззваніемъ къ согласію между Хорватами и напоминаніемъ о томъ, какая печальная судьба постигла Павла Витезовича, пытавшагося въ XVII стол. создать хорватскій литературный языкъ и принужденнаго бѣжать изъ Загреба. „Мы хотимъ нашъ народъ и его конституціонную свободу спасти отъ крайней опасности и гибели. Мы ничего не дѣлаемъ въ тайнѣ, пусть Богъ и весь міръ насъ судитъ! И если наше дѣло не святое и не справедливое, пусть оно̀ погибнетъ!" Такими словами Раковецъ заканчиваетъ свою сжатую и вѣрную характеристику Иллиризма [53]).

Эта брошюра одного изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ начала дѣятельности Иллировъ, при томъ въ первые годы редактировавшаго *Новине* и *Даницу*, формулировала всѣ главныя положенія Иллиризма наканунѣ его оффиціальнаго запрещенія въ январѣ 1843 г. Если въ первыхъ годахъ иллир-

ской дѣятельности по временамъ сильнѣе выступаетъ мысль о славянскомъ единствѣ, если самая забота объ устройствѣ иллирской азбуки по системѣ чешской и о выработкѣ общаго иллирскаго языка оправдывалась также сближеніемъ со всѣмъ Славянствомъ и конечною цѣлью всѣхъ реформъ и стремленій выставлялось — славянское объединеніе въ литературѣ и наукѣ, то теперь, въ пору наступающей рѣшительной борьбы за сохраненіе хорватской народности, эти общія мысли отходятъ какъ будто на задній планъ. Хорватамъ предстояла борьба за свои народныя права съ все болѣе выроставшимъ мадьярствомъ, не разбиравшимъ средствъ для достиженія своей главной цѣли — омадьяренія народностей, входившихъ въ составъ Венгріи. Если Мадьяре и въ парламентѣ, и въ газетахъ, тогда имѣвшихъ большое вліяніе, и въ ученыхъ трактатахъ проводили мысль о полной зависимости Хорватіи и Славоніи отъ Венгерскаго королевства, то понятно, что со стороны Хорватовъ нужно было ожидать защиты своихъ историческихъ правъ и оправданія своихъ стремленій.

Послѣ запрещенія словъ: *иллирскій* и *Иллирія*, въ Хорватіи была введена строгая цензура, и цензоръ Мачикъ, ярый мадьяронъ, смѣнившій расположеннаго къ иллирскому движенію цензора Мойзеса, преслѣдовалъ все, что только писали въ защиту правъ Хорватовъ и ихъ языка. Въ эту пору выступаетъ дѣятельнымъ помощникомъ Людевита Гая Богуславъ Шулекъ, Словакъ по происхожденію. Шулекъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ по своей дѣятельности въ хорватской литературѣ, не только въ періодъ ея возрожденія, но и донынѣ. Онъ можетъ быть названъ хорватскимъ энциклопедистомъ. Отецъ Шулека, Иванъ, былъ въ началѣ текущаго столѣтія учителемъ въ Мошовицахъ, родинѣ Коллара, въ Турчанской столицѣ. Тутъ онъ былъ учителемъ знаменитаго проповѣдника славянской взаимности [54]). Затѣмъ онъ былъ протестантскимъ пасторомъ и проповѣдникомъ и извѣстенъ своими популярно-научными и духовно-религіозными сочиненіями, которыя онъ писалъ по латыни и по словацки. Въ послѣдствіи онъ жилъ въ Субботицѣ въ Нитранской столицѣ, гдѣ и умеръ

въ 1837 г. Богуславъ Шулекъ былъ однимъ изъ младшихъ сыновей большой семьи. Онъ родился 21 апрѣля 1816 г. Учился сначала въ школѣ на родинѣ, а затѣмъ въ евангелическомъ лицеѣ въ Пожунѣ, готовясь въ учителя или пасторы.

Въ Прессбургскомъ лицеѣ въ ту пору было три студенческихъ общества: нѣмецкое, мадьярское и словацкое. Послѣднее было самое дѣятельное. Его предсѣдателемъ былъ профессоръ богословія Шевряй, Словакъ по происхожденію, а вицепредсѣдателемъ Людевитъ Штуръ, бывшій въ то время еще студентомъ. Словацкое студенческое общество имѣло своею задачей занятія языками и литературою. Подъ вліяніемъ Штура оно стало патріотическо-славянскимъ въ широкомъ смыслѣ слова. Даровитый, энергическій и горячій Славянинъ, Штуръ умѣлъ найти средства привлекать въ это общество лучшую молодежь и держать ее въ строгой дисциплинѣ. По его иниціативѣ, словацкая молодежь, между которой было въ то время много такихъ, которые впослѣдствіи получили извѣстность, какъ литературные и политическіе дѣятели, напр. Червенякъ, Шкультетый и др., въ 1836 г. присоединила къ своимъ именамъ славянскія прозванія [55]). Слѣдуя ученію Коллара, вліяніе котораго на всю славянскую молодежь въ Австріи было весьма велико, каждый изъ участниковъ студенческаго общества въ Прессбургѣ изучалъ какое либо славянское нарѣчіе. Людевитъ Штуръ зналъ хорошо по сербски, и потому когда былъ полученъ въ Пожунѣ первый нумеръ газеты Гая (это было 6 января 1835 г.), при его участіи молодые словацкіе патріоты стали изучать хорватское нарѣчіе. Общество это имѣло свои засѣданія, на которыхъ участники читали лекціи по преимуществу о Славянахъ. Червенякъ преподавалъ сербско-хорватскій языкъ и читалъ лекціи по исторіи Юго-славянъ. Этому интересу къ Хорватамъ содѣйствовало и то, что въ Пожунѣ происходили засѣданія угорскихъ сеймовъ, въ которыхъ участвовали хорватскіе депутаты, пріѣзжавшіе со своими секретарями и друзьями. Штуръ и другіе Словаки здѣсь познакомились со многими дѣятелями иллирскаго времени, какъ графомъ Драшковичемъ, Метелломъ Ожеговичемъ, Бужаномъ и самимъ Гаемъ. При томъ около

Пожуна находится нѣсколько хорватскихъ селеній, что́ тоже облегчало возможность знакомства съ хорватскимъ нарѣчіемъ[56]). Изъ этого-то студенческаго кружка вышли Карлъ и Людевитъ Штуры, Годжа, Милославъ Гурбанъ и другіе извѣстные словацкіе дѣятели.

По различнымъ причинамъ, между прочимъ и потому, что Шулекъ питалъ отвращеніе къ мадьярскому языку, быть можетъ, подъ вліяніемъ патріотическаго студенческаго кружка, онъ былъ принужденъ прервать свое ученіе, окончивъ, впрочемъ, богословскій курсъ. Въ это время усилилась его болѣзнь, преслѣдовавшая его съ дѣтства,—глухота, и это обстоятельство убѣдило его, что онъ не можетъ остаться пасторомъ и проповѣдникомъ. Впрочемъ, ему пришлось замѣнять своего больнаго отца въ исполненіи обязанностей евангелическаго священника въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Послѣ смерти отца, въ 1838 г. Шулекъ, уже немного знакомый съ хорватскимъ языкомъ и знавшій объ иллирскомъ движеніи, отъ котораго Словаки ожидали много помощи и для себя, рѣшился оставить родину и отправился въ Бродъ на Савѣ, у границы Босніи, гдѣ жилъ его братъ—лѣкарь. Здѣсь онъ усердно занимался иллирскимъ языкомъ. Въ 1839 г. онъ переѣхалъ въ Загребъ, гдѣ сталъ наборщикомъ въ типографіи Жупана. Вскорѣ Жупанъ обратилъ вниманіе на образованнаго наборщика-словака, помѣщавшаго при томъ статьи на нѣмецкомъ языкѣ въ загребскомъ журналѣ Croatia. Шулекъ сблизился съ молодыми хорватскими патріотами и познакомился съ Гаемъ. Въ 1841 г. онъ сталъ уже писать по иллирски. Тогда Гай пригласилъ его участвовать въ его изданіяхъ, а въ 1843 г. передалъ ему редакцію *Даницы*. Шулекъ редактировалъ этотъ журналъ до августа 1846 г., когда сталъ редакторомъ газеты Гая: Narodne Novine, которыя и велъ до 1849 г. (№ 75), когда большинство иллирскихъ дѣятелей разошлись съ Гаемъ, вошедшимъ въ соглашеніе съ министерствомъ Баха. Послѣ этого Шулекъ вошелъ въ составъ редакціи газеты Slavenski Jug, издаваемой Драгутиномъ Кушланомъ и Николаемъ Крестичемъ [57]), и вскорѣ принялъ на себя полную отвѣтствен-

ность за это изданіе. Но уже въ январѣ 1850 г. газета эта была закрыта, по распоряженію бана Елачича, такъ какъ она выступала самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ возобладавшаго направленія. Шулекъ, впрочемъ, вскорѣ основалъ другую газету такого же направленія, подъ именемъ: Jugoslavenske Novine, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и она была закрыта, по распоряженію властей. Вообще Шулекъ всегда былъ рѣшительнымъ и смѣлымъ сторонникомъ и защитникомъ правъ хорватской народности. Въ 1844 г. онъ издавалъ нѣкоторое время въ Бѣлградѣ, хотя самъ жилъ въ Загребѣ, журналъ Branislav, который былъ наполненъ жалобами на тогдашнюю загребскую цензуру и описывалъ, ничѣмъ не стѣсняясь, дѣянія Мадьяръ и мадьяроновъ [58]). Въ годы централистской реакціи и послѣ наступленія въ Австро-Венгріи такъ называемой „конституціонной эры", Шулекъ принималъ самое живое участіе во всевозможныхъ изданіяхъ и литературныхъ предпріятіяхъ. Онъ былъ редакторомъ нѣсколькихъ изданій, составилъ хорватско-нѣмецкій словарь, писалъ книги по естествознанію, учебники, издалъ нѣсколько книгъ и учебниковъ о политическихъ правахъ Хорватіи и ея государственномъ положеніи, переводилъ спеціальныя, даже военныя, книги, составлялъ хорватскую терминологію (по просьбѣ генерала барона Кульмера онъ перевелъ на хорватскій языкъ военные уставы, и нѣкоторыя слова команды въ народной хорватской милиціи созданы и введены Шулекомъ), и т. д. Однимъ словомъ, Шулекъ принадлежитъ къ числу выдающихся хорватскихъ публицистовъ и самыхъ трудолюбивыхъ и плодовитѣйшихъ хорватскихъ литературныхъ дѣятелей.—Его непримиримая ненависть къ Мадьярамъ объясняется и тѣмъ, что два его брата погибли отъ руки Мадьяръ: Людевитъ умеръ въ 1848 г. въ Коморнскихъ казематахъ, а Вилько былъ казненъ Мадьярами вмѣстѣ съ Голубомъ въ томъ же году въ Глоговѣ за участіе въ возстаніи Словаковъ противъ Мадьяръ [59]). Шулекъ принималъ участіе въ основаніи и нынѣ существующихъ въ Хорватіи изданій, изъ коихъ нѣкоторыя онъ редактировалъ [60]). Въ настоя-

щее время онъ состоитъ секретаремъ Юго-славянской Академіи Наукъ и Искусствъ въ Загребѣ.

Брошюра Шулека подъ заглавіемъ: „какія намѣренія у Иллировъ“ [61]), вышедшая въ 1844 г. въ Бѣлградѣ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ даетъ характеристику положенія Хорватовъ въ Венгріи и объясняетъ причину и исторію борьбы съ Мадьярами [62]). Опредѣливъ объемъ Илліріи, согласно съ господствовавшимъ тогда ученіемъ Иллиризма, Шулекъ даетъ очеркъ исторіи древней Илліріи, говоритъ о временахъ владычества Римлянъ, объ иллирскихъ короляхъ Превратѣ и Огранѣ, о королевѣ Теутѣ, о томъ, что на императорскихъ престолахъ въ Римѣ и Царьградѣ сидѣли 43 императора и 2 императрицы иллирскаго происхожденія и т. д. Призванные для борьбы съ „дикими и жестокими“ Гуннами и Аварами, по мнѣнію нѣкоторыхъ—„предками Мадьяръ“, Хорваты и Сербы освободили Иллировъ отъ аварскаго ига и сами слились съ Иллирами, которые были народъ, имъ родственный. Древніе Иллиры были Славяне, слѣдовательно, Сербы и Хорваты—потомки древнихъ Иллировъ. Установивъ такимъ образомъ положеніе, оправдывающее принятіе именованія „Иллирскій“ въ современной Хорватіи для всего Славянскаго юга, Шулекъ касается и вопроса о славянскомъ языкѣ богослуженія. Хорваты и Сербы приняли христіанство въ 640 г. и въ IX вѣкѣ получили отъ папы Іоанна VIII разрѣшеніе совершать богослуженіе на языкѣ сербско-хорватскомъ, т. е. иллирскомъ. Въ краткомъ обозрѣніи древнѣйшей исторіи Хорватовъ до соединенія ихъ съ Мадьярскимъ королевствомъ, Шулекъ постоянно проводитъ тенденцію, что несогласіе и разъединеніе Юго-славянъ вело къ гибели ихъ государства и напротивъ того, каждый разъ какъ только они дѣйствовали согласно, подчинялись одному вождю, они сбрасывали съ себя чужое ярмо и могли развиваться самостоятельно. Соединеніе Хорватскаго королевства съ Венгріей было вполнѣ добровольное,—оно не было подчиненіемъ, и Хорваты никогда не признавали Мадьяръ своими господами и властителями. Отношеніе между Хорватами и Мадьярами подобно тому, въ ка-

комъ находятся ~~Мадьяре~~ и Чехи. Во время соединенія Хорватовъ съ Мадьярами хорватское королевство составляли: Хорватія, Славонія, Далматія и часть Босніи, и, послѣ соединенія, общее именованіе этихъ областей было Иллирія, что авторъ доказываетъ ссылками на употребленіе этого слова въ Corpus juris hungarici. Хорваты отстаивали и защищали права и пользы общей венгерской державы, отражали татарскія орды, боролись съ Турками, и часть Хорватіи вынесла на себѣ турецкое иго. Отношенія между Хорватами и Мадьярами были мирныя и согласныя до новѣйшаго времени, когда Мадьяре, желая занять видное положеніе въ новомъ строѣ европейской жизни, когда образованіе народа, а не побѣдоносныя войны, даютъ народу дѣйствительную силу и значеніе, задумали навязать свой языкъ другимъ народамъ, живущимъ съ ними въ одномъ государствѣ, для того, чтобы увеличить свое число. Съ этою цѣлью прежде всего они отказались отъ употребленія латинскаго языка и замѣнили его мадьярскимъ. Шулекъ настаиваетъ, чтобы Хорваты и Славонцы стремились къ тому же для себя, отказались отъ латинскаго оффиціальнаго языка и стали употреблять исключительно иллирскій. Введеніемъ мадьярскаго языка въ общее употребленіе у Хорватовъ и Славонцевъ не можетъ быть поднято просвѣщеніе народа по слѣдующимъ причинамъ: 1) мадьярскій языкъ не имѣетъ еще такого значенія, какъ латинскій и нѣмецкій; 2) онъ весьма бѣденъ [63]), между тѣмъ какъ языкъ иллирскій богатъ и имѣетъ старую письменность; 3) зная иллирскій, легко можно изучить и другіе славянскіе языки и пользоваться всѣмъ ихъ литературнымъ богатствомъ, между тѣмъ какъ при помощи мадьярскаго языка можно пользоваться небогатою литературою небольшаго народа. Авторъ знакомитъ читателей съ политическими „муниципальными“ правами Хорватіи и Славоніи, чтобы показать политическое различіе между этими областями и мадьярскою частью Венгріи. Онъ указываетъ на то, что Мадьяре уже приняли нѣкоторыя постановленія, которыя нарушаютъ историческія права Хорватовъ (введеніе въ школы Хорватіи и Славоніи преподаванія

мадьярскаго языка, отдѣленіе Приморья отъ Хорватіи и т. д.). Мадьяре успѣли провести нѣкоторыя желательныя имъ мѣры въ Славоніи для ея отдѣленія отъ Хорватіи, и отсюда проистекли лишь новыя тягости для Славонцевъ. Шулекъ настойчиво предостерегаетъ Хорватовъ отъ принятія мадьярскаго языка въ качествѣ оффиціальнаго въ замѣнъ латинскаго, ибо Мадьяре этимъ не удовольствуются и постепенно введутъ свой языкъ въ школы и даже церковь. Въ доказательство этого онъ приводитъ нѣсколько фактовъ этого рода, бывшихъ у Словаковъ, гдѣ мадьяризація сдѣлала значительные успѣхи. Онъ указываетъ также на примѣръ Междумурья, гдѣ въ школахъ по утрамъ преподаваніе идетъ по мадьярски, и гдѣ поднята агитація противъ священниковъ, учившихся въ Загребѣ и не желающихъ служить орудіями мадьяризаціи. Хорваты и Славонцы должны замѣнить латинскій языкъ языкомъ иллирскимъ, ибо этотъ языкъ—„святой“ (т. е. употребляется въ богослуженіи), былъ когда-то извѣстенъ королямъ угорскимъ, которые имъ пользовались въ старину, какъ это доказывается грамотами,—богатый и широко распространенный. Задача матерей хорватскихъ воспитывать дѣтей въ народномъ, патріотическомъ духѣ. Но и между Хорватами немало такихъ, которые относятся отрицательно къ своему народному языку, считаютъ его невоздѣланнымъ и неудобнымъ для замѣны латинскаго. Нѣкоторые даже отрекаются отъ своей народности и содѣйствуютъ введенію „иностраннаго“ языка въ Хорватіи и Славоніи. Обращаясь къ такимъ Хорватамъ и Славонцамъ, Шулекъ говоритъ: „Такіе хорватскіе и славонскіе измѣнники, ложно увѣряя своихъ соотечественниковъ, что они всего болѣе почитаютъ и любятъ хорвато-славонскую народность, сѣютъ между ними клеветы, раздоры и ненависть; ссорятъ ихъ съ иллирскими патріотами и такимъ образомъ бросаютъ свое отечество въ руки враговъ“. Однако много между Хорватами и Славонцами патріотовъ, готовыхъ скорѣе погибнуть, чѣмъ допустить уничтоженіе хорвато-славонскаго народа и языка, но эти патріоты различаются между собою въ выборѣ путей для обработки народнаго языка. Одни го-

ворятъ, что достаточно для подъема языка, если соединятся Загребская, Крижевацкая и Вараждинская вармедіи и часть Военной Границы, и что слѣдуетъ принять загребское нарѣчіе хорватскаго языка и не обращать вниманія на Славонцевъ, Далматинцевъ и остальныхъ Хорватовъ; другіе же избрали для литературы языкъ иллирскій, который употребляется между Балканами и Велебитомъ; наконецъ, нѣкоторые Славонцы хотѣли бы создать литературу спеціально для себя на славонскомъ нарѣчіи. Но на загребскомъ нарѣчіи говоритъ не болѣе 800,000 населенія, между тѣмъ какъ на иллирскомъ языкѣ 12 милліоновъ, по мнѣнію Шулека и тогдашнихъ иллирскихъ вождей. При томъ загребское нарѣчіе сильно испорчено и на немъ написано весьма мало книгъ, между тѣмъ какъ иллирскій языкъ имѣетъ уже богатую словесность. Загребское нарѣчіе не должно пропасть при этомъ, хотя въ литературу долженъ быть принятъ иллирскій языкъ. Доказывается это тѣмъ, что въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ, со времени основанія иллирскихъ изданій, употребленіе мѣстнаго языка въ Загребѣ значительно возросло. Принятіемъ иллирскаго языка Хорваты вступаютъ въ тѣснѣйшій союзъ съ другими родственными народами, прежде всего со Славонцами, а это особенно важно потому, что ведетъ къ тѣснѣйшему объединенію Хорватіи со Славоніей, что́ въ свою очередь можетъ повести къ полному отдѣленію отъ Венгріи и прямому подчиненію австрійскому престолу. И такъ, патріотическія партіи въ обѣихъ этихъ странахъ должны дѣйствовать согласно и идти рука объ руку. Различіе между хорватскимъ провинціальнымъ діалектомъ и иллирскимъ невелико и относится преимущественно къ флексіямъ, и потому научиться употребленію иллирскаго языка не можетъ представлять особенныхъ трудностей. Этотъ языкъ зовется *иллирскимъ* потому, что онъ общій у всѣхъ Иллировъ, а называть его: хорватско-славонско-далматинско... и т. д. - боснійскимъ было бы неудобно. Названія: Иллиръ и иллирскій не уничтожаютъ частныхъ именованій, подобно тому, какъ названіе *саксонскій* не погибло отъ именованія *нѣмецкій*.

Въ эту пору борьбы за Иллиризмъ на сторонниковъ новаго движенія взводилось обвиненіе, будто бы они тянутъ къ Нѣмцамъ и, соединяя подъ именемъ Иллировъ Хорутанію и Крайну съ Хорватіей и Славоніей, ведутъ къ присоединенію этихъ послѣднихъ областей къ первымъ. Дворянство, боясь демократическаго характера движенія, опасалось, что оно будетъ привлечено къ платежу налоговъ, отъ которыхъ оно было до нынѣ вполнѣ свободно. Поэтому Шулекъ касается и этого вопроса и отклоняетъ возможность чего либо подобнаго, между прочимъ, указаніемъ на то, что Туропольскіе дворяне, принявшіе въ угоду Мадьярамъ мадьярскій языкъ, принуждены теперь платить подати, — слѣдовательно дворянству грозитъ опасность не съ той стороны, откуда оно ее ожидаетъ. Онъ останавливается и на *суркахъ* и красныхъ шапкахъ, носимыхъ Иллирами, а также и на иллирскомъ гербѣ и подобно Раковцу разъясняетъ ихъ значеніе. Отвѣчая на обвиненіе со стороны Мадьяръ, будто Иллиры хотятъ создать особое государство, чтó вызывало протесты со стороны нѣкоторыхъ круговъ противъ самаго именованія: *Иллиры*, Шулекъ называетъ этотъ слухъ нелѣпымъ, ибо угорскіе Иллиры имѣютъ уже свое хорвато - славонско - далматинское королевство. Но онъ указываетъ, что сами Мадьяре, желающіе омадьярить всѣхъ, имѣютъ подозрительныя поговорки и изреченія, какъ напр. „Каждый человѣкъ да будетъ человѣкъ и Мадьяринъ". Иллиры не имѣютъ никакихъ цѣлей религіозной пропаганды ни въ смыслѣ православія, ни въ смыслѣ католицизма. — Именованіе: *юго-славянскій* вмѣсто *иллирскій* неудобно по своей неопредѣленности, а именованіе *сербскій* не можетъ охватывать Хорватію, Далматію, Славонію, нижнюю Венгрію и т. д., между тѣмъ какъ Сербы извѣстны австрійскому правительству подъ именемъ Иллировъ. Было еще одно обвиненіе иллирскихъ дѣятелей весьма мелочное, но которое имѣло свое значеніе, особенно у Туропольцевъ, и вызывало столкновенія въ засѣданіяхъ на сеймѣ, именно Иллиры кричали: *живіо* вм. *vivat*. Шулеку пришлось объяснять значеніе это-

24

го слова и доказывать, что оно предпочтительное уже потому, что оно народное [64]).

Выводы этой брошюры слѣдующіе: иллирскіе патріоты желаютъ, чтобы хорватская конституція сохранилась въ цѣлости, и чтобы иллирскій народъ получалъ просвѣщеніе на иллирскомъ языкѣ и вслѣдствіе этого сталъ богатъ, образованъ и счастливъ.

Шулекъ удачно собралъ всѣ характерныя черты современнаго положенія вопроса объ Иллиризмѣ, который въ это время уже переходилъ на поприще чисто политической борьбы. Если побудительною причиною, давшею толчокъ всему „иллирскому" движенію, былъ національный и политическій ростъ Мадьяръ, изъявлявшихъ при томъ притязаніе на полное господство надъ народностями, связанными съ ними въ одинъ политическій конгломератъ, то все же въ первое время Иллиризмъ былъ скорѣе только литературнымъ движеніемъ, хотя въ извѣстной степени онъ и прикрывалъ собою цѣли народной самозащиты. Въ сороковыхъ годахъ онъ становится уже политическимъ явленіемъ, и Людевитъ Гай играетъ важную роль въ этой борьбѣ за права хорватскаго народа уже какъ политическій дѣятель. Когда мадьярская либеральная партія, предводимая Деакомъ, во время Пожунскаго сейма въ 1840 г. завязала переговоры съ Гаемъ, какъ представителемъ національной хорватской партіи, Гай сказалъ приверженцамъ Деака: „Мадьяре—островъ среди великаго Славянскаго океана; я не создавалъ этого океана и не поднималъ бури въ его волнахъ; ваше дѣло смотрѣть, чтобы волны эти не поднялись и не залили вашего острова". Этотъ гордый отвѣтъ поразилъ мадьярскихъ дѣятелей своей смѣлостью, и въ послѣдствіи въ ихъ рѣчахъ въ общеугорскомъ сеймѣ противъ Иллиризма и Гая нерѣдко слышались отголоски этихъ словъ Гая, тогда вполнѣ сознававшаго всю силу славянской идеи, познаніе которой воспиталъ въ немъ Колларъ.

Особенно сильнымъ нападкамъ подвергался Иллиризмъ на угорскомъ сеймѣ 1844 года. Мадьярскіе либералы произносили громовыя рѣчи противъ панславизма и Иллиризма,—

ученій, подрывающихъ основы самаго существованія Австріи. При обсужденіи адреса императору были внесены въ его проектъ жалобы на панславизмъ и Иллиризмъ, дѣлались намеки на тайное вліяніе Россіи, въ рѣчахъ напоминали о недавнемъ посѣщеніи Загреба Русскими (т. е. Срезневскимъ, Прейсомъ и Бодянскимъ), и даже заявлялось убѣжденіе, будто бы русская политика руководитъ всѣмъ иллирскимъ движеніемъ въ Хорватіи. Желая разъединить Хорватовъ, сочувствовавшихъ народному направленію иллирскихъ дѣятелей, Мадьяре и въ парламентскихъ рѣчахъ, и въ газетахъ доказывали, что Иллировъ нѣтъ, что борьба ведется не съ Хорватами, которые давно связаны съ Венгріей всѣми своими интересами и всѣмъ прошедшимъ, а только съ иллирскою партіей, которая при томъ стремится произвести революцію въ Австріи, является орудіемъ русской политики и преслѣдуетъ вообще цѣли, вредныя для государства. Это проповѣдывала между прочимъ газета Világ (Свѣтъ) въ рядѣ статей въ 1842 г. до запрещенія Иллиризма и въ 1843 г. послѣ указа объ этомъ. Естественно, что хорватскіе депутаты, все еще надѣявшіеся, что вѣнское правительство и императоръ защитятъ Хорватовъ въ минуты крайнихъ опасностей отъ мадьяризаціи, особенно старались выставить свою преданность Австріи и вспоминали историческія заслуги Хорватовъ Австрійской Имперіи и вѣрность ихъ своимъ государямъ.

Но въ борьбѣ между Австріей и Венгріей, тогда уже начинавшейся, Хорваты должны были опасаться со стороны Мадьяръ также обвиненій въ томъ, что они только орудія Вѣнскаго правительства, стремятся отдѣлиться отъ Венгріи, дѣйствуютъ противъ ея жизненныхъ интересовъ и т. д. Даже хорватское католическое духовенство не осталось безъ обвиненій, будто бы оно питаетъ сочувствіе къ иновѣрцамъ, хотя именно оно упорно отстаивало привилегію Хорватіи, въ силу которой протестанты не могли даже селиться въ Хорватіи, между тѣмъ какъ Мадьяре требовали допущенія въ Хорватіи протестантовъ къ правамъ владѣнія и занятія государственныхъ должностей. Венгерскими магнатами было произнесено въ палатѣ

господъ нѣсколько рѣчей въ этомъ смыслѣ, при чемъ дѣлались нападки и лично на загребскаго епископа Гавлика. Въ началѣ 1844 г. епископъ Гавликъ произнесъ рѣчь въ парламентѣ, въ защиту своего духовенства. Онъ объяснялъ, что подъ Иллиризмомъ слѣдуетъ разумѣть только заботу Хорватовъ о своей народности и иллирскомъ языкѣ, который представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ діалектовъ „хорватскаго или славонскаго" языка. Оправдывая Хорватовъ и ихъ духовенство отъ подозрѣній въ измѣнѣ государству и церкви, онъ приводилъ факты, свидѣтельствующіе о вѣрности Хорватовъ венгерской коронѣ, и признавая, что многіе священники принимаютъ горячее участіе въ иллирской литературѣ, онъ заявилъ, что среди подчиненнаго ему духовенства есть и сторонники Мадьяръ, держащіеся взглядовъ туропольскаго „комеша" (графа Іосиповича) [65]).

Другіе Хорватскіе депутаты въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ старались опровергнуть настойчивыя обвиненія Мадьяръ, будто бы Иллиры проповѣдуютъ отдѣленіе Хорватіи отъ Австріи и отъ Венгріи. Одинъ изъ нихъ Метеллъ Ожеговичъ, занимавшій видное оффиціальное положеніе въ Хорватіи и вполнѣ сочувствовавшій литературному перевороту, произведенному Гаемъ [66]), 12 сент. 1844 г. произнесъ рѣчь объ „Иллиризмѣ и Славизмѣ", въ которой объяснилъ значеніе этого движенія, какъ нисколько не враждебнаго Австрійскому государству. Онъ указывалъ на возможность единства въ литературѣ и языкѣ, не смотря на политическую раздробленность частей одного народа, напр. у Нѣмцевъ, Французовъ, Итальянцевъ, при чемъ не возникаетъ сомнѣній въ ихъ политической благонадежности относительно той или другой державы. Ссылаясь на борьбу Славянъ Поляковъ со славянскою же Россіею, онъ отклонялъ подозрѣнія и обвиненія, будто бы Иллиризмъ проповѣдуетъ соединеніе всѣхъ Славянъ съ Россіею. Затѣмъ онъ вспоминаетъ о представленіяхъ нѣкоторыхъ хорватскихъ жупаній—просить императора о заступничествѣ за Поляковъ предъ Россіею и объ ихъ заявленіяхъ „противъ возрастающаго сѣвернаго вліянія на Турецкія области" [67]).

Ожеговичъ былъ однимъ изъ тѣхъ хорватскихъ дѣятелей, которые настаивали на присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи и готовили путь къ австрійскому занятію этихъ земель. Подъ его вліяніемъ вараждинское областное собраніе въ 1842 г. приняло имъ составленный адресъ императору Фердинанду, въ которомъ описывались страданія населенія въ Босніи и гоненія христіанъ во время бывшихъ тамъ волненій. Этотъ адресъ былъ первое и сильное выраженіе политической идеи Иллирства, охватывающаго и турецкія области.

Нѣсколько дней спустя послѣ Метелла Ожеговича, 18 сентября, другой хорватскій депутатъ, Германъ Бужанъ, произнесъ въ угорскомъ сеймѣ тоже весьма характерную рѣчь объ Иллиризмѣ и его значеніи. Отклоняя совершенно вопросъ о славянствѣ, Бужанъ доказывалъ, что Иллиризмъ представляетъ только отпоръ мадьяризму и самозащиту Хорватовъ. Но при этомъ онъ выставилъ на видъ весьма полезную для Венгріи сторону Иллиризма. Указывая на возрастающее вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и при томъ по близости Австріи, какъ въ Сербіи, гдѣ незадолго предъ тѣмъ новоизбранный князь Александръ Карагеоргіевичъ, по требованію императора Николая, принужденъ былъ отречься отъ престола и подвергся переизбранію въ присутствіи русскихъ представителей, Бужанъ стращалъ Мадьяръ твердою послѣдовательностью Русской политики, стремящейся осуществить пресловутое „завѣщаніе Петра Великаго“ и довести границы Россіи до Дуная. Это вліяніе Россіи, говоритъ онъ, на турецкихъ славянъ нужно ослабить. „Ибо, если вліяніе Россіи будетъ и далѣе такъ же рости, то Турецкое царство разрушится подъ его давленіемъ, и области, принадлежащія венгерской коронѣ: Боснія, Сербія, Македонія, Болгарія, Валахія и Молдавія—никогда не станутъ ея принадлежностью, и Турецкая Хорватія не соединится съ Хорватскимъ королевствомъ. Но за то Венгрія и соединенныя съ нею королевства получатъ слишкомъ могущественнаго сосѣда, который съумѣетъ крѣпко запереть свои области для нашей торговли, не говоря уже объ опасности въ другихъ отношеніяхъ“ [68]).

Графъ Драшковичъ въ своей „диссертаціи“, Метеллъ Ожеговичъ въ своемъ „адресѣ“ Вараждинской жупаніи и Германъ Бужанъ въ своей рѣчи 18 сентября 1844 г. ясно опредѣлили политическіе замыслы Иллировъ — присоединить къ Хорватіи часть Турціи, и въ этомъ отношеніи ихъ интересы были вполнѣ согласны съ интересами Австрійской политики. Этотъ тонъ рѣчей Бужана и Ожеговича, угрожавшихъ Мадьярамъ Россіей и естественнымъ ростомъ ея политическаго вліянія на Славянъ, можетъ быть объясненъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находились въ ту пору Хорваты, не имѣвшіе уже надлежащей поддержки въ Вѣнѣ и принужденные выдерживать весь натискъ воодушевленныхъ національною идеею Мадьяръ.

Какъ было сказано, Мадьяре видѣли въ первыхъ русскихъ славистахъ, посѣтившихъ Хорватію въ началѣ 40-ыхъ годовъ, русскихъ политическихъ дѣятелей, виновниковъ „Иллиризма“. На это обвиненіе отвѣчали Narodne Novine Гая: „мы ни одного Русскаго не приманивали въ Хорватію, а о тѣхъ, которые сюда пріѣзжали, знало наше правительство. Мы ихъ, говоря правду, не угощали, но приняли ихъ такъ, какъ требуется это вѣжливостью, — въ чемъ же тутъ грѣхъ?“, писалъ въ 1845 г. органъ Иллировъ [68]).

Такое пониманіе значенія Иллиризма, какое придали ему хорватскіе представители въ обще-угорскомъ парламентѣ, отводило ему особую политическую роль. Это даетъ оправданіе сербской оппозиціи противъ соединенія съ Хорватами въ общемъ именованіи *Иллирскаго* народа.

4.

Отношеніе Славянъ къ Иллиризму и задачамъ „Иллировъ". Отзывы Шафарика. Мнѣніе Михля. Сужденіе Пуркине о латиницѣ.—Отношеніе Копитара и Кристіановича къ Гаю и Иллиризму. Взгляды Копитара на народность Хорватовъ.—Отношеніе въ Далматіи къ реформамъ Гая. Божидаръ Петрановичъ и его дѣятельность. Появленіе первыхъ иллирскихъ произведеній въ Далматіи. Анна Видовичъ и ея стихотворенія. Кузманичъ и основаніе въ Задрѣ изданія: Zora Dalmatinska. Участіе въ ней Прерадовича. Графъ Медо Пучичъ и его стихотворенія. Редакція Казначича. Участіе Симы Старчевича. Матія Банъ.—Вліяніе Иллиризма въ Босніи. Отношеніе викарія Барашича и Веджи Паши къ дѣятельности Гая. Стихотвореніе Топаловича о Босніи. Дѣятельность францисканцевъ: Юкича, Мартича и Недича. — Связи Иллирскихъ дѣятелей съ Черногоріей. Владыка Петръ II.—Словенцы и ихъ отношеніе къ ученію Иллиризма. Кочеваръ, Вразъ, Прешернъ. Янезъ Блейвейсъ и его дѣятельность. Основаніе *Новицъ* и введеніе иллирской ореографіи. Отношеніе Иллировъ къ дѣятельности Блейвейса. — Отношеніе Сербовъ къ Иллиризму. Вабукичъ и его грамматическіе труды. Стремленіе Иллировъ сблизить языкъ литературы съ сербскимъ. Современное положеніе Сербской словесности. Участіе Сербовъ въ изданіяхъ Гая.—Ѳедоръ Павловичъ и его дѣятельность. Статьи Субботича и Пантелича противъ *иллирскаго* имени. Возраженія Иллировъ. Отзывъ Срезневскаго. Брошюра Евст. Михайловича. Требованія Сербовъ. — Паденіе Иллиризма.

Мысль объединить въ литературѣ всѣхъ Юго-славянъ вообще была встрѣчена всюду Славянами весьма дружелюбно. Гай и его изданія скоро стали популярными даже внѣ предѣловъ Хорватіи. Особенно одобрительно отнесся къ предпріятію Гая Шафарикъ. При самомъ началѣ выхода Danic'ы и Novin Шафарикъ привѣтствовалъ ихъ, выражая желаніе, чтобы эти изданія могли появляться на бо́льшихъ листахъ, и чтобы три нарѣчія славянскаго юга: хорватское, далматинское и виндское объединились [1]). Въ 1838 г. онъ помѣстилъ обстоятельный отзывъ о Гаѣ и его изданіяхъ въ журналѣ Ost und West [2]). Шафарикъ вполнѣ одобрялъ выборъ Гаемъ нарѣчія для объединенія многихъ южныхъ нарѣчій, различающихся между собою главнымъ образомъ потому, что писатели создаютъ различныя ореографіи и вносятъ особенности мѣстныхъ подрѣчій. Хорватское провинціальное нарѣчіе принуждено было уступить первое мѣсто „богатому, звучному, обработанному иллирскому языку", распостраненному на всемъ югѣ и имѣющему славное прошедшее въ произведеніяхъ ста-

рой богатой далматинской и дубровницкой литературы. Шафарикъ одобряетъ и правописаніе Гая и называетъ его аналогическимъ и органическимъ. По его мнѣнію, эта орѳографія превосходитъ своею цѣлесообразностью, простотою и послѣдовательностью не только всѣ славянскія, но и вообще новоевропейскія. Онъ видитъ прогрессъ въ томъ, что откинуты тѣсныя узы провинціальной хорватщины, и противниковъ Иллиризма называетъ „слабоумными, затупѣлыми въ самолюбіи, пустыми и лукавыми софистами“. Очевидно, Шафарикъ тутъ имѣлъ въ виду Копитара [3]), нерасположеніе котораго къ нему и Гаю вскорѣ выразилось въ крайне рѣзкой формѣ. Самого Гая Шафарикъ характеризуетъ, какъ человѣка „постоянной ревности, мужественной, сильной воли, большаго разсудка, съ основательнымъ образованіемъ и практическимъ смысломъ“. Онъ даетъ совѣтъ издавать произведенія старыхъ дубровницкихъ писателей, не подновляя ихъ языка и не мѣняя ихъ формъ, но лишь новой орѳографіей, и также сборники народныхъ пѣсенъ, такъ какъ на языкѣ старыхъ писателей и народномъ могутъ воспитаться новые прозаики и стихотворцы. Далѣе онъ указываетъ необходимость издать иллирскую грамматику по системѣ Добровскаго, словарь иллирскаго языка, собраніе древнѣйшихъ источниковъ иллирской исторіи, хорошую географію иллирскихъ государствъ,— словомъ все то, что впослѣдствіи въ первые же года Иллиризма и было издано Гаемъ до 1843 г. По его мнѣнію, оба изданія Гая, какъ Ilirske Narodne Novine, такъ и Danica вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію. Это свое одобреніе сочиненіямъ Гая Шафарикъ выражаетъ весьма сильно. „Безъ рѣшительнаго шага, безъ выхода изъ изолирующаго, убивающаго всякое высшее стремленіе партикуляризма, безъ единенія въ духѣ и словѣ, безъ общаго письменнаго языка и общей орѳографіи, нельзя и думать о продолжительномъ успѣхѣ въ литературѣ Иллировъ. Это давно видѣли всѣ ясно мыслящіе и свободные отъ предвзятыхъ мыслей Иллиры и не были согласны только относительно способа и образа этого единенія. Если не ошибаемся, дѣло это выборомъ и постановленіемъ Гая или уже рѣшено,

или близко къ своему рѣшенію. Мы отъ всего сердца радуемся его выбору, ибо онъ показываетъ какъ правильный взглядъ, такъ и практическій тактъ. То нарѣчіе, которое употребляется съ небольшими различіями у иллировъ въ Военной Хорватіи и Приморьѣ, Истріи и Далматіи, Славоніи, Сербіи, Босніи, Черногоріи и т. д., выдается предъ другими не столько своимъ богатствомъ и благозвучіемъ, относительно которыхъ языковѣды могутъ быть различнаго мнѣнія, сколько тѣмъ, что оно носитъ въ себѣ условія успѣха, элементы жизни. Оно — языкъ преобладающаго большинства иллировъ; въ географическомъ отношеніи—оно центральное нарѣчіе; оно, наконецъ, имѣетъ отъ старыхъ временъ нынѣ хотя и малоизвѣстное богатство народныхъ произведеній, особенно въ области поэзіи, которыя служатъ исторически позитивнымъ основаніемъ (новой литературы) и вновь воскресши могутъ благотворно вліять подобно тому, какъ напр. старинная чешская литература создала новѣйшую". Путь избранный Гаемъ, Шафарикъ называетъ единственно правильнымъ. Но онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку въ пользу письменности на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и потому одобряетъ труды писателей, пользующихся мѣстными, хорватскимъ и словенскимъ, нарѣчіями для произведеній, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе потребности простаго народа. Отъ нихъ онъ желаетъ только того, чтобы они писали аналогическимъ, т. е. иллирскимъ правописаніемъ. Иллирскій же языкъ долженъ служить для высшей общей литературы. Конечно, это объединеніе не обходится безъ жертвъ частныхъ интересовъ отдѣльныхъ вѣтвей, но въ томъ-то и обнаруживается глубокій взглядъ и практическій смыслъ Гая, что онъ нашелъ серединный путь, представляющій отдѣльнымъ членамъ гарантію, что они прочнѣе будутъ жить, выйдя изъ своего изолированнаго положенія и литературной летаргіи и соединившись въ одномъ. Защитникамъ развитія отдѣльныхъ мѣстныхъ литературъ Шафарикъ предрекаетъ гибель ихъ языка и литературы. Свой отзывъ объ иллирской литературѣ

Шафарикъ заключаетъ похвалою правописанія, принятаго Гаемъ [4]).

Одобряя орѳографическую систему иллирской письменности, Шафарикъ хвалитъ ее и за то, что она держится далеко отъ всѣхъ выдумокъ ученыхъ грамматистовъ. Очевидно, онъ имѣлъ въ виду системы Метелка и Данька, выработанныя подъ руководствомъ Копитара. Онъ и прежде въ *Часописи* одобрялъ иллирскую орѳографію и ставилъ въ особую заслугу Бабукичу то, что онъ въ своей книгѣ: Osnova Slovnice Slavjanske narečja Ilirskoga пользовался иллирскимъ правописаніемъ [5]).

Шафарикъ и впослѣдствіи весьма сочувственно относился къ Иллиризму въ литературѣ и всячески поддерживалъ Гая, который часто посѣщалъ его въ Прагѣ [6]). Когда Гай въ 1840 г. предпринялъ поѣздку въ Петербургъ и Москву, Шафарикъ снабдилъ его рекомендательными письмами и указаніями [7]). Изъ имѣющихся у насъ данныхъ не видно, какъ онъ относился къ Гаю послѣ 1849 г., когда Гай потерялъ свое значеніе въ Хорватіи, но судя по нѣкоторымъ выраженіямъ въ письмахъ Шафарика къ Погодину, можно полагать, что уже въ началѣ 40-ыхъ годовъ онъ не вполнѣ ему симпатизировалъ [8]).

Чехи вообще отнеслись вполнѣ сочувственно къ Гаю и его преобразованіямъ. Въ 1836 г. въ Прагѣ Михль издалъ небольшую книжку подъ заглавіемъ: Pravopis Illyrský, въ которой сравниваетъ различныя системы правописанія иллировъ и отдаетъ предпочтеніе орѳографіи Гая, исправленной по чешской и польской. Михль былъ большимъ сторонникомъ латиницы и доказывалъ необходимость, чтобы даже Сербы и Русскіе приняли ее вмѣсто кириллицы. Извѣстно, что и славный чешскій ученый, физіологъ Пуркине держался того же мнѣнія. Въ 1839 г. онъ убѣждалъ Погодина, посѣтившаго его въ Бреславлѣ, издать Русскую хрестоматію латиницей [9]), а въ 1851 г. помѣстилъ въ *Часописи* статью, въ которой доказывалъ возможность и удобство введенія латиницы въ русское правописаніе и предлагалъ Полякамъ, Чехамъ и Илли-

рамъ перепечатывать латиницей русскія книги [10]). Но въ томъ же году была перепечатана и книжка Пухмира: Pravopis rusko-česky, въ первый разъ изданная въ 1805 г., въ которой кириллица замѣняла чешскую латиницу. Такимъ образомъ увлеченіе Михля латиницею Гая объясняется болѣе или менѣе распространенными мнѣніями о преимуществахъ латиницы предъ кирилловскимъ письмомъ [11]).

Но Шафарикъ недружелюбно относился къ ороографическимъ затѣямъ, къ которымъ имѣлъ такую страсть Копитаръ. Выше объ этомъ было уже упомянуто. Онъ вообще не довѣрялъ Копитару и его ближайшему стороннику Вуку Караджичу съ самаго начала знакомства съ ними [12]).

Самымъ сильнымъ и злымъ противникомъ Гаевскихъ преобразованій былъ Копитаръ. Чѣмъ болѣе выясняется личность и роль Копитара въ литературныхъ движеніяхъ того времени, тѣмъ съ бо́льшимъ подозрѣніемъ изслѣдователю этой эпохи приходится относиться къ этому знаменитому ученому. Крайне самолюбивый и нетерпимый къ чужимъ мнѣніямъ, Копитаръ могъ личной антипатіи давать полный перевѣсъ надъ требованіями и условіями, ограждающими права личности въ литературѣ. Къ разбору непонравившагося ему мнѣнія онъ подходитъ часто не съ ученою критикою, на которую онъ имѣлъ всѣ права, благодаря своимъ глубокимъ познаніямъ, а съ ѣдкою злобою и сарказмомъ [13]). Погодинъ, познакомившись съ Копитаромъ въ 1839 г., сожалѣетъ, что Копитаръ находится въ столь враждебныхъ отношеніяхъ къ своимъ единоплеменникамъ и встрѣчаетъ насмѣшками всѣ радостныя для нихъ явленія [14]). Срезневскій, издавая переписку Востокова, называетъ отзывъ Ганки о Копитарѣ, послѣ его смерти, весьма любопытнымъ потому, что Ганка „простодушно, напрямикъ высказалъ то, что другіе болѣе осторожные сами не высказывали“, а Ганка, правда, не разъ подвергавшійся нападкамъ Копитара, назвалъ его „лукавымъ мефистофелемъ славянской литературы“, „политическо-религіознымъ сплетникомъ“, „врагомъ всего славянскаго“ [15]). Въ извѣстной степени отношеніе Копитара къ Гаю и Иллиризму

можетъ оправдывать это рѣзкое сужденіе Ганки о знаменитомъ славистѣ [16]).

Гай въ началѣ своей дѣятельности находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Копитаромъ; бывая въ Вѣнѣ, посѣщалъ его и старался пріобрѣсти его благосклонность и сочувствіе къ своей реформѣ языка и орѳографіи хорватской письменности. Но Копитаръ съ самаго же начала дѣятельности Гая отнесся къ нему съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ. Переписка Копитара съ Кристіановичемъ характеризуетъ всю силу ненависти Копитара къ Шафарику и Гаю. Когда Кристіановичъ узналъ отъ Копитара о томъ, что на реформу Гая вліялъ Шафарикъ, онъ прервалъ переписку съ Шафарикомъ, котораго Копитаръ не постыдился обвинить въ цѣляхъ религіозной пропаганды протестантизма въ Хорватіи через посредство Гая.

Какъ мы раньше уже говорили, Копитаръ былъ противъ названія *иллирами* провинціальныхъ Хорватовъ; онъ причислялъ ихъ еще въ 1808 г. при изданіи своей грамматики къ Вендамъ (Словенцамъ). Настоящими Хорватами онъ считалъ только населеніе на югѣ отъ Купы. Не смотря на острыя замѣчанія Добровскаго по поводу спора о томъ, къ какому виду славянскихъ племенъ причислить Хорватовъ, Копитаръ упорно и послѣ смерти Добровскаго отстаивалъ права Краинцевъ и провинціальныхъ Хорватовъ на полное обособленіе отъ иллировъ. „Шафарикъ неправъ, писалъ онъ Кристіановичу въ 1839 г., причисляя Краинцевъ и васъ къ иллирамъ; они старше въ странѣ, а иллиры происходятъ съ VII столѣтія вслѣдствіе смѣшенія нашихъ соплеменниковъ съ новыми колоніями съ сѣвера“ [17]).

Въ 1837 г. вышла „Грамматика хорватскаго языка“ Игнатія Кристіановича на нѣмецкомъ языкѣ, въ предисловіи къ которой авторъ замѣчаетъ, что появились и такіе люди, которые, не имѣя свѣдѣній въ отечественномъ языкѣ, осмѣливаются выступать „противъ патріотовъ, посѣдѣлыхъ въ изученіи отечественнаго языка“, и навязывать имъ себя въ учителя. Въ виду того, что усиливаются нападки на отечествен-

ный языкъ со стороны „дерзкихъ нововводителей", Кристіановичъ и издалъ свою грамматику кайкавскаго хорватскаго нарѣчія, въ которой защищаетъ и старыя формы, и прежнюю орѳографію [18]). Копитаръ, получивъ экземпляръ этой грамматики, отозвался къ Кристіановичу письмомъ, въ которомъ повторяетъ свое мнѣніе о необходимости, чтобы всѣ нарѣчія развивались самостоятельно. Появленіе же „объединительнаго стремленія" Гая онъ объясняетъ вдохновеніями изъ Пешта (Коллара) и изъ Праги (Шафарика), такъ какъ Чехи лѣнятся [19]) изучать 3—5 діалектовъ, употребляющихся по Дунаю. Уже здѣсь онъ называетъ буквы съ діакритическими знаками Fliegendreck, а Шафарика поверхностнымъ глупцомъ [20]). Онъ при этомъ надѣется, что не всѣ Хорваты примутъ эту новую азбуку. Чѣмъ далѣе шла переписка его съ Кристіановичемъ, тѣмъ болѣе рѣзкіе отзывы и сужденія онъ давалъ о Гаѣ и Шафарикѣ. Кристіановичъ, католическій священникъ, былъ ревностнымъ католикомъ и потому могъ быть склоненъ къ подозрѣнію, что въ литературномъ переворотѣ Гая скрываются тенденціи протестантизма, подобно тому, какъ сербскіе писатели и патріоты долгое время видѣли въ Вукѣ Караджичѣ и введенномъ имъ знакѣ ј въ сербскую азбуку — признакъ католической пропаганды, руководимой Копитаромъ. Дѣйствительно, Копитаръ поддерживалъ такое убѣжденіе въ Кристіановичѣ относительно орѳографическихъ реформъ Гая. „Очагъ" зла онъ видитъ въ Пештѣ и Прагѣ, а руководители Гая—„лютеранскіе учителя". Онъ однако видитъ, что у Кристіановича нѣтъ союзниковъ и могъ указать сначала только на одного Даньку, хотя Данько вводитъ нѣкоторыя кирилловскія начертанія, противъ чего рѣшительно возставалъ Кристіановичъ въ своей грамматикѣ. Копитаръ сожалѣетъ, что Кухарскій сталъ уже „пражцемъ" (pragerisch), а Шафарикъ, по его мнѣнію, фантазеръ, мѣняющій свои желанія и симпатіи, и при томъ, очевидно, панславистъ, ибо „онъ хотѣлъ бы сдѣлать изъ 12 Славянъ сначала 4, а затѣмъ 2, наконецъ 1". Интересно тутъ признаніе Копитара, что онъ потерялъ терпѣніе „въ пустынѣ проповѣдывать канцеляр-

скимъ людямъ“, которые болѣе всего любятъ спокойствіе. Гай, на поѣздки котораго въ Прагу Копитаръ смотрѣлъ подозрительно, бросилъ на пустую, по его мнѣнію, затѣю свой капиталъ въ 8000 гульденовъ, и ему скоро предстоитъ крушеніе. Онъ убѣжденъ, что „непатріотическое ослѣпленіе, наведенное черезъ посредство добраго, но недалекаго и прежде всего суетно-амбиціознаго Гая поджигателями изъ Пешта и Праги,... не можетъ долго продлиться“.—Въ глазахъ Копитара Шафарикъ — Лютеръ для Гая, и такъ какъ онъ евангелическаго исповѣданія, то опасный человѣкъ и по своимъ совѣтамъ Гаю. При этомъ онъ считалъ Кристіановича столь сильнымъ противникомъ Гая и Иллиризма, что предполагалъ, будто Гай ищетъ помощи у Шафарика для борьбы съ Кристіановичемъ [21]). Высказываясь рѣшительно противъ принятія Гаемъ штокавщины, Копитаръ не вѣрилъ въ возможность отреченія провинціальныхъ Хорватовъ и Краинцевъ отъ своего діалекта въ пользу иллирскаго языка. Онъ держится мысли, что одерживаетъ верхъ надъ другими діалектами тотъ, который имѣетъ лучшую и болѣе богатую литературу, какъ въ Аѳинахъ, или достоинствомъ и силою, какъ въ Римѣ и Франціи, и называетъ „безстыдствомъ“ обращеніе графа Драшковича въ извѣстной брошюрѣ къ „дочерямъ Илліріи“ принять въ употребленіе языкъ „расціанскій“, т. е. сербскій. Онъ упорно называетъ діакритическіе значки Fliegendreck и, зло насмѣхаясь надъ ними, онъ готовъ даже не считать ужасною (greulich) прежнюю хорватскую орѳографію, полную сложныхъ обозначеній [22]). Хотя Гай старался поддерживать связи съ Копитаромъ и, возвращаясь отъ „пражскаго оракула“, посѣтилъ Копитара, при чемъ жаловался ему на его отношеніе къ предпринятой имъ реформѣ, но Копитаръ былъ неумолимъ. Онъ не понималъ смысла широкаго движенія Иллиризма и дальше знаковъ и формъ языка не видѣлъ, а потому онъ постоянно утѣшаетъ Кристіановича тѣмъ, что скоро будетъ конецъ замысламъ Гая, ибо число подписчиковъ на его изданія будто бы уменьшается. Но въ тоже время онъ настойчиво продолжалъ утверждать, что реформы Гая имѣютъ скрытыя проте-

стантскія цѣли. Хорватское иллирское движеніе и Гай, по его мнѣнію, получили руководство отъ протестанта Коллара, и мысль Коллара была развита въ Прагѣ „лютеранскими“ Словаками, отрекшимися въ угоду „чешскимъ гуситамъ и лютеранамъ“ отъ своего отечественнаго языка, на который Палковичъ перевелъ всю библію: „они могли, какъ дьяволъ, замѣчаетъ Копитаръ, смутить и другихъ побудить отречься отъ своего отечественнаго языка, чтобы не быть однимъ въ аду“... Даже въ красныхъ шапкахъ Иллировъ онъ готовъ видѣть признаки лютеранства! Онъ не одобряетъ способовъ дѣйствій Мадьяръ относительно Хорватовъ и Словаковъ, но и Шафарикъ, и Гай по принципамъ „не моральнѣе“ ихъ, такъ какъ они требуютъ подчиненія Словаковъ „младшимъ“ Чехамъ и „старшихъ Хорватовъ младшимъ Иллирамъ“. Копитаръ однако опасался, что Кристіановичъ не будетъ въ состояніи дать надлежащій отпоръ Иллирамъ, поэтому онъ то убѣждаетъ его спокойно ждать паденія загребскихъ Иллировъ, — а въ томъ, что ихъ иллирское ученіе скоро падетъ, онъ былъ увѣренъ, — то совѣтуетъ искать союзниковъ въ лицѣ Данька и Метелка. Онъ не видитъ никакихъ правъ за языкомъ Дубровника стать общимъ языкомъ Хорватовъ. Хорваты должны группироваться около загребскаго нарѣчія, какъ Сербы около бѣлградскаго [23]). Но какъ уничтожить и сбить Иллиризмъ? Копитаръ понималъ, что необходимо создать для этого литературу, достаточно сильную и привлекательную. Поэтому въ высшей степени кажется страннымъ его совѣтъ Кристіановичу перевести на провинціальную хорватщину библейскую исторію Шмидта. „Большая бѣда въ томъ“, принужденъ онъ былъ замѣтить въ письмѣ въ 1841 г., „что граничары, офицеры, полковники, генералы — Иллиры по языку, а не провинціальные Хорваты, — поэтому общество въ Загребѣ раздѣляется на двѣ части, а солдаты сильнѣе“. Копитаръ съ видимымъ удовольствіемъ разсказываетъ о томъ, что conte Ивановичъ, богатый торговецъ которскій, которому издатель и книгопродавецъ Дундеръ посвятилъ свое изданіе Качича новой гаевской ороографіею, протестовалъ противъ того, что посва-

щеніе ему напечатано этой орөографіею, и просилъ полицію впредь не позволять печатать посвященій и книгъ ему этимъ правописаніемъ [24]).

Узнавъ, что Гай поѣхалъ въ Россію, Копитаръ пришелъ въ величайшее негодованіе. Quid sibi vult stultus aut proditor, пишетъ онъ Кристіановичу, дѣлаетъ предположеніе, что онъ потерялъ разсудокъ, кидаетъ подозрительные намеки на источникъ средствъ для этой поѣздки [25]).

Многія изъ этихъ обвиненій, высказанныхъ въ частной перепискѣ, Копитаръ рѣзко и рѣшительно повторяетъ въ книгѣ: Hesychii glossographi discipulus, изданной имъ въ 1839 г., въ которой онъ грубо полемизируетъ съ Шафарикомъ и Палацкимъ. Въ самомъ измѣненіи Гаемъ имени Людовика въ Людевитъ онъ видитъ уже почти преступленіе [26]). Въ своемъ несочувствіи дѣлу Гая Копитаръ шелъ столь далеко, что выражалъ удивленіе, почему бы Хорватамъ предпочитать „дубровницкій“ языкъ языку нѣмецкому или даже мадьярскому [27]).

Такое страстное и грубое отношеніе Копитара къ вопросамъ литературнымъ объясняется не только природными свойствами Копитара и его обычными полемическими пріемами, но и его спеціально и узко австрійскими и католическими симпатіями. Онъ не хотѣлъ видѣть, что обвиняемый имъ въ измѣнѣ вѣрѣ и государству Людевитъ Гай пользуется поддержкою изъ Вѣны, гдѣ не противились Иллиризму, пока онъ не окрѣпъ настолько, чтобы оказать Мадьярамъ достаточно сильное сопротивленіе. Можно предполагать, что даже запрещенію Иллиризма въ извѣстной степени содѣйствовалъ Копитаръ. Интересно замѣтить, что почти одновременно съ запрещеніемъ употребленія именованія „иллирскими“ для изданій Гая, вновь было разрѣшено сербскому писателю, крайнему противнику Иллиризма, Өедору Павловичу, называть свою газету: Народне Новине — *Сербскими*, что было ему запрещено въ 1842 г. [28]). Эти отзывы и сужденія Копитара могутъ объясняться отчасти и тѣмъ, что онъ, вышедшій изъ простаго народа, дѣйствительно любилъ и цѣнилъ народный языкъ и народную пѣсню. Для него не было понятно значеніе искус-

ственной словесности далматинскаго періода, и онъ уже потому не одобрялъ принятія Хорватами языка, имѣющаго преданія въ дубровницкой литературѣ, вмѣсто нарѣчія, ограниченнаго узкими предѣлами провинціальной Хорватіи. Какъ Словенецъ, онъ прежде всего хотѣлъ подъема и расширенія области словенскаго языка и разсчитывалъ, что Хорваты-кайкавцы соединятся въ литературномъ языкѣ со Словенцами. Его взгляды на возможность развитія славянскихъ діалектовъ, аналогично съ древне-греческими, мѣшали ему видѣть, что для полной аналогіи число этихъ нарѣчій было слишкомъ велико и различія между ними, особенно близкими сосѣдними, слишкомъ малы. Колларъ въ сущности проповѣдывалъ ту же систему развитія славянскихъ нарѣчій, что́ и Копитаръ, съ тою существенною разницею, что онъ предполагалъ возможнымъ развитіе только четырехъ діалектовъ и созданіе четырехъ славянскихъ литературъ.

Нетерпимость Копитара къ надстрочнымъ значкамъ чешскаго и иллирскаго алфавита проистекала изъ его стремленія создать простую однозначную азбуку для Славянъ, пишущихъ латиницей. Выше было уже указано, какъ Копитаръ серіозно относился къ этому вопросу и какъ онъ убѣждалъ Добровскаго „быть вторымъ Кирилломъ". Онъ поощрялъ Метелка и Данька въ ихъ стремленіи выработать такую азбуку и въ своемъ упрямствѣ не хотѣлъ видѣть, какъ странны и неудобны были эти измышленія „вторыхъ Кирилловъ". Копитаръ за грамматическими и филологическими изслѣдованіями не хотѣлъ видѣть явленій пробужденія новой жизни Славянъ и ея потребностей. Этою узостью взглядовъ объясняется и его постоянное заподозрѣваніе Шафарика, Коллара, Палацкаго въ тайныхъ замыслахъ религіозной пропаганды, къ которой никто изъ нихъ не былъ способенъ. Но эта черта взглядовъ Копитара и его „католическая гордость" [29]) создали ему самому славу пропагандиста католицизма. Вотъ почему столь долго держалась между Сербами антипатія къ вуковской ороографіи, которая считалась плодомъ вдохновеній Копитара, и почему въ самомъ Вукѣ Караджичѣ Сербы долго хотѣли

видѣть только агента ловкаго дѣятеля католической пропаганды — Копитара.

Не смотря однако на всѣ старанія Копитара, у Кристіановича не оказалось сторонниковъ и союзниковъ. Кристіановичъ очутился одинокимъ приверженцемъ загребскаго нарѣчія хорватской письменности и ея старинной ороографіи. Онъ одинъ печаталъ и издавалъ книги этого характера и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ чисто церковныхъ изданій, ничего нельзя назвать въ хорватской литературѣ, послѣ утвержденія Иллиризма, что́ было бы издано старой ороографіей и на провинціальной хорватщинѣ [30]).

Но противъ самаго именованія: Иллиры, иллирскій, иллирство — возставали въ Хорватіи, какъ мы видѣли, многіе. Подъ различными вліяніями нѣкоторые округа въ Славоніи, побуждаемые главнымъ образомъ Туропольцами, ставшими орудіемъ Мадьяръ, протестовали противъ Иллиризма и Иллировъ, будто бы замышляющихъ государственный переворотъ. Но все же нарѣчіе, выбранное Гаемъ, имѣющее богатое прошедшее въ далматинской словесности и богатое настоящее въ сербской литературѣ, стало быстро распространяться въ Хорватіи, а неутомимая издательская дѣятельность Гая создала въ сравнительно короткое время довольно обширную литературу. Появились грамматическіе труды Бабукича и Антона Мажуранича, словарь Ивана Мажуранича и Ужаревича, географія Селяна, исторія Швеара, повѣсти и стихотворенія Вукотиновича, Кукулевича, Топаловича, Марьяновича, Драгоилы Ярневичъ, драмы Деметра, изящный альманахъ Гавлечка Iskra, предназначавшійся для хорватскихъ салоновъ, періодическое изданіе Kolo, руководимое Станкомъ Вразомъ, Вукотиновичемъ и Раковцемъ и т. д. Однимъ словомъ, въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ, быстрое развитіе иллирской литературы сразу показало жизненность самой мысли принятія общаго со штокавцами литературнаго языка и чешской графической системы.

Перейдемъ къ другимъ областямъ „Илліріи“ и ихъ отношенію къ реформѣ Гая.

Въ Далматіи отнеслись первоначально весьма холодно къ перевороту, произведенному Гаемъ. Гай принялъ такъ называемое *екавское* (ѣ = je) нарѣчіе, между тѣмъ какъ въ Далматіи преобладаетъ *икавское* (ѣ=и). Гордый прошлымъ Дубровникъ не хотѣлъ сначала слышать какъ о преобразованіи орѳографіи, и ея упрощеніи такъ и объ Иллиризмѣ. Разнообразіе далматинскихъ подрѣчій представляло тоже немало затрудненій для рѣшенія вопроса о выборѣ языка новой словесности. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время почти ничего не печаталось въ Далматіи. Когда въ *Даницѣ* стали говорить о необходимости печатать произведенія славныхъ дубровницкихъ писателей, и въ ней начали появляться изъ нихъ отрывки, то издатель Мартеккини въ Дубровникѣ, напечатавшій еще въ 1826 году „Османъ“ Гундулича, а въ 1829 г. его же „Аріадну“ и нѣсколько другихъ мелкихъ произведеній, нѣкоторыя изъ нихъ перепечаталъ и другія вновь издалъ.—Въ Далматіи въ ту пору почти исключительно господствовалъ итальянскій языкъ, и образованный классъ почти не интересовался литературой на отечественномъ языкѣ [31]). Божидаръ Петрановичъ, основатель и издатель „Далматинскаго магазина“, подписывавшійся подъ своими статьями въ *Даницѣ* — Ilir iz Dalmacie, въ концѣ 1838 года обратился къ Далматинцамъ съ воззваніемъ [32]) вспомнить о прежней славѣ своего языка, отказаться отъ постояннаго употребленія итальянскаго и подражать примѣру Сербовъ и Хорватовъ, которые создаютъ на своемъ языкѣ литературу. Глядя на дѣятельность Хорватовъ, говоритъ онъ, патріотъ не можетъ не пожелать всякаго успѣха народу, который гордится именемъ *иллирскаго*. Онъ указываетъ на неправильное воспитаніе дѣтей на итальянскомъ языкѣ, при чемъ ихъ даже не учатъ родному языку. „Воспитанные съ дѣтства среди Итальянцевъ, привыкши къ тому, чтобы наши дѣти — говорили по итальянски, и что еще хуже — особенно заботясь, чтобы съ ними не говорили на языкѣ отечественномъ, — можемъ ли мы, могутъ ли наши дѣти въ такихъ обстоятельствахъ уважать свой родной языкъ и гордиться патріотизмомъ?“, спрашиваетъ онъ. Знаніе роднаго языка было столь мало распро-

странено, что для читателей-далматинцевъ нѣкоторыя слова въ статьяхъ переводились по итальянски [33]).

Развитію письменности католическихъ Далматинцевъ предшествовало развитіе литературы православной части населенія этой области, употреблявшихъ кириллицу и сербскій языкъ. Въ 1836 г. Божидаръ Петрановичъ началъ изданіе подъ заглавіемъ: „Сербско-Далматинскій Альманахъ", печатавшійся сначала въ Карловцѣ [34]). Онъ его переименовалъ въ „Сербско-Далматинскій Магазинъ" въ 1838 г., когда сталъ издавать въ Задрѣ. Такого строгаго различія между православными и католиками въ Далматіи, какое существуетъ нынѣ, тогда не было. Петрановичъ призывалъ къ участію въ своемъ изданіи и католиковъ, пишущихъ латиницею. Если различіе вѣроисповѣданій столь долго отчуждало однихъ отъ другихъ, писалъ онъ [35]), то впредь долженъ ихъ связать одинъ литературный языкъ. Онъ старался издавать свой „Магазинъ" на языкѣ, близкомъ къ тому, которымъ печаталась *Даница*, и обѣщалъ давать приложенія латиницею.—По содержанію „Магазинъ" довольно богатъ и полонъ свѣдѣніями о народныхъ обычаяхъ, описаніями Далматіи и близкихъ къ ней странъ; находили въ немъ мѣсто и старыя грамоты, и историческіе очерки. Въ глазахъ Петрановича не было различія между Хорватами и Сербами, и онъ называлъ Хорватовъ „Сербами западной церкви". Онъ соглашался именовать языкъ общей литературы иллирскимъ и вполнѣ одобрялъ дѣятельность Гая и его орѳографію. Принявшій отъ Петрановича редакцію „Магазина" Георгій Николаевичъ точно также смотрѣлъ на вопросъ объ единствѣ Сербовъ и Хорватовъ въ литературѣ. Въ самый разгаръ спора Сербовъ съ Иллирами, разбирая книгу Евстаѳія Михайловича: „Иллири и Срблъи", онъ замѣчаетъ, что Сербамъ должно быть все равно, какъ называться: Сербами или Иллирами [36]).

Дѣятельность Гая однако была извѣстна въ Далматіи, и патріотическія статьи его изданій произвели свое дѣйствіе. Когда онъ въ 1841 г. путешествовалъ по Далматіи и Истріи и посѣтилъ Черногорію, Гая встрѣчали чрезвычайно сочув-

ственно. Вмѣстѣ съ вліяніемъ Гая росло и вліяніе его иллирскихъ идей. Въ извѣстной степени роль народнаго и патріотическаго вождя въ Далматіи въ это время принадлежала Петрановичу. Нѣкоторыя статьи изъ его „Магазина“ перепечатывались въ *Даницѣ* [37]).

Въ 1841 г. въ Задрѣ появились лирическія пѣсни Анны Видовичъ: „Anka i Stanka“, написанныя на „иллирскомъ“ языкѣ, хотя и старою орѳографіею, такъ какъ въ Далматіи не было еще новыхъ шрифтовъ. Писательница выражаетъ при этомъ полное свое сочувствіе всему, что называется *иллирскимъ*. Какъ самыя пѣсни, такъ и заявленіе симпатій къ Иллиризму изъ Далматіи были встрѣчены въ *Даницѣ* чрезвычайно радостно, хотя языкъ этихъ пѣсенъ страдалъ многими неправильностями [38]). Въ 1844 году эта писательница издала еще одинъ сборникъ своихъ пѣсенъ, не отличающихся, впрочемъ, особенными достоинствами [39]).

Потребность въ какомъ либо изданіи, подобномъ загребскимъ, однако, чувствовалась въ Далматіи. Въ 1843 г. задрскій профессоръ Кузманичъ задумалъ начать такое изданіе. Лишь только распространилась объ этомъ вѣсть, иллирскіе патріоты пришли въ волненіе въ виду того, что многіе Далматинцы относились враждебно къ иллирской орѳографіи Гая, и можно было опасаться, что приняты будутъ въ этомъ изданіи и другая орѳографія, и иное нарѣчіе, чѣмъ то, которое принято Иллирами. Въ *Даницѣ* [40]) появилось письмо съ выраженіемъ этихъ опасеній и приложено къ нему разсужденіе, въ которомъ предполагалось или принять нѣкоторыя кирилловскія буквы въ латиницу, или ввести въ общее употребленіе азбуку въ видоизмѣненіи Вука Караджича. Напечатавъ оба эти заявленія, *Даница* замѣчаетъ, что такъ какъ провинціальные Хорваты пожертвовали своимъ языкомъ ради единенія и согласія и приняли далматинское нарѣчіе, то Далматинцы должны теперь пожертвовать нѣсколькими буквами алфавита для той же высокой цѣли. На это заявленіе отозвался изъ Падуи дубровчанинъ графъ Медо Орсатъ-Пуцичъ, который въ письмѣ въ *Даницѣ* [41]) тоже настаиваетъ на введеніи „органиче-

скаго" иллирскаго правописанія въ будущемъ далматинскомъ изданіи. Въ такомъ же смыслѣ высказались и другіе Далматинцы, жившіе въ Падуѣ. Графъ Пуцичъ выразилъ между прочимъ мысль, что Славяне имѣютъ свою кирилловскую азбуку, но не рѣшается принять ее потому, что нѣтъ надежды, чтобы всѣ остальные Славяне, пишущіе латиницею, послѣдовали этому примѣру. Интересно замѣтить, что редакція *Даницы* тутъ старается ослабить значеніе кирилловской азбуки, какъ общеславянской, и указываетъ на глаголицу, которая древнѣе кириллицы и составлена для Славянъ. Загребское общество „Иллирской читальни", въ которомъ тогда сосредоточивались всѣ интеллигентные патріоты, обратилось къ Кузманичу съ совѣтомъ и просьбою съ перваго же раза ввести „органическое" правописаніе если не сразу, то постепенно [42]), подобно тому, какъ Блейвейсъ сдѣлалъ это впослѣдствіи въ своихъ *Новицахъ*. Кузманичъ рѣшительно отказался отъ этого, ссылаясь, между прочимъ, и на то, что высшее управленіе въ Далматіи не одобряетъ этого правописанія, хотя издатели будущаго журнала, братья Баттара, отвѣтили Читальнѣ сочувственно. Въ 1844 году появилась въ Задрѣ Zora Dalmatinska, около которой должны были сгруппироваться всѣ умственныя силы Далматіи. Кузманичъ своему изданію предпослалъ введеніе, въ которомъ говоритъ, что „ученѣйшіе люди еще не согласились между собою, какимъ образомъ должна развиваться эта наша письменность". Жалуются, говоритъ онъ, и на правописаніе, и на языкъ. Онъ хочетъ писать народнымъ языкомъ, изъ котораго черпая богатство словъ можно постепенно выработать литературный языкъ. Что касается правописанія, то онъ намѣренъ держаться давно принятаго въ Далматіи, хотя обѣщаетъ его исправлять. Онъ принялъ икавское нарѣчіе (lipa, divojka), но обѣщаетъ печатать и статьи екавскимъ нарѣчіемъ. Въ первомъ же нумерѣ *Зори* помѣщена статья противъ широкаго распространенія между Далматинцами итальянскаго языка и *первое* стихотвореніе Прерадовича: Zora pucа. Но самою важною статьею по вопросу объ языкѣ въ первомъ году изданія *Зори Далматинской* была статья Прерадо-

вича подъ заглавіемъ: Южнославянскій языкъ (Jezik juxnoslavski), помѣщенная въ цѣломъ рядѣ нумеровъ журнала. Прерадовичъ нигдѣ не употребляетъ слова *иллирскій* и говоритъ только объ юго-славянскомъ языкѣ. Онъ заявляетъ, что теперь большинство уже не стыдится говорить на народномъ языкѣ, который сохранился въ народѣ лучше, чѣмъ итальянскій у Итальянцевъ. Развитію югославянскаго языка, которымъ говоритъ 13 милліоновъ, мѣшаетъ раздѣленіе и распря между Сербами и Хорватами; и тѣ и другіе пошли не по настоящему пути. Распря эта произошла вслѣдствіе разницы вѣроисповѣданій. „Всѣ тѣ южные Славяне, которые исповѣдуютъ старую и восточную вѣру, говоритъ онъ, называются Сербами, хотя многіе не знаютъ, что такое и гдѣ Сербія; а всѣ тѣ, которые принадлежатъ къ западному вѣроисповѣданію, хотятъ быть Хорватами, хотя никогда не видѣли хорватской земли“. Сообразно съ этимъ они дѣлятся и по азбукамъ. Прерадовичъ считаетъ вопросъ объ орѳографіи самымъ существеннымъ для образованія одного югославянскаго языка, ибо различіе въ правописаніи ведетъ за собою и другія различія, въ формахъ и выраженіяхъ. Онъ не одобряетъ ни стараній сербскихъ писателей даже въ стихотвореніяхъ вводить церковно-славянскія слова и обороты, ни склонность Хорватовъ къ сближенію языка съ народнымъ, мѣстнымъ. Въ виду всего этого Прерадовичъ, сочувствуя мысли объединенія Юго-славянъ въ языкѣ, желаетъ, чтобы ученые люди, прекративъ раздоръ изъ за мелочей, выработали какъ одно правописаніе, такъ и одинъ литературный языкъ [43]). Онъ указываетъ на искусственность языка и стихосложенія, господствующихъ въ новѣйшей литературѣ. Чтобы литература не отдѣлилась отъ народа, нужно, чтобы просвѣщенные люди и писатели сближались съ народною массою, узнавали ея нужды и желанія, и тогда только литература станетъ полезною и сильною, когда она будетъ служить истиннымъ отголоскомъ народныхъ потребностей и стремленій.

Кузманичъ вскорѣ увидѣлъ необходимость допустить въ *Зорѣ* и употребленіе иллирскаго правописанія. Въ № 9 было

помѣщено письмо „Славянина изъ Штиріи“ изъ Градца съ совѣтомъ принять гаевицу, а стихотвореніе Davorina-Slavjana изъ Штиріи (Терстеняка) было напечатано иллирскою ороографіею. Эту рѣшимость Кузманича привѣтствовала Danica стихотвореніемъ о необходимости согласія и однообразія въ литературѣ для достиженія процвѣтанія Юго-славянъ [44]).

Но какъ трудно было въ ту пору ввести въ Далматіи хотя бы только одну иллирскую ороографію, можно видѣть изъ того, что скоро въ *Зорѣ* появились возраженія и требованія держаться стараго далматинскаго правописанія. Осуждалось даже введеніе ś для обозначенія *ш*, знакъ, принятый Кузманичемъ вмѣсто прежняго ſ [45]). Вообще ороографическіе и грамматическіе споры занимаютъ немало мѣста въ *Зорѣ Далматинской*. Живое участіе въ этихъ спорахъ принималъ Рукавина Любачскій, употреблявшій особую ороографію, отличительная черта которой состояла въ удвоеніи гласныхъ для обозначенія долготы и согласныхъ для обозначенія краткости имъ предшествующихъ гласныхъ [46]). Онъ совѣтуетъ писателямъ изучать языкъ не одного округа, а всѣ нарѣчія и всѣ славянскіе языки, чтобы выработать правильный языкъ новой литературы, и надѣется, что Сербы въ концѣ концовъ примутъ латиницу, ибо и безъ того „употребляютъ половину латинскихъ буквъ“ [47]).

Между участвовавшими въ *Зорѣ Далматинской* выдавался своими мнѣніями графъ Орсатъ Медо Пуцичъ, который считалъ необходимымъ связать языкъ настоящей литературы съ прошедшимъ. Онъ помѣщалъ статьи о старыхъ дубровницкихъ и далматинскихъ писателяхъ [48]). Пуцичъ помѣщалъ также статьи, стихотворенія и переводы съ русскаго, и въ *Даницѣ*, начиная съ 1844 г.; особенно же живое участіе онъ принялъ въ ней въ 1849 г. Одаренный поэтическимъ талантомъ, Медо Пуцичъ имѣлъ случай познакомиться въ Венеціи съ Колларомъ, во время его путешествія по Италіи въ 1841 году. Это знакомство наложило свою печать на характеръ его творчества, и многія изъ его стихотвореній проникнуты широкими славянофильскими симпатіями [49]). Отлично образован-

ный, даровитый и независимый въ средствахъ, графъ Медо Пуцичъ впослѣдствіи сталъ извѣстенъ и въ итальянской литературѣ. Онъ перевелъ на хорватскій языкъ многія произведенія Пушкина и Мицкевича, съ которымъ былъ знакомъ. Съ 1867 г. по 1874 Пуцичъ жилъ въ Бѣлградѣ, какъ воспитатель малолѣтняго князя Милана Обреновича. Въ своихъ статьяхъ по вопросу объ языкѣ въ *Зорѣ* Пуцичъ возстаетъ противъ крайняго пуризма нѣкоторыхъ тогдашнихъ писателей, желавшихъ переводить даже техническія слова [50]). До чего доходило это стремленіе „чистить" языкъ, можно видѣть изъ того, что возражавшій Пуцичу Степанъ Ивичевичъ предлагалъ, напримѣръ, слѣдующіе переводы заимствованныхъ и техническихъ словъ: фраза — бесѣдоначинъ, синтаксисъ — рѣчорѣдіе, алгебра — словоразброй, съ оригиналомъ — с матицом и т. д.

Въ 1845 г. Zora Dalmatinska выходила сначала подъ редакціей Августа Казначича, который питалъ симпатіи къ иллирскому движенію въ Хорватіи. Какъ по языку, такъ и по орѳографіи его изданіе сближалось съ гаевскимъ. Стихотворенія въ Задрѣ были славянскаго, патріотически народнаго характера [51]). Нерѣдко въ *Зорѣ* дѣлались перепечатки изъ *Даницы*. Какъ издатели братья Баттары, такъ и принявшій послѣ Казначича редакцію Валентичъ, заявили о томъ, что изданія старыхъ писателей и *Зоря* будутъ впредь печататься общимъ иллирскимъ правописаніемъ, что̀ было радостно привѣтствовано въ *Даницѣ* [52]). — Казначичъ обратилъ вниманіе на народныя пѣсни въ Далматіи и напечаталъ переводъ съ итальянскаго статей Томазео, который въ это время былъ уже извѣстенъ въ хорватской литературѣ своими *Искрицами* [53]). Въ началѣ 1846 г. въ *Зорѣ* было помѣщено заявленіе Валентича, въ которомъ говорилось объ единствѣ иллирскаго народа, всеобщемъ согласіи его частей и давалось обѣщаніе давать статьи о Славянахъ, ихъ исторіи и литературѣ, — однимъ словомъ, далматинское изданіе вполнѣ сблизить по характеру и языку съ загребской *Даницею*. Тогда нѣкоторые загребскіе писатели, какъ напр. Вукотиновичъ, приняли живое участіе въ *Зорѣ* и помѣщали въ ней свои статьи. Самый

языкъ далматинскаго изданія принялъ тѣ формы, которыя были установлены въ Загребѣ: такъ, *ѣ* передавалось черезъ ě, а не черезъ *i* по далматинскому произношенію. Можно было ожидать, что въ Далматіи восторжествовали начала, провозглашенныя Гаемъ съ цѣлью объединенія всѣхъ Хорватовъ въ языкѣ литературы. Но это лишь такъ казалось. Въ ноябрѣ 1846 г. редакцію *Зори* взялъ вновь Кузманичъ и болѣе рѣзко, чѣмъ прежде, выступилъ противъ языка и орѳографіи загребскихъ Иллировъ. Главнымъ противникомъ ихъ явился Шиме (Симеонъ) Старчевичъ [54]), составитель иллирской грамматики, вышедшей въ Тріестѣ въ 1812 г. Еще въ 1844 г. онъ помѣстилъ въ *Зорѣ* небольшую статью, въ которой называетъ иллирскій алфавитъ „рогатымъ" за діакритическіе знаки и самихъ Хорватовъ — „Сутло-Саво-Дравцами", т. е. живущими по рѣкамъ этихъ именованій. Въ 1846 г., посылая свои статьи Кузманичу, Старчевичъ упоминаетъ о своихъ трудахъ, лежащихъ въ рукописи, которые онъ *готовъ скорѣе сжечь*, чѣмъ напечатать „рогатою" орѳографіею. Затѣмъ появился цѣлый рядъ статей, въ которыхъ дѣлались нападки на Иллиризмъ Хорватовъ, на языкъ, правописаніе, направленіе и содержаніе *Даницы*.

Но всѣ эти нападки на Иллировъ и реформы Гая не произвели уже ожидаемаго впечатлѣнія и въ Далматіи, а въ *Даницѣ* появились статьи въ защиту правъ Иллиризма и новаго правописанія и языка въ Далматіи [55]). Союзникъ и помощникъ Гая, — Деметеръ, отвѣчая Старчевичу, разъяснилъ, что Иллиры выбрали именно это нарѣчіе, которымъ пишутъ потому, что оно употребительно и въ Дубровникѣ, и въ то же время оно — языкъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Вукомъ Караджичемъ. Онъ ставитъ въ большую заслугу провинціальнымъ Хорватамъ, что они ради общности въ языкѣ съ другими отказались отъ литературнаго развитія своего собственнаго нарѣчія. „Епископы, магнаты, образованная часть дворянства, все духовенство и все молодое поколѣніе этого геройскаго, любящаго просвѣщеніе народа, членами котораго мы съ гордостью называемъ себя, — пишетъ онъ, — благосло-

вили и благословляютъ нашу дѣятельность и радуются ей... Самъ король одобрилъ тотъ путь, по которому мы идемъ, наградилъ насъ и повелѣлъ ввести въ школы тотъ языкъ и то правописаніе, которые мы употребляемъ въ нашихъ книгахъ и журналахъ". Деметеръ указываетъ далѣе на сочувствіе къ дѣятельности Иллировъ со стороны славянскихъ авторитетныхъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей и неодобреніе направленія *Зори Далматинской* Чехами и Сербами [56]). Не менѣе энергичный и сильный отвѣтъ далъ *Зорѣ* и Станко Вразъ въ томъ же году въ издававшемся иллирскою Матицею сборникѣ *Kolo* [57]), предрекая полное паденіе далматинскому журналу, если онъ не пристанетъ къ Иллиризму. И дѣйствительно, изданіе *Зори Далматинской* прекратилось въ 1848 году. Она не сдѣлалась центромъ литературныхъ интересовъ для Далматинцевъ, подобно *Даницѣ* Гая, и болѣе видные участники *Зори*, какъ Прерадовичъ, графъ Пуцичъ и др., оставили этотъ журналъ. За весьма небольшимъ исключеніемъ, стихотворенія, помѣщаемыя въ *Зорѣ*,—а они были особенно необходимы для журналовъ того времени—не отличались ни изяществомъ формы и склада, ни содержаніемъ. Ограничившись узкими предѣлами Далматіи, подъ вліяніемъ мѣстнаго далматинскаго патріотизма, и не ища опоры и поддержки въ славянскомъ движеніи, охватившемъ Хорватовъ, Кузманичъ не обладалъ ни талантомъ, ни знаніемъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ создать новую далматинскую литературу и дать перевѣсъ особенностямъ далматинскаго нарѣчія [58]). Времена процвѣтанія литературы въ Далматіи миновали, и литературный центръ перешелъ на Саву, къ тѣмъ Хорватамъ, которые пожертвовали даже своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ для созданія новой литературы съ новыми идеями и на преобразованномъ языкѣ.

Но дѣятельность Кузманича въ *Зорѣ Далматинской* и ея направленіе показываютъ, что идеи Иллиризма не проникли въ Далматіи столь глубоко, какъ въ Хорватіи. Если въ Далматіи и появились болѣе или менѣе сильные сторонники иллирскихъ ученій и иллирской литературы, то это были лишь одинокія лица, быть можетъ, лучшіе умы, но почвы для дѣй-

ствительнаго развитія Иллиризма въ Далматіи не оказалось. Причина этого лежала въ томъ, что тамъ слишкомъ сильно чувствовалось вліяніе итальянскаго языка и культуры и были еще живы преданія о богатой литературѣ въ пору самостоятельнаго развитія далматинскихъ городовъ и общинъ. Сербы-далматинцы, конечно, примкнули къ сербской словесности и раздѣляли мнѣнія, которыя проводилъ Ѳедоръ Павловичъ въ своихъ изданіяхъ. Лишь одинъ Божидаръ Петрановичъ сталъ выше этого спора объ именованіяхъ и проникся идеей объединенія Сербовъ и Хорватовъ въ литературѣ и политическихъ стремленіяхъ и ближайшихъ задачахъ.

Въ числѣ Далматинцевъ, примкнувшихъ къ Иллиризму, былъ Матія Банъ, нынѣ извѣстный сербскій писатель. Онъ принималъ живое участіе въ *Зорѣ Далматинской*. Въ 1848 году онъ выступилъ въ *Даницѣ* въ защиту той политики, которую въ то время проводили Хорваты и развивалъ мысль о необходимости единства политическихъ дѣйствій Далматинцевъ съ остальными Хорватами [59]), а извѣстно, что именно Далматинцы не приняли участія въ общемъ сеймѣ въ Загребѣ, бывшемъ въ томъ же году. Въ 1849 г. Банъ сталъ издавать альманахъ: Dubrovnik, въ первомъ томѣ котораго въ статьѣ Osnova sveslavjanskoga jezika доказывалъ, что необходимо стремиться къ сліянію всѣхъ Славянъ въ одномъ языкѣ [60]). Вѣрнѣйшій путь для этой цѣли, по его мнѣнію, сохранить элементы и слова церковно-славянскаго языка тамъ, гдѣ они остались, и держаться „коренитаго", т. е. этимологическаго правописанія. Для латиницы онъ признаетъ общею для Славянъ чешскую систему ороографіи, принятую Хорватами. Впрочемъ, Банъ предполагалъ еще возможнымъ ввести въ латинскій алфавитъ нѣкоторые знаки изъ русской и сербской азбуки. Для Иллировъ, которые дѣлятся на три вѣтви: болгарскую, сербскую и виндскую, среднимъ нарѣчіемъ должно быть сербское, уже принятое въ хорватской литературѣ. Сербское нарѣчіе онъ считалъ лучшимъ между всѣми славянскими. Чрезъ церковно-славянскій элементъ сербскій языкъ легко соединится съ болгарскимъ, поэтому онъ рѣшительно

не одобрялъ переворота, произведеннаго Вукомъ Караджичемъ въ сербскомъ литературномъ языкѣ. Впрочемъ, Матія Банъ, начавшій писать стихотворенія и драмы по итальянски и на сербско-далматинскомъ языкѣ, въ ту пору болѣе дѣйствовалъ на политическомъ, чѣмъ на литературномъ поприщѣ. Его извѣстность, какъ сербскаго писателя, относится къ позднѣйшему времени.

Въ Босніи и Герцеговинѣ Иллиризмъ нашелъ своихъ сторонниковъ во францисканцахъ, издавна утвердившихся въ этихъ областяхъ, особенно въ первой. Францисканскіе фратры близко стояли къ населенію, безпощадно угнетаемому Турками, и представляли тамъ, вмѣстѣ съ православными священниками, единственно образованный классъ: къ ихъ числу принадлежали почти всѣ извѣстные боснійскіе писатели прежнихъ столѣтій, во время господства Турокъ. Они сохранили такъ называемую *буквицу* или боснійское письмо [61]). Еще въ началѣ текущаго столѣтія въ Босніи многіе писали только этимъ видомъ кириллицы [62]). Ученіе „Иллировъ" о народности тѣмъ легче оказало вліяніе на боснійцевъ, что многіе католическіе священники учились въ Загребской духовной семинаріи, гдѣ Иллиризмъ Гая нашелъ самый восторженный отзывъ. Въ 1836 и 1837 годахъ въ Босніи происходили смуты, вслѣдствіе волненій мусульманъ. Гай, включившій въ программу своихъ изданій также сообщенія о боснійскихъ дѣлахъ и положеніи христіанскаго населенія Босніи и Герцеговины, скоро получилъ извѣстность въ этой турецкой области. Но апостольскій викарій въ Босніи Барашичъ враждовалъ съ францисканцами, имѣвшими большое вліяніе на населеніе, и смотрѣлъ подозрительно на ученіе объ „иллирской народности" и единствѣ Иллировъ, пришедшее въ Боснію чрезъ францисканцевъ. Онъ даже жаловался на Иллирскія вліянія въ Римъ, при чемъ Гая назвалъ „главою волненія" (capo di movimento). Вѣроятно отъ Барашича первоначально узналъ о Гаѣ и его изданіяхъ новоназначенный правитель Босніи Веджипаша, прославившійся своею жестокостью относительно христіанъ. Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые мусульмане начинаютъ

сближаться съ христіанами, а Барашичъ былъ недоволенъ сближеніемъ католиковъ съ православными. Веджи-паша обратился къ бану Влашичу съ письмомъ, въ которомъ жаловался на Гая, будто бы посылавшаго въ Боснію воззванія къ возстанію [63]). Это однако не повредило Гаю. Австрійская политика въ ту пору уже готовила себѣ путь къ занятію Босніи и Герцеговины, и весьма вѣроятно, что загребскіе иллирскіе дѣятели, которые и въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ заявляли о важности австрійскаго вліянія на Славянъ Балканскаго полуострова, принимали участіе въ тогдашнихъ боснійскихъ дѣлахъ и старались о сближеніи раздѣленныхъ вѣроисповѣданіемъ Боснійцевъ во имя единства народности. Въ первомъ же году изданія въ *Даницѣ* (№ 14) было помѣщено стихотвореніе одного изъ поэтовъ иллирской эпохи Матіи Топаловича, подъ названіемъ: „Печальная Боснія“ (Tužna Bosna), въ которомъ упоминается о пораженіи Сербовъ на Косовомъ полѣ вслѣдствіе раздоровъ и несогласій самихъ иллирскихъ Славянъ. Топаловичъ поэтому призываетъ всѣхъ Боснійцевъ къ единенію: когда водворится согласіе между иллирскими народами, тогда „солнце засіяетъ и исчезнетъ всякое бѣдствіе“.

Около 1841 г. въ Босніи была сдѣлана попытка основать, по примѣру Загребскаго общества читальни, боснійское общество, которое поставило бы своею задачею заботиться объ умственномъ и литературномъ прогрессѣ населенія Босніи и Герцеговины и начало бы повременное изданіе на языкѣ народа. Но учрежденіе такого общества встрѣтило различныя препятствія не только вслѣдствіе почти непрерывныхъ волненій въ странѣ, но и подозрительности турецкихъ властей. Однимъ изъ участниковъ этого плана былъ боснійскій писатель Юкичъ, который говоритъ, что учрежденіе общества не было разрѣшено потому, что одни увидѣли въ немъ замыслы пропаганды итальянской, другіе—русской, третьи—англійской. Несомнѣнно, что Турція хотѣла задержать быстрое усиленіе австрійскаго вліянія, и потому боснійскіе визири, понимавшіе важное значеніе иллирскихъ тенденцій для Босніи, не хотѣли допустить существованіе такого общества, которое могло бы

быть только отдѣленіемъ подобнаго же загребскаго и орудіемъ вождей Иллиризма [64]). Вліяніе загребской школы на Боснію и Герцеговину болѣе всего сказалось въ политическомъ отношеніи. Но со времени Иллиризма стали появляться изслѣдованія и описанія этихъ почти недоступныхъ до той поры славянскихъ областей, и боснійскіе Иллиры издали первые сборники боснійскихъ народныхъ пѣсенъ.

Самымъ виднымъ дѣятелемъ и участникомъ Иллиризма въ литературѣ изъ числа боснійцевъ былъ францисканецъ Юкичъ, учившійся въ Загребѣ и тамъ познакомившійся съ Гаемъ и Иллирами. Въ 1841 г. онъ напечаталъ географическо-историческое описаніе Босніи и Герцеговины въ *Сербско-Далматинскомъ Магазинѣ* Петрановича, въ которомъ даетъ хорошій очеркъ этихъ областей „Великой Иллиріи". Гай перепечаталъ этотъ очеркъ въ *Даницѣ* [65]), и Юкичъ, вслѣдъ за тѣмъ, пополнилъ его болѣе подробными свѣдѣніями о городахъ Босніи, Герцеговины и Турецкой Хорватіи [66]). Онъ называетъ населеніе Босніи „народомъ Словенскимъ иллирскаго языка". Перепечатывая статью Юкича въ *Даницѣ*, Гай помѣстилъ къ ней motto, взятое имъ изъ Досиѳея Обрадовича: „Босніецъ и Герцеговинецъ магометанинъ зоветъ себя по вѣроисповѣданію Туркомъ, но по происхожденію и языку они какъ были ихъ прадѣды, такъ будутъ и ихъ потомки — Босняки и Герцеговинцы, пока Богъ міръ держитъ".—Юкичъ, ставъ ревностнымъ послѣдователемъ иллирскихъ ученій, усердно распространялъ ихъ въ Босніи. Съ 1840 года онъ сталъ собирать въ Босніи пѣсни; часть своего богатаго собранія пѣсенъ, а также сказокъ, пословицъ и загадокъ, опъ издалъ въ альманахѣ Bosanski prijatelj, основанномъ имъ въ 1850 году и выходившемъ въ Загребѣ [67]). Въ 1844 году онъ издалъ въ Сплѣтѣ первую въ Далматіи книгу иллирскою орѳографіею: это былъ сборникъ духовныхъ пѣсенъ, составленный францисканцемъ Вицичемъ, боснійцемъ по происхожденію (1734—1796 г.) [68]). Сборникъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Юкичемъ, и францисканцемъ Мартичемъ [69]), вышелъ гораздо позднѣе, въ Осѣкѣ, послѣ смерти Юкича, и

долгое время представлялъ почти единственное цѣльное собраніе богатырскихъ пѣсенъ Боснійцевъ и Герцеговинцевъ [70]).

Изъ числа остальныхъ боснійцевъ, участвовавшихъ въ изданіяхъ Гая и содѣйствовавшихъ распространенію иллирскихъ идей слѣдуетъ отмѣтить францисканца Недича, оказавшаго немало услугъ Иллирамъ и сближенію боснійцевъ съ Хорватами [71]). Недичъ, какъ и Мартичъ, печатали свои стихотворенія въ *Даницѣ* (1841 г., № 1, 1842, № 5), въ которыхъ, привѣтствуя дѣятельность Иллировъ, взывали къ братскому единенію и сближенію всѣхъ частей раздробленнаго Иллирства. Мартичъ помѣстилъ тамъ же одну изъ боснійскихъ народныхъ пѣсенъ и написанное имъ въ подражаніе народнымъ стихотвореніе.

Связи Иллирскихъ дѣятелей съ Черногоріей начинаются со времени посѣщенія Цетинья и владыки Петра II Гаемъ и Антономъ Мажураничемъ въ 1841 г. Въ *Даницѣ* часто помѣщались статьи о Черногорцахъ и Черногоріи, въ которыхъ описывались ихъ храбрость и юначество [72]). Знаменитый сербскій поэтъ, владыка Петръ наблюдалъ со своихъ скалъ за иллирскимъ движеніемъ и хорошо зналъ главныхъ дѣятелей этой эпохи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его заочное знакомство съ дѣятельностью Враза, съ которымъ онъ иногда переписывался [73]). Въ 1848 г. въ *Даницѣ* (№ 2) было перепечатано изъ „Сербскаго Народнаго Листа“ (№ 2 въ 1847 г.) прекрасное стихотвореніе Петра II: „Поздрав роду“, въ которомъ поэтъ говоритъ о значеніи просвѣщенія и народномъ самосознаніи. „Гдѣ народность, тамъ жизнь духа, а гдѣ ея нѣтъ, тамъ форма безъ души“, говоритъ онъ, отмѣчая, что разница говоровъ не дѣлитъ народъ на части. Не разъединяетъ также и различіе вѣроисповѣданій. „Не спрашивается, кто какъ крестится, но чья кровь грѣетъ кому душу, чье молоко кого вскормило“—поетъ Петръ II и призываетъ всѣхъ быть вѣрными „отечественной святынѣ“ [74]). Стихотвореніе это появилось въ *Даницѣ* какъ разъ во время начала движеній 1848 г. Владыка Петръ II въ 1841 г. познакомился въ Вѣнѣ съ однимъ изъ важнѣйшихъ иллирскихъ дѣятелей Кукулеви-

чемъ, тогда только начинавшимъ писать по иллирски. Черногорія прямаго участія въ литературномъ Иллиризмѣ принять не могла, но несомнѣнно, что Петръ II сочувствовалъ въ принципѣ ученію Иллировъ объ объединеніи югославянскихъ народностей въ литературѣ.

Для достиженія иллирскихъ цѣлей важно было привлечь *Словенцевъ* къ Иллиризму. Мы уже говорили выше о томъ, какая „война" происходила изъ за вопроса о приспособленіи латиницы къ выраженію всѣхъ звуковъ словенскаго языка, какъ разъ около того времени, когда Гай начиналъ свои иллирскія изданія. Между Словенцами нашлись однако даровитые люди, вполнѣ примкнувшіе къ Гаю и къ его Иллиризму. Во главѣ ихъ сталъ энергичный и талантливый Станко Вразъ. О немъ и его дѣятельности мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Именованіе *Иллирія* не было чуждо Словенцамъ. Стихотвореніе Водника, которымъ онъ привѣтствовалъ начало французскаго господства въ этихъ областяхъ: Ilirija oživljena было всѣмъ извѣстно, и самая идея Иллиризма, какъ стремленіе къ единенію Юго-славянъ, не была для нихъ новинкою. Раздѣленные политически съ Хорватами, Словенцы не могли, однако, такъ сильно ощущать этой потребности объединенія политическихъ интересовъ съ Хорватами, какъ это могли чувствовать Хорваты и Славонцы, которымъ предстояла трудная борьба съ Мадьярами за языкъ и народность. На призывъ къ единенію въ Иллирствѣ и иллирскомъ языкѣ сильнѣе, чѣмъ Краинцы, отозвались Штирійцы. Положеніе Словенцевъ вообще было таково, что они должны были бороться съ нѣмецкимъ культурнымъ вліяніемъ по преимуществу на почвѣ роднаго словенскаго языка.

Гай, будучи въ Градцѣ, познакомился со многими Словенцами, учившимися въ тамошнемъ университетѣ. Тогда же началось его знакомство съ Вразомъ, плодомъ котораго было то, что Вразъ въ 1838 г. поселился въ Загребѣ и сдѣлался первымъ иллирскимъ писателемъ, вполнѣ отдавшимся литературнымъ интересамъ. Къ тому же времени относится знакомство Гая съ Кочеваромъ, учившимся въ Градцѣ одновре-

менно съ нимъ. Въ Вѣнѣ, гдѣ Кочеваръ учился медицинѣ, онъ свелъ знакомство съ Деметромъ, другимъ виднымъ Илліромъ. Кромѣ нихъ, сочувствовали Иллиризму и его языку многіе Словенцы, какъ Даворинъ Терстенякъ и Муршецъ, оба родомъ изъ Штиріи, и др. Словенецъ Миклошичъ, впослѣдствіи извѣстный ученый, товарищъ Станка Враза по Градецкому университету, хотя не былъ противъ Иллиризма и даже писалъ по иллирски лирическія стихотворенія, не сочувствовалъ единенію Словенцевъ съ Хорватами въ Иллиризмѣ.

Въ эту пору Словенцы имѣли уже своего замѣчательнѣйшаго поэта, и вообще ихъ литература стояла гораздо выше кайкавско-хорватской. Задача состояла въ томъ, чтобы распространить идею единства Юго-славянъ и у Словенцевъ Штиріи и Крайны такъ, чтобы впредь Словенцы писали по иллирски. Эта задача оказалась трудною, и только нѣкоторые словенскіе писатели примкнули къ Иллирству такъ, какъ его понимали хорватскіе Иллиры. Интересы у нихъ были разные, различно было и самое положеніе народовъ. Въ то время, когда Хорватамъ предстояло прежде всего позаботиться о тѣснѣйшей связи со Славонцами и Сербами для обезпеченія своего положенія, у Словенцевъ, не смотря на то, что они имѣли раньше Водника, а послѣ Прешерна, не было выработано сознаніе своего единства въ языкѣ литературы, — у нихъ было шесть различныхъ нарѣчій: доленское, горенское, истрійское, штирійское, угорское и хорутанское. Составители грамматикъ, которыхъ появлялось слишкомъ много, на что̀ указывали Челяковскій и Шафарикъ, возбудившіе тѣмъ негодованіе противъ себя со стороны Копитара, вводили каждый новизны, и въ то время, когда Данько вводилъ было свою орѳографію въ Штиріи, Метелко примѣнялъ свое правописаніе и формы своего нарѣчія въ Крайнѣ, хотя эти нарѣчія ничѣмъ существеннымъ не различались между собою. Каждый писатель пользовался нарѣчіемъ своего небольшаго округа [75]). Всѣ Словенцы различались между собою по именамъ: Крайнцы, Хорутане (Корушцы), Штирійцы и т. д., но не было почти извѣстно имя: Словенія, Словенцы [76]). Молодые Словенцы, учившіеся въ Град-

цѣ и Вѣнѣ, сближались особенно съ Хорватами и проникались идеей единства Славянъ. Словенцамъ прежде всего предстояла забота объединить разрозненныя части своего небольшаго народа въ языкѣ литературы. Между Словенцами, вдохновленными мыслью о дѣятельности въ пользу воскрешенія народнаго самосознанія, выдавались, кромѣ Враза, еще Кочеваръ, Мурко, Маяръ, Даворинъ Терстенякъ, Прешернъ и впослѣдствіи Блейвейсъ. Они относились къ мысли объединенія въ Иллиризмѣ различнымъ образомъ.

Кочеваръ (род. 15 авг. 1808 г.—ум. въ 1883 г.) учился въ Мариборѣ и Градцѣ, а затѣмъ въ Вѣнѣ, гдѣ въ 1834 г. получилъ степень доктора медицины. Будучи студентомъ въ Вѣнѣ, онъ вмѣстѣ съ Мурко уже мечталъ о національномъ подъемѣ Словенцевъ и о способахъ содѣйствовать ихъ просвѣщенію. Въ 1832 г. онъ познакомился въ Градцѣ съ Вразомъ и Миклошичемъ, — Словенцами, на которыхъ онъ возлагалъ большія надежды. Получивъ мѣсто окружнаго врача въ Подчетерткѣ, гдѣ онъ жилъ до 1854 г. и откуда затѣмъ переѣхалъ въ Целье, Кочеваръ явился виднымъ проводникомъ иллирскихъ идей между Словенцами. Идея народности воспламеняла молодыхъ дѣятелей: по словамъ Терстеняка, въ 1837 г. посѣтивъ Гая, въ Крапинѣ, на развалинахъ замковъ, Чеха, Леха и Меха, Кочеваръ, Станко Вразъ, Терстенякъ и Орославъ Цафъ дали клятву другъ другу до конца жизни неутомимо трудиться въ пользу возрожденія юго-славянскихъ народностей, представлявшихся имъ единымъ цѣлымъ [77]). Въ своихъ письмахъ къ Вразу, Кочеваръ высказывается за объединеніе Словенцевъ съ Хорватами. Когда Гай началъ свои изданія, Кочеваръ называетъ его величайшимъ Хорватомъ, обѣщаетъ распространять славянскій патріотизмъ между Словенцами и пишетъ въ изданія Гая [78]). Въ 1837 г. онъ пишетъ Вразу, что не боится за него, но опасается, что Миклошичъ, увлеченный желаніемъ почестей и славы, отвлечется отъ заботы о возрожденіи своего народа [79]). Съ 1837 года Кочеваръ всю переписку свою съ Вразомъ ведетъ по иллирски. Но онъ долженъ былъ скоро замѣтить, что штокавское нарѣчіе, принятое Иллирами, по-

нятно не всѣмъ Словенцамъ. Пересылая Прешерну народныя пѣсни, собранныя Вразомъ, Кочеваръ совѣтуетъ ему писать по словенски и не переходить въ иллирскій лагерь, хотя въ то же время Иллирство онъ называетъ „общимъ садомъ“.— Верхняя Иллирія должна гордиться Прешерномъ, писалъ онъ въ 1830 г. [80]), хотя Станко Вразъ именно около этого времени убѣждалъ Кочевара, что „верхне-иллирское“ нарѣчіе находится въ тѣснѣйшей родственной связи съ далматинско-дубровницкимъ [81]). Челяковскій, завязавшій связи съ Прешерномъ въ 1832 г., побуждалъ словенскаго поэта не примыкать къ Иллирамъ. „Что пріобрѣтется, если вы всѣ пойдете по одной и той же дорогѣ“, писалъ онъ въ 1840 г. [82]).

Иначе смотрѣлъ Вразъ на Иллиризмъ. Познакомившись въ Градцѣ съ сербскою литературою, онъ былъ воспламененъ мыслью Коллара и Гая о созданіи одного иллирскаго языка для Юго-славянъ и постепенномъ сближеніи славянскихъ нарѣчій. Уже въ 1833 г. онъ велъ переписку съ католическимъ священникомъ Муршецомъ кириллицей, стараясь сблизить свой языкъ съ сербскимъ [83]). Вразъ старался склонить Прешерна къ Иллиризму и принять иллирскій языкъ вмѣсто словенскаго. Какъ однако было трудно тогда писать по словенски, можетъ служить объясненіемъ то обстоятельство, что какъ Вразъ, такъ и Кочеваръ вели переписку съ Прешерномъ по большей части по нѣмецки. Въ 1837 г. Вразъ пишетъ Прешерну, что онъ пересталъ писать и печатать по словенски и впредь будетъ писать только по иллирски. Но Прешернъ отнесся съ полнымъ сомнѣніемъ къ успѣху Иллиризма. Онъ сомнѣвался даже въ томъ, смогутъ ли Хорваты-Иллиры дѣйствительно поддержать свое общество Читальни, основанное тогда въ Загребѣ. Прешернъ былъ не только противъ языка Иллировъ, но и противъ принятой ими ороографіи и держался богоричицы. Пламенный Вразъ не могъ понять упорства Прешерна и нѣсколько разъ горячо убѣждалъ его пристать къ Иллирамъ, указывалъ ему на немногочисленность Словенцевъ, на господствующее разъединеніе между словенскими писателями изъ за грамматическихъ и ороогра-

фическихъ споровъ, на то, что соединившись съ сосѣдями легче будетъ отстаивать права своей народности. „Какое значеніе можетъ имѣть народъ, пишетъ онъ Прешерну, который при основаніи своей литературы и своемъ духовномъ возрожденіи не можетъ опереться на какой либо возвышенной идеѣ?... А откуда мы возьмемъ ее, если будемъ дѣйствовать особнякомъ!“ [84]), ибо онъ не находилъ въ прошломъ и во всей исторіи Словенцевъ ничего такого, что могло бы дать идеалы для новой дѣятельности особнякомъ внѣ общеславянской идеи и Иллиризма. Это происходило въ 1838 г. Но именно въ ту пору Прешернъ не могъ быть склоненъ къ Гаю и его послѣдователямъ по различнымъ причинамъ. Полякъ Корытко, сосланный изъ Галиціи въ Крайну, сталъ, подъ вліяніемъ отчасти Прешерна, собирать народныя пѣсни Словенцевъ. Онъ обратился къ Гаю съ просьбою напечатать этотъ сборникъ въ Иллирской типографіи, тогда недавно только основанной, „чешско-иллирскою“ ороографіею. Гай, который тогда всячески старался сохранить за собою благоволеніе австрійскаго правительства, отвѣтилъ отказомъ, при чемъ въ своемъ письмѣ рѣзко отозвался о краинскихъ „сепаратистахъ“ [85]). Между тѣмъ для этого сборника Корытка переданы были пѣсни, собранныя Вразомъ, Прешерномъ, Смоле, Кастелицемъ, Рудежомъ и Равникаромъ [86]). Прешернъ увидѣлъ въ этомъ выраженіи Гая личное оскорбленіе и стремленіе уничтожить Словенцевъ и ихъ языкъ, почему собирался выступить противъ Враза, Коллара и Шафарика въ пражской газетѣ Ost und West. Гай принужденъ былъ объяснять причину своего отказа напечатать сборникъ пѣсенъ Корытки не только тѣмъ, что и правописаніе въ немъ не выдержано, и объясненія сдѣланы то по нѣмецки, то по словенски, но и условіями своего положенія. Онъ проситъ Корытка прервать всѣ сношенія съ нимъ. „Прошу о пощадѣ нашего въ политико-юридическомъ смыслѣ незапятнаннаго имени и воздержанія отъ всякаго относительно насъ шага частнаго и оффиціальнаго“, писалъ Гай Корыткѣ 4 декабря 1839 г.

Первымъ и важнѣйшимъ шагомъ къ переходу Словенцевъ

въ литературный Иллиризмъ считалось принятіе „органическаго“ правописанія. Когда Вразъ узналъ, что Смоле, словенскій писатель, которому давали титулъ Anacharsis slovenicus, издалъ двѣ словенскія драматическія піесы новымъ правописаніемъ, онъ пишетъ Прешерну въ 1840 г., что „Рубиконъ уже перейденъ“, выражалъ надежду, что не будетъ отступленія и старался его склонить къ принятію иллирскаго правописанія, указывая на успѣхи, сдѣланные въ короткое время Иллирами. Дѣйствительно, въ это время было уже постановлено печатать учебныя книги для школъ Хорватіи, Славоніи и Далматіи новымъ иллирскимъ правописаніемъ, а хорватскій сеймъ въ 1839 г. рѣшилъ ходатайствовать объ учрежденіи каѳедръ иллирскаго языка во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ соединенныхъ королевствъ и объ открытіи національнаго музея и библіотеки. Вразъ предусматриваетъ близкое введеніе иллирскаго языка въ роль оффиціальнаго и въ своихъ письмахъ указываетъ на общую поддержку иллирскаго театра. „Все обстоитъ очень хорошо“, восклицаетъ онъ [87]), какъ бы разрушая сомнѣнія Прешерна въ возможности введенія штокавщины въ общій языкъ для Иллировъ, выражаемыя имъ не разъ въ письмахъ, и вообще въ успѣхѣ иллирскихъ дѣятелей.

Прешернъ однако до конца жизни остался противникомъ взглядовъ Гая и вообще защищалъ самостоятельность литературнаго развитія Словенцевъ. „Испанскій діалектъ, писалъ онъ Вразу въ 1840 г., быть можетъ, стоитъ не дальше отъ итальянскаго, чѣмъ словенскій отъ сербскаго, чешскій отъ польскаго, французскій отъ итальянскаго или испанскаго“ и отсюда приходилъ къ мнѣнію, что Иллиры безосновательно хотятъ уничтоженія письменности на словенскомъ нарѣчіи [88]). Хотя Вразъ, оправдываясь отъ такихъ подозрѣній, указывалъ на невозможность создать какую либо литературу уже вслѣдствіе самой малочисленности Словенцевъ и угрожалъ Словенцамъ полною гибелью, если они не постараются сблизиться съ Юго-славянами, чтобы образовать достаточно большую массу, которая могла бы выдержать напоръ чужихъ языковъ и вліяній, ибо „культура языка, который хотѣлъ бы значить

что нибудь въ мірѣ, должна опираться на народную массу въ 5—6 милліоновъ“ [89]),—все же Прешернъ остался вѣренъ своимъ взглядамъ до конца и весьма неохотно принялъ даже самую гаевицу, когда она стала общепринятою и восторжествовала въ Novic'ахъ Блейвейса. Правда, Вразъ въ своихъ письмахъ изъ Крайны, когда путешествовалъ въ 1841 г., говоритъ, что Прешернъ читаетъ иллирскія книги и даже обѣщаетъ все свое время посвятить по преимуществу иллирской словесности [90]), но это были, вѣроятно, скорѣе надежды Враза, чѣмъ истинное намѣреніе Прешерна. Въ 1847 г. онъ написалъ даже злую эпиграмму на Враза [91]), а въ другой подъ заглавіемъ: Daničarjem называетъ Гая и его сторонниковъ— „янычарами словенщины южныхъ странъ“.

Гаевская или, какъ тогда называли, „чешско-иллирская“ ороографія, впрочемъ, скоро стала входить въ употребленіе у Словенцевъ. Въ 1840 г. ею были изданы стихотвореніе Водника, одна старая комедія Лингарда (Veseli dan ali Matiček se ženi), переводъ Смоле, подъ заглавіемъ: Varh, и въ Illyrisches Blatt два сонета Малавашича. Въ 1843 г. Мурко принялъ гаевицу, замѣнивъ ею старую богоричицу [92]). Но что касается введенія въ Словенскую письменность общаго съ Иллирами языка, то всѣ старанія хорватскихъ Иллировъ и ихъ словенскихъ сторонниковъ не имѣли успѣха.

Важнѣйшимъ дѣятелемъ у Словенцевъ, въ нѣкоторой степени связавшимъ новую словенскую письменность съ хорватскою и вообще Словенцевъ съ Хорватами, былъ Иванъ Блейвейсъ (род. 19 ноября 1808 г. ум. 28 ноября 1881 г.). Будучи въ Вѣнѣ, гдѣ онъ учился медицинѣ и затѣмъ ветеринаріи, Блейвейсъ подобно другимъ Славянамъ, учившимся въ столицѣ Австріи въ тридцатыхъ годахъ, не могъ не сочувствовать общему стремленію возродить свой языкъ и народность, но возможность прямаго дѣйствія въ этомъ смыслѣ, представилась ему только въ 1843 году, когда онъ получилъ мѣсто учителя въ Люблянской медицинской школѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ секретаремъ сельско-хозяйственнаго общества, существовавшаго въ Люблянѣ съ 1767 г. Это об-

щество пришло къ мысли, что необходимо начать изданіе на словенскомъ языкѣ, посвященное сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, чтобы поднять благосостояніе сельскаго населенія Крайны. Тогда-то было основано изданіе: Kmetijske in rokodelske novice, подъ редакціей Блейвейса, первый нумеръ которыхъ вышелъ 5 іюня 1843 г. Меттернихъ сначала противодѣйствовалъ разрѣшенію этого изданія, но члены общества обратились къ посредству эрцгерцога Іоанна, дяди императора Фердинанда I, который нѣкогда, будучи въ Крайнѣ въ 1809 г., сожалѣлъ, что не знаетъ по словенски, чтобы привѣтствовать новобранцевъ-Словенцевъ, вступавшихъ въ войска, дѣйствовавшія противъ Наполеона, и побудилъ Шмиговца написать словенскую грамматику, которая и вышла въ 1812 году. При его помощи было получено разрѣшеніе издавать словенскую газету, которая приняла имя Novice (Новости) въ воспоминаніе о подобномъ изданіи Водника (съ 1797 по 1800 г.).

Задача Блейвейса была трудная. Несмотря на большое количество грамматикъ и жестокіе споры объ ороографіи, единства у Словенцевъ не было ни въ языкѣ, ни въ ороографіи. Онъ самъ сочувствовалъ упрощенію ороографіи по образцу, введенной Гаемъ въ Хорватіи, но въ тоже время онъ понималъ, что немедленная реформа подастъ поводъ къ новому раздѣленію на партіи словенскихъ читателей и писателей — и потому рѣшилъ остаться при богоричицѣ и лишь постепенно вводить новое органическое правописаніе. Что касается выбора нарѣчія, то онъ держался особенно языка Водника и Прешерна, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгалъ къ заимствованіямъ и изъ „иллирскаго“ языка. Но въ первомъ же нумерѣ Блейвейсъ говоритъ о нуждѣ чистить краинское нарѣчіе отъ всякихъ наносовъ [93]). Такъ какъ до Блейвейса никто не писалъ по словенски о предметахъ, близко касающихся сельско-хозяйственной жизни словенцевъ, то понятно, что въ общепринятомъ тогда языкѣ онъ не находилъ многихъ словъ и выраженій, ему нужныхъ для его задачи. Изданіе было посвящено исключительно сельско-хозяйственнымъ и экономическимъ вопросамъ, но уже съ первыхъ ну-

меровъ Блейвейсъ помѣщалъ маленькіе разсказы и стихотворенія. Успѣхъ *Новицъ* былъ необычайный, ибо въ 4 нумерѣ въ первомъ же мѣсяцѣ изданія Блейвейсъ могъ заявить, что Novice имѣютъ подписчиковъ не только въ Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ, но и въ Горицѣ, Тріестской области, Хорватіи и даже въ Далматіи. Послѣ 4 мѣсяцевъ изданія Блейвейсъ имѣлъ около 800 подписчиковъ [94]), а это число было весьма велико, особенно среди обстоятельствъ, въ которыхъ жилъ народъ, числившій немногимъ болѣе одного милліона.

Въ первое же время изданія *Новицъ* уже слышатся заявленія о введеніи иллирскаго правописанія. Въ 6-мъ нумерѣ этой газеты напечатана статья Антона Кремпля, извѣстнаго составителя исторіи Штиріи, иллирскою ороографіею, при чемъ указывается различіе ея отъ богоричицы, и въ началѣ 1844 года Блейвейсъ объясняетъ, что замѣна одного правописанія другимъ должна происходить постепенно, и что онъ будетъ печатать статьи старымъ и новымъ правописаніемъ, по желанію ихъ авторовъ, т. е. онъ дѣлалъ тоже, что и Гай въ началѣ своихъ изданій [95]). Начиная съ 1846 г., Блейвейсъ окончательно ввелъ гаевицу въ свои изданія [96]).

Медленнѣе и труднѣе шло съ вопросомъ о выборѣ языка для изданія. Блейвейсъ и тутъ избралъ путь постепеннаго сближенія въ письменности различныхъ нарѣчій. Онъ печаталъ статьи на тѣхъ нарѣчіяхъ словенскаго языка, на которыхъ онѣ присылались. Еще въ 1845 г. Цафовъ, опредѣляя значеніе умершаго 20 декабря 1844 года писателя Антона Кремпля, жалуется, что Штирійцамъ не нравятся изданія краинскія, а Краинцамъ все, написанное на штирійскомъ нарѣчіи. Онъ предлагалъ измѣнить положеніе Вука Караджича: „Пиши, какъ говоришь“, прибавкою: „какъ хорошо говоришь“ или лучше: „Пиши, какъ словенское населеніе хорошо говоритъ (принявъ во вниманіе этимологію и сосѣднія славянскія нарѣчія)“. Блейвейсъ въ своихъ примѣчаніяхъ признаетъ этотъ фактъ разногласія въ языкѣ различныхъ словенскихъ писателей и объясняетъ, что слѣдуетъ еще много писать по словенски, чтобы въ концѣ концовъ оказалось достаточно

словъ для словенской письменности. Это различіе въ лексическомъ отношеніи въ словенской письменности постепенно сгладилось подъ вліяніемъ изданія Блейвейса, и въ концѣ 40-ыхъ годовъ, когда Novice включили въ свою программу и политическія извѣстія, вслѣдствіе чего сельско-хозяйственное общество отказалось отъ ихъ изданія, языкъ Novic сталъ обще-словенскимъ языкомъ. Блейвейсъ не избѣгалъ сближенія словенскаго литературнаго языка съ нынѣшнимъ хорватскимъ, но всегда стоялъ за его самостоятельное развитіе. Въ этомъ отношеніи онъ сходился во взглядахъ съ Прешерномъ. Когда въ 1850—53 годахъ, нѣкоторые словенскіе писатели употребляли смѣсь словенскаго и хорватскаго языковъ, Блейвейсъ остановилъ это литературное направленіе [37]) и впослѣдствіи былъ противъ полнаго слiянія Словенцевъ съ Хорватами въ письменности [38]), хотя старался приблизить словенскій языкъ къ хорватскому, употребляя однокоренныя слова въ одномъ и томъ же смыслѣ.

Если Мадьяре обвиняли Гая и Иллировъ въ связяхъ съ русскою политикою и самое происхожденіе Иллиризма объясняли „русскими рублями", то Нѣмцы тоже самое утверждали о дѣятельности Блейвейса, главнаго виновника возрожденія словенскаго языка и созданія словенской литературы. Въ 1849 г. была подана жалоба на него въ этомъ смыслѣ эрцгерцогу Іоанну, который давно зналъ Блейвейса и этотъ разъ также заступился за права народнаго языка у Словенцевъ. Блейвейсъ сталъ, подобно Гаю, и политическимъ вождемъ народа и сохранилъ это положеніе до конца жизни. Въ 1848 г., будучи членомъ городской думы въ Люблянѣ, онъ участвовалъ въ словенской депутаціи къ императору, вмѣстѣ съ графомъ Гогенвартомъ и барономъ Коделемъ, и изложилъ эрцгерцогу Іоанну планъ соединенія въ одно административное цѣлое Крайны, Штиріи, Истріи, Хорутаніи и Приморья, чтобы парализовать дѣйствіе итальянской интриги противъ Австріи. Этому союзу онъ предполагалъ имя *Словенія*, которое сдѣлалось впослѣдствіи девизомъ дѣйствій словенскихъ патріо-

товъ. Онъ принималъ участіе и въ общемъ сеймѣ въ Загребѣ въ 1848 г.

Гай въ своихъ изданіяхъ постоянно обращалъ вниманіе на то, что издавалось или выходило въ печати въ Крайнѣ, Штиріи и Хорутаніи. Онъ постоянно надѣялся, что Словенцы примутъ не только правописаніе, но и языкъ имъ введенный въ иллирскую литературу [99]). Вразъ, объявляя о своемъ изданіи народныхъ пѣсенъ, которыя онъ собиралъ по Штиріи, Крайнѣ, Хорутаніи и въ западной части Венгріи съ 1833 г., называетъ населеніе этихъ областей Верхними Иллирами (Gornji Iliri), говоритъ о печальной судьбѣ этихъ „братьевъ иллирскихъ" и о томъ, что они сохранили „столько драгоцѣнныхъ народныхъ остатковъ, что каждый разсудительный и просвѣщенный Иллиръ признаетъ въ нихъ своихъ братьевъ [100]). Другой Словенецъ, священникъ Юрій Кобе, пишетъ въ *Даницѣ*, что „верхніе Иллиры" начинаютъ уже признавать славянско-иллирское нарѣчіе лучшимъ, и предвѣщаетъ, что вскорѣ „верхніе Иллиры, соединившись съ нижними, будутъ сообща въ славяно-иллирскомъ языкѣ развиваться и просвѣщаться". Но при этомъ онъ заявляетъ, что словенское поднарѣчіе должно остаться для народныхъ книгъ, какъ молитвенники, катехизисы и т. д.,—всѣ же другія произведенія высшей словесности должны и у Словенцевъ выходить на общемъ иллирскомъ языкѣ [101]). Въ *Даницѣ* 1841 г. (№ 11) помѣщена корреспонденція изъ Крайны, въ которой сообщается, что первая задача для соединенія Словенцевъ съ Иллирами—единство правописанія, и что многіе писатели-Словенцы уже приняли гаевицу. Для утвержденія единства въ языкѣ предлагается устроить въ Крайнѣ общество для распространенія свѣдѣній вообще о Славянствѣ и объ иллирахъ въ особенности. Редакція *Даницы*, напечатавъ это письмо почти безъ поправокъ, видитъ въ этомъ доказательство, что объединеніе въ языкѣ не представляетъ такихъ трудностей, какъ иные предполагаютъ.— Станко Вразъ помѣстилъ нѣсколько писемъ изъ Крайны, по которой онъ путешествовалъ, собирая народныя пѣсни, въ 1841 г.,—въ которыхъ даетъ очеркъ дѣятельности писателей

и положенія литературы въ Крайнѣ и сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о Резьянахъ [102]). Вообще иллирскіе дѣятели внимательно относились къ Словенцамъ, а *Даница* привѣтствовала появленіе Novic Блейвейса [103]), и впослѣдствіи одобряла ту постепенность, съ какою вводилось въ нихъ новое иллирское правописаніе. Но и въ ту пору, когда Блейвейсъ уже утвердилъ въ словенской литературѣ особый языкъ, Иллиры все же считали словенскій языкъ только подрѣчіемъ, которое рано или поздно должно слиться съ обще-иллирскимъ [104]), при чемъ однако во всякомъ ростѣ и пріобрѣтеніи словенской литературы они видѣли шагъ впередъ въ общемъ иллирскомъ развитіи [105]). Нѣкоторые изъ Словенцевъ, какъ Терстенякъ и Радославъ, помѣщали свои стихотворенія въ *Даницѣ*, а другіе, какъ Кочеваръ, статьи общаго содержанія. Матія Маяръ, извѣстный впослѣдствіи своими попытками создать общеславянскій литературный языкъ искусственнымъ путемъ и смѣшеніемъ формъ различныхъ нарѣчій, писалъ въ Kolo Станка Враза изъ Хорутаніи [106]), при самомъ основаніи этого повременника, а статья Кремпля о Штиріи появилась въ томъ же 1824 г. во второмъ выпускѣ Kolo.—Вообще изъ Штиріи и Хорутаніи болѣе чѣмъ изъ Крайны отзывались къ иллирскимъ дѣятелямъ въ Загребѣ. Это объясняется болѣе угнетеннымъ положеніемъ Словенцевъ въ первыхъ областяхъ, чѣмъ во второй.

Такимъ образомъ, Словенцы не остались холодными къ иллирскому движенію. Можно сказать, что ихъ литературное и отчасти даже политическое возрожденіе совершилось подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ Иллиризма. Но они не вошли ни литературно, ни политически въ ту Великую Иллирію, создать которую мечтали послѣдователи Гая. Словенцы имѣли свою отдѣльную исторію отъ Хорватовъ и свое особое развитіе, совершавшееся при ближайшемъ участіи нѣмецкой культуры. Въ XVI в. ихъ сильно коснулось протестантское движеніе, а дѣятельность Трубера, печатавшаго кириллицей и глаголицей въ Тюбингенѣ и Урахѣ переводы евангелія и церковныя книги, дала толчокъ словесности на словенскомъ язы-

кѣ. Правда, въ послѣдствіи это движеніе было задавлено огненной рукою іезуитовъ и религіозной реакціи, но не могли уже исчезнуть искры литературнаго воскрешенія языка. Католическое духовенство въ XVII и XVIII вѣкахъ само уже принимаетъ участіе въ словенской литературѣ и готовитъ почву для Водника и Прешерна. Словенцы дали такихъ ученыхъ, какъ Жига Поповичъ въ XVIII вѣкѣ [107]) и Копитаръ въ началѣ XIX столѣтія. Время господства Французовъ, создавшихъ центръ управленія Илліріей въ Люблянѣ, оставило слѣды, благотворныя для будущаго. Но происшедшій затѣмъ новый поворотъ въ судьбѣ Словенцевъ и наступившее господство нѣмецкаго языка не дало развиться тому, что было посѣяно въ кратковременное господство Франціи. Были между Словенцами такіе замѣчательные образованные и ученые люди, какъ Чопъ, даровитые поэты, какъ Прешернъ, но не появилось у нихъ такихъ дѣятелей, полныхъ энергіи инціаторовъ, какъ Гай. Притомъ, давленіе грубое и безоглядное, какое испытывали Хорваты со стороны Мадьяръ, съ которыми они были связаны исторически, скорѣе могло вызывать болѣе сильный отпоръ со стороны Хорватовъ, чѣмъ историческое и спокойное вліяніе могучей нѣмецкой культуры, дѣйствовавшей систематически и имѣвшей полныя права на признаніе за собой силы и преимущества. Но когда въ столь близкомъ сосѣдствѣ, въ Хорватіи, сильно и энергически раздался призывъ къ воскрешенію народнаго самосознанія въ массахъ, когда отвлеченная проповѣдь единства и сближенія Славянъ впервые стала прилагаться къ жизни, подобное же движеніе должно было начаться также въ Крайнѣ, Штиріи и Хорутаніи. Въ этомъ отношеніи заслуги Блейвейса неоцѣнимы. Постепеннымъ, мирнымъ ходомъ онъ поднялъ языкъ своего народа до степени литературнаго, а народное образованіе, быстро расширившееся въ массахъ, создало потребность и въ книгѣ. Нѣкоторыя общества у Словенцевъ, какъ напр. „Дружба св. Мохора“ въ Цѣловцѣ, нынѣ считаетъ болѣе 40,000 своихъ членовъ, которымъ даетъ по нѣскольку книгъ въ годъ за весьма малую цѣну, хотя всѣхъ Словен-

цевъ насчитывается не болѣе 1,400,000. У Словенцевъ нынѣ существуетъ нѣсколько подобныхъ обществъ.—Словенцы приняли „иллирскую“ ороографію и дѣйствительно въ извѣстной степени сблизили свой литературный языкъ съ хорватскимъ, но все же они развивались совершенно особнякомъ и отдѣльно отъ Хорватовъ. Но нельзя не замѣтить, что постепенно происходитъ и нынѣ приближеніе словенскаго языка къ общему языку литературъ хорватской и сербской. Можно предполагать, что съ теченіемъ времени словенскіе писатели дѣйствительно примкнутъ къ общему „иллирскому“ языку Гая, т. е. языку сербской и хорватской письменности, и оба литературныхъ языка сольются [108]).

Для Гая и Иллировъ было самымъ важнымъ привлечь на сторону Иллиризма *Сербовъ.* Съ этою цѣлью Гай постепенно вводилъ въ свой языкъ всѣ особенности сербскаго языка и не склонялся къ тѣмъ, которые отстаивали сближеніе съ далматинскимъ нарѣчіемъ. Бабукичъ въ своихъ статьяхъ: Osnova Slovnice Slavjanske narečja ilirskoga [109]) держится въ сущности тѣхъ же формъ языка, что и Вукъ Караджичъ, за весьма небольшимъ исключеніемъ. Перечисляя юго-славянскія народности, понимаемыя подъ именемъ Иллировъ, изданія Гая ставятъ на первое мѣсто Сербовъ, какъ главную, выдающуюся и болѣе многочисленную народность. Статьями о Сербіи и сербскихъ дѣлахъ наполнялись оба изданія Иллировъ. Сербскія народныя пѣсни изъ собранія Вука Караджича перепечатывались въ изобиліи, особенно въ первые годы изданія *Даницы.* Гай объявлялъ о томъ, что кириллицу обязанъ знать каждый Иллиръ. Бабукичъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Новый Садъ и откликнулся на призывъ сербской Матицы составить сербскую грамматику. Онъ приготовилъ книгу: „Правопис Српски и основе граматике Словенске нарѣчя илирског“, написанную по основамъ Добровскаго: Institutiones. Эту рукопись онъ послалъ въ Матицу, но черезъ полгода въ іюнѣ 1837 г. она была ему возвращена съ заявленіемъ, что не соотвѣтствуетъ программѣ объявленнаго Матицею конкурса. Иллирскіе дѣятели нерѣдко посѣщали различныхъ видныхъ Сер-

бовъ. Савва Текели былъ приглашенъ къ участію въ основаніи Иллирской читальни. Гай постоянно выставлялъ то, что Сербы сохранили въ большей чистотѣ старыя народныя черты и обычаи, чѣмъ остальныя иллирскія народности. Нападая на какого-то Хорвата, заявившаго въ одной изъ чешскихъ газетъ, что танецъ „коло“ не сербскій, а иллирскій, *Даница* энергически протестуетъ противъ обособленія Сербовъ и утверждаетъ, что и этотъ народный танецъ сохранили именно „мать Сербія“ и настоящіе Сербы, а затѣмъ „остальные иллирскіе братья“ въ Хорватіи и Славоніи. Тутъ рѣшительно заявляется, что языкъ, пѣсни и обычаи иллировъ чище и болѣе всего сохранились у Сербовъ. У Сербовъ все народно—„отъ алтаря до пастуха“. Если иллиры хотятъ воскресить свою иллирскую жизнь, они должны учиться языку и обычаямъ у Сербовъ, которые „въ святынѣ своего сербства сохранили тотъ народный духъ и тотъ патріотизмъ, коимъ и мы воскресли въ новѣйшее время для новой жизни подъ болѣе широкимъ именемъ Иллирства ради единенія“. Сербы сохранили все отъ старины „для насъ, и въ замѣнъ мы имъ очень мало, или почти ничего не можемъ дать относительно народной жизни“. Самый литературный языкъ въ иллирской и сербской словесности одинъ и тотъ же, но „никому и въ голову не можетъ придти, что это не сербскій, а иллирскій языкъ“. Такъ писала *Даница* въ 1846 г. [110]).

Въ своихъ запискахъ, представленныхъ въ Петербургѣ въ 1840 г. графу Бенкендорфу и министру народнаго просвѣщенія Уварову и переданныхъ въ Москвѣ Погодину, Гай говоритъ о своемъ намѣреніи начать изданіе газеты кирилловскими буквами и намекалъ на возможность принятія кириллицы для всей иллирской литературы. Въ 1848 г. онъ сдѣлалъ даже попытку издавать сербскую газету кириллицею и напечаталъ пробный нумеръ, въ которомъ держался не вуковицы, а старой сербской орѳографіи, какъ объясняетъ, потому, что ее держатся Русскіе, Болгаре, все священство и большая часть Сербовъ въ Сербіи и Австріи [111]). Какъ ни смотрѣть на заявленія Гая, сдѣланныя имъ въ Россіи, относительно замѣны

латиницы кириллицею и вообще болѣе тѣснаго сближенія съ восточнымъ православнымъ Славянствомъ, скорѣе можно предположить, что они были навѣяны сознаніемъ трудности положенія католическихъ Славянъ, не имѣвшихъ той опоры, какую могли найти всегда православные Юго-славяне въ Россіи, чѣмъ дѣйствительнымъ стремленіемъ къ полному, а слѣдовательно и религіозному объединенію. Гай жилъ и дѣйствовалъ въ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ періодовъ славянскаго возрожденія. Другой искренній глубокій славянскій дѣятель, Людевитъ Штуръ, прямо призналъ единственно правильнымъ выходъ изъ славянской разрозненности въ единеніи всѣхъ въ религіозномъ отношеніи и возвращеніи къ православію со всѣми послѣдствіями этого шага. Гай не могъ такъ далеко идти, и самое его положеніе практическаго дѣятеля среди католиковъ славянскаго юга удержало бы его отъ подобной проповѣди, а если бы онъ былъ даже убѣжденъ въ необходимости этой перемѣны вѣроисповѣданія для католиковъ Юго-славянъ, онъ не могъ бы найти поддержки ни въ дворянствѣ, ни въ духовенствѣ, этихъ двухъ сильнѣйшихъ сословіяхъ у католическихъ иллировъ, и благородный его замыслъ пробудить къ жизни свою народность и дать ей новую литературу, указать новые пути для политической жизни долженъ былъ бы разрушиться. Хорватское духовенство и такъ далеко не все примкнуло къ иллирскому движенію и смотрѣло съ нѣкоторою опасливостью на Иллиризмъ Гая. Ему пришлось не разъ говорить въ своихъ объявленіяхъ—этихъ professions de foi, — что онъ рѣшительно далекъ отъ мысли проводить какую бы то ни было религіозную пропаганду: онъ не хотѣлъ ни *повлашить*, ни *пошокчить* кого бы то ни было. Когда въ 1836 и 1842 г. Мадьяре особенно настойчиво добивались въ общеугорскомъ сеймѣ признанія правъ гражданства за протестантами въ Хорватіи, Гай энергически возставалъ противъ этихъ притязаній, конечно, болѣе всего въ виду того, что эти мадьярскія требованія имѣли заднюю цѣль — провести мадьярскихъ землевладѣльцевъ въ Хорватію и внести новый религіозный раздоръ между самими Хорватами.

Мысль объ единеніи всѣхъ Юго-славянъ въ Иллиризмѣ и иллирскомъ языкѣ застала Сербовъ въ положеніи сравнительно обезпеченномъ политически и литературно. Они въ это время имѣли уже довольно большую литературу. Досиѳей Обрадовичъ казался недостижимымъ идеаломъ для хорватскихъ Иллировъ, черпавшихъ изъ него немало и для своихъ изданій. Вукъ Караджичъ издалъ не только свои сборники народныхъ пѣсенъ, но и рядъ альманаховъ: *Даница* (1824—1834). Имя историка Раича пользовалось всеобщею извѣстностью. Сербы имѣли уже свой литературный центръ въ Сербской Матицѣ, издававшей *Сербскую Лѣтопись*, своего рода журналъ, въ которомъ находили мѣсто и ученыя изысканія, и стихотворенія, любимый тогда родъ творчества, и полемическія статьи. Въ Сербіи въ Крагуевцѣ въ 1834 г. воскресли подъ редакціей Давидовича *Сербскія Новины*—газета, которую онъ же издавалъ нѣкогда въ Вѣнѣ. Были у Сербовъ свои драматурги, какъ Іоакимъ Вуичъ, Іованъ Стерія Поповичъ, писатели повѣстей и романовъ, какъ Видаковичъ, прославленные ученые стихотворцы, какъ пользовавшійся большимъ уваженіемъ Лукіанъ Мушицкій и характерный поэтъ, оригинальный идеалистъ Сима Милутиновичъ. За годъ до появленія *Даницы* Гая напечаталъ свои первыя произведенія талантливый черногорскій владыка Петръ II Нѣгошъ [112]). Альманаховъ было полное изобиліе: Тироль въ 1827 и 1828 г. издавалъ „Банатскій альманахъ“, Стеичъ—„Забаве за разумъ и срце“ съ 1828 г., Павелъ Стаматовичъ — „Сербскую пчелу“ съ 1830 г. и т. д. Такимъ образомъ, въ ту пору, когда Людевитъ Гай предпринималъ свои изданія, Сербы имѣли уже болѣе или менѣе видныхъ представителей во всѣхъ родахъ литературы. Недоставало у нихъ одного: согласія относительно литературнаго языка. Вукъ Караджичъ провозгласилъ уже начало: „пиши, какъ говоришь“ и составилъ новый алфавитъ, но его мысль о переходѣ къ чисто народному языку въ письменности отъ славено-сербскаго, которымъ писали почти всѣ сербскіе писатели, встрѣтила во всѣхъ слояхъ сербскаго общества значительное сопротивленіе. Еще 31 мая 1858 г. „попечительство Просвѣщенія“ въ Бѣлградѣ

издало строгій приказъ, чтобы Милошъ Поповичъ, редактировавшій *Сербскія Новины*, оффиціальный органъ сербскаго правительства, строго держался установленнаго правописанія и не печаталъ вуковицей. Споры объ ороографіи и азбукахъ были самые оживленные и всѣ изданія, даже газеты, помѣщали статьи по поводу правописанія, о происхожденіи буквъ, письменности, объ языкѣ литературномъ, способахъ выраженія и т. д., иногда самаго страннаго, почти нелѣпаго содержанія. Это разъединеніе Сербовъ въ языкѣ и письменности ставило сербскую литературу въ трудное положеніе, но Сербы все же имѣли право гордиться ея богатствомъ и разнообразіемъ предъ другими Юго-славянами.

Въ политическомъ отношеніи Сербы были тоже обезпечены. Сербское княжество росло и извнѣ, и внутри. Князь Милошъ Обреновичъ съумѣлъ въ два десятилѣтія не только освободить Сербію отъ Турокъ, но и найти въ русской политикѣ могущественную гарантію прочности положенія Сербскаго княжества. Не смотря на интриги, внутренніе раздоры, отношенія различныхъ главарей къ князю Милошу, даже его удаленіе отъ правленія, Сербское княжество не потеряло своей независимости и не было вновь обращено въ обыкновенный турецкій вилаетъ. Вполнѣ естественно, что и австрійскіе Сербы тянули къ этому полунезависимому Сербскому государству, которое въ ихъ глазахъ представлялось центромъ, около коего соберется вся раздробленная сербская народность. Многіе австрійскіе Сербы поступали на службу въ Сербіи, нуждавшейся въ образованныхъ и учившихся людяхъ. При томъ Сербы хорошо знали, что они имѣютъ опору и защиту въ Россіи, которая за нихъ заступалась и оказывала поощренія и помощь даже ихъ писателямъ, какъ напр. Вуку Караджичу, на что́ въ ту пору другіе Славяне рѣшительно не могли разсчитывать.

Все это вмѣстѣ даетъ объясненіе, почему у Сербовъ меньше, чѣмъ у другихъ славянскихъ народностей, отозвалось ученіе Коллара о славянской взаимности. Сербы были въ извѣстной степени довольны своимъ положеніемъ: они могли

самостоятельно и давно забыли о надеждѣ архіе-
ратимировича, что сербскій народъ станетъ под-
усскаго царя, и о просьбѣ Кара-Георгія объ этомъ
Правда, въ нѣкоторыхъ ихъ изданіяхъ перепеча-
переводились отрывки изъ сочиненій Шафарика
и Коллара, въ возобновленной въ 1837 г. „Сербской лѣтописи“ появлялись въ подлинникѣ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, Языкова и даже Хвостова, Словака Штура, Словенца Прешерна и т. д., довольно много писалось по временамъ о русской литературѣ и вообще о Россіи, но нигдѣ, быть можетъ, кромѣ одъ и эпиграммъ Мушицкаго, не развивалась мысль о необходимости сближенія съ остальными Славянами, изученія ихъ языковъ и нарѣчій, ихъ быта и исторіи, — нигдѣ не раздавалось нетерпѣливаго восклицанія о скорѣйшемъ славянскомъ объединеніи. Сербы вошли уже на путь практической политики, и это съузило ихъ интересы въ предѣлы ихъ народности. Они увидѣли въ Иллиризмѣ опасность прежде всего для своего имени: *Сербъ*. Г. Стоянъ Новаковичъ въ своей „Исторіи сербской литературы“ въ существенную заслугу ставитъ сербскому публицисту Ѳедору Павловичу то, что онъ боролся съ Иллирствомъ Хорватовъ „противъ придумыванія новыхъ и забвенія старыхъ народныхъ именъ“ [113]). Вопросъ очевидно и долго послѣ окончательнаго паденія Иллиризма представлялся лишь споромъ объ именахъ, волнующимъ и нынѣ Сербовъ и Хорватовъ.

Но это отношеніе сначала подозрительное, а затѣмъ и прямо враждебное къ Иллиризму со стороны Сербовъ имѣло болѣе важное, политическое основаніе. Сербы боялись за свое молодое государство и имѣли основаніе подозрѣвать, что за ученіемъ объ единствѣ всѣхъ иллирскихъ народовъ скрывается тайный разсчетъ австрійской политики распространить власть Австріи на всѣхъ Сербовъ. Это ихъ подозрѣніе оправдывалось отчасти и тѣми парламентскими рѣчами хорватскихъ депутатовъ, въ которыхъ они, защищая иллирское движеніе, указывали на политическую важность для Австро-Венгерскаго

государства соединительныхъ тенденцій Иллиризма, простирающихся на весь Балканскій полуостровъ.

За небольшимъ исключеніемъ сербскіе писатели почти не принимали участія ни въ *Даницѣ*, ни въ *Иллирскихъ Новинахъ*. Между Сербами, помѣстившими статьи и стихотворенія въ *Даницѣ*, отмѣтимъ слѣдующихъ: Дмитрій Исайловичъ [114]) (Иллиръ изъ Сербіи), Поповичъ Павелъ Арса [115]), помѣстившій одно стихотвореніе и послѣ выступавшій противъ Иллиризма, Василій Субботичъ [116]), Петръ Іоанновичъ [117]), Тироль (Иллиръ изъ Сербіи) [118]), Стеичъ (Иллиръ изъ Сербіи) [119]), Милошъ Поповичъ [120]), приславшій въ *Даницу* оду на славено-сербскомъ языкѣ, въ которой воспѣвается согласіе и единеніе иллирскихъ народовъ; остальные Сербы, писавшіе въ *Даницѣ*, не имѣютъ извѣстности въ литературѣ. О сочувствіи Саввы Текели Иллиризму и его стихотвореніи, посвященномъ Гаю, мы уже выше говорили. Такимъ образомъ, участіе Сербовъ въ главномъ изданіи Иллиризма, которое опредѣляло направленіе и характеръ школы, было весьма незначительное.

Изъ болѣе извѣстныхъ сербскихъ литературныхъ дѣятелей къ Иллиризму и изданіямъ Гая отнеслись сочувственно только протоіерей Павелъ Стаматовичъ, издававшій альманахъ „Српска Пчела“ съ 1830 по 1842 г., и Петръ Іоанновичъ, бывшій профессоромъ и директоромъ сербской гимназіи въ Новомъ Садѣ, издававшій альманахъ „Бачка Вила“ съ 1841 по 1844 г. Въ *Сербской Пчелѣ* за 1837 г. сообщаются свѣдѣнія о *Даницѣ* и *Иллирскихъ Новинахъ*, и ихъ значеніи, указывается на сближеніе языка съ сербско-далматинскимъ, и оба изданія рекомендуются всему „сербскому роду“ [121]). Восхваляя *Даницу* за ея патріотизмъ, Стаматовичъ призывалъ всякаго „ученаго“ Серба, Хорвата, Словенца, Босняка, Бачванина, Сремца, Краинца, Болгарина и „всякаго другаго Югославянина“ посылать въ *Даницу* свои произведенія. — Іоанновичъ, подписывавшійся даже „Иллиръ изъ Бачки“, въ своемъ альманахѣ помѣстилъ статью Бабукича о правописаніи и вообще принялъ сторону Иллировъ. Это подало по-

водъ къ сильнымъ нападкамъ на него со стороны Ѳедора Павловича, который велъ войну съ Иллиризмомъ въ газетѣ: „Сербске Народне Новине“ и литературномъ къ ней прибавленіи: „Сербскій народный листъ“. Іоанновичъ указывалъ возражателямъ, что Иллиры сами приближаются къ Сербамъ въ литературномъ языкѣ, и что ни одинъ католикъ Иллиръ не поднималъ голоса противъ кирилловскихъ письменъ. Онъ далъ мѣсто статьѣ Ивана Шиматовича, печатавшаго стихотворенія и въ *Даницѣ*, о древности именованія *Иллиры* и объ общемъ его значеніи для Юго-славянъ, при чемъ частныя именованія (Сербы, Хорваты и др.) могутъ оставаться при одномъ общемъ. *Даница* поспѣшила перепечатать изъ *Бачкой Вилы* стихотвореніе Шиматовича: „Pĕsnik Bačkoj Vili“ [122]), въ которомъ воспѣвается значеніе единства и согласія Иллировъ, которыхъ не должно раздѣлять различіе вѣроисповѣданій [123]). Но крайне рѣзкіе нападки Павловича отозвались на „Бачкой Вилѣ“, ибо нѣкоторые изъ Сербовъ, принимавшіе участіе въ ней, поспѣшили отречься отъ нея и заявили, что они отказываются даже отъ того, что уже напечатали въ этомъ альманахѣ.

Во главѣ противниковъ Иллиризма между Сербами сталъ Ѳедоръ Павловичъ (род. 14 февраля 1804 г. въ Карловцѣ, вблизи Великой Кикинды, въ Банатѣ, ум. тамъ же 12 августа 1854 г.). Онъ былъ сынъ ремесленника. Гимназическій курсъ онъ проходилъ въ Гатцфельдѣ, гдѣ научился по нѣмецки, затѣмъ въ Темешварѣ, Великой Кикиндѣ, Сегединѣ, гдѣ онъ учился мадьярскому языку, и въ Карловцахъ. Затѣмъ онъ слушалъ курсъ философскихъ наукъ въ Сегединѣ и юридическихъ въ Пожунѣ. Здѣсь онъ познакомился съ нѣмецкою литературою, — особенно любилъ Виланда. Будучи помощникомъ адвоката Михаила Витковича, извѣстнаго сербскаго и мадьярскаго стихотворца, Павловичъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался секретаремъ Саввы Текели, сербскаго мецената, завѣщавшаго значительныя суммы на просвѣщеніе австрійскихъ Сербовъ. Текели сначала думалъ передать свои пожертвованія въ Сербію, но Павловичъ убѣдилъ его позаботиться о Сербахъ „въ благословенной Австріи, откуда и намъ, говоритъ его біо-

графъ, и княжеству Сербіи засіялъ лучъ просвѣщенія" [124]). Текели впослѣдствіи былъ избранъ председателемъ общества Сербской Матицы, изданіе которой, *Лѣтопись*, редактировалъ Павловичъ, начиная съ 1832 г. до 1841 г. Когда въ 1835 г. *Матица* и *Лѣтопись* были закрыты по распоряженію правительства, Павловичъ основалъ литературный еженедѣльникъ „Сербскій Народный Листъ" и сталъ хлопотать о разрѣшеніи открыть вновь дѣятельность *Матицы* и издавать *Лѣтопись*. Въ 1837 г. разрѣшеніе это было получено.—Въ 1838 г. онъ основалъ въ подражаніе Гаю газету для Сербовъ: „Сербске Народне Новине", которою хотѣлъ парализовать вліяніе Иллиризма. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ Павловичъ велъ полемику съ Иллирами. Газета Павловича была единственнымъ періодическимъ политическимъ изданіемъ у австрійскихъ Сербовъ. Слѣдуетъ признать, что дѣятельность Павловича вообще немало содѣйствовала распространенію полезныхъ свѣдѣній между сербскимъ населеніемъ въ Австріи, которое было оставлено безъ всякихъ заботъ о просвѣщеніи.

Въ первый разъ Ѳедоръ Павловичъ выступилъ противъ Иллиризма въ примѣчаніи въ статьѣ объ „домашнихъ или народныхъ источникахъ древней исторіи Славянъ", помѣщенной въ „Сербской Лѣтописи" 1837 г. Признавая необходимость единенія въ литературѣ, Павловичъ тѣмъ не менѣе не можетъ признать общимъ именованія: иллиры, иллирскій языкъ, иллирскій народъ. По его мнѣнію, въ Венгріи, Сербіи, Босніи, Черногоріи, Герцеговинѣ, Славоніи, Далматіи и Хорватіи населеніе—чисто сербское и такъ и должно именоваться. Онъ удивляется, что „Сербы римскаго закона" не хотятъ называться Сербами, хотя говорятъ по сербски. Имя *Иллиръ* не можетъ привести и къ согласію Юго-славянъ, ибо оно чисто книжное, неизвѣстное въ жизни [125]). — Съ той поры Павловичъ твердо держался этихъ взглядовъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ. „Народный Листъ" рѣзко нападалъ на всякое проявленіе Иллиризма, требовалъ введенія кириллицы у католиковъ Юго-славянъ, давалъ мѣсто различнымъ нападкамъ на иллирское движеніе. Въ этомъ отношеніи Павловичъ расхо-

дился со своимъ покровителемъ Саввою Текели, который въ своихъ запискахъ высказываетъ удивленіе, что ведется такой жестокій споръ объ именованіи: *иллирскій, иллиры*. Вспоминая о своемъ мемуарѣ Наполеону по поводу созданія Иллирской области, Текели замѣчаетъ, что онъ никогда не надѣялся убѣдить католическихъ Юго-славянъ принять имя Сербовъ, но думалъ, что скорѣе возможно объединеніе подъ именемъ „иллировъ", ибо подъ нимъ понималось въ Австріи именно сербское населеніе [126]). Но Павловичъ все же сначала не былъ противъ хорватскаго возрожденія. Напротивъ того, онъ охотно поддерживалъ связи съ патріотическими обществами въ Хорватіи: такъ, въ 1837 г. онъ посылаетъ обществу молодежи въ Загребской духовной семинаріи всѣ изданія Матицы и свою газету [127]).

Формулировка возраженій противъ Иллиризма сдѣлана главнымъ образомъ въ статьяхъ Іована Субботича и Пантелича, помѣщавшихся въ „Сербской лѣтописи" съ 1839 по 1843 годъ. Въ то время, когда Гай [128]) и его сторонники доказывали Славянство древнихъ иллировъ, *Сербская Лѣтопись* опровергала всѣ эти соображенія, лишая этимъ привлекательности самое названіе *Иллиры*, и отнимала у Юго-славянъ право на это именованіе [129]). Но въ замѣнъ этого предлагалось общее названіе *Сербъ* и *сербскій*. Болѣе спокойнымъ тономъ отличается статья Іована Субботича: „Нѣкоторыя мысли о литературномъ единствѣ Славянъ на югѣ и объ имени этого союза" [130]). Субботичъ разсматриваетъ причины и цѣли принятія именованія *Иллиры* хорватскими писателями. Онъ приходитъ къ заключенію, что это именованіе тождественно съ именованіемъ Юго-славяне, но оно не только не полезно для союза Юго-славянъ, а даже приноситъ вредъ тѣмъ народамъ, которые входятъ въ этотъ союзъ. Онъ считаетъ именованіе *иллирскій* слишкомъ узкимъ, оно можетъ развѣ относиться къ одной какой либо юго-славянской народности, тѣмъ болѣе, что далеко не доказано, чтобы древніе иллиры были Славяне. Субботичъ требуетъ отъ хорватскихъ Иллировъ, чтобы они разъяснили истинныя цѣли, почему они такъ настаиваютъ на

принятіи этого именованія всѣми Юго-славянами. „Мнѣ кажется, что тутъ дѣло не чисто, или если и недурное, то все же проистекаетъ не изъ добрыхъ побужденій“, говоритъ онъ, какъ бы заподозрѣвая въ Иллиризмѣ тайную политическую подкладку. Субботичъ однако вооружается не противъ союза Юго-славянъ, а только противъ названія этого единенія *Иллирскимъ.* Указывая на неясности въ древнѣйшей юго-славянской исторіи и различныя толкованія о народности иллировъ, Субботичъ доказываетъ, что имя иллировъ чисто мѣстное, географическое,—поэтому это именованіе „нынѣ всѣмъ чуждо“ и не можетъ быть возстановлено. Названіе литературы „иллирскою“ уже потому невозможно, что оно предполагало бы существованіе иллирскаго народа, говорящаго иллирскимъ языкомъ, а такого народа не существуетъ. Терминъ: „литература иллирская“ не имѣетъ никакого значенія, подобно тому, какъ и терминъ: „литература венгерская“, ибо въ Венгріи, кромѣ Мадьяръ, живутъ и Сербы, и Нѣмцы, и различные Славяне, имѣющіе письменность на своемъ языкѣ. Единеніе въ литературѣ обусловливается единствомъ языка. Сербы и Чехи, хотя живутъ въ одной и той же Австріи, не могутъ имѣть одной литературы, потому что говорятъ и пишутъ различнымъ языкомъ, между тѣмъ какъ Сербы въ Сербіи и въ Венгріи уже имѣютъ одну литературу, хотя живутъ въ различныхъ государствахъ, потому что связаны единствомъ происхожденія и языка. При существованіи нарѣчій въ языкѣ, имя „главнаго“ нарѣчія становится общимъ для всѣхъ вѣтвей этого народа. Отсюда Субботичъ приходитъ къ выводу, что литературный „союзъ“, который хотятъ именовать *иллирскимъ*, долженъ быть названъ *сербскимъ.* По его мнѣнію, Далматинцы, хорватскіе Сербы, Боснійцы, Герцеговинцы, Сербы, Славонцы — истинные (правые) Сербы, таковы же и Хорваты. „Спроси Хорвата восточной церкви, пишетъ онъ, какой онъ народности, онъ отвѣтитъ: Сербской“. Слѣдовательно, разница между Сербами и Хорватами только вѣроисповѣдная. Но всѣ Хорваты, по мнѣнію Субботича, были нѣкогда православными и имѣли ту же азбуку, что и Сербы, т. е. кириллицу. Гай такъ сблизилъ языкъ

своей хорватской *Даницы* съ сербскимъ, что если бы она печаталась кириллицею, то всякій призналъ бы, что она по языку сербская. Поэтому Хорваты должны принять общимъ именованіе себя *Сербами* и свою письменность назвать *сербскою*. Болгаре, живущіе въ Илиріи, должны тоже въ общемъ союзѣ принять общее имя Сербовъ. Принявъ имя Сербовъ, Хорваты возстановятъ только свое настоящее имя, причемъ именованіе *Хорваты* можетъ остаться, какъ видовое при родовомъ. Если бы Сербы приняли именованіе Иллиры вмѣсто своего нынѣшняго имени, они бы промѣняли славное имя, имѣющее исторію, на неизвѣстное, имѣющее весьма неясное прошедшее. Сербы имѣютъ право гордиться своимъ прошедшимъ, должны помнить о временахъ Душана и Сербскаго царства и потому не должны переименовывать себя. Именованіе: „иллирскій народъ" дѣйствительно употребляется въ австрійской терминологіи по отношенію къ Сербамъ, но изъ этого не вытекаетъ, чтобы это именованіе было настоящимъ, фактическимъ именемъ всего народа. Такимъ образомъ, Субботичъ формулировалъ вполнѣ опредѣленно, что этотъ литературный союзъ слѣдуетъ называть не „иллирскимъ", даже не „юго-славянскимъ", а „сербскимъ", — по мнѣнію Сербовъ.

Эти положенія, достаточно развитыя Субботичемъ, сдѣлались впослѣдствіи общими для Сербовъ и составляютъ нынѣ одну изъ главныхъ причинъ раздора между Сербами и Хорватами. Если Гай немедленно и не отвѣчалъ въ своихъ изданіяхъ на эти сербскія заявленія, то все же несомнѣнно подобныя статьи производили сильное раздраженіе въ иллирскомъ лагерѣ. Станко Вразъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ выражалъ свое неудовольствіе на такое отношеніе Сербовъ къ *иллирской* идеѣ.—Статьи „Сербской Лѣтописи" отозвались и въ сербскихъ газетахъ того времени: „Сербскій Народный Листъ" Ѳедора Павловича, а затѣмъ „Будимско-Пештскій Скоротеча", сначала (1842 г.) говорившій было о союзѣ и соглашеніи съ Хорватами, стали помѣщать рѣзкіе нападки на Иллировъ. Общая ихъ цѣль — доказать, что въ сущности нѣтъ Хорватовъ, а есть только Сербы. Вукъ Кара-

джичъ еще въ 1836 г. приготовилъ извѣстную статью: „Сербы всѣ и всюду“ [131]) и поддерживалъ въ сущности тѣ же мысли, что и сербскіе журналисты.

Возраженія со стороны Иллировъ слышались въ *Огласахъ* Гая, въ нѣкоторыхъ статьяхъ *Даницы* и въ брошюрахъ Раковца и Шулека, о которыхъ говорилось выше. Изъ статей въ *Даницѣ* въ этомъ отношеніи представляютъ болѣе интереса статьи за подписью: Pravoljub S. D-ć. Между другими аргументами противъ именованія *Сербы* вмѣсто *Иллиры*, „Праволюбъ“ (псевдонимъ) указываетъ на противорѣчіе, въ которое попадали Сербы, исходившіе изъ опредѣленія понятія сербской народности, сдѣланнаго Лукіаномъ Мушицкимъ: „Сербскую народность творятъ: имя, языкъ и вѣра“, — и замѣчаетъ, что уже поэтому нельзя причислять къ Сербамъ Хорватовъ-католиковъ. Извѣстно, что въ это время славено-сербская школа писателей иногда объединяла въ именованіи *Сербы* почти всѣхъ Славянъ. „Праволюбъ“ старался доказать, что именованіе *сербскій* создано новою сербскою литературою и уже потому не можетъ простираться на весь славянскій югъ. Хорватскій оппонентъ соглашался на другое общее имя для обѣихъ народностей и литературъ, напр. юго-западно-славянскія, юго-славянскія, но рѣшительно высказывался противъ названія его *только* сербскимъ или *только* хорватскимъ [132]). — Слѣдуетъ однако замѣтить, что Сербы въ этомъ спорѣ находили сильную поддержку и въ Шафарикѣ, который признавалъ существованіе католическихъ Сербовъ, а Шафарикъ пользовался большимъ авторитетомъ и у Хорватовъ.

Подъ прикрытіемъ этого „спора объ именахъ“ шла, очевидно, иная борьба — культурная, политическая. Срезневскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вразу говоритъ, что Сербы считаютъ Иллиризмъ исключительно католическимъ. „Кто правъ и кто виноватъ въ этомъ несогласіи?“ спрашивалъ Срезневскій. „Я полагаю, что виновата только литература. Она должна была разъяснить дѣло, а она его лишь затемнила; она должна была остаться только литературою, а между тѣмъ она напялила на себя одежды политики . . . Быть можетъ, одинъ,

другой, десятый православный молодой человѣкъ и станетъ Иллиромъ, но сербская масса (publicum Srbsko) смотритъ на Иллирство, какъ на секту". Между совѣтами, которые даетъ Срезневскій Вразу, чтобы устранить недовѣріе Сербовъ къ Иллиризму, имѣется и тотъ, чтобы Вразъ проводилъ мысль объ употребленіи кириллицы у всѣхъ славянскихъ народовъ [133]). Но именно послѣ препирательствъ съ Сербами объ именахъ, принятіе кириллицы Хорватами стало невозможнымъ: Хорваты въ свою очередь стали бояться полнаго сліянія съ Сербами и потери своего именованія.

Вопросомъ о томъ, какое изъ юго-славянскихъ нарѣчій должно стать обще-литературнымъ для Хорватовъ и Сербовъ, Сербы занимались мало: они считали его какъ бы уже рѣшеннымъ самою жизнью. Въ этомъ отношеніи интересна небольшая книга Евстаѳія Михайловича, вышедшая въ 1843 г., почти одновременно съ запрещеніемъ Иллиризма: „Иллиры и Сербы". Онъ признаетъ, что между народами древней Иллиріи были Славяне и, слѣдуя Данковскому, утверждаетъ, что у Гомера находятся слѣды славянскихъ словъ. Финикіяне были тоже славянскаго корня, какъ это утверждали вмѣстѣ съ Михайловичемъ и нѣкоторые иллирскіе историки. Онъ такъ же, какъ и Субботичъ, допускаетъ только одну возможность общаго именованія Юго-славянъ въ имени *Сербы*. „Имя Сербъ, говоритъ онъ, общенародное для южныхъ Славянъ отъ Адріатическаго до Черпаго моря, за исключеніемъ Болгаріи" [134]), которой онъ отводилъ мѣсто на югъ отъ Балканскихъ горъ. Отсюда и юго-славянская литература должна именоваться сербскою. Михайловичъ касается вопроса объ алфавитѣ для этой литературы. Находя пока невозможнымъ рѣшеніе въ пользу одного алфавита, онъ совѣтуетъ принять въ латиницу нѣкоторые знаки изъ сербской азбуки и держаться этимологическаго правописанія. Что же касается выбора одного языка общей литературы, то Михайловичъ не находитъ удачнымъ принятое Хорватами, такъ какъ они „уклоняются отъ чистоты и правильности сербскаго, т. е. своего роднаго языка" и приводитъ нѣсколько примѣровъ искусственно составленныхъ

словъ. Онъ противъ реформы Вука Караджича потому, что она даетъ право употреблять различныя реченія по нарѣчіямъ и изгоняетъ „славянскія и сербскія, умныя, красивыя и важныя слова, какъ ревность, рѣшеніе, суета, проницательность“ и т. д. Какое же изъ существующихъ нарѣчій должны принять Сербы и съ ними всѣ южные Славяне для своей общей словесности? На этотъ вопросъ Михайловичъ отвѣчаетъ указаніемъ на нарѣчіе придунайскихъ и вообще угорскихъ Сербовъ, вошедшее въ литературу и ставшее болѣе или менѣе общимъ. Онъ, впрочемъ, допускаетъ возможность внесенія словъ также изъ другихъ нарѣчій.

Такимъ образомъ, Михайловичъ еще болѣе стѣснялъ выборъ языка для общей юго-славянской литературы, чѣмъ Субботичъ, уклонившійся отъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ. Иллиры между тѣмъ дѣйствительно очень хорошо обрабатывали выбранное ими нарѣчіе сербскаго языка, сближенное съ далматинскимъ. Они имѣли уже такихъ даровитыхъ писателей, поэтовъ и стилистовъ, какъ Бабукичъ, братья Мажураничи, Кукулевичъ, Вразъ, Вукотиновичъ, Тернскій.

Гай впослѣдствіи и самъ называлъ языкъ иллирской литературы прямо *сербскимъ*, но это было въ ту пору, когда онъ терялъ уже свое значеніе и вліяніе [135]) и выраженія: *Иллиръ*, *иллирскій* языкъ, хотя употреблялись еще и впослѣдствіи, но не имѣли того объединяющаго политическаго значенія, какое имъ придавалось во время господства Иллиризма. Полемика по поводу именованія общей литературы Юго-славянъ потеряла свою остроту, послѣ запрещенія Иллиризма въ Хорватіи императорскимъ указомъ въ началѣ 1843 года. Но сущность иллирскаго вопроса и идей, связанныхъ съ нимъ, осталась, и сближеніе между Сербами и Хорватами становилось болѣе прочнымъ. Когда въ сентябрѣ 1842 г. былъ избранъ Сербами карловацкимъ митрополитомъ Іосифъ Раячичъ, извѣстный впослѣдствіи своею дѣятельностью патріархъ, весьма уважаемый въ Хорватіи католическій священникъ Кризманичъ привѣтствовалъ Раячича письмомъ. Мадьяре продолжали свою политику мадьяризаціи по отношенію къ Сербамъ еще болѣе

рѣзко, чѣмъ относительно Хорватовъ. Это повело къ сближенію первыхъ со вторыми и общимъ ихъ дѣйствіямъ въ защиту Австрійскаго государства противъ мятежныхъ Мадьяръ. Единство интересовъ политическихъ сблизило тѣхъ и другихъ, и вопросы о томъ, какъ именовать языкъ общей литературы: иллирскимъ, сербскимъ или хорватскимъ отошли на задній планъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Когда же послѣ бурныхъ 1848—1849 годовъ нѣмецкая централистская политика хотѣла сама воспользоваться Иллиризмомъ для своихъ цѣлей, и Гай предоставилъ свою газету ей на службу, то и хорватскіе патріоты поспѣшили отречься отъ именованія *Иллиры*. Тогда стали искать именованія, объединяющаго и Хорватовъ и Сербовъ, въ названіи: *Юго-славяне*, имѣющемъ значеніе исключительно географическое.

5.

Дѣятельность „иллирскихъ обществъ".—Заботы Гая объ учрежденіи „ученаго народнаго общества". Участіе Метелла Ожеговича. Учрежденіе *Иллирской читальни* въ Загребѣ. Участіе графа Драшковича и его дѣятельность во время развитія Иллиризма. Мысль объ учрежденіи *Иллирской Матицы*. Сборы пожертвованій на народныя предпріятія. Начало издательской дѣятельности Матицы. — Патріотическое общество клириковъ въ Загребской духовной семинаріи. Его дѣятельность и значеніе. — Иллирскія *театральныя* представленія. Первыя драматическія произведенія. Предложеніе Генриха Бернштейна объ устройствѣ иллирскихъ спектаклей. Первые такіе спектакли и концерты въ Загребѣ. Постановка первой иллирской оперы. Композиторъ Лисинскій. Дальнѣйшая судьба иллирскаго театра. Забота Иллировъ объ иллирскихъ художникахъ. — Иллирское *Сельско-хозяйственное общество*. Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Раковца. Заботы объ иллирскомъ *Музеѣ*. Пріобрѣтеніе *Народнаго Дома*.—Дѣятельность Матицы.—Взгляды Станка Враза и Деметра на значеніе далматинской и дубровницкой литературы. — Жизнь и дѣятельность Бабукича.— Иллирскій словарь Дробнича.—Новыя иллирскія изданія.

Мы уже указывали на связь Иллиризма съ ученіемъ Коллара о славянской взаимности. Новая мысль о тѣсномъ сближеніи провинціальной Хорватіи, ограниченной узкими предѣлами и едва насчитывавшей до 800,000 населенія, съ народами всего славянскаго юга хотя бы только въ языкѣ письменности вполнѣ естественно должна была привлечь къ Гаю симпатіи хорватскихъ народныхъ патріотовъ. — Мы уже говорили объ отно-

шеніяхъ къ ней и ея проповѣднику въ провинціальной Хорватіи. Не смотря на всѣ внѣшнія и внутреннія препятствія, на противорѣчивыя теченія въ хорватской жизни, Гай съумѣлъ сразу завоевать себѣ умы, особенно молодаго поколѣнія. Съ мыслью о литературномъ возрожденіи и объединеніи тѣсно связывалась мысль о борьбѣ за права народа съ Мадьярами. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникали надежды на политическое объединеніе всѣхъ Юго-славянъ, при чемъ видная роль могла выпасть на долю той народности, въ которой сильнѣе всего господствовали и развивались идеи объединенія. Это хорошо понимали главнѣйшіе дѣятели Иллиризма.

Одною изъ первыхъ заботъ Гая было создать въ Хорватіи такое общество просвѣщенныхъ людей, которое могло бы содѣйствовать подъему образованія въ народномъ духѣ у Хорватовъ. Будучи еще студентомъ въ Пештѣ и Градцѣ, Гай собиралъ уставы подобныхъ учрежденій и мечталъ объ основаніи у себя на родинѣ музея, библіотеки, народнаго архива, ученаго общества и т. д. Въ 1836 г. онъ выступилъ съ проектомъ учрежденія въ Загребѣ общества для разработки языка и литературы и внесъ предложеніе о немъ въ сеймъ. Мысль Гая нашла отзывъ въ сеймѣ, и хорватскимъ депутатамъ было поручено въ общеугорскомъ парламентѣ повести рѣчь объ учрежденіи такого общества въ Загребѣ. Задачи этого „общества народнаго иллирскаго образованія“—, по мнѣнію Гая, двояки: во первыхъ, давать ученые труды въ различныхъ областяхъ знанія, кромѣ богословія и политики, на языкѣ иллирскомъ; во вторыхъ, собирать книги и рукописи, имѣющія какое либо отношеніе къ иллирскому народу и его странѣ, а также всякаго рода памятники и остатки старины, чтобы стало возможнымъ учрежденіе иллирской библіотеки и народнаго музея. Сообщая объ этомъ замыслѣ, Гай говоритъ, что его изданія только предтечи такого ученаго общества: „*Даница* (денница) предвѣщаетъ зарю, а заря не можетъ засіять безъ народнаго общества“ [1]). Мысль Гая была принята въ сеймѣ, при чемъ банъ баронъ Влашичъ и епископъ Александръ Алаговичъ заявили, что они готовы принять на себя покрови-

тельство этому обществу [2]). Это былъ важный шагъ, удачно сдѣланный Иллирами и имѣвшій большія послѣдствія для развитія ихъ дѣятельности. Въ 1837 г. Метеллъ Ожеговичъ составилъ записку, въ которой объяснялись задачи „общества друзей иллирской литературы“ и польза его учрежденія для подъема народнаго благосостоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ документѣ, приготовленномъ для представленія высшей власти, объяснялось значеніе Иллиризма. Въ меморандумѣ говорилось, что именованіе *иллирскій*, употребленное Наполеономъ для названія провинціи изъ южныхъ австрійскихъ областей, населенныхъ по преимуществу Славянами, обычно и въ самой Австріи, гдѣ оно прилагалось къ Сербамъ. Языкъ для этихъ странъ долженъ быть принятъ одинъ общій, а народное нарѣчіе Хорватовъ должно остаться только для мѣстныхъ потребностей. Задача такого общества, по объясненію Ожеговича, — выработать этотъ общій языкъ литературы для четырехъ милліоновъ южныхъ Славянъ, говорящихъ на различныхъ нарѣчіяхъ [3]). Но правительство долго не давало разрѣшенія на учрежденіе подобнаго общества. Ожеговичъ въ своей запискѣ упоминалъ о благотворномъ вліяніи на развитіе мадьярскаго народа, оказанномъ учрежденіями подобнаго рода въ Венгріи, но, быть можетъ, именно это сравненіе и было причиною, что не послѣдовало утвержденіе того пункта постановленій хорватскаго сейма, въ которомъ говорилось объ учрежденіи этого общества въ Загребѣ. Хорватскому сейму пришлось еще разъ повторить это свое постановленіе въ 1839 г. и впослѣдствіи неразъ возвращаться къ вопросу объ учрежденіи „иллирскаго ученаго общества“.

Гай надѣялся было, что будущее „ученое общество“ возьметъ на себя изданіе основанной имъ газеты: Ilirske Narodne Novine и учредитъ иллирскую типографію [4]). Видя, что дѣло замедляется, Гай рѣшилъ испросить разрѣшеніе императора на учрежденіе типографіи, которой онъ далъ названіе *Народной* (Narodna Tiskarna). Это облегчило Гаю изданіе газеты и литературнаго къ ней прибавленія, и Ilirske Novine съ 1838 г. стали выходить на большихъ листахъ дважды въ не-

дѣлю, какъ этого желалъ Шафарикъ [5]). Основаніе „иллирской“ типографіи имѣло свое значеніе и вообще для развитія издательской дѣятельности Иллировъ, и съ той поры стали выходить въ Загребѣ книги „иллирской“ орѳографіей.

Въ ожиданіи утвержденія „ученаго общества“, Иллиры, при содѣйствіи Янка Драшковича, основали въ Загребѣ: „Иллирскую читальню“. Это было въ 1838 г. Изъ этой читальни развились всѣ другія народныя „иллирскія“ учрежденія у Хорватовъ, содѣйствовавшія ихъ возрожденію и укрѣпленію независимости ихъ страны.

Мы уже выше говорили о началѣ патріотической дѣятельности графа Драшковича. Графъ Янко играетъ весьма важную роль въ исторіи Иллиризма, и Хорваты отводятъ ему мѣсто рядомъ съ Гаемъ. Въ то время, когда Гай являлся человѣкомъ иниціативы и распространителемъ мысли о народномъ самосознаніи и единствѣ Юго-славянъ, графъ Драшковичъ, уже въ ту пору старый человѣкъ (ему было 65 лѣтъ въ годъ основанія *Даницы* и *Новинъ*), принимаетъ самое живое участіе во всемъ, что замышляли Иллиры на пользу народа. Какъ членъ высшаго дворянства, онъ собиралъ у себя представителей хорватской аристократіи и знакомилъ ихъ съ молодыми иллирскими дѣятелями, не боясь обвиненій въ демократизмѣ и либерализмѣ. На вечерахъ, которые онъ у себя устраивалъ, господствовалъ „иллирскій“ языкъ, и хорватскія аристократки исполняли по иллирски различныя пѣсни, даже аріи итальянскихъ оперъ по текстамъ, переведеннымъ для этой цѣли молодыми иллирскими поэтами [6]). Исполнялись также пѣсни и на другихъ славянскихъ языкахъ, напр. чешскомъ, и композиціи мѣстныхъ хорватскихъ музыкантовъ. Все это было новинкою и представлялось даже опаснымъ нововведеніемъ. Можно сказать, что графъ Янко Драшковичъ ввелъ „иллирскій языкъ“ въ круги высшаго хорватскаго общества и далъ ему тамъ подобающее мѣсто.

Драшковичъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній въ *Даницѣ*. Не отличаясь искусствомъ и поэтическою образностью, все же эти стихотворенія Драшковича принадлежатъ безспор-

но къ числу лучшихъ патріотическихъ произведеній перваго времени Иллиризма. Въ небольшомъ стихотвореніи Poskočnica онъ побуждаетъ всѣхъ Иллировъ къ единенію и согласію въ одномъ хороводѣ, который водятъ въ Хорватіи, а пляшутъ во всей Илиріи [7]). Въ стихотвореніи: Pešma domorodca Драшковичъ воспѣваетъ отечество и любовь къ соотечественникамъ и требуетъ искренняго чувства любви къ отечеству. „Хорваты, Славонцы—всѣ братья,—вы дѣти одной матери,—Боснія и Далматія—прекрасныя страны, это прекрасный рай для патріотовъ. Вы — Сербы и дорогіе Краинцы, славные народы славянской крови,—ваши предки были братья, они вамъ дали одинъ языкъ" [8]). Стихотвореніе: Napitnica ilirskog domorodca восхваляетъ патріотовъ и призываетъ проклятіе на голову измѣнниковъ. Какъ старый воинъ, Драшковичъ требуетъ геройства отъ патріотовъ. „Каждый юнакъ, погибшій за правое дѣло, подобенъ сѣмени, которое посѣяли. Смерть юнацкая всегда даетъ плодъ, не уничтожаетъ, а рождаетъ борцовъ. Пусть погибнетъ наше поколѣніе на славу и честь отечества!" восклицаетъ онъ [9]). Въ стихотвореніи: Mladeži ilirskoj Драшковичъ, подписавшійся подъ нимъ: „депутатъ королевства Хорватіи, Славоніи и Далматіи въ угорскомъ сеймѣ", призываетъ молодое поколѣніе ради защиты отечества принимать участіе въ литературѣ и научиться владѣть боевымъ мечемъ, избѣгать раздоровъ, вводить всюду отечественный языкъ, быть вѣрными королю, любить всѣхъ братьевъ безъ различія народности и вѣроисповѣданія, описываетъ предѣлы „Великой Илиріи" и даетъ совѣтъ быть терпѣливыми, надѣясь на скорое достиженіе цѣли [10]). Всѣ эти стихотворенія Драшковича, хотя они лишены художественнаго значенія, были весьма популярны, какъ и вся его дѣятельность. Въ стихотвореніи „Отзывъ Димитрію Деметру" по поводу одного стихотворенія Деметра, написаннаго по случаю провозглашенія перваго „устава" въ Сербіи 11 февр. 1839 г., въ которомъ онъ восхищается воскрешеніемъ Сербскаго государства и обѣщаетъ блестящее будущее союзу Сербовъ и Хорватовъ, Драш-

ковичъ воспѣваетъ единеніе и братство этихъ двухъ родственныхъ народностей [11]).

Какъ высоко цѣнилась и уважалась Иллирами дѣятельность Драшковича, можно видѣть изъ того, что въ день его семидесятилѣтія Штоосъ, Деметеръ и Иванъ Мажураничъ посвятили ему стихотворенія, въ которыхъ восхваляютъ его „сильное, мудрое слово" и приписываютъ ему славу посѣявшаго первое зерно возрожденія Иллиріи [12]).

Графъ Янко Драшковичъ являлся какъ бы патріархомъ среди молодыхъ Иллировъ и въ обращеніи и сношеніяхъ онъ ихъ называлъ: „ты, мой сынъ", на что́ имѣлъ права старости и авторитета. Послѣ участія въ качествѣ хорватскаго представителя въ парламентѣ 1832 — 1836 г., Драшковичъ больше не хотѣлъ принять на себя званіе депутата, ссылаясь на старые годы, но онъ не переставалъ слѣдить за всѣмъ, что происходило въ Хорватіи и Венгріи, направлять дѣятельность хорватскихъ депутатовъ и указывать имъ пути дѣйствія. Онъ требовалъ отъ хорватскихъ патріотовъ энергической и настойчивой борьбы за права народа и его языка и самъ выступалъ, какъ политическій вождь, тамъ, гдѣ Хорваты должны были бороться противъ Мадьярскихъ притязаній навязать имъ языкъ въ учрежденія и школы и не имѣли иного способа дѣйствій, какъ обращеніе къ власти императора. Графъ Янко Драшковичъ былъ искренно преданъ австрійскому императору и правительству и имѣлъ доступъ въ высшія вѣнскія сферы. Онъ не понималъ внутренняго противорѣчія въ самомъ строѣ политической жизни Австріи, въ которой все дробилось и тогда уже на партіи, и само правительство содѣйствовало такому дробленію. Въ 1844 году онъ писалъ Метеллу Ожеговичу: „удивительное положеніе! Король говоритъ одно, министры—другое, палатинъ—опять иное, а придворная канцелярія — тоже иное" [13]). Ему была непонятна политика изворотовъ и въ этомъ, можетъ быть, и заключалась слабая сторона его дѣятельности на пользу хорватскаго народа. Въ послѣдствіи онъ горько жаловался на результаты движенія 1848—1849 г. Правительство Баха, желавшее воспользовать-

ся Иллиризмомъ для своихъ цѣлей, дало графу Драшковичу особенно почетный въ Австріи чинъ тайнаго совѣтника, но онъ уже не могъ, да и не хотѣлъ дѣйствовать. Подъ конецъ жизни имущественныя дѣла графа Янка Драшковича окончательно разстроились. Онъ скончался въ Радгонѣ въ Штиріи 14 января 1856 г. [14]).

14 іюля 1838 г. собрались иллирскіе патріоты, чтобы посовѣтоваться на счетъ учрежденія *читальни*, для котораго не требовалось разрѣшенія императора или высшаго правительства. Графъ Драшковичъ привѣтствовалъ собравшихся рѣчью о необходимости основательно изучать свой языкъ, переводить и издавать на немъ полезныя книги и позаботиться о развитіи и улучшеніи торговли и сельскаго хозяйства. Онъ грозилъ гибелью народу, если образованные Хорваты не будутъ заботиться о своей народности и просвѣщеніи массы [15]). Такъ возникла „Иллирская читальня", о которой Колларъ говоритъ съ такимъ восторгомъ въ описаніи своего путешествія. Засѣданія общества *читальни* должны были происходить въ присутствіи депутата отъ городскаго управленія Загреба, но такимъ былъ назначенъ городской судья Іосифъ Штайдахеръ, сочувствовавшій Иллиризму. Въ началѣ 1839 г. (24 января) собраніе членовъ читальни объявило три преміи: одну за лучшую работу объ улучшеніи въ Хорватіи суконнаго и кожевеннаго производства, другую за сочиненіе о выдѣлкѣ бумаги, третью—за книгу, содержащую наставленія по сельскому хозяйству и удобную для сельскихъ училищъ. Это было начало издательской дѣятельности загребскихъ Иллировъ.

Иллирская читальня почти съ самаго начала своего существованія становится славянскою въ широкомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь стали получаться газеты и журналы на различныхъ славянскихъ языкахъ, которые тогда прилежно изучались въ Загребѣ, — здѣсь же собирались и договаривались Иллиры о способахъ борьбы съ мадьярскими претензіями. Подъ кровомъ читальни развились и другія патріотическія учрежденія, имѣвшія цѣлью содѣйствовать возрожденію хорватскаго народа. Весною того же года (7 марта) члены чи-

тальни постановили, чтобы при этомъ обществѣ, цѣль котораго доставить Иллирамъ, живущимъ въ Загребѣ, возможность читать газеты и книги, было основано другое общество подъ именемъ *Матицы Иллирской* на подобіе подобныхъ обществъ, чешскаго и сербскаго, существующихъ въ Прагѣ и Пештѣ. Но учрежденіе подобнаго общества требовало императорскаго разрѣшенія. Это новое общество должно было явиться охранителемъ всѣхъ другихъ обществъ литературныхъ и учено-издательскихъ, которыя могли возникнуть въ Хорватіи. Что касается читаленъ, то вскорѣ, послѣ открытія загребской, возникли онѣ и въ другихъ городахъ, Карловцѣ и Вараждинѣ.—Тогда же были выработаны общія правила устава иллирской матицы, подобныя тѣмъ, какія существовали въ сербской и чешской матицахъ. Въ этихъ правилахъ для нея, между прочимъ, постановлялось, что общество будетъ заботиться о газетѣ и журналѣ, основанныхъ Гаемъ, и объ иллирской типографіи, а также постарается собрать средства для постройки особаго зданія, въ которомъ помѣстятся музей и народная библіотека.

Во всѣхъ этихъ планахъ нельзя не видѣть прямаго вліянія и участія Гая, собиравшаго еще въ Градцѣ и Пештѣ уставы учрежденій подобнаго рода. Составлено было прошеніе къ императору, подписанное болѣе извѣстными патріотами, объ учрежденіи „иллирской Матицы", или „Общества иллирскаго языка и словесности". Это прошеніе было передано Гаю, который готовился къ поѣздкѣ въ Вѣну и долженъ былъ представить его прямо императору Фердинанду. Неизвѣстно однако было ли это тогда же исполнено Гаемъ и передано по назначенію. Но съ этой поры въ Хорватіи начинаются сборы добровольныхъ пожертвованій на учрежденіе различныхъ обществъ: сельско-хозяйственнаго музея, библіотеки, матицы, на народный театръ, на постройку Народнаго дома, на пароходное общество по Савѣ и т. д. Такъ какъ утвержденіе „ученаго общества", о которомъ хлопотали Иллиры все не получалось, а между тѣмъ требовалось болѣе энергически приступить къ изданіямъ различныхъ книгъ, то пришли къ мысли назвать

Иллирской Матицею особый издательскій фондъ и передать руководство имъ управленію общества читальни. Въ этомъ смыслѣ и сдѣлано было предложеніе предсѣдателемъ *читальни* графомъ Драшковичемъ въ засѣданіи 10 февраля 1842 г. [16]).

Но прежде, чѣмъ развила свою дѣятельность *матица*, которая вмѣстѣ съ *читальней*, по замыслу иллирскихъ дѣятелей, должна была служить центромъ всей литературной и общественной жизни въ Загребѣ, въ Хорватіи стали возникать различныя общества среди патріотической молодежи. Особенно яркимъ примѣромъ этого можетъ служить общество молодыхъ клириковъ въ Загребской духовной семинаріи.

Выше уже было говорено, что Загребская семинарія дала немало патріотически настроенныхъ хорватскихъ писателей до-гаевскаго періода литературы. Штоосъ въ началѣ 30-хъ годовъ, будучи еще клирикомъ, хотѣлъ создать общество молодыхъ людей, которое ставило своей цѣлью разработку роднаго языка. Преподаваніе въ семинаріи шло на латинскомъ языкѣ и между профессорами было немало противниковъ начинающаго пробуждаться хорватизма. Въ 1835 году одинъ изъ семинаристовъ, посланный для окончанія богословскихъ наукъ въ Пештъ, Степанъ Млинаричъ, познакомился съ Колларомъ и, подъ его вліяніемъ, сообщилъ своимъ товарищамъ въ Загребѣ о пользѣ устройства такого общества, какое имѣютъ уже Словаки-ученики въ Пожунѣ. Во главѣ семинаристовъ-патріотовъ въ Загребѣ стали: Яковъ Петекъ [17]), Миковичъ и Фиргольцеръ. Добывъ отъ Млинарича правила подобныхъ обществъ молодежи, существовавшихъ въ Пештѣ и Вѣнѣ, молодые люди выработали уставъ своего общества и просили семинарскія власти разрѣшить имъ его учрежденіе. Разрѣшеніе было дано, хотя и условно. Рѣчи, произносимыя на собраніяхъ этого общества, носили восторженный характеръ. Колларъ и его Dcera Slavy были уже хорошо извѣстны. Въ рѣчахъ молодыхъ патріотовъ говорилось о „стародавней славяно-иллирской крови“ и задачей ставилось просвѣщеніе отечества, а средство къ этому — обработка народнаго языка. Кромѣ этой главной цѣли, для чего

председатель общества обязывался преподавать своимъ товарищамъ иллирскую грамматику по статьямъ Бабукича, выходившимъ въ это время въ *Даницѣ*, предполагалось еще изученіе исторіи Иллировъ и изученіе русскаго, чешскаго и польскаго языка [18]). Члены общества обязывались, между-прочимъ, собирать народныя пѣсни и записывать различныя реченія и слова, употребляемыя народомъ. Они должны были, по правиламъ общества, всегда и всюду говорить на родномъ языкѣ,—по иллирски. Все это имѣетъ особенно важное значеніе, если принять во вниманіе, что языкъ мѣстнаго населенія былъ кайкавскій, иной, чѣмъ языкъ новой иллирской словесности, и что въ высшемъ духовенствѣ было еще немало такихъ, которые сочувствовали Кристіановичу въ его защитѣ кайкавщины и были рѣшительными противниками начавшагося движенія.

Молва о новомъ обществѣ молодежи быстро распространилась и вскорѣ къ семинаристамъ-патріотамъ отозвались — Колларъ, приславшій свои книги, и даже ожесточенный противникъ „имени иллирскаго“ Павловичъ, приславшій изданія Сербской Матицы. Большинство полученныхъ изъ Пешта чрезъ Млинарича книгъ были кирилловской печати. Члены „общества духовной молодежи“ поспѣшили поблагодарить Коллара и другихъ за подарокъ. Изъ письма къ Коллару видно, что его значеніе было уже хорошо извѣстно въ Загребѣ. Въ то же время завязываются связи между этимъ обществомъ и Словацкимъ въ Пожунѣ. Уже въ первомъ письмѣ Словацкаго общества, подписанномъ Людев. Штуромъ, опредѣляется единство интересовъ, связывающихъ Хорватовъ и Словаковъ, — именно борьба съ мадьярствомъ. Эта духовная католическая молодежь, будущіе патеры, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Словакамъ, заявляетъ, что различіе вѣроисповѣданій не должно вести къ разъединенію Славянъ. Если принять во вниманіе время и положеніе молодыхъ клириковъ, то такія ихъ заявленія имѣютъ особенно важное значеніе и весьма характеристичны. Клирики старательно занимаются Славянскими языками: въ 1837 г. между семинаристами оказал-

ся одинъ, хорошо знающій по чешски, который сталъ учить товарищей чешскому языку.

Молодое общество быстро росло и развивалось. Хотя оно ничего не печатало и не издавало, но слухи о немъ вызвали даже изъ другихъ мѣстностей Хорватіи заявленія о принятіи въ члены общества. Однако въ іюнѣ 1839 г. это общество по распоряженію властей было закрыто. Причиною закрытія оказалось отчасти посѣщеніе общества Гаемъ 12 апрѣля 1839 г. Какъ въ ту пору смотрѣли на Гая, достаточно сказать, что молодые клирики встрѣтили его у воротъ и на рукахъ пронесли по корридорамъ семинаріи. Молодежь обожала Гая. Гай произнесъ горячую рѣчь, въ которой побуждалъ будущихъ священниковъ защищать народныя права и языкъ. Начальство семинаріи опасалось, чтобы подобное настроеніе семинаристовъ не повело къ какимъ либо крайностямъ и потому, воспользовавшись раздорами среди молодежи, запретило общество. Библіотека его была передана семинаристами Бабукичу въ читальню.

Но это запрещеніе однако не прекратило существованія „литературнаго общества" въ Загребской семинаріи, и чрезъ годъ оно вновь воскресло лишь въ нѣсколько измѣненной формѣ. Иллиры были уже столь сильны въ ту пору, что даже начальство духовной семинаріи не рѣшалось явно противодѣйствовать распространенію „иллирскихъ идей" среди клириковъ. Рядомъ съ этимъ обществомъ, хотя недозволеннымъ, но терпимымъ, существовало въ семинаріи другое дозволенное,—общество пѣнія, принявшее названіе: „Складногласіе". Во главѣ литературнаго отдѣла одно время стоялъ Францъ Шимаговичъ, горячій поборникъ мысли о литературной взаимности Славянъ, согласно ученію Коллара, въ свое время пользовавшійся славою хорошаго патріотическаго поэта [19]).

Существованіе подобнаго общества въ католической духовной семинаріи и его вліяніе не только на учившуюся въ ней молодежь, но и на другія семинаріи даетъ объясненіе того широкаго участія католическаго духовенства, которое оно приняло во всѣхъ событіяхъ, порожденныхъ иллирскимъ движе-

ніемъ. Гай впослѣдствіи называлъ Загребскихъ семинаристовъ „своимъ войскомъ“ [20]). Въ виду этого вкратцѣ сообщимъ здѣсь свѣдѣнія о характерѣ дѣятельности этого общества „духовной молодежи“.

Семинаристы имѣли право по временамъ устраивать спектакли, которые посѣщались нерѣдко видными лицами какъ духовными, такъ и свѣтскими. При образованіи пѣвческаго общества явилась возможность устраивать въ семинаріи также концерты, а общество любителей литературы, примкнувшее къ разрѣшенному обществу „Складногласія“, устраивало вечера съ декламаціей. Семинаристы постоянно поддерживали связи съ Гаемъ, Бабукичемъ, Вразомъ, Раковцемъ и другими видными литературными дѣятелями, и нѣкоторые изъ ихъ стихотвореній появлялись въ *Даницѣ*. Гай пользовался такимъ общимъ обожаніемъ молодежи, что годовщину дня, когда онъ въ 1839 г. посѣтилъ семинарію, клирики рѣшили отпраздновать въ 1840 г. вечеромъ, на которомъ декламировались не только иллирскія стихотворенія, написанныя къ этому дню, но и на чешскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ. Точно тоже повторилось и на собраніи 15 іюня, въ Видовъ день, въ воспоминаніе Косовской битвы 1389 г., когда погибло „Иллирское царство“. Общество клириковъ выписывало различныя чешскія, польскія и русскія книги: Slavy dcera Коллара — составляла любимое чтеніе. Чешскій журналъ Květy, бѣлградскія „Српске Новине“, добываемая тайкомъ варшавская „Денница“ Дубровскаго и Jahrbücher Іордана — выписывались этимъ кружкомъ и усердно читались. Въ 1841 г. клирики собрали между собою по крейцерамъ 20 гульденовъ на покупку сочиненій Пушкина, изъ котораго они произносили весьма многія стихотворенія на торжественныхъ собраніяхъ, на которыхъ иногда присутствовалъ епископъ Гавликъ и многія видныя лица города. Такъ, на одномъ изъ такихъ вечеровъ въ 1846 г. семинаристы декламировали по русски: „Клеветникамъ Россіи“ — Пушкина, по чешски: Slovan — Коллара, по польски: List — Нѣмцевича. Имѣли свою важность также издательскіе замыслы общества семинаристовъ. Гай и Бабукичъ обращались къ нимъ

съ просьбами о переводѣ различныхъ книгъ. Общество не имѣло достаточно средствъ на изданія, но все же въ 1846 году издало для народа переводный разсказъ Шмидта: Genoveva [21]). Поддерживая связи съ бывшими семинаристами, которые стали уже приходскими священниками, члены этого общества напоминали имъ о важности собиранія народныхъ пѣсенъ и изученія народнаго быта и обычаевъ. Въ то же время семинаристы постоянно слѣдили за развитіемъ дѣятельности у Словаковъ и Чеховъ. Особенно дружественны были сношенія со словацкимъ патріотическимъ обществомъ въ Пожунѣ, чтó было отчасти причиною быстраго распространенія знанія чешскаго языка въ Хорватіи. — Нѣкоторые семинаристы предпринимали путешествія по другимъ областямъ „Великой Илліріи" и завязывали связи съ Сербами. Такъ, семинаристы Павелъ Чавловичъ, помѣщавшій въ *Даницѣ* въ 1841 г. стихотворенія и письма изъ Приморья и Вараждина [22]), и Иванъ Машекъ ѣздили во время каникулъ въ Сербію. Въ Бѣлградѣ они познакомились съ нѣкоторыми вліятельными тамъ въ ту пору людьми. Стоянъ Симичъ передалъ имъ для загребскаго общества клириковъ изданіе Досиѳея Обрадовича, Паунъ Янковичъ обѣщалъ посылать безплатно „Сербскія Новины" и „Подунавку," Вукайловичъ подарилъ также нѣсколько сербскихъ книгъ и т. д. Клирики отвѣтили Симичу не только письмомъ, но и стихотвореніемъ, которое они напечатали кириллицею.

Завязались связи и со Словенцами. Въ 1838 г. объ этомъ обществѣ зналъ Антонъ Сломшекъ, извѣстный словенскій писатель и дѣятель, впослѣдствіи бывшій епископомъ въ Мариборѣ. Онъ посѣтилъ молодыхъ клириковъ и вспомнилъ о нихъ въ 1846 г., прислалъ нѣсколько своихъ сочиненій. Существовала переписка между загребскимъ обществомъ духовной молодежи и подобнымъ же въ Люблянѣ [23]).

По примѣру загребскихъ семинаристовъ возникли такія же общества и въ другихъ хорватскихъ семинаріяхъ, въ Дьяковѣ и Сеньѣ, и всѣ они ведутъ между собою переписку, въ которой идетъ рѣчь не только о положеніи Хорватовъ, но и другихъ

иллировъ, даже о Болгарахъ. Когда возникли въ Лейпцигѣ и Смирнѣ Болгарскія газеты, загребскіе семинаристы сообщаютъ объ этомъ дьяковскимъ: „эти изданія—средство, пишутъ они, коимъ разбиваются желѣзные оковы и облегчается тяжелое иго. Да благословитъ ихъ Богъ, да поможетъ имъ юнацкое счастіе“. Особенно заботливо относятся будущіе священники къ судьбѣ Босніи и Герцеговины. Какъ извѣстно, и впослѣствіи католическое хорватское духовенство принимало живѣйшее участіе во всемъ, что касается этихъ областей. Въ концѣ 1847 г. клирики загребской и сеньской семинарій стали побуждать задрскихъ семинаристовъ устроить у себя подобное же общество.—Ставшіе уже священниками семинаристы содѣйствуютъ учрежденію читаленъ и патріотическихъ обществъ въ различныхъ небольшихъ городахъ Хорватіи и Славоніи, напр. подъ вліяніемъ Цетка, бывшаго предсѣдателемъ общества семинаристовъ, основано было одно изъ иллирскихъ обществъ въ Осѣкѣ.—Даже въ бурныхъ столкновеніяхъ между Иллирами и мадьяронами въ Загребѣ семинаристы принимали участіе. Мадьярская партія особенно сильно жаловалась на духовенство, обвиняя его въ Иллиризмѣ и патріотической агитаціи, результатомъ которой возникло озлобленіе Хорватовъ противъ Мадьяръ. Во время столкновенія партій въ Загребѣ въ 1842 году Туропольцы рѣшили напасть на семинарію и перебить клириковъ. 9 Декабря 1843 г. семинаристовъ пригласили къ участію въ борьбѣ съ Мадьярами видные иллирскіе дѣятели графъ Альбертъ Нуджентъ и Богуславъ Шулекъ. Они образовали цѣлый отрядъ, который присоединился къ Иллирамъ, но ихъ удержалъ отъ участія въ столкновеніи графъ Драшковичъ, вернувшій ихъ въ семинарію.

Такимъ образомъ, хорватское духовенство воспитывалось въ это время въ крайне патріотическомъ духѣ. Уже школа давала ему то направленіе, вслѣдствіе котораго оно являлось по преимуществу иллирскимъ. Всѣ же лучшіе ученики семинаріи, которыхъ посылали получать высшее богословское образованіе въ Пештѣ, еще болѣе настраивались патріотически, подъ вліяніемъ Мадьяръ, шовинизмъ которыхъ дохо-

дилъ въ ту пору до крайнихъ предѣловъ. При томъ, сношенія со словацкими патріотами могли въ нихъ только усиливать тотъ „иллирскій духъ", которымъ они проникались у себя на родинѣ, благодаря патріотическому движенію Иллиризма. Нападки и жалобы Мадьяръ на католическое духовенство въ Хорватіи были поэтому весьма основательны, ибо въ рядахъ духовенства стояли самые дѣятельные проповѣдники Иллиризма и борцы за сохраненіе народности и языка, когда идея единенія всего Славянства нашла практическое примѣненіе и спасла одинъ изъ славянскихъ народовъ въ критическое время его жизни. Строгая католическая школа оказалась слабою предъ силою идеи народности, и впослѣдствіи въ хорватскомъ духовенствѣ явилось стремленіе и къ измѣненіямъ и улучшеніямъ въ строѣ католической церкви, но оно было задавлено во время реакціи, наступившей послѣ 1849 года.

Возвратимся къ очерку дѣятельности „Иллирской читальни". Подъ ея защитою развились почти всѣ учрежденія того времени, имѣвшія патріотическія и народныя задачи. Такъ возникли Иллирскій театръ и Сельско-хозяйственное общество. Въ Загребѣ существовалъ нѣмецкій театръ, на представленіяхъ котораго допускались тогда декламаціи по хорватски и хорватскія пѣсни. Эти прибавленія привлекали публику. Въ планы Иллировъ входило воспользоваться театромъ и вообще увеселительными вечерами для лучшаго распространенія иллирскаго языка и воспитанія общества въ національномъ духѣ. Имъ удалось устроить еще весною 1838 г. публичное музыкальное собраніе съ пѣніемъ и декламаціей по иллирски [24]). Любители декламировали нѣкоторыя стихотворенія, напечатанныя въ *Даницѣ*, между прочимъ „Вѣка Иллиріи" Ивана Мажуранича, и исполнили нѣсколько пѣсенъ и отрывокъ изъ оперы „Велисарій" въ переводѣ того же Мажуранича. Но не было еще самостоятельныхъ драматическихъ произведеній, особенно патріотическаго характера. Первою изъ такихъ піесъ была драма Кукулевича: Juran i Sofia или „Турки подъ Сискомъ", сюжетъ которой взятъ изъ хор-

ватской исторіи около половины XVI в., когда банъ Эрдёди одержалъ подъ Сискомъ славную побѣду надъ боснійскимъ пашею Гасаномъ. Кукулевичъ написалъ эту драму еще въ 1837 году сначала по нѣмецки, затѣмъ перевелъ на иллирскій языкъ, а исправилъ ее Бабукичъ. Уже въ концѣ 1838 г. въ *Даницѣ* появились ея отрывки [25]). Нѣсколько ранѣе ея появленія вышелъ первый томъ драматическихъ произведеній Деметра, заключавшій въ себѣ двѣ драмы: Ljubav i dužnost и Kàrvna osveta, написанныя въ подражаніе „Зориславѣ“ Глегевича и „Сунчаницѣ“ Ивана Шишка Гундулича [26]). Эти три произведенія положили основаніе новой хорватской драмы. Въ 1839 г. любители представили въ Сискѣ драму Кукулевича, произведшую необычайное впечатлѣніе [27]). Въ концѣ 1839 г. директоръ загребскаго театра Генрихъ Бернштейнъ, чехъ по народности, напечаталъ въ *Даницѣ* статью, въ которой, указывая на значеніе театра, какъ школы патріотизма и образованія, выразилъ мысль о необходимости давать представленія въ Загребѣ по иллирски [28]). Онъ тутъ сообщалъ, какъ возникли чешскія представленія въ Прагѣ и Бѐрнѣ, и выразилъ полную увѣренность, что въ Загребѣ возможно было бы давать иллирскія представленія, ибо въ составѣ труппы были Чехи и Поляки, которымъ было бы нетрудно овладѣть иллирскимъ языкомъ. Въ подкрѣпленіе указаній Бернштейна Гай напечаталъ статью, въ которой сравнивались нѣмецкій и мадьярскій театры въ Пештѣ; хотя мадьярскій театръ гораздо хуже нѣмецкаго, все же Мадьяре посѣщаютъ только мадьярскіе спектакли, — отсюда слѣдовало, что представленія на языкѣ населенія могутъ принести лишь выгоды дирекціи театра [29]).

Мысль Бернштейна принята была съ большимъ сочувствіемъ иллирскими патріотами и вскорѣ начались сборы пожертвованій на устройство спектаклей на иллирскомъ языкѣ. Однимъ изъ значительныхъ вкладчиковъ на эту цѣль былъ епископъ Гавликъ. Общество читальни взяло на себя обязанность позаботиться о началѣ иллирскихъ представленій. Въ январѣ 1840 года на собраніи членовъ этого общества

предсѣдатель графъ Драшковичъ объявилъ, что подписка дала уже 2000 гульденовъ, и было постановлено пригласить въ Загребъ на рядъ спектаклей новосадскую труппу актеровъ. Задачу эту взялъ на себя Деметеръ [30]). Спектакли этого общества начались 10 іюля 1840 года и открылись драмою: Juran i Sofia. Представленію предшествовала декламація пролога, написаннаго Иваномъ Мажураничемъ. „Изъ нижнихъ странъ нашего отечества мы прибыли сюда попытаться сдѣлать то, чего еще никто здѣсь не пытался", такъ начинается этотъ прологъ, въ которомъ проводилась мысль о любви къ народу, и общество призывалось хранить доброе зерно народнаго искусства и беречь его ростъ [31]). Представленіе было принято восторженно. Въ самой драмѣ проводилась патріотическая мысль, выраженная устами бана Ѳомы Эрдеди, выведеннаго на сцену: „слава, честь, судъ потомства и отечество", и патріотически возбужденные зрители съ восторгомъ привѣтствовали актеровъ. Было дано 20 спектаклей, состоявшихъ по преимуществу изъ сербскихъ піесъ Іована Стеріи Поповича, Вуича, Витковича и нѣкоторыхъ хорватскихъ. Театръ былъ всякій разъ полонъ, когда шли представленія на иллирскомъ языкѣ. Такимъ образомъ театръ сталъ въ рукахъ вождей Иллиризма проводникомъ ихъ патріотическихъ тенденцій.

На ближайшемъ собраніи общества *читальни* графъ Драшковичъ указалъ на примѣръ Мадьяръ, которые „свой отечественный языкъ, перенесши его, какъ иностранное растеніе, изъ азіатскихъ странъ въ европейскія, хранятъ и развиваютъ", и потому не допускалъ мысли, чтобы „европейцы Славяне", находясь у себя дома на своей прародинѣ, могли допустить гибель своего языка. Внесено было вслѣдъ затѣмъ предложеніе Ивана Мажуранича объ устройствѣ на пять лѣтъ постоянныхъ спектаклей по два раза въ мѣсяцъ въ теченіе зимы, для чего нужно было, чтобы патріоты, внося по 6 гульденовъ въ годъ, собрали три тысячи гульденовъ, и труппа сверхъ того могла давать представленія по важнѣйшимъ городамъ Хорватіи и Славоніи [32]). Труппа въ

этотъ разъ посѣтила Карловацъ и Сисакъ. И критикомъ, и покровителемъ иллирскаго театра былъ Деметеръ, жертвовавшій на эту патріотическую цѣль свои средства, такъ какъ хотя хорватскій сеймъ, засѣдавшій въ августѣ 1840 г., одобрилъ сборъ добровольныхъ пожертвованій въ пользу иллирскаго театра, но собранныхъ денегъ не хватало [33]). Зимою этого года явилась вновь въ Загребѣ труппа, усилившаяся уже Хорватами и Хорватками.

Съ той поры иллирскія представленія въ различныхъ городахъ Хорватіи давались какъ любителями, такъ и труппами актеровъ, пріѣзжавшими въ Загребъ. Весьма часто объ этихъ представленіяхъ давались подробные отчеты въ *Даницѣ*. Такъ, въ Вараждинѣ 1 мая 1841 г. была представлена переводная піеса: „Бела IV, король угорскій въ Далматіи", а за этимъ спектаклемъ послѣдовалъ и другой, въ Крапинѣ, по случаю пріѣзда Гая въ свой родной городъ, любителями былъ данъ спектакль, въ составъ котораго вошла піеса: Horvatska vĕrnost [34]).

Такъ какъ иллирскихъ піесъ для представленій было въ эту пору весьма мало, то Деметеръ, Вукотиновичъ, Ужаревичъ, Кукулевичъ и др. поспѣшили перевести и передѣлать драмы и комедіи съ другихъ языковъ, особенно съ нѣмецкаго, и по преимуществу произведенія популярнаго Коцебу. Въ 1841 и 1842 годахъ часть этихъ переводовъ была напечатана въ сборникѣ театральныхъ піесъ, изданныхъ Гаемъ [35]).

Въ 1842 г. въ Бѣлградѣ образовалось театральное общество, начавшее давать тамъ представленія. Оно пригласило пріѣхать въ Сербію загребскую труппу, и въ *Даницѣ* воздается хвала сербскому правительству, которое своимъ приглашеніемъ какъ бы подтверждаетъ ученіе Иллировъ, что „Сербъ и Хорватъ — сыны одной матери Илліріи".

Хорватская опера возникла позже. Первое представленіе оперы симпатичнаго хорватскаго композитора Лисинскаго: Ljubav i zloba состоялось 28 марта 1846 г. [36]). Но Гай съ самаго начала своей дѣятельности задумалъ создать народную иллирскую музыку. Онъ прислушивался къ народнымъ мотивамъ

и, не будучи самъ музыкантомъ, составлялъ напѣвы на основаніи ихъ для патріотическихъ пѣсенъ. Такъ, онъ составилъ напѣвъ для пѣсни Людевита Вукотиновича: Nek se hrušti šaka mala, впослѣдствіи ставшей боевою пѣснью иллирскихъ патріотовъ [37]). Гай всячески старался ввести народные мотивы и пѣсни въ концерты. Въ мартѣ 1835 г., по просьбѣ и настояніямъ Гая, графиня Сидонія Эрдеди спѣла въ публичномъ концертѣ одну изъ хорватскихъ пѣсенъ и даже пѣсню Гая: „Еще Хорватія не пропала", что̀ возбудило величайшую сенсацію въ обществѣ, привыкшемъ слышать только нѣмецкія и французскія пѣсни и считавшемъ унизительнымъ для искусства пѣніе по славянски. Съ той поры иллирскія пѣсни часто вводились въ программу концертовъ. Замѣчательнѣйшими музыкальными дѣятелями у Хорватовъ были композиторъ Лисинскій (1819—1854) и пѣвецъ Альбертъ Штрига. Лисинскій получилъ свое образованіе въ Пражской консерваторіи. Его композиціи и нынѣ пользуются большой извѣстностью въ Хорватіи и принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній славянской музыки. — Альбертъ Штрига былъ ближайшимъ другомъ Лисинскаго и однимъ изъ самыхъ энергичныхъ распространителей иллирскихъ пѣсенъ и народной музыки и принималъ самое живое участіе въ устройствѣ всевозможныхъ народныхъ концертовъ. Мысль о созданіи хорватской оперы возникла, благодаря тому, что *Даница* часто сообщала о музыкальныхъ успѣхахъ Глинки въ Россіи и объ его операхъ: „Жизнь за царя" и „Русланъ и Людмила" [38]). Лисинскій успѣлъ написать только двѣ оперы: Ljubav i zloba и Porin. Обѣ онѣ по сюжету относятся къ древней хорватской исторіи. Либретто составилъ Деметеръ.

Но иллирскія представленія въ Загребѣ не могли сразу установиться. У хорватскихъ патріотовъ не было достаточно средствъ, чтобы содержать постоянную труппу, а загребская община управлялась мадьяронами, которые не были расположены поддерживать иллирскіе спектакли. Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1842 по 1844, въ Загребѣ не было слышно объ иллирскомъ театрѣ. Весною 1844 г. нѣмецкая труппа для при-

влеченія Хорватовъ въ театръ дала одну хорватскую піесу при нѣмецкой, но актеры, исполнявшіе ее, плохо знали по иллирски [39]). Эти представленія были, конечно, случайны и если имѣли успѣхъ, то потому, что были рѣдки и сопровождались воззваніями къ патріотизму. Мирко Боговичъ еще въ 1845 г. въ *Даницѣ* объяснялъ значеніе театра для объединенія иллирскихъ народностей и призывалъ писателей создавать театральныя піесы народнаго и патріотическаго характера и къ пожертвованіямъ для образованія капитала на содержаніе иллирскаго театра [40]). Danica и Narodne Novine отмѣчали театральныя представленія въ различныхъ мѣстахъ Иллиріи. Въ нихъ помѣщались обширные отчеты о „славянскихъ балахъ“ въ Вѣнѣ, Парижѣ, Грацѣ и т. д., гдѣ Славяне являлись со своею пѣснью и своими народными плясками; эти балы посѣщались даже дипломатами и высшими лицами австрійскаго правительства. — Однако театральныя иллирскія представленія распространялись повсюду въ Хорватіи и Далматіи. Такъ, въ маѣ 1844 г. была представлена въ Сеньѣ ставшая популярною драма Кукулевича: Juran i Sofia, и въ *Даницѣ* сообщается, что это было первое въ Сеньѣ иллирское представленіе послѣ 60-лѣтняго перерыва, когда тамъ была поставлена на сцену народная піеса: Sveta Agna, съ характеромъ мистеріи. Въ 1845 году нѣмецкая труппа, вслѣдствіе стараній Деметра, съиграла нѣсколько разъ небольшія хорватскія піесы, но этимъ все и ограничилось. Въ 1846 г. Деметру удалось устроить, чтобы театръ въ Загребѣ былъ отданъ въ управленіе его знакомому, нѣмцу Розеншейну, который питалъ симпатіи къ Хорватамъ. Тогда-то удалось поставить (28 марта 1846 г.) въ первый разъ первую оперу Лисинскаго: „Любовь и злоба“, а весною 1847 г. вновь были возобновлены спектакли исключительно иллирскіе. Въ труппѣ было нѣсколько отличныхъ артистовъ и артистокъ, о которыхъ современная критика нѣмецкихъ изданій въ Загребѣ отзывалась даже восторженно. Между артистками было уже нѣсколько Хорватокъ. 29 апрѣля этого года былъ данъ первый хорватскій спектакль, закончившійся живою картиною: „Осво-

божденіе Хорватовъ отъ франкскаго ига". Послѣ этого спектакля директоръ труппы Розеншейнъ обратился съ характерною рѣчью къ публикѣ на *нѣмецкомъ* языкѣ. Онъ заявлялъ, что онъ рѣшился положить начало постояннымъ спектаклямъ на народномъ хорватскомъ языкѣ. „Наступило время процвѣтанія искусства, науки, языка", говорилъ онъ и призывалъ общество къ поддержкѣ національнаго театра [41]). Изданія Гая приглашали собирать пожертвованія повсюду для содержанія большой труппы, которая могла бы исполнять лучшія произведенія иллирской драматической литературы. Пожертвованія эти дѣйствительно поступали, но были столь незначительны, что не могли оказать театру существенной поддержки [42]). При томъ публика мало посѣщала театръ: готовились болѣе важныя событія, и общее вниманіе было устремлено на происходящее въ Пожунѣ, гдѣ засѣдалъ угорскій сеймъ, и гдѣ мадьярскія требованія приводили къ полному разрыву между Хорватами и Мадьярами. Гдѣ же причины этого равнодушія къ представленіямъ на народномъ языкѣ, сначала привлекшимъ къ себѣ всеобщее сочувствіе и имѣвшимъ такой успѣхъ въ 1840—1841 гг.? На этотъ вопросъ отвѣчалъ рядомъ статей Адольфъ Ткальчевичъ (Веберъ) [43]), доказывавшій, что воспитаніе въ Хорватіи лишено національныхъ основъ, и что при всемъ блескѣ возрожденія въ Иллиризмѣ нѣтъ еще дѣйствительной и искренней любви къ народному языку и заботы объ его судьбахъ. Онъ пришелъ къ выводу, что Хорваты „еще не дозрѣли до народныхъ представленій" [44]), и въ этомъ видѣлъ причину неуспѣха всѣхъ попытокъ утвердить въ Загребѣ національный театръ.

Впослѣдствіи, въ 1852 г., банъ Елачичъ пробовалъ было упрочить иллирскій театръ и издалъ воззваніе, въ которомъ предлагалось составить на акціяхъ капиталъ во сто тысячъ гульденовъ для устройства постоянныхъ хорватскихъ спектаклей въ Загребѣ, но и этотъ замыслъ не удался. На болѣе твердую почву сталъ хорватскій театръ лишь въ 1861 г., когда хорватскій сеймъ опредѣлилъ постоянную субсидію [45]).

Слѣдуетъ однако замѣтить, что иллирскіе дѣятели вооб-

ще заботились о развитіи искусства и воспитаніи художниковъ. Такъ, въ 1844 г. въ Карловцѣ, а затѣмъ въ Загребѣ выставлялъ свои картины вернувшійся изъ Италіи художникъ Карасъ, родомъ Хорватъ изъ Карловца. Онъ былъ посланъ на средства нѣкоторыхъ патріотовъ учиться живописи во Флоренціи и Римѣ [46]).

Подъ защитою и кровомъ иллирской *читальни* выросло также весьма важное въ исторіи возрожденія Хорватовъ *сельско-хозяйственное* общество. Оно возникло въ 1841 г. и первымъ его предсѣдателемъ былъ епископъ Гавликъ [47]). Уже съ самаго начала существованія читальни Иллирамъ представлялась совершенно ясно задача содѣйствовать экономическому подъему народа. Какъ было сказано, въ одномъ изъ первыхъ общихъ собраній членовъ читальни были объявлены преміи за лучшія сочиненія по вопросамъ промышленнымъ и сельско-хозяйственнымъ. Въ тоже время проводилась мысль о созданіи музея.

Самымъ заслуженнымъ дѣятелемъ въ сельско-хозяйственномъ обществѣ былъ Драгутинъ Раковецъ, одинъ изъ первыхъ столповъ Иллиризма. Онъ родился 1 ноября 1813 года въ Вугровцѣ, гдѣ его отецъ управлялъ епископскимъ имѣніемъ. Осенью 1821 г. онъ поступилъ въ Загребскую семинарію и затѣмъ продолжалъ ученіе въ Вараждинѣ, послѣ чего опять вернулся въ Загребъ, гдѣ прошелъ курсъ юридическаго факультета, и въ 1831 г. поступилъ на службу при судѣ. Въ первое же время послѣ появленія Гая въ Загребѣ онъ сблизился съ нимъ и проникся идеями Иллиризма. Литературная его дѣятельность въ періодъ до начала иллирскихъ изданій была указана уже выше. Въ основаніи *Даницы* и *Новинъ* онъ принималъ самое живое участіе, и *Даница* начинается его пѣснью: Danica (заря), въ которой онъ призываетъ соотечественниковъ къ усердному труду въ пользу народа. „Съ зарею поднимемся и станемъ работать, согласнымъ шагомъ двинемся впередъ, чтобы не погибло для насъ то, что наше отъ старины", говорится въ этомъ стихотвореніи Раковца. — Не чувствуя призванія къ адвокатурѣ, онъ хотѣлъ было за-

нять каѳедру уголовнаго права въ загребскомъ юридическомъ факультетѣ и съ этою цѣлью выдержалъ экзаменъ въ Пештѣ въ 1836 г., но на эту каѳедру былъ назначенъ мадьяринъ Паулеръ. Раковецъ велъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ *Даницу*, усердно помогая Гаю при изданіи газеты. При образованіи сельско-хозяйственнаго общества Раковецъ сталъ секретаремъ и главнымъ его дѣятелемъ. Понимая необходимость органа для распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, онъ основалъ въ 1842 г. ежемѣсячное изданіе подъ именованіемъ: List měsečni horvatsko-slavonskoga gospodarskoga družtva, которое выходило до 1850 г., когда оно преобразовалось въ еженедѣльникъ: Gospodarske Novine. Тогда же было задумано учрежденіе сельско-хозяйственнаго музея. Въ своемъ изданіи Раковецъ знакомилъ сельскихъ хозяевъ со всякаго рода новыми изобрѣтеніями по части хозяйства и вообще давалъ свѣдѣнія какъ практическія, такъ и теоретическія. Сельско-хозяйственное общество имѣло много отдѣленій внутри страны, и Раковецъ усердно хлопоталъ о привлеченіи крестьянъ въ эти общества. Вмѣстѣ съ Клинггрефомъ, пруссакомъ по происхожденію, поселившимся въ Хорватіи, онъ издалъ три выпуска подъ заглавіемъ: Predavanja ze seljaka, популярную и полезную книгу для крестьянскаго хозяйства. Съ 1847 г. онъ издавалъ календарь для народа, подобно тому какъ Блейвейсъ дѣлалъ это въ Люблянѣ для Словенцевъ, но въ 1851 г. онъ принужденъ былъ остановить это послѣднее изданіе.

Если Гай заботился о собраніи книгъ и рукописей, всякаго рода предметовъ археологическихъ и искалъ для покупки этихъ предметовъ средствъ и помощи въ Россіи, напр. у Погодина, то Раковецъ съ первыхъ же годовъ своей дѣятельности въ сельско-хозяйственномъ обществѣ сталъ думать о собраніи предметовъ, нужныхъ для изученія природы страны и ея экономическихъ средствъ. Онъ собиралъ самъ и чрезъ своихъ друзей предметы, которые должны были войти въ музей. Когда въ 1846 г. осуществилась мысль о „Народномъ домѣ", въ которомъ должны были найти помѣщеніе всѣ су-

ществующія патріотическія общества, Раковецъ сталъ хлопотать о перенесеніи всѣхъ этихъ богатствъ въ это зданіе. Нужны были школы и вообще средства на поддержаніе музея. Онъ въ своемъ изданіи обратился къ селянамъ съ воззваніемъ о пожертвованіи по два крейцера и нашелъ достаточный отзывъ съ ихъ стороны. Въ устройствѣ музея принимали большое участіе Міатъ Сабляръ [48]) и Людевитъ Вукотиновичъ.

Но кромѣ этой дѣятельности Раковецъ извѣстенъ, какъ публицистъ и поэтъ. Мы уже говорили о его „Катехизисѣ Иллиризма". Въ *Даницѣ*, которую онъ редактировалъ въ теченіе семи лѣтъ, онъ помѣщалъ главнымъ образомъ свои стихотворенія. Всѣ они носятъ характеръ призыва къ энергической дѣятельности въ пользу народа. Одно изъ его стихотвореній: Nedajmo se, nebojmo se пользовалось широкою извѣстностью. Въ 1842 г. онъ издалъ сборникъ болѣе извѣстныхъ патріотическихъ пѣсенъ подъ именемъ: Pjesmarica, но мадьярская цензура вскорѣ запретила его. Тогда же онъ вмѣстѣ съ Вразомъ и Вукотиновичемъ началъ изданіе „Kolo". Это была первая попытка основать научно-литературный повременникъ съ широкою программою, такъ какъ о журналѣ въ ту пору не могли и думать хорватскіе дѣятели, ибо для него нужно было бы добыть „привилегію", а Иллиризмъ уже былъ на дурномъ счету у правительства, вслѣдствіе мадьярскихъ жалобъ. Чтобы избѣжать подобныхъ затрудненій, Kolo не было названо: *Часописъ*, а лишь сборникомъ „статей по литературѣ, искусству и народной жизни". Раковецъ вмѣстѣ съ вышеназванными издалъ три выпуска этого сборника—въ 1842 и 1843 г. Въ предисловіи къ первой части „Kolo" Раковецъ объясняетъ пробужденіе Хорватовъ вполнѣ естественнымъ ростомъ идеи народности повсюду у народовъ. „Въ томъ, что мы воскресли, нѣтъ нашей заслуги, говоритъ онъ,—наша заслуга будетъ въ томъ, если мы опять не заснемъ, какъ уже мы заснули было послѣ дубровницкой эпохи. А мы не уснемъ, если будемъ работать и развиваться". Въ первомъ же выпускѣ Kolo вполнѣ сказывается характеръ этой литературной

эпохи. Здѣсь помѣщена небольшая историческая повѣсть Вукотиновича: Jana Mara, относящаяся по сюжету къ началу XVII вѣка; Вразъ снабдилъ примѣчаніями статью Словенца Ярника о словенскомъ нарѣчіи въ Хорутаніи; Деметеръ помѣстилъ поэму: Grobničko polje. Стихотворенія напечатали: Кукулевичъ (Koralke 1837 г.), Драгоила Ярневичъ, Ягода Берличъ, Илія Оріовчанинъ и Раковецъ. Первая книжка Kolo даетъ также статьи по изученію народныхъ обычаевъ (свадебные обычаи въ хорватскомъ Приморьѣ около Бакра, статья Сусанича), письмо Милослава Гурбана о народной и литературной жизни Словаковъ, о чешской литературѣ — извлеченіе изъ письма Срезневскаго къ Вразу, о литературѣ Сербовъ, о народныхъ пѣсняхъ въ Славоніи и т. д. Однимъ словомъ, Kolo старалось стать на высоту журнала, который обозрѣваетъ все Славянство. Во 2-мъ выпускѣ были помѣщены статьи Петра Дубровскаго о русской и польской литературѣ и сообщеніе Прейса (открытый листъ XV в., писанный глаголицею и хранящійся въ Іоаннеумѣ въ Градцѣ), переводъ „Пиковой дамы“ Пушкина; въ 3-мъ выпускѣ Ант. Мажураничъ впервые напечаталъ Винодольскій законникъ и т. д. Раковецъ, издавая Kolo, помѣщалъ, впрочемъ, свои стихотворенія и въ *Даницѣ* [49]).

Во время господства централизаціи Раковецъ не хотѣлъ, подобно другимъ, поступить на службу и остался скромнымъ, невиднымъ дѣятелемъ—Иллиромъ. Умеръ онъ 20 ноября 1854 года [50]). Такимъ образомъ почти вся дѣятельность Раковца принадлежитъ времени Иллиризма. Онъ привѣтствовалъ наступленіе новаго времени въ жизни Хорватовъ еще своими стихотвореніями на кайкавскомъ нарѣчіи и умеръ какъ разъ въ то время, когда Иллиризмъ потерялъ свой смыслъ и не только политическое, но и литературное значеніе.

Мысль объ основаніи музея была давнишнею у Людевита Гая, собиравшаго давно, какъ было уже указано, свѣдѣнія объ устройствѣ музеевъ и библіотекъ. Для музея и обществъ, столь быстро возникшихъ въ Загребѣ, необходимо было помѣщеніе. Въ 1841 г. общество читальни рѣшило начать сборы пожертвованій на постройку зданія, въ коемъ мог-

ли бы помѣститься „всѣ учрежденія, которыя поддерживаютъ и пробуждаютъ славяно-иллирскій народъ“. Съ этою цѣлью Гаю былъ выданъ открытый листъ, съ полномочіемъ собирать пожертвованія на эту цѣль во время путешествій и поѣздокъ, которыя онъ предпринималъ весьма часто. Въ сентябрѣ 1841 года Загребъ посѣтилъ Колларъ и былъ принятъ восторженно. Къ нему обратились за совѣтомъ по поводу задуманныхъ предпріятій, какъ устройство театра, музея и т. д., и онъ совѣтовалъ предпочесть сборы въ пользу матицы и музея сборамъ въ пользу театра [51]). Это еще болѣе побудило позаботиться о пріобрѣтеніи помѣщенія для собраній музея, начатыхъ Гаемъ и Раковцемъ.

Существовавшая подъ покровомъ читальни „Иллирская Матица“ не представляла еще въ ту пору самостоятельнаго учрежденія, ибо не было получено отвѣта на всѣ ходатайства объ „ученомъ обществѣ“, сдѣланныя Хорватами. Такъ какъ отвѣта на просьбу поданную императору еще въ 1839 г. отъ имени членовъ читальни, не было, то явилось даже сомнѣніе, передалъ ли Гай это прошеніе по назначенію. Оказалось однако, что это прошеніе было переслано въ Будимъ, находилось въ канцеляріи венгерскаго палатина и тамъ лежало безъ движенія въ теченіе шести лѣтъ. Тогда читальня возобновила свою просьбу 1 мая 1845 г., и графъ Драшковичъ тогда же лично представилъ ее императору. Хорватскій сеймъ, побужденный представленіями жупанійскихъ собраній, которымъ было сообщено содержаніе просьбы „общества читальни“, постановилъ хлопотать предъ баномъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи учредить „ученое общество“ въ Загребѣ. Въ ожиданіи этого утвержденія короля рѣшено было собрать по акціямъ капиталъ въ 28,000 гульденовъ на покупку дома для помѣщенія музея. Предпріятіе это удалось, и такой домъ былъ купленъ у графа Драгутина Драшковича. До той поры Иллиры не имѣли помѣщенія для своихъ собраній, между тѣмъ какъ мадьяроны имѣли свое „казино“. Домъ, купленный читальнею въ 1846 году, получилъ наименованіе „Народнаго дома“ и сталъ мѣстомъ, гдѣ пріютились всѣ существовавшія въ Загребѣ „иллирскія“ об-

щества. Сюда же были переведены собранія, положившія начало музею. Открытіе „Народнаго дома" произошло 8 февраля 1847 г. при торжественной обстановкѣ и участіи многихъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ лицъ, и Деметеръ привѣтствовалъ его восторженнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ говорилось, что это учрежденіе возникло только благодаря единенію и согласію [52]). Разрѣшеніе правительства на учрежденіе ученаго общества было дано позже открытія „Народнаго дома", именно 10 іюля 1847 г. Правда, объ этомъ предстоящемъ разрѣшеніи было сообщено обществу читальни еще осенью 1846 г., при чемъ предписывались нѣкоторыя перемѣны въ выработанныхъ уже правилахъ. Запрещено было называть общество *иллирскимъ* и за нимъ оставлено только именованіе: „хорватско-славонское литературное общество".—Такимъ длиннымъ и труднымъ путемъ добились, наконецъ, иллирскіе дѣятели открытія своего учено-литературнаго общества. Интересно то, что употребленіе словъ: *иллиры*, *иллирскій* было запрещено только въ венгерской половинѣ Австріи, между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ оно разрѣшалось въ печати; „Матица", напр., печатала свои отчеты въ Вѣнѣ, чтобы удержать въ нихъ свой эпитетъ *иллирской*.

Въ то время, когда подъ покровительствомъ „читальни" и по ея примѣру учреждались и начинали дѣйствовать довольно успѣшно различныя общества, дѣятельность „Иллирской Матицы" развивалась сначала очень медленно, но все же она имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи новой хорватской словесности. Около Матицы соединились всѣ лучшія силы иллирскаго литературнаго періода, — она явилась и издателемъ многихъ произведеній, и покровителемъ лучшихъ писателей и хорватскихъ учено-литературныхъ предпріятій.

Иллирскіе дѣятели старались оправдать свое ученіе объ единствѣ иллировъ и иллирскаго языка съ одной стороны историческими свидѣтельствами этого единства юго-славянскихъ народностей, а съ другой авторитетомъ живаго современнаго языка, представляющаго большое сходство по нарѣчіямъ, а также сходствомъ народныхъ обычаевъ и преданій. Въ *Даницѣ*

отражалось и то, и другое; особенно въ первые года этого изданія рядомъ съ историческими статьями, замѣтками и изслѣдованіями печатались народныя пѣсни, описывались обычаи, передавались преданія и т. д. — Видные литературные дѣятели первыхъ годовъ Иллиризма распадались на эти два направленія: одни считали болѣе важною и главною задачею — связать литературное движеніе новаго времени съ преданіями прошедшаго и, воскресивъ далматинскихъ и дубровницкихъ писателей, подражать старой литературѣ Дубровника, другіе, напротивъ того, видѣли болѣе настоятельную нужду изучать народную словесность и народныя преданія для того, чтобы въ новой литературѣ идти по новому, народному пути. Одни хотѣли, поэтому, искать опоры для поэтическаго творчества и для самаго языка въ твореніяхъ и языкѣ стараго Дубровника, другіе же, напротивъ того, стояли на свободномъ развитіи новаго литературнаго языка, который долженъ въ себѣ слить всѣ нарѣчія славянскаго юга, быть ихъ вѣнцомъ, какъ бы башнею, построенной на разнообразныхъ родственныхъ и близкихъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Въ извѣстной степени эти послѣдніе имѣли успѣхъ, ибо въ *иллирскомъ* языкѣ объединялись славонское, далматинское и хорватское нарѣчія.

Виднымъ представителемъ перваго направленія былъ Дмитрій Деметеръ, а втораго — Станко Вразъ.

Вразъ сталъ рано собирать народныя пѣсни на своей родинѣ, и еще въ 1839 г. издалъ первый выпускъ своего собранія и заявлялъ постоянно о своемъ намѣреніи приступить къ печатанію двухъ дальнѣйшихъ [53]). Желая обогатить иллирскій языкъ, Вразъ пробовалъ примѣнить нѣкоторыя формы словенскаго нарѣчія къ языку иллирской литературы; такъ, въ своихъ стихотвореніяхъ онъ иногда употреблялъ двойственное число мѣстоименій [54]). Онъ нерѣдко путешествовалъ или, точнѣе, ходилъ въ народъ съ цѣлями его изученія, чѣмъ навлекалъ на себя даже подозрѣніе мѣстной администраціи. Вразъ былъ народникомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и какъ въ его лирическихъ пѣсняхъ, такъ и во всемъ, что онъ писалъ, видна искренняя любовь къ народу, его языку, его

обычаямъ и преданіямъ. Вразъ любилъ природу, ея красоты и величіе, и во многихъ его стихотвореніяхъ воспѣвается Крайна и Штирія, природа которыхъ столь разнообразна. Хотя онъ и признавалъ значеніе дубровницкой литературы для новой иллирской словесности, но, какъ это видно изъ его переписки, опасался ея преобладающаго вліянія. Онъ не видѣлъ оригинальности въ произведеніяхъ далматинской литературы и слабыя стороны современнаго стихотворства Иллировъ приписывалъ подражанію далматинско-дубровницкимъ писателямъ. „Имъ (произведеніямъ Дубровника) недостаетъ того, надъ чѣмъ дивятся русскіе почитатели Пушкина", писалъ онъ въ 1841 году. Вразъ былъ противъ необходимости скорѣйшаго изданія дубровницкихъ писателей, предпринятаго Матицею въ 1844 г., именно потому, что „дубровницкій духъ со схоластицизмомъ того времени вошелъ въ иллирскую поэзію и господствуетъ въ ней болѣе, чѣмъ слѣдуетъ" [55]).

Иначе думалъ Деметеръ, съ первыхъ же своихъ произведеній ставшій поклонникомъ и отчасти подражателемъ дубровницкихъ писателей. Его первыя драмы были написаны въ подражаніе Глегевичу и Гундуличу. Его лучшее драматическое произведеніе „Teuta" носитъ ясные признаки большаго вліянія школы дубровницкихъ писателей. Деметеръ считалъ необходимымъ возможно болѣе распространить знакомство съ дубровницкими классиками и въ этомъ отношеніи нашелъ поддержку и отзывъ въ большинствѣ членовъ читальни. Еще въ 1838 г. Шафарикъ, давая въ Ost und West отзывъ о дѣятельности Гая, совѣтовалъ Иллирамъ издать дубровницкихъ писателей новой ороографіей. Въ первомъ полугодичномъ засѣданіи общества читальни въ 1842 году графъ Драшковичъ, говоря о цѣляхъ общества, перечисляетъ рядъ далматинскихъ и дубровницкихъ писателей, произведенія которыхъ слѣдуетъ напечатать „органическимъ" правописаніемъ, что̀ принесло бы пользу какъ для литературной славы Хорватовъ, такъ и для современныхъ писателей, которые могли бы найти въ нихъ образцы для себя. Епископъ дьяковскій Куковичъ пожертвовалъ на эту цѣль 400 гульденовъ. Это заявленіе предсѣдателя обще-

ства послужило поводомъ устроить издательскій капиталъ, который и былъ названъ „Иллирскою Матицею“ [56]). Такимъ образомъ, самая Матица возникла главнымъ образомъ съ цѣлями изданія старыхъ классическихъ произведеній дубровницкой литературы, изъ которой должна была родиться новая иллирская словесность. Для новаго явленія славянской жизни нуженъ былъ предокъ, новую словесность нужно было основать на старой, тѣмъ болѣе, что мысль о принятіи Хорватами штокавскаго нарѣчія сербской словесности находила свое оправданіе въ языкѣ писателей Дубровника.

Въ слѣдующемъ же засѣданіи общество читальни (въ іюлѣ 1842 г.), скоро собравшее капиталъ на изданія до 5000 гульденовъ [57]), постановило приступить къ изданію *Османа* Гундулича. Поэма эта вышла однако только въ 1844 г. Къ изданію былъ приложенъ словарь, весьма полно составленный Иваномъ Мажураничемъ, который самъ написалъ 14 и 15 пѣсни *Османа*, какъ извѣстно, недостающія этой поэмѣ Гундулича. Вторая книга, изданная *Матицею*, составившая второй томъ „Драматическихъ попытокъ“ Деметра, заключавшій въ себѣ его драму Teuta, вышла въ томъ же 1844 году въ Вѣнѣ, такъ какъ не было надежды на цензурное разрѣшеніе издать ее въ Загребѣ.

Въ 1846 г. общество читальни рѣшило принять на себя изданіе повременника *Kolo*, начатое Раковцемъ, Вукотиновичемъ и Вразомъ. Идатели были затруднены издержками и потому еще въ 1844 г. въ обществѣ читальни шла рѣчь о томъ, чтобы Матица, слѣдуя совѣту Шафарика, приняла на себя изданіе Kolo. Въ 1847 г. вышелъ 4-ый выпускъ этого изданія подъ редакціей Враза, бывшаго въ то время секретаремъ общества.

Таково было первое развитіе *Иллирской Матицы*, издавшей еще въ 1847 г. второй томъ произведеній Гундулича, подъ именемъ: Različite piesni, а въ 1848 г. въ Вѣнѣ словарь „Иллиро-нѣмецко-итальянскій“ Дробнича при ближайшемъ участіи Бабукича и Антона Мажуранича [58]).

Общество Загребской читальни было закрыто въ іюнѣ

1850 г., а Иллирская Матица преобразовалась въ 1851 году и стала самостоятельнымъ обществомъ, задачу котораго составляетъ и понынѣ, главнымъ образомъ, изданіе общеполезныхъ книгъ.

Однимъ изъ самыхъ видныхъ хорватскихъ дѣятелей въ читальнѣ и матицѣ былъ ихъ секретарь, Вѣкославъ Бабукичъ. Это былъ чрезвычайно скромный, въ высшей степени трудолюбивый и полезный дѣятель иллирской эпохи. Бабукичъ родился въ Пожегѣ 16 іюня 1812 года и носилъ имя Алоизія до иллирскаго движенія, а затѣмъ принялъ имя Вѣкослава. Сначала онъ учился въ родномъ городѣ, послѣ въ нѣмецкой школѣ въ Новой Градишкѣ и гимназическій курсъ проходилъ въ Пожегѣ и Печуѣ, гдѣ научился мадьярскому языку, а для того, чтобы еще лучше изучить этотъ трудный языкъ, знаніе котораго было тогда необходимо для полученія службы, онъ былъ посланъ отцомъ въ Сегединъ на курсы философіи. Въ Сегединѣ Бабукичъ научился читать кириллицу и отъ Сербовъ получалъ для чтенія сербскія книги. Здѣсь онъ познакомился съ произведеніями Досиѳея Обрадовича. Въ 1830 г. онъ переѣхалъ въ Загребъ для окончанія курса философіи, какъ разъ въ то время, когда среди молодежи зародился интересъ къ Славянству. Онъ сталъ думать о томъ, какъ можно при помощи единства въ правописаніи сблизить славянскія народности и нарѣчія между собою и даже объединить. Въ эту пору Бабукичъ познакомился и съ глаголицей. Какъ видно изъ его письма къ учителю Франикичу въ Пожегу въ 1832 г., онъ уже объединялъ почти всѣхъ Юго-славянъ въ понятіи „иллирскій народъ“ и былъ знакомъ съ книгой Шафарика: Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Бабукичъ, сопоставляя по численности Славянъ (до 80 милл.) съ племенами латинскимъ (Французы, Испанцы, Португальцы, Итальянцы—до 50 милл.) и нѣмецкимъ (до 40 милл.), въ этомъ перевѣсѣ Славянъ находилъ ручательство въ успѣхѣ возрождающихся славянскихъ народностей. Вообще молодые славянскіе патріоты того времени вдохновлялись мыслью о многочисленности Славянъ и въ этомъ

искали оправданія своимъ стремленіямъ воскресить свою слабую и малую народность. Бабукичъ сталъ заниматься славянскими нарѣчіями и задумалъ твердо установить формы иллирскаго языка. Онъ замѣтилъ недостаточность латиницы для выраженія славянскихъ звуковъ и потому послѣдовалъ примѣру Чеховъ, что совѣтовалъ и Гай въ своей книгѣ о правописаніи. Въ соотвѣтствіе сербскому ћ онъ принялъ было tj, но уже въ 1834 г. замѣнилъ его знакомъ и нынѣ употребительнымъ у Хорватовъ: ć. Въ 1833 г. онъ приготовилъ грамматику, принявъ принципомъ, что богатства языка и правильности его формъ слѣдуетъ искать не въ городахъ, а въ селахъ. Въ этой грамматикѣ онъ слѣдовалъ системѣ Добровскаго. Отказавшись отъ мысли сдѣлаться священникомъ, Бабукичъ сталъ готовиться къ адвокатурѣ, для чего выдержалъ адвокатскій экзаменъ въ 1836 г. въ Пештѣ. Нѣкоторое время онъ преподавалъ въ Загребской архигимназіи международное право.

Бабукичъ сблизился съ Гаемъ и принялъ ближайшее участіе при основаніи *Даницы* и *Народныхъ Новинъ* въ ихъ редакціи. Въ 1836 г. онъ помѣстилъ въ *Даницѣ* рядъ статей о грамматикѣ иллирскаго нарѣчія, назвавъ ихъ „Основами". Статьи обратили на себя общее вниманіе, заслужили большую похвалу Шафарика и были переведены на нѣмецкій и итальянскій языки, о чемъ Бабукичъ упоминаетъ также въ своей грамматикѣ, изданной въ 1854 г. — Въ *Даницѣ* онъ помѣстилъ множество небольшихъ статей и замѣтокъ въ рубрикахъ: Različnosti и Sveslavjanske viesti; тутъ онъ внимательно знакомилъ съ различными явленіями въ литературной и вообще культурной жизни Славянъ, особенно со всѣмъ тѣмъ, что свидѣтельствовало о распространеніи знанія и изученія славянскихъ языковъ. Особенно его радовало учрежденіе славянскихъ каѳедръ въ русскихъ и нѣкоторыхъ европейскихъ университетахъ, о чемъ онъ систематически сообщалъ въ своихъ статьяхъ. Въ 1836 г. онъ вмѣстѣ съ профессоромъ Мойзесомъ напечаталъ новое изданіе: Odilenje Sigetsko — Витезовича, этого перваго Иллира XVII вѣка, предвѣстника

преобразованій иллирскаго періода литературы. При редакціи *Даницы* на Бабукича ложился тяжелый трудъ поправки языка въ присылаемыхъ статьяхъ, ибо по иллирски умѣли писать тогда немногіе. Къ нему обратился въ 1838 г. Кукулевичъ съ просьбою исправить языкъ первой своей драмы Juran i Sofia. Со времени основанія читальни Бабукичъ становится секретаремъ, а послѣ и казначеемъ этого общества. Графъ Драшковичъ, предсѣдатель читальни, очень любилъ Бабукича и всю жизнь поддерживалъ съ нимъ самыя тѣсныя связи. Бабукичъ занималъ эту должность восемь лѣтъ, получая весьма скромное вознагражденіе. Его біографъ, профессоръ Смичикласъ, свидѣтельствуетъ, что любимою темою всѣхъ разговоровъ и бесѣдъ Бабукича было говорить о славянскомъ мірѣ и поучать о немъ мало знающихъ. Въ эту пору всеобщаго возбужденія и интереса къ Славянству Бабукичъ постоянно былъ посѣщаемъ пріѣзжавшими въ Загребъ сторонниками Иллиризма и проповѣдывалъ имъ о значеніи Славянъ, ихъ литературѣ, силѣ и т. д. [59]).

Одною изъ большихъ заботъ въ ту пору было распространеніе иллирскихъ книгъ: читателей, а тѣмъ болѣе покупателей было слишкомъ мало и потому, по справедливому выраженію того времени, подписчики и покупатели иллирскихъ книгъ были *народными меценатами*. Даже предварительная подписка часто не давала благопріятныхъ результатовъ, достаточныхъ для того, чтобы рѣшиться на изданіе книги. Графъ Драшковичъ поэтому предложилъ, чтобы каждый членъ общества читальни былъ обязанъ купить экземпляръ каждой иллирской книги, одобренной правленіемъ общества. На читальню и ея секретаря легла обязанность позаботиться о распространеніи книгъ, и поэтому Бабукичу пришлось стать даровымъ посредникомъ между издателями и покупателями. Въ Лейпцигѣ онъ имѣлъ связи съ Іорданомъ, редакторомъ извѣстнаго изданія Slawische Jahrbücher, въ Прагѣ — Шафарикъ и Ганка продаютъ книги, посылаемыя Бабукичемъ, въ Пештѣ ихъ распространенію помогаетъ Колларъ, а въ Пожунѣ — Людевитъ Штуръ. Между Сербами, у которыхъ скоро

возникъ протестъ противъ имени „Иллиры“, Бабукичъ все же нашелъ помощниковъ въ лицѣ Стеича, Петра Іоанновича, Шишаровича, Беркича. У Словенцевъ Бабукичъ нашелъ отличныхъ помощниковъ для распространенія иллирскихъ изданій и вообще „иллирской идеи“ среди молодежи духовной семинаріи въ Люблянѣ [60]), гдѣ образовался даже особый кружекъ подъ названіемъ: „Люблянское славо-иллирское общество“.

Будучи секретаремъ *Читальни*, Бабукичъ содѣйствовалъ учрежденію общества Иллирской Матицы, главною задачей котораго онъ считалъ изданіе далматинскихъ и дубровницкихъ писателей. Въ комитетѣ этого новаго общества предсѣдателемъ былъ Гай, секретаремъ Бабукичъ и казначеемъ Алексѣй Ванчасъ. Въ этой должности Бабукичъ принималъ самое живое участіе въ изданіяхъ Иллирской Матицы. Такъ, въ первой книгѣ, изданной Матицей, — Osman Гундулича, онъ написалъ предисловіе, которое подтверждаетъ его горячее сочувствіе ко всему, что могло содѣйствовать распространенію и укрѣпленію Иллиризма.

Въ 1845 г. осуществилось давнишнее желаніе Хорватовъ—относительно преподаванія иллирскаго языка въ Загребской академіи, и была для этого учреждена особая каѳедра. Былъ объявленъ конкурсъ, въ которомъ вмѣстѣ съ другими дѣятелями иллирской эпохи, братьями Мажураничами, Вразомъ, Топаловичемъ и др. принялъ участіе и Бабукичъ. Конкурентамъ было предложено отвѣтить на нѣсколько вопросовъ по грамматикѣ и исторіи литературы „хорвато-славонскаго“ нарѣчія, ибо въ ту пору именованіе языка—иллирскимъ было запрещено. Между ними былъ избранъ Бабукичъ, который и былъ утвержденъ 16 іюня 1846 г. первымъ профессоромъ „хорвато-славонскаго“ языка. 5 октября этого года Бабукичъ прочелъ свою первую лекцію. Это было общее, народное торжество, и на это его чтеніе съѣхались Иллиры изъ различныхъ мѣстъ Хорватіи и Славоніи.

Бабукичъ до конца жизни остался вѣренъ основнымъ взглядамъ Иллиризма на единство юго-славянскихъ народовъ и языковъ. Онъ твердо держался дѣленія славянскихъ

языковъ на четыре группы, изъ коихъ послѣднюю называлъ: „нарѣчіе иллирское или юго-славянское, иначе славонское или хорвато-сербское—или сербско-хорватское“. Болгарское и словенское нарѣчія, изъ коихъ послѣднее онъ дѣлилъ на словенско-хорватское или кайкавское въ провинціальной Хорватіи и собственно словенское въ Крайнѣ, Штиріи и Хорутаніи, онъ считалъ поднарѣчіями „иллирскаго“. Онъ не хотѣлъ отказаться отъ убѣжденія, что Иллиры были Славяне, предки Сербовъ и Хорватовъ [61]).

Съ преобразованіемъ Загребской академіи въ гимназію, Бабукичъ долженъ былъ стать учителемъ этой гимназіи и преподавать въ ней исторію, нѣмецкій языкъ, психологію и другіе предметы. Какъ грамматистъ и филологъ, Бабукичъ не выдается изъ числа другихъ своего времени, но онъ былъ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ иллирскихъ дѣятелей, изучавшихъ свой языкъ [62]). Уже съ самаго начала иллирскаго движенія, какъ мы видѣли, онъ выступилъ въ *Даницѣ* со статьями по грамматикѣ и правописанію. Въ „Бачкой Вилѣ“ въ 1842 г. и въ статьѣ о происхожденіи глаголицы, помѣщенной въ „Программѣ“ Загребской гимназіи въ 1859 г., онъ утверждалъ, что глаголическія письмена ведутъ свое начало отъ Финикійцевъ, и былъ вообще большимъ любителемъ глаголицы.

Почти съ первыхъ годовъ иллирскаго движенія много говорилось о неотложной нуждѣ полнаго иллирскаго словаря. Особенно часто объ этомъ упоминали Словенцы, сторонники Иллиризма. Когда Словенецъ Дробничъ составилъ свой словарь и послалъ Иллирской Матицѣ для напечатанія, Бабукичъ принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Антонъ Мажураничъ прибавилъ въ этомъ „Иллиро-нѣмецкомъ“ словарѣ переводъ словъ на итальянскій языкъ, а Бабукичъ придалъ краткую грамматику иллирскаго языка. Этотъ словарь Дробнича былъ первымъ „Иллирскимъ“, ибо вышедшій въ 1842 г. словарь, составленный Иваномъ Мажураничемъ и Ужаревичемъ, былъ нѣмецко-иллирскій. Словарь Дробнича печатался въ Вѣнѣ, такъ какъ носилъ имя „иллирскаго“, въ виду усло-

вій цензуры, въ 1846—1849 г. [63]). Обширный давно обѣщанный трудъ Бабукича подъ заглавіемъ: Ilirska slovnica вышелъ въ 1854 г., но времена перемѣнились, и эта грамматика не была одобрена для употребленія въ школахъ. Не смотря на свои недостатки, объясняющіеся тѣмъ, что Бабукичъ не могъ слѣдить за ростомъ науки о языкѣ, грамматика Бабукича важна въ томъ отношеніи, что она впервые дала обработанный синтаксисъ „иллирскаго“ языка, основанный на примѣрахъ, взятыхъ изъ народнаго языка и произведеній старыхъ дубровницкихъ и далматинскихъ писателей. Бабукичъ умеръ 20 декабря 1875 г.

Послѣ того, какъ Бабукичъ занялъ каѳедру иллирскаго языка, онъ отказался отъ должности секретаря читальни и матицы, и на его мѣсто былъ избранъ Станко Вразъ. Бабукичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ и малозамѣтныхъ тружениковъ, которые на себѣ выносятъ всю тяжесть и трудности самой необходимой работы во время переворотовъ и преобразованій. Онъ принималъ участіе въ приготовленіи къ изданію сочиненій Гундулича, Пальмотича и Джорджича, предпринятыхъ матицею.

Рядомъ съ дѣятельностью различныхъ патріотическихъ обществъ въ Хорватіи и Загребѣ, появились и отдѣльныя изданія различныхъ писателей. Такъ, Станко Вразъ, въ 1840 г. издалъ въ Загребѣ сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній Djulabie, сначала появлявшихся въ *Даницѣ*, въ 1841 г.— Glasi iz dubrave žeravinske, въ 1845 г. въ Прагѣ—Gusle i tambure; Вукотиновичъ — въ 1838 и 1840 г. свои Pěsme i pripovědke, въ 1841 — Ruže i tàrnje, въ 1844 г. нѣсколько историческихъ повѣстей въ двухъ частяхъ: Prošastnost ugarsko-horvatska; въ 1843 г. появились Domorodne poviesti Драгоилы Ярневичъ; въ 1844 и 1846 г. изданъ былъ альманахъ Iskra, въ которомъ появилась въ первый разъ знаменитая поэма Ивана Мажуранича: „Смерть Смаилъ-аги Ченгича“, Кукулевичъ съ 1842 по 1847 г. напечаталъ четыре книги собранія своихъ повѣстей и драматическихъ произведеній, Огнеславъ Утѣшеновичъ Острожинскій въ 1845 г. издалъ въ

Вѣнѣ сборникъ своихъ лирическихъ и эпическихъ пѣсенъ: Vila Ostrožinska и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась литературная дѣятельность и въ другихъ городахъ Славоніи и Хорватіи. Такъ, ближайшій сотрудникъ и участникъ *Даницы* въ первые три года ея существованія, священникъ Матвѣй Топаловичъ ревностно собиралъ и записывалъ народныя пѣсни, преданія и обычаи [64]). Въ 1842 г. онъ издалъ въ Осѣкѣ сборникъ своихъ стихотвореній: Odziv rodoljubivoga sèrdca, и тогда же сборникъ народныхъ пѣсенъ съ описаніями обычаевъ: Tamburaši ilirski. Другой участникъ *Даницы* Степанъ Марьяновичъ издалъ въ Печуѣ въ 1839 и 1840 гг. семь выпусковъ собранія своихъ стихотвореній, проникнутыхъ духомъ Иллиризма, и драматическихъ піесъ подъ заглавіемъ: Vitie.

Въ это время появилась оригинальная повѣсть у Хорватовъ, и главными ея представителями были Вукотиновичъ, Ярневичъ, Кукулевичъ, Деметеръ и Боговичъ. Повѣсти эти носили романтическій характеръ и заимствовали сюжеты изъ хорватской исторіи. Лишь нѣкоторыя повѣсти Драгоилы Ярневичъ [65]) имѣютъ характеръ общественный. Это были, конечно, только попытки создать беллетристическую литературу въ иллирской словесности. Эта литературная дѣятельность вызывалась однако по преимуществу развитіемъ политической борьбы съ Мадьярами и потому носила тенденціозный, въ лучшемъ смыслѣ слова, характеръ. Писатели хотѣли выставить въ своихъ разсказахъ образцы геройства и подвиговъ предковъ хорватскаго народа и вообще всѣхъ иллирскихъ Славянъ; измѣнники народу изображались въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и своею судьбою должны были устрашать читателей и отклонять ихъ отъ мадьяронства; всегда и всюду въ этихъ повѣстяхъ торжествовала нравственная правда, а честолюбіе и эгоизмъ находили суровое наказаніе. Стихотворцы воспѣвали любовь къ народу и прошлую его славу и, оплакивая судьбу тѣхъ, которые еще находились подъ турецкимъ игомъ, призывали всѣхъ иллировъ къ единенію и указывали на общее единство Славянъ. Стихотворенія Кукулевича: Slavjanke, вы-

шедшія въ 1848 г., слѣдуетъ причислить къ лучшимъ произведеніямъ этого рода.

Въ эту пору въ Хорватіи еще не появлялось новыхъ ученыхъ трудовъ. Кукулевичъ тогда лишь еще начиналъ свои историческія разысканія въ статьяхъ въ *Даницѣ* и альманахѣ Гавличка: Iskra. Ученые труды и изысканія въ Хорватіи начали появляться позже, въ пору господства централистской системы Баха, когда хорватскіе писатели и ученые устранились отъ политической дѣятельности, и когда Иллиризмъ уже отжилъ.

6.

Людевитъ Гай.

Оцѣнка его дѣятельности и значенія. — Свидѣтельства современниковъ о Гаѣ. Слабыя стороны характера Гая. Отношеніе вѣнской политики къ Гаю и Иллиризму. Трудное финансовое положеніе Гая и его изданій. — Поѣздка Гая въ Россію въ 1840 г. Записка Гая, поданная графу Бенкендорфу въ Петербургѣ. Поѣздка Гая въ Москву. Записки, переданныя имъ Погодину. Помощь, оказанная ему въ Москвѣ. — Отношеніе Россійской Академіи къ Славянскимъ литературнымъ дѣятелямъ. — Поѣздки Гая по славянскимъ землямъ. — Отношеніе Сербовъ къ Гаю и свидѣтельства, ему выданныя хорватскими политическими дѣятелями и сербскими патріархами. Роль Гая въ 1848 г. — Участіе Хорватовъ въ Славянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ.—Паденіе значенія Гая и Иллиризма и переходъ его изданій въ руки австрійскаго правительства. Матеріальный упадокъ Гая. Надежды Гая возстановить свое значеніе. — Неудача попытки собрать для него помощь въ 1867 г. — Поѣздка Гая въ Россію въ 1867 г. во время Славянскаго съѣзда. — Кончина Гая въ 1872 г. — Разсказъ князя Милоша Обреновича о вымогательствѣ Гая въ 1848 г.—Значеніе Гая, какъ вождя и дѣятеля времени возрожденія Хорватовъ.

Литературное и политическое движеніе въ Хорватіи, называемое *Иллирскимъ*, тѣсно связывается съ Людевитомъ Гаемъ, но какъ его дѣятельность, такъ и вообще его роль далеко еще неосвѣщены, и многіе матеріалы для ихъ оцѣнки еще недоступны. Несомнѣнно однако, что Гай былъ тѣмъ центральнымъ лицемъ, около котораго вращалась въ теченіе почти 15 лѣтъ литературная и даже политическая жизнь въ Хорватіи. Около него собираются не только всѣ сторонники литературнаго объеди-

нénія Юго-славянъ, но и защитники самостоятельнаго развитія хорватскаго народа, его правъ политическихъ, его роли, какъ члена славянскаго племени. Поэтому не безъ нѣкотораго основанія этотъ періодъ въ жизни Хорватіи, особенно въ литературномъ отношеніи, иногда называютъ *гаевскимъ*. Мы уже говорили о началѣ дѣятельности Гая и отмѣтили его участіе въ литературныхъ и культурныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ времени *Иллиризма*. Когда всѣ народныя движенія и неудовлетворенныя стремленія разразились общимъ замѣшательствомъ въ Австріи въ 1848 г., и борьба народностей въ Венгріи приняла характеръ войны между Мадьярами и Славянами, вступившими въ союзъ съ Нѣмцами, иллирское ученіе Гая потеряло свое значеніе, — его дискредитировала въ глазахъ Хорватовъ и всѣхъ Юго-славянъ прежде всего австрійская политика. Гай послѣ того теряетъ всякое значеніе на своей родинѣ,—онъ былъ погребенъ заживо, и хотя жилъ послѣ 1848 — 1849 годовъ еще болѣе двадцати лѣтъ, онъ не могъ вернуть въ Хорватіи своего прежняго авторитета и вліянія: новѣйшія событія, содѣйствовавшія развитію и подъему Хорватскаго народа, для котораго онъ сдѣлалъ столь много, прошли, такъ сказать, надъ нимъ и помимо его...

Гай не принадлежалъ къ плодовитымъ и извѣстнымъ писателямъ: въ этомъ отношеніи онъ не можетъ быть поставленъ рядомъ ни съ Вразомъ, ни съ Кукулевичемъ, ни съ Деметромъ. Кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній, „Прогласовъ“, нѣсколькихъ отрывковъ изъ „Исторіи Великой Иллиріи“, различныхъ небольшихъ статей въ *Новинахъ* и *Даницѣ*, первыхъ разсужденій о новой хорватской ороографіи, Гай почти ничего не напечаталъ. Правда, онъ собирался издать „Исторію Великой Иллиріи“, для которой онъ составилъ хорошую библіотеку и даже собраніе рѣдкостей и древностей, но у него не было ни достаточной подготовки, ни выдержки для ученаго систематическаго труда. Онъ носилъ титулъ доктора философіи Лейпцигскаго Университета, но этотъ титулъ, конечно, не могъ имѣть особеннаго дѣйствительнаго значенія. Впрочемъ, тогда, быть можетъ, въ Хорватіи болѣе были нужны

люди подобные Гаю, чѣмъ ученые, прошедшіе строгую школу: нужно было разбудить спавшія силы хотя небольшаго, но энергическаго народа въ то время, когда другія славянскія народности уже болѣе или менѣе ожили и заявили свои права на самостоятельное народное развитіе. Воспламеняющійся до энтузіазма, умѣющій и другихъ увлекать своею горячею вѣрою въ животворную силу идей, имъ проповѣдуемыхъ, Гай былъ несомнѣнно блестящимъ и самымъ дѣятельнымъ представителемъ Иллиризма. Какъ человѣкъ иниціативы, онъ является главнымъ участникомъ всѣхъ новыхъ иллирскихъ обществъ и учрежденій. Онъ первый развиваетъ мысль объ образованіи „иллирскаго литературнаго общества", и съ осуществленіемъ ея связывается все дальнѣйшее культурное развитіе Хорватовъ. Современники свидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ склонять въ пользу иллирскаго ученія даже своихъ противниковъ, лишь только они приходили съ нимъ въ ближайшее соприкосновеніе. Гай, можно сказать, былъ народнымъ агитаторомъ, обладавшимъ блестящими способностями для этой роли.

Гай не былъ новаторомъ въ частностяхъ произведенной имъ реформы въ литературѣ и даже въ ученіи объ Иллирствѣ, которое связывало во едино все юго-славянство. Вопросъ о преобразованіи хорватской орѳографіи и упрощеніи славяно-латинскаго алфавита возникъ задолго до Гая, и нѣкоторыя введенныя имъ измѣненія были намѣчены также задолго до него. Что касается введенія штокавскаго нарѣчія вмѣсто кайкавскаго въ хорватской литературѣ, то и до Гая нѣкоторые Хорваты-кайкавцы употребляли въ письменности это нарѣчіе, общее для населенія Славоніи, съ которой провинціальные Хорваты тѣсно связаны политически. Провинціально-хорватское нарѣчіе въ сущности не имѣло никакой литературы, ибо нѣсколько календарей, одъ и переведенныхъ или передѣланныхъ драматическихъ піесъ, конечно, не могли составить особую словесность. Но несомнѣнно велика заслуга Гая, что онъ далъ сильный импульсъ мысли о принятіи штокавскаго языка въ литературу провинціальныхъ Хорватовъ

и, подъ вліяніемъ ученія объ единствѣ иллирскихъ народовъ, постарался о сближеніи принятаго имъ литературнаго языка съ сербскимъ. Это самый большій практическій результатъ, достигнутый Гаемъ и Иллирами, имѣвшій важнѣйшія послѣдствія. Съ той поры хорватская словесность стала быстро развиваться и достигла своего нынѣшняго положенія, когда хорватская литература заняла видное мѣсто среди другихъ славянскихъ литературъ.—Что касается мысли объ единствѣ иллирскихъ народовъ и ученія о славянствѣ древнихъ иллировъ, то, какъ было указано, они существовали задолго до Гая, и самое именованіе: *иллиры* употреблялось именно въ такомъ смыслѣ, какъ употребляли его Гай и его сподвижники. Но явившись проповѣдникомъ объединенія Юго-славянъ въ Иллирствѣ, Гай поднялъ славянское народное самосознаніе у своихъ соплеменниковъ и оживилъ народную жизнь у всѣхъ Юго-западныхъ Славянъ.

Всѣми этими положительными результатами реформы Гая обязаны силѣ идеи о „славянской взаимности", проповѣдникомъ которой былъ Колларъ, подъ вліяніемъ коего онъ воспитался. Въ этомъ отношеніи Гай является какъ бы практическимъ исполнителемъ всего того, что Колларъ излагалъ теоретически и изображалъ въ поэтическихъ образахъ. Отношеніе Коллара къ Гаю было самое теплое. Онъ справедливо ставилъ въ заслугу Гаю, что онъ весь отдался „народу и отечеству", и что въ ту пору, когда оптимисты молчали, а измѣнники льстили чужеземцамъ, онъ первый имѣлъ смѣлость говорить къ народу непосредственно и публично [1]). Но и Колларъ требовалъ отъ Гая, чтобы онъ писалъ больше, чего желали также ближайшіе дѣятели Иллиризма, указывавшіе, особенно въ 40-ыхъ годахъ, что политическая сторона движенія и связанныя съ нею интриги отодвинули на задній планъ вопросы литературы и просвѣщенія.

Отзывы современниковъ, какъ близкихъ къ Гаю, такъ и тѣхъ, кто только зналъ его, сходятся въ одномъ: Гай былъ глубоко убѣжденный въ спасительности для Юго-славянъ проповѣдуемаго имъ Иллиризма, въ которомъ онъ видѣлъ един-

ственную возможность объединить всѣ раздѣленныя юго-славянскія народности. Но въ то же время эти отзывы указываютъ на темныя стороны его характера, заставлявшія даже близкихъ къ нему людей скоро удаляться отъ него, а иногда становиться во враждебныя отношенія съ нимъ, и на его политическія и даже матеріально-практическія связи съ австрійскимъ правительствомъ. Младшій современникъ Гая, хорватскій беллетристъ Шеноа, описывая свое знакомство съ Гаемъ, начавшееся въ то время, когда Гай потерялъ уже значеніе, говоритъ [2]), что Гай очень гордился перстнемъ, подаркомъ въ 1839 г. императора Фердинанда за его „литературныя заслуги", вслѣдствіе котораго въ одномъ изъ засѣданій парламента мадьярскій патріотъ Кубиньи спрашивалъ палатина о причинахъ этого отличія Гая. Если Копитаръ хотѣлъ набросить тѣнь на вѣрноподданство Гая Австрійской имперіи, то съ другой стороны многіе его современники, напротивъ того, видѣли въ Гаѣ только орудіе австрійской политики. Такое мнѣніе настойчиво выражали о Гаѣ и объ Иллиризмѣ одно время Мадьяре. Подобнымъ же образомъ выразился о немъ и Гильфердингъ, назвавъ Гая „однимъ изъ самыхъ искусныхъ орудій австрійской политики" [3]). Срезневскій въ своей перепискѣ не касается вопроса объ отношеніяхъ Гая къ австрійской политикѣ, но указываетъ тѣ черты характера Гая, которыя содѣйствовали тому, что впослѣдствіи онъ потерялъ всякое значеніе, былъ всѣми оставленъ и забытъ. Гай не отличался политическою дальновидностью, но за то страдалъ мелочнымъ самолюбіемъ человѣка, слишкомъ скоро и рано ставшаго популярнымъ авторитетомъ, благодаря силѣ высокой идеи, которой онъ сталъ проповѣдникомъ. Дорожа поддержкою нѣкоторой части аристократіи и духовенства, онъ воспротивился даже торжеству пріема, готовившагося въ Загребѣ Коллару [4]), подъ предлогомъ, что Колларъ—протестантъ, и потому слишкомъ торжественный его пріемъ со стороны Иллировъ не понравится вліятельнымъ каноникамъ. Срезневскій полагалъ, что Гаемъ въ этомъ случаѣ руководилъ грубый эгоизмъ, и онъ не желалъ, чтобы въ Загребѣ въ народныхъ кругахъ могъ

кто либо пользоваться бóльшимъ, чѣмъ онъ, почетомъ и славою. Но весьма вѣроятно, что Гай боялся утратить благоволеніе вѣнской политики, тогда уже (въ 1841 г.) недружелюбно смотрѣвшей на дѣятельность Коллара. Вспомнимъ, что незадолго до этого случая, Гай не только отказалъ Корыткѣ напечатать въ своей типографіи его сборникъ словенскихъ пѣсенъ, но и настойчиво требовалъ прекратить съ нимъ всякія сношенія и переписку, ибо Корытко, какъ польскій эмигрантъ изъ Галиціи, былъ личностью подозрительною въ глазахъ австрійской полиціи. Въ своихъ письмахъ изъ Вѣны къ Вразу Срезневскій обвинялъ Гая въ „антиславизмѣ“ и въ томъ, что онъ „какъ основатель (učredník) иллирства, худо понялъ въ чемъ дѣло“, — и при этомъ даже замѣчалъ: „если то правда, что я тутъ (въ Вѣнѣ) слышалъ о Гаѣ, то это ему чести не дѣлаетъ“ [5]). Въ другомъ вѣнскомъ письмѣ въ 1842 г. Срезневскій, отзываясь о Гаѣ нѣсколько иронически, замѣчаетъ: „Богъ создалъ его человѣкомъ хорошимъ, — обстоятельства его испортили“. Въ это время шелъ вопросъ объ основаніи Вразомъ, Раковцемъ и Вукотиновичемъ новаго періодическаго изданія, которое должно было называться Pregled, но получило имя: Kolo. Гай относился недоброжелательно къ этому новому „иллирскому“ предпріятію, видя въ немъ конкуренцію *Данищъ*. Въ недоразумѣніяхъ, возникшихъ по этому поводу между вождями Иллиризма, принялъ нѣкоторое участіе другой русскій славистъ Прейсъ, ставшій посредникомъ между Гаемъ и Вразомъ [6]). Самъ Вразъ въ своихъ письмахъ къ различнымъ лицамъ жалуется на интриги Гая, который, считая себя главнымъ дѣятелемъ въ это время, готовъ былъ преслѣдовать все, что было задумываемо Иллирами помимо его, и съ опасеніемъ смотрѣлъ на упроченіе авторитета другихъ болѣе дѣятельныхъ въ литературѣ, чѣмъ онъ. Нѣсколько тщеславный, онъ хотѣлъ постоянно фигурировать и требовалъ частыхъ манифестацій въ свою честь [7]). Эти черты характера могли дѣлать общеніе съ Гаемъ для многихъ весьма тяжелымъ и даже непріятнымъ.

Нельзя не признать, что положеніе, въ какомъ находились

Хорваты въ 30-ыхъ и 40-ыхъ годахъ, было таково, что вожди ихъ національнаго возрожденія силою обстоятельствъ были вынуждены искать опоры и защиты въ Вѣнѣ. Графъ Драшковичъ не разъ появлялся въ Вѣнѣ въ трудные моменты борьбы съ Мадьярами и постоянно привозилъ утѣшеніе, что императоръ благоволитъ къ Хорватамъ. Aula est pro nobis (дворъ за насъ) было общимъ девизомъ у иллирскихъ политическихъ дѣятелей. Эту вѣру въ расположеніе двора и вѣнской политики къ Хорватамъ не могло разрушить даже запрещеніе Иллиризма въ 1843 г., неотмѣненное и послѣ настойчивыхъ стараній и хлопотъ графа Драшковича. Людевитъ Гай, при началѣ своей дѣятельности, несомнѣнно пользовался благосклоннымъ вниманіемъ вѣнскаго министерства, которое ему покровительствовало ради своихъ цѣлей въ виду поднимавшихся Мадьяръ. Какъ было уже указано, самое разрѣшеніе начать иллирскія изданія дано было императоромъ Францемъ на томъ основаніи, что Мадьяре имѣютъ свои газеты,—слѣдовательно, нужно было уравнять средства въ борьбѣ между Хорватами и Мадьярами. Только благодаря вѣнскому правительству, Гай получилъ въ 1837 г. необходимую тогда привилегію на основаніе „народной иллирской печатни". Наконецъ, пожалованіе драгоцѣннаго перстня Гаю въ 1839 г. императоромъ Фердинандомъ за литературныя заслуги можетъ служить указаніемъ на связи между Гаемъ, какъ вождемъ Иллиризма, и политикою князя Меттерниха. Но это пожалованіе было послѣднимъ знакомъ благоволенія Австріи къ дѣятельности Гая и Иллировъ. Пользовался ли Гай какими либо субсидіями изъ Вѣны, нельзя опредѣленно утверждать. Гай обращался къ австрійскому императору съ просьбою о помощи въ половинѣ 50-ыхъ годовъ, во время своего матеріальнаго упадка, какъ онъ самъ разсказывалъ Петру Лавровскому въ 1859 г., но помощи этой ему не было оказано [8]). Матеріальное или, точнѣе, финансовое положеніе Гая было несомнѣнно весьма тяжелое.

Гай основалъ иллирскія изданія: Novine и Danica на свои небольшія средства, и Копитаръ былъ правъ, предвидя близкое финансовое паденіе его предпріятій. Черезъ три го-

да послѣ начала своихъ изданій Гай рѣшился искать помощи у Россіи. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ въ 1838 г. въ Берлинъ и здѣсь представлялся графу Бенкендорфу, которому разъяснялъ положеніе Хорватовъ и цѣли иллирскихъ патріотовъ. Тогда же онъ представилъ графу Бенкендорфу, сопровождавшему Императора Николая Павловича въ поѣздкѣ за границу, особую записку съ просьбою о поддержкѣ иллирскихъ предпріятій. Лично Гаю было оказано нѣкоторое пособіе (въ 200 червонцевъ) на обратный проѣздъ въ Загребъ и, вѣроятно, дана надежда на поддержку его литературныхъ предпріятій. Въ 1839 г. повѣренный Гая — Геркаловичъ прибылъ въ Петербургъ и представилъ просьбу Гая о выдачѣ ему на иллирскія изданія 52,000 гульденовъ. Геркаловичу однако было отказано въ выдачѣ такой суммы и дано лишь 300 червонцевъ на путевыя издержки. Тогда Гай рѣшился съѣздить въ Россію, чтобы лично хлопотать о поддержкѣ иллирскихъ предпріятій, познакомиться съ видными тогдашними русскими дѣятелями и заинтересовать ихъ иллирскимъ движеніемъ на Славянскомъ югѣ. Въ Россіи въ ту пору о Гаѣ было извѣстно очень мало: лишь Погодину Шафарикъ писалъ о новомъ литературномъ иллирскомъ движеніи и, быть можетъ, польскій путешественникъ Кухарскій, котораго сопровождалъ Гай, будучи еще студентомъ Пештскаго университета, во время его поѣздки по Хорватіи, привезъ въ Москву, гдѣ онъ посѣтилъ Погодина, извѣстія о новыхъ замыслахъ у Хорватовъ и выдвигающемся энергическомъ Гаѣ. Въ Петербургъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Гаѣ доставилъ протоіерей Меглицкій, состоявшій при Россійскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ.

Получивъ рекомендаціи отъ Шафарика, пользовавшагося уже въ ту пору извѣстностью и авторитетомъ въ Россіи, Гай черезъ Берлинъ пріѣхалъ 12 мая 1840 г. въ Варшаву, гдѣ познакомился съ Павлищевымъ, интересовавшимся Славянствомъ, Мацѣевскимъ, къ которому имѣлъ письмо отъ Шафарика, и Дубровскимъ, вскорѣ основавшимъ въ Варшавѣ, по образцу иллирской *Даницы*, журналъ славянскаго характера на русскомъ и польскомъ языкахъ: *Денница*. Въ это время въ Вар-

шавѣ находился проѣздомъ Императоръ Николай Павловичъ, въ свитѣ котораго былъ и графъ Бенкендорфъ, котораго Гаю здѣсь и удалось видѣть. Бенкендорфъ пожелалъ, чтобы Гай подробно изложилъ ему свои планы и желанія въ Петербургѣ. Поэтому тогдашній намѣстникъ Царства Польскаго князь Паскевичъ, которому Гай тоже представлялся, выдалъ Гаю насспортъ на проѣздъ въ Петербургъ и, чрезъ посредство Мацѣевскаго, сто червонцевъ на дорогу. Въ началѣ іюля Гай отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ представилъ графу Бенкендорфу записку, въ которой объяснялъ цѣли своего пріѣзда въ Россію. Напомнивъ о томъ, что въ 1838 году онъ уже представлялъ ему въ Берлинѣ записку, въ которой просилъ о поддержкѣ основанныхъ имъ иллирскихъ учрежденій и о пособіи для снабженія „иллирско-славянской національной типографіи“ русскими шрифтами, чтобы имѣть возможность издавать *Новине* и *Даницу* латиницею и кириллицею, Гай вспоминаетъ и о другой своей запискѣ, поданной полковнику Озерецковскому, бывшему при вѣнскомъ посольствѣ, въ которой онъ объяснялъ юго-славянскія отношенія и доказывалъ необходимость заблаговременнаго содѣйствія и поддержки Россіи иллирскимъ Славянамъ, по крайней мѣрѣ въ литературно національномъ отношеніи. Далѣе Гай говоритъ о поѣздкѣ Геркаловича въ Петербургъ въ 1839 г., оставшейся безъ результата. Объясняя цѣли своего пріѣзда въ Россію, Гай заявляетъ, что если ему не будетъ своевременно оказана поддержка, то какъ его „славянская типографія, такъ и оба журнала, которые до нынѣ дѣйствовали самымъ усерднымъ образомъ въ интересахъ Россіи“ могутъ прекратить свое существованіе или перейти въ руки враговъ Славянства и, находясь на службѣ „враждебнаго запада“ и Мадьяръ, ненавидящихъ Россію, какъ оплотъ Славянства, дѣйствовать противъ всего русскаго. Гай, по вполнѣ понятнымъ побужденіямъ, старался заинтересовать вліятельныхъ лицъ собою и своими изданіями и учрежденіями. Онъ указывалъ на то, что онъ не можетъ открывать „слабыхъ сторонъ“ всего дѣла вслѣдствіе своего положенія, давая этимъ понять, что у себя на родинѣ

онъ не можетъ говорить о недостаткѣ средствъ, ибо этимъ онъ усилилъ бы враговъ удачно начатаго дѣла. „Легко рѣшить вопросъ, возможно ли допустить нравственную смерть человѣка, который умѣлъ, выдвинувшись изъ своего частнаго положенія въ общественное, создать въ иллирско-славянскихъ областяхъ замѣтно вліятельный кругъ дѣйствій, и который безпритязательно жертвовалъ годы на службу Славянамъ вообще и Россіи въ особенности: стоитъ только бросить взглядъ на возможныя въ будущемъ событія, когда онъ, имѣя полную возможность дѣйствовать, могъ бы сослужить еще большую службу". Далѣе онъ обращалъ вниманіе на то, что „иллирская учащаяся молодежь и молодой католическій клиръ, подъ его вліяніемъ, вообще сочувственно относятся къ славянскому алфавиту и славянской церкви". Въ заключеніе записки Гай заявлялъ, что онъ легко могъ бы получить поддержку тамъ, гдѣ ее ему предлагаютъ „враги Славянства", но что онъ рѣшился предпринять трудное путешествіе въ Россію, гдѣ единственно, по своему внутреннему сознанію, онъ могъ бы принять помощь съ истиннымъ чувствомъ благодарности для продолженія своихъ трудовъ на пользу Славянства [9]).

Это обращеніе Гая къ графу Бенкендорфу однако не имѣло успѣха, и желательной помощи Гай не получилъ въ Петербургѣ [10]). Графу Бенкендорфу, незнакомому вообще съ положеніемъ Славянъ въ то время, настойчивость, съ какою добивался Гай пособія, значительная его сумма и даже самое указаніе на практическо-политическія цѣли относительно усиленія вліянія Россіи на иллирскихъ Славянъ,—могли показаться по меньшей мѣрѣ странными и не совсѣмъ понятными. Но все же графъ Бенкендорфъ нашелъ возможнымъ дать Гаю рекомендаціи къ Министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову, который принялъ живое участіе въ вождѣ Иллировъ [11]). Гай представилъ свои изданія Уварову, который ввелъ его въ Россійскую Академію, на засѣданіи которой 13 іюля, по приглашенію ея президента Шишкова, онъ присутствовалъ. Вѣроятно, по соглашенію съ Уваровымъ, Шишковъ внесъ предложеніе объ оказаніи пособія Гаю отъ Академіи въ 5000

руб. асс. Это предложеніе было принято въ засѣданіи Академіи 20 іюля [12]).

Но Гай надѣялся на бóльшую помощь въ Россіи и изъ Петербурга отправился въ Москву, куда имѣлъ рекомендаціи, между прочимъ, отъ Мацѣевскаго къ Погодину [13]). Въ своемъ письмѣ Мацѣевскій выражаетъ мнѣніе, что Гай достоинъ всякой поддержки, какъ человѣкъ, который энергически и послѣдовательно разбиваетъ предубѣжденія противъ Славянъ, существующія въ Европѣ, имѣетъ большую популярность, какъ виновникъ возрожденія (Regenerator) въ иллирскихъ областяхъ, поселяетъ любовь и уваженіе ко всему національному и къ славянскому алфавиту и т. д. Сочувствіе этого знаменитаго польскаго ученаго и славянскаго патріота къ дѣятельности Гая и участіе въ его положеніи дало Гаю право сослаться на него въ своей запискѣ графу Бенкендорфу.

Въ Москвѣ Гай прежде всего явился къ Погодину, который принялъ въ немъ самое искреннее и теплое участіе. Здѣсь онъ составилъ нѣсколько замѣтокъ, въ которыхъ развивалъ общія положенія иллирскаго ученія. Говоря о трудахъ градецкаго профессора Мухара, Гай распространяется о древности Славянъ на Дунаѣ и Савѣ и вдается въ объясненія славянскихъ именованій различныхъ городовъ (*Любляна* отъ *любить*, и древнее ея названіе Aemona представляетъ переводъ славянскаго слова и происходитъ отъ лат. amare и т. п.). Гай обвиняетъ нѣмецкихъ историковъ въ томъ, что они, видя всюду Кельтовъ въ древней исторіи Европы, разрушили считавшееся несомнѣннымъ славянство древнихъ Иллировъ. Вотъ какъ объясняетъ Гай самое именованіе: Иллирія. „Il или Ilo значитъ *земля* (limus terrae) и окончаніе ir является въ славянскихъ нарѣчіяхъ, преимущественно въ иллирскихъ, во многихъ словахъ, слѣдовательно слово: Illiri значитъ тоже, что terrigenae, autochtones, aborigenes“. Далѣе записка замѣчаетъ: „съ полнымъ основаніемъ поэтому Гай, которому удалось уничтожить провинціализмъ у всѣхъ единоплеменниковъ, вновь ввелъ въ жизнь иллирское именованіе вмѣсто славянскихъ: Горичане, Хорутане, Краинцы, Штирійцы, Хорваты,

Далматинцы, Славонцы, Сербы, Босняки, Герцеговинцы, Черногорцы, какъ общее". Сообразно съ этимъ установленъ для всѣхъ ихъ одинъ общій иллирскій языкъ. Назвать этотъ языкъ сербскимъ нельзя уже потому, что онъ въ употребленіи у другихъ иллирскихъ народовъ, именующихъ себя иначе. Именованіе: *Сербы* было перенесено со времени Досиѳея Обрадовича литературою отъ православныхъ Сербовъ къ православнымъ Хорватамъ, Славонцамъ, Далматинцамъ и Боснякамъ. Именованіе *Иллиры* особенную важность имѣетъ для православныхъ Славянъ по сю сторону Дуная, ибо всѣ ихъ привилегіи называютъ ихъ Иллирами.—Гай далѣе указывалъ, что обычаи и даже костюмъ, описываемые древними путешественниками, напр. на островѣ Кркѣ (Veglia), сохранились и донынѣ, что доказываетъ славянство древнихъ Иллировъ, и въ подтвержденіе привязанности Славянъ къ дереву *липѣ* разсказываетъ о случаѣ, когда старая липа, подъ которою собирались жители общины Крашичи (въ загребской жупаніи), была немилосердно срублена, не смотря на всѣ просьбы жителей, по приказанію администраціи [14]). Наконецъ Гай обращаетъ вниманіе на старинныя общины: Турово-поле и Лоньско-поле, интересныя въ бытовомъ и историческомъ отношеніяхъ. Въ заключеніе Гай упоминаетъ о нѣмецко-иллирскомъ словарѣ Ужаревича и Мажуранича, имъ издаваемомъ, въ которомъ указаны чисто иллирскія слова языка литературы. Эти записки имѣли цѣлью ознакомить Москвичей съ задачами и цѣлью Иллиризма, его основаніями, иллирскими изданіями и изслѣдованіями.

Но болѣе важною была записка Гая подъ заглавіемъ: Secreta arcana, въ которой онъ объяснялъ политическія и народныя цѣли Иллиризма. Въ началѣ ея говорится, что Людевитъ Гай поставилъ своею задачею создать оплотъ противъ сильнаго напора враждебныхъ вліяній на Славянъ между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ, которымъ грозила полная потеря національности, и разбудить въ своихъ единоплеменникахъ энергію для защиты своей національности. „Достойный удивленія, быстрый успѣхъ его стремленій показываетъ, что онъ былъ дѣйствительно призванъ къ тому, чтобы объединить ил-

лирскихъ Славянъ во всѣхъ областяхъ въ одномъ общемъ національномъ интересѣ и такимъ образомъ положить начало новой эпохѣ". Упомянувъ затѣмъ о похвальной статьѣ Шафарика въ Ost und West, авторъ записки передаетъ то, „что не должно быть публиковано". — „Вслѣдствіе изустныхъ патріотическихъ наставленій его (Гая) уже бо́льшая часть римско-католическихъ патріотовъ Илляріи и именно многочисленный молодой клиръ въ семинаріи пришелъ къ убѣжденію, что восточная независимая церковь должна быть разсматриваема, какъ собственно славянская національная церковь, отъ которой бо́льшая половина иллировъ была отдѣлена частью соблазномъ, частью насильно врагами славянскаго единенія, и что только черезъ ихъ посредство можетъ быть вполнѣ устранено всякое различіе, и возстановлено духовное единеніе во всѣхъ иллирскихъ областяхъ. Такъ какъ вслѣдствіе этого ученія, распространяемаго съ осмотрительностью и энергіей, папизмъ долженъ уступить чистому славянскому національизму, то всѣ взоры патріотовъ и въ религіозномъ отношеніи обратятся къ той сторонѣ Славянства, гдѣ сохранилось славянско-національное христіанство въ своей полнотѣ. Съ этою перемѣною тамошнихъ воззрѣній патріоты обратили вниманіе какъ на все, что имѣетъ признаки славянской національности, — преимущественно на славяно-русскій алфавитъ. Въ то время какъ въ католической семинаріи считался кирилловскій алфавитъ до появленія Гая еретическимъ, теперь ему учатся и его любятъ, какъ палладіумъ строгаго національизма. Объединеніемъ различныхъ провинціальныхъ латинскихъ разнописаній въ одной органической орѳографіи и введеніемъ одного, и при томъ именно того письменнаго языка, которымъ пользуются главнымъ образомъ православные Иллиры, пишущіе русскими буквами, онъ сдѣлалъ необходимымъ изученіе славянскаго алфавита латинской половинѣ Иллировъ, вслѣдствіе чего новая его орѳографія должна служить для латинскихъ Иллировъ какъ бы мостомъ для перехода отъ латинизма къ чистому славизму. Это направленіе народнаго настроенія, основанное на незыблемыхъ началахъ, обратило къ нему

всѣ сердца, и слѣдуетъ признать, что Гаю первому въ теченіе столѣтій оказали свое безграничное довѣріе всѣ иллиры обѣихъ церквей, одни—потому, что онъ направляетъ ихъ на истинный путь, другіе потому, что онъ ведетъ къ нимъ братьевъ, и всѣ — потому, что онъ старается превратить взаимную ненависть во взаимную любовь". Въ заключеніе Гай упоминалъ о пожертвованіи всѣхъ своихъ средствъ на патріотическое славянское дѣло, о своемъ тяжеломъ положеніи и выражалъ надежду, что „славяно-русскіе патріоты подадутъ ему помощь, какой можетъ ожидать нуждающійся братъ отъ своего благословеннаго богатствомъ брата".

Погодинъ составилъ на основаніи этихъ данныхъ особую записку, въ которой говорилось о неудачѣ, постигшей Гая въ Петербургѣ, и предложилъ собрать частнымъ путемъ для знаменитаго иллирскаго дѣятеля 15000 руб. на продолженіе его изданій.

Гай былъ принятъ въ Москвѣ съ открытыми объятіями. Мысль о сближеніи со Славянствомъ была тогда нова для московскаго общества, и славянофилы готовы были поддержать всякое доброе начинаніе у Славянъ, — это было время дружной дѣятельности Хомякова, Константина Аксакова, Юрія Самарина, Погодина, Шевырева. Единство и объединеніе Славянъ представлялось тогда столь возможнымъ и осуществимымъ, романтизмъ эпохи одѣвалъ это уже скоро предстоящее, какъ казалось, міровое событіе въ столь поэтическія формы, что не возникало сомнѣній, возможно ли при помощи однихъ литературныхъ трудовъ, газеты и журнала, и посредствомъ одного лица совершить такой громадный переворотъ, какъ объединеніе „иллирскихъ народовъ" въ старомъ славянскомъ вѣроисповѣданіи—православномъ и введеніе въ общее употребленіе у Славянъ кириллицы. — Москвичи старались познакомить Гая съ Москвою, ея обычаями, стариною, театромъ и выдающимися людьми. Сборы денегъ шли однако медленно отчасти потому, что Россію въ 1840 г. постигъ неурожай. Лишь къ зимѣ были собраны деньги для Гая, при чемъ приняли участіе въ Гаѣ и Иллирахъ и видные члены московской

аристократіи и администраціи, какъ князь Д. В. Голицынъ, Олсуфьевъ, Панинъ и др.

По словамъ Хомякова, для Гая было собрано въ Москвѣ 20,000 руб. асс. [15]), но Погодинъ въ одной изъ своихъ рѣчей опредѣляетъ эту сумму въ 17,500 руб. [16]). Гай не дождался окончанія сбора пожертвованій въ Москвѣ для иллирскихъ изданій и цѣлей и, получивъ письма къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ Петербурга, отправился туда еще разъ испробовать удачи по своимъ ходатайствамъ, но не имѣлъ успѣха; ему было дано даже понять, что „дѣло ведется непредусмотрительно“. Въ началѣ сентября Гай уѣхалъ изъ Россіи на Гамбургъ и черезъ Прагу вернулся въ Загребъ. Сообщая Погодину изъ Гамбурга о результатахъ своего вторичнаго посѣщенія Петербурга, Гай писалъ, что онъ получилъ въ Россіи только „половину самонужнѣйшаго“ [17]).

Такое обращеніе Гая къ Россіи и Русскимъ съ просьбами о помощи было вполнѣ естественно и понятно и оправдывалось тогдашними обстоятельствами. Къ этому Гая побуждали не только всяческія надежды Славянъ на могущественную Россію, благодаря заботамъ которой возникло Сербское княжество, но и слухи о начавшемся общественномъ интересѣ къ Славянамъ и дѣятельности славянофиловъ. Извѣстно затѣмъ было, что Россійская Академія весьма внимательно относилась въ ту пору ко всѣмъ выдающимся славянскимъ литературнымъ дѣятелямъ и явленіямъ. Нѣкоторые ученые слависты за предѣлами Россіи были за свои труды награждаемы золотыми академическими медалями безъ всякаго старанія о такомъ отличіи съ ихъ стороны, — наприм. была послана золотая медаль Копитару за его Glagolita Clozianus [18]). Нѣкоторымъ изъ видныхъ ученыхъ было выдано значительное пособіе, отпускались деньги на ученыя путешествія по славянскимъ странамъ, даже назначалась ежегодная пенсія. Такъ, чрезъ Погодина въ 1839 г. было передано значительное пособіе (по 5000 руб. асс.) Шафарику и Ганкѣ на окончаніе ихъ трудовъ. Вукъ Караджичъ съ 1825 г. получалъ ежегодную пенсію изъ Россіи во сто червонцевъ, часто выпрашивалъ себѣ различныя

пособія отъ Россійской Академіи на поѣздки по славянскому югу, пытался въ 1838 г. получить изъ Академіи же значительную сумму на переизданіе своихъ сборниковъ пѣсенъ и словаря [19]) и т. д. Даже публицисты въ славянскихъ странахъ получали одобренія и поощренія отъ Россійской Академіи. Такъ, въ 1836 г. былъ награжденъ золотою медалью съ надписью: „за успѣхи въ Россійской словесности“ сербскій публицистъ Ѳедоръ Павловичъ. Награждая сама труды славянскихъ дѣятелей, Россійская Академія столь близко принимала во вниманіе ихъ нужды, что даже заявляла о своей благодарности тѣмъ, кто ихъ поощрялъ: въ 1837 году она благодарила сербскаго князя Милоша Обреновича за то, что онъ назначилъ пенсію Вуку Караджичу за его заслуги въ сербской словесности.

Гай не могъ не чувствовать шаткость опоры на благоволеніе австрійскаго правительства, которое пользовалось иллирскимъ движеніемъ для своихъ цѣлей, и желалъ прочнѣе и независимѣе поставить свои изданія, игравшія въ ту пору столь важную роль. Онъ, ученикъ Коллара, былъ проникнутъ идеей славянскаго единства—и гдѣ же онъ могъ разсчитывать найти и пониманіе дѣла, и помощь, какъ не въ Россіи? Поэтому вполнѣ понятно его обращеніе съ просьбою о поддержкѣ и къ русскому правительству, и къ обществу. Но въ своихъ запискахъ, если бы и признать ихъ искренность, Гай обѣщалъ слишкомъ много: онъ поэтизировалъ положеніе дѣлъ. Дальнѣйшія обстоятельства не оправдали Гая, и если бы русская помощь и была ему оказана въ желанномъ размѣрѣ, едва ли бы онъ могъ провести на практикѣ имъ намѣченное въ московскихъ запискахъ.

Вернувшись въ Загребъ, Гай продолжалъ энергически дѣйствовать въ иллирскомъ направленіи. Оба его изданія въ эти годы (1840—1843) были особенно содержательны и получили еще большее значеніе. Гай считалъ необходимымъ для пропаганды иллирскихъ идей личныя путешествія по славянскимъ землямъ. Въ 1839 г. онъ сдѣлалъ поѣздку по Адріатическому приморью и побывалъ на многихъ островахъ, а въ

1841 г. онъ сдѣлалъ большое путешествіе по Далматіи, въ которой славу объ его дѣятельности въ Загребѣ разнесъ молодой поэтъ Тернскій, путешествовавшій тамъ въ 1839 г., и вмѣстѣ съ Ант. Мажураничемъ посѣтилъ Черногорію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Дубровникѣ, ему былъ оказанъ самый торжественный пріемъ. По возвращеніи Гая въ Загребъ изъ этого путешествія Иллиры устроили въ его честь серенаду, а нѣкоторые иллирскіе поэты, между прочимъ Штоосъ, написали по этому поводу стихотворенія. Въ это время популярность Гая была въ своемъ зенитѣ [20]). Въ 1846 г. Гай путешествовалъ по Сербіи вмѣстѣ съ княземъ Александромъ Карагеоргіевичемъ. Чехію Гай посѣщалъ весьма часто. Когда въ іюнѣ 1846 г. онъ пріѣхалъ въ Прагу, въ его честь былъ устроенъ праздникъ на Софійскомъ островѣ на Велтавѣ. Подобный же вечеръ былъ устроенъ Чехами, Сербами и Хорватами въ Вѣнѣ, когда Гай посѣтилъ австрійскую столицу въ октябрѣ 1847 г.

Выдающуюся политическую роль Гай игралъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ движенію 1848 года. Когда Мадьяре на сеймѣ 1847 года въ Пожунѣ продолжали настаивать на своихъ различныхъ требованіяхъ отъ Хорватовъ и, подобно Кошуту, даже отрицали самое существованіе Хорватіи, Гай поѣхалъ въ Пожунъ, чтобы быть посредникомъ между Хорватами и мадьярскими націоналистами. Тутъ онъ принялъ было на себя трудную роль примирителя партій и старался также о тѣсномъ сближеніи между Сербами и Хорватами. Въ свидѣтельствѣ, выданномъ Гаю 23 ноября 1847 года въ Пожунѣ за подписью православныхъ сербскихъ епископовъ и многихъ священниковъ, съ архіепископомъ Раячичемъ во главѣ, заявляется признаніе литературныхъ и политическихъ заслугъ Гая. Сербское духовенство ставило ему въ заслугу то, что онъ своими изданіями сдѣлалъ сербскій языкъ общелитературнымъ у Юго-славянъ и, содѣйствуя возбужденію духа народности, старался о возстановленіи добрыхъ отношеній между исповѣдниками восточной и западной церквей [21]). Подобное же признаніе заслугъ въ свидѣ-

тельствѣ на латинскомъ языкѣ Гай получилъ тогда и отъ хорватскихъ представителей за подписью Германа Бужана, Метелла Ожеговича, Мойзеса и др. [22]).

Въ 1848 году Гай становится во главѣ политическаго движенія въ Хорватіи,—онъ какъ бы былъ выдвинутъ народнымъ теченіемъ въ распорядители судьбами хорватскаго народа. На слѣдующій день послѣ полученія извѣстія о происшедшемъ въ Вѣнѣ переворотѣ, 17 марта 1848 г. былъ образованъ въ Загребѣ народный комитетъ, во главѣ котораго сталъ Гай. Онъ немедленно отправился въ Градецъ къ эрцгерцогу Іоанну, съ которымъ былъ знакомъ, и затѣмъ въ Вѣну. Дѣло шло объ избраніи бана, котораго въ ту пору не было. Хорваты рѣшились, между прочимъ, возстановить свое старое право выбора бана и добиться фактическаго объединенія Хорватіи, Славоніи и Далматіи. 25 марта, въ многочисленномъ собраніи представителей хорватскаго народа въ „Народномъ домѣ", по предложенію Гая, баномъ былъ избранъ баронъ Іосифъ Елачичъ Бужимскій, народный и патріотическо-иллирскій образъ мыслей котораго былъ хорошо извѣстенъ въ Хорватіи. Это избраніе было встрѣчено общимъ восторгомъ. Narodne Novine и Danica стали вновь писать объ Иллиризмѣ и употреблять запрещенныя слова: *иллиры, иллирскій.* Въ изданіяхъ Гая появляются статьи, въ которыхъ объясняется значеніе революцій и переворотовъ, говорится объ „обскурантизмѣ" и о „свободѣ печати" и раскрываются задачи, къ которымъ должны стремиться Хорваты для своего возрожденія [23]). Въ это же время часть хорватскаго духовенства заявила требованія о необходимости реформъ въ строѣ католической церкви, между прочимъ требовали введенія народнаго языка въ богослуженіе и уничтоженія целибата духовенства. Штоосъ напечаталъ въ ту пору свою брошюру объ исправленіи нравовъ духовенства [24]). Гай смѣло сталъ на сторону этого новаго направленія въ католическомъ духовенствѣ, и въ его изданіяхъ помѣщено нѣсколько статей въ защиту требованій Штооса и его единомышленниковъ. Въ виду воинственнаго настроенія, охватившаго всѣхъ на славянскомъ югѣ,

Danica помѣщала много различныхъ стихотвореній воинственнаго характера. Всѣ они напоминаютъ Хорватамъ, что они—Славяне и должны защитить свою славянскую славу и честь. „Девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ Славянъ“, провозглашалъ въ ту пору Тернскій въ одномъ стихотвореніи [25]), а другой поэтъ, отвѣчая на воинственный кличъ Мадьяръ, призываетъ всѣхъ „къ оружію“. — „Вотъ, братья, доходятъ вѣсти, что врагъ на насъ поднимается и во гнѣвѣ хочетъ уничтожить нашъ домъ и очагъ. Что, развѣ наше отечество не имѣетъ вѣрнаго, храбраго сына, который бы его защитилъ. О, оно имѣетъ ихъ тысячи, и каждый съумѣетъ умереть или побѣдить и прославить *Славу*. Пусть только они придутъ сюда, мы ихъ встрѣтимъ, какъ слѣдуетъ“ [26]). Такой воинственный тонъ приняла *Даница* въ эту годину смутъ.

Гай вмѣстѣ съ Амвросіемъ Враницани и Иваномъ Кукулевичемъ предводительствовалъ хорватскою депутаціею изъ 400 человѣкъ, которая въ Вѣнѣ представлялась 31 марта императору Фердинанду и передала желанія Хорватовъ въ 24 пунктахъ, выработанныхъ въ Загребѣ. При этомъ Гай, какъ вождь депутаціи, произнесъ рѣчь. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ чинъ совѣтника.

Въ началѣ движеніе въ славянскихъ областяхъ Австріи получило свой особый характеръ: оно стало панславянскимъ. Первый давшій выраженіе этому былъ Кукулевичъ, который, вернувшись изъ Вѣны, напечаталъ въ *Народныхъ Новинахъ* 20 апрѣля 1848 г. предложеніе о созваніи *славянскаго конгресса* [27]). Мысль эта была принята съ воодушевленіемъ въ Чехіи, и 11 мая вышло въ Прагѣ воззваніе за подписью графа Іосифа Туна, Шафарика, Палацкаго, Штура и др. о созваніи такого съѣзда Славянъ въ Прагѣ 31 мая. Участниками этого конгресса со стороны Хорватовъ въ качествѣ депутатовъ были: Станко Вразъ, Драгутинъ Кушлянъ, Максиміліанъ Прицъ, Іосифъ Праусъ и Матвѣй Топаловичъ. Одновременно съ тѣмъ завязываются сношенія между сеймами чешскимъ и хорватскимъ, въ которомъ приняли участіе Словаки и Словенцы. Чехи выслали въ Загребъ даже особыхъ своихъ

представителей: Душана Лямбля и Яромира Эрбена съ порученіемъ привѣтствовать хорватскій сеймъ; въ благодарность за это Хорваты уполномочили своихъ участниковъ славянскаго конгрессса въ Прагѣ привѣтствовать чешскій сеймъ [28]).

Гай и съ нимъ выдающіеся Иллиры старались о тѣснѣйшемъ сближеніи съ Сербами. Имъ казалось, что приближается, наконецъ, время осуществленія мечты о созданіи „Великой Иллиріи". Не смотря на то, что Гай могъ вооружить противъ себя католиковъ, онъ требовалъ, чтобы при торжествѣ вступленія въ достоинство (инсталляціи) бана Елачичъ былъ приведенъ къ присягѣ карловацкимъ митрополитомъ Раячичемъ, котораго Сербы 13 мая провозгласили своимъ патріархомъ. Это и состоялось 5 іюня, не смотря на сопротивленіе католика Елачича. Гай надѣялся этимъ путемъ связать и сблизить Хорватовъ и Сербовъ навсегда, давъ явное доказательство уваженія къ православному исповѣданію Сербовъ со стороны Хорватовъ-католиковъ. Въ 1849 г. онъ сдѣлалъ было попытку основать даже сербскую газету.

Но именно этимъ участіемъ Гая въ политическихъ событіяхъ и переворотахъ 1848—1849 годовъ и заканчивается блестящая пора его дѣятельности, — это былъ поворотный пунктъ въ его жизни, и съ той поры начинается полное паденіе значенія Иллиризма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главнаго его проповѣдника. Причина паденія Гая лежала отчасти въ политической его близорукости, отчасти въ личныхъ его недостаткахъ и слабыхъ сторонахъ характера. Подъ живымъ впечатлѣніемъ только что пережитой борьбы съ Мадьярами, Гай поспѣшилъ войти въ соглашеніе съ вѣнскою политикою: онъ, вѣроятно, надѣялся, что Австрія, спасенная Россіею и Славянами, вступитъ на путь славянской политики. А между тѣмъ вскорѣ оказалось, что вѣнская политика болѣе опасалась обнаружившагося въ смутное время быстраго роста Славянъ въ Австріи, чѣмъ уже разбитыхъ и ослабленныхъ Мадьяръ. Наступилъ десятилѣтній періодъ реакціи, которая всею тяжестью легла на тѣхъ же Славянъ, которые спасли Австрію отъ разрушенія. Людевитъ Гай прекратилъ *Даницу* и передалъ свои

Новины и даже свою типографію въ руки вѣнскаго правительства, и въ заголовкѣ иллирской газеты съ той поры въ теченіе десяти лѣтъ стоялъ австрійскій орелъ. Къ этому рѣшительному шагу побудили Гая и личныя матеріальныя затрудненія. Современники разсказываютъ о роскошной жизни Гая въ сороковыхъ годахъ и о постоянныхъ пріемахъ въ его домѣ. Желая поддержать свою славу иллирскаго вождя и право на титулъ виновника народнаго возрожденія Хорватовъ, а также привлечь къ Иллиризму колеблющихся или индифферентныхъ, Гай открывалъ настежь свои двери всѣмъ патріотамъ, пріѣзжавшимъ въ Загребъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ непрактическихъ натуръ, которыя не знаютъ счета своимъ средствамъ и потому силою обстоятельствъ иногда вынуждаются принимать на себя унизительную и тяжелую роль просителя.

Въ 50-ыхъ годахъ Гай былъ покинутъ почти всѣми прежними своими сторонниками. Лишь Деметеръ и нѣсколько другихъ второстепенныхъ „Иллировъ" остались ему вѣрными. Онъ пробовалъ привлечь къ себѣ молодежь, но это ему уже не удавалось [29]). „Иллиризмъ" и „иллирская идея", потерявшія свое поэтическое обаяніе, поступили на австрійскую службу и лишились всякаго значенія у Хорватовъ. Возникли новые поиски за общимъ именемъ для Славянъ юга, и таковое нашли въ именованіи: *Юго-славяне*, *юго-славянскій*. Потерявъ въ Хорватіи силу и значеніе, Гай потерялъ цѣну и въ глазахъ вѣнскаго правительства. Но все же Гай былъ постоянно твердымъ и истиннымъ патріотомъ своей земли, и въ это трудное для него время онъ самъ не перешелъ въ ряды приверженцевъ новаго порядка и не сталъ австрійскимъ чиновникомъ, подобно многимъ другимъ прежнимъ Иллирамъ. Въ 1853 г. онъ былъ арестованъ по какому то подозрѣнію и препровожденъ въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ вмѣсто прежняго предупредительнаго пріема испытать грубость обращенія, а вѣнскія газеты помѣщали о немъ насмѣшливыя замѣчанія: es kommt der illyrische Papa-gay.—Въ 1853 г. онъ возобновилъ было *Даницу*, изданіе которой было имъ прекращено

въ 1849 г., но она уже не имѣла ни прежняго духа, ни прежняго значенія. Энтузіазмъ исчезъ, и Гай вышелъ уже изъ рядовъ дѣятелей. Онъ поселился въ своемъ небольшомъ имѣніи вблизи Загреба—Мирогоѣ, гдѣ нынѣ расположены гробницы иллирскихъ дѣятелей. Въ концѣ 50-ыхъ годовъ окончательно разразился финансовый кризисъ надъ Гаемъ: онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, и надъ нимъ была учреждена опека. Когда въ 1860 г. въ Австріи произошла перемѣна внутренней политики, Гай хотѣлъ было даже вновь выступить на политическую арену. Но для новыхъ формъ политической жизни и новой борьбы нужны были новые люди, свѣжіе дѣятели, и Гай отказался отъ своего замысла. Самъ Гай понималъ это требованіе жизни, измѣнившей условія дѣятельности. „Молодое поколѣніе, говорилъ онъ Шеноа въ Вѣнѣ въ 1865 г., должно выступить съ чѣмъ-то *третьимъ*, что не было бы ни нѣмецкимъ, ни мадьярскимъ. Боже! гдѣ наши идеи, наше увлеченіе! Пріѣзжайте въ Загребъ,—и я буду съ вами. Еще не заснулъ старый волкъ, еще ударитъ для меня часъ“ [30]). Но думая такъ, онъ ошибался: роль его была уже съиграна...

Матеріальное положеніе Гая въ послѣднія 15 лѣтъ его жизни было столь печально, что онъ былъ принужденъ прибѣгать къ просьбамъ о помощи. Въ 1866 г. составленъ былъ, по просьбѣ Гая, особый комитетъ для сбора народныхъ пожертвованій въ пользу бывшаго вождя времени Иллирскаго возрожденія. Комитетъ этотъ издалъ особое воззваніе, подъ которымъ подписалось 135 народныхъ представителей сейма: тутъ встрѣчаются подписи сербскаго патріарха Маширевича, католическихъ епископовъ Штроссмайера, Краля, Соича, православныхъ епископовъ писателя Никанора Груича и Лукіана Николаевича, извѣстнаго ученаго, каноника д-ра Рачкаго, уніатскаго епископа Юрія Смичикляса, многихъ сербскихъ дѣятелей и писателей (Іована Субботича, Полита-Десанчича и др.), многихъ видныхъ Хорватовъ (графа Кульмера, Казиміра Елачича, нѣскольких Ожеговичей и др.) и т. д. Въ 1868 г. этотъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Вукотино-

вича, получилъ разрѣшеніе властей на сборы въ пользу Гая. „Мы выступаемъ предъ нашимъ народомъ, чтобы просить о заслуженной помощи тому самому Гаю, который 35 лѣтъ тому назадъ зажегъ лучъ народнаго просвѣщенія и самосознанія“, писали члены комитета. Помощь эта должна была носить названіе: „народнаго вознагражденія“. Но отзыва не раздалось уже ни откуда, и если было прислано пособіе Гаю, то оно было сравнительно ничтожное [31]).

Въ 1867 году, во время съѣзда Славянъ въ Москвѣ на этнографической выставкѣ, Гай еще разъ пріѣзжалъ въ Россію. Съ собою онъ привозилъ различныя свидѣтельства о своихъ заслугахъ въ области литературы на славянскомъ югѣ и относительно установленія хорошихъ отношеній между раздѣленными вѣроисповѣдно Сербами и Хорватами. Напрасно и здѣсь предъявлялъ онъ эти свидѣтельства, изъ коихъ въ одномъ, выданномъ патріархомъ Раячичемъ въ 1860 г., подробно перечислялись заслуги Гая и упоминалось, что онъ „богодухновеннымъ мановеніемъ опредѣленный единый членъ хорватскаго народа получилъ дерзновеніе, еже съ предлогомъ своимъ предъ народъ свой изити, да наступающій тысящегодишній юбилей словенскихъ апостоловъ свв. Кирилла и Меѳодія общимъ со страны Хорватовъ пріятіемъ и введеніемъ славенскія кириллицы достойнѣйше почтенъ и прославленъ будетъ“, а въ другомъ, выданномъ патріархомъ Самуиломъ Маширевичемъ въ 1867 году заявлялось, что Гай „на семъ многотрудно-церковно-народномъ поли непрерывно и вседушнѣ, со ревностію же къ тому всякою и съ пожертвованіемъ многимъ не престалъ ниже до днесь труднѣ убо начатое, но похвалы, признанія же и уваженія всякаго достойное дѣло продолжати“. На этотъ разъ Гай не встрѣтилъ уже и въ Москвѣ такого отзыва и сочувствія, какимъ пользовался въ свой первый пріѣздъ въ 1840 году.

Покинутый вѣнскою политикою, которая больше не могла и не хотѣла пользоваться его услугами, почти забытый у себя на родинѣ, часто нуждаясь въ самомъ необходимомъ, доживалъ свои дни вблизи Загреба Людевитъ Гай, нѣкогда вос-

пламенявшій своими рѣчами народный энтузіазмъ всюду въ родныхъ странахъ, популярнѣйшій человѣкъ въ Хорватіи, игравшій первую роль на юго-славянскомъ западѣ во время движенія 1848 г., надѣявшійся осуществить объединеніе Юго-славянъ какъ литературное, такъ, быть можетъ, и политическое въ формѣ федераціи. 20 апрѣля 1872 г., придя въ редакцію основанной имъ, но уже не ему принадлежавшей хорватской газеты, Гай внезапно скончался.

Мы должны остановиться на одномъ еще не вполнѣ разъясненномъ случаѣ, весьма неблагопріятномъ для Гая, при оцѣнкѣ его личности со стороны нравственныхъ требованій, въ томъ освѣщеніи, которое дается ему извѣстными до нынѣ свидѣтельствами. Это — дѣло о вытребованіи имъ значительной суммы въ свою пользу отъ князя Милоша Обреновича во время его пріѣзда въ Загребъ въ маѣ 1848 г. Этотъ случай, о которомъ, впрочемъ, были уже давно упоминанія [32]), освѣщенъ въ послѣднее время двумя разсказами самого князя Милоша: въ приписываемыхъ ему автобіографическихъ запискахъ, изданныхъ г. Миличевичемъ, какъ *Споменик* XXI Сербской Академіи Наукъ [33]), и люблянскаго торговца Карингера, сблизившагося съ княземъ Милошемъ во время его остановки въ Люблянѣ въ 1848 г. и записавшаго его разсказъ объ его арестѣ въ Загребѣ [34]). Оба свидѣтельства, такимъ образомъ, имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ, именно разсказъ лица пострадавшаго.

Въ своихъ „Запискахъ“ князь Милошъ разсказываетъ, что лишь только онъ пріѣхалъ въ Загребъ (это было вечеромъ 10 (22) мая 1848 г.) и остановился въ гостинницѣ, какъ къ нему явились два чиновника, которые заявили ему требованіе бана Елачича, чтобы онъ немедленно отправился въ Люблянy. Милоша сопровождалъ извѣстный впослѣдствіи одинъ изъ регентовъ Сербіи во время малолѣтства Милана Обреновича Миливой Блазнавацъ. Князь Милошъ, усталый съ дороги, не могъ и не хотѣлъ немедленно выѣхать и послалъ Блазнавца къ „провизору“ Гаю, съ которымъ онъ давно имѣлъ сношенія, разузнать о причинахъ такого требованія. Но ночью

была поставлена стража у комнатъ, занятыхъ княземъ Милошемъ, и онъ оказался подъ строгимъ арестомъ. Когда на третій день пришелъ къ нему Гай, Милошъ спросилъ его о причинѣ такого поступка хорватскаго правительства и своего ареста. Гай объяснилъ, что банъ получилъ изъ Вѣны извѣстія о какихъ-то сношеніяхъ князя съ Мадьярами. Черезъ нѣсколько дней вновь пришелъ Гай къ Милошу и просилъ у него денегъ для бана Елачича. Князь далъ 2000 гульденовъ и черезъ нѣсколько дней передалъ Гаю же для бана еще 15000 гульд. Гай объяснялъ Милошу трудное положеніе бана въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. „Я ему повѣрилъ, разсказываетъ князь Милошъ, и братство Хорватовъ съ моей націей тронуло мое сердце“, но далѣе замѣчаетъ: „Гай взялъ эти деньги и ушелъ, а я все же остался подъ арестомъ“. Прошло еще нѣкоторое время, и Гай потребовалъ еще 2000 червонцевъ, угрожая продолженіемъ ареста. Князь сначала ему отказалъ, но послѣ рѣшился дать и эту сумму съ условіемъ освобожденія изъ подъ ареста. Но онъ все же не былъ выпущенъ на свободу и по распоряженію властей долженъ былъ переселиться въ „частный домъ“ (приватну кућу) изъ гостинницы и по прежнему находился подъ стражею. Гай больше его не посѣщалъ, но за то Милошу представился капитанъ Планкъ, очень ему понравившійся. Черезъ его посредство, князь Милошъ добился свиданія съ баномъ Елачичемъ, который дружески его принялъ и обѣщалъ отпустить изъ подъ ареста. Но тутъ-то и явился помѣхою Гай, убѣдившій бана не выпускать князя Милоша на свободу. Въ это время за князя Милоша сталъ хлопотать братъ бана Елачича, вернувшійся изъ Вѣны, гдѣ его объ этомъ просилъ секретарь Милоша, Константинъ Хадія, но все же еще нѣсколько дней колебался Елачичъ, находившійся подъ вліяніемъ Гая. Наконецъ, князю Милошу была предоставлена свобода, и онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Загреба въ Любляну, куда его сопровождалъ тотъ же капитанъ Планкъ. „За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Загреба, разсказывалъ Милошъ, меня посѣтилъ торговецъ Станковичъ. Я ему, между прочимъ, разсказалъ, что далъ Гаю для

бана нѣкоторую сумму денегъ; предъ моимъ отъѣздомъ объ этомъ узналъ банъ и прислалъ офицера спросить, далъ ли я Гаю денегъ и сколько. Я же, обрадовавшись, что избавился отъ опасности, и боясь новыхъ затрудненій, не желалъ сказать правды и отвѣтилъ: „я далъ ему отъ пяти до шести тысячъ гульденовъ“. Офицеръ такъ и записалъ“. — Въ день пріѣзда князя Милоша въ Люблану, 10 іюня, было получено требованіе бана, чтобы онъ немедленно возвратился въ Загребъ для объясненій по дѣлу о деньгахъ, данныхъ Гаю, который утверждалъ, что денегъ отъ князя Милоша не бралъ. Милошъ отказался вернуться въ Загребъ и отправился изъ Любляны въ Иннсбрукъ. Таковъ разсказъ самого Милоша въ приписываемыхъ ему запискахъ.

Въ разсказѣ Карингера, которому князь Милошъ передавалъ черезъ переводчика Іовановича о случившемся съ нимъ въ Загребѣ, пояснены прежнія отношенія Гая къ Милошу. Гай не разъ посѣщалъ князя въ Вѣнѣ и бралъ у него въ займы по тысячѣ и по двѣ гульденовъ, но никогда не возвращалъ занятаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда Милоша въ Загребъ Гай въ Вѣнѣ вновь пытался занять у него денегъ, объясняя, что онѣ ему нужны для спасенія хорватской народности, но такъ какъ это была весьма значительная сумма, то князь отказалъ, за что́ Гай разсердился на Милоша. Лишь только Милошъ пріѣхалъ въ Загребъ, Гай тотчасъ явился къ нему и напугалъ его разсказомъ, будто Хорваты страшно возбуждены противъ князя, намекая на какія-то подозрѣнія относительно его намѣреній въ виду тогдашнихъ политическихъ смутъ. Тогда князь Милошъ далъ Гаю 2000 гульд., нужныхъ будто бы для успокоенія толпы. Въ ту же ночь у его комнатъ была поставлена стража подъ предлогомъ охраны, и онъ очутился подъ столь строгимъ надзоромъ, что къ нему никого не пускали, даже близкихъ къ нему лицъ,—даже слуги, подававшіе ему обѣдъ, не смѣли съ нимъ разговаривать. Все для той же цѣли спасти жизнь князя, въ виду раздраженія противъ него, охватившаго народную массу, Гай вытребовалъ отъ Милоша сначала десять тысячъ гульденовъ, затѣмъ 2000

червонцевъ и наконецъ 5000 гульд. Но и это не помогло, и князь Милошъ не только не былъ освобожденъ, но даже былъ переведенъ „въ арестъ, въ которомъ были желѣзныя двери съ двумя большими желѣзными замками“, все подъ тѣмъ же предлогомъ укрыть его отъ ярости народной. Этотъ арестъ могъ бы еще продолжаться, если бы 6 іюня не пріѣхалъ въ Загребъ сынъ князя Милоша — Михаилъ и не выхлопоталъ у бана распоряженія о немедленномъ освобожденіи своего отца изъ подъ ареста. Князь Милошъ поспѣшилъ уѣхать въ Любляну, но предъ отъѣздомъ долженъ былъ подписать два какихъ-то заявленія, представленныя ему Гаемъ. Такъ какъ князь Милошъ не умѣлъ ни читать, ни писать, то хотя онъ поставилъ кресты и приложилъ свою печать подъ этими документами, но не зналъ ихъ содержанія; онъ однако полагалъ, что въ одномъ изъ нихъ было заявлено, будто бы онъ самъ просилъ о стражѣ для своей безопасности и затѣмъ о переѣздѣ изъ гостинницы, а въ другомъ — что Гай получилъ отъ него деньги въ подарокъ за заботы и охрану его личности. Предъ самымъ отъѣздомъ изъ Загреба князь далъ капитану Плантаху (Планку по запискамъ князя Милоша), который долженъ былъ сопровождать князя Милоша до Любляны, драгоцѣнный бриліантовый перстень для передачи бану Елачичу на память и какъ бы въ возмѣщеніе тѣхъ 4000 червонцевъ, которыхъ Гай просилъ, но онъ не далъ. Когда капитанъ отнесъ перстень бану, тотъ не принялъ подарка и сказалъ: „я не требовалъ отъ Милоша никакихъ денегъ“, но не задержалъ Милоша въ Загребѣ.

Таковы оба свидѣтельства, основанныя на разсказѣ самого потерпѣвшаго князя Милоша, объ этомъ случаѣ, бросающемъ тѣнь на Гая. Дѣйствительно, Гай не отличался аккуратностью въ денежныхъ дѣлахъ и прибѣгалъ къ просьбамъ о субсидіяхъ. Обстоятельства и событія въ Хорватіи въ то время, къ которому относится этотъ случай, были таковы, что заимствованія у богатаго бывшаго сербскаго князя весьма вѣроятны. Финансовое положеніе Хорватіи вслѣдствіе быстрыхъ и коренныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ крестьянъ и

помѣщиковъ было въ ту пору весьма печально, а между тѣмъ приближалась война съ Мадьярами. По всей Хорватіи и Славоніи собирались пожертвованія на содержаніе войскъ народной обороны, разсылались воззванія. Но при всемъ томъ едва ли возможно вполнѣ довѣрять разсказу князя Милоша. Изъ писемъ Блазнавца, сопровождавшаго князя Милоша въ его поѣздкѣ въ Загребъ, князю Александру Карагеоргіевичу и Стефану Кничанину, начальствовавшему надъ сербскими ополченцами, явившимися на помощь австрійскимъ Сербамъ противъ Мадьяръ, можно видѣть, что князь Милошъ дѣйствительно замышлялъ произвести въ Сербіи какой то переворотъ. Самъ Блазнавацъ въ этихъ письмахъ рѣшительно не скрываетъ своего участія въ дѣлѣ ареста сербскаго князя, приверженцемъ котораго онъ прикидывался. Въ письмѣ Кничанину Блазнавацъ дѣлаетъ намеки, что онъ получалъ отъ князя Милоша деньги для устройства народной демонстраціи въ пользу освобожденія князя Милоша изъ подъ ареста [35]). Блазнавацъ видѣлъ опасность для Сербіи въ томъ, что Милошъ будетъ выпущенъ на свободу, и побуждалъ Гая просить бана объ отмѣнѣ сдѣланнаго уже распоряженія о снятіи съ него ареста. Гай могъ тутъ такъ дѣйствовать только въ виду опасеній, чтобы князь Милошъ, договорившись съ Мадьярами, не произвелъ въ Сербіи переворота и не свергъ съ престола Александра Карагеоргіевича, съ которымъ Хорваты вступили въ переговоры. Дѣйствительно, въ то время подозрѣвали Милоша въ таинственныхъ замыслахъ, ради которыхъ онъ будто бы имѣлъ договоръ съ Мадьярами. Князь Михаилъ, вернувшись изъ Россіи и посѣтивъ своего отца въ Вѣнѣ, отправился въ Новый Садъ и здѣсь вступилъ въ живыя сношенія со сторонниками династіи Обреновичей. Оффиціальная сербская газета „Србске Новине“ прямо обвиняла въ ту пору обоихъ князей въ желаніи произвести въ Сербіи переворотъ. Самъ Милошъ предъ своимъ отъѣздомъ изъ Вѣны сказалъ, что если бы онъ управлялъ Сербіей въ это время, то онъ тотчасъ примирился бы съ Мадьярами и началъ бы войну съ Турками [36]). Вслѣдствіе жалобъ тогдашняго сербскаго правительства на интриги князя

Милоша, будто бы дѣйствующаго по договору съ Мадьярами, русскій представитель въ Бѣлградѣ посылалъ къ князю Михаилу въ Новый Садъ своего секретаря, который убѣдилъ его удалиться отъ границъ Сербіи. Къ Милошу относились столь подозрительно, что былъ отданъ приказъ объ его арестованіи, если бы онъ появился въ Сремѣ. Въ то же время Хорваты старались вступить въ близкія сношенія съ Сербіей и найти тамъ помощь противъ Мадьяръ. Съ этою цѣлью былъ посланъ въ Сербію Кукулевичъ лишь немного ранѣе пріѣзда князя Милоша въ Загребъ и едвали не во время ареста Милоша былъ принятъ въ Бѣлградѣ княземъ Александромъ [37]). Послѣ этого становится понятнымъ, почему въ Загребѣ могли отнестись къ князю Милошу только съ большимъ подозрѣніемъ, а вслѣдствіе стараній Блазнавца, игравшаго во всемъ этомъ дѣлѣ двусмысленную роль, могъ быть усиленъ надзоръ за прежнимъ сербскимъ правителемъ.

Мы привели только опубликованныя свидѣтельства о вымогательствѣ Гая у князя Милоша. Существуютъ и другіе разсказы современниковъ объ этомъ случаѣ, которые могли бы освѣтить и пополнить эти сообщенія, но они пока не записаны. Тотъ фактъ, что Гай получалъ отъ князя Милоша по временамъ денежную помощь и что во время его пріѣзда въ Загребъ онъ воспользовался случаемъ получить для хорватскихъ цѣлей нѣкоторую сумму, представляется весьма вѣроятнымъ. Но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Гай могъ служить орудіемъ своеобразныхъ разсчетовъ и политическихъ интригъ, совершенно опутавшихъ весь славянскій югъ. Предполагать же наивность и простоту въ князѣ Милошѣ, вслѣдствіе которыхъ онъ столь легко выдавалъ Гаю значительныя суммы для *подкупа* бана, — это бы значило совершенно не знать истинныхъ свойствъ основателя династіи Обреновичей, отличавшагося замѣчательнымъ умомъ, ловкостью и искусствомъ въ политическихъ дѣлахъ и, если было нужно, интригѣ. Быть можетъ, оставшіеся послѣ Гая документы, если только они не истреблены имъ, и архивы времени Елачича, еще не вполнѣ доступные, освѣтятъ эту темную страницу жиз-

ни основателя и вождя Иллиризма и сгонять грубую тѣнь, наброшенную на нее этими разсказами.

Какъ бы ни былъ строгъ приговоръ исторіи надъ личностью главнаго проповѣдника и вождя Иллиризма и какъ бы строго ни относиться къ тѣмъ или другимъ сторонамъ его характера,—Людевитъ Гай принадлежитъ къ числу тѣхъ выдающихся историческихъ лицъ, которыя опредѣляютъ пути развитія цѣлаго народа, и занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду дѣятелей возрожденія славянскихъ народностей.

Возрожденіе Славянъ, совершившееся въ текущемъ столѣтіи, носитъ вообще демократическій характеръ. Выросталъ народъ, пробуждалось самосознаніе въ народныхъ массахъ, обнаруживались духовныя и нравственныя силы, накопленныя въ теченіе вѣковъ политическаго сна и униженія, языкъ народа получалъ литературу, — и спавшія, почти забытыя славянскія народности воскресали для новой жизни. Такъ совершалось возрожденіе Сербовъ, Хорватовъ и даже Чеховъ, но въ способахъ и средствахъ, помощью которыхъ оно у нихъ совершилось, была значительная разница. Сербы возстали противъ Турецкаго ига, ибо политическія формы, въ кототыхъ они были закованы, расшатались, и у нихъ появились даровитые вожди въ дѣлахъ войны и политики. Путемъ геройской борьбы и благодаря замѣчательной энергіи своихъ выдающихся людей они заявили о своихъ народныхъ и государственныхъ правахъ и добились ихъ признанія. Но они возлагали свои надежды на помощь единовѣрной Россіи и не ошиблись въ этомъ: Россія помогла, и ихъ будущность и политическая самостоятельность такъ или иначе были обезпечены. Возродившись политически, Сербы возродились и въ литературномъ отношеніи, но литературное возрожденіе шло у нихъ вслѣдъ за политическимъ, а не предшествовало ему, даже почти не сопровождало. Правда, практическій философъ Досиѳей Обрадовичъ, новаторъ въ сербскомъ литературномъ языкѣ, предшествовалъ политическому возрожденію Сербовъ, но не онъ создалъ новую сербскую словесность. Это было дѣломъ Вука Караджича, который вынесъ изъ нѣдръ Сербскаго на-

рода вѣками накопившееся богатство мысли и слова, бережно сохраненное въ пѣснѣ, сказаніи и обычаѣ. Онъ, такъ сказать, открылъ дарованія народа,—явилось и указаніе пути, по которому должно идти дальнѣйшее развитіе сербской словесности. Книжное богатство старой сербской литературы и новооткрытый міръ народнаго творчества показали, что сербскій народъ въ теченіе вѣковъ гнета и ига сохранилъ свое творчество, свои духовныя силы и твердую вѣру въ свое воскрешеніе, въ свое будущее.

Возрожденіе Чеховъ шло инымъ путемъ. Окруженные Нѣмцами и перемѣшанные съ ними, воспитанные въ школѣ западной культуры, обезсиленные политически, Чехи не могли надѣяться на какое либо политическое возрожденіе и возстановленіе своего государства. Если нѣкоторые изъ нихъ и мечтали объ этомъ, то они не могли не видѣть, что сами по себѣ Чехи безсильны для борьбы съ могущественными политически, культурно и матеріально Нѣмцами, а надежды на внѣшнюю помощь у нихъ не было никакой. Ихъ возрожденіе началось съ возрожденія ихъ языка и литературы, благодаря изысканіямъ и громаднымъ трудамъ нѣсколькихъ глубокихъ ученыхъ, какъ Добровскій, Шафарикъ, Юнгманъ, Палацкій. Въ идеѣ общности и единства Славянъ и въ сознаніи, что у Славянъ есть сильная политическая единица—Россія, они черпали необходимыя силы для борьбы за свои народныя права и находили основаніе надеждѣ на воскрешеніе политическаго значенія своей страны.

Хорваты находились въ положеніи, существенно отличавшемся отъ того, въ какомъ были Сербы и Чехи во время своего возрожденія: Сербы входили въ область Славянскаго востока, Чехи были окружены со всѣхъ сторонъ Нѣмцами и занимали крайнюю позицію Славянскаго міра на западѣ, Хорваты находились между Западомъ и Востокомъ Европы, на предѣлѣ двухъ культурныхъ міровъ. Съ одной стороны католицизмъ, ставившій ихъ въ зависимость отъ Рима, историческія условія, соціальный и политическій строй жизни—связывали ихъ съ западно-европейскимъ міромъ, и они долгое

время считались, подобно другимъ западнымъ Славянамъ, только матеріаломъ, пригоднымъ для онѣмеченія, съ другой—и по языку, и по географическому положенію, и по характеру своей исторіи они примыкали къ южнымъ православнымъ Славянамъ, изъ коихъ Сербы уже добились и политической независимости, и довольно богатой для этого времени литературы. Если политическая зависимость большей части Хорватовъ отъ Венгріи ограждала ихъ въ извѣстной степени отъ опасности онѣмеченія, то въ то же время они испытывали на себѣ всю тяжесть быстраго энергическаго подъема Мадьяръ, питавшихъ честолюбивые замыслы господствовать надъ всѣми Юго-славянами. — Хорваты, если причислить къ нимъ часть населенія Далматіи и Приморья, были разъединены, раздроблены во всѣхъ отношеніяхъ. Область ихъ территоріи далеко неопредѣлена, и самое ихъ имя было весьма неопредѣленно: оно скорѣе было историческимъ, чѣмъ живымъ, имѣющимъ въ себѣ ясные, отличительные признаки. Одни ограничивали область Хорватовъ только кайкавскимъ населеніемъ провинціальной Хорватіи, другіе сводили ихъ къ предѣламъ *чакавцевъ*, третьи отождествляли Хорватовъ съ иллирами, т. е. со всѣмъ югозападнымъ Славянствомъ, причисляя сюда и Сербовъ. Находясь въ такомъ положеніи, Хорваты должны были возрождаться и политически, и литературно въ одно и тоже время. Въ этомъ ходѣ своего возрожденія они должны были усиливать заботы о политическомъ обезпеченіи своей народности и объ освобожденіи отъ подавляющаго преобладанія Мадьяръ, съ которыми ихъ связала исторія. Но по мѣрѣ того, какъ слабѣли ихъ связи съ Мадьярами, усиливались грозные признаки опасности онѣмеченія, и Хорватамъ приходилось искать защиты въ различныхъ договорахъ и историческихъ условіяхъ, въ силу которыхъ они составляли часть Венгріи. Въ первое время ихъ возрожденія имъ нуженъ былъ болѣе литературный, чѣмъ политическій или военный вождь, ибо предстояла задача воскресить народное самосознаніе въ массѣ и остановить денаціонализацію высшихъ классовъ. Центромъ новой

жизни Хорватовъ сталъ Загребъ, находившійся въ области Хорватовъ-кайкавцевъ. Такимъ вождемъ явился Людевитъ Гай.

Личность и дѣятельность Гая ожидаютъ еще своего полнаго освѣщенія, и обязанность сдѣлать это лежитъ на хорватскихъ историкахъ литературы. До нынѣ этому мѣшала, какъ близость иллирской эпохи, такъ отчасти недоступность, отчасти неразработанность матеріаловъ [38]). Въ первое время Иллиризма Гай явился самымъ энергическимъ дѣятелемъ. Онъ съумѣлъ провести одну изъ важнѣйшихъ задачъ Иллиризма — объединеніе въ языкѣ съ Сербами и въ формѣ письменности съ Чехами. Какъ политикъ, онъ не отличался дальновидностью и тою предусмотрительною осторожностью, которая была необходима особенно въ то время, для политическихъ дѣятелей въ Австріи, но онъ понималъ недостаточность силъ своего народа, нужныхъ для политической борьбы, и быть можетъ, вынужденный только силою обстоятельствъ искалъ опоры въ нѣмецко-вѣнской политикѣ. Впрочемъ, Гай и тутъ твердо держался славянскихъ цѣлей и въ уклоненіяхъ менѣе повиненъ, чѣмъ другіе дѣятели этой эпохи, какъ графъ Драшковичъ, Метеллъ Ожеговичъ или Иванъ Мажураничъ. Гай очень скоро понялъ опасность пути, по которому онъ былъ вынужденъ идти въ политическомъ отношеніи, и въ блестящую пору развитія своей дѣятельности обратился къ Россіи, надѣясь этимъ путемъ освободиться отъ вѣнской опеки. Но у насъ въ ту пору не было достаточно подготовлена почва къ надлежащему пониманію того переворота, который совершался у Славянъ на западѣ и югѣ, и Гай не получилъ ни надлежащей поддержки, ни руководства,—„Иллиры“ были предоставлены вполнѣ своимъ силамъ. Между тѣмъ въ Вѣнѣ хорошо понимали, къ чему можетъ послужить Иллиризмъ. Если иллирскіе вожди могли мечтать о возможности созданія одного политическаго Юго-славянства, то вѣнская политика могла разсчитывать при содѣйствіи хорватскаго Иллиризма протянуть власть Австріи на Балканскій полуостровъ и тѣмъ создать Россіи существенную помѣху въ ея освободительныхъ стремленіяхъ относительно Славянъ. Парализовать такое значеніе Иллиризма можно было

только тѣмъ, чтобы освободить его отъ всякой зависимости отъ австрійской политики. Записки Гая, представленныя имъ въ Москвѣ, показываютъ, что онъ понималъ это и опасался печальныхъ послѣдствій такого направленія Иллиризма.

Въ политической борьбѣ за права своей народности Гай шелъ неуклонно по одному антимадьярскому пути, который неминуемо велъ его къ сближенію съ нѣмецкими тенденціями Австріи. Его сотоварищи и преемники впослѣдствіи поняли эту односторонность и сами впали въ еще худшую: многіе прежніе Иллиры записались въ мадьярскій лагерь и стали такъ называемыми мадьяронами, когда послѣ 1867 года положеніе въ Австріи существенно измѣнилось. На этомъ пути они явились прямыми отрицателями лучшихъ сторонъ Иллиризма.

Въ своихъ взглядахъ на Славянъ, ихъ отношенія и задачи ихъ дѣятельности Гай былъ вѣрнымъ ученикомъ Коллара, и его изданія полны свѣдѣніями о различныхъ славянскихъ дѣлахъ и странахъ: и Novine, и Danica въ этомъ отношеніи представляютъ большой интересъ. Ближайшіе ихъ участники и сторонники Гая твердо держались направленія, указаннаго и опредѣленнаго этимъ вождемъ и главою литературнаго возрожденія Хорватовъ. По близости и сродству политическихъ интересовъ особенно полное отраженіе находили въ изданіяхъ Гая дѣла Словаковъ и Сербовъ: со Словаками единила Хорватовъ одинаковая борьба съ Мадьярами за права народности и языка, съ Сербами ихъ связывали интересы ближайшаго родства крови и языка. Въ этомъ отношеніи заслуги Гая весьма велики, и онъ первый ознакомилъ своихъ соотечественниковъ со Славянами вообще и пробудилъ въ нихъ интересъ ко всему Славянству, къ его прошлому и настоящему. Во вторую половину развитія Иллиризма, когда онъ являлся уже запрещеннымъ, когда литературныя изданія являются уже помимо прямаго участія Гая, когда развилась дѣятельность Враза и выступилъ Кукулевичъ, изданія Гая все же не теряютъ своего интереса. Они какъ бы готовятъ народъ къ бурнымъ движеніямъ конца сороковыхъ годовъ и становятся болѣе политическими, чѣмъ были раньше.

Въ общественномъ отношеніи Гай, какъ уже было сказано, былъ центромъ для всѣхъ сторонниковъ Иллиризма: въ его домѣ находилъ пріемъ каждый Иллиръ, прибывавшій въ Загребъ, съ чѣмъ связываютъ и причины постигшихъ его матеріальныхъ бѣдствій. Характеръ иллирскаго возрожденія былъ демократическій, и лишь немногіе члены аристократіи и зажиточнаго дворянства примкнули къ Иллиризму, особенно въ началѣ. Никто изъ нихъ не взялъ на себя трудной задачи быть центромъ движенія, и Гаю пришлось вынести на себѣ всю тяжесть этой роли. Поэтому многіе нападки на Гая въ этомъ отношеніи не могутъ имѣть значенія. Онъ столь сроднился съ ролью общественнаго вождя, что потерявъ ее, свое значеніе и даже средства, онъ постоянно надѣялся на возвращеніе своего прежняго положенія. Этимъ отчасти объясняются то тщеславіе, въ которомъ упрекали и упрекаютъ его современники, и тѣ его уклоненія отъ нравственныхъ условій, которыя естественно должны считаться особенно обязательными для выдающагося вождя своего народа.

Ошибки, слабыя стороны Гая, недостатки характера и политическаго ума вполнѣ покрываются той идеальной стороной его дѣятельности, которая пробудила народное самосознаніе у хорватскаго народа и создала объединеніе литературы и ея языка двухъ родственныхъ славянскихъ народностей, раздѣленныхъ религіей, культурою, историческимъ прошедшимъ. Гай далъ примѣръ практическаго осуществленія одного изъ положеній ученія Коллара о славянской взаимности и первый показалъ на примѣрѣ, какъ возможно отреченіе отъ своего нарѣчія и добровольное сліяніе народа съ ближайшимъ родственнымъ во имя высшихъ культурныхъ задачъ и цѣлей. — Въ этомъ отношеніи заслуги Гая велики, имѣютъ значеніе общеславянское и еще по достоинству неоцѣнены.

7.

Важнѣйшіе писатели иллирскаго періода.

Очеркъ ихъ жизни и дѣятельности.—Станко Вразъ.—Димитрій Деметеръ.—Людевитъ Вукотиновичъ.— Антонъ Мажураничъ.— Иванъ Мажураничъ.— Иванъ Кукулевичъ Сакцинскій. — Мирко Боговичъ. — Антонъ Нѣмчичъ Гостовинскій. — Ѳома Блажекъ.—Петръ Прерадовичъ.—Иванъ Тернскій.

Благодаря силѣ иллирской идеи, какъ будто сразу, въ короткій промежутокъ времени между 1834 и 1849 годами, у небольшаго хорватскаго народа появились произведенія почти во всѣхъ областяхъ литературы,—явились даровитые поэты, драматурги, недурные беллетристы и разскащики, даже художники въ другихъ родахъ искусства, какъ напр. композиторъ Лисинскій. Большинство писателей этой эпохи, славной въ жизни Хорватовъ, дѣйствовали вмѣстѣ съ Гаемъ и въ данномъ имъ направленіи. — Многіе выдающіеся писатели и литературные дѣятели послѣдующей за движеніемъ 1848—49 г. четверти столѣтія начали свою дѣятельность во время Иллиризма и подъ вліяніемъ иллирскихъ ученій. Наконецъ, легко замѣтить, что это вліяніе отражается и въ произведеніяхъ современныхъ дѣятелей хорватской словесности.

Въ первые года Иллиризма особенно замѣтно богатство стихотвореній и обиліе стихотворцевъ. Если въ народной словесности стихотворная форма является древнѣйшею и любимою, то въ начальной стадіи развитія литературъ оказывается всюду предпочтѣніе стиху предъ языкомъ прозы, — и въ иллирскій періодъ хорватской словесности почти всѣ писатели начинали свою литературную дѣятельность стихотвореніями. Мысль, выраженная въ стихахъ, какъ бы ни была слаба ихъ форма, казалось, скорѣе найдетъ себѣ отзывъ среди читателей, чѣмъ самая выдержанная и хорошо обставленная прозаическая статья, — формою своего выраженія она должна была привлекать къ себѣ вниманіе. Поэтому въ первыя времена Иллиризма стихотворенія являются также самыми обычными формами выраженія патріотическихъ стремленій, политиче-

скихъ надеждъ и плановъ, и всѣ поэты и стихотворцы, даже самый даровитый и симпатичный между ними — Станко Вразъ въ своихъ произведеніяхъ по преимуществу тенденціозны.

Мы остановимся на нѣкоторыхъ выдающихся писателяхъ времени Иллиризма.

Станко Вразъ былъ безспорно самымъ выдающимся и даровитымъ дѣятелемъ литературы въ иллирскій періодъ. Его литературная дѣятельность началась вмѣстѣ съ возникновеніемъ Иллиризма и окончилась съ паденіемъ иллирскаго направленія: онъ умеръ 24 мая 1851 г., когда утвердилась реакція, и литературная жизнь въ Хорватіи замерла на десять лѣтъ. Жизнь и дѣятельность Враза столь тѣсно связаны со всѣмъ ходомъ Иллиризма, литературныя его связи столь обширны и разнообразны, его поэтическое творчество столь богато, что ему по преимуществу можетъ принадлежать имя *Иллира*. По происхожденію Словенецъ, Вразъ вполнѣ присоединился къ ученію Иллировъ относительно объединенія Югославянъ въ языкѣ литературы и сталъ самымъ виднымъ и искреннимъ проводникомъ и защитникомъ этой мысли. Въ политическомъ отношеніи онъ не игралъ никакой роли, не выступалъ на полѣ борьбы ни въ сеймахъ, ни въ публицистикѣ, но за то въ своей писательской дѣятельности онъ былъ самымъ цѣльнымъ и лучшимъ представителемъ Иллиризма.

Вразъ родился 30 іюня 1810 г. въ общинѣ Жеровинцахъ, уѣзда Церовца, въ Штиріи. Крестное его имя—Яковъ. Фамилія его родителей была Фра́съ [1]). Онъ сталъ себя называть *Станко* (Станиславомъ) и измѣнилъ фамилію, ославянивъ ее, еще въ Градцѣ, когда познакомился съ Гаемъ и всею душею присталъ къ ученію Иллиризма. До 13 лѣтъ Вразъ прожилъ въ родномъ селѣ и не зналъ ни одного слова по нѣмецки. Сначала онъ учился въ народномъ училищѣ въ селѣ Светиньяхъ, затѣмъ въ Лютомѣрѣ, гдѣ его дядя, Михаилъ Яклинъ, былъ настоятелемъ церкви и приходскимъ священникомъ. Яклинъ помнилъ время Водника и господства Французовъ въ Крайнѣ. Онъ былъ уже до Гая сторонникомъ политическаго и литературнаго объединенія Словенцевъ съ осталь-

ными юго-западными Славянами. Вліяніе этихъ мыслей Явлина на Враза въ годы его ученія сказалось впослѣдствіи. Вскорѣ Вразъ былъ отданъ своимъ дядею въ Мариборъ, гдѣ учился въ гимназіи вмѣстѣ съ Миклошичемъ, и въ 1830 г. переѣхалъ въ Градецъ, гдѣ поступилъ на философскій факультетъ университета.

Подобно Гаю, Вразъ въ дѣтствѣ уже любилъ слушать пѣсни, народные разсказы и сказки, и тогда уже зародилась въ немъ любовь ко всему народному. Онъ не имѣлъ выдержки, нужной для систематическихъ спеціальныхъ занятій и мѣнялъ факультеты и предметы своихъ лекцій [2]). Но онъ именно въ Градцѣ хорошо понялъ значеніе изученія народнаго быта и народной словесности, особенно послѣ того какъ познакомился съ сборниками сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича. Онъ сталъ самъ собирать на своей родинѣ народныя пѣсни, сказки, пословицы, поговорки и записывалъ мелодіи и напѣвы. Это собираніе онъ продолжалъ и впослѣдствіи. Студентомъ онъ съ этою цѣлью путешествовалъ по Крайнѣ и Хорутаніи въ 1834 и 1837 годахъ, а въ 1838 г. ходилъ и ѣздилъ по западной Венгріи въ словенскихъ комитатахъ.

Въ Градцѣ въ это время славянская молодежь весьма усердно занималась изученіемъ славянскихъ нарѣчій и вообще языковъ. Вразъ вмѣстѣ съ Миклошичемъ, обнаруживавшимъ уже тогда признаки будущаго выдающагося ученаго, изучалъ много языковъ [3]). Уже тогда онъ настолько хорошо изучилъ русскій языкъ, что сталъ учить ему своихъ товарищей, въ то время, какъ Миклошичъ, имѣвшій знакомство съ графомъ Оссолинскимъ, у котораго онъ жилъ въ Градцѣ въ должности учителя его дѣтей, училъ польскому языку. Тогда же Вразъ изучилъ французскій и англійскій языки настолько, что могъ читать классическихъ писателей этихъ литературъ въ подлинникѣ, а по французски говорилъ и писалъ. Такимъ образомъ, литературное образованіе Враза было довольно широкое, что отразилось на его произведеніяхъ.

Первыя свои стихотворенія Вразъ писалъ на родномъ языкѣ [4]). Въ 1835 г. онъ послалъ нѣкоторыя изъ нихъ Ка-

стелицу, издававшему въ Люблянѣ „Краинскую Пчелу“ (Krajnska Čbelica), но они не были тогда же напечатаны. Въ 1837 г. Миклошичъ, Даворинъ Терстенякъ и Вразъ, всѣ — Словенцы изъ Штиріи, задумали основать въ Градцѣ литературное изданіе: Metuljčik, но этотъ замыслъ имъ не удалось осуществить. Въ это время Вразъ былъ уже рѣшительнымъ сторонникомъ гаевской орѳографіи и объединенія Словенцевъ съ Хорватами въ Иллиризмѣ.

Весною 1834 г. Вразъ впервые вступилъ въ живыя сношенія съ Гаемъ, а осенью онъ поѣхалъ въ Хорватію и въ Быстрицѣ познакомился съ аббатомъ Кризманичемъ, имѣвшимъ большое вліяніе на всѣхъ иллирскихъ дѣятелей этого времени. Здѣсь Вразъ завязалъ искреннія дружескія сношенія со многими другими Иллирами. У Кризманича воспитывались дочери его рано умершаго брата: одна изъ нихъ, Драгоила, вышла замужъ за Штаудуара, а другая впослѣдствіи стала женою Гая. Вразъ сблизился съ семействомъ Штаудуаръ и Драгоилу называлъ своей „посестримою“ [5]). Письма Враза къ ней имѣютъ большой литературный интересъ и освѣщаютъ многія стороны Иллиризма. Ей же онъ посвятилъ сборникъ своихъ стихотвореній: Glasi iz Dubrave Žeravinske.

Лишь только появились Danica и Novine Гая, Вразъ сталъ стараться объ ихъ распространеніи въ Крайнѣ и Штиріи. Въ первомъ же году выхода *Даницы* онъ помѣстилъ въ ней свое первое стихотвореніе, сближенное по языку съ иллирскимъ [6]). — Въ 1836 г. Вразъ вновь посѣтилъ Хорватію и въ этотъ разъ встрѣтилъ въ Самоборѣ красавицу Любицу, дочь доктора Кантили. Въ ней онъ нашелъ свою живую Лауру, подобно тому, какъ Прешернъ въ Юліи Примицъ. Любовь его къ Юліи (Любицѣ), которую онъ не считалъ возможнымъ объяснить ей, вдохновила его, и въ 1837 г. въ *Даницѣ* были помѣщены первыя строфы его лирическихъ стихотвореній, названныхъ имъ: *Джулябіе* (Djulabije). Въ 1837 г. онъ перевелъ съ польскаго и русскаго языковъ нѣсколько небольшихъ разсказовъ для иллирскаго альманаха, изданіе котораго задумалъ было Мирко Шандоръ-Джальскій въ Пештѣ, но альманахъ

этотъ не появился. — Въ это время Станко Вразъ сблизился уже со всѣми первыми дѣятелями начавшагося иллирскаго движенія и окончательно переходитъ отъ словенскаго языка къ иллирскому: съ конца 1838 г. онъ даже частную переписку со своими соплеменниками ведетъ только по иллирски.

Въ 1838 г. Вразъ оставилъ университетъ и переѣхалъ въ Загребъ, избравъ для себя поприще литературнаго дѣятеля. Враза можно назвать первымъ въ Хорватіи литераторомъ по профессіи, не имѣвшимъ никакого другаго положенія и не искавшимъ его. Правда, въ 1845 г. онъ пробовалъ было выступить въ числѣ соискателей каѳедры народнаго языка въ загребской гимназіи, но преимущество было отдано Бабукичу. Съ той поры никакой служебной обязанности Вразъ не искалъ, если не считать такою его секретарство въ иллирской читальнѣ.

Переселившись въ Загребъ, Станко Вразъ становится близкимъ участникомъ изданій Гая и самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ объединенія Словенцевъ въ языкѣ съ иллирами. Несомнѣнно, что Вразъ уже на родинѣ былъ подготовленъ къ иллирской идеѣ, которой Гай придалъ опредѣленныя формы [7]). Онъ видѣлъ, что Гай и хорватскіе Иллиры отказались отъ спеціально хорватскаго нарѣчія, близко родственнаго словенскому языку, и приняли штокавщину ради единенія съ ближайшими соплеменниками, и потому надѣялся, что и Словенцы ради высшихъ цѣлей тоже откажутся отъ развитія литературы на своемъ нарѣчіи и сольются со штокавцами.

Мы уже говорили о сношеніяхъ Враза съ выдающимися Словенцами по вопросу объ Иллиризмѣ и о томъ, какую оппозицію онъ встрѣтилъ въ лучшемъ словенскомъ поэтѣ Прешернѣ. Но изъ переписки Враза видно, что многіе словенскіе писатели и патріоты не безъ его вліянія изучали иллирскій языкъ и принимали живое участіе въ иллирскихъ изданіяхъ. — Урбанъ Ярникъ въ письмахъ къ Вразу выражаетъ желаніе, чтобы иллирскій языкъ принялъ нѣкоторыя особенности словенскаго и такимъ образомъ съ нимъ сблизился. Антонъ Кремпль, въ ту пору уже пользовавшійся славою уче-

наго, принималъ участіе въ повременникѣ Враза — Kolo, и въ своихъ письмахъ выражаетъ негодованіе на запрещеніе употребленія имени иллирскаго въ 1843 году. Іосифъ Дробничъ, составивъ иллирско-нѣмецкій словарь, послалъ его Вразу. Матія Маяръ, авторъ книгъ о сближеніи славянскихъ нарѣчій и выработки искусственнымъ путемъ обще-славянскаго языка, былъ ревностнымъ сторонникомъ Иллиризма и участвовалъ въ *Даницѣ* и Kolo. Іосифъ Муршецъ въ 1844 г. пріѣзжалъ въ Загребъ, гдѣ познакомился съ вождями иллирскаго движенія; онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ распространителей Иллиризма въ Штиріи. О дѣятельности Матіи Кочевара, бывшаго въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ Вразу, мы уже говорили раньше. Даворинъ Терстенякъ печаталъ весьма много въ иллирскихъ изданіяхъ, учился и нѣкоторое время жилъ въ Загребѣ и находился въ дружескомъ общеніи съ Гаемъ, Вразомъ, Вукотиновичемъ, Мажураничемъ и др. Юрій Кобе, тоже участвовавшій въ *Даницѣ*, дѣйствовалъ въ Крайнѣ въ иллирскомъ смыслѣ. Кромѣ этихъ болѣе видныхъ словенскихъ писателей, принимавшихъ участіе въ иллирскихъ изданіяхъ, многіе другіе Словенцы-писатели и дѣятели—дѣйствовали въ иллирскомъ смыслѣ и направленіи главнымъ образомъ въ своихъ округахъ на родинѣ. Таковы были: Иванъ Клайжаръ, Юрій Матіяшичъ, Францъ Малавашичъ, Антонъ Жакель, Яковъ Крашна, Свѣтославъ Еранъ, Ловро Пинтеръ, Орославъ Цафъ, Яковъ Разлагъ, издававшій въ 50-ыхъ годахъ альманахи Zvězdice и Zora, въ которыхъ онъ проводилъ иллирское ученіе, Божидаръ Раичъ, Иванъ Мацунъ и др. Всѣ эти Словенцы имѣли сношенія и связи съ Вразомъ [8]). Большинство изъ нихъ были священники. Вообще у Словенцевъ въ эту пору духовныя лица были не только самыми образованными, но и всего болѣе народными по духу и стремленіямъ. Какъ Гай въ Загребѣ называлъ клириковъ Загребской духовной семинаріи „своимъ войскомъ", такъ и Вразъ могъ бы назвать семинаристовъ Любляны своими горячими послѣдователями. Подобное же настроеніе господствовало и среди

духовной молодежи въ Цѣловцѣ, благодаря по преимуществу вліянію Станка Враза и связямъ съ нимъ.

Первымъ дѣломъ Враза послѣ переѣзда въ Загребъ было изданіе сборника народныхъ пѣсенъ, что онъ и сдѣлалъ въ 1839 г., издавъ его новой иллирской орѳографіей. Этотъ сборникъ онъ посвятилъ Вуку Караджичу [9]). Въ 1840 г. онъ издалъ первыя двѣ части своихъ Djulabije, а остальныя двѣ вышли только послѣ его смерти. Въ этихъ лирическихъ пѣсняхъ Вразъ воспѣваетъ вмѣстѣ съ своимъ идеаломъ Юліей свое отечество — штирійско-словенскую родную страну. Въ третьей части поэтъ выразилъ свою скорбь объ утратѣ имъ Юліи, вышедшей замужъ за богатаго купца въ Самоборѣ, а въ четвертой оплакалъ ея кончину, происшедшую въ 1841 году. Нѣкоторыя строфы этихъ послѣднихъ пѣсенъ Вразъ напечаталъ въ *Даницѣ* за 1848 г. (№№ 14 и 21). Сравненіе ихъ съ текстомъ, напечатаннымъ послѣ его смерти по рукописи, приготовленной имъ къ печати, показываетъ, что въ его поэтическомъ представленіи образъ любимой женщины замѣнялся образомъ „матери-отечества" — и въ его душѣ любовь къ родинѣ занимала первое мѣсто. — Въ 1841 г. Вразъ издалъ сборникъ балладъ и романсовъ подъ заглавіемъ: Glasi iz Dubrave Žeravinske [10]), посвятивъ его своей сестрѣ Аннѣ (Анкѣ) Мохоричъ. Этому сборнику онъ придалъ особое посвященіе: „посестримѣ Драгоилѣ" (Штаудуаръ), которая внимательно ходила за нимъ во время его опасной болѣзни, положившей начало чахоткѣ, отъ которой онъ умеръ черезъ 10 лѣтъ. Какъ это посвященіе Драгоилѣ, такъ и сонетъ, написанный Вразомъ въ альбомъ ея маленькой дочери, по своей формѣ, изяществу и образности выраженія и теплотѣ чувства принадлежитъ къ числу лучшихъ его стихотвореній.

Къ этому же времени относится путешествіе Враза вмѣстѣ съ Срезневскимъ по Крайнѣ и Штиріи. Вразъ возобновилъ тогда свои связи съ Прешерномъ и другими словенскими писателями. Вмѣстѣ съ Срезневскимъ, съ которымъ онъ до конца жизни находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и съ Терстенякомъ онъ записывалъ пѣсни и сказки

и вскорѣ послѣ Срезневскаго посѣтилъ Резью. Плодомъ этого путешествія, кромѣ собранія пѣсенъ, было „открытіе“ для Иллировъ цѣлой новой славянской области — Резьянъ, о которыхъ Вразъ написалъ своей „посестримѣ“ обширное письмо, помѣщенное въ *Даницѣ* (1841 г., № 29). Не признавая вѣрнымъ ходившее тогда мнѣніе, будто Резьяне представляютъ отрасль русской народности, Вразъ считаетъ однако весьма вѣроятнымъ, что Резьяне были нѣкогда православными. Свое соображеніе онъ основываетъ на именованіи священника — jëro (отъ греческаго ἱερεύς), на особенностяхъ пѣнія въ церквахъ и на нѣкоторыхъ сохранившихся православныхъ чертахъ въ самомъ устройствѣ храма. Эта поѣздка Враза по Крайнѣ, Штиріи и Хорватіи, при томъ вмѣстѣ съ Срезневскимъ, навлекла на Враза подозрѣніе, что онъ — русскій агитаторъ. Поэтому Антонъ Жакель писалъ Вразу, что въ Цѣловцѣ запретили семинаристамъ вести переписку съ Вразомъ, такъ какъ онъ и Срезневскій — русскіе агитаторы [11]).

Въ это время отношенія между Вразомъ и Гаемъ уже испортились. Вразъ, Раковецъ и Вукотиновичъ были недовольны односторонностью изданій Гая и задумали основать повременникъ Kolo. По плану сборникъ этотъ долженъ былъ давать статьи и изслѣдованія особенно по этнографіи и языку различныхъ частей „Великой Иллиріи“, печатать народныя пѣсни и сказки и знакомить съ литературною дѣятельностью другихъ Славянъ. Срезневскій въ письмахъ къ Вразу, котораго онъ считалъ главнымъ участникомъ и руководителемъ новаго изданія, давалъ совѣты разсѣивать у Сербовъ предубѣжденіе противъ Иллиризма и печатать хоть нѣкоторыя статьи кириллицею. Онъ прислалъ нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ для первой книжки Kolo. Повременникъ этотъ носилъ заглавіе: Kolo, članci za literaturu, umjetnost i narodni život. Въ 1842 г. вышло 2 выпуска, въ 1843— 3-ій вып., и затѣмъ изданіе пріостановилось, пока иллирская Матица не взяла его на себя. 4-ая, 5-ая и 6-ая книги вышли въ 1847 г., 7-ая въ 1850, а 8-ая уже послѣ смерти Враза въ 1851 г. подъ редакціей Андрея Торквато Берлича;

9-ый выпускъ и послѣдній былъ изданъ Боговичемъ. — Издатели этого повременника, по словамъ Враза, желали соединить идею Иллиризма съ идеей „литературной всеславянщины“, поднять иллирскую литературу, сближая ее со вкусомъ и духомъ Славянъ, стоящихъ ближе къ европейскому просвѣщенію. Съ этою цѣлью были помѣщены обозрѣнія современной литературы русской, чешской и польской. Въ первыхъ двухъ выпускахъ помѣщены, какъ мы говорили выше, кромѣ произведеній и изслѣдованій хорватскихъ писателей, статьи Милослава Гурбана, Срезневскаго, Прейса, Петра Дубровскаго, отрывокъ изъ исторіи Штиріи Словенца Антона Кремпля, очеркъ словенскаго нарѣчія въ Хорутаніи — Урбана Ярника [12]), письмо Матіи Маяра и др. Къ первой книгѣ Kolo приданъ рядъ вопросовъ, составленныхъ Прейсомъ и Срезневскимъ, изъ которыхъ можно видѣть, какъ глубоко уже въ ту пору вникли въ изученіе Славянщины эти два первыхъ русскихъ слависта; вопросы эти касаются обычаевъ, преданій и памятниковъ письменности (о мѣстѣ нахожденія глаголическихъ рукописей, книгъ и надписей).

Коло привлекло къ участію лучшихъ писателей иллирскаго времени: Деметра, Кукулевича, Драгоилу Ярневичъ, Вукотиновича и др. Описанію народной жизни и обычаевъ посвящено немало статей, таковы статьи: Сусанича — О свадебныхъ обычаяхъ въ хорватскомъ Приморьѣ около Бакра, Луки Оріовчанина—О народныхъ играхъ въ Славоніи. Гай былъ недоволенъ появленіемъ новаго изданія, которое подрывало значеніе его *Даницы*, и у Kolo, сначала имѣвшаго 700 подписчиковъ, скоро осталось только 200. Причина такого охлажденія къ журналу лежала и въ томъ, что въ ту пору общій интересъ привлекали къ себѣ политическія отношенія Хорватовъ и Мадьяръ, и для иллирскихъ изданій, имѣвшихъ научныя и высшія цѣли, еще не было достаточно читателей [13]).

Вразъ въ Kolo явился и основателемъ критики въ иллирской литературѣ. За подписью: „Яковъ Решетаръ изъ Церовца“ онъ разбиралъ новыя книги и въ своихъ отзывахъ обнаружилъ обширныя свѣдѣнія особенно по этнографіи и на-

родной словесности Юго-славянъ. Критика иллирскихъ произведенiй была тѣмъ болѣе необходима, что каждый патрiотически настроенный Иллиръ спѣшилъ заявить о себѣ въ печати и чаще всего стихотворенiемъ. Но Вразъ ставилъ себѣ не только одну цѣль оцѣнки новыхъ изданiй: въ своихъ критическихъ замѣткахъ онъ указываетъ источникъ и мѣрило, которымъ пользовался и для своихъ произведенiй, — народное творчество. Многiе поэты и писатели иллирскаго времени видѣли въ далматинской и дубровницкой литературѣ образцы и старались только подражать имъ. Вразъ тоже цѣнилъ этихъ классиковъ, но считалъ ихъ въ культурномъ отношенiи стоящими ближе къ Италiи, чѣмъ къ Славянству, и даже опасался ихъ влiянiя на новѣйшую иллирскую литературу. Даже „Османа" Гундулича онъ считалъ лишь по языку славянскимъ, а герои, воспѣваемые въ немъ, ему казались романскими по существу. Самый метръ ему казался чуждымъ, ненароднымъ. „Если бы Дубровчане учились стихосложенiю отъ народа, въ ихъ метрикѣ не возобладало бы такое однообразное господство 3, 4 и 6-и стопнаго трохея", говоритъ онъ [14]). Но онъ все же желалъ, чтобы „ново-иллирская литература родилась изъ пепла Дубровничанъ, напоенная живымъ огнемъ народнаго духа" [15]). Эти взгляды Вразъ кладетъ въ основанiе своихъ критическихъ замѣтокъ. Онъ требуетъ истинности и простоты изображенiя отъ писателей. Поэтому, говоря напр. о повѣстяхъ Кукулевича, Вразъ указываетъ образцы въ произведенiяхъ Пушкина и Гоголя и замѣчаетъ, что языкъ этихъ повѣстей слишкомъ реториченъ и недостаточно народенъ. Въ Прерадовичѣ Вразъ предугадываетъ будущаго великаго поэта, Тернскаго хвалитъ и какъ переводчика. — Говоря объ изданiи Топаловича: Tamburaši ilirski, Вразъ замѣчаетъ, что необходимо записывать и издавать народныя пѣсни такъ, какъ ихъ поетъ народъ, ничего въ нихъ не перемѣняя по своему усмотрѣнiю. Отзывъ его о произведенiяхъ Петра II Нѣгуша, весьма цѣнившаго Враза, — *Луча Микрокозма* и *Горски вѣнац*, былъ самый восторженный: „Это—пѣсни истиннаго поэтическаго вдохновенiя, пѣсни, ка-

кихъ не имѣетъ вся наша искусственная поэзія“, писалъ онъ. Той же естественности и простоты онъ требовалъ какъ въ выраженіи, такъ и въ содержаніи. Хотя Вразъ писалъ немного критическихъ замѣтокъ, но онѣ были весьма важны, такъ какъ это были первыя въ Хорватіи произведенія этого рода и указывали вѣрные пріемы критики [16]).

Первые три выпуска изданія Kolo лучше послѣдующихъ пяти, вышедшихъ съ 1847 по 1851 г. Вѣрный своему направленію, Вразъ и въ нихъ отвелъ немало мѣста статьямъ этнографическаго характера, какъ Dervіši caregradski — передѣлка Юкича одного боснійскаго сказанія, о вилахъ — Матіи Маяра (Kolo, IV), Putovanje po Bosni (вып. V) и Dram jezika (вып. V и VI) — боснійскій разсказъ Юкича, извлеченіе изъ статьи Мартича о вилахъ, описаніе путешествія по Горицкой, Венеціанской и Тріестской областямъ Матіи Маяра (кн. VI). Особенно важною новинкою явились болгарскія пѣсни, которыя получилъ Вразъ изъ сборниковъ Григоровича и Срезневскаго (Kolo, IV и V). Что касается изящной словесности, то кромѣ перевода Враза изъ Мицкевича—Trebine (Dziady, — вторая часть этой поэмы Мицкевича) и Байрона (Шильонскій узникъ), появились стихотворенія Прерадовича и отрывокъ изъ „Луча Микрокозма“ Петра II, именно его посвященіе Симѣ Милутиновичу. Kolo не потеряло и своего общеславянскаго характера: въ этихъ выпускахъ помѣщены статьи: Людевита Штура — Život narodah (Kolo, IV) и поляка Либельта — Ljubav otačbine (Kolo, VI, VII), извлеченныя изъ словацкаго изданія Orol Tatranski. Обзоръ славянскихъ литературъ ограничился только статьею Запа о польской словесности. Kolo не достигло тѣхъ цѣлей, для которыхъ оно было основано. Причиною этого было какъ то, что не было еще создано достаточно читателей у Хорватовъ для подобныхъ изданій, такъ и то, что приближалось время политическаго переворота. Нужны уже были воинственныя пѣсни, которыя въ такомъ обиліи наполнили *Даницу* 1848 г., а Вразъ менѣе всего былъ способенъ къ воинственному шуму.

Во время перерыва въ изданіи Kolo Гай думалъ было

продолжать изданіе своего сборника народныхъ пѣсенъ. Въ 1844 году онъ писалъ Эрбену, что намѣренъ издать 10—12 книгъ юго-славянскихъ народныхъ пѣсенъ. Онъ надѣялся, что подобное изданіе повліяетъ на направленіе и духъ иллирской литературы и парализуетъ крайности вліянія старыхъ дубровницкихъ писателей, изданіе которыхъ готовила „Матица“. Къ этому же времени относится участіе Враза въ *Денницѣ* Дубровскаго, выходившей въ Варшавѣ, и въ чешскихъ Květy и *Часописи* чешскаго музея. Съ цѣлью изданія по крайней мѣрѣ двухъ томовъ собранія пѣсенъ, Вразъ поѣхалъ лѣтомъ 1845 г. въ Прагу, въ которой, по его выраженію, „славянская взаимность, сопровождаемая глубокою ученостью, воздвигла свой золотой престолъ“. Онъ высказывалъ было намѣреніе напечатать въ Прагѣ два тома своего собранія народныхъ пѣсенъ, такъ какъ въ Загребѣ, разошедшись съ Гаемъ [17]), онъ принужденъ бы былъ слишкомъ дорого платить за печатаніе, но вмѣсто того еще весною 1845 г. послалъ Шафарику рукопись своего сборника лирическихъ и эпическихъ стихотвореній: Gusle i tambure, который и былъ напечатанъ въ Прагѣ въ 1845 г. Сборникъ этотъ онъ посвятилъ своему родственнику и воспитателю Яклину. Въ посвященіи Вразъ выразилъ свой взглядъ на значеніе Иллиризма: „Ты, пишетъ онъ, обращаясь къ Яклину, водилъ дружбу съ юношами, которые всѣмъ сердцемъ желали служить дѣламъ патріотическимъ и которые среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ пѣли пѣсни, полныя божественнаго предчувствія . . . Но зазвучала боевая труба по нашимъ полямъ, раздался громъ пушекъ по славянскому небу, и въ этомъ шумѣ потерялся звукъ вашихъ пѣсенъ. А когда прекратился военный шумъ, нашъ міръ утомленный упалъ въ объятія мира и спокойнаго отдыха послѣ стольких трудовъ и жертвъ, закрывая и уши, и сердца отъ всякаго звука, который бы могъ его нарушить и гналъ вновь на поле трудовъ и боевъ. Потому ваши старанія остались забыты и неизвѣстны. Но народы славянскіе отдохнули и вновь поднялись. И вотъ они—на честномъ боевомъ полѣ, на пути спасительномъ. Что вы только предчувствовали, то теперь,

какъ видимъ, процвѣтаетъ и успѣваетъ, и Богъ дастъ, дѣти и внуки воспользуются плодами. Вновь раздаются звуки славянскихъ пѣсенъ... Друзья твоей молодости умерли уже или душевно, или тѣлесно. Только ты одинъ стоишь, какъ старый уединенный дубъ...“ — Въ эту пору Вразъ былъ глубоко убѣжденъ въ прочности народнаго возрожденія Юго-славянъ и въ Загребѣ видѣлъ „очагъ, изъ котораго разсыпаются искры народнаго образованія въ разныя вѣтви и страны юго-славянскія“, какъ онъ писалъ Эрбену.

Вразъ велъ переписку со многими Чехами, какъ Шафарикомъ, Эрбеномъ, Челяковскимъ, а въ поѣздку свою въ Прагу въ 1845 году онъ познакомился съ Палацкимъ, Ганкою, Іосифомъ Фричемъ и друг. Чрезъ посредство Шулека онъ завязалъ связи со Словаками Людевитомъ Штуромъ и Милославомъ Гурбаномъ, съ Колларомъ былъ знакомъ еще съ 1841 г. Онъ имѣлъ возможность проѣхать черезъ Чехію и Моравію и посѣтить часть Словацкой земли. Изъ своего общенія съ Чехами онъ вынесъ впечатлѣніе, что они лучше Хорватовъ ведутъ борьбу за свою народность. Онъ не видѣлъ того раздѣленія между патріотами, какое существовало уже въ средѣ иллирскихъ борцовъ съ Мадьярами. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вразу Палацкій выражаетъ сожалѣніе, что хорватскіе вожди не могутъ добиться взаимнаго согласія [18]).

Въ это же время Вразъ переживалъ второе свое увлеченіе: на него произвела большое впечатлѣніе Гильдегарда Карванчичъ. Плодомъ этого настроенія были сонеты, вошедшіе въ третій томъ собранія сочиненій Враза.

Не получивъ каѳедры иллирскаго языка въ загребской гимназіи, Вразъ сталъ секретаремъ иллирской Матицы и вполнѣ отдался сложнымъ своимъ обязанностямъ. Наступало бурное время политическихъ движеній. Хотя Вразъ считалъ себя неспособнымъ къ политической дѣятельности и всегда уклонялся отъ нея, но все же онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ тому, что тогда происходило въ Хорватіи. Къ этому времени относятся его эпиграммы и сатирическія стихотворенія. Въ 1848—49 годахъ онъ сблизился съ баномъ Елачичемъ,

котораго посѣщалъ весьма часто. Въ 1848 г. онъ вновь ѣздилъ въ Прагу для участія въ Славянскомъ конгрессѣ, въ которомъ онъ былъ избранъ однимъ изъ вицепредсѣдателей, но во время начавшихся смутъ въ чешской столицѣ поспѣшно бѣжалъ оттуда. Въ Загребѣ вмѣстѣ съ другими патріотами Вразъ поступилъ въ загребскую народную стражу и держалъ караулы.

Въ послѣдніе пять лѣтъ своей жизни Вразъ писалъ мало стихотвореній. Большинство пѣсенъ, вошедшихъ въ двѣ послѣднія части *Джулябій,* были написаны раньше. Онъ въ эту пору приготовилъ къ печати собраніе своихъ стихотвореній и много переводилъ съ разныхъ языковъ. Сборникъ его переводовъ открывается переводомъ на иллирскій языкъ стихотворенія Водника: „Ожившая Иллирія“. Съ русскаго языка Вразъ перевелъ нѣсколько стихотвореній Хомякова, Языкова, Лермонтова (Пророкъ), Пушкина (Клеветникамъ Россіи, Бородинская годовщина), Веневитинова, Жуковскаго (Свѣтлана); съ польскаго — нѣсколько произведеній Магнушевича и Мицкевича; съ чешскаго — нѣсколько стихотвореній изъ Краледворской рукописи, нѣсколько сонетовъ изъ Slavy dcera Коллара. Кромѣ того онъ переводилъ изъ различныхъ поэтовъ съ нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго языковъ; его переводъ „Шильонскаго узника“ Байрона принадлежитъ къ числу лучшихъ переводныхъ стихотвореній хорватской литературы.

Уклоняясь отъ политическихъ дѣлъ и даже сожалѣя, что Иллиризмъ изъ литературнаго движенія становится политическимъ, Вразъ считалъ своею задачею только литературную дѣятельность. Онъ видѣлъ вѣрнѣйшее орудіе для подъема Юго-славянъ въ просвѣщеніи и распространеніи народнаго самосознанія. Когда же въ Австріи воцарилась централистская система Баха, а Гай сталъ по прежнему поддерживать вѣнскую политику, не смотря на то, что Хорваты послужили лишь орудіемъ для спеціально австрійскихъ интересовъ и цѣлей, въ Хорватіи наступило всеобщее уныніе и всѣ видные дѣятели Иллиризма, вмѣстѣ съ ними и Вразъ, разорвали связи съ Гаемъ. Этотъ поворотъ дѣлъ не могъ не подѣйство-

вать на впечатлительнаго Враза. Въ своихъ письмахъ онъ начинаетъ выражаться энергически, оправдывая кровавую борьбу. „Относительно такого безбожнаго и неправеднаго противника, какъ подлый Нѣмецъ, — пишетъ онъ Муршецу 24 декабря 1849 г., говоря о дѣятельности Словенцевъ и Штирійцевъ въ особенности—ваша агитація была слишкомъ идиллична и слишкомъ слаба въ надеждѣ на справедливость свѣта и правительства. Нѣтъ на развращенномъ западѣ и въ правительствѣ, проникнутомъ византійскимъ духомъ, этой справедливости, — поэтому и ваша ссылка на справедливость и святость славянскаго дѣла не найдетъ ни отзыва, ни привѣта. Это совершенно ясно. Правда, въ священномъ писаніи сказано: „кто въ тебя бросить камнемъ, тому ты подай хлѣба", но наши враги такъ испорчены, что они не обращаютъ вниманія на кротость и благодѣяніе, и потому слѣдуетъ принять за правило сербское изреченіе: „кто ударитъ тебя камнемъ, ты того топоромъ". Оно имѣетъ силу относительно западнаго міра". — Отвѣчая далѣе на вопросъ, что должны дѣлать Словенцы, Вразъ говоритъ: „во-первыхъ, распространять просвѣщеніе и укрѣплять духъ патріотовъ и въ народѣ, оставивъ всякую надежду на справедливость запада и правительства. Самое лучшее средство къ этому — учрежденіе обществъ и тѣсное единеніе и собираніе духовныхъ и матеріальныхъ силъ. — Болѣе всего нужно, чтобы наши словенскіе патріоты отказались отъ чтенія чужихъ и враждебныхъ намъ газетъ и брошюръ. Кто читаетъ по словенски, пусть читаетъ словенскія газеты; кто привыкъ читать по иллирски, пусть подписывается на Slovenski Jug (выходившій въ ту пору подъ редакціей Шулека). Narodne Novine ничего не стоятъ ни по языку, ни по духу.—Ради Бога, совѣтуйте молодежи учиться по иллирски; ибо тутъ, слава Богу, имѣется довольно пищи для пробужденія славянскаго духа.— Дѣйствуйте въ это время мира (лишь Богу извѣстно, какъ долго мы будемъ имъ пользоваться), и пусть духъ народа приготовится ко всякому будущему движенію. Иначе напрасенъ нашъ трудъ, если не будемъ готовы, не будемъ зрѣлы душевно, освобождены отъ

нравственныхъ узъ чужеземщины; иначе при первыхъ волненіяхъ въ мірѣ, мы сойдемъ съ поприща съ праздными руками, ибо тамъ, гдѣ не восторжествуетъ духъ свободный отъ инороднаго элемента, тамъ не можетъ справиться и матерія и освободиться отъ иноземныхъ веригъ, такъ какъ духъ господствуетъ надъ матеріей и ею управляетъ. — Дѣйствуйте въ этомъ смыслѣ, но постоянно охватывая все Славянство.—Постарайтесь, чтобы учащаяся славянская молодежь хорошо изучила литературное иллирское нарѣчіе не только для чтенія, но и для писанія на немъ. Согласно, согласно, чтобы было одно стадо, а хорошій пастырь найдется“ [19]). Такъ писалъ Вразъ за полтора года до своей смерти, глубоко огорченный исходомъ волненій 1848—49 годовъ, но по прежнему увѣренный въ свѣтлой будущности Юго-славянства.

Послѣ простуды въ 1840 г., положившей начало чахоткѣ, Вразъ бывалъ часто боленъ, а съ 1847 г. онъ принужденъ былъ серіозно лѣчиться. Не смотря на всѣ заботы, которыми окружали его многочисленныя друзья, чахотка быстро развивалась, и 24 мая 1851 г. Вразъ скончался.

По свидѣтельству современниковъ, Станко Вразъ былъ чрезвычайно симпатичный человѣкъ, привлекавшій къ себѣ всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ общеніе. Это свидѣтельствуетъ и обширное собраніе его писемъ, какое удалось составить издателямъ его переписки.

Весьма характерны были его отношенія къ Срезневскому, нѣсколько писемъ котораго къ Вразу сохранилось въ архивѣ бывшей иллирской Матицы и къ другимъ русскимъ ученымъ, посѣщавшимъ тогда впервые славянскія страны: Бодянскому, Прейсу и Григоровичу. Особенно сблизился съ тогдашними дѣятелями Иллиризма Срезневскій, завязавшій тѣсную дружбу съ Вразомъ, съ которымъ онъ заключилъ *побратимство.* Въ 1841 и 1842 г. Срезневскій писалъ Вразу изъ различныхъ мѣстъ, имъ посѣщенныхъ: Цѣловца, Градишки, Брода, Пешта, Вѣны, Бретислава (Прессбурга), Познани. Изъ сохранившихся писемъ видно, что Срезневскій относился подозрительно къ Гаю и винилъ его въ томъ отпорѣ, который

встрѣтилъ Иллиризмъ у Сербовъ, и потому тѣмъ выше цѣнилъ дѣятельность Враза, котораго онъ считалъ въ силахъ парализовать слабыя стороны дѣятельности Гая [20]). — Объ участіи Срезневскаго въ изданіи Враза Kolo, которое предположено было назвать Pregled, мы упоминали. Вразъ въ письмахъ къ Срезневскому сообщалъ свои печали: такъ, въ 1843 г. онъ пишетъ ему въ Харьковъ, жалуясь на чью-то интригу, поссорившую его съ домомъ его *посестримы* Драгоилы Штаудуаръ [21]). Вмѣстѣ съ Срезневскимъ Вразъ путешествовалъ по Крайнѣ и собиралъ тамъ народныя пѣсни. Теплотою и искреннею любовью къ Срезневскому дышатъ упоминанія о немъ Враза въ письмахъ къ Драгоилѣ Штаудуаръ. Срезневскій беретъ на себя обязанность продавать сборникъ лирическихъ пѣсенъ Враза: Djulabije во время своего путешествія. Вообще отношенія Срезневскаго и Враза были дружественныя и товарищескія.

Не столь теплыя отношенія установились у Враза съ другими пріѣзжавшими въ ту пору въ Хорватію молодыми русскими славистами, Прейсомъ, Бодянскимъ и Григоровичемъ. Эти связи и знакомство съ русскими учеными оказали большое вліяніе на Враза. Русскіе слависты, какъ и Вразъ, интересовались по преимуществу разнообразіемъ славянскихъ народностей, различіемъ обычаевъ, языкомъ, преданіями и пѣснями. Срезневскій и Бодянскій въ своихъ письмахъ побуждаютъ Враза собирать и скорѣе издавать народныя пѣсни и въ этомъ видятъ его главную задачу [22]), но и онъ самъ былъ убѣжденъ, что только на изученіи народнаго языка и народной литературы возможно создать новое единство Юго-славянъ и новую литературу.

Вразъ былъ собирателемъ не только народныхъ пѣсенъ, но и ихъ мотивовъ и указывалъ на необходимость ихъ записывать [23]). Самъ онъ умѣлъ играть на флейтѣ и пѣлъ при аккомпаниментѣ гитары. На призывъ его записывать мотивы всего болѣе отозвались Словенцы. Нѣкоторые мотивы Вразъ самъ положилъ на музыку, но большинство этихъ его записей затерялись [24]).

Станко Вразъ первый *лирическій* поэтъ у Хорватовъ. Лучшіе славянскіе поэты того времени принадлежатъ къ числу романтиковъ. Такой характеръ носятъ и всѣ произведенія Враза. Этотъ романтизмъ объясняется тогдашнимъ положеніемъ Славянъ съ одной стороны, а съ другой вліяніемъ нѣмецкихъ поэтовъ и Шиллера въ особенности [25]). У Хорватовъ во время Иллиризма настоящее представлялось печальнымъ и мрачнымъ, — оставалось лишь вспомнить о давнемъ, прошедшемъ и искать утѣшенія въ славномъ будущемъ. Все иллирское движеніе носитъ вообще характеръ поэтическаго, мечтательнаго порыва, — и уже потому всѣ иллирскіе поэты по преимуществу романтики. При томъ обстоятельства личной жизни Враза давали его лирѣ печальный, элегическій тонъ.

Лучшимъ произведеніемъ Враза этого рода считаются *Джулябіе* (Djulabije). Въ нихъ сначала воспѣваетъ онъ свою любовь къ Любицѣ, но затѣмъ все больше расширяетъ узкія рамки субъективныхъ ощущеній къ идеальной красавицѣ. Во второй части сборника этихъ пѣсенъ Вразъ воспѣваетъ и свою родину — словенскую Штирію (строфы 53—98), а въ слѣдующихъ частяхъ раздвоеніе чувства поэта между идеальнымъ образомъ Любицы и любовью къ родинѣ выступаетъ еще ярче.— Въ третьей части Вразъ воспѣваетъ Словенскую страну и Иллирію и изображаетъ развитіе Иллиризма, а въ четвертой, оплакивая смерть Любицы, Вразъ ищетъ утѣшенія для своего народа и основаній надежды на примиреніе германскаго, романскаго и славянскаго племенъ. Такъ, исходя изъ чисто субъективнаго чувства, Вразъ въ поэтической идеализаціи переходитъ къ пѣснѣ о своей родинѣ и Юго-славянствѣ, какъ части Славянства, и заканчиваетъ призывомъ къ гуманнымъ началамъ примиренія племенъ Европы въ братствѣ и свободѣ.

Поскольку Djulabije представляютъ пѣсню любви Враза, въ нихъ изображается чувство поэта относительно Любицы въ трехъ стадіяхъ: любовь къ этой красавицѣ, „своей утренней зорѣ“, и идеализація этой любви, неимѣющей никакого выхода, сердечная тоска за Любицей, вышедшей замужъ за

другаго, и плачъ надъ ея безвременною кончиною. Эта романтическая любовь поэта украсила образъ Любицы въ пѣсняхъ Враза чертами, свойственными романтической поэзіи. Нѣжность и искренность чувства Враза даютъ его элегическимъ пѣснямъ изящество и поэтическимъ образамъ — прелесть и картинность. Но подобно тому, какъ у Коллара въ его поэмѣ Slavy dcera любовь къ Минѣ и любовь къ Славянству переплетаются въ неразрывномъ союзѣ, у Враза изображеніе Любицы и Юго-славянства тѣсно связываются между собою. — Когда поэтъ оплакивалъ смерть Любицы, ему представилось видѣніе. Онъ сидѣлъ у могилы Любицы въ тихій лѣтній вечеръ. Все было мирно и молчаливо, даже вѣтерокъ задремалъ, — можно было слышать, какъ ползетъ червякъ и какъ онъ гложетъ сердцевину дерева. Но вотъ раздался печальный крикъ птицы, подобный кукованію кукушки, съ липъ попадали листья, сердце затрепетало у поэта. И вотъ на западѣ запылало небо, и въ ярко-золотистомъ сіяніи показался женскій образъ въ бѣлой одеждѣ. На головѣ — вѣнокъ розмариновый, на челѣ звѣзда сіяетъ; въ лѣвой рукѣ — золотой крестъ, а правою эта жена указываетъ на врата небесъ. Ласково посмотрѣла она на поэта и улыбнулась, — раскрылись врата небесъ, и сильный свѣтъ ослѣпилъ его. Видѣніе исчезло. Но есть свидѣтели всего, что происходило предъ поэтомъ: это три цвѣтущія липы и бѣлая церковь. Не одну Любицу изображалъ поэтъ въ этомъ художественномъ образѣ Мадонны на картинѣ Тиціана, какъ справедливо отмѣтилъ профессоръ Марковичъ въ своемъ разборѣ поэтическихъ произведеній Враза [26]): это былъ также образъ Илліріи, а три липы, — эти славянскія деревья, — и „бѣлая" церковь —, если и существовали гдѣ либо вблизи Самобора, гдѣ жила и умерла Любица, — могутъ одинаково служить символомъ славянской Илліріи. Звѣзда на челѣ Любицы указываетъ на звѣзду иллирскаго герба. Удовлетвореніе личнаго чувства и примиреніе могутъ быть достигнуты только за гробомъ, подобно тому, какъ это воспѣвали романтики.

Такое настроеніе лиры Враза вполнѣ подходило къ ха-

рактеру той эпохи, когда ему пришлось дѣйствовать. Это было время политическаго романтизма для Хорватовъ и Словенцевъ,—время, когда иллирскіе дѣятели искали оправданія своего ученія объ единствѣ всѣхъ Юго-славянъ въ ученіи о славянствѣ населенія древней Иллиріи и мечтали о предстоящемъ объединеніи „иллирскихъ народовъ“ не только литературномъ, но и политическомъ.

Въ Djulabije Вразъ является въ извѣстной степени подражателемъ Коллару и его Slavy dcera. Профессоръ Марковичъ признаетъ это сходство не только въ композиціи, но и въ самомъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ, особенно въ первой части Djulabijě [27]). Вразъ хорошо познакомился съ поэмою Коллара еще въ Градцѣ и впослѣдствіи перевелъ нѣкоторые изъ сонетовъ „Дочери славы“ [28]). Во внѣшней формѣ Djulabije отличаются отъ Slavy dcera: Вразъ для этого произведенія не взялъ формы сонета, какъ Колларъ; его строфы состоятъ изъ 8 стиховъ, раздѣленныхъ на два 4-стишія, при чемъ риѳмуются только второй и четвертый стихи. Вразъ самъ признаетъ, что на него могли имѣть вліяніе поэты нѣмецкой романтической школы, но отрицаетъ всякую зависимость отъ Сафира, такъ какъ современники подозрѣвали, что его Djulabije (djul по турецки *роза*) стоятъ въ связи съ Wilde Rosen Сафира [29]). Въ примѣчаніяхъ къ *Джулябіямъ* Вразъ дѣлаетъ ссылки на Коллара, особенно при упоминаніи именъ, заимствованныхъ изъ славянской миѳологіи.—Какъ въ этихъ стихотвореніяхъ Враза, такъ и вообще во всѣхъ его произведеніяхъ можно отмѣтить вліяніе народной поэзіи на его творчество. Вразъ въ одномъ изъ писемъ Челяковскому (въ 1840 г.) говоритъ, что его „вила воспиталась въ саду народной поэзіи“, такъ какъ онъ „имѣлъ счастье родиться въ одномъ краю Славянства, гдѣ, быть можетъ, поютъ всего болѣе“. Хотя критики замѣчаютъ и вліяніе дубровницкой литературы на нѣкоторыхъ пріемахъ Враза, но преобладающимъ было вліяніе народной поэзіи.

Изображая въ Djulabije свои патріотическія надежды и скорби, Вразъ ищетъ причинъ бѣдственнаго положенія Сла-

вянъ не только въ насиліи чужеплеменнаго ига, подъ которымъ они живутъ, но и въ ихъ личной душевной слабости, въ измѣнѣ и отступничествѣ отъ своей народности. — Какъ Словенецъ, онъ скорбѣлъ о своей родной странѣ, сильно пострадавшей отъ онѣмеченія, которое онъ изображаетъ въ яркихъ чертахъ во второй книгѣ *Джулябій* (строфы 12—15, 25—34). Поэтъ желалъ тѣснаго сближенія между Хорватами и Словенцами для общей борьбы и защиты своей народности. Славяне три раза спасали Европу отъ полной гибели (пораженіе Татаръ на Гробницкомъ полѣ въ 1242 г., пораженіе Турокъ польскимъ королемъ Собескимъ подъ Вѣною и пораженіе Французовъ и Наполеона I Русскими), но сами все еще находятся подъ игомъ другихъ народовъ.—„Но придетъ день мести", восклицаетъ Вразъ и выражаетъ надежду, что когда угнетенное Славянство (moja mati) донесетъ свой желѣзный крестъ на вершину горы, тогда рушится „кровавый жертвенникъ" и будутъ созданы „вѣчные храмы Богу и Славѣ".

Славянство страдаетъ отъ насилія враговъ, живущихъ и обогащающихся на его счетъ, но оно все же не должно терять вѣру въ свѣтлое будущее (3 кн. Djulab., строфа 85): путь къ свободѣ и возстановленію славы далекъ и труденъ, но освобожденіе непремѣнно наступитъ (строфы 80—97). Съ особенными симпатіями Вразъ воспѣваетъ словенскія земли. Говоря объ Иллиріи, Вразъ вспоминаетъ о Водникѣ, на гробѣ котораго онъ хотѣлъ бы видѣть надпись: „вѣчная слава пѣвцу ожившей Иллиріи" (3 кн. Djul., строфа 106). Нужно бороться за Славянство: „кто хоть одинъ день честно боролся за Славянство, у того никогда не будетъ снятъ вѣнецъ съ головы", восклицаетъ онъ (строфа 118). Когда наступила весна для Славянства, оно было проснулось, но подулъ холодный вѣтеръ и застыла природа. Тутъ онъ обращается къ своему „бѣлому голубю" Михаилу Яклину, оставшемуся въ живыхъ единственному свидѣтелю этой юго-славянской *весны*, своему родственнику и воспитателю. Когда наступитъ время, поднимутся изъ гроба Марко и краль Матіашъ [30]), мечъ заблещетъ — и воскреснетъ „старая вѣра и свобода" (строфа

129). Поэтому нужно готовиться къ борьбѣ и не падать духомъ. Подобныя же мысли, какъ мы видѣли выше, Вразъ выразилъ въ посвященіи Яклину сборника своихъ стихотвореній: Gusle i Tambure.

Въ послѣдней четвертой части Djulabije, писанной, по догадкѣ проф. Марковича, около 1849 г., Вразъ порицаетъ иностранную журналистику, нападающую на Славянъ. „Каждая цѣпь на нашу шею, что куете для насъ, превращается въ ключъ, открывающій храмъ свободы“, говоритъ онъ. „Всѣ народы — братья, всѣ — Божьи дѣти, на нихъ смотритъ одно небо и одинъ Богъ“ (4 кн. Djul., стр. 17). Не слѣдуетъ стремиться къ господству надъ другими народами. „Пусть будетъ Влахъ (романскіе народы) братомъ Нѣмцу, а Нѣмецъ Словенцу (Славянину)“ и тогда вновь „возникнетъ свобода и поднимется солнце безъ заката“.

Формой сонета Вразъ воспользовался для лирическихъ пѣсенъ, вызванныхъ его симпатіями къ Гильдегардѣ Карванчичъ. Этотъ рядъ сонетовъ носитъ общее названіе: Sanak i Istina (сновидѣнія и дѣйствительность)[31]); между ними — нѣсколько переведенныхъ изъ Петрарки, Прешерна, Уланда и Коллара. Въ нихъ нѣтъ отраженія того глубокаго лиризма, какое находимъ въ сборникѣ: Djulabije. Въ новомъ образѣ любимой дѣвушки Вразъ искалъ воскрешеніе прежняго образа Любицы. Нѣсколько лирическихъ пѣсенъ вошли также въ сборникъ: Gusle i Tambura, но онѣ въ большинствѣ представляютъ переводъ первыхъ словенскихъ стихотвореній Враза.

Вразъ написалъ и перевелъ много балладъ. Во многихъ изъ нихъ сюжетъ заимствованъ изъ народныхъ преданій и пѣсенъ, какъ напр. Grlice, Liepa Vida и др. Нѣкоторыя баллады вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру эпохи, главною чертою которой была борьба за народность. Таковы баллады Враза: „Гробъ измѣнника“, „Гайдукъ и визирь“. Въ первой, составляющей передѣлку словенскаго стихотворенія, написаннаго Вразомъ въ 1835 г., изображается тяжесть народнаго проклятія измѣннику, недающаго ему покоя и въ могилѣ; вторая — написана по одному изъ разсказовъ Вука Караджича,

помѣщенному въ „Пословицахъ“, о смѣлости гайдука Кулаша. Гайдукъ навелъ такой страхъ на Топалъ-пашу, что тотъ самъ не осмѣлился казнить этого гайдука, захваченнаго въ плѣнъ, а отослалъ его къ боснійскому визирю для казни; но гайдукъ обѣщалъ отомстить своему мучителю, — и эта угроза навела такой страхъ на пашу, что тотъ умеръ раньше, чѣмъ гайдукъ, посаженный уже на колъ.

Такимъ-же патріотическо-народнымъ духомъ отличаются и сатирическія стихотворенія Враза. Въ нихъ онъ осмѣиваетъ главнымъ образомъ мадьяроновъ. Въ сатирическомъ стихотвореніи: Rublji — Вразъ осмѣивалъ сказаніе Мадьяръ о „русскихъ рубляхъ“ въ Хорватіи: „эта новость — ясная ложь, говоритъ онъ, обращаясь къ мадьярскимъ газетамъ, — ибо, простите, если бы у насъ были прекрасные рубли, мы бы давно имѣли васъ въ своихъ карманахъ“. — Въ одномъ изъ весьма удачныхъ стихотвореній: Hrvat pred otvorenim nebom Вразъ осмѣиваетъ нерѣшительность Хорватовъ въ 1848 г. и неясное сознаніе цѣли, къ которой они должны стремиться. Въ стихотвореніи: Nemarnim i neodlučnim — Вразъ призываетъ Хорватовъ быть твердыми и энергическими въ борьбѣ за свои права и не стремиться исключительно къ личному благосостоянію [33]).

Станко Вразъ занимаетъ самое видное мѣсто среди иллирскихъ писателей времени господства Иллиризма. Лучше другихъ писателей иллирскаго періода литературно образованный, Вразъ несомнѣнно былъ одаренъ истинно поэтическимъ талантомъ, и его лирическія стихотворенія обнаруживаютъ въ немъ дарованія художника. Онъ былъ Иллиромъ по убѣжденію и писателемъ по профессіи. Воодушевленный широкимъ иллирскимъ патріотизмомъ, Вразъ искалъ мотивовъ для своего творчества въ народной жизни и отечественной природѣ, чѣмъ онъ существенно отличается отъ другихъ поэтовъ своего времени, державшихся преданій дубровницкаго ложноклассицизма. Многіе начинавшіе литературные дѣятели времени Иллиризма обязаны своими успѣхами не только указаніямъ и совѣту, но нерѣдко и прямой помощи Враза,

встрѣчавшаго каждаго начинающаго писателя съ искренними симпатіями.

Димитрій Деметеръ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей иллирской эпохи не только какъ устроитель иллирскаго театра, но и какъ первый драматическій писатель.

Деметеръ родился 9 (21) іюля 1811 г. Его дѣдъ грекъ Григорій переселился изъ Македоніи въ Венгрію въ 1770 г. Старшій сынъ Григорія, Наумъ, вскорѣ поселился въ Загребѣ, гдѣ самостоятельно занялся торговлею, а другой Өедоръ помогалъ отцу въ торговыхъ дѣлахъ въ Канижѣ и затѣмъ въ Тріестѣ. Өедоръ Деметеръ женился на дочери греческаго эмигранта и въ 1792 г. поселился въ Загребѣ, вступивъ въ торговую компанію съ братомъ Наумомъ. Писатель Деметеръ былъ сынъ Өедора. Такимъ образомъ, по происхожденію своему Димитрій Деметеръ былъ грекъ и по отцу, и по матери. Въ семьѣ Деметровъ хранился патріотическій духъ тогдашнихъ Грековъ, надѣявшихся на скорое освобожденіе Греціи отъ турецкаго ига, и господствовалъ греческій языкъ. Воспитаніе въ дѣтствѣ потому Деметеръ получилъ патріотическое, греческое. Въ раннемъ возрастѣ онъ обнаруживалъ склонность къ писательству: будучи ученикомъ загребской гимназіи, на 16-мъ году онъ написалъ на новогреческомъ языкѣ драматическое стихотвореніе „Виргинія“, взявъ содержаніе изъ извѣстнаго разсказа о Виргиніи и консулѣ Аппіи Клавдіи. Въ 1827 г. онъ поступилъ въ Градецкій университетъ на философскій факультетъ. Здѣсь началось его знакомство и сближеніе съ Гаемъ, о чемъ мы уже говорили. Въ Градцѣ Деметеръ продолжалъ писать стихотворенія на греческомъ языкѣ, но началъ уже писать и по хорватски: греческое стихотвореніе было написано имъ по случаю смерти его отца въ 1828 году, а хорватское—по случаю возвращенія Гая съ каникулъ. Въ 1829 г. Деметеръ переѣхалъ въ Вѣну и тамъ поступилъ на медицинскій факультетъ. Здѣсь онъ пристрастился къ театру, положивъ этимъ начало своей роли въ исторіи возрожденія новой своей родины Хорватіи. Въ тоже время онъ сблизился съ кружкомъ молодыхъ хорватскихъ патріотовъ, жив-

шихъ тогда въ австрійской столицѣ: Ужаревичемъ, Вукотиновичемъ и др., будущими ближайшими союзниками Гая и литературными дѣятелями времени Иллиризма. Деметеръ, съ ранняго дѣтства мечтавшій объ освобожденіи родной Греціи отъ турецкаго ига, вполнѣ сочувствовалъ хорватскимъ патріотамъ, мечтавшимъ объ освобожденіи хорватскаго народа отъ тяготѣвшаго надъ нимъ подобнаго же ига чужеземцевъ.

Въ 1834 г., выдержавъ свои медицинскіе экзамены, Деметеръ, имѣвшій независимыя средства, поѣхалъ въ Италію и продолжалъ занятія въ Падуанскомъ университетѣ, гдѣ въ 1836 г. получилъ степень доктора медицины. Возвращаясь въ Загребъ, онъ посѣтилъ Приморье и историческія мѣста Хорватіи. Тогда-то онъ задумалъ поэму: Grobničko polje,— посѣтивъ ту мѣстность, гдѣ въ XIII вѣкѣ Юго-славяне разбили татарскія полчища и тѣмъ спасли Европу отъ страшнаго нашествія азіатскихъ ордъ.

Поселившись въ Загребѣ, Деметеръ сблизился со всѣми выдающимися Иллирами. Съ Гаемъ онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ еще со времени своего пребыванія въ Градцѣ, — здѣсь же онъ сблизился съ Антономъ и Иваномъ Мажураничами, изъ коихъ второй впослѣдствіи женился на его сестрѣ, и съ графомъ Драшковичемъ. Вмѣстѣ съ ними онъ принималъ живое участіе въ редактированіи *Даницы* и *Иллирскихъ Новинъ*.— Деметеръ сталъ изучать дубровницкую литературу и принятое Иллирами штокавское нарѣчіе. Плодомъ этихъ занятій было изданіе въ 1838 г. перваго тома „драматическихъ опытовъ", въ который вошли: Ljubav i dužnost и Krvna osveta. Оба эти произведенія представляютъ переработку дубровницкихъ драмъ: первая — *Зориславы* Глегевича, вторая — *Сунчаницы* Ивана Шишка Гундулича. Оба эти произведенія были передѣланы согласно основной тенденціи Иллиризма — единеніе и братское согласіе различныхъ частей Илліріи. Въ драмѣ: „Любовь и обязанность" Деметеръ во многомъ держался образца и сохранилъ весьма много стиховъ и строфъ изъ *Зориславы*. Менѣе подражанія видно въ драмѣ: „Кровавая месть", написанной

по *Сунчаницѣ;* въ ней онъ развилъ драматическое движеніе и столкновеніе страстей, между тѣмъ, какъ у Гундулича беретъ перевѣсъ реторическая лирика.

Въ 1838 г. Деметеръ обратилъ вниманіе Хорватовъ на предстоящее двухсотлѣтіе со дня смерти Гундулича, автора *Османа*, и въ статьѣ, помѣщенной въ *Даницѣ* (№ 50) далъ характеристику этого знаменитаго писателя. Празднованіе юбилея состоялось 20 декабря; Штоосъ произнесъ на немъ воодушевленную рѣчь [33]). О живомъ участіи Деметра въ первыхъ попыткахъ основать въ Загребѣ постоянный иллирскій театръ мы говорили раньше. Онъ становится не только казначеемъ сборовъ и жертвователемъ на эту цѣль, но является также главнымъ посредникомъ и устроителемъ труппъ и представленій и вмѣстѣ съ тѣмъ театральнымъ рецензентомъ и критикомъ. Его біографъ, Владиміръ Мажураничъ, съ полнымъ основаніемъ приписываетъ ему критическія статьи [34]) въ *Даницѣ* за 1840 г. (№№ 41, 42) о первыхъ представленіяхъ новосадской труппы въ Карловцѣ и Сискѣ. Такъ какъ піесъ для театральныхъ представленій на иллирскомъ языкѣ было немного, то Деметеръ сталъ спѣшно переводить ихъ съ иностранныхъ языковъ и побуждать къ этому другихъ, какъ Вукотиновича, Ужаревича, Терстеняка, Раковца, Берлича. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ вошли въ сборникъ театральныхъ піесъ, выходившій выпусками въ 1841 и 1842 г.

Къ этому времени относится его споръ съ Кукулевичемъ о значеніи Иллировъ, какъ народа [35]). Кукулевичъ помѣстилъ въ *Даницѣ* статьи подъ заглавіемъ: „Нѣчто изъ исторіи Великой Иллиріи“, въ которыхъ, перечисливъ римскихъ и византійскихъ императоровъ и великихъ людей изъ Иллировъ, приходитъ къ выводу, что всѣ эти великіе люди забывали о своей народности, какъ только становились сильными и славными, и что потому „иллирскій народъ, какъ народъ, никогда не игралъ великой роли въ мірѣ и не заслужилъ славы, какъ самостоятельный народъ“. Противъ этого мнѣнія возсталъ Деметеръ, доказывая, что Сербы и Хорваты имѣютъ свою славную исторію, свидѣтельствующую объ ихъ силѣ и храбрости.

При этомъ онъ дѣлаетъ ссылки на различные источники для исторіи Славянъ. Древніе Иллиры-Славяне, по его мнѣнію, сознавали уже свою народность и берегли ее. Онъ указываетъ съ гордостью на юнацкую Черногорію, непреклонившую головы предъ Турками. Въ нынѣшнемъ положеніи иллирскихъ народовъ онъ видитъ только паденіе, изъ котораго слѣдуетъ и возможно подняться. Свой взглядъ на иллирскій языкъ и условія развитія иллирской литературы Деметеръ выразилъ въ нѣсколькихъ статьяхъ въ *Даницѣ*. Въ *Даницѣ* за 1842 г. (№ 16) онъ помѣстилъ статью по поводу учрежденія въ Бѣлградѣ „народнаго театра". Въ ней онъ развиваетъ мысль о необходимости очищать языкъ отъ всякихъ примѣсей, чему можетъ содѣйствовать театръ. „Изъ него, говоритъ Деметеръ, можетъ распространиться чистый народный языкъ, хорошій вкусъ, а представленіемъ піесъ, въ которыхъ прославляются великія дѣянія нашихъ предковъ, можно скорѣе и легче всего распространять (самосознаніе) народности". Онъ совѣтуетъ особенно обращать вниманіе на то, чтобы языкъ театральныхъ представленій былъ народенъ, чистъ и свободенъ какъ отъ иностранныхъ, такъ и отъ другихъ славянскихъ и церковныхъ реченій и выраженій. Необходимость и пользу этого очищенія языка онъ указываетъ на примѣрѣ русской литературы, въ которой теперь не употребляется языкъ Ломоносова и уже не имѣетъ прежняго значенія языкъ Карамзина.

Свои мнѣнія объ иллирскомъ языкѣ Деметеръ развилъ въ статьѣ: Misli o našem književnom jeziku [36]), въ которой онъ говоритъ о необходимости выработать два „языка", т. е. стиля: одинъ прозаическій, главное свойство котораго должно быть ясность, другой — поэтическій, отличающійся благозвучіемъ и разнообразіемъ выраженія. Дубровникъ былъ тѣмъ литературнымъ центромъ, въ которомъ писатели умѣли выработать языкъ поэзіи, согласуя особенности многочисленныхъ иллирскихъ нарѣчій. Тамъ ученыя изслѣдованія писались по латыни, но за то „поэтическое творчество развивалось съ самымъ большимъ успѣхомъ на (народномъ) языкѣ, а отсюда слѣдуетъ, что тамъ долженъ былъ выработаться одинъ языкъ,

который имѣетъ всѣ свойства для поэзіи, но не можетъ служить органомъ серіозной науки". Онъ старается указать основы для выработки языка прозы и поэзіи, и въ то время какъ допускаетъ во второмъ даже разнообразіе формъ словъ, для втораго онъ требуетъ полной точности и однообразія. Такимъ образомъ, и въ языкѣ, какъ и въ творчествѣ Деметеръ находилъ образцы въ дубровницкой словесности.

Къ этому же времени относится нѣсколько стихотвореній Деметра, переведенныхъ съ нѣмецкаго и итальянскаго. Въ 1842 году въ первомъ выпускѣ Kolo появилась его поэма: Grobničko Polje, — первая поэма въ иллирской литературѣ. Въ звучныхъ стихахъ Деметръ поэтически описалъ пораженіе Татаръ Хорватами въ 1242 г., у которыхъ нашелъ защиту разбитый угорскій король Бела IV. Въ этомъ произведеніи Деметра видно вліяніе на него Байрона [37]).

Между тѣмъ торговыя дѣла Наума Деметра разстроились, и Димитрію оставалось только взять свою долю изъ общаго капитала. Онъ такъ и сдѣлалъ, но не отдался медицинской практикѣ, а съ еще большею ревностью предался литературѣ. Въ 1844 и 1845 г. онъ вмѣстѣ съ Гавличкомъ издалъ два выпуска альманаха: Iskra, въ которыхъ помѣщены его первыя повѣсти: Jvo i Nada, Metež, Otac i sin и Jedna noć. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сюжетъ заимствованъ изъ исторіи Югославянъ, и во всѣхъ проходитъ мысль о любви къ отечеству и необходимости подвиговъ и вѣрности для его защиты.

Въ 1844 г. вышелъ въ Вѣнѣ, на средства иллирской Матицы, второй томъ драматическихъ опытовъ (Dramatička pokušenja) Деметра, въ которыхъ помѣщено было лучшее его драматическое произведеніе: Teuta. Сюжетъ этой трагедіи заимствованъ изъ разсказа Полибія объ иллирской царицѣ Теутѣ, женѣ царя Агрона, жившей во время похода Ганнибала въ Италію. Послѣ смерти Агрона престолъ наслѣдовала Теута. По разсказу Полибія, Теута покровительствовала пиратамъ, вслѣдствіе чего Римляне послали къ ней своихъ пословъ съ различными требованіями. Въ наступившей затѣмъ войнѣ Иллировъ съ Римлянами воевода Димитрій измѣнилъ Теутѣ

и былъ потому поставленъ Римлянами правителемъ иллирскихъ областей, а Теута лишена престола. Но узнавъ, что на Римъ идетъ Ганнибалъ, Димитрій сталъ нападать на римскіе города въ Иллиріи, желая прогнать Римлянъ и сбросить свою зависимость отъ нихъ. Поэтому противъ него былъ высланъ консулъ Павелъ Эмилій, который принудилъ Димитрія бѣжать къ македонскому царю Филиппу.—Деметеръ на этой канвѣ построилъ трагедію, сохранивъ основные факты, но видоизмѣнивъ характеръ лицъ. Въ изображеніи Деметра, Теута-амазонка,. воительница, презирающая всякую любовь къ мужчинѣ, является благороднымъ врагомъ пиратства. Воевода Димитрій, родомъ съ острова Хвара, полюбилъ Теуту, и она сначала поддается этому чувству, но вспомнивъ о своей клятвѣ Діанѣ, никогда не унижаться до любви къ мужчинѣ и роли жены-рабыни, она говоритъ Димитрію, что можетъ стать его женою только тогда, когда на его головѣ засіяетъ корона. Тогда Димитрій вошелъ въ сношенія съ Римлянами, измѣнилъ Теутѣ и получилъ отъ нихъ царскую корону. Теута низвергнута и находитъ прибѣжище въ семьѣ одной изъ своихъ прежнихъ приближенныхъ—Цвѣты, которую она когда-то прогнала отъ себя за любовь къ Миливою. Но Димитрій ее отъискалъ и напомнилъ обѣщаніе выйти за него за мужъ, когда онъ станетъ царемъ. Слѣдовательно, его измѣна и всѣ его дѣйствія объясняется любовью къ Теутѣ. Женившись на Теутѣ, Димитрій старается сбросить римское иго съ иллирскаго народа. Мстителемъ и карателемъ выступилъ Пинезъ, сынъ Тритеуты, первой жены Агрона, которую онъ прогналъ, желая жениться на Теутѣ. Пинезъ горитъ желаніемъ отомстить Теутѣ за страданія своей матери и вступаетъ въ соглашеніе съ Римлянами. Въ этой борьбѣ гибнетъ Димитрій, а Теута, узнавъ объ его гибели, бросается съ своимъ сыномъ младенцемъ въ море. Такимъ образомъ, построивъ свою драму на личныхъ мотивахъ дѣйствующихъ лицъ, авторъ казнитъ своего героя за безнравственность измѣны своему народу.

Деметеръ построилъ свою трагедію на противоположеніяхъ характеровъ и намѣреній дѣйствующихъ лицъ. Если

Димитрій дѣйствуетъ подъ вліяніемъ только личной страсти и, преслѣдуя личныя цѣли, совершенно забываетъ объ интересахъ иллирскаго народа, подвергая его римскому игу, то за то его другъ Сердовладъ остается вѣренъ именно народнымъ задачамъ и умирая проклинаетъ Димитрія. Теутѣ, презирающей семейную жизнь и долю покорной жены, противополагается Цвѣта, нашедшая счастье въ семейной любви къ Миливою и пожертвовавшая для этого великолѣпіемъ придворной жизни. — Вся трагедія построена на подобныхъ контрастахъ. Надо всѣмъ въ ней царитъ неумолимая судьба, и это сближаетъ трагедію Деметра съ древнегреческими. Нравственная правда должна торжествовать и ради этого гибнетъ всякій дѣятель, измѣнившій ей ради своихъ личныхъ чувствъ. Профессоръ Марковичъ видитъ въ томъ, что *судъба* играетъ столь большую роль въ трагедіи Деметра, вліяніе на него представленій вѣнскаго придворнаго театра, въ которомъ любимыми піесами въ ту пору были фаталистическія [38]). Но Деметеръ хорошо зналъ греческихъ писателей, и его *судъба* скорѣе напоминаетъ *ананке* Софокловскихъ трагедій. Что касается формы и выраженія, то напыщенность и реторика многихъ діалоговъ напоминаютъ дубровницкихъ писателей.

„Теута“ принадлежитъ и нынѣ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній хорватской словесности, а время ея появленія еще болѣе возвышаетъ ея значеніе. Психологическій анализъ отличаетъ ее отъ всѣхъ драматическихъ произведеній за весь иллирскій періодъ хорватской словесности и ставитъ эту трагедію неизмѣримо выше ихъ. Деметеръ выступилъ тутъ какъ художникъ, глубоко проникающій въ человѣческую душу, и какъ патріотъ, дѣйствовавшій въ духѣ своего времени. Заимствуя сюжетъ для своей трагедіи изъ древней исторіи иллировъ, которыхъ онъ считалъ Славянами, согласно съ ученіемъ своего времени и общества, онъ желалъ какъ бы провести параллель между борьбою иллировъ съ Римлянами и современною борьбою Хорватовъ съ Мадьярами за народность. Онъ устами своихъ героевъ взываетъ къ единенію всѣхъ иллирскихъ народовъ и въ этой перемѣнчивости настроенія

народа, поддерживающаго то Димитрія, то его враговъ и легко поддающагося Римлянамъ, онъ какъ бы хотѣлъ указать на современную ему рознь среди Юго-славянъ, которою пользовались ихъ враги.—Римскому консулу Павлу Эмилію Деметеръ влагаетъ въ уста такія слова: „о, если бы только иллиры были столь же согласны между собою, сколь они храбры и сильны, то Капитолій задрожалъ бы предъ ними? Въ томъ-то и заключается все наше геройство, что мы умѣемъ пользоваться ихъ распрями“ [39]). Онъ намекалъ тутъ на споръ между Хорватами и Сербами, который именно около этого времени принялъ широкіе размѣры.

Выше мы уже говорили объ участіи и заботахъ Деметра по устройству въ Загребѣ Иллирскаго театра. Благодаря его стараніямъ, главнымъ образомъ, весною 1846 г. поставлена была первая хорватская опера Лисинскаго: Ljubav i zloba, либретто для которой, а также для другой оперы Лисинскаго: Porin написалъ Деметеръ. Съ той поры до конца жизни Деметеръ не оставлялъ заботъ о театрѣ.

Въ 1840 г. въ труппѣ, дававшей представленія въ Загребѣ, въ первый разъ выступила молодая актриса Весель, родомъ изъ Загреба. Деметеръ былъ пораженъ ея дарованіемъ. Желая развить ея артистическія способности, Деметеръ постарался помѣстить ее въ хорошія нѣмецкія труппы, и она играла на сценѣ въ различныхъ большихъ городахъ Австріи. Весель стала невѣстою Деметра, и онъ для нея готовилъ по нѣмецки драму по роману Лажечникова: „Ледяной домъ.“ Но въ 1852 г. Весель умерла отъ чахотки. Деметеръ глубоко скорбѣлъ и остался навсегда холостымъ. Въ 1849 г. онъ принималъ участіе, послѣ Ивана Мажуранича, въ вѣнской коммиссіи для выработки хорвато-сербской юридической терминологіи, а немного ранѣе, во время военной борбы, издавалъ въ Загребѣ газету: Süd-slavische Zeitung. Въ 1850 г. онъ былъ однимъ изъ чиновниковъ при банѣ Елачичѣ, но до конца жизни не переставалъ заботиться о театрѣ.

Деметеръ не покинулъ Гая, когда отшатнулись отъ него остальные Иллиры, и не оставлялъ участія въ литературѣ

въ мертвый періодъ, послѣдовавшій за шумнымъ иллирскимъ. Въ 1849 г. онъ перевелъ для *Даницы* нѣмецкія стихотворенія бана Елачича. Съ 1856 г. онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ редакторомъ ставшей оффиціальною газеты Narodne Novine. Въ 1859 г. онъ помѣстилъ въ альманахѣ Вукотиновича Leptir свои переводы изъ Гете, отрывокъ изъ Фауста, и Мальчевскаго „Марію" [49]). Въ 60-ыхъ годахъ Деметеръ былъ директоромъ Загребскаго театра. Въ 1870 г. онъ сталъ было редактировать литературное изданіе: Horvatski Sokol, но въ концѣ марта того же года заболѣлъ и 24 іюня 1872 года умеръ.

Людевитъ Вукотиновичъ можетъ быть названъ первымъ иллирскимъ беллетристомъ,—онъ первый началъ писать повѣсти въ иллирскомъ духѣ.

Вукотиновичъ (собственно Farkas) родился 13 января 1813 г. въ Загребѣ. Онъ учился сначала въ Загребѣ, затѣмъ въ Пожунѣ и въ 1836 г. сталъ нотаріусомъ въ Крижевацкой жупѣ, а въ 1841 г. судьею. Вукотиновичъ принималъ живое участіе въ политической борьбѣ Хорватовъ съ Мадьярами и въ 1847 году былъ депутатомъ хорватскаго сейма. Вмѣстѣ съ другими Иллирами онъ служилъ въ 1848 году офицеромъ въ войскахъ народной обороны. Въ теченіе всего иллирскаго періода онъ принималъ самое живое участіе въ литературѣ. Переѣхавъ изъ Крижевца въ Загребъ послѣ 1849 г., онъ во время господства системы Баха отдался занятіямъ по естествознанію, такъ какъ всякая литературная дѣятельность тогда была почти невозможна. Послѣ возстановленія конституціи въ 1861 году. Вукотиновичъ сталъ великимъ жупаномъ въ Крижевцѣ и въ этой должности оставался до введенія дуализма въ 1867 г. Долгое время Вукотиновичъ оставался стойкимъ борцомъ за права хорватскаго народа и выступалъ противъ Мадьяръ; но въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ, по различнымъ обстоятельствамъ, перешелъ въ правительственный или такъ называемый *мадьяронскій* лагерь и дѣйствовалъ въ рядахъ этой партіи. Умеръ Вукотиновичъ въ Загребѣ въ началѣ 1893 г.

О первыхъ произведеніяхъ Вукотиновича еще до начала дѣятельности Гая мы говорили выше: это были переводы двухъ нѣмецкихъ комедій на загребское нарѣчіе. Съ появленіемъ Гая въ Загребѣ Вукотиновичъ принимаетъ самое живое участіе въ основаніи *Даницы* и *Новинъ*. Въ первомъ же году изданія *Даницы* онъ помѣстилъ 11 стихотвореній, изъ коихъ многія стали весьма популярными въ Хорватіи. Ему принадлежитъ воинственная пѣсня: Nek se hrusti šaka mala (Danica, 1835, № 13), которую въ Хорватіи распѣвали во время ожесточенной борьбы съ Мадьярами; въ первый разъ спѣли эту пѣсню въ Загребскомъ театрѣ въ 1835 г. при представленіи патріотической піесы: Die Magdalenen Grote bei Ogulin, въ которой изображалась преданность Хорватовъ Австріи и ихъ побѣда надъ Французами при Глоговѣ въ 1813 году. Свои стихотворенія, появлявшіяся въ иллирскихъ изданіяхъ Вукотиновичъ собиралъ въ сборники: въ 1838 и 1840 г. онъ издалъ два выпуска подъ заглавіемъ: Pěsme i pripoviedke, въ которыхъ появились первыя его повѣсти; въ 1842 г. новый сборникъ стихотвореній; Ruže i Tárnje (розы и шипы); въ 1847 г. еще сборникъ: Pěsme, въ который вошли его лирическія стихотворенія: Moslavanke. Большинство этихъ стихотвореній первоначально появлялись въ *Даницѣ*. По языку, содержанію и по картинности выраженія и художественности образовъ стихотворенія Вукотиновича несомнѣнно выдавались изъ массы произведеній подобнаго рода иллирскаго періода. Его баллады могутъ считаться самыми лучшими въ иллирской литературѣ, таковы: Brodar, Sužanj Ličanin, Mato Gerebić, Vlastelin и др. Содержаніе и героевъ для своихъ эпическихъ произведеній Вукотиновичъ бралъ изъ исторіи и преданій Иллировъ и Хорватовъ: „Узникъ Личанинъ“—Иллиръ, срывающій въ тюрьмѣ повязки со своихъ ранъ, чтобы не быть узникомъ Турокъ; „Мато Геребичъ“, тоже иллирскій герой, на поединкѣ убиваетъ Мустафу, боснійскаго пашу; сюжетомъ баллады: Gospa Medvedgradska—служитъ сказаніе XIII вѣка, связанное съ развалинами замка Медвѣдьграда вблизи Загреба; въ стихотвореніи: Dvorski od Kalnikgrada (упра-

вляющій Кальникграда) передается сказаніе о томъ, какъ въ 1435 г. поселянинъ убилъ жестокаго управляющаго—нѣмца; стихотвореніе „Милошъ Обиличъ“ передаетъ извѣстное сербское сказаніе о подвигѣ этого богатыря, убившаго на Косовомъ полѣ въ 1389 г. султана, побѣдителя Сербовъ; въ балладѣ „Братья“ воспроизведенъ разсказъ о поединкѣ между братьями Бернардомъ и Иваномъ Франкопанами въ 1494 г. изъ за любимой ими обоими красавицы; въ стихотвореніи: Bělec grad—характеризуется жестокость отношенія помѣщиковъ къ селянамъ въ началѣ XVIII в.: крестьяне этого имѣнія убили косами своего помѣщика Тому, приказавшаго сжечь село и похвалявшагося этимъ своимъ подвигомъ, и т. д.

Подобнымъ же направленіемъ отличаются и повѣсти Вукотиновича, представляющія первую попытку создать этотъ родъ литературныхъ произведеній въ хорватской словесности. Первыя повѣсти его появились въ сборникахъ вмѣстѣ съ стихотвореніями въ 1838 и 1840 г. Это были: Sardar Paša, Běla IV u Ilirii и Franjo Talovec, ban horvatski. Всѣ эти повѣсти, по содержанію, историческія и повѣствуютъ о борьбѣ Хорватовъ съ Татарами и Турками.

Въ повѣсти „Бела IV“ изображается нашествіе Татаръ и битва на Гробницкомъ полѣ 1243 г.; въ повѣсти „Францъ Таловецъ“ дѣйствіе относится ко времени короля Владислава IV и битвы подъ Варною; въ „Сардаръ-Паша“ содержаніе взято изъ исторіи XVI в., когда Турки осаждали Петринью. Задача разскащика была въ томъ, чтобы познакомить своихъ читателей съ блестящими страницами исторіи хорватскаго народа и воскресить въ немъ духъ бодрости въ борьбѣ за народныя начала жизни и быта воспоминаніями о славномъ прошедшемъ. Эта же тенденція еще рельефнѣе выступаетъ въ двухъ другихъ историческихъ повѣстяхъ Вукотиновича, изданныхъ имъ въ 1844 г. въ двухъ частяхъ подъ общимъ заглавіемъ: Prošastnost Ugarsko-Horvatska (Прошедшее угорско-хорватское). Сюда вошли двѣ повѣсти: Štitonoša и Novi vojvoda; содержаніе первой изъ нихъ относится ко времени Людовика II и битвы у Мукачева (1526 г.) а во второй изо-

бражаются отношенія Хорватовъ и Далматинцевъ въ XIV в. Изображая прошлое, писатель имѣлъ въ виду настоящее и давалъ выраженіе общему настроенію иллирской партіи своего времени: Мадьяре, изображаются всюду порочными и злыми людьми, которые ненавидятъ и презираютъ Хорватовъ, а Хорваты являются безупречными героями и образцами добродѣтели, вѣрноподданства и беззавѣтной храбрости; измѣнники своему народу гибнутъ и иногда каются предъ смертью, но ихъ измѣна чаще всего вызывается личными столкновеніями съ главными героями повѣсти. Во многихъ мѣстахъ авторъ дѣлаетъ лирическія отступленія, въ которыхъ прямо указываетъ, какія черты современной жизни Хорватовъ онъ считаетъ опасными для будущаго и требуетъ ихъ измѣненія [41]). Интересно отмѣтить, что высшее духовенство Вукотиновичъ изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Впослѣдствіи во время движеній 1849 г. Вукотиновичъ въ своихъ статьяхъ въ газетѣ Slavenski Jug рѣзко выступилъ противъ католицизма вообще и особенно противъ высшей католической іерархіи [42]).

Романическая сторона всѣхъ этихъ повѣстей всюду однообразна и носитъ характеръ внезапности и случайности. Она какъ будто служитъ автору только для того, чтобы облегчить повѣствованіе объ историческихъ событіяхъ въ легкой формѣ. Вообще фантазія писателя слишкомъ бѣдна и потому разсказъ весьма однообразенъ: почти во всѣхъ повѣстяхъ Вукотиновича повторяются одни и тѣ же сцены, столкновенія и случайности. Нѣсколько отличается отъ историческихъ новеллъ повѣсть Вукотиновича въ алманахѣ Iskra (1846 г.), въ формѣ переписки двухъ друзей. Одинъ изъ нихъ, потерявъ невѣсту, поклялся никогда не жениться. Вскорѣ однако онъ полюбилъ другую дѣвушку и описываетъ своему пріятелю ходъ этой любви, но остается вѣренъ своей клятвѣ и гибнетъ въ битвѣ. И въ этой повѣсти, какъ и въ другихъ, преобладаетъ надо всѣмъ тенденція автора о вѣрности общимъ интересамъ и побѣдѣ надъ сердечными влеченіями.

Какъ тенденціозный и патріотическій поэтъ и писатель иллирскаго времени, Вукотиновичъ старался дать своимъ со-

временникамъ образцы патріотической дѣятельности, которые онъ находилъ въ исторіи хорватскаго народа. Но для того, чтобы Хорваты могли воскресить свою славу, нужны радикальныя перемѣны въ строѣ современной жизни, и Вукотиновичъ, какъ публицистъ бурнаго періода, являлся проповѣдникомъ разрушенія тогдашнихъ основъ хорватскаго быта: онъ протестовалъ противъ господства аристократіи и подавляющаго вліянія католическаго духовенства, возникшихъ изъ феодализма среднихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ умѣрить пылъ увлеченія иллирскимъ ученіемъ своего времени какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ и не все находилъ хорошимъ, что считали такимъ другіе иллирскіе вожди. Вукотиновичъ однако полагалъ, что возможно соглашеніе съ Мадьярами. Это болѣе или менѣе видно изъ его многочисленныхъ статей и брошюръ. Въ 1842 г. Вукотиновичъ помѣстилъ въ газетѣ Гая рядъ статей подъ заглавіемъ: Zimske misli, въ которыхъ предостерегаетъ Хорватовъ отъ крайняго увлеченія Иллирствомъ и требуетъ дѣятельности, а не словъ отъ истинныхъ защитниковъ народности [43]). Въ статьяхъ Letne misli въ *Даницѣ* онъ жалуется на трудное положеніе хорватскихъ писателей, не находящихъ сбыта для своихъ изданій и на отсутствіе хорошо устроенной торговли славянскими книгами. Во время карнавала иллирскіе патріоты устраивали вечера и балы, стараясь придать имъ характеръ народныхъ забавъ. Стали входить въ моду народные костюмы и танцы. Вукотиновичъ, описывавшій подобные вечера, въ одной изъ своихъ статей указалъ на то, что для того, чтобы быть по истинѣ народными, эти вечера должны быть такими по сущности, а не по внѣшности только, а между тѣмъ на нихъ господствовалъ нѣмецкій языкъ. Эта статья Вукотиновича вызвала возраженія со стороны Штооса, который видѣлъ во введеніи народныхъ танцевъ (коло) въ салоны шагъ впередъ въ развитіи народнаго самосознанія и даже ростъ значенія Хорватовъ въ Европѣ. Эта полемика продолжалась довольно долго и разъясняла понятіе о томъ, что можетъ быть названо по истинѣ *народнымъ*. Вукотиновичъ касается ея въ своихъ статьяхъ въ *Иллир-*

скихъ Новинахъ и въ Kolo, которое онъ издавалъ вмѣстѣ съ Вразомъ и Раковцемъ. Въ статьѣ, посвященной этому спору, онъ, прикрываясь псевдонимомъ Любора Травницкаго, говоритъ: „введемъ прежде народность въ жизнь, и она послѣ сама перейдетъ въ bon ton и моду" [44]).

Между статьями о значеніи Иллиризма, которыхъ Вукотиновичъ помѣстилъ нѣсколько въ *Новинахъ*, выдается его статья въ Kolo: Ilirizam i kroatizam [45]). Различая эти понятія, онъ такъ ихъ опредѣляетъ: *Иллиризмъ* есть понятіе народное, родовое, а Хорватизмъ—лишь политическое. Политическаго Иллиризма нѣтъ. Литературный Иллиризмъ есть „душевная жизнь" Хорватовъ. Обвиненія Иллировъ въ „руссизмѣ" лишены всякаго смысла и значенія, ибо власть Россіи никогда не можетъ простираться на Хорватовъ. Хорваты должны стремиться къ духовной самостоятельности подъ угорской конституціей. Что касается языка новой литературы, то прежняя, на хорватско-провинціальномъ нарѣчіи, никогда не могла бы развиться, потому что не всѣ Хорваты говорятъ на этомъ нарѣчіи, и она не имѣла бы читателей. На вопросъ о томъ, какова должна быть литература и какія цѣли она должна имѣть, Вукотиновичъ отвѣчалъ въ статьѣ: Tri stvari knjiženstva, помѣщенной въ Kolo. По его мнѣнію, три свойства необходимы для развитія литературы: вкусъ, единеніе (sloga) и критика [46]). Подъ *единеніемъ* онъ понимаетъ свободное стремленіе различныхъ самостоятельныхъ силъ и элементовъ къ одной цѣли. Но единеніе литературное, которое должно стремиться къ „единенію всѣхъ душевныхъ силъ, направленному къ просвѣщенію народа", существенно отличается отъ единенія „политическаго". Для послѣдняго онъ считаетъ необходимымъ полное согласіе дѣятелей: „если бы въ политикѣ много спорили, то могъ бы пропасть народъ", говоритъ Вукотиновичъ. Иначе въ дѣлѣ литературы: тутъ возможны споры и необходима критика, но она должна отдѣлять личность отъ предмета спора и имѣть въ виду добрыя цѣли и заботу о просвѣщеніи народа. Что касается литературнаго вкуса, то его должно воспитывать на изученіи народныхъ пѣсенъ,—оттуда

же брать форму и выраженія. Источники и содержаніе для произведеній слѣдуетъ находить тоже въ томъ, что относится къ народу. И дѣйствительно, Вукотиновичъ въ своихъ повѣстяхъ и стихотвореніяхъ бралъ сюжеты изъ жизни хорватскаго народа.

Между его политическими брошюрами выдается: Regni Slavoniae erga Hungariam legalis Correlatio, вышедшая въ Загребѣ въ 1845 г. и написанная не безъ участія Метелла Ожеговича. Въ ней Вукотиновичъ приводитъ историческія свидѣтельства о независимости Тріединаго королевства: Хорватіи, Славоніи и Далматіи, но при этомъ заявляетъ, что онъ рѣшительно не стремится къ отдѣленію этихъ странъ отъ Венгріи [47]). Въ 1844 г. онъ напечаталъ брошюру: Něšto o školah pučkih, въ которой онъ, описывая невѣжество и заброшенность народа, требуетъ развитія народныхъ школъ и вообще усиленія заботъ о народномъ образованіи.

Послѣ 1850 г. Вукотиновичъ сначала устранился отъ литературной дѣятельности и занялся геологіей и вообще естествознаніемъ. Въ 1859 г. онъ началъ изданіе альманаха: Leptir, по образцу нѣкогда существовавшей *Искры* Гавличка и продолжалъ это изданіе въ теченіе трехъ лѣтъ (1859, 1860 и 1861). Какъ особенность *Лептира* слѣдуетъ отмѣтить, что онъ помѣщалъ тутъ нѣкоторыя словенскія стихотворенія и печаталъ кириллицею сербскія стихотворенія Драгашевича и Матіи Бана. Для своего альманаха онъ написалъ еще двѣ повѣсти: Unutarnji život (въ формѣ писемъ двухъ пріятелей) и Čupori (повѣсть изъ XV в.). Тамъ же было помѣщено немало его новыхъ стихотвореній. Въ 1862 г. вышелъ сборникъ элегическихъ и лирическихъ стихотвореній Вукотиновича: Trnule.— Въ 1856—58 г. Вукотиновичъ редактировалъ журналъ Gospodarski list. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе во многихъ хорватскихъ изданіяхъ. Но главнымъ образомъ онъ посвящалъ теперь время естествознанію. Онъ былъ членомъ Югославянской Академіи и многія его статьи помѣщены были въ Radѣ [48]). Послѣ утвержденія дуализма въ Австро-Венгріи, Вукотиновичъ перешелъ въ правительственный ла-

геръ и хорватскими націоналистами былъ обвиняемъ въ мадьяронствѣ.— Вукотиновичъ умеръ въ началѣ 1893 г.

Антонъ Мажураничъ, старшій братъ славнаго поэта бана Ивана Мажуранича, принадлежалъ къ числу первыхъ дѣятелей начальнаго времени Иллиризма. Онъ родился въ Приморьѣ, въ Новомъ Винодолѣ, въ крестьянской семьѣ 13 іюля 1805 г. Отецъ его былъ грамотный и старался дать своимъ дѣтямъ образованіе. Антонъ Мажураничъ сначала учился въ гимназіи въ Рѣкѣ, а въ 1826 г. пріѣхалъ въ Загребъ, чтобы слушать курсъ философскихъ и юридическихъ наукъ. Въ немъ уже тогда сказалась наклонность къ языковѣдѣнію: познакомившись съ семьею Деметра, въ которой онъ давалъ уроки дѣтямъ, онъ хорошо научился по новогречески. Окончивъ курсъ въ 1830 г., онъ скоро сблизился съ Бабукичемъ и Гаемъ и вмѣстѣ съ ними сталъ дѣйствовать въ пользу подъема хорватской народности. По его разсказу, онъ первый разъ слышалъ о Славянствѣ отъ профессора Штивалича, который знакомилъ своихъ учениковъ также съ русскою исторіей [49]). Въ 1833 г. онъ выдержалъ учительскій экзаменъ, а въ 1834 — адвокатскій, но никогда не занимался адвокатурою и сталъ учителемъ. Когда Гай началъ издавать *Новине* и *Даницу*, Мажураничъ сталъ главнымъ его сотрудникомъ вмѣстѣ съ Раковцемъ и участвовалъ въ составленіи программы и объявленія объ этихъ изданіяхъ. Участіе его было тѣмъ важнѣе, что онъ хотя и былъ чакавцемъ по происхожденію изъ Приморья, но хорошо зналъ штокавское нарѣчіе и могъ исправлять языкъ статей. Когда Гай провелъ значительное время въ 1836 г. въ Вѣнѣ, гдѣ хлопоталъ о разрѣшеніи основать типографію, Раковецъ и Мажураничъ вели его изданія. Желая устранить всякаго рода подозрѣнія и вообще не давать оружія враждебнымъ Гаю интригамъ, они въ это время не помѣщали въ *Даницѣ* самостоятельныхъ стихотвореній и лишь перепечатывали народныя пѣсни. Въ 1836 г. Антонъ Мажураничъ сталъ профессоромъ латинскаго языка въ загребской гимназіи. Но еще раньше этого, въ 1835 г., желающимъ ученикамъ и стороннимъ лицамъ онъ преподавалъ хорватскій языкъ и исто-

рію дубровницкой литературы, при чемъ все преподаваніе велъ по хорватски, между тѣмъ какъ Смодекъ, преподававшій тоже хорватскій языкъ съ 1832 г., велъ преподаваніе по латыни и ограничивался обученіемъ грамматикѣ.

Въ 1839 г. Антонъ Мажураничъ издалъ „Основы иллирскаго и латинскаго языка“ (Temelji ilirskoga i latinskoga jezika), — это былъ параллельный учебникъ обоихъ языковъ [50]). Въ это время онъ напечаталъ въ *Даницѣ* нѣсколько статей, напр. о Реймскомъ евангеліи (1838 г., № 1). Самымъ важнымъ трудомъ въ этотъ періодъ его дѣятельности было изданіе „Винодольскаго закона“, въ третьемъ выпускѣ Kolo, при чемъ онъ старался соблюсти условія, требуемыя при ученомъ изданіи подобныхъ памятниковъ. Въ объяснительной статьѣ о языкѣ памятника, Мажураничъ говоритъ и о нынѣшнемъ языкѣ Винодола: это была первая филологическая статья о чакавскомъ нарѣчіи. На свойствахъ ударенія этого нарѣчія онъ впослѣдствіи основалъ свое мнѣніе о Славянствѣ древнихъ иллировъ.

Антонъ Мажураничъ принималъ большое участіе въ основаніи „Иллирской Матицы“ и вмѣстѣ съ Бабукичемъ готовилъ къ изданію дубровницкихъ писателей. Въ изданіи *Османа* Гундулича онъ составилъ краткое содержаніе каждой пѣсни и помогалъ брату Ивану при составленіи словаря къ этой поэмѣ. Между рукописями, по которымъ былъ изданъ Матицею *Османъ*, была и подаренная Антону Мажураничу черногорскимъ владыкою Петромъ II во время посѣщенія Гаемъ и Мажураничемъ Цетинья въ 1841 г. Въ 1847 г. подъ его редакціей вышли сочиненія Ганнибала Луцича, къ которымъ онъ прибавилъ словарь и предисловіе съ біографіей этого писателя и очеркомъ современной ему литературы; въ 1853 г. онъ редактировалъ изданіе Ветранича: Hekuba i posvetilište Abramovo, а въ 1855 г. Джорджича: Piesni razlike. Ему принадлежитъ переводъ словъ на итальянскій языкъ въ словарѣ Дробнича.

Въ 1848—49 г. Антонъ Мажураничъ, никогда не принимавшій участія въ политическихъ дѣлахъ, былъ посланъ

баномъ Елачичемъ въ Приморье, чтобы сдержать населеніе отъ смутъ, и удачно исполнилъ это порученіе. Въ это время онъ посѣтилъ родину и, имѣя постоянныя сношенія съ народомъ, производилъ наблюденія надъ свойствами ударенія въ чакавщинѣ. Его поразило сходство удареній чакавскаго нарѣчія и русскаго языка и отличіе отъ штокавскихъ. Эти наблюденія онъ въ первый разъ формулировалъ въ своей хорватской грамматикѣ, изданной имъ въ 1859 г., а затѣмъ развилъ въ статьѣ „о важности хорватскаго ударенія для исторіи Славянъ", помѣщенной въ „Программѣ" загребской гимназіи за 1860 г. Изъ сходства ударенія чакавщины и русскаго языка онъ выводилъ, что Иллиры были Славяне и выселились изъ предѣловъ Россіи [51]).

Въ 1856 г. Антонъ Мажураничъ вмѣстѣ съ Веберомъ (Ткальчевичемъ) и Месичемъ издалъ первую, а въ 1860 году вторую часть хорватской христоматіи, назвавъ ее иллирскою. Это была первая книга, въ которой въ систематическомъ порядкѣ сообщались свѣдѣнія о старыхъ хорватскихъ писателяхъ и даны были изъ нихъ образцы. Въ „программахъ" загребской гимназіи онъ помѣстилъ еще нѣсколько интересныхъ статей, кромѣ вышеуказанной: въ 1852 г. — очеркъ исторіи загребской гимназіи, въ коемъ сообщилъ свѣдѣнія по исторіи среднихъ учебныхъ заведеній въ Хорватіи, въ 1855 г. — краткій очеркъ хорватской литературы, вошедшій въ качествѣ предисловія къ его христоматіи. — Хорватскіе патріоты ставятъ въ особенную заслугу ему то, что онъ воспитывалъ и направлялъ своего знаменитаго брата, творца поэмы: Smrt Smail-age Čengića — Ивана Мажуранича въ началѣ его литературной дѣятельности. — Антонъ Мажураничъ умеръ въ Загребѣ 18 декабря 1888 г.

Младшій братъ, Иванъ Мажураничъ, началъ свою дѣятельность въ иллирской литературѣ съ первыхъ нумеровъ *Даницы:* во второмъ нумерѣ этого журнала въ первомъ году ея изданія помѣщено его стихотвореніе; Primorac Danici. Онъ былъ моложе Антона и старше Матіи Мажуранича, со-

ставившаго описаніе Босніи (Pogled u Bosnu. 1842 г.), считавшееся въ свое время образцовымъ.

Иванъ Мажураничъ родился 11 августа 1814 г. также въ Винодолѣ. Сначала онъ учился въ Новомъ (Castel Nuovo), а затѣмъ въ гимназіи въ Рѣкѣ. Стихи началъ писать, будучи еще гимназистомъ, на своемъ родномъ чакавскомъ нарѣчіи [52]), подъ вліяніемъ Качича, которымъ онъ зачитывался въ раннемъ дѣтствѣ. Въ гимназіи онъ основательно изучалъ языки латинскій, итальянскій и мадьярскій. Учебныя власти въ Рѣкѣ желали, чтобы Мажураничъ, окончивъ образованіе въ университетѣ, сталъ со временемъ учителемъ мадьярскаго языка и потому думали обезпечить его стипендіей, но это не состоялось. Окончивъ курсъ гимназіи въ 1833 г., Мажураничъ отправился въ Загребъ, гдѣ прошелъ старшій классъ архигимназіи или, какъ тогда говорилось, „первый годъ философіи". Это было какъ разъ въ то время, когда дѣлались приготовленія къ изданію *Даницы* и *Новинъ*, въ которыхъ принималъ живое участіе его старшій братъ Антонъ. Въ Загребѣ онъ, между прочимъ, усердно занимался французскимъ языкомъ и литературою. Въ ту пору былъ обычай, что молодые Хорваты ѣздили на нѣкоторое время учиться въ высшія учебныя заведенія въ Венгрію, а Мадьяре въ Хорватію, напр., извѣстный мадьярскій вождь Францъ Деакъ одно время учился въ Загребѣ. Поэтому Иванъ Мажураничъ пожелалъ отправиться въ одно изъ мадьярскихъ училищъ и переѣхалъ въ Суботину (Szombathely), гдѣ слушалъ философскій же курсъ, и затѣмъ былъ намѣренъ перебраться въ Пожунъ для окончанія курса. Въ началѣ 1835 года онъ писалъ изъ Суботина своему брату Антону, что ему ничего не нравится въ этомъ „вражьемъ" городѣ и что онъ хотѣлъ бы переѣхать въ Пожунъ, между прочимъ для того, чтобы легче познакомиться „съ сѣверными языками нашего народа", т. е. съ другими славянскими нарѣчіями, кромѣ южныхъ. Но этотъ планъ не удалось исполнить, и Иванъ Мажураничъ въ 1835 г. вернулся въ Загребъ, гдѣ сталъ слушать юридическіе курсы. Въ это время онъ принялъ живое участіе въ иллирской литературѣ.

Окончивъ курсъ, онъ сталъ сначала чиновникомъ при судѣ, а затѣмъ замѣстителемъ учителя въ загребской гимназіи. Въ 1841 г. онъ сталъ адвокатомъ въ Карловцѣ, выдержавъ испытаніе на это званіе въ Пештѣ.

Въ это время онъ женился на сестрѣ Деметра и сталъ виднымъ участникомъ всѣхъ иллирскихъ событій и движеній. Служебная и политическая его карьера шла весьма успѣшно. Въ 1848 и 1849 годахъ онъ игралъ видную роль, какъ народный представитель, въ различныхъ коммиссіяхъ и депутаціяхъ. Онъ былъ призванъ въ составъ коммиссіи, вырабатывавшей въ Вѣнѣ славянскую юридическую терминологію и затѣмъ занималъ различныя важныя должности. Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ придворной канцеляріи по дѣламъ Хорватовъ и жилъ въ Вѣнѣ. Послѣ введенія въ Австріи дуализма Иванъ Мажураничъ отказался отъ службы. Въ 1873 г. онъ былъ назначенъ хорватскимъ баномъ и занималъ эту видную должность до 1880 г. Иванъ Мажураничъ умеръ 4 августа 1890 г.

Участіе Ивана Мажуранича въ литературѣ, какъ было уже сказано, относится къ самому началу иллирскихъ изданій. Изъ Суботина онъ послалъ нѣсколько стихотвореній для *Даницы*, а въ письмахъ къ брату Антону отмѣчаетъ, что первые иллирскіе стихотворцы словно не имѣютъ никакого понятія о требованіяхъ стихотворнаго размѣра [53]). Дѣйствительно, уже его первыя произведенія существенно отличаются отъ другихъ современныхъ тѣмъ, что въ нихъ Мажураничъ старался всюду выдержать правильный размѣръ и соблюсти свойства удареній. Тогда же онъ началъ посылать въ *Даницу* небольшія статьи подъ заглавіемъ: Misli, въ которыхъ кратко и опредѣленно выражалъ нѣкоторыя патріотическія мнѣнія, напр. о необходимости писать на родномъ языкѣ (Danica, 1835 г., № 17), о томъ, что не слѣдуетъ стыдиться своей народности (№ 18), что слѣдуетъ развивать народный языкъ, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается и образованіе народа (№ 20) и т. д. Къ этому времени относится его стихотвореніе Ilir (Dan. № 47), въ которомъ онъ сопоставляетъ добрыя мирныя

свойства *иллира* и его юнацкое мужество при защитѣ своихъ правъ. Въ первыхъ его стихотвореніяхъ замѣтно вліяніе латинскихъ классическихъ поэтовъ, которыхъ онъ основательно изучалъ въ школѣ.

Подъ вліяніемъ Враза Мажураничъ сталъ усердно читать народныя пѣсни и вообще знакомится съ народною поэзіею. Съ той поры онъ мѣняетъ характеръ своего стиха. Первымъ его произведеніемъ въ духѣ народной пѣсни было эпическое стихотвореніе: Nenadović Rado (Danica, 1836, № 17).

Иванъ Мажураничъ хорошо зналъ дубровницкую литературу, что онъ доказалъ своимъ удачнымъ пополненіемъ *Османа* Гундулича. Примѣру дубровницкихъ писателей, считавшихся классическими, Мажураничъ слѣдовалъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ. Таково его стихотвореніе: Danica Ilirom, danku i vladatelju (Danica, 1837, № 1), въ которомъ онъ привѣтствуетъ всѣ иллирскія страны и народности: Сербовъ, Болгаръ, Хорватовъ, Босняковъ, Краинцевъ, Дубровничанъ, Славонцевъ, Черногорцевъ и Истрійцевъ. Къ числу подобныхъ же иллирскихъ стихотвореній относится въ свое время весьма популярное: Věkovi Ilirije (Danica, 1838, № 1). Мажураничъ дѣлитъ въ немъ исторію Иллиріи на три вѣка: первый—*золотой* вѣкъ мира, равенства и всеобщей любви; второй—время борьбы съ врагами, вѣкъ героевъ—Людевита, Кралевича Марка, бана Зрини и др., но герои исчезли,—иллиры подверглись тяжелому рабству; третій вѣкъ только наступаетъ и отличительною чертою его должно быть возстановленіе *единенія* (sloga), необходимость котораго воспѣвали всѣ поэты иллирскаго времени.

Лирическихъ стихотвореній Мажураничъ писалъ немного, должно быть потому, что ихъ не одобрялъ его братъ Антонъ; нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ *Даницѣ* [54]).

Въ 1842 г. онъ вмѣстѣ съ Ужаревичемъ издалъ *нѣмецко-иллирскій* словарь, о необходимости котораго много говорили иллирскіе дѣятели того времени. Въ это время была основана иллирская Матица, и первою ея задачей было начать изданіе дубровницкихъ классиковъ. Когда было рѣшено на-

чать изданіемъ *Османа* Гундулича, то оказалась необходимость пополнить недостающія 14 и 15 пѣсни этой замѣчательной поэмы, ибо пополненіе, сдѣланное Соркочевичемъ, было признано неудачнымъ и несоотвѣтствующимъ духу цѣлаго произведенія. Написать эти недостающія пѣсни было предложено Ивану Мажураничу, прославившемуся легкостью творчества и основательному знатоку дубровницкой литературы [55]). По общему признанію хорватскихъ критиковъ, не смотря на нѣкоторые упреки (Армина Павича, Вебера), это пополненіе было сдѣлано блестяще. Эти двѣ пѣсни вошли въ первое загребское изданіе *Османа*, къ которому приложенъ подробный словарь, дающій свѣдѣнія также о каждомъ изъ упоминаемыхъ въ поэмѣ лицъ, о мѣстностяхъ и т. д.

Самымъ лучшимъ произведеніемъ Ивана Мажуранича считается его эпическая поэма „Smrt Smail-age Čengića“, появившаяся въ первый разъ въ альманахѣ: Iskra въ 1846 г. Въ ней воспѣтъ эпизодъ борьбы Черногорцевъ съ Турками въ 1840 году и геройство Черногорцевъ. Въ концѣ 70-ыхъ годовъ, еще при жизни автора, сербскіе критики высказали сомнѣніе въ принадлежности этой поэмы Мажураничу и даже хотѣли въ ней видѣть произведеніе владыки Петра II Нѣгоша. Профессоръ П. А. Лавровъ въ своемъ трудѣ о литературной дѣятельности этого черногорскаго владыки-поэта разъяснилъ споръ, доказавъ полную неосновательность заподозрѣнія Мажуранича въ плагіатѣ. Онъ указалъ много мѣстъ этой поэмы, которыя могутъ быть объяснены только большимъ вліяніемъ дубровницкихъ поэтовъ и въ особенности Гундулича на ея автора. Но онъ вполнѣ основательно замѣтилъ, что Мажураничъ долженъ былъ пользоваться народною пѣснью объ этомъ событіи, составленною въ Черногоріи [56]). Въ дополненіе къ этому извѣстный изслѣдователь Черногоріи П. А. Ровинскій отмѣчаетъ въ своей книгѣ о Петрѣ II, что народная пѣсня объ этомъ событіи была напечатана въ „Сербско-Далматинскомъ Магазинѣ“ за 1845 г. [57]). Весьма вѣроятно, что Мажураничъ, подъ вліяніемъ Деметра, принимавшаго живое участіе въ изданіи альманаха Iskra, задумалъ написать свою прекрасную по-

эму, прочитавъ эту пѣсню въ *Магазинѣ*. Проф. Смичиклясъ разъясняетъ вопросъ объ источникахъ этой поэмы. Извѣстно, что иллирскіе дѣятели весьма интересовались положеніемъ Босніи, въ которой въ то время звѣрства Турокъ доходили до невѣроятныхъ крайностей. Въ *Даницѣ* съ первыхъ годовъ изданія появлялись статьи и замѣтки о Черногоріи и Босніи. Хорваты стали интересоваться положеніемъ Боснійцевъ, чему служитъ доказательствомъ то, что въ 1842 г. вараждинская жупанія выработала особенное представленіе австрійскому императору съ просьбами заступиться за Боснійцевъ, при чемъ перечислялись случаи звѣрства Турокъ. Самъ поэтъ могъ хорошо знать Черногорію и Боснію, по разсказамъ своихъ братьевъ, изъ коихъ Антонъ посѣтилъ Черногорію вмѣстѣ съ Гаемъ въ 1841 г., а другой, Матвѣй, долгое время жилъ въ Босніи и имѣлъ собраніе народныхъ пѣсенъ, которое онъ давалъ творцу поэмы. Наконецъ, въ бумагахъ Ивана Мажуранича сохранились хорватскій оригиналъ и нѣмецкій переводъ описанія путешествія по Босніи и Герцеговинѣ въ 1843—1844 г. Нѣмецкій переводъ имѣетъ заглавіе: An die Monarchen Europa's. Въ немъ въ яркихъ краскахъ описываются жестокости Турокъ при собираніи харача, подобныя тѣмъ, какія изобразилъ поэтъ въ своемъ произведеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что страшную картину въ четвертой пѣснѣ (Harač) этой поэмы Мажураничъ взялъ изъ этого сочиненія. Мажураничъ имѣлъ случай въ Карловцѣ видѣть и говорить съ Черногорцами, проѣзжавшими черезъ Австрію. Описывая дѣйствительное событіе и называя дѣйствовавшихъ лицъ, Мажураничъ лишь нѣсколько перемѣнилъ обстановку. Герой событія, убившій Измаилъ-агу, былъ Новица Церовичъ, котораго Мажураничъ сдѣлалъ потурченцемъ, покаявшимся и перешедшимъ на сторону Черногорцевъ, чтобы отомстить агѣ за гибель своего отца [58]). Въ народной пѣснѣ упоминается о Джокѣ Маловичѣ, побратимѣ Новицы, перешедшемъ къ Измаилу-пашѣ, но съ исключительною цѣлью помочь Черногорцамъ въ рѣшительную минуту, что́ ему и удалось. Эти соображенія, нужно надѣяться, окончательно прекратятъ всякіе споры относительно принадлежности Мажураничу это-

го замѣчательнаго произведенія хорватской литературы. Если для сюжета своей поэмы Мажураничъ и воспользовался различными источниками, то это нисколько не отнимаетъ у нея оригинальности. Не смотря на нѣкоторые недостатки, какъ напр. на излишнюю погоню за эффектами и несоотвѣтствующія черногорскому быту сцены, все же эта поэма представляетъ художественную и цѣльную картину изъ исторіи геройской борьбы Черногорцевъ съ Турками [59]).

Послѣ поэмы о Ченгичѣ Мажураничъ писалъ мало, хотя и принималъ участіе въ журналистикѣ. Въ 1847 году онъ помѣстилъ въ *Даницѣ* (№ 17) три сонета подъ заглавіемъ: Reč bratinska, написанные имъ для концерта въ пользу голодающихъ въ Военной Границѣ.

Въ 1848 г. Мажураничъ издалъ брошюру: Hrvati Magjarom, въ которой, исходя изъ принциповъ: „свобода, равенство и братство“, выражалъ свое сочувствіе событіямъ, происходившимъ во Франціи. Для Хорватовъ онъ требовалъ равенства вѣроисповѣданій, полной внутренней самостоятельности и свободнаго избранія бана. По мнѣнію Мажуранича, Австріи предстоитъ неминуемое распаденіе, и онъ указывалъ на Швейцарію, какъ на образецъ политическаго устройства Австро-Венгріи. Событія однако скоро не оправдали этихъ его ожиданій, равно какъ и его предсказанія — о возстановленіи Польши.

Не смотря на свои служебныя обязанности, Иванъ Мажураничъ въ періодъ абсолютизма находилъ иногда возможность принимать участіе и въ литературѣ, но оригинальныхъ произведеній онъ больше не писалъ; такъ,— въ журналѣ: Neven онъ помѣстилъ нѣсколько переводовъ. Съ 1858 года до 1872 г. онъ былъ предсѣдателемъ „Иллирской Матицы“.

Иванъ Кукулевичъ Сакцинскій вполнѣ справедливо считается „самымъ плодовитымъ хорватскимъ писателемъ девятнадцатаго столѣтія“. Это былъ неутомимый изыскатель и любитель хорватской старины, особенно книжной. Онъ всю жизнь собиралъ всевозможныя книги и рукописи и первый систематизировалъ все, что было издано въ хорватской лите-

ратурѣ. По числу изданныхъ имъ трудовъ онъ превосходитъ Шулека тоже весьма плодовитаго писателя и публициста, начавшаго дѣйствовать въ періодъ Иллиризма. О важной роли, какую онъ игралъ въ политикѣ, во время борьбы съ Мадьярами за языкъ, мы говорили уже выше [60]).

Иванъ Кукулевичъ, прибавлявшій иногда къ своей фамиліи Bassani de Sacci, основываясь на исторіи своего рода [61]), родился въ Вараждинѣ 29 мая 1816 г. Его отецъ Антонъ пользовался большимъ уваженіемъ въ свое время и принадлежалъ къ числу видныхъ хорватскихъ патріотовъ. Въ 1832 г. онъ былъ посланъ хорватскимъ сеймомъ въ Угорскій сеймъ, какъ хорватскій нунцій въ верхней палатѣ. Съ 1836 г. онъ былъ главнымъ начальникомъ учебнаго вѣдомства въ Хорватіи. Иванъ Кукулевичъ учился сначала въ Вараждинѣ, а затѣмъ въ гимназіи въ Загребѣ, изъ которой вышелъ въ 1833 г., не окончивъ философскаго курса, и поступилъ въ военную службу. Будучи ученикомъ гимназіи, онъ былъ однажды у Миклоушича, который совѣтовалъ юношѣ „читать хорватскія книги". Поступивъ въ полкъ, Кукулевичъ въ 1834 г. написалъ свое первое стихотвореніе по нѣмецки: An Kroatien,— что́ свидѣтельствовало, какъ мало онъ зналъ по хорватски въ это время: ни школа, ни литература не могли дать этого знанія. Но духъ славянскаго патріотизма такъ сильно коснулся Кукулевича, что онъ, перешедши на службу въ Вѣну, куда былъ переведенъ въ гвардію офицеромъ въ 1836 г., носилъ саблю съ вырѣзанною на ней надписью: „за свободу и Славянство". Посѣщая въ Пожунѣ своего отца, засѣдавшаго въ парламентѣ, Кукулевичъ имѣлъ удобный случай познакомиться съ сеньскимъ епископомъ Миркомъ Ожеговичемъ, защищавшимъ славянское богослуженіе по глаголическимъ книгамъ, Германомъ Бужаномъ и графомъ Драшковичемъ и вообще съ новымъ теченіемъ, начавшимся со времени появленія изданій Гая. Въ Вѣнѣ онъ познакомился съ черногорскимъ владыкою Петромъ II Нѣгошемъ, Вукомъ Караджичемъ, сербскимъ поэтомъ Симою Милутиновичемъ и другими сербскими писателями. Въ 1837 г. въ Вѣнѣ посѣтилъ его Гай, произвед-

шій на него глубокое впечатлѣніе и познакомившій съ трудностями, которыя онъ былъ принужденъ побороть въ началѣ своей дѣятельности. Кукулевичъ тогда же передалъ нѣкоторыя свои стихотворенія Гаю, изъ коихъ одно: Tuga za ljubom вскорѣ появилось въ *Данищѣ* (1837, № 50), съ большими исправленіями редакціи, ибо авторъ его еще недостаточно владѣлъ иллирскимъ языкомъ. Къ этому времени относятся и другія его произведенія, писанныя сначала по нѣмецки, а затѣмъ переведенныя на иллирскій языкъ, — именно повѣсти, которыя онъ началъ издавать въ 1842 г. подъ названіемъ: Različita děla. Двѣ повѣсти, вошедшія въ первый выпускъ этого изданія: Bugarin и Marta Posadnica, характеризуютъ настроеніе писателя. Сюжетъ первой повѣсти взятъ изъ времени борьбы Сербовъ за освобожденіе; она написана, вѣроятно, подъ вліяніемъ разговоровъ съ Караджичемъ. Въ ней онъ проводитъ мысль объ единствѣ иллирскихъ народовъ и о необходимости ихъ союза.—Marta Posadnica представляетъ переработку повѣсти Карамзина того же имени, понравившейся Кукулевичу изображеніемъ борьбы за независимость. Къ этому же времени относятся и двѣ другія повѣсти: Bratja и Pauk, вошедшія во вторую часть: Različita děla (1842 г.); обѣ онѣ по содержанію *иллирскія*. Pauk представляетъ передѣлку съ нѣмецкаго. Тогда же Кукулевичъ написалъ и первыя свои драматическія произведенія. Изъ нихъ его драма: Juran i Sofia, содержаніе которой относится къ концу XVI вѣка, къ осадѣ Сиска Турками, появилась въ печати въ 1839 г. и была представлена въ Сискѣ и Загребѣ на сценѣ, какъ первое иллирское оригинальное произведеніе при открытіи первыхъ спектаклей, какъ о томъ уже было говорено выше. Она проникнута патріотическимъ духомъ, и основной ея мотивъ выраженъ слѣдующими словами выводимаго въ ней бана Ѳомы Эрдеди: „слава, честь, судъ потомства и отечество“. Эти принципы должны были положить Иллиры въ основаніе своей дѣятельности. Второе драматическое произведеніе Кукулевича была драма: Gusar, передѣланная по The Corsair Байрона. Кукулевичъ принималъ участіе въ изданіи: Igrokazi Ilirski,

и въ 3-емъ выпускѣ находится его передѣлка съ нѣмецкаго: Stěpko Šubić ili Bela IV u Horvatskoj. Но эта послѣдняя піеса, вѣроятно, побудила Кукулевича написать на историческихъ данныхъ оригинальную драму: Poraz Mongolah, по сюжету относящуюся къ той же эпохѣ, именно къ пораженію Татаръ на Гробницкомъ полѣ въ 1242 г.

Въ Вѣнѣ Кукулевичъ, не смотря на свою военную службу, усиленно занимался исторіей Славянъ и древнихъ иллировъ въ особенности. Желая содѣйствовать развитію славянскаго самосознанія между своими знакомыми и друзьями, онъ составилъ дружеское общество, каждый участникъ котораго дѣлалъ незначительный взносъ для выписки славянскихъ книгъ. Тутъ уже въ Кукулевичѣ сказался будущій изслѣдователь юго-славянской исторіи и собиратель книжнаго богатства хорватской старины.

Въ 1840 г. Кукулевичъ былъ переведенъ въ полкъ, стоявшій въ Миланѣ, и здѣсь онъ встрѣтился съ знаменитымъ впослѣдствіи хорватскимъ поэтомъ Прерадовичемъ, котораго онъ убѣждалъ писать стихотворенія на родномъ языкѣ и изучать дубровницкихъ писателей. Съ той поры Кукулевичъ принималъ живое участіе въ *Даницѣ* Гая, въ которой помѣстилъ нѣсколько своихъ стихотвореній и писемъ, свидѣтельствующихъ о его начитанности и знаніи исторіи южныхъ Славянъ. Въ это время Кукулевичъ пришелъ къ убѣжденію, что военная служба не соотвѣтствуетъ его способностямъ и склонностямъ. Онъ сталъ просить отца, чтобы онъ ему далъ мѣсто архиваріуса или библіотекаря въ какомъ либо изъ учрежденій, находившихся подъ его вѣдѣніемъ. Въ письмѣ Кукулевича къ отцу по этому поводу выражается его свободолюбивый, энергическій духъ. „Пойду ли я, если начнется война, давить и уничтожать народы, которые въ просвѣщеніи стоятъ высоко надъ народами нашего царства, которые мы считаемъ учителями, облагородившими человѣческій духъ, которые не могли ничего дурнаго сдѣлать ни моему народу, ни моему отечеству? Клянусь Богомъ и всѣми святыми,—никогда, пока въ груди моей бьется мое юнацкое и неиспорченное сердце“. — Хотя отецъ и не

далъ ему своего разрѣшенія выйти въ отставку изъ военной службы, Кукулевичъ настоялъ на своемъ и переѣхалъ въ Загребъ, гдѣ занялъ незначительную должность въ загребской жупаніи. Съ этой поры Кукулевичъ со всею горячностью своей природы отдается на службу литературѣ и принимаетъ живое участіе въ борьбѣ за политическія права хорватскаго народа. Поселившись въ Загребѣ, Кукулевичъ засѣдалъ въ различныхъ сеймахъ и съѣздахъ и первый поднялъ голосъ, какъ мы уже видѣли, о полной замѣнѣ латинскаго языка живымъ языкомъ народа. Въ это время Кукулевичъ вполнѣ проникся широкими идеями панславизма сороковыхъ годовъ. Еще изъ Милана Кукулевичъ послалъ въ *Даницу* нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ онъ далъ прекрасное выраженіе своему славянскому настроенію. Въ одномъ изъ нихъ: Domorodac, онъ изобразилъ себя, увлекающагося произведеніями Пушкина, Овидія и Тассо, Байрона, Шекспира, Гомера, Гундулича, раздумывающаго о судьбахъ Славянства и о положеніи своей славянской родины и готовящагося служить своему народу [62]). Въ другомъ стихотвореніи: Slavjanska domovina отразился широкій славянскій патріотизмъ Кукулевича, считавшаго для Славянина отечествомъ весь пространный славянскій міръ, признаки котораго—господство славянскаго языка и кроткія, гуманныя свойства населенія [63]). Въ это же время появились въ *Даницѣ* и первыя лирическія стихотворенія Кукулевича, которыя онъ назвалъ: Koraljke, написанныя имъ еще въ Вѣнѣ.

И въ Вѣнѣ, и въ Италіи, гдѣ онъ посѣтилъ Венецію и другіе города, Кукулевичъ интересовался славянскою исторіей и участіемъ знаменитыхъ Славянъ въ европейской наукѣ и искусствѣ. Въ его рукописяхъ нашлось начало задуманнаго имъ труда: „Матеріалы для исторіи искусства въ иллирскихъ государствахъ, начиная отъ древнѣйшаго времени". Изъ этихъ матеріаловъ онъ составилъ свой „Словарь юго-славянскихъ художниковъ" (Slovnik umjetnikah jugo-slavenskih). Занимаясь исторіей иллирскихъ народовъ, Кукулевичъ составилъ опредѣленное убѣжденіе, что иллиры жили въ постоянномъ несогласіи между собою, и что они обязаны своею славою толь-

ко великимъ людямъ, рождавшимся среди нихъ. Этотъ взглядъ онъ выразилъ въ первой своей исторической статьѣ: „Нѣчто изъ исторіи Великой Иллиріи“ (Danica, 1842, №№ 2 — 7) и затѣмъ проводилъ его во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Этимъ объясняется, почему онъ ограничился разъисканіями о жизни и дѣятельности юго-славянскихъ писателей, ученыхъ, художниковъ, старыхъ родовъ, видныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, генеалогическими разъисканіями, но не рѣшился приняться за составленіе исторіи иллировъ или Хорватовъ: онъ не видѣлъ въ ней ничего, что составляло бы славу всего народа.

Кукулевичъ обратилъ вниманіе на народныя пѣсни, но онъ сначала видѣлъ въ нихъ только импровизацію пѣвца и въ своемъ письмѣ о какомъ-то слѣпомъ, знавшемъ былины о Маркѣ Кралевичѣ, замѣчаетъ, что этотъ пѣвецъ могъ бы тотчасъ сложить пѣсню, если бы разсказать ему о чьемъ либо подвигѣ (Danica, 1842, № 20). Впослѣдствіи Кукулевичъ записывалъ народныя пѣсни и нѣкоторыя изъ нихъ напечаталъ въ четвертомъ томѣ своихъ: Različita děla. Впрочемъ, онъ рано рѣшился отказаться отъ стихотвореній, избравъ „стезю, которая ведетъ на путь зрѣлыхъ и серіозныхъ знаній“, но сдѣлалъ исключеніе для политическихъ стихотвореній, проникнутыхъ духомъ „всеславянства“; въ 1845 году онъ приготовилъ и пробовалъ было издать въ Бѣлградѣ свой сборникъ такихъ политическихъ стихотвореній: Slavjanke. Это были краткія пѣсни, въ которыхъ воспѣты всѣ главныя славянскія мѣстности и города, начиная съ Аѳона. Первая часть „Славянокъ“ оканчивается обращеніемъ къ Москвѣ и Россіи: „Россія на тебя (Москву) смотритъ, Славянство отъ тебя ожидаетъ, что ты будешь гласомъ новаго времени для всѣхъ насъ“. Во второй части „Славянокъ“ Кукулевичъ вспоминаетъ о народахъ, начиная съ Грековъ и Римлянъ, и о притѣсненіяхъ, вынесенныхъ Славянами. Она оканчивается энергическимъ призывомъ къ Славянамъ сбросить съ себя чужое иго: „Славяне, Славяне, — вы слуги народовъ! Вы — стражи царствъ и товарищи горя! чужіе вы ра-

бы! чужіе вы воины! Гдѣ ваши поля? Гдѣ ваши знамена? Нигдѣ ничего своего, ничьей любви, всѣ народы васъ ненавидятъ, всякій васъ подчиняетъ себѣ. Поднимитесь же! теперь мечъ берите въ руки! Пусть чужеплеменники падутъ,— и Славянство да господствуетъ!" Это послѣднее стихотвореніе принадлежитъ къ числу хорватскихъ воинственныхъ пѣсенъ (даворій) [64]). Къ числу такихъ же „даворій" принадлежитъ и стихотвореніе Кукулевича, написанное въ 1848 г.: Slavjani ne dajmo se, въ которомъ онъ призываетъ всѣхъ Славянъ подняться, чтобы господствовать. Эти свои стихотворенія Кукулевичъ сопроводилъ историческими примѣчаніями, слѣдуя въ этомъ отношеніи Коллару. Slavjanke однако могли выйти только въ 1848 г., когда цензура перестала существовать. Во время своего пребыванія въ Италіи Кукулевичъ въ Венеціи познакомился и сблизился съ итальянскимъ и хорватскимъ писателемъ Томазео. Въ 1841 г. Томазео издалъ въ Венеціи свои Scintille и написалъ на хорватскомъ языкѣ: Iskrice, рядъ афоризмовъ—„стихотвореній въ прозѣ" патріотическаго содержанія. Кукулевичъ издалъ ихъ въ 1844 г., но по испорченной рукописи. Власти однако запретили это изданіе, такъ какъ Томазео былъ извѣстный республиканецъ. Въ 1848 г. почти одновременно съ „Славянками" Кукулевичъ издалъ вторично Iskrice, исправивъ ихъ по указаніямъ автора.

Въ бурные годы 1848 — 1849 Кукулевичъ играетъ видную роль, и Елачичъ давалъ ему самыя важныя дипломатическія порученія. Съ подобными задачами онъ тогда ѣздилъ въ Бѣлградъ и Миланъ. Но онъ не забывалъ и въ эту годину смутъ литературныхъ и учено-политическихъ цѣлей. Въ декабрѣ 1848 г. онъ уже писалъ Метеллу Ожеговичу, прося его обратить вниманіе на то, что въ Пештскихъ архивахъ и музеѣ хранится много рукописей и документовъ, которые были перевезены туда въ различное время изъ Хорватіи и Славоніи, особенно при Іосифѣ II, при закрытіи монастырей, и которые потому слѣдуетъ взять отъ Мадьяръ, такъ какъ онъ надѣялся, что Хорватія и Славонія отдѣлятся отъ Венгріи. Кукулевичъ былъ назначенъ архиваріусомъ и, по порученію

бана, перевезъ изъ Будапешта въ Загребъ архивные документы, которые въ 1885 г. вновь были увезены въ Пештъ [65]).

Разочаровавшись въ Елачичѣ и недовольный исходомъ хорватскихъ стараній объ образованіи фактически Тріединаго королевства, Кукулевичъ рѣшилъ предаться только ученымъ занятіямъ, отказавшись отъ политической дѣятельности. Въ 1850 г. онъ основалъ: „Юго-славянское историческое общество" и началъ изданіе подъ названіемъ: Arkiv, въ которомъ помѣстилъ много матеріаловъ, важныхъ для исторіи Славянскаго юга. Этого изданія вышло 12 томовъ съ 1851 по 1875 г. Въ это время онъ предпринималъ многочисленныя путешествія по различнымъ югославянскимъ областямъ, былъ и въ Босніи, посѣтилъ многіе города Италіи и всюду собиралъ рукописи и книги. Свои многочисленныя поѣздки онъ описывалъ сначала въ *Даницѣ* въ 40-ыхъ годахъ, а затѣмъ въ своемъ *Архивѣ* и другихъ журналахъ и издавалъ отдѣльно [66]). Въ теченіе 1850 по 1860 г. Кукулевичъ былъ центромъ всѣхъ литературныхъ связей въ Хорватіи и почти единственнымъ ученымъ дѣятелемъ. Онъ поддерживалъ постоянныя сношенія со всѣми выдающимися славянскими учеными и служилъ посредникомъ для всѣхъ Хорватовъ, занимающихся исторіей и литературой, какъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся его переписка со многими извѣстными учеными (напр. Шафарикомъ, Штуромъ, Колларомъ, Томазео, Раевскимъ, Лавровскимъ, Ив. Аксаковымъ, Ламанскимъ, Безсоновымъ, Губе и др.). Занимаясь собираніемъ книгъ, Кукулевичъ задумалъ составить полную хорватскую библіографію. Въ 1860 г. онъ издалъ первый томъ ея, а въ 1863 г. пополненіе, и эта Bibliografia Horvatska вмѣстѣ съ трудомъ Валентинелли: Bibliografia della Dalmazie e del Montenegro (въ Загребѣ, 1855 г., дополненія — въ 1862 г.) составляютъ пока единственный трудъ этого рода въ хорватской литературѣ.

Исторія хорватской литературы, особенно далматинскій и дубровницкій періоды, была любимымъ предметомъ занятій Кукулевича, но и здѣсь онъ имѣлъ въ виду болѣе всего цѣли жизненныя, народныя, и предпочиталъ изданіе произведеній,

имѣющихъ такое значеніе. Онъ ограничивался въ своихъ изслѣдованіяхъ по преимуществу біографіями различныхъ писателей и подведеніемъ итога ихъ трудовъ. Еще въ 1844 г. онъ перепечаталъ съ анконскаго изданія 1665 г. Минчетича: Trublja Slovinska. Въ 1852 — 53 г. онъ издалъ сочиненія Доминика Златарича, дубровницкаго писателя XVI в. (3 части), въ 1856—57 и 1867 годахъ напечаталъ извлеченія изъ тридцати далматинскихъ поэтовъ, прибавивъ біографическія свѣдѣнія (Stari pjesnici hrvatski), первоначально появившіяся въ *Невенѣ* и *Книжевникѣ*, а въ 1861 г. издалъ поэму Іеронима Каваньина: Bogatstvo i ubožtvo, давъ біографію этого писателя. Къ разряду историко-литературныхъ его изслѣдованій относится рядъ біографій хорватскихъ писателей, жившихъ въ половинѣ XVII в.: Književnici u Hrvatah s ove strane Velebita, živivši u prvoj polovini XVII vieka, первоначально появившійся въ Arkiv'ѣ (кн. 9 и 10). Это былъ первый трудъ, въ которомъ систематически представлена дѣятельность болѣе извѣстныхъ писателей этой эпохи. Къ этому же разряду произведеній относятся еще два труда Кукулевича: Slovnik umjetnikah jugoslavenskih, выходившій съ 1858 по 1860 г. (4 части), и Glasoviti Hrvati (1886 г.); въ первомъ изданіи онъ сообщилъ данныя о знаменитыхъ художникахъ, а во второмъ о нѣкоторыхъ выдающихся и извѣстныхъ ученыхъ и дѣятеляхъ Юго-славянахъ, хотябы они даже измѣнили своему народу, какъ напр. Мехмедъ Соколовичъ. Когда основанная въ 1866 году въ Загребѣ Юго-славянская Академія приступила къ изданію дубровницкихъ и далматинскихъ писателей, она открыла свою серію: Stari pisci hrvatski изданіемъ Марка Марулича (1869 г.). Введеніе къ этому тому съ очеркомъ времени Марулича и его біографіей было написано Кукулевичемъ.

Главная заслуга Кукулевича, какъ историка, состоитъ въ томъ, что онъ собралъ громадное количество матеріаловъ по исторіи Юго-славянъ. Онъ составилъ еще въ 1839 г. списокъ рукописныхъ матеріаловъ для исторіи Юго-славянъ, которые слѣдовало издать. Пользуясь помощью епископа Штросс-

майера, Кукулевичъ въ началѣ 60-ыхъ годовъ приступилъ къ подготовкѣ изданія: Monumenta Historica Slavorum meridionalium и въ 1863 г. издалъ первый томъ подъ заглавіемъ: Acta Croatica, въ который вошло большое собраніе хорватскихъ грамотъ, писанныхъ глаголицею, кириллицею и латиницею, начиная отъ 1100 до 1599 г. Это самый лучшій сборникъ грамотъ и матеріаловъ между всѣми изданными Кукулевичемъ. Два слѣдующіе тома были имъ изданы подъ заглавіемъ: Codex diplomaticus въ 1874 и 1875 г. Такъ какъ Кукулевичъ былъ по преимуществу собирателемъ историческаго матеріала, при чемъ издаваемое не подвергалъ критическому разбору относительно подлинности, то это изданіе считается некритическимъ и неудовлетворительнымъ. Что касается Acta croatica, то они изданы по большей части по оригиналамъ.

Между историческими изслѣдованіями Кукулевича считается лучшимъ его „борьба Хорватовъ съ Монголами и Татарами“ (Borba Hrvatah s Mongoli i Tatari, въ 1863 г.), изслѣдованіе, основанное на документальныхъ данныхъ и изученіи источниковъ.

Хорваты давно чувствовали потребность издать сборникъ документовъ, опредѣляющихъ ихъ государственное отношеніе къ Мадьярамъ. Еще въ 1838 г. хорватскій сеймъ составилъ коммиссію, которая должна была заняться такимъ сборникомъ. Въ 1847 г. въ эту коммиссію былъ избранъ также Кукулевичъ, который усердно принялся за составленіе такого сборника. Но для этого потребовалось болѣе десяти лѣтъ, и въ 1861 и 1862 г. онъ издалъ замѣчательно полный сборникъ историческихъ документовъ, опредѣляющихъ права Хорватовъ, въ трехъ большихъ частяхъ: Jura Regni Croatiae, Slavoniae et Dalmatiae.

Когда была основана Юго-славянская Академія, Кукулевичъ, хотя съ самаго начала избранъ былъ въ ея члены, отказался отъ этой чести, какъ онъ объяснялъ, потому, что не были избраны другіе важнѣйшіе дѣятели иллирскаго времени, какъ Гай, Иванъ Мажураничъ, Бабукичъ, Деметеръ.

Впослѣдствіи однако онъ помѣстилъ въ Rad'ѣ нѣсколько важныхъ статей по югославянской исторіи.

Не смотря на всѣ свои ученые труды, Кукулевичъ по временамъ продолжалъ занятія чисто литературныя и не отказывался отъ участія въ публицистикѣ. Онъ издавалъ одно время газету: Domobran, писалъ статьи въ различные хорватскіе журналы, написалъ повѣсть изъ времени движенія 1848—1849 г.: Dva Slovena, помѣщенную имъ въ альманахѣ Вукотиновича: Leptir (1860 г.), помѣстилъ тамъ же нѣсколько стихотвореній, переиздалъ прежнія, исправивъ ихъ, и издалъ новыя (Povjestne Pjesme, 1874) и напечаталъ оригинальную драму „Потурченецъ“ (Poturica, 1867). Когда абсолютистская система пала въ Австріи, Кукулевичъ вновь выступилъ на политическое поприще и былъ назначенъ въ 1861 г. великимъ жупаномъ, а въ 1865 г. замѣстителемъ бана. Онъ ставилъ своей политическою задачею—устроить положеніе Хорватовъ такъ, чтобы они не отдѣлялись въ своей дѣятельности отъ остальныхъ Славянъ Австріи. Такая задача была почти недостижима при извѣстныхъ свойствахъ внутренней австрійской политики. Съ введеніемъ дуализма въ Австріи, Кукулевичъ былъ уволенъ въ отставку.

Въ 1863 г., когда Славянскій міръ вспоминалъ о дѣятельности святыхъ Кирилла и Меѳодія, Кукулевичъ отъ имени Общества Юго-славянской исторіи и древностей издалъ интересный и нынѣ сборникъ: Tisućnica Slovjenskich Apostolah sv. Cirila i Metoda, привлекши къ участію въ немъ поэтовъ Тѐрнскаго и Прерадовича и ученыхъ Рачкаго и Месича.

Кукулевичъ до конца жизни (умеръ 1 августа 1889 г.), сохранилъ всѣ лучшія вѣрованія и чаянія Иллиризма, но послѣ 1848 г. отказался отъ слова: *иллирскій*. Искренно преданный интересамъ своего народа, онъ берегъ въ себѣ огонь широкаго славянскаго патріотизма, воспламененный въ немъ въ Иллирскую эпоху. Съ юношескимъ пыломъ и вѣрою онъ ожидалъ блестящихъ послѣдствій для Славянства отъ Русско-Турецкой войны 1877—78 гг....

Историческая критика ставитъ многое въ упрекъ трудамъ

Кукулевича: слабыя ихъ стороны объясняются тѣмъ, что Кукулевичъ былъ самоучка, которому не пришлось пройти систематической подготовительной школы. Но Рачкій признаъ за Кукулевичемъ громадную заслугу въ исторической наукѣ и писалъ о немъ такъ: „онъ первый послѣ 1835 г. поставилъ хорватскую исторіографію на научныя основанія, опубликовавъ историческіе памятники и основывая историческія изслѣдованія на источникахъ“ [67]. Дѣйствительно, если принять во вниманіе время, когда дѣйствовалъ въ Хорватіи Кукулевичъ, то нужно удивляться его энергіи и дарованіямъ, благодаря которымъ онъ могъ сдѣлать столь много для югославянской исторіи и хорватской литературы. Его историческіе труды впервые освѣтили и раскрыли многія славныя страницы хорватскаго народа, и въ его взглядѣ на исторію Юго-славянъ, въ которой онъ видѣлъ великихъ людей, но не видѣлъ великихъ дѣяній народа, несомнѣнно много правды. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ, это былъ искренній и вѣрный послѣдователь ученія о славянскомъ единеніи. Онъ дѣйствительно стремился къ полному сближенію Хорватовъ съ Сербами и умѣлъ проникнуться тѣмъ юго-славянскимъ патріотизмомъ, который возвышалъ его надъ спеціально-хорватскимъ, получающимъ въ послѣдующее за 1867 г. время все большую силу.

Мирко (Эммерихъ) Боговичъ, начавшій свою писательскую дѣятельность въ иллирской литературѣ съ 1841 г., родился 2 февраля 1816 г. въ Вараждинѣ. Отецъ его былъ по происхожденію Хорватъ, а мать Мадьярка. Лишившись состоянія вслѣдствіе финансоваго разстройства въ Австріи въ 1811 г., отецъ писателя принужденъ былъ стать управляющимъ имѣніями одного изъ своихъ мадьярскихъ родственниковъ въ Загорьѣ, и потому Мирко провелъ свое дѣтство въ этой мѣстности, славящейся красотами природы. Впечатлѣнія дѣтства Боговича отразились впослѣдствіи въ двухъ его повѣстяхъ: Grad Gatalovac и Ubojstvo na Grebengradu. Боговичъ учился сначала въ Крижевцѣ, а затѣмъ въ Вараждинѣ. По свидѣтельству его біографа [68]), онъ въ раннемъ дѣтствѣ обнаруживалъ особенную впечатлительность. Такъ, побывавъ въ

первый разъ въ театрѣ на 14 году, Боговичъ долго помнилъ цѣлыя сцены и повторялъ длинные монологи. Въ 1831 г. онъ былъ родителями посланъ въ Суботину (Szombately), въ тамошній лицей, для изученія мадьярскаго языка. Здѣсь онъ сблизился съ барономъ Драгоиломъ Кушляномъ, впослѣдствіи хорватскимъ дѣятелемъ. Въ 1832 г. Боговичъ переѣхалъ въ Загребъ для окончанія курса юридическихъ наукъ. Видѣнный имъ военный парадъ на похоронахъ бана Дьюлая произвелъ на него такое впечатлѣніе, что онъ поступилъ въ военную службу, противъ воли отца, подобно Кукулевичу, и былъ опредѣленъ въ военную школу въ Петриньѣ, гдѣ учился 4 года военнымъ наукамъ и математикѣ. Это время его жизни совпадаетъ съ началомъ дѣятельности Гая и Иллировъ. Въ 1837 г. Боговичъ былъ назначенъ въ полкъ, стоявшій въ Осѣкѣ. Разочаровавшись въ военной службѣ, въ 1840 г. онъ вышелъ въ отставку и, переѣхавъ въ Крижевацъ, сталъ готовиться къ юридической карьерѣ. Еще въ военномъ училищѣ Боговичъ добывалъ для чтенія Novine и Danic'у, а теперь на свободѣ онъ сталъ рѣшительнымъ сторонникомъ Иллиризма. Тутъ онъ сблизился съ писателемъ и поэтомъ иллирскаго времени Антономъ Нѣмчичемъ, изучалъ дубровницкихъ писателей и, не рѣшаясь самъ писать по иллирски, сталъ переводить на нѣмецкій языкъ нѣкоторыя стихотворенія Враза. Эти его переводы были помѣщены въ Загребскомъ нѣмецкомъ журналѣ Croazia.

Въ 1841 года Боговичъ переѣхалъ въ Загребъ, гдѣ при посредствѣ Враза познакомился и сблизился съ Срезневскимъ. Въ этомъ же году появилось въ *Даницѣ* (№ 24) его первое иллирское стихотвореніе: Bĕgunac. Во время бурнаго столкновенія народной и мадьяронской партій при выборѣ лицъ на общественныя должности 31 мая 1842 г., онъ и баронъ Кушлянъ первые обнажили сабли и оттѣснили нападавшихъ мадьяроновъ. Вскорѣ послѣ этого Боговичъ, уже выдержавшій юридическій экзаменъ, сталъ чиновникомъ при тогдашнемъ великомъ жупанѣ, Николаѣ Зденчаѣ, сторонникѣ Иллиризма. Въ 1842 г. въ *Новинахъ* (№№ 99 и 100) появилась

статья Боговича: Narodnost i njezini uvěti, въ которой онъ объяснялъ значеніе литературы на народномъ языкѣ для развитія и сохраненія народности и предлагалъ составить фондъ для поддержки писателей. Эта статья обратила на себя вниманіе Коллара, и его одобреніе побудило Боговича къ большему участію какъ въ хорватскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ газетахъ и журналахъ. Съ этой поры Боговичъ становится дѣятельнымъ писателемъ и остается имъ до конца жизни. Стихотворенія и статьи въ Иллирскій періодъ литературы онъ помѣщалъ въ *Даницѣ* и *Новинахъ*, въ альманахѣ Iskra и въ Kolo, которое онъ предполагалъ даже продолжать послѣ смерти Враза.

Въ 1842 г. баронъ Кульмеръ, занимавшій при банѣ важную должность (baro tabulae banalis), взялъ съ собою Боговича на сеймъ въ Пожунъ. Въ это-то время Боговичъ познакомился и сблизился съ видными словацкими дѣятелями и писателями — Людевитомъ Штуромъ и Милославомъ Гурбаномъ. Отсюда онъ ѣздилъ въ Модру и Глубокое, гдѣ познакомился съ Карломъ Штуромъ. Связи и личныя знакомства съ выдающимися словацкими патріотами еще болѣе укрѣпили Боговича въ его народномъ образѣ мыслей. Возвратившись въ Загребъ, Боговичъ присутствовалъ въ бурномъ собраніи депутатовъ 9 декабря 1843 г. и при бывшемъ тогда столкновеніи партій былъ легко раненъ. Весною 1844 г. Боговичъ выдержалъ адвокатскій экзаменъ въ Пештѣ и съ тѣхъ поръ начинается его политическая карьера. Когда произошло въ Загребѣ извѣстное столкновеніе партій 29 іюля 1845 г., Боговичъ, принимавшій въ немъ живое участіе, получилъ опасную рану. Осенью, оправившись отъ раны, Боговичъ ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ добился аудіенціи у императора, котораго просилъ о назначеніи слѣдствія по дѣлу о столкновеніи. Къ этой порѣ относятся его лирическія стихотворенія: Ljubice, вышедшія отдѣльнымъ сборникомъ въ 1844 г. Политическія его стихотворенія энергическаго характера вошли въ сборникъ: Domorodni Glasi, вышедшій въ Вѣнѣ въ 1848 г. Изъ Вѣны Боговичъ ѣздилъ въ Пожунъ и Пештъ, гдѣ возобновилъ свои

связи со Словаками, и затѣмъ провелъ нѣкоторое время у своихъ мадьярскихъ родственниковъ въ Венгріи. Тогда онъ написалъ стихотворенія, вошедшія въ сборникъ: Smilje i koviljе (1847 г.). Не смотря на свои родственныя связи съ Мадьярами, Боговичъ въ эту пору былъ рѣшительнымъ противникомъ Мадьяръ. Когда въ 1848 г. мадьярскія власти потребовали отъ него, какъ чиновника, занимавшаго должность въ Рѣкѣ, новой присяги на службу на мадьярскомъ языкѣ, Боговичъ письмомъ къ венгерскому министру торговли на хорватскомъ языкѣ отказался отъ принесенія такой присяги и вообще отъ службы.

Время нѣмецкаго абсолютизма, наступившее послѣ бурныхъ 1848 и 1849 г., было чрезвычайно неблагопріятно для развитія хорватской литературы. Дѣятельность иллирскихъ писателей какъ бы замерла. Изданія Гая потеряли всякое значеніе, Кукулевичъ отдался занятіямъ исторіей, путешествіямъ и собиранію рукописной и книжной старины, Вукотиновичъ сталъ заниматься естествознаніемъ, число хорватскихъ изданій и новыхъ книгъ съ каждымъ годомъ стало уменьшаться: въ 1856 г. вышло въ Загребѣ только 15 хорватскихъ книгъ, да и то пять изъ нихъ были правительственныя изданія [63]). Нѣмецкій гнетъ былъ столь силенъ, разочарованіе послѣ сильнаго напряженія иллирскаго времени и паденія радужныхъ надеждъ столь велико, что образованные люди стали быстро привыкать къ употребленію нѣмецкаго языка въ обыденной жизни и къ нѣмецкой литературѣ. Въ это-то глухое время Боговичъ выступаетъ энергическимъ литературнымъ дѣятелемъ. Въ 1851 году онъ издалъ стихотворенія своего покойнаго друга иллирскаго поэта Антона Нѣмчича, а въ 1853 г. 9-ый выпускъ повременника Kolo, въ которомъ началъ излагать исторію развитія Иллирской литературной эпохи. Въ то же время онъ задумалъ издавать газету: Domobran. Въ представленной правительству программѣ этого изданія Боговичъ указывалъ свои цѣли: защищать историческія права Хорватіи и требовать примѣненія къ жизни постановленій сейма 1848 г. Такая программа не понравилась то-

гдашнему правительству ни въ Загребѣ, ни въ Вѣнѣ, и Боговичу не было дано разрѣшенія на изданіе газеты. Въ 1852 г. ему удалось получить позволеніе издавать литературный журналъ: Neven [70]), но за нимъ бдительно слѣдила вѣнская цензура, и Боговичъ былъ въ 1853 г. осужденъ на тяжкое тюремное заключеніе на полгода за помѣщеніе стихотворенія Ивана Филипповича: Domorodna utěha (№ 38 *Невена* за 1852 г.). Neven былъ въ то время единственнымъ хорватскимъ литературнымъ изданіемъ, ибо *Даница* Гая, воскрешенная было въ 1853 г., просуществовала всего одинъ годъ и не имѣла никакого значенія. Въ *Невенѣ* появилось много повѣстей, — въ это время стихотворенія уступаютъ повѣстямъ первое мѣсто, которое они занимали въ Иллирскій періодъ. — Боговичъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ нѣсколько повѣстей; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ далъ отличный очеркъ жизни и быта провинціальной Хорватіи. Въ 1859 г. Боговичъ издалъ сборникъ своихъ повѣстей, печатавшихся въ *Невенѣ*.

Не смотря на всю суровость полугодичнаго заключенія въ тюрьмѣ въ 1853 г., Боговичъ пользуясь уединеніемъ, написалъ тамъ драму: Stiepan, posljedni kralj bosanski и двѣ повѣсти. Драмы Боговича считаются лучшими въ хорватской литературѣ и нѣкоторыя нерѣдко появляются на сценѣ хорватскаго театра, какъ напр. Frankopan и Matija Gubec, kralj seljački, сюжетъ которыхъ взятъ изъ хорватской исторіи. Эти произведенія отличаются естественностью положеній и правдою изображенія и въ этомъ отношеніи превосходятъ драмы Деметра. Нѣкоторыя изъ драмъ и повѣстей Боговича переведены на чешскій языкъ Вацливомъ и Іосифомъ Колларомъ.

Литературную дѣятельность онъ продолжалъ и въ 60-ыхъ годахъ, когда вновь выступилъ на политическое поприще. Въ 1861 г. онъ издалъ первую часть сборника своихъ стихотвореній: Vinjage, приготовилъ къ печати сборникъ дидактическихъ стихотвореній: Slike i prilike, который издалъ въ 1878 г., и др. Его поучительныя и сатирическія стихотворенія, въ видѣ 2, 4 и 8-стишій, вышли подъ названіемъ: Strielice въ 1878 г. Нѣкоторыя стихотворенія Боговича из-

даны профессоромъ Шрепелемъ только въ 1894 г. послѣ его смерти. Тутъ же помѣщено неоконченное философско-сатирическое стихотвореніе: Grabancias-djak, въ которомъ Боговичъ имѣлъ намѣреніе осмѣять недостатки и слабыя стороны своихъ современниковъ, сопоставивъ ихъ съ темными сторонами старой хорватской жизни.

Послѣ переворота, произведеннаго въ Австріи такъ называемымъ Октябрьскимъ дипломомъ (20 октября 1860 г.), Боговичъ вновь сталъ участвовать въ политической жизни, желая направить хорватское общественное мнѣніе противъ нѣмецкаго режима, произносилъ много рѣчей въ уѣздныхъ собраніяхъ и сеймахъ и издалъ нѣсколько политическихъ брошюръ, въ которыхъ проводилъ мысль о сближеніи Хорватовъ съ Мадьярами [71]). Въ 1861 г. онъ вмѣстѣ съ Кукулевичемъ и Вукотиновичемъ, при участіи Ивана Мажуранича, выработалъ программу дальнѣйшей политики Хорватовъ. Она была изложена въ брошюрѣ: Programm über den Wiederanschluss Croatiens und Slavoniens an Ungarn. Эта новая струя въ политикѣ вовлекла его постепенно въ тотъ лагерь, который въ Хорватіи называютъ мадьяронскимъ. Онъ потерялъ прежнее значеніе, и Прерадовичъ въ своемъ сонетѣ Нѣмчичу замѣчаетъ о Боговичѣ, какъ о служителѣ чужихъ интересовъ въ Хорватіи (стих. Milim pokojnikom, въ 1870 г.). — Боговичъ умеръ 4 мая 1893 г.

Антонъ Нѣмчичъ Гостовинскій пользовался извѣстностью въ Иллирской литературѣ, какъ авторъ лирическихъ и патріотическихъ стихотвореній, но главнымъ образомъ за то, что онъ первый далъ образецъ легко написаннаго описанія „Путешествія". Нѣмчичъ родился 10 мая 1813 г. въ Сегештѣ въ Венгріи и дѣтство провелъ въ Людбрегѣ и Копривницѣ, гдѣ его отецъ служилъ въ судѣ. Онъ учился въ Вараждинѣ и Загребѣ, гдѣ окончилъ курсъ юридическихъ наукъ и впослѣдствіи служилъ въ судѣ въ Крижевцѣ и Мославинѣ, а затѣмъ въ Людбрегѣ и Копривницѣ. Присоединившись къ Иллирамъ, Нѣмчичъ хотѣлъ самообразованіемъ пополнить то, что вынесъ изъ школы. По свидѣтельству Бо-

говича, находившагося съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, Антонъ Нѣмчичъ основательно изучалъ латинскихъ классическихъ поэтовъ, многихъ нѣмецкихъ и французскихъ, особенно Вольтера и Руссо. Изъ числа „иллирскихъ" писателей его любимыми были: Досиѳей Обрадовичъ, Гундуличъ и Джорджичъ. Первое его лирическое стихотвореніе появилось въ *Даницѣ* въ 1839 г. (№ 27) подъ заглавіемъ: Dva vrěla (Два источника). Это стихотвореніе выражало настроеніе автора, потерпѣвшаго неудачу въ любви. Вообще всѣ лирическія стихотворенія Нѣмчича вполнѣ искренни по чувству и просты и энергичны по выраженію. Это объясняется тѣмъ, что Нѣмчичъ два раза терпѣлъ неудачи въ любви и писалъ подъ настроеніемъ реально испытываемаго и переживаемаго. Въ 1843 году онъ предпринялъ путешествіе по югу Австріи и сѣверу Италіи, при чемъ посѣтилъ города: Рѣку, Бакаръ, Кральевицу, Тріестъ, Венецію, Падую, Верону, Виченцу и Любляну. Описаніе этого путешествія онъ издалъ въ 1845 г., назвавъ его Putositnice. Живость и картинность описанія, простой и легкій слогъ, патріотическая тенденція и острыя замѣчанія о своихъ наблюденіяхъ (напр. о распространенности нѣмецкаго языка въ Загребѣ) сдѣлали эту его книгу весьма популярною. Въ этомъ своемъ произведеніи, первомъ образцѣ этого рода произведеній въ Иллирской литературѣ, Нѣмчичъ обнаружилъ хорошее образованіе, знакомство съ европейскою литературою и знаніе исторіи посѣщенныхъ имъ мѣстностей.

Въ 1848 г. онъ былъ на службѣ въ Новомъ Марофѣ и въ сеймѣ 1848 года былъ представителемъ этого округа. Умеръ Антонъ Нѣмчичъ 5 сентября 1849 г. въ Крижевцѣ, куда былъ назначенъ на должность секретаря жупана. Боговичъ послѣ смерти Нѣмчича издалъ сборникъ его лирическихъ стихотвореній; лучшія между ними по искренности тона—Turice, а болѣе отдѣланныя по формѣ и легкія по стиху—Lepiri[72]). Нѣмчичъ былъ убѣжденный сторонникъ Иллирской теоріи. Когда въ 1847 г. онъ путешествовалъ по Славоніи, Срему и Сербіи, онъ остался очень недоволенъ тою холод-

ностью и даже нерасположеніемъ къ Иллиризму, какое онъ встрѣчалъ всюду у Сербовъ. Подобно другимъ поэтамъ своего времени, онъ писалъ немало патріотическихъ стихотвореній, въ которыхъ воспѣвались *слога* (согласіе) иллировъ и энергія и смѣлость въ защитѣ народности. Кровавое столкновеніе въ Загребѣ 29 іюля 1845 г., во время котораго онъ находился въ Загребѣ, дало ему поводъ написать стихотвореніе: Ĥymna, въ которомъ онъ взывалъ къ мести за кровь погибшихъ Иллировъ. Оно было напечатано въ *Даницѣ* только въ 1848 г. (№ 32). Нѣмчичъ первый изъ иллирскихъ писателей сдѣлалъ попытку написать романъ, но не окончилъ его. Это начало его романа: Udes ljudski—(человѣческая судьба) было напечатано Боговичемъ въ *Невенѣ*.

Къ числу *политическихъ* поэтовъ времени Иллиризма относится Ѳома Блажекъ, первое стихотвореніе котораго появилось въ *Даницѣ* въ первомъ же году ея изданія (1835, № 43).

Блажекъ родился 7 марта 1807 г. въ селѣ Петеранцѣ въ Военной Границѣ. Его родители, зажиточные поселяне, хотѣли видѣть сына священникомъ и потому отдали его сначала въ вараждинскую гимназію, а затѣмъ въ духовную семинарію въ Загребѣ. Но ставъ калѣкою вслѣдствіе болѣзни, Блажекъ не могъ уже быть священникомъ и потому сталъ слушать юридическіе курсы въ загребской архигимназіи. Нѣкоторое время онъ былъ домашнимъ учителемъ въ семействѣ графа Эрдеди и вскорѣ затѣмъ сталъ адвокатомъ, жилъ сначала въ Загребѣ, а затѣмъ въ Вараждинѣ, гдѣ и умеръ 21 февраля 1846 г. Его другъ Нѣмчичъ издалъ сборникъ его стихотвореній въ 1848 г., назвавъ ихъ: Političke pjesme [73]).

Учась еще въ духовной семинаріи, Блажекъ началъ писать стихотворенія на латинскомъ языкѣ, по преимуществу сатирическаго содержанія, въ которыхъ осмѣивалъ неумѣлыхъ стихотворцевъ и всеобщую страсть писать стихи. Эти его ѣдкія сатиры извѣстны только въ рукописи. Склонность Блажека къ критикѣ и сатирѣ отразилась въ поучительномъ тонѣ нѣкоторыхъ его стихотвореній, какъ напр. въ его извѣстномъ

стихотворенiи: Slepari, въ которомъ онъ зло осмѣиваетъ духовенство, обвиняя его въ лицемѣрiи и властолюбiи. Сатирическимъ оттѣнкомъ отличается и другое его стихотворенiе: Moj stan, въ коемъ онъ нападаетъ на преклоненiе Хорватовъ предъ чужеземщиною.

Иллирскiя идеи отражаются во всѣхъ произведенiяхъ Блажева. Онъ желалъ, чтобы соплеменники боролись за Славянство и любили свое славянское отечество (Davorija), — отъ Хорватовъ же онъ требовалъ борьбы за свои права и взаимнаго согласiя. Патрiотъ долженъ всѣмъ жертвовать для пользы своего отечества, которое можетъ процвѣтать только тогда, когда патрiоты защищаютъ его положенiе и права (Domorodac). Нужно возстановить доблесть древнихъ иллировъ (Ilirom). Онъ вѣрилъ въ окончательное торжество славянской правды, но „только то можетъ быть прочно и можетъ процвѣтать, что возникаетъ своею внутреннею силою“ (Opazke). Нужно дѣйствовать и работать неустанно, чтобы добиться успѣха и чтобы „славянскимъ народамъ вернулось то, что есть славянское“ (Moj stan). Счастiе лежитъ не въ почестяхъ и богатствѣ, а въ свободѣ: „Я — Иллиръ, для котораго ни богатство, ни почести, ни слава, — ничто столь не дорого, какъ отечественныя права“, а „Иллиръ привыкъ любить свободу, преклоняется же только предъ Богомъ и королемъ“ (Moja želja). Чтобы отвоевать свободу, нужно единенiе иллировъ, которые нѣкогда были сильны, живя въ мирѣ и согласiи (Sloga od Boga),—и потому поэтъ желаетъ воскрешенiя прежняго духа иллировъ (Ilir Slozi). Для борьбы за народныя права нужна смѣлость и энергiя (Rieč domorodca), и тотъ, кто не хочетъ единенiя иллировъ и боится борьбы, недостоинъ имени Иллира (Podboda). Для себя поэтъ избираетъ трудъ и борьбу за народность (Moja odluka). Въ гимнѣ къ *Свободѣ* (Sloboda) онъ проситъ богиню „Свободы“ скорѣе освободить своихъ поклонниковъ — иллировъ.

„Политическiя пѣсни“ Блажека ограничиваются почти исключительно иллирскими интересами и значительно ниже подобныхъ же произведенiй болѣе даровитаго и болѣе про-

никнутаго всеславянскою идеею своего времени Кукулѣвича, вышедшія подъ именемъ Slavjanke въ томъ же году, когда были изданы Нѣмчичемъ стихотворенія Ѳомы Блажека.

Въ періодъ Иллиризма начали свою литературную дѣятельность два выдающіеся хорватскіе поэта—**Прерадовичъ** и **Тѐрнскій**: первый—при самомъ основаніи въ Задрѣ *Зори Далматинской*, второй—въ первомъ же году изданія *Даницы*. Тѐрнскій старше по началу своего участія въ литературѣ, ибо первая его небольшая статья появилась въ *Даницѣ* въ 1835 г. (№ 14, Konj Kościuškov), а стихотворенія началъ писать, учась еще въ загребской гимназіи, и продолжаетъ свою литературную дѣятельность и нынѣ,—Прерадовичъ сталъ писать по „иллирски" значительно позже, въ 1843 году, но какъ лирическій поэтъ считается послѣ Враза самымъ выдающимся въ хорватской литературѣ. Оба писателя были тѣсно связаны узами дружбы, и при изданіи сочиненій Прерадовича, умершаго 18 августа 1872 г., Тѐрнскій написалъ біографію своего друга [74]).

Петръ Прерадовичъ родился въ селѣ Грабровницѣ въ Военной Границѣ 19 марта 1818 г. отъ православныхъ родителей. Пройдя приготовительную школу, Прерадовичъ поступилъ въ высшее училище въ Бѣловарѣ въ 1830 г. и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ принятъ въ Нейштадтъ близъ Вѣны въ военную „академію". Въ то время въ эту привилегированную военную школу не допускались некатолики, и потому Прерадовичъ принялъ католицизмъ, но, по словамъ его біографа, хорошо впослѣдствіи зналъ и помнилъ православное богослуженіе. Учась въ этой школѣ въ теченіе восьми лѣтъ, Прерадовичъ почти совершенно забылъ свой родной языкъ, и первыя его стихотворенія были нѣмецкія. Въ 1834 г. Нейштадтъ пострадалъ отъ пожара, и Прерадовичъ воспѣлъ это событіе въ удачномъ нѣмецкомъ стихотвореніи. Это дало ему между товарищами славу поэта, и съ той поры Прерадовичъ сталъ писать нѣмецкіе стихи. Окончивъ въ 1838 г. курсъ академіи, Прерадовичъ отправился въ Миланъ, гдѣ стоялъ полкъ, въ который онъ былъ назначенъ. По пути туда

онъ проѣзжалъ черезъ Загребъ и посѣтилъ свою мать, съ которой онъ однако почти не могъ разговаривать, такъ какъ онъ забылъ родной языкъ, а его мать не знала по нѣмецки. Можно было думать, что, воспитавшись въ нѣмецкой школѣ и постоянно живя вдали отъ родины, Прерадовичъ посвятитъ свои поэтическія дарованія нѣмецкой литературѣ. Проѣзжая чрезъ Хорватію, гдѣ въ ту пору началось иллирское литературное оживленіе, Прерадовичъ нисколько не заинтересовался происходящимъ въ Загребѣ, и только случайная встрѣча и знакомство съ Кукулевичемъ въ 1840 г. въ Миланѣ повели къ тому, что Прерадовичъ сталъ интересоваться литературнымъ оживленіемъ въ Хорватіи и знакомиться съ старыми дубровницкими писателями. Кукулевичъ въ это время пользовался уже извѣстностью, какъ иллирскій писатель, составившій патріотическую драму: Juran i Sofia, и готовился оставить военную службу для литературной и политической дѣятельности на родинѣ. По словамъ біографа, Прерадовичъ выражалъ Кукулевичу сомнѣніе, чтобы можно было писать на столь необработанномъ языкѣ, какъ иллирскій, и продолжалъ писать нѣмецкія стихотворенія. Однако вслѣдствіе настояній Кукулевича онъ сталъ изучать забытый имъ родной языкъ и началъ переводить на нѣмецкій языкъ *Османа* Гундулича. Такимъ путемъ произошло возвращеніе онѣмеченнаго славянскаго поэта родному народу и отечественной литературѣ!

Первое стихотвореніе Прерадовича по иллирски было имъ написано тоже случайно. Въ 1842 г. полкъ былъ переведенъ въ Далматію и во время передвиженія изъ Милана остановился въ Венеціи, гдѣ въ одномъ изъ полковъ оказалось много хорватскихъ офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые были убѣжденные Иллиры и народные патріоты. Прерадовичъ пробылъ въ ихъ обществѣ двѣ недѣли и на прощаніе долженъ былъ обѣщать, что отвѣтитъ на стихотворное посланіе товарищей иллирскими стихами. Поэтому на стихотвореніе Спиридона Димитровича, впослѣдствіи принимавшаго участіе въ *Зорѣ Далматинской* и *Даницѣ*, Прерадовичъ отвѣтилъ первыми стихами на почти позабытомъ имъ родномъ языкѣ. Полкъ былъ

расположенъ въ Задрѣ. Здѣсь Прерадовичъ познакомился съ Кузманичемъ, который тогда задумалъ основать *Зору Далматинскую*, и по его просьбѣ написалъ для перваго нумера этого журнала стихотвореніе, подъ заглавіемъ: Zora puca. Каждая изъ строкъ этого небольшаго стихотворенія оканчивается стихомъ: „Заря занялась, будетъ день“ (zora puca, bitće dana). Въ немъ поэтъ говоритъ, „что на гусляхъ его дѣда струны заиграли сами“,—и съ той поры онъ становится иллирскимъ поэтомъ и писателемъ. Въ томъ же году онъ написалъ еще нѣсколько стихотвореній (Putnik и Bratja), въ которыхъ Прерадовичъ говоритъ объ отъисканномъ имъ отечествѣ. Находясь въ Задрѣ, Прерадовичъ иногда замѣнялъ Казначича, который редактировалъ *Зору* послѣ Кузманича. Въ Задрѣ же онъ полюбилъ дочь одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ, на которой впослѣдствіи женился, и живое чувство любви къ невѣстѣ отразилось во многихъ произведеніяхъ Прерадовича. Но военныя власти, вообще бывшія противъ женитьбы офицеровъ, узнавъ о намѣреніи Прерадовича жениться, перевели его въ войска, стоявшія въ Пештѣ. Это было въ 1846 г. какъ разъ въ ту пору, когда Прерадовичъ печаталъ первый свой сборникъ стихотвореній: Prvience. Прерадовичъ принужденъ былъ спѣшно уѣхать изъ Загреба и въ Вѣнѣ представился шефу своего полка графу Дьюлаю, который и разрѣшилъ ему возвратиться на прежнее мѣсто въ Задръ. На обратномъ пути Прерадовичъ посѣтилъ Загребъ, гдѣ уже былъ извѣстенъ своими стихотвореніями и теперь познакомился съ выдающимися иллирскими дѣятелями. Онъ имѣлъ письменныя сношенія съ Вразомъ, и въ Kolo помѣщено нѣсколько его стихотвореній. Между тѣмъ полкъ былъ перемѣщенъ въ Италію, и Прерадовичъ, не видавъ своей невѣсты, которая за время его отсутствія переѣхала въ Дубровникъ, поспѣшилъ въ полкъ на службу. Лишь въ октябрѣ 1848 г. Прерадовичу удалось съѣздить въ Дубровникъ, гдѣ онъ женился, но не могъ остаться въ Далматіи и долженъ былъ немедленно отправиться въ Италію къ полку. Въ 1849 г. Прерадовичъ былъ переведенъ на службу въ Хорватію, и банъ

Елачичъ назначилъ его на довольно видное мѣсто. Здѣсь онъ вступилъ въ близкія сношенія съ нѣкоторыми иллирскими писателями. Одинъ изъ нихъ (Перковацъ) разсказываетъ, что Прерадовичъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Утѣшеновичемъ въ эту пору изучалъ: „Слово о Полку Игоревѣ". Въ 1851 г. Елачичъ назначилъ его своимъ адъютантомъ. Къ этому же времени относится увлеченіе Прерадовича спиритизмомъ, что нашло свое выраженіе въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ. Такое увлеченіе объясняется и общимъ недовольствомъ, охватившимъ тогда всѣхъ хорватскихъ патріотовъ, видѣвшихъ полный неуспѣхъ своихъ политическихъ и народныхъ замысловъ. Всѣ искали утѣшенія: кто въ изученіи прошедшаго, какъ Кукулевичъ, кто въ изученіи природы, какъ Вукотиновичъ, а кто въ мечтательномъ увлеченіи таинственнымъ спиритизмомъ [75]). Этому увлеченію содѣйствовали свойства его характера и природы, склонной къ мистицизму, и обстоятельсва переживаемаго Хорватами труднаго времени. Но онъ никогда не впадалъ въ крайности мистицизма. — Тогда же началась его тѣсная дружба съ поэтомъ Тѣрнскимъ, съ которымъ служилъ въ одномъ полку въ Глинѣ. Еще находясь въ Загребѣ въ 1851 г., Прерадовичъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, разбросанныхъ по журналамъ, отдѣльнымъ сборникомъ, назвавъ его: Nove pjesme. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ въ различныхъ мѣстахъ Хорватіи и Славоніи, въ Тріестѣ и Вѣнѣ, и умеръ въ чинѣ генерала.

Какъ поэтъ, Прерадовичъ былъ лирикъ: „любовь" въ его стихотвореніяхъ составляетъ не только личное чувство, но верхъ идеальнаго совершенства, къ которому долженъ стремиться человѣкъ. Въ стихотвореніи *Љубовъ* Прерадовичъ возводитъ это чувство даже въ особое божественное существо; таже *любовъ* является лучшимъ качествомъ, которое отличаетъ Славянъ отъ другихъ народовъ (Zvanje Slavjanstva) и возродитъ черезъ Славянство весь міръ (Slavjanstvu). Большинство стихотвореній, въ которыхъ онъ говоритъ о Славянствѣ, относится къ послѣднему десятилѣтію его жизни (съ 1860—по 1872 г.). Въ стихотвореніи Slavjanski Dioskuri, подъ ко-

торыми Прерадовичъ разумѣлъ свв. Кирилла и Меѳодія, написанномъ имъ въ 1863 г. въ годъ празднованія тысячелѣтія со времени начала дѣятельности св. славянскихъ апостоловъ, по направленію нѣсколько мистическомъ, Прерадовичъ выставляетъ принципъ единства красоты и добра, который долженъ восторжествовать въ мірѣ, достигшемъ совершенства; это стихотвореніе, впервые появилось въ сборникѣ Кукулевича: Tisućnica. Требуя отъ Славянъ взаимной любви и любви къ народному, Прерадовичъ съ первыхъ своихъ стихотвореній (Napitnica, 1846 г.), укоряетъ, напр., Поляковъ въ томъ, что они не хотятъ единенія со Славянствомъ и блуждаютъ „по распутіямъ“ (Poljakom). Прерадовичъ привѣтствовалъ прекраснымъ стихотвореніемъ извѣстіе о рѣчи епископа Штроссмайера въ ватиканскомъ соборѣ по поводу провозглашенія догмата непогрѣшимости (Biskupu Strossmayeru), которому этотъ знаменитый славянскій патріотъ не сочувствовалъ, и радуется, что имя этого хорватскаго епископа стало извѣстно повсюду съ тѣхъ поръ, какъ „онъ воспротивился сильному Риму“ (Pjesma koračnica). Онъ особенно возноситъ Чеховъ за ихъ неутомимую энергію въ трудѣ и изученіи Славянства (Pčele Slavjanske). Въ стихотвореніи: na Grobniku, вспоминая о побѣдѣ Хорватовъ надъ Татарами на Гробницкомъ полѣ, онъ выражаетъ мнѣніе, что „западъ“ гніетъ и гибнетъ, и что произойдетъ борьба между энергическимъ и сильнымъ востокомъ и „гніющимъ“ западомъ, въ которой авангардомъ придется быть Хорватамъ. Онъ съ грустью вспоминаетъ о прошедшемъ Юго-славянъ (Kosovo polje, Car Dušan) и указываетъ, что спасеніе ихъ въ настоящее время лежитъ въ сознаніи своей народности и любви къ ней и борьбѣ съ чужеземщиною (S Bogom, Pjesma Dubrovniku,—въ которой онъ приписываетъ „сѣмени Лойолы“ паденіе Дубровника, Hrvati Dalmatinom). Ненависть между Хорватами и Сербами, какъ народами-братьями, онъ считалъ сумашествіемъ (Hrvat ili Srbin).

Эпическихъ поэмъ Прерадовичъ оставилъ нѣсколько, но только одна изъ нихъ окончена: Prvi ljude. Поэма эта отличается красотою образовъ, но по своему характеру она ми-

стическая. Онъ писалъ также и драмы. Одну изъ нихъ: Vladimir i Kosara, содержаніе которой заимствовано изъ историческихъ преданій Далматіи, онъ назвалъ оперой. Другое его большое драматическое произведеніе, состоящее изъ двухъ частей, называется: Kraljević Marko. Выборъ этой темы, по мнѣнію профессора Марковича въ критической статьѣ о произведеніяхъ Прерадовича объясняется тѣмъ, что этотъ югославянскій поэтъ и патріотъ нашелъ въ извѣстномъ преданіи о Кралевичѣ Маркѣ, который долженъ воскреснуть, когда наступитъ время борьбы за народъ, ту „архимедову точку", которая можетъ воодушевить всѣхъ Юго-славянъ. Произведенія эти несценичны.

Иванъ Тѐрнскій родился въ селѣ Рачѣ, въ нынѣшней бѣловарской жупаніи, 1 Мая 1819 г. Отецъ его былъ сельскій учитель. Оставшись круглымъ сиротою на 15 году, Тѐрнскій былъ принятъ въ загребскій сиротскій пансіонъ, въ которомъ готовили будущихъ клириковъ. Такимъ образомъ, онъ готовился въ духовное званіе. Въ училищѣ его товарищемъ былъ первый хорватскій композиторъ Ватрославъ Лисинскій. Въ это время въ Загребѣ началъ уже дѣйствовать Гай и собрался кружокъ Иллировъ. Еще ученикомъ „сиротопиталища" Тѐрнскій познакомился съ Раковцемъ и Гаемъ, который замѣтилъ способности юноши, сталъ съ нимъ вступать въ разговоръ, когда тотъ приходилъ за полученіемъ *Новинъ* и *Даницы* для своего директора. Гай давалъ ему читать Гундулича, Пальмотича и другихъ дубровницкихъ и далматинскихъ писателей и иногда диктовалъ Тѐрнскому свои статьи для газеты или давалъ исправлять чужія, пользуясь его знаніемъ штокавщины. Это было прекрасное упражненіе въ родномъ языкѣ, которому не учили въ то время въ школѣ. Учителя говорили между собою и на урокахъ только по латыни,— лишь одинъ Антонъ Мажураничъ сообщалъ своимъ ученикамъ о начавшейся литературной жизни и говорилъ иногда по хорватски [76]). Подъ вліяніемъ прочтенныхъ имъ дубровницкихъ классиковъ Тѐрнскій началъ писать стихотворенія еще въ школѣ по просьбѣ своихъ товарищей, и одна изъ

этихъ его одъ была напечатана ими въ складчину на свои средства [77]). Въ первое время Тѐрнскій писалъ обычнымъ загребскимъ нарѣчіемъ. Свои первыя стихотворенія онъ приносилъ Гаю и Раковцу, и тѣ указывали ему ихъ недостатки. Первое стихотвореніе Тѐрнскаго было написано языкомъ, близкимъ къ провинціально-хорватскому нарѣчію, въ честь Людевита Гая въ 1836 г.,—оно не было напечатано. Но по своему родному нарѣчію Тѐрнскій былъ штокавецъ и потому ему легче было писать по иллирски, чѣмъ по хорватско-кайкавски. Въ 1837 г. Тѐрнскій написалъ оду на день рожденія императора Фердинанда, въ которой воспѣвалъ союзъ молодыхъ Славянъ, Чеховъ и Иллировъ, вѣрныхъ австрійскому престолу. Эта ода была напечатана въ *Даницѣ* (1837 г., № 21) и затѣмъ была переведена на чешскій языкъ и помѣщена въ одномъ изъ чешскихъ журналовъ, что́ весьма ободрило молодаго автора стихотворенія, которое ничѣмъ не отличалось отъ другихъ произведеній этого рода, столь обычныхъ въ Хорватіи; ода понравилась своимъ патріотическимъ иллирскимъ духомъ.

По совѣту Гая и Раковца, Тѐрнскій отказался отъ предложенія продолжать духовное образованіе въ вѣнскомъ Пазманеумѣ и, побывавъ сначала учителемъ въ богатыхъ аристократическихъ домахъ, отправился въ Градецъ, чтобы тамъ слушать юридическія науки, пользуясь стипендіею, обязывавшею его послѣ служить въ Военной Границѣ.

Еще будучи въ Загребѣ Тѐрнскій, исполняя завѣтъ матери, желавшей когда-то имѣть молитвенникъ на родномъ языкѣ, началъ переводить стихами церковные гимны; нѣкоторые изъ нихъ, напр. стихотворный переводъ Stabat mater (Stala majka pod razpelom), вошли въ хорватскіе молитвенники и распространились въ народной массѣ.

По совѣту Враза, съ которымъ Тѐрнскій познакомился еще въ Загребѣ и велъ переписку изъ Градца, онъ усердно занимался чтеніемъ произведеній Бюргера, Рюккерта, Анастасія Грюна, Шиллера и вообще нѣмецкихъ поэтовъ, произведенія которыхъ и сталъ переводить. Въ Градцѣ онъ пе-

ревелъ „Колоколъ“ Шиллера, и этотъ переводъ такъ понравился профессору словенскаго языка Квасу, что онъ прочелъ его въ аудиторіи слушателямъ и похвалилъ переводчика. Здѣсь онъ сблизился со многими учившимися въ университетѣ Славянами, и познакомился съ И. И. Срезневскимъ и русскимъ эмигрантомъ Бакунинымъ, а также съ нѣкоторыми аристократическими нѣмецкими семействами. Въ 1839 году Тѣрнскій сдѣлалъ поѣздку по Далматіи и, вполнѣ сочувствуя иллирскимъ идеямъ Гая, пропагандировалъ Иллиризмъ. Тогда же онъ написалъ въ иллирскія изданія нѣсколько корреспонденцій со своего пути [78]). Въ Далматіи онъ знакомился съ патріотами, а въ Которѣ имѣлъ случай встрѣтиться съ черногорскимъ владыкою Петромъ II.

Въ 1841 г. Тѣрнскій переѣхалъ въ Загребъ, окончивъ курсъ ученія въ Градцѣ, съ намѣреніемъ стать редакторомъ *Даницы*, по приглашенію Гая, но дѣло разстроилось, и онъ поѣхалъ въ Петринью на службу. Къ этому времени относится первое изданіе его лирическихъ стихотвореній и переводовъ изъ Шиллера, Гете и др., большинство которыхъ первоначально было помѣщено въ *Даницѣ* [79]). Въ 1842 г. Тѣрнскій сблизился съ Елачичемъ, которому посвятилъ одну изъ своихъ военныхъ пѣсенъ (Ljubimo te naša diko), чѣмъ содѣйствовалъ популярности будущаго хорватскаго бана. Въ это время онъ былъ ревностнымъ участникомъ *Даницы*, въ которой помѣщено немало его стихотвореній. Говоря объ изданіи стихотвореній Тѣрнскаго, *Даница* (1842, № 40) замѣчаетъ, что по языку „мало новыхъ иллирскихъ писателей, которые могли бы равняться съ г. Тѣрнскимъ, и едва ли кто его превосходитъ“. Въ періодъ съ 1842 по 1850 г. Тѣрнскій печаталъ сравнительно мало. Но нѣкоторыя его стихотворенія, относящіяся къ этому времени, появились въ печати позже.

Въ 1844 г. Тѣрнскій, прикрывшись псевдонимомъ: Grabancias djak, издалъ сатирическо-шутливое стихотвореніе: Zvekan opet na světu, въ которомъ весьма остроумно осмѣиваетъ недостатки и слабыя стороны современной хорватской жизни. Въ немъ онъ выступаетъ рѣшительнымъ патріотомъ

и защитникомъ народныхъ обычаевъ и нападаетъ на подражаніе иноземному. Все стихотвореніе раздѣлено на семь дней недѣли, которую живетъ Zvekan, вставшій изъ гроба и наблюдающій жизнь. Тѐрнскій указываетъ въ этой сатирѣ, что высшій классъ проводитъ время въ праздности и подражаетъ иноземному, а заброшенный народъ предается пьянству. Игра въ карты и страсть къ лоттереѣ сильно распространяются въ Хорватіи, и каждый хлопочетъ о томъ, чтобы скорѣе разбогатѣть, но никто не хочетъ работать. Школа не даетъ надлежащихъ знаній, и между Хорватами и Словенцами нѣтъ единенія. Онъ осмѣиваетъ также иллирскихъ писателей, которые много заботятся о внѣшней формѣ, чтобы казаться народными, но стихотворенія ихъ плохи и безсодержательны. Это сатирическое стихотвореніе Тѐрнскаго было однимъ изъ первыхъ произведеній этого рода въ Иллирской литературѣ и довольно полно отмѣчаетъ темныя стороны въ общественной жизни того времени [80]).

Въ 40-ыхъ годахъ Тѐрнскій перевелъ „Краледворскую рукопись". Вообще Тѐрнскій переводилъ много со славянскихъ языковъ, особенно съ русскаго; такъ, онъ перевелъ изъ Пушкина „Кавказскій плѣнникъ", „Бахчисарайскій фонтанъ", „Евгеній Онѣгинъ", оду „Богъ" Державина и др., составилъ біографію Державина и т. д. Эти переводы были большею частью помѣщены въ журн. Neven въ 50-ыхъ годахъ.

Вслѣдствіе своего служебнаго положенія, раскрывая различныя злоупотребленія въ войскахъ, а также по своему независимому характеру Тѐрнскій во время своей службы имѣлъ много враговъ. Это было причиною, почему ему приходилось часто мѣнять служебныя мѣста. Одно время онъ былъ адъютантомъ бана Елачича. Въ половинѣ 50-ыхъ годовъ онъ служилъ въ Митровицѣ и Бѣлой Церкви и ближе познакомился съ Сербами и бывалъ въ Бѣлградѣ. Нѣкоторыя его стихотворенія тогда стали появляться въ сербскихъ изданіяхъ (напр. въ новосадской *Даницѣ* въ 1860 г.). Когда онъ былъ перемѣщенъ въ Карловацъ, ему представилась возможность болѣе отдаваться литературѣ. Здѣсь онъ издалъ первую

часть своихъ лирическихъ стихотвореній: Kriesnice, посвятивъ ихъ „тремъ сестрамъ: Хорваткамъ, Сербкамъ и Словенкамъ“. Вторая часть *Кресницъ* была издана въ 1865 г. Эти пѣсни въ честь „иллирскихъ“ женщинъ, были причиною, почему Тѐрнскаго называютъ также „пѣвцомъ женщинъ“ [81]). Многія изъ этихъ стихотвореній появились сначала въ журналѣ: Glasonoša, основанномъ въ Карловцѣ купцомъ Лукшичемъ, и обратили на себя вниманіе легкостью стиха и нѣжностью выраженія. Прерадовичъ въ своихъ письмахъ къ Тѐрнскому не разъ спрашивалъ его объ имени автора, такъ какъ онъ скрылъ свое авторство. Kriesnice дѣйствительно были оригинальны и по формѣ, и по содержанію и представляли новое явленіе въ хорватской словесности, въ которой лирическія пѣсни обыкновенно были элегическихъ мотивовъ, между тѣмъ какъ Kriesnice—пѣсни веселыя и воспѣваютъ любовь и красоту. Но и эти пѣсни не лишены жизненно-патріотической и поучительной тенденціи: идеалъ Хорватки, въ нихъ воспѣваемой,—любящая отечество, умная и богобоязненная женщина. Переиздавая сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній въ 2 частяхъ въ 1881 и 1882. Тѐрнскій присоединилъ еще третью часть, въ которой помѣщены пѣсни, посвященныя различнымъ женщинамъ-югославянкамъ.

Въ 1867 г. Тѐрнскій былъ переведенъ на службу въ Загребъ. Здѣсь онъ принималъ живое участіе во всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ (напр, при основаніи литературнаго журнала: Vienac въ 1869 г.) и писалъ во многихъ хорватскихъ изданіяхъ. Затѣмъ онъ былъ нѣкоторое время великимъ жупаномъ въ Бѣловарѣ, а въ половинѣ 70-ыхъ годовъ былъ причисленъ къ военному штабу въ Загребѣ. Съ 1885 г. онъ находится въ отставкѣ и живетъ въ Загребѣ.

Тѐрнскій писалъ очень много. Кромѣ лирическихъ пѣсенъ, онъ написалъ нѣсколько обширныхъ эпическихъ стихотвореній, много повѣстей, изъ которыхъ лучшія тѣ, въ коихъ характеризуется бытъ населенія бывшей Военной Границы. Дидактическая его повѣсть: Učitelj Dobrašin — считается образцовою въ этомъ родѣ въ хорватской литературѣ; она

переведена на словенскій языкъ. Къ числу лучшихъ его эпическихъ поэмъ принадлежитъ: Nikola Zrinjski ili Sigetsko junakovanje въ 4 пѣсняхъ, написанная въ стилѣ и размѣромъ народныхъ былевыхъ пѣсенъ въ воспоминаніе 300-лѣтія со времени осады Сигета Турками. Въ 1863 г. онъ написалъ обширное стихотвореніе: Sveta priča o solunskoj braći, slovjenskim' apostolima sv. Cirilu i Metodu (Священное сказаніе о солунскихъ братьяхъ, славянскихъ апостолахъ св. Кириллѣ и Меѳодіи) для сборника Кукулевича: Tisućnica (стр. III—XXXVII). Въ немъ онъ передалъ въ стихахъ исторію жизни и дѣятельности Славянскихъ апостоловъ и, держась мнѣнія, что ихъ славянская проповѣдь раздавалась и въ хорватскихъ странахъ, выражалъ надежды на возстановленіе славянскаго богослуженія на всемъ славянскомъ католическомъ югѣ, которое сохранилось въ хорватскомъ Приморьѣ.

Изъ числа его переводныхъ трудовъ слѣдуетъ еще отмѣтить переводъ „Отелло" Шекспира.

Тѐрнскій продолжаетъ участвовать и нынѣ въ различныхъ изданіяхъ. Такъ, въ 1890 г. онъ напечаталъ поэму: Ana Lovićeva, взявъ сюжетомъ народное преданіе объ измѣнѣ Анны Ловичевой въ 1630 г., выдавшей Туркамъ своихъ соплеменниковъ въ Костайницѣ. Его стихотвореніе: Ruske amazonke построено на разсказѣ объ уничтоженіи Екатериною II отряда женскихъ войскъ въ Крыму, ибо „задача женщинъ не воевать, а рождать и воспитывать воиновъ". Въ загребскихъ изданіяхъ появляются стихотворенія Тѐрнскаго, вызванныя различными выдающимися событіями (напр. на смерть президента Юго-славянской Академіи Рачкаго, Vienac, 1894, № 7), описанія мѣстностей (Plitvička Jezera) и т. д. Полнаго собранія сочиненій Тѐрнскаго не выходило.

Сербская критика, отнесшаяся слишкомъ сурово къ произведеніямъ Тѐрнскаго и, вслѣдствіе дѣланности языка и стиха нѣкоторыхъ его произведеній, осудившая всю его литературную дѣятельность, приписываетъ ему враждебное отношеніе къ Сербамъ [92]). Но Тѐрнскій именно не заслуживаетъ этого упрека: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ хор-

ватскихъ патріотовъ и писателей, которые сохранили и въ позднѣйшее время свои иллирскія тенденціи — объединенія Сербовъ и Хорватовъ. Въ 1848 году Тѐрнскій воодушевленнымъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ притомъ кириллицею, привѣтствовалъ соглашеніе Сербовъ и Хорватовъ, внѣшнимъ знакомъ котораго было то, что хорватскаго бана католика приводилъ къ присягѣ православный сербскій патріархъ. Свой взглядъ на отношеніе этихъ народностей, нынѣ столь враждующихъ, Тѐрнскій выразилъ въ стихотвореніи: Ivo i Iovo, т. е. Хорватъ и Сербъ: разница между ними, по его мнѣнію, только та, что одинъ—католикъ, другой—православный (Ivo se križa, Iovo se krsti).

Тѐрнскій, какъ стихотворецъ, считается въ хорватской литературѣ и нынѣ выдающимся; его стихъ, весьма разнообразный по построенію, выдается искусствомъ обработки. Онъ—поэтъ реалистъ, воодушевляемый патріотизмомъ и любовью къ своей народности, чуждый аффектаціи и мечтательныхъ пареній.

Ограничиваясь этимъ краткимъ обзоромъ дѣятельности первыхъ по времени и болѣе выдающихся участниковъ въ литературѣ эпохи Иллиризма, мы оставили въ сторонѣ многихъ другихъ стихотворцевъ и писателей Иллировъ, въ свое время пользовавшихся большою славою и значеніемъ, какъ напр. Юрій Тординацъ, Галацъ, Вежичъ, Франдъ Курелацъ, Огнеславъ Утѣшеновичъ и др. Остановимся лишь на двухъ послѣднихъ, какъ болѣе характерныхъ дѣятеляхъ этой эпохи.

Курелацъ (1811—1874), товарищъ Кукулевича по загребской гимназіи и Гая по пребыванію въ Градцѣ, особенно извѣстенъ своими статьями по хорватской стилистикѣ и участіемъ въ спорахъ о формахъ литературнаго языка и правописаніи [83]). Онъ писалъ своимъ оригинальнымъ стилемъ, при чемъ старался сблизить языкъ новой литературы съ нарѣчіемъ чакавцевъ. Курелацъ старался создать особый языкъ, отличный отъ принятаго загребскими Иллирами, и для этой цѣли смѣшивалъ формы и слова нарѣчій штокавскаго, кайкавскаго и чакавскаго и вводилъ формы, найденныя имъ въ старыхъ памят-

никакъ и у старыхъ писателей, не обращая вниманія на то, что ихъ уже нѣтъ въ живыхъ нарѣчіяхъ. Оригиналъ въ жизни и отношеніяхъ, Курелацъ не принималъ прямаго участія въ изданіяхъ Гая и вообще въ литературной дѣятельности Иллиризма. Его перу принадлежатъ многія воззванія и прокламаціи въ 1848 г. Многія его статьи появлялись въ *Радѣ* и представляютъ стилистическую разработку хорватскаго языка, а раньше этого въ *Книжевникѣ*. Его книги: Recimo koju (1860) и Fluminensia (1862) представляютъ интересъ для изслѣдователя времени возрожденія Хорватовъ по сообщаемымъ фактамъ и ихъ освѣщенію. Курелацъ собиралъ народныя пѣсни и его сборникъ: Jačke ili narodne pěsme (Загребъ, 1871 г.) представляетъ пока единственное большое собраніе народныхъ пѣсенъ хорватскаго населенія въ венгерскихъ комитатахъ Шопронскомъ, Мошонскомъ и Желѣзномъ. Курелацъ былъ самоучка, занимался старо-славянскимъ языкомъ и зналъ всѣ главныя славянскія нарѣчія.

Огнеславъ Утѣшеновичъ (род. 21 октября 1817 г. въ Острожинѣ), по происхожденію Личанинъ православный и слѣдовательно Сербъ, въ періодъ Иллиризма прославился своимъ первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ: Jeka od Balkana. Оно появилось въ 1842 г. въ Augsburger Allgemeine Zeitung (№ 19 отъ 18 февраля) въ оригиналѣ и нѣмецкомъ переводѣ, и тогда же обратило на себя вниманіе своимъ содержаніемъ. Въ это время Иллиры много писали и говорили о печальномъ положеніи христіанъ въ Босніи и Герцеговинѣ, и Утѣшеновичъ въ этомъ стихотвореніи въ яркихъ краскахъ изобразилъ звѣрства Турокъ и взывалъ къ славнымъ героямъ прошедшихъ временъ возстать на защиту угнетеннаго Турками народа. Съ той поры стали появляться его стихотворенія въ *Даницѣ*, а въ 1845 г. онъ издалъ ихъ особою книгою, назвавъ ее: „Вила Острожинска", ибо къ своей фамиліи присоединилъ псевдонимъ: *Острожинскій*, вмѣстѣ съ разсужденіемъ по эстетикѣ [84]). Въ 1848 г. онъ напечаталъ сначала по хорватски политическое разсужденіе: O konstituiranju Austrije po načelima narodne ravnopravnosti, которое впослѣдствіи онъ издалъ въ нѣмец-

комъ переводѣ. Въ немъ Утѣшеновичъ предлагалъ преобразованіе Австріи на началѣ равноправности всѣхъ народностей и измышлялъ для него особую строго *австрійскую* политику, лишенную всякой національной окраски. Впослѣдствіи онъ получилъ извѣстность своею книгою о задругѣ (Die Haus-Communionen der Südslaven, 1859 г.). Между его переводами слѣдуетъ отмѣтить удачные переводы на сербскій языкъ изъ Лермонтова (Споръ), Пушкина (О рыбакѣ и рыбкѣ), Хомякова (Иностранкѣ) и др., а также прозаическій переводъ „Слова о Полку Игоревѣ". Онъ издалъ также патріотическую поэму патріотическаго содержанія: Недјељко (1860 г.) и перевелъ псалмы Давида (1868 г.) народнымъ стихомъ. Его стихъ приближается вообще къ языку сербскихъ народныхъ пѣсенъ.

ГЛАВА IV.

Характеристика Иллиризма и его значеніе.

Литературное возрожденіе Хорватовъ, совершившееся подъ вліяніемъ такъ называемой иллирской теоріи, объединявшей всѣхъ Юго-славянъ не только въ литературномъ, но и въ народномъ и политическомъ отношеніяхъ, представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ страницъ въ исторіи возрожденія Славянъ. Оно имѣетъ свои особенныя черты, существенно отличающія его отъ хода литературнаго воскрешенія другихъ западныхъ и южныхъ Славянъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ въ другихъ областяхъ славянскаго міра возраждающаяся народность обыкновенно стремилась поднять одно изъ своихъ главныхъ нарѣчій до литературнаго значенія, обработать его и приспособить къ употребленію въ письменности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отказывалась отъ установившагося литературнаго единства съ ближайшимъ по языку и родству племенемъ (какъ это, напр., произошло у Словаковъ, отдѣлившихся въ литературномъ языкѣ отъ Чеховъ) для того, чтобы создать свою особую литературу, — въ провинціальной Хорватіи произошло совершенно противоположное этому обычному пріему: вожди литературнаго возрожденія этой народности отказались отъ обработки и развитія своего мѣстнаго нарѣчія и приняли хотя родственное и близкое, но все же иное, значительно отличающееся отъ ихъ собственнаго роднаго, нарѣчіе сосѣдней славянской народности во имя общихъ литературныхъ и политическихъ задачъ.

Литературное возрожденіе Хорватовъ тѣсно связано съ ихъ политическимъ воскрешеніемъ и сопровождало его. Оно оказало громадное вліяніе на весь западно-славянскій югъ и содѣйствовало національному пробужденію населенія Славоніи, Далматіи, Крайны и Штиріи. Сознаніе взаимной близости всѣхъ югославянскихъ племенныхъ разновидностей, благодаря Иллиризму, стало болѣе или менѣе общимъ, многія мелкія черты жизни и быта, обособляющія отдѣльныя части сербохорватской народности, столь разбросанной и разъединенной, освященныя условіями и требованіями мѣстнаго патріотизма, потеряли свое значеніе и цѣну, и самый „споръ объ именахъ“ между Сербами и Хорватами, въ сущности споръ о политическомъ и культурномъ преобладаніи одного изъ видовъ этого племени, объясняется признаніемъ хорвато-сербскаго народнаго единства.

Возрожденіе Хорватовъ произошло подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же силъ, которыя вліяли на возрожденіе другихъ Славянъ,—именно оно стоитъ съ одной стороны въ тѣсной связи съ распространеніемъ демократическихъ и народныхъ идей въ Европѣ, а съ другой—съ быстрымъ возвышеніемъ Россіи и ея политическимъ и народно-культурнымъ ростомъ. — Рачкій въ своей рѣчи въ торжественномъ засѣданіи Юго-Славянской Академіи наукъ и искусствъ въ Загребѣ въ 1885 г., по поводу 50-лѣтія со времени начала дѣятельности Гая и Иллировъ, указалъ на связь между иллирскимъ возрожденіемъ Хорватовъ и перемѣнами въ соціальномъ строѣ Европы послѣ французской революціи. „Появились новыя силы, говоритъ онъ, городское и крестьянское сословія, эти два прежде пренебрегаемые слоя населенія, начали борьбу за равноправность съ тѣмъ бóльшими видами на успѣхъ, что они, особенно первый, трудолюбіемъ, образованіемъ и благосостояніемъ постепенно создали условія для первенства въ обществѣ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что народный языкъ, народные обычаи, народныя преданія всюду — въ государствѣ, обществѣ и наукѣ—завоевали себѣ первое, почти исключительное мѣсто“ [1]). Рачкій отмѣтилъ нѣмецкое національное дви-

женіе такъ называемаго Sturm und Drang періода и итальянское національное и литературное возрожденіе начала текущаго вѣка, какъ оказавшія вліяніе на возрожденіе юго-славянскаго запада.

Едва ли возможны сомнѣнія въ томъ, что и литературное, и политическое возрожденіе Славянъ стоитъ въ тѣсной связи съ перемѣнами въ соціальномъ и политическомъ строѣ Европы послѣдняго столѣтія. Идеи энциклопедистовъ и результаты французской революціи, передѣлавшіе весь строй средней Европы, въ достаточно сильной степени отразились на судьбѣ Славянъ. Революція создала Наполеона I, который, бичуя старую Европу и разрушая ея государственный, политическій и соціальный строй съ остатками среднихъ вѣковъ, принесъ новыя чаянія на славянскій югъ и своими побѣдами надъ германскимъ міромъ вдохновилъ Славянъ къ борьбѣ за права народности. Но восторжествовавъ надъ Западомъ, Наполеонъ палъ, когда пришелъ въ столкновеніе со славянскимъ Востокомъ — Россіею. Національное самосознаніе и воодушевленіе, обнаружившіяся въ русскомъ народѣ съ такою силою въ борьбѣ съ Наполеономъ, подняло Россію, и это тотчасъ отразилось на Славянахъ. Пробужденный всѣмъ ходомъ событій начала текущаго столѣтія духъ народнаго самосознанія въ Европѣ былъ столь силенъ, что онъ не могъ уже быть задавленъ никакими мѣрами и пріемами консервативной и реакціонной политики: различные пріемы Меттерниха могли задержать тѣ или другія проявленія національзма, но были безсильны остановить національный ростъ Славянъ въ Австріи и развитіе ихъ народнаго самосознанія.

Еще болѣе сильное и, что̀ особенно важно, постоянное вліяніе на весь ходъ славянскаго возрожденія оказалъ внутренній ростъ и подъемъ политическаго значенія Россіи. Начало возрожденія Славянъ почти совпадаетъ съ началомъ окончательнаго распаденія Польскаго государства, въ которомъ польскіе Славяне вынесли на себѣ всю тяжесть роковой исторической ошибки—полнаго подчиненія одного изъ славянскихъ племенъ западно-европейской культурѣ и отожествленія своихъ государ-

ственныхъ и народныхъ интересовъ съ интересами Западной Европы. Лишь только пала Польша и совершился послѣдній ея раздѣлъ, уничтожившій самое имя Польскаго государства, на славянскомъ югѣ поднялись Сербы, добившіеся своей самостоятельности, при помощи Россіи, начинавшей сознавать свои славянскіе интересы. Къ тому же времени относятся первыя начала чешскаго возрожденія, столь быстро развившагося въ началѣ текущаго столѣтія. Послѣ подавленія Польскаго возстанія 1831 года, этой послѣдней сильной вспышки государственной идеи старой Польши, на славянскомъ юго-западѣ воскресаютъ Хорваты, подъ защитой иллирской идеи.

Роль Россіи въ исторіи возрожденія Славянъ и ея вліяніе на него далеко еще неосвѣщены и представляютъ благодарную задачу для изслѣдователей интереснѣйшаго періода новѣйшей исторіи Европы. Съ тѣхъ поръ какъ Россія стала выступать, какъ государство, самосознающее свои цѣли и задачи въ Европѣ, и стали распространяться о ней свѣдѣнія, на нее обратились надежды всѣхъ Славянъ. Крижаничъ призывалъ Русскаго царя освободить Славянъ отъ чужеплеменнаго ига и въ русскомъ языкѣ видѣлъ „корень" всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Витезовичъ, этотъ предшественникъ дѣятельности Гая, составилъ хвалебную пѣсню Петру Великому, провидя въ немъ „славянскаго" царя. Въ одной изъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ говорится о передачѣ знаковъ власти надъ христіанскимъ востокомъ и „знамени" сербскаго князя Лазаря „московскому царю", въ другой — о переходѣ короны сербскаго „царя Симеуна" и „сабли сильнаго Стефана" въ руки Русской царицы [2]). Завязавшіяся съ Петра Великаго сношенія Россіи съ Черногоріей, путешествія этого царя-преобразователя по Европѣ, русско-турецкія войны XVIII вѣка, русская поддержка и помощь православнымъ монастырямъ и церквамъ на Балканскомъ полуостровѣ, появленіе различныхъ Славянъ на русской службѣ, выселеніе Сербовъ изъ Австріи въ Россію, путешествіе Іосифа II вмѣстѣ съ императрицею Екатериною II въ Крымъ, — все это содѣйствовало не только тому, что у всѣхъ Славянъ въ XVIII вѣкѣ въ народ-

ныхъ массахъ распространялись свѣдѣнія о Россіи, какъ о странѣ и государствѣ одного съ ними языка и племени, но и тому, что у нихъ возрастали надежды на близкое народное и политическое воскрешеніе. Почти свыкшіеся уже съ мыслью о предстоящемъ исчезновеніи своего языка и народности, Славяне въ самомъ существованіи Россіи находили доказательство жизненности своего племени и черпали надежды на лучшее будущее. Болѣе близкое знакомство Славянъ съ Русскими, какъ народомъ, въ прошедшемъ столѣтіи началось со времени участія Россіи въ семилѣтней войнѣ, а затѣмъ во время похода Суворова въ Италію. Русскія войска тогда направлялись черезъ Моравію и Крайну. Словенецъ Водникъ въ первой словенской газетѣ: Lublanske Novize въ 1799 г. много говоритъ о русскихъ войскахъ, проходившихъ черезъ Крайну и Любляну, о происхожденіи Краинцевъ „изъ рода Русовъ", о близости словенскаго и русскаго языковъ и т. д. Еще въ 1797 г. Водникъ писалъ въ своихъ *Новицахъ* (№ 92): „Краинскій языкъ всего болѣе походитъ на московскій (moshkovitarski), болѣе чѣмъ на языки всѣхъ остальныхъ Славянъ. Московцы сохранили довольно много словъ, которыя нами забыты или вышли у насъ изъ употребленія". Въ 1799 г. онъ замѣчалъ, что Русскіе сохранили чище всего славянскій языкъ, и что именно у Русскихъ Краинцы „должны учиться, какъ нужно защищать страну отъ враговъ" [3]).

Вліяніе Россіи на подъемъ національнаго самосознанія у Славянъ особенно усилилось послѣ нашей Отечественной войны, паденія Наполеона и торжественнаго похода русскихъ войскъ во Францію. При томъ Юго-славяне, участвовавшіе во французскомъ походѣ на Россію въ рядахъ арміи Наполеона, принесли домой много разсказовъ о Россіи, ея обширныхъ пространствахъ, о патріотизмѣ, нравахъ и добродушіи русскаго народа. Извѣстно, что въ рядахъ соединенной европейской арміи двѣнадцатаго года было много граничаръ и Славянъ изъ тогдашнихъ иллирскихъ провинцій. Нѣкоторые изъ этихъ незатѣйливыхъ разсказовъ впослѣдствіи появились въ пересказѣ иллирскихъ и словенскихъ писателей въ различныхъ мѣст-

ныхъ изданіяхъ. Эти разсказы, несомнѣнно, оказали свое вліяніе на славянскую народную массу [4]).

Немалое значеніе для нравственнаго подъема Славянъ въ Австріи имѣло и возникновеніе Сербскаго княжества, которое объяснялось исключительно участіемъ Россіи въ судьбѣ Сербовъ. Славянамъ стали извѣстны участіе и помощь Россіи въ борьбѣ Сербовъ съ Турками, и въ самой Сербіи, какъ извѣстно, сначала видѣли только авангардъ Россіи, шедшей съ знаменемъ свободы къ своимъ соплеменникамъ. Поэтому вполнѣ понятны какъ симпатіи Юго-славянъ къ Россіи и Сербіи, такъ и тѣ надежды на Россію, которыя иногда столь наивно выражались въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Съ другой стороны эти же обстоятельства и дали поводъ Нѣмцамъ и Мадьярамъ видѣть проявленіе панславизма, возбужденнаго Россіей, и даже присутствіе фактической и матеріальной русской помощи во всякомъ стремленіи каждаго изъ славянскихъ народовъ защитить свою народность отъ угрожавшихъ ей опасностей со стороны болѣе сильныхъ культурою или болѣе энергическихъ сосѣдей и объявлять всякую попытку Славянъ создать свою литературу или выработать свой литературный языкъ дѣломъ „русскихъ агитаторовъ". Этимъ главнымъ образомъ и объясняются постоянныя обвиненія Иллиризма и иллирскихъ дѣятелей почти съ самаго начала ихъ дѣятельности въ панславизмѣ, полезномъ для Россіи, и даже въ подкупѣ со стороны Россіи.

Взгляды славянскихъ патріотовъ на русскій языкъ, какъ на образцовый и сохранившій всѣ основныя черты и характеръ общаго, славянскаго, и на русскую литературу, какъ на общее достояніе всѣхъ Славянъ, были твердо установлены. Извѣстны ожиданія нѣкоторыхъ вождей чешскаго возрожденія (напр. Юнгмана), что близко время признанія за русскимъ языкомъ общеславянской роли, а также попытки заимствованій русскихъ словъ для пополненія недостающаго въ начинающемъ развиваться чешскомъ языкѣ новой литературы. „Славено-сербская" литературная школа старалась сблизить языкъ сербской письменности съ русскимъ черезъ посредство церковно-

славянскаго языка. Правда, при затруднительности тогдашнихъ сношеній, русская книга была у Славянъ сравнительно большою рѣдкостью и добывалась съ трудомъ, какъ это ясно видно хотя бы, напримѣръ, изъ изданной переписки славянскихъ ученыхъ съ Погодинымъ. Не смотря на это, знаніе кириллицы и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомство съ русскою литературою и дѣятельностью русскихъ ученыхъ и писателей распространялись въ славянскихъ странахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и надежды на возможность опереть развитіе начинающихъ возрождаться и образоваться славянскихъ литературъ и ихъ языка на русскую литературу и языкъ. При самомъ началѣ своего литературнаго возрожденія католическіе Славяне, ознакомившись съ кириллицею, не могли не видѣть бѣдности и неудобства латинской азбуки, особенно въ сложномъ и разнообразномъ примѣненіи ея, какое у нихъ тогда существовало. Поэтому у Славянъ, пишущихъ латиницею, былъ сдѣланъ рядъ попытокъ обогатить свой алфавитъ то введеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ кириллицы, то измышленіями особыхъ значковъ, подобныхъ кирилловскимъ.

Какъ извѣстно, Гай, Бабукичъ и другіе первые Иллиры, при самомъ началѣ своей дѣятельности знакомились съ кириллицею и сербскими народными пѣснями въ изданіи Вука Караджича, — отсюда они черпали первое вдохновеніе, первую мысль о практическихъ пріемахъ для созданія иллирской литературы и возрожденія Хорватовъ. На преобразованіе хорватской письменности, упрощеніе правописанія и самую перемѣну языка литературы и на народный характеръ всего иллирскаго движенія оказало свое большое вліяніе новое направленіе въ сербской словесности. Иллиризмъ сталъ народнымъ движеніемъ и выдвинулъ дѣйствительные интересы народа, понимаемые не въ узкомъ смыслѣ выгодъ извѣстныхъ полноправныхъ круговъ, какъ было дотолѣ, но въ смыслѣ правъ и нуждъ народной массы и вообще юго-славянской народности въ широкомъ объемѣ.

Значеніе Иллиризма и причина его возникновенія объяснялись различнымъ образомъ. Гильфердингъ полагалъ, что

Гай „придумалъ названіе иллирскаго языка и иллирской литературы“, чтобы избѣжать именованія его сербскимъ, такъ какъ съ этимъ связывалось представленіе о православіи [5]). Профессоръ А. С. Будиловичъ полагаетъ, что „иллирская теорія была пущена въ ходъ хорватскими археологами и публицистами“ для того, чтобы создать историческое основаніе для распространенія штокавщины на всемъ славянскомъ югѣ. Но соглашаясь принять формулу Даничича: сербскій *или* хорватскій языкъ, — въ которой „признается несомнѣнный фактъ цѣльности и единства сербо-хорватской діалектической группы“, проф. Будиловичъ видитъ въ объединеніи хорвато-сербскаго литературнаго языка попытку штокавщины возвыситься до роли общаго юго-славянскаго языка, однако попытку неосуществимую даже впослѣдствіи при нежеланіи Болгаръ и Словенцевъ принять этотъ діалектъ [6]). А. Н. Пыпинъ въ своей „Исторіи славянскихъ литературъ“ считаетъ Иллиризмъ „Западно-сербскимъ возрожденіемъ тридцатыхъ годовъ,“ въ которомъ „открывается одно изъ яркихъ явленій такъ называемаго панславизма“ [7]). Академикъ В. В. Ягичъ объясняетъ принятіе *иллирскій* для языка и литературы желаніемъ хорватскихъ писателей и дѣятелей выйти изъ тѣсныхъ областныхъ рамокъ, въ которыя была закована литература. По его мнѣнію, Загребъ являлся вполнѣ естественнымъ центромъ новаго движенія въ Хорватіи и Славоніи, ибо въ немъ сосредоточивалось и высшее управленіе, и хорватско-славонская интеллигенція. Литературный языкъ Славонцевъ былъ истинно хорватскимъ, хотя его называли иллирскимъ или славонскимъ, а „Словенцы въ Хорватіи, неправильно называемые Хорватами, писали нарѣчіемъ словенскимъ, которое называли хорватскимъ языкомъ“ [8]). Новѣйшіе хорватскіе историки литературы считаютъ все иллирское возрожденіе свидѣтельствомъ нравственной силы кайкавскихъ Хорватовъ, ставшихъ во главѣ литературнаго и политическаго движенія на славянскомъ юго-западѣ и призвавшихъ хорватскую народность къ полному единству [9]).

Прежде всего замѣтимъ, что объединеніе Юго-славянъ

въ именованіи ихъ *Иллирскими*, *Иллирами* и ихъ нарѣчій въ понятіи: *Иллирскій языкъ* не можетъ быть разсматриваемо, какъ простой домыслъ Гая или иллирскихъ дѣятелей. Ученіе о славянствѣ древнихъ иллирскихъ народовъ существовало задолго до хорватскаго движенія, и именованіе различныхъ Юго-славянъ *Иллирами*, а ихъ нарѣчій и языка *Иллирскимъ* было болѣе или менѣе общимъ не только на славянскомъ юго-западѣ, но и далеко внѣ его [10]), и Гай со своими послѣдователями лишь воспользовался этимъ ученіемъ для практическихъ цѣлей—выработать одинъ литературный языкъ и создать одну литературу для всѣхъ Юго-славянъ. Признавая это ученіе незыблемымъ, иллирскіе дѣятели находили въ немъ прочныя историческія оправданія для своихъ стремленій и въ то же время воодушевленіе для осуществленія столь грандіозныхъ замысловъ. Съ другой стороны небольшая кайкавско-хорватская народность, политически связанная со штокавскимъ и чакавскимъ населеніемъ Славоніи, Приморья и Далматіи, получала дѣйствительно важное значеніе, сливаясь въ одно цѣлое съ ближайшими сосѣдями. Хорваты или—точнѣе „Словенцы въ Хорватіи, неправильно называемые Хорватами,“ какъ выразился проф. Ягичъ, въ области которыхъ находился главный центръ администраціи, становились благодаря этому во главѣ политическаго и литературнаго возрожденія юго-западныхъ Славянъ.

Первымъ дѣятелямъ Иллиризма предстояло сдѣлать выборъ между тремя юго-славянскими нарѣчіями: кайкавско-словенскимъ, чакавскимъ, имѣвшимъ значеніе въ старой далматинской литературѣ, и штокавско-сербскимъ. Словенцы въ ту пору не имѣли выработаннаго языка для своей небольшой литературы, не имѣли и писателей, кромѣ Водника, умершаго болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до начала дѣятельности Гая, и начинавшаго Прешерна. Чакавское нарѣчіе чрезвычайно близко къ штокавскому и создавать на немъ новую общую юго-славянскую литературу было уже невозможно по самой малочисленности чакавцевъ, да и не могло быть надеждъ при этомъ на литературное сближеніе съ Сербами и Словенцами.

Вполнѣ естественно и понятно поэтому, что Иллиры выбрали штокавско-сербское нарѣчіе, которое уже имѣло свою новую, довольно хорошо развитую и разнообразную литературу. При томъ этотъ выборъ связывалъ всѣхъ Славонцевъ и Далматинцевъ съ провинціальными Хорватами въ одно цѣлое и въ отношеніи литературномъ и въ извѣстной степени оправдывалъ иллирскую теорію единства Юго-славянъ, тѣмъ болѣе, что о Болгарахъ, ихъ числѣ и языкѣ свѣдѣнія въ ту пору были самыя темныя, а соединеніе Словенцевъ съ Иллирами въ отношеніи литературномъ казалось легко осуществимымъ. Писателямъ времени Иллиризма предстояло только постараться о постепенномъ сближеніи невыработаннаго языка своей письменности съ сербскимъ. Они такъ и поступили: съ первыхъ же лѣтъ иллирскихъ изданій видна забота о введеніи штокавщины и возможномъ сближеніи ея съ тою формою, какая принята была въ сербской словесности. Правда, иллирскіе писатели, создававшіе письменность для католическихъ Юго-славянъ, не могли принять ученія славено-сербской школы о примѣси церковно-славянскихъ элементовъ въ новомъ литературномъ языкѣ и считали нужнымъ чистить отъ нихъ языкъ своей письменности, но за то они считали идеаломъ письменнаго языка—языкъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ замѣнъ церковно-славянщины они вносили въ языкъ новой иллирской словесности особенности формы и выраженія писателей дубровницкаго золотаго періода литературы, который они считали своимъ наслѣдіемъ. Впослѣдствіи объединеніе языка и правописанія Хорватовъ и Сербовъ выразилось въ договорѣ (1850 г.), подписанномъ Вукомъ Караджичемъ, Даничичемъ, Миклошичемъ, Кукулевичемъ, Иваномъ Мажураничемъ, Деметромъ и др. [11]).

Эта жертва, принесенная Хорватами, отказавшимися отъ обработки своего нарѣчія и замѣнившими его штокавскимъ, принесла имъ громадную пользу. Со времени Иллиризма эта небольшая славянская область, при томъ географически расположенная въ сторонѣ отъ Славоніи и Далматіи, получила особенное значеніе и силу и становится политическимъ и культурнымъ центромъ католическихъ Юго-славянъ. Съ той поры хорватскія стремленія какъ бы сосредоточиваются въ главномъ

городѣ провинціальной Хорватіи — Загребѣ и отсюда распространяются по всему католическому Юго-славянству.

Но это обстоятельство придало Иллиризму и всему иллирскому движенію также черты мѣстнаго движенія небольшой области Хорватовъ. Даже Далматинцы, гордые воспоминаніями о недавней еще литературной и политической славѣ своихъ городовъ—республикъ, долго не хотѣли признать первенства провинціальной Хорватіи и настаивали не только на сохраненіи особенностей своего нарѣчія въ новой литературѣ, но даже характерныхъ чертъ своего особаго правописанія. Ни Словенцы, ни Сербы не могли признать этого первенства Хорватовъ, тѣмъ болѣе, что иллирская теорія объединенія всѣхъ Юго-славянъ могла угрожать разрушеніемъ нарождавшейся политической самостоятельности Сербіи. Эти опасенія Сербовъ имѣли свои основанія, ибо Иллиризмъ, покровительствуемый австрійскою политикою, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ лучшимъ проводникомъ стремленій Австріи на Балканы.

Ослабить недовѣріе Сербовъ и достигнуть полнаго сліянія хорватской и сербской литературы Иллиры могли бы принятіемъ кириллицы. Съ большимъ основаніемъ можно допустить, что эта мысль дѣйствительно существовала у нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дѣятелей Иллиризма, особенно въ первое время: доказательствомъ этого могутъ служить московскія записки Гая, его позднѣйшія попытки издавать газету по сербски, пробы вести частную переписку кириллицею (напр. Враза), наконецъ то обстоятельство, что старый графъ Драшковичъ велъ свой нынѣ затерянный дневникъ кириллицею, которой онъ могъ научиться только при началѣ дѣятельности Иллировъ. Но нельзя не принять въ соображеніе, что въ самой сербской письменности не было установлено единство правописанія и даже азбуки, и самыя грамматическія формы не были еще точно опредѣлены: споры между сторонниками и врагами вуковицы въ тридцатыхъ годахъ были самые ожесточенные, — славено-сербская школа не думала отступать предъ напоромъ живаго народнаго языка новой литературной школы, считавшей Вука Караджича своимъ вождемъ. Эти обсто-

ятельства могли въ извѣстной степени препятствовать принятію кириллицы Иллирами. Гай и его сторонники, говоря объ обязанности каждаго Иллира знать кириллицу и латиницу, обыкновенно аргументировали это тѣмъ, что кириллица—славянское письмо, а латиница—европейское. При глубокомъ славянскомъ движеніи, охватившемъ тогда хорвато-иллирскихъ дѣятелей, было бы естественно ожидать, что они примутъ кириллицу, какъ свой славянскій алфавитъ. Но это не произошло и не могло произойти, если обратить вниманіе на время и условія, при какихъ совершилось возрожденіе Хорватовъ. Подобная замѣна латиницы кириллицею могла совершиться только впослѣдствіи, во время сильнаго возбужденія умовъ и при полной независимости Иллиризма отъ австрійскихъ политическихъ вліяній.

Такъ какъ всѣ главные адепты иллирской теоріи, писатели и политическіе дѣятели вышли изъ Загреба и тѣснаго кружка хорватскихъ патріотовъ, то Иллиризмъ сталъ какъ бы загребскою школою. Правда, между первыми столпами иллирской литературы были Славонцы-штокавцы (какъ Бабукичъ, Топаловичъ), Приморцы-чакавцы (какъ братья Мажураничи), даже Словенцы-кайкавцы (какъ Вразъ), все же Иллиризмъ, какъ ученіе объ единствѣ всѣхъ южныхъ Славянъ, съ которымъ связывалось уничтоженіе всѣхъ областныхъ особенностей, не овладѣлъ умами и не восторжествовалъ. Такое объединеніе требовало дѣятельности поколѣній и особенно благопріятствующихъ обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что Юго-славяне при большомъ развитіи у нихъ чувства племенной индивидуальности отличаются крайними сепаратистскими стремленіями.

Какъ политическое ученіе, Иллиризмъ, который былъ вызванъ необходимостью борьбы съ Мадьярами и защиты роднаго языка, принесъ громадную пользу Хорватамъ и Славонцамъ въ ихъ борьбѣ съ Мадьярами за права народности. Подъ прикрытіемъ Иллиризма, опираясь на проповѣдуемое единство Юго-славянъ, Хорваты могли сильнѣе и энергичнѣе вести борьбу за свои историческія права и защищаться отъ грозившей имъ мадьяризаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ являлись представителя-

ми не только одной своей ограниченной области, но значительной части юго-западнаго Славянства.

Какъ литературное ученіе, Иллиризмъ въ извѣстномъ смыслѣ одержалъ полную побѣду: выработалось единство литературы у большинства юго-западныхъ Славянъ и создалось объединеніе въ литературномъ языкѣ съ Сербами. Въ наше время термины: *сербская* или *хорватская* литература и *сербско-хорватскій* языкъ имѣютъ дѣйствительное, практическое значеніе, ибо діалектическое различіе между двумя этими литературными нарѣчіями весьма малое, вполнѣ допускающее буквальную перепечатку произведеній, напечатанныхъ латиницею, кириллицей и наоборотъ. Иллиризмъ повелъ къ тѣсному сближенію Далматинцевъ со Славонцами и Хорватами, имѣющему существенную важность для хорватской народности. Если и нынѣ далматинскіе писатели сохраняютъ въ своемъ языкѣ тѣ или другія особенности мѣстныхъ говоровъ, то все же эти отличія нисколько не значительнѣе тѣхъ, которыя можно замѣтить въ языкѣ хорватскихъ и сербскихъ писателей. Хорваты усилили свое вліяніе въ Далматіи и возбудили въ ней новую литературную и политическую жизнь.

На литературное иллирское возрожденіе Хорватовъ, несомнѣнно, оказали большое вліяніе чешская литература и чешскіе ученые слависты, какъ Шафарикъ, привѣтствовавшій начало дѣятельности Гая. Самая мысль создать литературное и языковое объединеніе Юго-славянъ возникла и развилась подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ Коллара. Подъ ихъ вліяніемъ иллирская литература сразу становится на почву общеславянскихъ интересовъ, и сами иллирскіе писатели считаютъ себя славянскими дѣятелями въ широкомъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи Иллиризмъ сдѣлалъ весьма много: онъ содѣйствовалъ быстрому распространенію интереса ко всему Славянству среди юго-западныхъ Славянъ и самъ явился осуществленіемъ одного изъ положеній ученія Коллара о славянской взаимности. Съ той поры Хорваты выходятъ изъ тѣснаго замкнутаго круга своихъ племенныхъ интересовъ, выдвигаются у нихъ вмѣсто сословныхъ интересы народа, хорватскіе дѣятели свя-

зываютъ интересы Юго-славянъ съ общеславянскими. Со времени Иллиризма начинается въ Хорватіи изученіе славянскихъ языковъ и литературъ, что́ оказало большое вліяніе на все дальнѣйшее развитіе Хорватовъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Иллиризмъ представляетъ одинъ изъ блестящихъ, практически удавшихся опытовъ частичнаго примѣненія къ жизни теоретическихъ ученій о славянскомъ литературномъ объединеніи, ибо образованіе одной литературы у Хорватовъ и Сербовъ, раздѣленныхъ вѣроисповѣданіемъ, исторіей и воспитаніемъ подъ воздѣйствіемъ различныхъ культуръ, представляетъ шагъ впередъ къ осуществленію тѣхъ идеальныхъ задачъ сближенія и объединенія Славянъ, которыя изображались то поэтически и теоретически, какъ у Коллара, то въ видѣ опредѣленнаго ученія, какъ у Штура. Первые иллирскіе дѣятели полагали, что принятіемъ сербской штокавщины въ качествѣ общелитературнаго языка для всѣхъ юго-западныхъ Славянъ они содѣйствуютъ осуществленію болѣе высокой задачи—всеславянскаго литературнаго объединенія, которое, по ихъ мнѣнію, должно было выработаться изъ приложенія къ жизни ученія Коллара о славянской взаимности; въ первыхъ своихъ статьяхъ о реформѣ правописанія Гай говоритъ объ „общемъ славянскомъ морѣ“, въ которое должны плыть всѣ нарѣчія Славянъ.

Иллирское возрожденіе совпало по времени съ общимъ подъемомъ интереса къ Славянамъ не только въ славянскихъ странахъ, но и вообще въ Европѣ. Въ это время въ Россіи созрѣла мысль объ учрежденіи славянскихъ каѳедръ въ Университетахъ, и появлялись труды Шафарика, охватывавшіе изученіе всего Славянскаго міра, какъ одного цѣлаго. Тогда впервые было обращено надлежащее вниманіе на этнографическое изученіе Славянъ. „Иллирская“ литература богата важными въ этомъ отношеніи трудами.

По своимъ результатамъ Иллиризмъ принадлежитъ къ числу самыхъ плодотворныхъ литературныхъ и политическихъ теорій, господствовавшихъ въ то или другое время въ жизни Славянъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло и даже своими ложными

или ошибочными положеніями и выводами содѣйствовалъ культурному росту католическихъ Юго-славянъ. Это былъ въ жизни Хорватовъ прекрасный періодъ увлеченія широкими славянскими задачами. Подъ вліяніемъ иллирскаго движенія возникло даже въ католическомъ духовенствѣ стремленіе къ реформамъ въ строѣ католической церкви у Славянъ и къ ея славянизаціи.

Слѣдствія Иллиризма сказываются и нынѣ у юго-западныхъ Славянъ съ одной стороны все болѣе тѣснымъ сближеніемъ во многихъ отношеніяхъ между Словенцами и Хорватами, а съ другой—общимъ стремленіемъ Хорватовъ къ полному единенію съ Сербами. Достигнутъ ли юго-западные Славяне такого объединенія съ восточными славянскими вѣтвями—это вопросъ будущаго, но несомнѣнно, что иллирская теорія со всѣми своими дальнѣйшими выводами пробудила и обосновала такое стремленіе, возбудила энергію въ тогдашнихъ дѣятеляхъ и направила Юго-славянъ къ такой задачѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА I.

[1]) *Соколовъ.* Церковныя реформы Іосифа II, 1893, стр. 97.

[2]) ibidem, стр. 166—170.

[3]) ibidem, стр. 296 -297.

[4]) *Smičiklas.* Poviest Hrvatska, т. II, стр. 360.

[5]) *Michael Horváth.* Fünfundzwanzig Jahre aus der Geschichte Ungarns, von 1823—1848, Leipzig, т. I, стр. 41.

[6]) *Kukuljević-Sakcinski.* Arkiv za poviestnicu Jugoslavensku, т. X, стр. 262.

[7]) ibidem, стр. 274, 299.

[8]) Rad. LXXX, стр. 16.

[9]) *Smičiklas.* Poviest Hrvatska, т. II, стр. 391. Cf. Rad. LXXX, стр. 16—18.

[10]) Corpus juris Hungarici. Budae MD.CCC. XXII, Articulus 58. De activitate Regii Locumtenentialis Consilii Hungarici ad Regna Dalmatiae, Croatiae et Sclavoniae extendenda.

[11]) Rad. LXXX, стр. 18 — 20. Статья проф. Смичикляса. Ср. его же Poviest Hrvatska, т. II, стр. 392 — 396. Libera Regna sumus, si quem pudet esse Croatam, Hunnis subjectus serviat ille feris.

[12]) Corpus juris Hungarici, стр. 206. Articulus 16.

[13]) *Кукулевичъ.* Jura Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Zagrabiae, 1862. Pars II, стр. 261. ad 34. Circa intraducendum Linguae Hungaricae in manipulatione omnium Dicasteriorum usum. Сеймъ, соглашаясь на учрежденіе каѳедры мадьярскаго языка въ загребской Академіи, постановилъ: una autem, quia Idiomatis Illirici summa necessitas esset, tum, quod hujus Idiomatis homines non tantum in his Regnis sed et ipso Regno Hungariae infinito numero continerentur, cum vero, quod Domini Hungari in hujatibus confiniis accomodari possint ac debeant, in his autem Idiomatis Illirici potissimus usus sit, idem Idioma Illiricum in omnibus Gymnasiis, Academiis, ac ipsa etiam Universitate tradatur.

[14]) *Emil Piquot.* Les Serbes de Hongrie. Prague 1873, стр. 164 sqq.

[15]) Corpus juris Hung. § 10 постановленій 1792 г., articulus 7, II, стр. 226.

[16]) *Смичиклясъ.* Pov. Hrv. II, 399 sq.

[17]) *М. Хорватъ.* Op. cit. I, 42.

[18]) Corpus juris Hungarici, II, 246—247.

[19]) Rad. LXXX, 21.

[20]) ibidem, 22.

[21]) Corpus jur. Hung. II т. стр. 248. Articulus 4. De usu linguae Hungaricae. § 5. Quia vero studium linguae hungaricae jam articulo 7 1792. intra studia ordinaria relatum esset, Sua Majestas sacratissima effectum hujus articuli procurare dignabitur.

[22]) Petitionen der Serben und Slovaken vom Jahre 1861. Wien. 1862.

[23]) Свѣтъ, — газета, издававшаяся въ Унгварѣ 1867 г., № 14 отъ 30 Сентября.

[24]) Corpus juris Hungarici. II, 259. Постановленія сейма 1807 г. Articulus 24.

[25]) ibidem, II, 269 sq. Постановленія сейма 1808 г. Articulus 7.

[26]) ibidem, II, 274. Articulus 8: de erigendo Musaeo Nationali, aliisque promovendae Culturae Linguae Hungaricae adminiculis. Въ постановленіяхъ сейма 1807 г. при § 7 перечислены крупныя пожертвованія, сдѣланныя на учрежденіе Военной Академіи (II, 270—273). Сумма здѣсь указанныхъ пожертвованій доходитъ до 900,000 гульденовъ. Крупный взносъ въ 50,000 гульд. сдѣлала императрица Марія Людовика. Эрцгерцогъ Іосифъ далъ 10,000 гульд., примасъ Венгріи, архіепископъ Остригомскій Карлъ Амвросій —20,000, Альбрехтъ Саксонскій —30,00, графъ Францискъ Зичи—12,000, Стефанъ Иллешгази—20,000, Стефанъ Marczibányi de Pucho—50,000, Карлъ Батьяни — 24,000 и т. д.; православный карловацкій архіепископъ Стефанъ Стратимировичъ — 3,000, Антоній Зденчай изъ Турова Поля — 1,000 гульд., Александръ Алаговичъ, каноникъ Остригомскій, впослѣдствіи бывшій загребскимъ епископомъ, — 300 гульд. и т. д. Пожертвованія продолжали собираться, и въ постановленіяхъ сейма 1811 г. находится новый списокъ (ibidem, II, 278), въ коемъ встрѣчается немало хорватовъ. Такъ, епископъ Верховецъ, пожертвовавшій въ 1807 г. 12,000 гульд. прибавилъ еще 5,000, епископъ Раффай отъ себя и загребскаго капитула—5,000, графъ Иванъ Драшковичъ—10,000 гульд. и т. д. Сборы шли успѣшно по комитатамъ, такъ какъ учрежденіе Военной Академіи считалось дѣломъ общего-

сударственнымъ, и продолжались еще долго (см. Кукулевичъ. Jura regni Cr., Dalm. et Slav., II, стр. 187—194), а также и для венгерскаго національнаго музея (ibid. стр. 190, ср. постановленія хорватскихъ сеймовъ 1827—1836).

[27]) Первымъ учителемъ „иллирскаго“ языка въ Люблянскомъ лицеѣ былъ аббатъ Северичъ профессоръ linguae Illyricae i. e. dialecti Ragusinae. (Ягичъ. Письма Добр. и Копит., стр. 139).

[28]) *Paul Pisani.* La Dalmatie de 1797 à 1815. Paris. 1893, стр. 197, 344 sq.

[29]) Rad. LXXX, 26.

[30]) Vienac, 1872, 316. Статья A. Š. Kako se je jugoslavenstvo započelo i razvilo.

[31]) *Čaplović.* Rozgjmánj o zmaďařovanj země Uherské aneb o Nemaďarů w Uhřjch na Maďary obracowanj. W Praze 1842.

[32]) Durch welche Mittel lässt sich die Verbreitung der magyarischen Sprache unter den Einwohnern Ungarns am sichertsen erzielen. Basel. 1834, стр. 40.

[33]) ibidem, стр. 39.

[34]) *Мих. Хорватъ.* Op. cit. I, 134 sqq.

[35]) Corpus jur. Hung. II, 502. Князь Батьяни пожертвовалъ 50,000 гульд., прекрасную библіотеку, собраніе рѣдкихъ монетъ, картинъ и географическихъ картъ.

[36]) ibidem, articulus II. Ut Societas Erudita seu Academia Hungarica ....fixam sedem in Libera Regiaque Civitate Pestiensi habitura, ocyus, brevissimo, quo fieri poterit tempore erigatur.

[37]) *Кукулевичъ.* Glasoviti Hrvati prošlich viekova. U Zagrebu. 1886, стр. 203.

Смичиклясъ. Matica Hrvatska. Spomen-knjiga. Zagreb. 1892, 273—277.

[38]) Rad. LXXX, 37 и *Wachsmuth:* Die Geschichte des Illyrismus, Leipzig. 1849, стр. 195 sq.

[39]) *Mich. Horvath.* Op. cit. I, 159 sq.

[40]). Первое изданіе Slavy dcera было сдѣлано подъ титуломъ: Básně въ 1821 г. Якубъ Малый (Vzpominky a úvahy starého vlastence, стр. 48), современникъ этой эпохи, свидѣтельствуетъ о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ тогда же на всю чешскую молодежь этимъ сочиненіемъ Коллара, особенно прологомъ (Předspěv). Второе распространенное изданіе уже подъ именемъ Slavy dcera вышло въ Будимѣ въ 1824 г.

[41]) *Wachsmuth.* Op. cit. 196 sqq.

[42]) Corpus jur. Hung II, 520.

[43]) Sollen wir Magayren werden. Fünf Briefe geschrieben aus Pesth an einen Freund an der Theis von D. H. Karlstadt. 1832.

Durch welche Mittel lässt sich die Verbreitung der magyarischen Sprache unter den Einwohnern Ungarns am sichersten erzielen. Basel. 1834.

L. M. Sch.... Der Magyarismus in Ungarn in rechtliger, geschichtlicher und sprachlicher Hinsicht, mit Berichtigung der Vorurtheile aus denen seine Anmassungen entspringen. Leipzig. 1834 и другія.

[44]) *L. N. Sch...* Der Magyarismus in Ungarn etc. 35 sq. Тутъ напечатанъ подлинный текстъ отношенія Веспримскаго комитата по этому дѣлу.

[45]) Еще Титъ Брезовачкій въ одной изъ своихъ латинскихъ одъ писалъ:

....Alphabetum non extat in orbe
Magyaro quo possis scribere verba bene.

Въ одѣ Рогони: Palma quam Dugonics, similesque magyari Slaviae eripere attentarunt, vindicata, находятся слѣд. стихи:

Si Magyar a Slavis assumta vocabula cuncta
Reddiderit, certe nesciet ille loqui.

Въ то же время являлись изслѣдованія, имѣвшія претензіи на ученое значеніе, въ которыхъ доказывалось ближайшее сродство Мадьяръ со Славянами. Такъ, въ 1833 г. Данковскій, бывшій профессоромъ греческаго языка въ Прессбургской Академіи, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Magyaricae linguae Lexicon critico-ethymologicum, e quo patefit, quae vocabula Magyari e sua avita Caucasia dialecto conservarint, quaeve e Slavis, uti Bohemis, Carniolis, Croatis, Illyriis, Polonis, Vendis, Valachis, porro a Graecis, Germanis, Italis etc. adoptarint. Posonii. 1833. Другое сочиненіе того же автора называлось: Der Völker ungarischen Zunge und insbesondere der sieben Völkerschaften von welchen die heutigen Magyaren unmittelbar abstammmen, Urgeschichte Religion, Cultur, Kleidertracht, Verkehr mit den Persern und Griechen 560 Jahre vor Christi Geburt. Nebst 100 rein griechischen und einigen persischen Wörtern, die man bis itzt für ächt ungrisch gehalten. Данковскій извѣстенъ тѣмъ, что совершенно сближалъ греческій и славянскій языки. Какъ курьезъ, интересна его книга: Matris slaviae filia erudita vulgo lingua graeca seu Grammatica cunctarum slavicarum et graecarum dialectorum, въ которой насильственно сближены формы греческаго и славянскаго глаголовъ.

[46]) *Wachsmuth.* Gesch. d. Illyr. стр. 13.

[47]) Rad. CX, 127. ср. Rad. LXXX, 47.

[48]) Danica за 1836, стр. 130.

[49]) *Кукулевичъ.* Jura Regni Croatiae etc., II, 289 sq. De promo-

venda Cultura Linguae Nationalis. Въ бумагахъ Метелла Ожеговича, находящихся въ архивѣ югославянской Академіи въ Загребѣ, сохранилась довольно большая записка за подписью Ожеговича: Memorandum in objecto societatis amicorum litteraturae Illyricae, помѣченная 4 Октября 1837. Авторъ въ ней разъясняетъ значеніе изученія славянскихъ языковъ, при чемъ дѣлаетъ ссылки на Шафарика. и доказываетъ пользу основанія въ Хорватіи литературнаго „Общества" подъ именемъ „Иллирскаго". Защищая именованіе „*Иллирское* общество", онъ вспоминаетъ, что въ 1818 г. само правительство хотѣло основать *Иллирскую* газету, и что теперь такая газета существуетъ уже, благодаря Гаю.

[50]) *Смичиклясъ.* Poviest Hrvatska. II, 451 sq,

[51]) *Кукулевичъ.* Jura Regni etc. II, 282.

[52]) ibidem II, 295. De erectione Cathedrarum Linguae Nationalis penes Instituta Litteraria in Regnis Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae existentia a Sua Majestate Sacratissima expetita.

[53]) ibidem. Articulus 27.

[54]) *Mich. Horváth.* Op. cit. I, 551 sqq.

[55]) ibidem, II, 84, 88, 95 и др.

[56]) ibidem. Op. cit. II, 110 sqq.

[57]) Akademischer Vortrag gehalten von Grafen Stephán Széchenyi,—übersetzt von Joseph v. Orosz. Pressburg. 1843.

[58]) Akad. Vortrag etc., стр. 39.

[59]) Die Stellung der Slowaken in Ungarn beleuchtet von Leo Grafen von Thun. Prag. 1843, стр. 24 sqq.

[60]) ibidem, 27 sq.

[61]) Ueber Croatien als eine durch Unterjochung erworbene ungarische Provinz und des Königreichs Ungarn wirkliche Theil, von Stephan von Horvàth, Custos des Szechenyischen Reichs-Bibliothek an dem ungarischen National Museum zu Pesth. Aus dem ungarischen übersetzt. Leipzig. 1844. Эта небольшая книга была написана по мадьярски и въ 1843 г. раздавалась депутатамъ сейма. Между прочимъ, авторъ брошюры расходится съ общимъ тогда мнѣніемъ у мадьяръ о происхожденіи „иллиризма", которое объясняли чужеземными вліяніями. Хорватъ полагалъ, что „иллиризмъ" сочиненъ „недальновидными славянскими писателями", мечтающими объ основаніи великой славянской монархіи въ Европѣ. Въ подтвержденіе этого онъ разсказываетъ, что какой-то полякъ изъ Варшавы убѣждалъ его, что онъ, Хорватъ, Полякъ и указывалъ ему на милліоны Славянъ. Отсюда Хорватъ выводитъ, что Славяне вообще любятъ хвастать. Старые писатели, говоря о Славянахъ, нерѣдко опредѣляли ихъ названіями: Alazones, Euchatae, Italiotae, т. е. Prahler (хвастуны). Prah-

lerei, прибавляетъ Стефанъ Хорватъ, ist auch jetzt der National-Charakter der Slaven. — Рядомъ искусно подобранныхъ и своеобразно истолкованныхъ выписокъ изъ историческихъ документовъ Хорватъ доказываетъ, что Хорватія, Славонія и Далматія завоеваны мадьярами и не имѣютъ права претендовать на сохраненіе какихъ либо своихъ особыхъ правъ. На эту книгу Мадьяре нерѣдко ссылались въ парламентскихъ рѣчахъ. Въ отвѣтъ на это сочиненіе вышло изслѣдованіе въ Лейпцигѣ въ 1846 г.: Das Verhältniss Croatien zu Ungarn. Eine Erläuterung der Stephan von Horvat'schen Unterjochungsgeschichte Croatiens durch Ungarn, написанное хорватскимъ патріотомъ за подписью K.....in Croatien. О книгѣ Хорвата помѣщена небольшая статья Коллара въ *Даницѣ* за 1844 г. (№ 19).

[62]) *Stjepan Mirković* (псевдонимъ священника Мирка Дежелича — біографія Ив. Кукулевича-Сакцинскаго. U Zagrebu, 1861, стр. 7 sq.

[63]) *Мирковичъ.* Біографія Кукулевича, стр. 10- 12. Cf. Branislav. 1843, стр. 17—19.

[64]) *Кукулевичъ.* 29 Srpanj 1845. Historička crta. U vojn. Sisku. 1870, стр. 17.

[65]) Dr. *Шандоръ Брестенскій.* Pravno povjestni podatci o Turopolju U Zagrebu. 1892.

[66]) Branislav—*Шулека,* 1843 г., стр. 21—24.

[67]) Illirske Novine, №№ 49, 88, 89 за 1842 г. Между прочимъ сдѣлано было нападеніе на Гая, который принужденъ былъ даже скрыться въ квартирѣ великаго жупана Зденчая.

[68]) *Кукулевичъ.* 29 Srpanj 1843, стр. 9, 18, 25.

[69]) *Кукулевичъ.* 29 Srpanj 1842, стр. 32. Cf. Tkalac. Jugenderinnerungen, стр. 283. Ткалацъ разсказываетъ, что Туропольцы, которыхъ на этомъ собраніи было до 400 чел., всѣ единогласно голосовали, подъ руководствомъ своего *графа* Данііла Іосиповича за эти предложенія, хотя между ними было не болѣе 3 или 4 грамотныхъ.

[70]) Branislav, стр. 19.

[71]) *Кукулевичъ.* Jura Regni etc. II, 300 sq. Articulus 10 и 15.

[72]) ibidem, II, 307. Параграфы 10 и 11. De lingua Nationali intra ambitum Regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae ad gradum Diplomaticae elevata expetitaque eatenus Sanctione Regia.

ГЛАВА II.

[1]) Nova Ricsoslovnica iliricska vojnicskoj mladosti krajicsuoj poklonjena trudom i nastojanjem Shime Starcsevicha, xupnika od Novoga u Lici. U Tarstu. 1812.

[2]) Rad. LXXX, статья проф. Смичикляса, стр. 25 sq.

[3]) Эти свѣдѣнія заимствуемъ изъ рѣчи, произнесенной Имброю Ожеговичемъ, по случаю 50-лѣтія священства Верховца 1 января 1826 года. Рѣчь эта была произнесена на хорватскомъ нарѣчіи и напечатана въ Загребѣ въ 1826 г. подъ заглавіемъ: Govorenye na chazt y postenyc preizvishenoga, preszvetloga y prepostuvanoga gozpodina Maximiliana Verchovacz od Rakitovacz. 1 Prezimcza 1826.

[4]) Rituale Romano-Zagrabienze seu formula agendorum in administratione Sacramentorum.... in usum Zagrabiensis diaecesis accomodata.... authoritate et opera.... domini Maximiliani Verchovecz. Zagrabiae. 1796.

Нѣкоторыя молитвы, наставленія и обряды при совершеніи таинствъ переведены на кайкавско-хорватское и штокавско-славонское нарѣчіе, а также на мадьярскій и нѣмецкій языки. При этомъ Верховецъ соблюдаетъ всѣ отличительныя черты правописанія, принятаго тогда въ этихъ нарѣчіяхъ. Приведемъ окончаніе „исповѣданія вѣры" изъ этого миссала Верховца: Professio fidei, accomodata in usum almae Cathedralis et vetustissimae ecclesiae Zagrabiensis. Это professio, согласно объясненію, помѣщенному тутъ же, должно быть читаемо надъ больными, при чемъ священнику вмѣняется въ обязанность въ извѣстныхъ случаяхъ напоминать о постановленіи латеранскаго собора, въ силу котораго медики не должны быть допускаемы до больнаго прежде, чѣмъ онъ не исповѣдуется и не причастится у католическаго священника.

По хорватски.

Ovu pravu Katolichanzku veru, izvun koje nigdo szc zvelichiti nemre, y koju ja szada neprimoran, ter iz drage y szlobodne volye prijemlyem y iztinzki valujem, tia do zadnyega hipa Sivlyenya mojega, z pomochjum Bosium neozkrunyeno dersati, y ztalno valuvati obecham; dapache, kuliko moguche bude, terszitisze hochu, da podlosniki moji, y

По славонски.

Ovu istinitu Katolicsansku viru, izvan koje nitko nemoxe spasen biti, koju sada povolno ispovidam, i pravo derxim; istu cilu i neoskvernjenu, tia do naiposlidnjega csasa xivota moga, pritemeljito s-pomochu Boxjom, derxati chu, i ispovidatichu; i od moich pedloxnikah; illi od onih, koje duxnost moja bude upravljati, da

vszi, kojeh zkerb poleg ztalissa mojega na me zpadala bude, ovu szvetu veru zpoznaju, navchesze, y valuju. se derxi, ucsi, i pripovida, koliko mogao budem nastojatchu.

[5]) *Маретичъ.* Istoria Hrvatskoga pravopisa latinskijem slovima. U Zagrebu 1889.

[6]) ibidem, стр. XII.

[7]) Danica Ilirska. 1837, № 27, стр. 92—96, а также Kolo, IX, стр. 43—46.

[8]) Čas. Česk. Muz. 1833, стр. 451 sqq.

[9]) Это воззваніе носитъ слѣдующее заглавіе: Znanostih y narodnoga jezika priateljom T. Michanovich od Petropolja Hervatim. U Gradu Patavii. 1 M. Sjecsna. 1818. Книга, которую хотѣлъ издать Михановичъ, должна была носить слѣдующее заглавіе: Ive Gundulichja, Vlastelina Dubrovacskoga, Ispjevanje Deljinsko Illiro-Slavensko, pervich iza Rukopisa staroga na svjetlo dano. Вотъ какъ Михановичъ въ воззваніи объясняетъ значеніе своего предпріятія:

Tó' mi Ljubav k-svemu, shto je domorodno, svetuvashe tem zmoxneje, kad' me Inorodnih csestljive xelje izbudjavahu. Nam zaisto sramotno bilo bi, da nekoji Narodi, nashi Rodjaki, Mnoxinum vandanih Dellah nas obladajuch, y vu Tersenju shto immamo vandati, perveji pred nami zvalibi se. Mnoga immamo vredna iz Tmine na svjet statti, da Deddov nashih Ume ocsitaju, komu Gine njih Povjesti chuvaju.

Первое изданіе „Османа" Гундулича было сдѣлано въ Дубровникѣ Амвросіемъ Марковичемъ въ 1826 г.: Osman spjevagne vitescko Giva Gundulichja Vlastelina Dubrovacskoga. Rasdeljak pârvi. U Dubrovniku. 1826. Это было первое полное изданіе поэмы Гундулича. Кукулевичъ указываетъ еще существованіе изданія *Османа*, вышедшее въ 1801 г. въ Дубровникѣ, но неполное. Въ 1827 г Евѳимій Поповичъ издалъ „Османа" кириллицею въ Будимѣ: „Разна дѣла Іевте Поповича"; „Османъ напечатанъ въ первыхъ двухъ частяхъ. Изданіе это далеко не критическое. Вмѣсто 14 и 15 недостающихъ пѣсень помѣщено стихотворное ихъ пополненіе „нѣкоего пѣсмотворца". Критическое изданіе *Османа* вышло въ 1844 г. подъ редакціей Бабукича и при участіи Ивана Мажуранича, написавшаго 14 и 15 пѣсни. Пополненіе этихъ пѣсенъ, сдѣланное Соркочевичемъ, напечатано въ дубровницкомъ изданіи 1826 г. и перепечатано въ собраніи сочиненій Гундулича, изданномъ Югославянской Академіей въ 1877 г. подъ редакціей проф. Армина Павича.

[10]) Kolo IX, стр. 46. Мирко Боговичъ называетъ членовъ этого общества: Шкауръ, Шпореръ, Живковичъ и Михановичъ.

[11]) *Кукулевичъ.* Bibliografia Hrvatska, стр. 76, примѣчаніе Антона Мажуранича.

[12]) Rech domovini od hasznovitozti piszanya vu domorodnom jeziku. Vu Bechu. Не смотря на всѣ старанія и поиски, мнѣ не удалось видѣть этой брошюры и потому пользуюсь лишь перепечатками изъ нея въ статьѣ проф. Смичикляса (Rad LXXX, стр: 27 sq.). Проф. Смичиклясъ обозначаетъ время ея выхода 1815 г.; у Кукулевича въ его „Хорватской Библіографіи“ значится подъ № 1651—годъ 1815, а подъ № 1135— годъ 1825. У Шафарика въ его Gesch. d. Ill. r. und. Kroat. Lit., стр. 334, обозначенъ годъ 1825. Судя по біографическимъ даннымъ, намъ кажется послѣдняя цифра вѣроятнѣе.

[13]) Вотъ нѣкоторыя біографическія данныя о Михановичѣ, извлеченныя главнымъ образомъ изъ статьи Фольнеговича (Horvatski Světozor, 1878, № 52, стр. 409 sq.). Антонъ Михановичъ изъ дворянъ Петропольскихъ, родился въ 1796 г. Онъ учился въ Загребѣ и окончилъ въ 1817 г. курсъ существовавшей тамъ юридической школы. Затѣмъ онъ ѣздилъ въ Италію и жилъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ, гдѣ въ 1818 г. составилось общество молодыхъ людей Сербовъ и Хорватовъ, которое и задумало было издавать газету: Oglasnik Illirski. Въ томъ же 1818 г. Михановичъ получилъ мѣсто аудитора въ одномъ изъ полковъ и затѣмъ нѣкоторое время служилъ въ г. Рѣкѣ. Въ 1836 г. онъ былъ назначенъ консуломъ въ Бѣлградѣ. Это былъ первый представитель Австріи въ Сербіи. Затѣмъ Михановичъ былъ консуломъ въ Солуни, Смирнѣ и Царьградѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ вышелъ въ отставку и поселился на родинѣ. Умеръ 14 ноября 1862 г.—Михановичъ былъ большой любитель книгъ и имѣлъ возможность собрать значительное количество рѣдкихъ рукописей, нынѣ составляющихъ собственность Югославянской Академіи Наукъ въ Загребѣ. Онъ занимался нѣкоторое время санскритомъ (статья его о родствѣ славянскаго языка съ санскритомъ въ Hormayr's Archiv, № 66, 67, 71); о немъ, хотя иронически, упоминаетъ Копитаръ въ своей перепискѣ съ Добровскимъ, говоря о кандидатахъ на славянскія каѳедры въ Россіи (*Ягичъ*. Письма Добровскаго и Копитара, стр. 58 и 707; ср. *Кочубинскій*. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія, стр. 274).

Въ *Даницѣ* Гая были помѣщены слѣдующія произведенія Михановича: въ 1835 г. Horvatska domovina (Liepa naša domovina), № 10; Něgda a sada, № 11; O posljednjoj Franjevoj polnoći, № 39; Ajdmo tamo, № 40. Въ 1844 г.: Odziv Danice Ivanu Kollaru, № 18 (изъ Солуни); Kaměna děva, № 25; Vidjena, № 31 и Požude domovine, № 50. Подъ своими первыми стихотвореніями онъ подписывался: Ilir iz Horvatske. Пѣсня: Horvatska domovina, ставшая любимою у Хорватовъ, впервые была положена на музыку Іосифомъ Руньянинымъ въ 1846 г. который взялъ для нея мотивъ изъ 3-го акта оперы Доницетти: Lu-

cia di Lamermorr, именно изъ дуэта тенора Эдгарда и баритона Энрико. Эта мелодія Руньянина была передѣлана Ватрославомъ Лихтеннегеромъ въ 1861 г., и съ той поры эта пѣсня стала какъ бы хорватскимъ гимномъ (Кухачъ: Vatroslav Lisinski i njegovo doba. Zagreb. 1887, стр. 8 и Ilirski Glazbenici. Zagreb, 1893, стр. 234 sqq).

[14]) Довольно полный библіографическій обзоръ кайкавской хорватской литературы сдѣланъ Шафарикомъ въ Časop. Česk. Muz. за 1833 г. Статья эта вошла въ собраніе сочиненій Шафарика: Prehled literatury illirských Slovanův po l. 1833. Т. 3 (1865), стр. 261 — 272.—Ср. Čas. Česk. Muz. за 1860 г. (стр. 89 sqq.) статья Крижека: Přehled veškere literatury jihoslovanské.

[15]) Одна изъ лучшихъ латинскихъ одъ Миклоушича вышла въ 1804 подъ заглавіемъ: Carmen Reginae Croatiae, по случаю открытія въ Загребѣ больницы и богадѣльни и введенія туда ордена Misericordiae. На этотъ же случай написалъ Титъ Брезовачкій аллегорію, въ которой выводитъ Славянскую вилу, утѣшающую Старослава. Подъ *вилою* разумѣется „народъ словинскій или хорватскій", а подъ Старославомъ—старинная слава Славянъ и геройство ихъ предковъ.

[16]) Syllabus vocabulorum Grammaticae Emmanyelis Alvari in Croaticam linguam conversorum. Zagrabiae. 1796 г.

[17]) *Кукулевичъ*. Arkiv za pov. jugosl. Т. XII, стр. 53 sq.

[18]) См. Послѣсловіе къ комедіи Mathiash Grabantiash diak 1821 г.

[19]) Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: Izbor dugovanyh vszakoverztnéh za Hasen y razveszelénye szlusechéh po Tomashu Mikloushich, plebanushu Ztenyevechkém izpiszan y na szvetlo dán. Vu Zagrebu. Pritizkan vu Novoszelzkoj Szlovarnicze. 1821. Послѣ смерти Миклоушича, въ 1841 г., это сочиненіе его было переиздано.

[20]) Миклоушичъ даетъ тутъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Россіи, но больше анекдотическаго характера. Такъ, въ главѣ „о замѣчательныхъ вещахъ" Миклоушичъ сообщаетъ, что въ Россіи, въ городѣ Moskove существуетъ колоколъ, вѣсомъ въ 4140 центнеровъ, вылитый изъ серебра и золота, пожертвованнаго каждымъ русскимъ, богатымъ и бѣднымъ. Колоколъ этотъ въ 4 сажени вышины и столь широкъ, что подъ нимъ можетъ работать 25 сапожниковъ (shostarov). Въ Москвѣ 700 церквей и 1706 колоколовъ, изъ коихъ многіе потрескались во время пожаровъ 1701 и 1812 годовъ.—Кстати замѣтимъ, что вообще сообщенія о Россіи и русскихъ, изрѣдка попадающіяся въ произведеніяхъ этого періода хорватской словесности, весьма темныя и чаще всего анекдоты. Источникъ ихъ—нѣмецкій.

[21]) Вотъ подлинныя слова Миклоушича (Izb. dug. стр. 13 sqq.) о дѣленіи славянскаго языка на нарѣчія: jezik Horvatzki, Szlavonzki,

Dalmatinzki, Albanzki, Vlazki, ili Thraczianzki, Rischianzki, Boshnachki, Szerbzki, Bulgarzki, Istrianzki y Furlanzki, Kranyzki y Stajerzki, Koruski, Pemzki, Polyzki, po Vugerzkéh vekshéh stranach Totzki ili Szlovachki, Litvanzki, Ruzki y Moskovzki: dapache vu iztom Czarigradu ov izti Jezik je Dvorni, tak da koi nyega ne zna, za nikajsze dersi; med vszemi vendar, koje zovemo Illirichke, ili Szlavinzke, Jezik Horvatzki, vu lehkoche izgovarjanya Dyachkomu vnogo zpodoben, kakti naj pokornésha kchi Mater szvoju kaj najblise naszleduje.

Въ другомъ своемъ сочиненіи, изданномъ ранѣе, именно въ 1818 г.: Ztoletni dnevnik (столѣтній календарь) Миклоушичъ укзываетъ преимущество хорватскаго языка предъ другими славянскими въ томъ, что на него всего легче переводить съ латинскагѡ. „Не полезно ли потому такой языкъ развивать, воздѣлывать и побольше книгъ издавать на немъ", говоритъ онъ. Цѣль изданія и этой книги —содѣйствовать развитію хорватскаго языка и литературы.

[22]) *Du Fresne.* Illyricum vetus et novum. Pusonii, 1756, стр. 10. ...pervidebit facile productum ex figmentis Slavorum gentis privilegium neque ad Caroli Magni referri posse.

[23]) *Мавро Орбини.* Il Regno de Gli Slavi. In Pesaro. 1601, стр. 170: noi confessiamo, che i Macedoni sempre sono stati di lingua Slava, come hora sono.

[24]) *Ямбрешичъ.* Lexicon Latinum interpretatione Illyrica, Germanica et Hungarica locuples. Zagrabiae. 1742, стр. 379 sqq. Sunt qui et ipsam Daciam veteri Illyrio adjiciant.

[25]) Izbor dugovanyh, стр. 25, § 5—II главы.

[26]) *Кукулевичъ.* Arkiv, т. XII, стр. 66—79, 82—87.

[27]) Ztoletni kalendar iliti dnevnik ztoletni Horvatzki do leta 1901 kasuchi. Предисловіе подписано 21 марта 1818 г.

[28]) Huta pri Szavi ili lyubav za lyubav, igrokaz Narodni vu dvojem zpelyivanyu pri predavanyu Iliriuma napervoztavlyen vu Zagrebu Dan 1-vi Vszeszvetchaka. 1822.

[29]) Szveti Alexi vu chetverom zpelyanyu napervo poztavlyen po Titussu Brezovachky leto 1786. Vu Zagrebu.

[30] и [31]) Mathiash Grabantiash diak vu Chetverem zpelyivanyu po Tit. Brezovachky, prevend Sz. Marka izpiszan y po Th. Miklousbich P. Z. v drugem Pogledu van dan. Изданій этой комедіи, сдѣланныхъ самимъ Брезовачкимъ, мнѣ не удалось видѣть. Миклоушичъ издалъ эту комедію вмѣстѣ съ комедіей Яндрича: Lyubomirovich ili priatel pravi, igrokaz vu trojem zpelyivanju po Mat. Jandrichu, pleb. vu Czirkveni izpiszan y po Th. Miklousbich, Pl. Zt. na szvetlo van dan. Vu Zagrebu. Pritiszkan szlovami Novoszelzkemi. 1821.

Diogenesh ili szluga dvéh zgublyenéh bratov. Veszeli igrokaz vu

peterom zpelyivanyu po Tomashu Mikloushich P. Z vu novem pogledu na vnogéh selju na svetlo dan. Vu Zagrebu. Pritizkan vu Novoszelzkoj Szlovarniczi. 1823. Эта комедія была оставлена въ рукописи Брезовачкимъ и передѣлана для печати Миклоушичемъ.

Что касается темы о ст. Алексѣѣ, она тема особенно нравилась писателямъ и прежнихъ эпохъ хорвато-славонской письменности. Въ сочиненіи: Liszti Heroov, toie velikeh na Glasu hyudih po plemenitom Jurievich Gabrielu, Czeszarove i Kralyeve Szvetloszti, Harmicze Varasdinzke Proti-Pisczu, na kratkom zpravlyeni. Stampani u Bechu vu Austrie. M. D. C. L XXV, въ 4 книгахъ въ одномъ томѣ: первая книга начинается пѣснью: Alexis, Dobrovolni pregnanik, Saloszoim otczem od szmerti ztraha. Къ ней приложенъ рисунокъ, изображающій св. Алексѣя, смотрящаго на похороны и размышляющаго о смерти и ничтожествѣ человѣка, что́ и составляетъ содержаніе этой пѣсни.

[32]) См. весьма обстоятельную статью профессора Ягича о народныхъ сказкахъ о Грабанціашѣ-дьякѣ въ Archiv für. Slav. Phil. т. II: Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancias̆ dijak und ihre Erklärung, стр. 437—481. В. В. Ягичъ дѣлаетъ предположеніе, что какъ самыя сказки, такъ и имя Grabancias̆ заимствованы Мадьярами у Хорватовъ въ формѣ garabonczás diák. Профессоръ Пештскаго университета О. И. Ажботъ, дѣлая въ томъ же Archiv (т. IV, стр. 611—627) пополненія къ статьѣ профессора Ягича и сообщая о мадьярскихъ сказкахъ о Грабанціашѣ, склоняется къ мысли, что это имя заимствовано хорватами отъ мадьяръ. Основываясь на мотивахъ этихъ сказаній, Мункачи написалъ мадьярскую комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія. Эта комедія давалась и на сценѣ. Такъ какъ Брезовачкій написалъ комедію въ 3 хъ дѣйствіяхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ и издалъ въ 1780 г. (Кукулевичъ. Bibliogr., стр. 26), то можно сдѣлать два предположенія: 1) или Мункачи и Брезовачкій имѣли подъ руками какой либо болѣе старый текстъ комедіи „Грабанціашъ-дьякъ“, или 2) Мункачи пользовался обработкою сюжета Брезовачкимъ. Комедія Мункачи не напечатана. При всемъ стараніи я не могъ разыскать текста въ изданіи самого Брезовачкаго. Въ переработкѣ же Миклоушича комедія имѣетъ 4 акта и носитъ явную тенденцію осмѣять современные общественные недостатки. Этотъ сюжетъ обрабатывался и впослѣдствіи нѣсколько разъ. Велимиръ Гай переработалъ комедію Брезовачкаго и издалъ сначала въ Književna zabava, I, 1868 г., а затѣмъ особо въ 1878 г. подъ заглавіемъ: Grabancias̆ preporodjen, starinski narodovid u slikomjeru, въ 5 дѣйствіяхъ. Онъ распространилъ лишь и положилъ въ стихи эту комедію въ изданіи Миклоушича 1821 г. Хорватскій писатель

и дѣятель Мирко Боговичъ сдѣлалъ попытку написать эпическую поэму: Grabanciaš djak (см. Posmrtne pěsme Боговича въ изд. подъ ред. Шрепеля, 1893 г.). Наконецъ, въ 1893 г. въ загребскомъ театрѣ поставлена была новая передѣлка Грабанціаша-дьяка, сдѣланная І. Е. Томичемъ. Пісса получила видъ грубой шутки на сценѣ, ибо въ новой передѣлкѣ сохранена лишь старая сатира и расширенъ элементѣ грубой шутки.

[33]) Вотъ отрывокъ изъ комедіи Яндрича: Lyubomirovich ili priatel pravi, изданной Миклоушичемъ въ Загребѣ 1821 г. Сцена скупаго.

Дѣйствіе III.

Izhod 1. Hisa ztàroga Fabiana, nutré jedna poztelya pokrita: jedna ladicza z pénezmi, vu zténi kakti zazidana, druga pako v-kútu na podu: Fabian hodi po perztih, nalukávasze szim tam, podpira vráta z klúchem, y govori:

Ovde mi nebude nigdo glave razbíjal: vu ovu hisiczu, gde ja zpim, neszme mi sze nigdo niti pokazati.... nechu, dabi szlugi vidéli, kaj ja délam... Ovi Magarczi dojdû szamo pod zgovorom, da bimi podvorili, à ochi îm szim tam igraju, kak-bi mogli onu zazídanu ladiczu zpaziti, vu kojoj skúde dersim... da bi jû szamo mogel z mézta genuti, y pod ov poplun deti... Ali nikaj zato! ova drúga je vishe vredna, vu nyoj szu czekini (zdigne ladiczu z-czekini smehko, y poztàvi nyu pod poplun). Ovde budi. szerdashcze moje! Dushá moja! ti vsze moje! ti Bog moj! O lépa moja! (nagne sze na ladiczu) ti raj y zvelichénye moje! daj, daj! puzti, da te vidim, da sze z tobum obradujem, nahranim y okrepim! ti szi kruh moj! ti szi moje vino, ti naj prestimaneshа jeztvina! ti radozt, brativozt, y razveszelènye moje! Naj idu drúgi na Bale, pleszanya, na Igrokaze, Kafane, veszelya, y drustva! ja pleshem, kada te vidim: jasze naszladujem y veszelim, kada dráge moje sutáke gledim... O! zlato! ti krepozt vszakoga, ti radozt sziromaka! ti kinch królyev, prestimanye velikashev, y naj veksha muka szerdcza! ah! kada sze na te zmiszlim, od ztráha vesz trepetchem, da te gdo nebi vkral: ali pijem, ali jem, tiszi mî pred ochmî: ako zpim, od tebe szenyam, moje vsze zkerbi vu tebi jedino zakopane jeszu... O! dabi ja jezero léth sivèti mogel, y vszako léto jednu ovoj zpodobnu ladiczu napuniti z ovem dragém szerdcza móga kinchem! (kushne czekina na glàsz) y naj potlam med onakovemi blazinami vumreti! vumreti? vumreti? ah! vasz bogcze moje oztaviti?—ah! tesina mê obhàdya! ah! hochu sze malo okrépiti (premeche szim tam, y vsze po redu kushúje). Ovu szû oni Veneczianczi, kojem sze dobil ono zlato vreme, kada szû Vojske nazad besalo, y zkupócha velika je bila... Ovo szu pak Kremniczari, y Duplóni, koje szêm dobil od onoga decháka, kojega ztareshi vu gladnéh létah od mene szû bili poszudili dve ztó skúdh, ali tak da chez dvé lété tuliko duplonov bude: ah! to je bila

lépa sréchal Chius chetiri put vekshi od glavnicze! on de·hák nema zadnyich niti falatchecz kruha, vszeszem mu dal prodati, y mene naplatiti... to je vsze pravo! oh! lepi moj Korpush-Iurinsh! (z-mir poleg ladicze ztoji, y premécbe).

Izhod II. Gyurina (слуга Фабіана), y perveshi.

Gyurina (nalukava sze chez jednu luknyu vu zpalniczu ztaroga, glavu pretekne, posluha, y veli). Prokléti ztári klipan! glej! glej! kaj zlata ima!...

Fabian (nikaj sze ne ogléda, nego dalye govori). Ovaszû oni spanyolzki Duploni: iztina je, da szu ma'o menshi, ali za to je zlato, naj izborneshe... vsze dva i dva nekakove paricze!...

Gyurina. (Szam szobum). Dobro, dobro! dam im ja vétra; ja nye vre preredim.

Fabian. Ove szêm pak imel na chuvanyu pri meni! ali—hvala Bogu! on sze je vtopil, koi mî je nye dal: oztalo je zadnyich sheztero détczé: nego ona za nye ne znaju! zâ to bona fidę Juris proprii! ah! kaj hochemo! chlovek dok sive, za sze móra zkerbeti.... (Gyurina szada hiti jednogo kamenchcheka proti ladiczi, y zkrijeszé).

Fabian (oszupnesze). Jaj! jaj! koj je to! jaj! krov sze rushi: hochesze hisa vdréti! ah! draga moja ladicza! szamo Bog oszlobódi! da sze nebi ti vu ove rushetine zakopala!

Gyurina (oprávlyen, kakti Vrág z-rogmi, glávu nuter pokáse chez luknyu y veli). Dusha prokleta! jeli to jedenpût oztavish?

Fabian (oplashen). Gdo je to? gdo bi rad nuter?... jaj meni, moraju tolvaji biti! (poslusha) a! ne nikaj! vrataszu dobro podperta: to sze je meni szamo tak previdelo!... o! drági sutáki! o!...

Gyurina (ostro). Oztavi to! (josh jakshe) oztavi to!

Fabian. Gdo to govori? gdo je to Bosji? Odkuda szî?

Gyurina. Ja szem Vràg! (odide).

[34]) Lizimakush ali Machubinzki Nazlob—igrokaz Saloztni vu peterem zpelyivanyu po T. M. P. Z. Vu Novom pogledu na szvetlo dan 1823. Vu Varasdinu.

[35]) Zriny Miklonsh ili: Dogodyénya Zriny Miklóusha, Bana Horvatzkoga, nyegovéh dvéh priatelov, y Judite Ilyefalvi, iz vugerzkoga na horvatzki po I. P. preneshena, po T. M. popravlyena. 1833. Vu Zagrebu.

[36]) *Кукулевичъ*. Arkiv, XII, стр. 54.

[37]) Glasz krichechega vu puschini horvatzkoga szlovztva po szmerti Domorodcza Najdragshega vnogo postuvanoga Gozpona Thomasha Mikloushicha... glavnoga vu narodnom jeziku pisz(e)za! 1833. Vu Zagrebu. Штоосъ въ этой одѣ, обращаясь къ „дорогой Домовинѣ" (Отечеству), поетъ:

Znash li, da prehadya Tvoja ztara szlava,
I da za Tvoj Glasz vech nigdo nich nedava,
Szamo gde pri plugu Musek szi popeva,
Ter zverh' teskog sitka suhke szuze zleva
Da vech izti putnik ne zezve ti Ime,
Doklam sze iduchi tam na ztan né prime,
Gde sze sziromastvo, plach y tuga chuje,
Gde szi polyzka Vila milo narekuje.
Jesche tam v gizdavom pozablenyu niszi,
Tam josh draga Mati! Kip tvoj mili viszi
Vu hisichki proztoj temen vesz od dima,
Ali vendar ztalno vmir postenye ima.

[38]) a) Rodbinztvo jeden Veszelo-igrokaz vu Peteroma dogodu iz Nemskoga na horvatzki jezik preneshen po Jakobu Lovrenchich, szlob. Kral. Varasdina Varaschanu i na szvetlo dan. 1822. Vu Varasdinu.

b) Predsud zverhu ztalisha y Roda, igrokaz v-trojem Zpelyivanyu, negda po Karlu od Ekartshauszen vu nemskom, szada pako horvatzkom Jeziku po Jakobu Lovrenchich na szvetlo dan 1830. Vu Varasdinu.

[39]) a) Golub. Igrokoz vu chetireh zpeljavanjih. Zpisal Ljudevit Farkas. Vu Zagrebu. 1832.

b) Pervi i zadnji kip. Turobna igra v'jednom Zpelaju. Poleg Nemshke Ballade od G. Seidla spisal Ljudevit Mirko Farkas. V Poz'unu. 1833.

[40]) Ztari Mladosenja i Kosharica. Vesela igra v' jednom zpelaju od Kotzebua, 'z nemshkoga preneshena od D. M. R.—Представлена была въ первый разъ 2 октября 1832 г. по хорватски въ нѣмецкомъ театрѣ въ Загребѣ.

Въ 1831 г. Раковецъ напечаталъ оду: Peszma najszvetlejshoj Groficzi Eleonori Patachich etc., kakti viteskoj narodnoga jezika ljubiteljici и т. д., а въ 1832 г. свою лучшую оду: Duh, dramatichka vitia Gozp. Franczu Vlassichu etc. Эти произведенія писаны по кайкавски.

[41]) Nachin vu Vszéh Sivlénya Dogadyajih. Vszigdar zadovolynomu biti. Negda po Ant. Alfons. od Szarasza vu Francuzkom, szada Horvatzkom Jeziku po Ignacziu Kriztian vu Gornyom Várashu Zagrebechkem sz. Marka kapelanu izpiszan. Vu Varasdinu. 1826 г.

Біографическій очеркъ и оцѣнка литературной дѣятельности Кристіановича сдѣланы въ обстоятельной статьѣ о. Ивана Ткальчича, въ газетѣ Pozor за 1884 г. № 118 и 119.

[42]) Кукулевичъ напечаталъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ въ своемъ Arkiv'ѣ za poviestnicu. Т. XII.

[43]) Arkiv, т. XII, стр. 87.

[44]) ibidem, стр. 92.

[45]) Напр. malum necessarium — prokurator; potentia—popovski red; donatio—veliki sudac; feras donum—komešar; grobianitas—stari fratar и т. д. Это была, по словамъ Ткальчича (Pozor, № 119) Jovilia Galjufana, по имени одного изъ загребскихъ епископовъ Гальюфа, любившаго употреблять подобныя шутливыя выраженія.

Въ Danicz'ѣ Кристіановича за 1837 г. помѣщено макароническое стихотвореніе подъ заглавіемъ Saecula zlata. Вотъ начало:

Donec erant olim na szvétu tempora bolysha,
Bila je za novecz cerasorum zdelicza plena:
Za denyar jeden fuerat dvem kruha zadosta:
Dobroga vina pako grosso una chutura plena:
Vacca szedem potuit florenis najtisze prima:
Y vol dozta dober scudatis circiter octo:
Tunc se vestivit z chetiremi Ranychki puella:
Et sex servivit florenis optima dekla:
Szluga devet, deszet, szokach vix quindecim habebat.
Florenis centum fuerat Caesare dignus:
Quinquaginta autem Jahách za velike Grofe. и т. д.

[46]) Grammatik der kroatischen Mundart, neu bearbeitet und herausgegeben von Ignaz Kriztianovich. Agram. 1837.

Anhang zur Grammatik der kroatischen Mundart von Ignaz Kristianovich. Agram. 1840 г.

Въ 1834 г. Кристіановичъ писалъ Шафарику о своемъ планѣ издать новую грамматкиу хорватскаго нарѣчія, и Шафарикъ одобрилъ замыслъ Кристіановича (Arkiv, Кукулевича, т. XII, стр. 95). Шафарикъ сдѣлалъ осторожный отзывъ объ этой книгѣ Кристіановича (Čas. Česk. Mus. 1838 г., стр. 256—259), при чемъ предоставляетъ рѣшеніе спора между Кристіановичемъ и сторонниками Гая самимъ хорватамъ, но выражаетъ мнѣніе, что вопросъ о выборѣ ореографіи, кажется рѣшенъ, ибо она распространяется какъ въ нижней, такъ и въ верхней Илліріи. Явилась потребность въ этихъ шрифтахъ даже въ типографіи въ Градцѣ: наслѣдники типографа Лейкаша выписали чешско-иллирскіе шрифты изъ Праги изъ словолитни Гаазе, откуда получилъ новый шрифтъ и Гай.

[47]) Обстоятельный обзоръ Славонской литературы сдѣлалъ проф. Форко въ программахъ реальнаго училища города Осѣка за 1883/4, 1885/6 и 1886/7 годы.

[48]) Almanah ilirski za godinu 1823. S' razlicsnima pjesmama i pripovjestima, za prudnost i ugodnost sloxen, i na svjetlo znoshen od Jure Maticha. U Karlovcu gornjem.

[49]) Вила Дубровника вводитъ поэта на славянскій Парнассъ, гдѣ ему поютъ пѣсни другія вилы. Всѣхъ этихъ пѣсенъ (каждую

строфу поетъ особая вила)—23, а *королева* (вила Дубровника) поетъ —24-ую.

Вила 12. Tkoje svoje pogerdio,
Moxe l'tebe poshteniti?
Tko jest svoga progonio,
Moxe l'tebe obljubiti?
Tko li vjeran bratu nebi,
Moxe l' vjeran biti tebi?

Вила 13. Vinogradu vu jednomu
Simena su nekolika,
Rozlicsna su svakomu,
Vino daju svakolika.
- Tako ljudi na svitisu,
Da svi sime jedno nisu.

Въ строфахъ 2, 3 и 4 воспѣвается любовь къ отечеству.

ГЛАВА III.

ОТДѢЛЪ 1.

¹) Velimir Gaj. Knjižnica Gajeva, Zagreb 1875.

²) Это сказаніе о Чехѣ и Лехѣ было уже давно извѣстно. Чешскіе хронисты—Далемилъ (XIV в.) въ своей риемованной чешской хроникѣ вспоминаетъ о выходѣ Чеха, родоначальника Чеховъ, изъ Хорватіи (Fontes rerum Bohemicarum, III, стр. 6), а Гаекъ изъ Любочанъ (XVI в.), ссылаясь на польскихъ хронистовъ, передаетъ это сказаніе, упоминая о двухъ братьяхъ: Чехѣ, жившемъ въ Крапинѣ, и Лехѣ, владѣвшемъ замкомъ *Псаръ*. Раткай, будучи самъ родомъ изъ Загорья, въ своемъ сочиненіи: Memoria regum et banorum regnorum Dalmatiae, Croatiae et Sclavoniae. Viennae. 1652 г., говоритъ о Крапинѣ и о Чехѣ и Лехѣ. Ямбрешичъ въ своемъ: Lexicon (1742) такъ пишетъ о Крапинѣ, на стр. 468: Civitas haec (nisi humanis traditionibus, omnino inhumani, fidem omnem abrogare malimus) jam tunc ante Christum natum floruit et plura gloriae suae saecula numeravit. Imperatorum enim Illyricorum Regia fuisse traditur, atque adeo totius amplissimi Illyrici caput. Chehus et Lehus regii Principes, a quibus Regna Bohemiae ac Poloniae suum sumpsere exordium, eam natalem habuerunt: Nonnulli tertium nomine Moscum primum gentis Moscoviticae Ducem ac fundatorem adjiciunt. Et certo etiam post tot retro lapsorum saeculorum vicissitudines, sacrum quid et magnificum hodieque spirant vel

ipsa Krapinensia rudera, quae ab invitis etiam advenis loci reverentiam extorquent. I. Ch. de Jordan, посѣтившій Крапину, въ своемъ сочиненіи De originibus Slavicis (Vindobonae, 1745), отмѣчаетъ сказаніе о Чехѣ и Лехѣ, какъ общее. Вообще въ XVIII в. сказаніе это признавалось вѣрнѣйшимъ для объясненія происхожденія славянскихъ племенъ. Въ 1765 г. жилъ въ Крапинскомъ монастырѣ францисканецъ чехъ Свобода Прокопъ (Viencc, 1889, статья Кланча, стр. 92 sqq.), который произнесъ проповѣдь по поводу сказанія, пріуроченнаго къ Крапинѣ. Проповѣдь эта была издана въ Загребѣ въ 1767 г. подъ заглавіемъ: Preporodjeni Čeh aliti svetosti svetost sv. Prokopa vu domovini Čeha, Krapine (см. Кукулевичъ. Bibliografia, стр. 157). Гай особенно занимался этимъ сказаніемъ.

³) Ср. *Tkalac.* Jugenderinnerungen aus Kroatien. Leipzig. 1894, стр. 244. Этотъ Германнъ (Hoerman) благоволилъ къ Хорватамъ: онъ пропустилъ къ печати и брошюру: Sollen wir Magyaren werden.

⁴) Die Schlösser bei Krapina sammt einem Anhange von der dortigen Gegend in botanischer Hinsicht von Ludwig Gay, Hörer der zweiten Humanitätsclasse. Karlstadt. 1826, gedruct bei Joh. Nep. Prettner, privil. Buchdruckerei und Buchbinderei. Это небольшая брошюрка in 16° въ 36 стр. Первая часть (до 26 стр.) посвящена Крапинскимъ замкамъ; вторая (съ 26 по 36) заключаетъ латинскую и нѣмецкую номенклатуру различныхъ растеній и носитъ заглавіе: Anhang. Verzeichniss der meisten Gewächse und Pflanzen in der Gegend bei Krapina.

⁵) Danica. 1848, № 3, 4, 5.

⁶) Первое напечатанное стихотвореніе Гая въ „разгадкѣ". Загадка (Zganyka) Luna, 1826, №. 6.

Vu szedéchoj Divojki szêm rodna,
Pochivajuch pri nye boku desznem,
Szinem mojem kruto draga, zgodna,
Kak y ztranyzkém krepoztném y zreszném.
Imam szeztru, od kud Szuncze ide,
Ku objimlye Szava z Dravum verno:
Drugu szeztru, kada poldan mine,
Pere merje, kâ hodi gyegyerno.
V szeztri tretji, gde Szuncze zahája,
Je Emona negda dichna ztala,
A cheterte od polnochnog'kraja
Gorh viszokéh dika je nemala.
Vsze chetiri szuszede szu moje
Y vsze ove jednako ja stimam;
Ar vsze z-menum jednog Otcza broje,
I z ovemi jednu szlavu imam.

Poglavara moga ni pri meni,
Ar v' Orszagu drugem chazt On noszi,
Otecz dobri! daj mi ga poverni!
To Te szin moj vszaki selno proszi.
Tusiti sze vendar zverhu toga
Ja nemorem; imam drugu Glávu,
Apostola najmre Velikoga,
Kojemu y Ztranyzki dajû szlàvu.
J. R. K. (Jos. Romuald Kvaternik).

Развязка загадки (Razvezanye zganyke vu Listu № 6 Novinh Zagrebechkéh) за подписью Люд. Гая. (Luna, 1826, № 11).

*H*rani szine rodna Zemlya szlavna
*O*va velim Zemlya prelyublyena,
*R*odi szine med szeztrami glavna
*V*elikoga szercza y plemena:
*A*postole viszok' postuvane
*T*er na diku szvetu izvishene;
*Z*emlya rod' y viteze zebrane
*K*ralyu vre od negda jako verne
*A*ldove vu taboru gyegyerne.

т. е. Horvatzka.

[7]) Luna. 1826 г., № 35: Peszma od Zagorja; 1829 г., № 33: Peszma pri naztavlyanyu krisa y jabuke na znova podiguyen turen na czirkvu sz. Katarine na Szelich vu Zagorju.

Стихотвореніе Людевита Гая, помѣщенное въ Luna, № 35, за 1826 г., Peszma od Zagorja, не лишено красоты. Вотъ оно:

Gore szlavno plemenite
Zagorja predragoga;
Vre od negda glaszovite,
Pune dara zmosnoga.
Draga moja domovina!
Jaszni bregi, lyublyeni
Ki dajeta kruha, vina
Gozpodi izvisheni.
Verhi plodni z-goriczami
Szlavna ztánya vitezov,
Dichitisze z-ztoliczami
Negdasuéh zmosnéh knezov.
Návom brégu czirkvu lépu
Tam jáki pred vreméni
Tverdeh pechinh diku szlépu
Vidish grád szad vrusheni.

Vidish ondé med hraztichi
Hute dobréh musekov,
Obletuju glaszni ptichi
Chréde tuzteh volekov.
Glej jednoga! kaksze k-kleti
Odprávlya z-bariliczum,
Z szladkem vinczem da okrepi,
Szerdcze szve z drusiniczum.
Ztrelecz shumi po zelenoj
Z czuczki zverje szleduje,
V vecher Gozpi da lyublyenoj
Szebe z-darum alduje.
Ovde Gozpon plemeniti
Sive poleg prilike;
Med szuszedi veszeliti
Selisze prez izlike.
Raja ovog' anda dika
Plemenite ztolicze
Najsze chuje prevelika
Po verhih, y dolicze.
Ter josh veksha budi szláva
Ztanovnikom Zagorja,
Koje chazti moja mala
Peszem z szerdcza vernoga.

Lud. Gay.

8) Knjižnica Gajeva. стр. XXIV.

9) *Kurelac.* Recimo koju. Karlovac. 1860, стр. 121.

10) *Smičiklas.* Život i djela Vjekoslava Babukića. U Zagrebu. 1876, стр. 5.

11) Slova nad grobom Ljudevita Gaja izgovorena Franom Kurelcem. U Zagrebu. 1872, стр. 4.

12) Древняя и Новая Россія, 1879 г., II томъ, стр. 277. Людовикъ Гай въ Россіи—статья Нила Попова.

13) Knjižn. Gajeva, стр. XXVI.

14) Пріоръ павлинскихъ монастырей основалъ первую гимназію въ Хорватіи въ Лѣпоглавѣ въ 1582 г. Это было первое учебное заведеніе въ Хорватіи, доступное для лицъ свѣтскихъ. Сначала эта гимназія, существовавшая при монастырѣ, была наполнена учениками, но когда іезуиты открыли въ Загребѣ свое училище-гимназію, въ 1607 г., число учениковъ постепенно стало падать. Лѣпоглавская гимназія была закрыта въ 1713 г. Но при гимназіи въ этомъ монастырѣ существовала хорошая библіотека, въ которой было немало

рукописей. (Статья Ант. Мажуранича, въ Программѣ Загребской гимназіи за 1852 г., стр. 10).

[15]) О подобномъ же фактѣ разсказываетъ Шафарикъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Погодину. Онъ сообщаетъ, что мадьярскіе ученые нашли грамоту на мадьярскомъ языкѣ, относящуюся къ 1131 г., но оказалось, что это глаголическая запись 1558 года. Risum teneatis, прибавляетъ Шафарикъ (Письма къ Погодину, стр. 262).

[16]) *Шафарикъ*. Geschichte der slavischen Sprachen und Literatur, nach allen Mundarten.—Ofen. 1826, стр. 44 sqq.

[17]) *Колларъ*. Rozprawy o jménách, počatkach i starožitnostéch narodu slavského a jeho kmenů. U Budimu. 1830.

[18]) Kollar (1793—1825). Sbornik stati o životě, působeni a literarni činnosti pěvce „Slavy dcera", вышедшій въ Вѣнѣ подъ редакціей *Пастерника* въ 1893 г., ко дню столѣтія со дня рожденія Коллара, стр. 202 et sqq.

[19]) ibidem, стр. 36.

[20]) Именословъ или рѣчникъ личны имена разны народа славенски. Скупио Іованъ Пачићъ, а умложіо съ латінскомъ ортограѳіомъ изразіо и примѣчанія додао Іоаннъ Коларъ. Пештъ. 1828 г.

[21]) Pisně světske lidu Slowenského w Uhřjch. Sebrane a wydané od Pawla Iosefa Ssaffařjka, Jana Blahoslawa a giných. Svazek prwni. W Pesti 1823 г., печатано готицею. Приводимъ прекрасныя слова Шафарика изъ этой довольно рѣдкой книги. „Narod Slovansky jest již krom toho tak i vnitřně i zevnitřně rozrouchaný, rozdrapaný a rozmrvený, že to zrada jest tyto mrvy ještě až na prach a neviditedlné atomy roztirati, naproti tomu podstatni zasluha tyto roztrhane častečky v jedno spojovati: tu nam obět žadného nařeči ne musi býti těžka, kde se malou ztratou veliky prospech koupiti může. Dunaj walne koraby na svem hřbetě nese kde jeho vody v jeden proud shromážděne jsou, ale kde se na roztoky děli, tam sotva pltě přejdou po pisku a vymolich bředouce. Takte i s narodni literaturou".

[22]) *Kurelac*. Slova nad grobom Ljudevita Gaja, стр. 5.

[23]) *Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина, т. III, стр. 134 sqq.

[24]) Knjižnica Gajeva, стр. 187.

[25]) Spisy Jana Kollara, т. III, стр. 38 sqq. Коллару показывали не только комнату, но уголъ и кровать, на которой родился Гай.

[26]) Колларъ отзывается весьма похвально о Гаѣ и Хорватахъ, совѣтуя другимъ славянамъ брать съ нихъ примѣръ относительно „улучшенія и ославяненія ороографіи", въ извѣстной брошюрѣ: Ueber die literarische Wechselseitigkeit etc. (Pesth, 1837 г.), стр. 128.

[27]) *Смичиклясъ*. Život i djela Vjekoslava Babukića. Загребъ. 1876 г., стр. 6, 11.

[28]) Загребская гимназія была основана слѣдующимъ образомъ. Нѣкто Венедиктъ Блажековичъ, кальвинистъ, будучи депутатомъ сейма въ Пожунѣ, въ началѣ XVII стол., познакомился съ іезуитами и ихъ гимназіей и посовѣтовалъ жителямъ Загреба выписать іезуитовъ и основать гимназію. Въ 1606 г. пріѣхали въ Загребъ іезуиты: Заничъ изъ Туроча и Влаховичъ изъ Оломуца и имъ было дано зданіе доминиканскаго монастыря съ капеллою св. Екатерины, гдѣ они поселились и основали гимназію. Затѣмъ было дано іезуитамъ нѣсколько имѣній и виноградниковъ. Вскорѣ имъ была дана и церковь св. Марка. Граждане, епископы, дворянство стали жертвовать на гимназію. Многіе по завѣщанію оставляли іезуитамъ и гимназіи значительныя по тому времени состоянія. Часто жертвователи прямо означали, что они жертвуютъ на извѣстную каѳедру или существующую уже, или ими означенную для учрежденія. Іезуиты были удалены изъ гимназіи въ 1773 г.

[29]) Izvěstje Zagrebačkoj višjoj Gimnazije за 1852 г. статья Ант. Мажуранича: Kratak pregled pověstnice Gimnazije Zagrebačke. Каѳедра хорватскаго языка и литературы была основана въ 1846 году, а преподаваніе мадьярскаго языка было прекращено въ 1848 г. Преподаваніе всѣхъ предметовъ на хорватскомъ языкѣ началось въ 1849 г.

[30]) ibidem, стр. 10. Кромѣ Загребской гимназіи существовали еще подобныя заведенія въ слѣдующихъ городахъ: 1) Въ Рѣкѣ—іезуитскій коллегій, основанный въ 1630 г. графомъ Толгаузеномъ; 2) въ Вараждинѣ, тоже іезуитскій коллегій, основанный графами Драшковичами и графиней Анной Маргаритой Толгаузенъ въ 1678 г.; 3) въ Пожегѣ, тоже въ рукахъ іезуитовъ, основ. въ 1699 г. епископомъ Иваномъ Бабичемъ и аббатомъ de Gotto, подарившимъ для этой цѣли іезуитамъ свое аббатство Готто или Кутіево; 4) въ Сеньѣ основан. въ 1725 г. императоромъ Карломъ VI, въ завѣдываніи павлиновъ; 5) въ Крижевцѣ — 4 грамматическихъ класса, при императорѣ Леопольдѣ I въ 1675 г.; 6) въ Осѣкѣ и 7) въ Карловцѣ тоже 4 гимн. класса, но въ этихъ двухъ послѣднихъ преподаваніе шло на нѣмецкомъ языкѣ.

[31]) ibidem, стр. 15.

[32]) *Курелацъ*. Fluminensia. Zagreb. 1862, стр. 182—185.

[33]) Oratio, qua literariam juventutem ad R. Academiam Zagrabiensem sociumque Archigymnasium initio anno schol. 1836/7 comparentem Nomine J. Scholarum Directionis salutavit Stephanus Moyses. и т. д. Zagrabiae, стр. 10 sq.

[34]) Летопис Матице Српске, 1834 г., вып. 38, стр. 143.

[35]) Матія *Смодекъ* родился въ селѣ Новакахъ, Вараждинской жупаніи въ 1807 г. Сначала онъ учился въ Вараждинѣ, затѣмъ въ За-

гребѣ и Пештѣ, гдѣ получилъ степень доктора artium liberalium et philosophiae. Съ 1832 до 1835 г. онъ преподавалъ въ Загребѣ—jus naturale и угро-хорватское право, а съ 1835 года и статистику. Въ 1849 г. Загребская архигимназія или Академія была преобразована, философскій факультетъ былъ уничтоженъ, остался только юридическій. Съ 1851 г. Смодекъ сталъ преподавать горное право и статистику и объяснять австрійскіе законы. Послѣ Смодекъ преподавалъ и каноническое право Православной церкви и занималъ должность библіотекаря Академіи. Умеръ онъ 24 сентября 1881 г. въ Бѣловарѣ. Писалъ онъ немного и при томъ своеобразнымъ языкомъ. Его сочиненіе болѣе извѣстное: Pravo gorsko, inače rudno, države austrijske. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и вліяніемъ среди своихъ учениковъ. Въ 1842 г. ученики Академіи задумали основать литературное общество и просили Смодека быть его предсѣдателемъ. Въ 1848 г. епископъ Шроттъ обращался къ нему съ просьбою успокоить волновавшихся тогда студентовъ. Когда образовался ученическій легіонъ въ 1848 г., Смодекъ былъ его командиромъ. (Vienac, 1881 г., №№, 40, 46, 47, статья Лорковича).

[36]) *Смичикласъ*. Živ. i djela V. Babukića, стр. 13 и 59.

[37]) *Бабукичъ*. Статья о Янко Драшковичѣ въ Narodn. Novin'ахъ въ 1856 г., перепечатанная въ Neven'ѣ за 1856 г., январь, стр. 28 sq.

Кукулевичъ-Сакцинскій въ своей книгѣ: Glasoviti Hrvati prošlih vjekova. Zagreb. 1886 г. сообщаетъ свѣдѣнія о предкахъ Драшковича и исторію его рода, стр. 152 — 205. Spomen-Knjiga по случаю 50-лѣтняго юбилея Матицы Хорватской въ 1892 г. статья проф. *Смичикласа*: Ivan grof Drašković, стр. 83—95.

[38]) Вотъ полное заглавіе этой брошюры: Disertatia iliti Razgovor, Darovan Gospodi Poklisarom Zakonskim y buduchjem Zakonotvorzem Kraljevinah nasich, za buduchu Dietu Ungarsku odaslanem, derxan po jednom starom Domorodzu Kraljevinach ovih. U Karlovzu. 1832. Pritiskano slovima Ioanna Nep. Prettnera. Этотъ же „разговоръ" былъ изданъ въ нѣмецкомъ переводѣ въ 1834 г. въ Лейпцигѣ: Erinnerungen an der zum ungar. Reichstag bestimmten Deputirten der Königreiche Kroatien und Slavonien. Von einem Alt-Kroaten. — Брошюра перепечатана въ 80 т. Rada въ статьѣ проф. Смичикляса: Narodna Hrvatska idea, но къ сожалѣнію съ опечатками и съ исправленною ореографіею.

[39]) *Смичикласъ*. Spomen-knjiga, стр. 88.

[40]) Disertatia, стр. 8.

[41]) ibidem, стр. 19.

[42]) ibidem, стр. 23.

[43]) ibidem, стр. 15.

[44]) Дневникъ этотъ утерянъ. Spomen-Knjiga, стр. 95.

[45]) Эта брошюра приписывалась Коллару, подписавшемуся подъ предисловіемъ: Domoljub Horvatović. (См. Kolo, IX, статья Мирка Боговича, стр. 47). Ткалацъ въ надавно имъ изданной книгѣ (Jugenderinnerungen aus Kroatien, стр. XIII) сообщаетъ, что эта брошюра была написана его родственникомъ Антономъ Вакановичемъ, умершимъ въ началѣ 1894 года въ глубокой старости, нѣкогда принимавшимъ большое участіе въ заботахъ иллирскихъ дѣятелей о народности.

[46]) Rad. LXXX, стр. 47.

[47]) Вотъ полное заглавіе брошюры Деркоса: Genius patriae super dormientibus suis filiis seu folium patrioticum pro incolis regnorum Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, in excitandum, excolendae linguae patriae studium a Ioanne Derkoosz. Zagrabiae. 1832. Вукотиновичъ въ своихъ воспоминаніяхъ: Iz Ilirske dobe (Hrvatski Světozor, № 38) разсказываетъ, что Деркосъ въ рукописи читалъ эту свою брошюру въ квартирѣ Вукотиновича въ присутствіи Раковца, Антона Вакановича, Курельца и Гая, незадолго до того пріѣхавшаго изъ Пешта и только что поселившагося въ Загребѣ. Тогда же было рѣшено напечатать эту брошюру.

[48]) Genius и т. д., стр. 25. Dum in Gallia Nationalis fundata fuit Academia, elevata est statim lingua Gallorum ad magnum fastum; toti Galliae ardebat fax lucentissima; ipsi illi vehementem lucrati sunt per eam influxum in universam Europam. Imperantes enim elevarunt illam, detrusa Latina, ad dignitatem linguae Diplomaticae, dignitatem, quam hodiedum firma tenet manu.

[49]) Homerus Slavicis Dialectis cognata lingua scripsit. Ex ipsius Homeri carmine ostendit prof. D. Dankovsky. Iliados, lib. I, 110.

[50]) Genius patriae и т. д., стр. 45 sq.

[51]) Vienac, 1883 г., стр. 99 sq. Статья Лопашича о Штоосѣ. Ср. Zagrebački Katolički List, за 1862 г., № 14 и 15 (некрологъ и корреспонденція Фольнеговича), а также Naše Gore List, 1862, № 10. Въ №№ 12 и 16 этого изданія помѣщены послѣднія стихотворенія Штооса. Въ одномъ изъ нихъ онъ о себѣ выражается такъ:

Zalud u sladkoj ljubavi roda
 Ode mog života cviet,
Poštenim svrham neima već ploda
 Zastrle su spletke sviet!
Plamtio sam svedj za veću
 Milog roda moga sreću,
Pa sad primam za taj žar
 Pred licem svog roda sam otrov za dar.

Штоосъ написалъ также немало религiозныхъ стихотворенiй, многiя изъ коихъ изданы имъ въ 1859 году подъ заглавiемъ: Kitice crkvenih pjesama.

Пользовалась извѣстностью также пѣсня Штооса, написанная имъ на возвращенiе Гая по Далматiи и посѣщенiе имъ Черногорiи. Она начинается словами:

Iz Zagorja od prastara
Čecha, Leha, Meha grada и т. д.

Стихотворенiя Штооса появились въ слѣдующихъ нумерахъ *Даницы:* 1835 г. №№ 3, 4, 6, 9, 13, 22, 24, 31, 35; 1837 г. № 3; 1838—рѣчь по случаю 200-лѣтняго воспоминанiя о Гундуличѣ, № 52; 1839 г. №№ 16, 22; 1840 г. №№ 1, 4, 31, 33, 44; 1841—Привѣтствiе Коллару 14 сентября 1841 года, №№. 38, 41, 47; 1842 г. №№ 14, 19; 1844 г. №№ 6, 40, 47; 1845 г. № 20; 1846 г. № 39. Штоосъ написалъ эпическую поэму въ 12 пѣсняхъ, посвященную бану Елачичу: Soko hrvatski i Slavska mati.

[52]) *Кундекъ* Iосифъ, род. въ Иваничѣ 24 авг. 1810 г. Окончивъ курсъ въ Загребской семинарiи, сталъ въ 1831 г. священникомъ и настоятелемъ въ Петриньѣ. Въ 1837 г. былъ въ Вѣнѣ, откуда отправился миссiонерствовать въ Сѣверную Америку. Въ 1852 г. онъ былъ генеральнымъ викарiемъ епископства Винсенны въ штатѣ Индiана. Въ 1857 г. прiѣхалъ по дѣламъ миссiи въ Европу, отправился посѣтить родину и въ Загребѣ умеръ въ 1858 г. (Wurzbach, Biograf. Lexicon des Kaiserthums Oesterreich. XIII т. sub v.). Въ хорватской литературѣ онъ извѣстенъ только одами.

[53]) Duh, dramatichka vitia Gozpodinu Francu Vlasichu, baronu и т. д. Karol Rakovecz. Vu Zagrebu. Ода была составлена по случаю вступленiя въ банское достоинство Влашича 23 мая 1832 г. Слово: *vitia*, употреблявшееся у Хорватовъ въ значенiи *стихотворенiе*, тогда было еще новымъ, и Раковецъ объясняетъ его: Dramatiches Gedicht.

[54]) Danica, 1835, стр. 15.—23 iюня 1833 г. была представлена на сценѣ пiеса: Stari zasebni kućić Petra III, съ пѣнiемъ русскихъ и хорватскихъ пѣсенъ.

[55]) См. Sollen wir Magyaren werden? стр. 2.

[56]) Лѣтоп. Серб. Мат., за 1834 г., вып. 38, стр. 142 sqq. Помѣщая статью: „Нешто о кньижеству хорватскомъ“, Ѳедоръ Павловичъ, впослѣдствiи извѣстный противникъ „Иллиризма“, выражаетъ свое сочувствiе мысли автора „о соединенiи Сербовъ и Хорватовъ въ общественномъ просвѣщенiи“. Въ самой статьѣ воздаются хвалы Гаю за его оду Slavoglasje iz Zagorja, особенно за пѣсню вилы, написанную въ духѣ народныхъ пѣсенъ. „Это произведенiе, хотя и малое, останется на небѣ Гая яркою звѣздою въ его славу“. Ав-

торъ статьи, Хорватъ, выражаетъ желаніе, чтобы Хорваты изучали произведенія другихъ славянскихъ литературъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ хорватскомъ королевствѣ проснулась такая любовь къ хорватскому народу, что нѣтъ силы, которая бы могла ее уничтожить, а тѣмъ болѣе не можетъ этого сдѣлать „такая область (орсагъ), съ которой Хорватское королевство только въ союзѣ". „Панславянство есть наша цѣль, къ которой насъ направляетъ Богъ и природа", говорится въ концѣ статьи.

[57]) О силѣ краснорѣчія и умѣніи Гая убѣдить и воспламенить слушателей свидѣтельствуютъ всѣ современники. Одинъ изъ бывшихъ близкихъ участниковъ Гаевскихъ изданій почтенный старецъ Богуславъ Шулекъ, нынѣ секретарь Югославянской Академіи въ Загребѣ, именно это признаетъ главнымъ качествомъ Гая. Тоже говорилъ о Гаѣ Антонъ Мажураничъ (Rad. LXXX, 52 sq.) и др. (нпр. въ брошюрѣ: Eine Erinnerung an der Illyrier von Hortense — псевдонимъ, 1893 г.; Horvatski dom, т. IV, 1880. Sbor duhovne mladeži, статья Вѣкослава Гомотарича и др.). Петръ Лавровскій, путешествуя въ 1858 г. по югославянскимъ странамъ, посѣтилъ Гая и въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ въ Извѣстіяхъ Втораго Отдѣленія Импер. Акад. Наукъ за 1859 — 60 г., т. XIII, стр. 410, свидѣтельствуетъ о характерности бесѣды съ Гаемъ: „Рѣчь Гая, пишетъ онъ, текла такъ быстро, такъ плавно, тонъ былъ такой убѣдительный, что, казалось, захвативши свѣжаго человѣка, онъ хотѣлъ посвятить его въ первое же свиданіе, быть можетъ опасаясь за состоятельность втораго, во всѣ тайны протекшей своей знаменательной и во многомъ поучительной жизни". Это было время матеріальнаго и нравственнаго упадка Гая, когда въ Хорватіи всякое вліяніе было имъ утрачено. Лавровскій, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Гаемъ, старается выставить ярче свѣтлыя стороны дѣятельности Гая.—Хорватскій писатель Шеноа, познакомившійся съ Гаемъ въ 50-хъ годахъ, въ своихъ воспоминаніяхъ особенно отмѣчаетъ энтузіазмъ и краснорѣчіе Гая (Vienac, 1879 г. Književna pisma, № 11).

[58]) *Иванъ Кризманичъ* родился въ 1766 г. въ приходѣ Малый Таборъ. Онъ въ 40-хъ годахъ былъ инфулованнымъ аббатомъ въ Петро-Варадинѣ и настоятелемъ въ Быстрицѣ (Загребскаго комитата), въ церкви которой находится чудотворная икона Богородицы, весьма почитаемая окрестнымъ населеніемъ. Изъ его произведеній ничего не появилось въ печати, хотя онъ оставилъ много рукописей. Между прочимъ, онъ перевелъ прозою на хорватскій языкъ „Потерянный рай" Мильтона. Кризманичъ, раньше Гая, вмѣстѣ съ Николаемъ Зденчаемъ и графомъ Янкомъ Драшковичемъ, уже развивали тѣ мысли о народномъ возрожденіи, которыя послѣ проповѣдывалъ Гай. Въ Быстри-

цѣ у Кризманича Гай впервые развивалъ свои планы объ основаніи газеты. Тутъ были частыми гостями Драшковичъ, Вукотиновичъ, Кукулевичъ, Гай, Вразъ и др. Тутъ возникла мысль объ иллирской Матицѣ, тутъ же хорватскій композиторъ Лисинскій готовилъ свою первую оперу (Izabrane pjesme St. Vraza, предисловіе Марковича, стр. XII). Срезневскій посѣтилъ Быстрицу и Кризманича во время своего путешествія по Хорватіи въ 1841 г. (Живая Старина, 1893, вып. 1. стр. 34; вып. II, стр. 156). Между прочимъ, Срезневскій замѣчаетъ, что Кризманичъ глядѣлъ „на различіе между католичествомъ и православіемъ, какъ на мелочь, желая отъ души соединенія ихъ вольнаго, безъ всякихъ папъ". Въ *Даницѣ* за 1846 г. (№ 23) и 1847 г. (№ 27) помѣщены стихотворенія въ честь Кризманича; первое изъ нихъ написано Станкомъ Вразомъ (Děla St. Vraza. 1866, т. III, стр. 105). по случаю 80-лѣтія Кризманича; во второмъ изъ нихъ такъ опредѣляется значеніе Кризманича для современниковъ:

U njem živi uspomena davna,
I liepših i boljich vriemenah,
Iskrennosti i sloge horvatske.

25 мая 1848 г. подъ предсѣдательствомъ Кризманича въ Быстрицѣ состоялось засѣданіе духовенства Стубицкаго округа по вопросу о реформахъ въ положеніи и воспитаніи духовенства; на немъ, между прочимъ, было постановлено уничтожить безженство католическихъ священниковъ.—Кризманичъ умеръ 22 іюня 1852 г.

[59]) *Курелацъ.* Slova nad grobom Ljud. Gaja, стр. 5.

[60]) *Ткалацъ.* Jugenderinnerungen и т. д., стр. 248 sq.

[61]) Rad. LXXX, стр. 52.

[62]) Děla St. Vraz, т. V, стр. XVIII.

[63]) Вотъ это характерное начало Oglasza, т. е. обращенія къ будущимъ читателямъ, въ подлинникѣ съ соблюденіемъ ороографіи: Szvetloj y Prepostuvanoj Gozpodi vszakoga Ztalisha y Reda szlavnoga Naroda Szlavenskoga vu jusneh ztrankah, kakoti: Horvatom, Slavonczem, Dalmatinom, Dubrovnichanom, Szerblyem, Krajnczem, Stajerczem, Korushczem, Iztrianom, Boshnyakom, ter oztalem Szlovenczem, vszem zadnyich Roda nashega y Jezika Lyubitelyem y Zavetnikom lepo pozdravlenye!

[64]) Vienac, 1872, стр. 264 sq. Статья I. Z(ahara) о Гаѣ.

[65]) Гай разсказывалъ Кухачу, что это стихотвореніе онъ надумалъ въ саняхъ во время поѣздки зимою 1833 г. въ Самоборъ къ своему другу Ливадичу. Пріѣхавъ къ Ливадичу, Гай сейчасъ записалъ его, напѣвая при томъ мотивъ, слышанный имъ, когда онъ проѣзжалъ мимо крестьянскаго дома, гдѣ справлялась свадьба. Ливадичъ (собственно по фамиліи Виснеръ von Wiesenfeld) положилъ пѣ-

сню на фортепіано, по народной пѣснѣ Zora bieli, мотивы которой взяты изъ пѣсенъ, принесенныхъ Хорватами и Сербами, служившими въ войскѣ во время похода Наполеона въ Россію въ 1812 г. Во всякомъ случаѣ мотивъ этой пѣсни долгое время весьма популярный у Хорватовъ, чрезвычайно напоминаетъ мотивы извѣстной польской пѣсни времени польскаго возстанія 1831 г.

[66]) Интересно замѣтить, что даже Миклошичъ въ 1837 г. не хотѣлъ, по словамъ Враза, отказаться отъ богоричицы въ Словенщинѣ и принять систему Гая.—Děla St. Vraza, т. V, стр. 160.

ОТДѢЛЪ 2.

[1]) Kratka osnova Horvatsko-Slavenskoga Pravopisaňa, poleg mudrolubneh, naroduneh i prigospodarneh temelov i zrokov. Od L. G. Kurzer Entwurf einer kroatisch slavischen Orthographie nach philosophischen, razionälen und ökonomischen Grundsätzen von L. v. G.—Non quia difficilia sunt, non audemus; sed quia non audemus, difficilia sunt. Sanctus Augustinus. Vu Budimu. 1830.

[2]) Копитаръ. Grammatik der Slawischen Sprache in Krain, Kärnten und Stejermark. Lajbach, 1808, стр. XXVI sq.

[3]) Далматинскіе писатели нерѣдко слѣдовали итальянской графикѣ и обозначали эти звуки сочетаніемъ gl и gn.

[4]) Kratka Osnova и т. д., стр. 22.

[5]) Не принадлежитъ ли Бабукичу также стихотвореніе за подписью V. B. подъ названіемъ: Rodoljubi Slavjanski Josipu Jelačiću Banu, помѣщенные въ Danica, за 1848 г. № 46.

[6]) Danica, 1835 г., №№ 10, 11 и 12.

[7]) Danica, 1847, № 12, стр, 46.

[8]) Древняя и Новая Россія, за 1879 г., т. II, стр. 282 sq.

[9]) *Ягичъ*. Переписка Копитара съ Добровскимъ, предисл. XXI.

[10]) ibidem, стр. 87.

[11]) ibidem, стр. 110.

[12]) ibidem, стр. 80.

[13]) ibidem, стр. 42.

[14]) ibidem, стр. 81 и 156.

[15]) ibidem, стр. 80.

[16]) Institutiones, стр. XIX введенія: Jasыk, Bemenovo.

[17]) Письма и т. д., стр. 81, 163, 230, 278.

[18]) ibidem, стр. 361.

[19]) ibidem, стр. 83, 106, 93, 108.

[20]) *Францъ Бильцъ* (Bilic) род. въ 1784, въ Быстрицѣ, въ Нотранской области Крайны. Онъ зналъ многія славянскія нарѣчія и

особенно хорошо сербскій, чешскій и русскій языки. Умеръ въ 1824 г. Разбирая въ 1817 г. проектъ преобразованій алфавита, предложенный Бильцемъ, Метелко замѣчаетъ, что для Словенцевъ необходимо пополнить латиницу кириллицею, и что вскорѣ будетъ предложена улучшенная система алфавита. Онъ очевидно имѣлъ тогда уже въ виду дать такъ наз. метелчицу (см. *Марнъ*-Jezičnik, IX, стр. 10). О Бильцѣ упоминаетъ Примицъ въ своихъ письмахъ къ Воднику, сохранившихся въ Люблянскомъ архивѣ.

[21]) Forko. Crtice in Slavonske Književnosti u XVIII stoleću, въ Программѣ Реальнаго училища въ Осѣкѣ за 1884/5 г., стр. 75 sq.

[22]) Das die Rechtschreibung des P. Joachimus Stulli durch ein Dekret verändert werden, erfreuet mich destomehr, als wenn solches durch uns geschehen würde, писалъ Ланосовичъ Злобицкому (въ Архивѣ *Чешскаго Музея* въ рукописи).

[23]) *Марнъ.* Jezičnik IX--XI, стр. 9. Ср. Illyr. Blatt. Прибавл. № 22, 1833 г., стр. 2.

[24]) ibidem, вып. IX, стр. 11 и вып. XV, стр. 69.

[25]) Копитаръ послѣ 1820 г., т. е. послѣ засѣданій этой комиссій пересталъ напоминать Добровскому о преобразованіяхъ алфавита. (*Ягичъ.* Письма, XXXI). Можно предполагать, что онъ былъ доволенъ результатами коммиссіи.

[26]) Ср. *П. О. Бобровскій.* Мих. Кир. Бобровскій. Спбргъ, 1889 стр. 56.

[27]) Zora Dalmatinska, 1844, стр. 25 sq. и 171.

[28]) Письма Копитара и Добровскаго. Предисловіе Ягича, стр. XXXI.

[29]) Lehrgebäude der Slowenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen von Franz Seraph. Metelko. Laibach. 1825.

[30]) Jezičnik IX, 26. Письмо Добровскаго къ Метелкѣ отъ 12 августа 1826 г.

[31]) Lehrbuch der Windischen Sprache. Graz. 1824.

[32]) Сонетъ этотъ называется: Čerkarska pravda. Онъ начинается стихомъ: Al prav se piše kaша ali kaša.

[33]) Статья г. *Кошана:* Slowenischer ABC Streit mit besonderer Berücksichtigung des Dajnko'schen Alphabets въ Программѣ Марбургской гимназіи за 1890 г., стр. 5.—Въ 1825 г. Копитаръ писалъ Данькѣ: Carnioli tandem typos ipsi excogitarunt, mihi haud nimis probatos; sie lassen sich nicht flüssend schreiben und sind geschmacklos quoad formam. Tui longe melius.

[34]) Časopis Českého Muz. 1874, стр. 64. Письмо Шафарика къ Коллару отъ 1 марта 1826 г. Въ немъ Шафарикъ называетъ сочи-

неніе Геркля—hypermethaphysická motlanina. Тутъ же онъ говоритъ: „какое славянское нарѣчіе и какая славянская азбука будутъ всеславянскими, рѣшитъ уже только мечъ; потоки крови выроютъ знаки буквъ, — тамъ, гдѣ потечетъ ихъ больше, возникнутъ всеславянскія языкъ и азбука".

[35]) ibidem, стр. 297.

[36]) Подробности спора см. въ брошюрѣ Кошана: ABC Streit и т. д.

[37]) Cyrillisirung des Windischen Alphabetes — въ Carinthia за 1831 г., № 20. Жупанъ подписывался: Horatius.

[38]) *Мурко*. Theoretisch-praktische slovenische Grammatik für Deutschen. Wien. 1832. Въ 1833 г. онъ издалъ: Deutsch-slovenisches und slovenisch-deutsches Handwörterbuch въ двухъ томахъ.

[39]) *Антонъ Мурко* род. 8 іюня 1808 г. неподалеку отъ Марибора. Послѣ окончанія курса въ Мариборской гимназіи, онъ въ 1826 г. поступилъ въ Градецкій Университетъ по философскому факультету, а въ 1828 г., желая сдѣлаться медикомъ, переѣхалъ въ Вѣну. Однако недостатокъ средствъ заставилъ его вернуться въ Градецъ, гдѣ онъ сталъ слушать курсы юридическихъ наукъ. Не имѣя никакой возможности содержать себя, онъ поступилъ въ орденъ францисканцевъ и продолжалъ учиться, но не выдержалъ монашеской жизни и отказался отъ ордена. Тогда онъ сталъ прикащикомъ въ одной книжной лавкѣ въ Градцѣ и, по совѣту управляющаго этой торговлею, принялся за составленіе Словенской грамматики. Въ ту пору самъ Мурко почти не умѣлъ писать по словенски. Такъ какъ на словенскую грамматику былъ спросъ, то Мурко поспѣшилъ составить ее, при чемъ принялъ краинское нарѣчіе, а не штирійское, ему родное. Сдѣлалъ онъ это подъ вліяніемъ грамматики Копитара, съ которою тогда познакомился. Но эта его работа не облегчила его тяжелаго матеріальнаго положенія. Тогда онъ вступилъ въ духовную семинарію и въ 1835 г. получилъ священство. Ставъ въ 1843 г. докторомъ богословія, онъ былъ назначенъ профессоромъ семинаріи въ Мариборѣ. Въ 1840 г. онъ былъ гувернеромъ дѣтей губернатора Штиріи графа Вакенбурга. Тогда же онъ издалъ вторично свою грамматику, но уже новою ороографіею. Мурко путешествовалъ по Швейцаріи и Италіи. Онъ не могъ долго оставаться на приходахъ и лишь послѣднія 10 лѣтъ провелъ въ одномъ мѣстѣ. Умеръ 1 января 1872 г. (Zora, журн. выходившій въ Мариборѣ, за 1872 г.). Біографія и дѣятельность Мурко изложены также д-ромъ Паекомъ въ статьѣ: Dr. Anton Murko въ Letopis Matice Slovenske за 1880 г.

[40]) *Марнъ*. Jezičnik IX—XI, стр. 29. *Кошаръ*, ABC—Streit, стр. 6 sq.

[41]) Čas. Česk. Muz. за 1832 г., вып. IV, стр, 443, 454.

[42]) Carinthia, за 1832 г., № 20, 25, 32, 39.

[43]) Ausseordentliche Beilage zum Illyr. Blatte № 13, 14, 15 и 17.

[44]) ibidem, № 22.

[45]) ibidem, № 23.

[46]) ibidem, № 27.

[47]) Копитаръ тутъ поясняетъ это замѣчаніемъ, что beschnörkelte буквы (т. е. чешскіе съ діакритическими значками) вовсене красивы.

[48]) ibidem, стр. 111.

[49]) ibidem, стр. 108.

[50]) ibidem, стр. 5, № 30. Ausserordentliche Beilage zum Illyr. Blatte. 1833 г.

[51]) Игра словъ съ именемъ *Копитаръ* и kopitar—сапожникъ,—собственно: дѣлающій *колодки.*

[52]) Kres за 1886 г. Статья Шейнига: Donesek k abecedni vojski, стр. 361.

[53]) Стихотворенія Лукіана Мушицкаго. У Н. Саду, 1838—1848 г., т. IV, стр. 205—214. Ср. мою статью о Мушицкомъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1881 г. Августъ, стр. 258 sq.

[54]) Danica за 1835 г. № 31 и 32.

[55]) ibidem, № 50.

[56]) Вопросъ о смѣшеніи азбукъ латинской и кирилловской занималъ вниманіе однако и во время полной побѣды „гаевицы". Хорватъ, докторъ медицины Августиновичъ въ 1846 г. напечаталъ курсивомъ въ Вѣнѣ небольшую брошюру: Misli o ilirskom pravopisu, употребивъ особый алфавитъ своего измышленія. Въ ней онъ защищаетъ этимологическое правописаніе, которое, по его мнѣнію, можетъ сблизить всѣ славянскія нарѣчія, принимаетъ особыя начертанія для сербскихъ: љ, њ, ђ, ћ и р, такъ какъ онъ не одобрялъ „рогатыхъ" буквъ. Этимъ своимъ правописаніемъ, весьма неудобнымъ и имѣющимъ лишь значеніе курьеза, Августиновичъ напечаталъ нѣсколько брошюръ. Въ 60-хъ годахъ онъ издалъ въ Рѣкѣ брошюру: Na glas pismo—Антону Мажураничу, въ которой доказывалъ, что въ языкѣ господствуетъ „законъ гармоніи" и что благогласіе должно служить руководствомъ при выборѣ реченій и формъ слова.—О первой изъ этихъ брошюръ отозвался Станко Вразъ въ V вып. Kolo, стр. 89.

ОТДѢЛЪ 3.

[1]) Danica, 1835, № 17—21. Nima domorodztva prez lyubavi materinzkog' jezika. Статья Гая.

[2]) Danica, 1835, стр. 234 sq.

[3]) Этотъ образъ вѣроятно былъ заимствованъ Гаемъ у Коллара, онъ его лишь видоизмѣнилъ. Въ третьей пѣснѣ поэмы Slavy dcera, въ сонетѣ 7, поэтъ говоритъ, что если бы всѣ славянскія племена представляли различные металлы, то онъ изъ нихъ вылилъ бы статую: голова у нея была бы Россія, грудь—Поляки, плечи и руки—Чехи, Сербы—ноги, а остальныя меньшія племена, какъ Хорватовъ, Виндовъ, Лужичанъ, Силезцевъ, Словаковъ—онъ перелилъ бы въ одежды и украшенія статуи. (Spisy Jana Kollara, 1868 г., т. I, стр. 156).

[4]) Danica 1835 г., №№ 45, 46, 50; 1836 г. №№ 19, 24, 25, 32, 38, 40 — 48. Начиная съ 1837 г. народныя пѣсни появлялись въ *Даницѣ* значительно рѣже.

[5]) Ср. *Шафарикъ*. Geschichte der Illyrischen und Kroatischen Literatur, стр. 315. *Добровскій*. Slovanka, стр. 186—188.

[6]) Ср. напримѣръ, хорватскую оду въ честь бана Балаши, напечатанную въ 1785 г. въ Загребѣ.

[7]) Аппендини. Grammatica della lingua Illirica. Terzia edizione. Ragusa, 1838. См. Prefazione al colti amatori delle lingua.

[8]) Danica, 1835, стр. 126. Впослѣдствіи Бабукичъ развилъ эту мысль о происхожденіи глаголицы „изъ финикійскаго или еврейско-халдейскаго, т. е. семитскаго начала“ въ статьѣ, помѣщенной въ Programm des. K. K. Gymnaziums zu Agram въ 1859 г. подъ заглавіемъ: Mněnje o postanku glagoljskih pismenah.

[9]) Новине Сербске, 1820 г. №№ 91 и 92: Погледы на езыкъ и кньижество Илирическо.

[10]) ibidem, 1820 г., стр. 595 sq.

[11]) *Раичъ*. Исторія etc. Вѣна, 1794 г., II, 86.

[12]) Sveto pismo starog zakona Sixta V. P. naredbom prividjeno i Klementa VIII Pape vlastjom izdano, sada u jezik Slavno-Illyricski izgovora Bosanskog prinesheno, tad ss. Otacâ i naucsitelja tomacsenjem nakicheno. U Budimu. 1831.

[13]) Летопис Матице Српске, за 1879 г. вып. 120, стр. 23.

[14]) Danica, 1840, № 40, стр. 157.

[15]) Блейвейсъ, котораго Словенцы справедливо называютъ *отцемъ* новаго *словенскаго* литературнаго *языка*, общаго для всѣхъ странъ Словенскаго народа, описывая дѣятельность Равникара, говоритъ, что задача вѣнской коммиссіи 1820 г. была выработать общеславянскій алфавитъ, въ которомъ должны были соединиться всѣ Славяне (Novice, 1845, № 50).

[16]) Danica, 1836, № 27, стр. 108.

[17]) Впрочемъ, вѣроятно Бабукичу принадлежитъ статья о хорватской литературѣ, помѣщенная въ Лѣтописи Сербской Матицы за 1834 г., вып. 38.

[18]) Danica 1835, №№ 27, 29, 32.

[19]) Hrvatski Světozor 1877, № 35, статья Гомотарича о Штоосѣ.

[20]) Напр. Поповичъ Пав.—Danica 1836, № 8.

[21]) Стеичъ въ Dan. за 1836 г. Тироль—въ 1838 г. Dan. № 51

[22]) Станко Вразъ въ различныхъ мѣстахъ *Даницы.*

[23]) Напр. Кобе Юрій въ Dan. за 1840 г., № 9; 1841 № 5.

[24]) Отрывки изъ него помѣщены въ *Даницѣ* за 1836 г. № 18 и за 1839 г. №№ 10—15. Tko su bili stari Iliri.

[25]) *Jordan.* Jahrbücher für Slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft. 1845 г., стр. 382.

[26]) Ogledalo Iliriuma ili dogodovščina ilirah, slavinah, stražnji put Horvatah zvanih и т. д. U Zagrebu. 1839—1842 г.

[27]) *Рачкій.* Hrvatska historiografija 1835—1885. Rad, т. LXXX, стр. 254.

[28]) Ogledalo Iliriuma, вып. 3, стр. 62. Обращаясь къ Славянину, Швеаръ говоритъ: Gledaj indi, ako ljubav bratinsku imaš, da kad sve velike grane ovoga slavenskoga naroda (koi budući na 4 glavna narečja: ilirsko, rusko, česko i poljsko razděljen, i 4 različne literature imati mora) u jedan književni jezik više sjediniti ne možes, barem sve ilirske puke, to jest Horvate, Serblje, Slavonce, Dalmatine, Bošnjake, Štajerce, Cernogorce i t. d. u knjiženstvu medju sobom sdružiš: jerbo književnici sdružiti se mogu, ali toliki puci u govorenju nikada ne mogu. Ako gledaš na diku i slavu narodah ilirskih i panonskih, svi smo Slavini, jednake dike i slave. Ako na pokolěnje: koi more kazati,—moje pokolěnje jest horvatsko, a moje slavinsko, kada isti Horvati bili su Slavini? Može biti zato, da u sadašnjem ilirskom naraštaju osim glavnoga pokolěnja staro-ilirskoga i staro-panonskoga ima i gděšto vandalske, gotske, hunske, avarske i rimske kervi ljudih, jer su svi ovi narodi u različitih vremenih u Ilirii stanovali: ali ništa namanje svi ovi puci, premda morebiti někoji od drugoga jezika bili su, najposlě Slavini postali su, odkuda velikoća, množtvo i slava Slavjanah većma očituje se.

[29]) Въ 1835 г. Danica № 19 и 20 — перепечатана изъ черногорскаго календаря *Грлица* статья Милаковича о Черногоріи. Danica 1841 г., №№ 28—30—описаніе Босніи сдѣлано Юкичемъ и перепечатано описаніе Герцеговины изъ Сербо-Далматинскаго Магазина съ добавленіями Юкича. Danica за 1839 г., въ №№ 23—26 перепечатана изъ Сербо-Далматинскаго Магазина за 1838 г. статья Божидара Петрановича подъ заглавіемъ: Geografičko-statistički pregled Dalmacije и т. д.

Драгутинъ Селянъ помѣстилъ въ *Даницѣ* въ 1842 г. въ №№ 24—26: Značaj, hrabrost i načela starich dardanskich Ilirah, передѣ-

лавъ изъ Фесслера по Марку Аврелію, въ которой рисуется доблесть Дардановъ и въ 1843 г. № 16, Opis Rascie i Prištine.

[30]) *Селянъ.* Početak, naprědak i vrědnost Literature Ilirske. Въ Загребѣ, въ 1840 г.

[31]) Zemljopis pokrajinah ilirskih iliti Ogledalo zemlje, na kojoj pribiva narod ilirsko-slavjanski sa opisanjem berdah, potokah, gradovah i znatnih městah polag sadanjeg stališa, s kratkim dogodopisnim dodatkom i priloženim krajobrazom iliti mapom od Dragutina Seljana. Dio 1. (Pokrajine austriansko-ilirske). U Zagrebu. 1843.

[32]) Danica 1839, стр. 185 sqq.

[33]) ibidem, 1839, стр. 187.

[34]) ibidem. 1840, № 4.

[35]) Этотъ Proglas былъ перепечатанъ и приложенъ къ *Даницѣ* въ началѣ 1843 г.

[36]) *Селянъ.* Početak и т. д. стр. 61 sq.

[37]) Ilirske Narodne Novine, №№ 80, 81, 83 за 1842 г.

[38]) Въ Загребѣ чехъ Черный, содержатель кофейни, выставилъ карту Шафарика подъ стекломъ въ своей кофейнѣ. Многіе посѣтители интересовались ею и разсматривали, что́ дало поводъ Мадьярамъ поднять всюду жестокое гоненіе на эту карту, на которой неизображены Мадьяре, словно „они уже изгнаны изъ Европы". (Nar. Nov., 1842, № 83).

[39]) Напр. на домѣ Драшковича:

Nedaj da nam rěč i prava
Inostranca gazi noga,
Jer samo slobodnoga
Roda lěpo biti glava.

На домѣ Гая:

Zdravo, bane, zemlje naše glavo,
U novom tvom prebivališću,
Brani narod, čini samo pravo,
Drugo Iliri od tebe ne išću!

На домѣ г-жи Іокоповичъ нѣсколько надписей:

1) Sve za narod.
2) Ti za nas, a mi za te.
3) Peklo zradcům, nebe Slavům věrným.
4) Smiało do działa, prawdy hołdownicy.

Ilirske Narodne Novine 1842 г., № 86.

[40]) Ilirske Novine №№ 81 и 94 за 1842 г. и № 1 за 1843 г.

[41]) *Wachsmuth.* Gesch. d. Ill., стр. 90.

[42]) *Мих. Хорватъ.* Fünf und zw. Jahre etc. II, 106.

[43]) ibidem, II, 109.

[44]) Zimske misli перепечатаны Вукотиновичемъ въ его сборникѣ: Ruže i Tárnje.

[45]) Spomen-knjiga, стр. 93.

[46]) Narodne Novine № 6, 21 января 1843. Заявленіе Гая: Budući da je nj. veličanstvo u premilostivoj naměri, za ukloniti povod svim medjusobnim razpram, dostojalo upotrěbljenje imena ilirskoga u ovih novinah ukinuti: zato će one i danica u naprěd izlaziti pod ovako proměnjenim imenom. Svi dobromisleći domorodci sklanjaju se s tim većom podanostju i topliom zahvalnostju na ovu previšnju naredbu: čim s pouzdanostju previditi mogu, da će se s ukinutjem ovoga imena napokon sva razdražena serca umiriti, i da će svi sinovi domovine bez iznimke sve svoje sile obratiti na obrazovanje naše narodnosti i na sačuvanje konštitucie i municipalnih naših pravah; po čem moći će previšnja ova naredba pri slogi i bratinskoj ljubavi, koji se s time postići kani, ne inako, nego što najblagotvornie dělovati na razvitje naše sreće, za kojom svi pravi domorodci teže.

[47]) Novine Horvatsko-Slavonsko-Dalmatinske за 1844 г. № 20 отъ 9 марта. Эту новую перемѣну въ названіи газеты Гай объясняетъ въ особомъ заявленіи. Цѣль ея—прекратить всякіе толки, будто бы газета преслѣдуетъ политическія задачи объединенія Югославянъ въ Иллиризмѣ, и устранить всякій междоусобный раздоръ. Онъ говоритъ: Uklonivši ovako svaki najmanji i poslědnji povod sumnje i medjusobne razpre napredovat će izobražavanje našega jezika u čistom duhu bratinske ljubavi i sloge nanovo sjedinjenimi silami svih domorodacah bez razlike i zaprěke; i književstvo naše razvijat će se sve više i krepčie u svojem sada veće občenito tako od spisateljah, kako i od čitajućega občinstva obljubljenom, u klasičkoj starini knjigah utemeljenom, izverstnom pisanja načinu i pravopisu.

[48]) Danica, 1835, № 7: Domovini i njenim kcherjam, стихотвореніе за подписью: Jela Horvatica.

[49]) Эта брошюра переведена также на чешскій языкъ и издана въ 1845 г. въ Прагѣ подъ заглавіемъ: Starši dějepis a nejnovější literarni obnova národu ilirského.

[50]) *Кукулевичъ.* Arkiv, т. XII, стр. 105. Въ письмѣ Копитара къ Кристіановичу.

[51]) Какъ въ Загребѣ, такъ и во многихъ другихъ городахъ въ Хорватіи народный костюмъ (surka) и красная шапка (crvena kapa) входили въ большое употребленіе. Въ Danic'ѣ и Novin'ахъ были помѣщаемы отчеты о балахъ, концертахъ, вечерахъ и т. п., на которыхъ посѣтители были одѣты въ народные костюмы. Даже часть дворянства, увлеченная, быть можетъ, новизною и оригинальностью, наряжалась по народному. Въ Крижевцѣ въ 1840 г. на одномъ офи-

ціальномъ балѣ, хорватскіе аристократы, одѣтые въ *сурки*, водили народный танецъ — *коло*. (Ilir. Narod. Nov. 1842 г., № 91. Něsto o surkah).

[52]) Значеніе этого герба разъяснилъ Степанъ Млинаричъ въ *Новинахъ* въ 1842 г., № 85 и 86, при чемъ онъ пользовался рукописнымъ сочиненіемъ: Collectio Heraldica regnorum Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae и указываетъ хорватскіе дворянскіе роды, въ печати которыхъ имѣется этотъ гербъ.

[53]) Вукотиновичъ также помѣстилъ въ Иллирскихъ Новинахъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ объ иллиризмѣ: Pitanja ilirska (Il. Nar. Nov. за 1842 г., № 90). Основная мысль его статьи: держаться слѣдуетъ иллиризма потому, что онъ имѣетъ хорошіе принципы. Принципы эти составляютъ гражданскія доблести, угодныя Богу и королю. Онъ настойчиво говоритъ о вѣрности религіи и императору и любви къ отечеству, выражающейся особенно въ любви къ родному языку.

[54]) Spisy Jana Kollara, III, стр. 95.

[55]) Slovenske Pohlady. 1881 г., стр. 108 sqq. и 198 sqq.

[56]) *Deželić*. Dragušica. Spisi Zdravka Niemčića. U Zagrebu. 1865, стр. 203.

[57]) Первый нумеръ газеты Slavenski Jug вышелъ 6 августа 1848 г.

[58]) Branislav—вышло всего 13 листовъ (52 страницы). По словамъ самого Шулека, этотъ журналъ привозился въ Хорватію тайкомъ, благодаря содѣйствію капитана перваго парохода, начавшаго ходить по Савѣ. Капитанъ былъ вѣрнымъ сторонникомъ иллирской идеи и привозилъ Branislav изъ Бѣлграда.

[59]) *Dohnany*. Historia povstaňja Slovenskjeho z roku 1848. Svazok I. V Skalici. 1850, стр. 36, 106—107, 127—129.

[60]) О Богуславѣ Шулекѣ см. статью *Торбара* въ журн. Vienac за 1884 г., стр. 268 sqq. и *Deželić*. Dragušica, etc. стр. 199—216. Тутъ перепечатана статья, помѣщенная въ журн. Naše gore list въ 1861 г., №№ 18 и 19.

[61]) Šta naměravaju Iliri. U Biogradu. 1844. Брошюра издана анонимно. — Кстати замѣтимъ, что ее издало на свои средства „общество духовной молодежи", существовавшее въ Загребской Семинаріи. Семинаристы сдѣлали это тайно. (Hrvatski dom, IV, стр. 241, статья Гомотарича).

[62]) Шулекъ въ 1842 г. выступалъ съ полемическими статьями противъ мадьярскихъ газетъ въ *Иллирскихъ Народныхъ Новинахъ*. Въ одной изъ нихъ подъ заглавіемъ: Ilirizam i politika (№ 94, стр. 375 sq.) онъ объясняетъ, что подъ Иллиризмомъ нужно пони-

мать *только* единеніе всѣхъ Юго-славянъ въ языкѣ. Политическая сторона иллиризма заключается лишь въ томъ, что онъ побуждаетъ Хорватовъ заботиться о правахъ и развитіи Тріединаго королевства. При этомъ въ статьѣ самымъ сильнымъ образомъ выражается полная преданность Хорватовъ Австріи и ея императору, разрѣшившему Хорватамъ изданіе политической газеты.

[63]) Šta namĕravaju Iliri, стр. 58. „По свидѣтельству ученыхъ людей Мадьяре имѣютъ только до 4668 коренныхъ словъ (между ними 962 своихъ: 1898—славянскихъ, 701—греческое, 186—греческо-славянскихъ; 334—латинскихъ, 288—нѣмецкихъ, 268—итальянскихъ, 25—французскихъ и 4 еврейскихъ); а Хорватско-Славонско-Сербскій, т. е. иллирскій языкъ имѣетъ самъ болѣе 60,000 настоящихъ коренныхъ словъ!" Вообще мадьярскій языкъ, который, какъ извѣстно, заимствовалъ много словъ изъ нарѣчій тѣхъ Славянъ, которыхъ мадьяре застали при своемъ поселеніи въ Панноніи, считался въ эту пору простою смѣсью словъ, принятыхъ отовсюду. Въ 1834 г. вышла въ Вѣнѣ брошюра: Origo et formatio linguae Ugoricae-Ungaricae rectius Magiaricae dictae historice, philo- et Ethymologice ac Grammatice deducta, въ которой указаны цѣлые ряды словъ, заимствованныхъ Мадьярами у Славянъ. Этимологія тутъ, конечно, чисто произвольная. Авторъ старается доказать особенную близость мадьярскаго языка къ языку русскому, по его опредѣленію „Рутеновъ". Брошюра написана противъ стремленій мадьяризаціи. Авторъ находитъ и во внѣшнемъ видѣ мадьяръ сходство со Славянами, особенно съ русскими. При этомъ онъ разсказываетъ, что когда въ 1821 г. императоръ Александръ I посѣтилъ національный музей и библіотеку въ Пештѣ, онъ обратилъ вниманіе на портреты венгерскихъ вождей и магнатовъ, украшавшіе залы музея, и сказалъ по русски: „Это—настоящіе казацкіе гетманы". Эти слова приводятся въ брошюрѣ по русски.

[64]) Станко Вразъ написалъ стихотвореніе „Naš Živio" приблизительно около этого времени. (Děla Stanka Vraza, III, 215).

[65]) Narodne Novine 1844, № 19 и 20.

[66]) Подъ вліяніемъ Метелла Ожеговича, бывшаго однимъ изъ важныхъ чиновниковъ въ Вараждинѣ, въ 1838 г. собраніе вараждинской жупаніи постановило печатать свои постановленія и различныя правила „иллирскимъ правописаніемъ" и тогда же вышло первое оффиціальное изданіе по иллирски: Naredbe obćinske. Тогда же было рѣшено издать по иллирски книгу для чтенія для сельскихъ училищъ, а ея составителю даже назначена премія. Danica, 1838, № 21. Письмо Метелла Ожеговича.

[67]) Njekoji spisi iz javnoga političkoga djelovanja Metella baruna Ožegovića Belskoga i Barlabaševačkoga. Zagreb. 1877, стр. 22 sqq.

[68]) Nar. Nov. 1844, №№ 89, 90 и 91.

[69]) ibidem, 1845, № 57, стр. 234. Protivnici navode zatim, da mnogi Rusi u Zagreb dolaze, i da je i to uzrok, za što se oni u promicanju domorodne stvari s nami složiti ne mogu. Mi nismo nijednoga Rusa u Horvatsku domamili; a koji su ovamo došli, znala je za njih vlada naša; mi ich doduše nismo gostili i častili, mi dočekali smo ih onako, kao što uljudnost iziskuje; neznamo daklem, kakova je u tom opačina; to i protivnici naši već su mnoge inostrance pristojno dočekali, pak im to nijedan pametan čověk zamĕrijo nije; iz novinah je poznato, da su Magjari někog Csomu, Regulya u ruske deržave, a Jerneya u Moldaviu poslali, da im tamo jedinoplemenike i rodjake traže!—pak ovih u iztraživanju neumornih putnikah nije se Rusia i Moldavia ni malo poplašila, niti su vlade tamošnje njihova, barem u Rusii, bezkoristna iztraživanja prečila. A da smo mi svakoga, koji se je Horvatom, a ne Ilirom nazivao, progonili, to je prěsna laž; i dočim smo mi ilirsko ime samo u literarnom obziru primili, ostaje nam ime horvatsko nada svim drago i sveto.

ОТДѢЛЪ 4.

[1]) Časopis Česk. Muz. 1835 г., II, стр. 225.

[2]) Ost und West. 1838, № 17. Статья Шафарика перепечатана въ брошюрѣ Драшковича: Ein Wort etc. и въ книгѣ Селяна: Početak etc.

[3]) Копитаръ самъ относилъ къ себѣ это выраженіе Шафарика, см. Arkiv Кукулевича, XII, стр. 101, письмо Копитара къ Кристіановичу отъ 11 сент. 1838.

[4]) Самъ Шафарикъ придавалъ, видимо, особенное значеніе этой своей статьѣ и посылалъ ее нѣкоторымъ на славянскомъ югѣ. Словенецъ Ярникъ, имѣвшій съ нимъ сношеніе, получилъ ее отъ него. См. Letopis Matice Slovenske за 1877 г. въ письмѣ Ярника къ Вразу отъ 5 марта 1839 г.

[5]) Čas. Česk. Mus. 1837, стр. 155 sqq. Статья эта переведена въ Danic'ѣ за 1837 г., № 23.

[6]) Въ Nar. Novin. за 1849 г., № 102, Галацъ, одинъ изъ сотрудниковъ *Даницы* Гая съ 1841 г., въ полемической статьѣ противъ Шулека и его газеты Slavenski Jug, защищая Гая отъ нападокъ, утверждаетъ, будто бы Гай до тѣхъ поръ былъ 17 разъ въ Прагѣ.

[7]) Древняя и Новая Россія. 1879, т. II, стр. 278, статья Нила Попова о Гаѣ. См. также 6 отдѣлъ III главы этого труда.

[8]) Письма къ Погодину изъ Славянскихъ земель. Москва. 1879, стр. 273, 291, 375.

[9]) *Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. V, 221.

[10]) Čas. Česk. Muz. 1851, стр. 41—75, статья: O prospěšnosti všeobecného rozšíření latinského způsobu psaní v oboru jazyka slovanského.

[11]) Ср. статью Іордана въ Jahrbücher für Slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft. 1846, стр. 18—22,—объ общемъ славянскомъ алфавитѣ, въ которой онъ приходитъ къ выводу, что Славяне должны принять латиницу для общаго алфавита, потому что она легче, занимаетъ меньше мѣста, и что пишущіе кириллицею принуждены изучать латиницу для европейскихъ языковъ Іорданъ предлагалъ ввести изъ кириллицы ч и ь и много діакритическихъ знаковъ. Его азбука состоитъ изъ 53 или 58 буквъ.

[12]) Čas. Česk. Mus. 1874 г., стр. 53. Письмо Шафарика къ Коллару 14 февраля 1821 г.; 62, 63 стр.

[13]) Ср. отзывы о Мацѣевскомъ въ Hesychii Glossogr. за его мнѣніе о Православіи у Поляковъ, о Палацкомъ, Шафарикѣ и т. д.

[14]) *Барсуковъ*. Погодинъ, т V, ст. 228.

[15]) Сборникъ статей Отдѣленія Русскаго яз. и Слов. Импер. Акад. Наукъ, т. V, вып. 2. Переписка Востокова съ примѣчаніями Срезневскаго, стр. 372.

[16]) Копитаръ вообще не пользовался любовью за свой характеръ даже у своихъ земляковъ. Примицъ, добивавшійся каѳедры Словенскаго языка въ Градцѣ, такъ, между прочимъ, отзывается о Копитарѣ въ письмѣ къ Воднику (отъ 29 октября 1811 г.): Kopitar's Hochmuth und Eigennsinn ist unerhört und abschreckend; keiner thut ihm genug, und Niemand hat den wahren slawischen Geist, als er allein: wehe der Slawischen Literatur, wenn sie so unhumane Coryphäen emporbringen sollen? pa sej nizh ne rezhem. Въ письмѣ отъ 15 марта 1812 г., получивъ каѳедру, Примицъ писалъ Воднику, убѣждая его скорѣе издать составленный имъ Словенскій словарь: jetzt, glaube ich, wäre die schicklichste Gelegenheit die Slovenität ein wenig in die Höhe bringen: Sie, unser Vodia, in Emona, Kopitar (ko bi le tak butez ne bil!) v Bezhi, in centro Slavitatis, jes pa v Némshkim Gradzi, — es wird, es muss gehen. Ko bi vrag bil! (письма эти находятся въ Люблянскомъ архивѣ).

[17]) *Кукулевичъ*. Arkiv, XII, стр. 102.

[18]) *Кристіановичъ*. Gramm. d. Kroat. Spr. стр. XII, 232 sqq.

[19]) Arkiv, XII, стр. 96 и 105.

[20]) Der oberflächliche Geck vom Schöngeist S***. Arkiv Кукулевича, XII, стр. 96.

[21]) Arkiv, XII, стр. 103. Ludovid nunc est Pragae apud Lutherum suum, novos vires quaerens ad resistendum tibi.

[22]) ibidem, стр. 101.

[23]) ibidem, стр. 99 и 106, 104, 108.

[24]) Arkiv, XII, стр. 109.

[25]) ibidem, стр. 107.

[26]) Hesychii Glossographi discipulus etc. Vindobonae. 1839, стр. 59 sqq.

[27]) Dein, si aliena lingua discenda est Zagrabiensibus et quos Vandalos vocant aliisque, cur potius *ragusinam* praeferant sive *germanicae* infinita litteratura florenti, sive vicinae *hungaricae* similem florem speranti, et jam nunc certissima commoda politica offerenti? см. Hesychii gloss. etc. 60 стр.

[28]) Эти „Новине" были основаны Өедоромъ Павловичемъ въ 1837 г. подъ названіемъ *Србске Народне Новине,* какъ прибавленіе къ литературному изданію: *Србскій Народный Листъ.* Цѣль изданія была борьба съ Иллиризмомъ Людевита Гая. Интересно то, что главный инспекторъ сербскихъ школъ Джурковичъ нашелъ, что это именованіе (*Сербскій*) направлено противъ Мадьяръ и подалъ жалобу придворной канцеляріи на Павловича и Іована Витковича, извѣстнаго сербскаго писателя и Мадьярскаго поэта, бывшаго тогда цензоромъ, обвиняя изданіе въ сепаратистскихъ стремленіяхъ и желаніи посѣять среди Сербовъ ненависть къ Мадьярамъ. Въ своей австрійской ревности сербъ Джурковичъ шелъ такъ далеко, что утверждалъ, будто въ Венгріи нѣтъ Сербовъ, и что слѣдовательно не можетъ быть *Сербскихъ* Народныхъ Новинъ, и требовалъ исключить слово *Сербскій.* Жалоба эта тогда не имѣла послѣдствій, благодаря заступничеству палатина эрцгерцога Іосифа, лично знавшаго Витковича. (Летоп. Матице Српске, 159 вып., за 1889 г., стр. 46). Но въ 1842 году найдено было излишнимъ слово *Сербскій,* и лишь черезъ годъ было разрѣшено прежнее именованіе (см. Константинъ *Пейчичъ.* Житіе Теодора Павловича. Новый Садъ. 1857 г., стр. 68).

[29]) Письма Добровскаго къ Копитару, стр. 410.

[30]) Между немногими подобными изданіями на Хорватскомъ провинціальномъ нарѣчіи и старой ороографіей отмѣтимъ сатирическое стихотвореніе противъ Иллиризма и Иллировъ, вышедшее въ 1845 г. въ Іенѣ: Ivana Sternea, Szerdchike szvem pravem domorodaczom.

[31]) Къ народному языку, особенно въ городахъ, въ Далматіи относились съ полнымъ презрѣніемъ и всюду говорили только по итальянски. Одинъ изъ далматинскихъ патріотовъ въ 1839 г. писалъ изъ Шибеника въ *Даницу:* „Нынѣ тотъ старый иллирскій отечественный языкъ изгнанъ изъ всѣхъ болѣе зажиточныхъ городскихъ домовъ въ нашемъ отечествѣ, а на его мѣсто припятъ итальянскій. Все народное презирается, чужое принимается съ восторгомъ". Итальянцы искусно привлекаютъ къ себѣ „Иллировъ" и многія иллирскія семьи отреклись уже отъ своей народности. Духовенство мало заботится о про-

свѣщеніи народа и пробужденіи въ немъ народнаго самосознанія. (Danica, 1839 г., № 3, статья С. Поповича).

[32]) . Danica, 1839, стр. 26 sqq.

[33]) Напр. въ Danic'ѣ за 1841 г., №№ 11, 12, 13, въ статьѣ Jezikoslovje Ilirsko-Dalmatinsko.

[34]) *Божидаръ-Петрановичъ* род. 18 февраля 1809 г. въ Шибеникѣ, въ Далматіи. Учился онъ сначала въ родномъ городѣ, а затѣмъ какъ православный въ Карловцахъ, въ Сремѣ, въ гимназіи. Послѣ онъ проходилъ философскія науки въ Градцѣ и юридическія въ Вѣнскомъ университетѣ и въ Падуѣ, гдѣ въ 1833 г. получилъ степень доктора юридическихъ наукъ. Свою литературную дѣятельность онъ началъ въ 1832 г., напечатавъ на итальянскомъ языкѣ критическій разборъ сочиненія каноника Петра Станковича о Тріестѣ. Вернувшись въ Далматію, онъ въ 1836 г. основалъ сборникъ: „Любитель просвѣщенія—Сербскій далматинскій альманахъ", послѣ перемѣнившій свое названіе на „Магазинъ". Въ этомъ изданіи, дававшемъ по небольшой книгѣ ежегодно, Петрановичъ знакомилъ читателей съ исторіей дубровницкой и сербской литературы. Онъ велъ это изданіе въ теченіе шести лѣтъ и передалъ его Георгію Николаевичу, нынѣшнему боснійскому митрополиту. Петровичъ принималъ участіе и въ событіяхъ, сопровождавшихъ движеніе 1848 г. Такъ, онъ былъ членомъ коммиссіи, назначенной въ Вѣнѣ въ 1849 г. для выработки юридической терминологіи на славянскихъ языкахъ. Въ этой коммиссіи принимали участіе: Караджичъ, Иванъ Мажураничъ, Стефанъ Царъ, Дмитрій Деметеръ — со стороны Сербовъ и Хорватовъ, Миклошичъ, Матія Доленцъ и Матія Цигале — со стороны Словенцевъ. Въ 1858 г. Петрановичъ издалъ въ Новомъ Садѣ первый выпускъ своей исторіи всеобщей литературы, а въ 1867 г. въ Задрѣ изслѣдованіе о Богомилахъ. Въ 1862 г. онъ основалъ въ Задрѣ „Далматинскую Матицу", по образцу Сербской въ Новомъ Садѣ и Иллирской въ Загребѣ. Въ своихъ взглядахъ на отношенія Сербовъ и Хорватовъ, Петрановичъ держался „иллирской идеи" и проповѣдывалъ единство и сближеніе. Умеръ 12 сентября 1874 г. въ Венеціи. (Rad. XXX, статья Рачкаго, стр. 179 sqq).

[35]) Danica, 1839, стр. 28.

[36]) Сербско-Далматинскій магазинъ, 1844, стр. 108.

[37]) Напр. Описаніе Далматіи въ Danic'ѣ за 1839 г., №№ 23—26, перепечатано изъ Сербско-Далматинскаго Магазина за 1838 г.

[38]) Danica, 1841, № 25; 1842, № 10.

[39]) *Анна Видовичъ* была родомъ изъ Шибеника. Отецъ ея, Николай Вусія, былъ капитаномъ въ Наполеоновской арміи и затѣмъ австрійскимъ офицеромъ. Она вышла замужъ за Видовича и жила

на островѣ Пагѣ. Видовичъ писала и издавала также немало стихотвореній по итальянски. Одно изъ нихъ: Romolo, ossia la Fondazione di Roma—въ 18 пѣсняхъ. Родилась въ 1800 г., умерла 12 сентября 1879 г. (см. Slava preporoditeljem, Загребъ, 1885 г).

40) Danica, 1843, № 29.

41) ibidem, № 33.

42) Narodne Novine за 1843 г., № 69.

43) Zora Dalmatinska, 1844 г., стр. 97; стр. 131, 154.

44) Danica, 1844, № 11.

Mi smo várta dva, z koje cvěče
  Nose bratja Hárvat, Dalmatinac;
Dolnji s njima i gornji Slovinac,
  Věnac bolje da si spletu srěće.
Slavska uvěk nek nam majka bude
  Hram, u kojeg snašat ćemo krilo,
Sve što je dobro, pravo, lěpo i milo,
  Dobri nek nas hvale,—a zli kude.

45) Zora Dalm. 1844, № 22.

46) Этою ороографіею Рукавина издалъ въ Тріестѣ въ 1843 и 1844 г. два выпуска переводовъ драматическихъ піесъ.

47) Zora Dalm., 1844, стр. 102.

48) Напр. Zora Dalm., 1845, № 1 и 2 объ Игнатіи Джорджичѣ.

49) Статья Марковича о Пуцичѣ, стр. 6, изъ Rad LXVI.

50) Zora Dalm., 1845, № 6.

51) Zora Dalmatinska, № 46, за 1845 г. стихотвореніе Ивана Филипповича: Děvojkam i gospojam slovinskim, въ которомъ онъ, подобно Драшковичу, убѣждаетъ далматинокъ перестать говорить на чужихъ языкахъ и употреблять отечественный.

52) См. Danica за 1845 г., № 52, статья Бабукича.

53) Zora Dalm., 1845, №№ 26, 33, 34, 43 и 1846, №№ 1, 5,-6. Кукулевичъ издалъ въ первый разъ Iskrice въ 1844 г. въ Загребѣ.

54) *Симеонъ* или „Шиме“ *Старчевичъ* родился 18 марта 1784 г. въ селѣ Пазарищѣ у св. Маріи въ хорватской Крайнѣ. Окончивъ первоначальное училище на родинѣ, онъ отправился сначала въ Вараждинъ, а затѣмъ въ Загребъ, гдѣ окончилъ курсъ архигимназіи, и затѣмъ нѣкоторое время учился философіи въ Градцѣ. Вернувшись на родину, онъ поступилъ въ духовную семинарію въ Сеньѣ. Принявъ священство, онъ вскорѣ былъ назначенъ помощникомъ настоятеля въ Госпичѣ, а затѣмъ во время занятія Французами Далматіи, былъ настоятелемъ сначала въ Госпичѣ и послѣ въ Новомъ. Вскорѣ маршалъ Мармонъ замѣтилъ его между мѣстнымъ духовенствомъ, такъ какъ онъ зналъ довольно хорошо по французски, и назначилъ редакторомъ

тогда основанной [illegible] кой области. Но въ [illegible] ер-нулся въ родные [illegible], а затѣмъ въ 1814 г. въ Карлобагѣ (между Рѣкою и Сеньемъ), гдѣ и былъ мѣстнымъ настоятелемъ въ теченіе 45 лѣтъ до своей кончины 26 мая 1859 г. (Загребскій Katolički List, 1859 г., № 21, стр. 166). Лишь нѣкоторые труды Старчевича напечатаны. Главнѣйшіе изъ нихъ —двѣ грамматики, изданныя въ 1812 г. въ Тріестѣ для военныхъ школъ во время господства Французовъ: 1) Nova Ricsoslovnica iliricsko vojnicskoj mladosti krajicsnoj и т. д. (см. примѣчаніе 1 къ главѣ II). 2) Muzin. Nova Ricsoslovnica iliricsko-francezka prineshena po Shimi Starchevichu xupniku od Novoga u Lici na potribuvanje vojnicske mladosti iliricskich darxavah. Остальные печатные труды Старчевича см. въ Bibliografia Кукулевича, № 1769—1775. Кромѣ того многія его произведенія остались въ рукописи. Онъ упоминаетъ о нихъ въ *Zor*'ѣ Далматинской въ 1846 г. Нѣкоторые перечислены въ газетѣ Katolički List 1859, № 21. Между прочими упоминается: Mali spis o duhu vremene našega—1848 года.

[55]) Danica, 1847, №№ 24, 25, 26. Lěpomudrost, —статья Ковачевича изъ Сплѣта, прежде принимавшаго участіе въ *Зорѣ Далматинской.*

[56]) Danica, 1847 г., № 12, статья Деметра: Priateljem jugoslavenske sloge i prosvěte.

[57]) Kolo IV. 1847, стр. 85 sqq. статья: Naš pravopis i Zora dalmatinska. Она перепечатана въ V томѣ собранія сочиненій Враза (стр. 108 sq).

[58]) Впослѣдствіи Антонъ Кузманичъ измѣнилъ однако свой взглядъ на отношеніе Далматіи къ Хорватамъ. Въ 1861 г. онъ издалъ въ Сплѣтѣ брошюру: „Poslanica Dalmatincam" въ отвѣтъ на подобную же брошюру Томазео. Томазео, этотъ даровитый болѣе итальянскій, чѣмъ далматинскій писатель, проводилъ въ ней мысль, что Далматія должна развиваться отдѣльно отъ Хорватіи по ту сторону Велебита. Кузманичъ, издававшій нѣсколько журналовъ: Zora Dalmatinska, Lipa Slavjanska, Glasnik Dalmatinski, Pravdonoša, рѣшительно протестовалъ противъ итальяноманіи, господствовавшей въ Далматіи. Тутъ онъ, между прочимъ, такъ объясняетъ свое прежнее отношеніе къ Хорватамъ: „Лишь по неволѣ я своей *Зорѣ* и *Гласнику* придалъ опредѣленіе *Далматинскій,* которое крѣпко засѣло въ головахъ нѣкоторыхъ нашихъ писателей; сначала мнѣ не позволено было даже писать: хорватскій вмѣсто иллирскій. Иные полагаютъ, что нашъ языкъ называется иллирскимъ, но я нигдѣ этого не слышалъ (въ народѣ), и когда бы сказали, что онъ далматинскій, то тоже бы ошиб-

лись, ибо я доказалъ, что мы не Далматинцы въ итальянскомъ смыслѣ". Кузманичъ утверждаетъ, что Далматинцы—Хорваты. „Этотъ нашъ народъ по Далматіи, кромѣ Дубровника и Котора, которые принадлежатъ сербскому народу, по своему происхожденію несомнѣнно хорватскій; а если бы кто съ этимъ не согласился, тотъ пусть знаетъ, что онъ не итальянскій, и пусть его называетъ: Словинскій, Славянскій, Сербскій,—все равно; для меня достаточно своего славянства" (Poslanica, стр. 40). Кузманичъ держался мысли о соединеніи во всѣхъ отношеніяхъ Далматіи съ Хорватіей и Славоніей.

[59]) Danica, 1848 г., № 21, Domovini mojoj.

[60]) Банъ издалъ три тома этого альманаха за 1849, 50 и 51 г.

[61]) Сербско-хорватскій писатель Дм. Тироль предполагалъ, что Петръ Великій преобразовалъ алфавитъ и создалъ *гражданку*, познакомившись съ „гражданскими сербскими буквами", какъ онъ называлъ боснійскую *буквицу*. (Одесскій Вѣстникъ за 1841 г., № 27 и 28; перепечатано въ Лѣтописи Сербской за 1841 г., вып. 1, стр. 120 sqq.).

[62]) Bosanski prijatelj. 1850 г., вып. I, статья Юкича: Književnost bosanska.

[63]) *Wachsmuth*. Gesch. d. Illyr., стр. 175.

[64]) Bosanski prijatelj, т. I, предисловіе.

[65]) Danica, 1841, №№ 28—32.

[66]) ibidem, 1842, №№ 12 и 13.

[67]) Bosanski prijatel, вып. I, стр. 33—127; вып. II, стр. 90—199.

[68]) ibidem, II, 87.

Иванъ (принявшій имя Франца при поступленіи въ орденъ францисканцевъ) *Юкичъ* родился въ 1818 г. въ Баньей Лукѣ въ турецкой хорватской Крайнѣ. Отецъ его былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Родители отдали его въ ученіе въ монастырь Фойницу, предназначая его во священники. Въ орденъ францисканцевъ онъ былъ принятъ въ 1833 г. Какъ лучшій ученикъ, онъ былъ посланъ для окончанія образованія въ Австрію и учился въ Загребѣ какъ разъ въ ту пору, когда развивался иллиризмъ. Въ 1841 г. онъ возвратился на родину, но вскорѣ поселился въ Дубровникѣ, гдѣ познакомился съ старо-далматинскою и дубровницкою литературою. Возвратившись затѣмъ на родину, онъ сталъ заботиться объ учрежденіи народныхъ школъ въ Босніи и основалъ училище въ Варцарѣ, гдѣ и былъ долгое время учителемъ. Юкичъ собиралъ много лѣтъ народныя пѣсни, пословицы, поговорки и т. д. Юрковичъ, редакторъ 3-го выпуска „Bosanski prijatelj", изданнаго Иллирскою Матицею, говоритъ, что Юкичъ составилъ библіографію хорватскихъ книгъ, вошедшую въ извѣстную книгу Bibliografia Hrvatska Кукулевича. Кромѣ того онъ издалъ безъ подписи, принявъ псевдонимъ Slavoljub: Zemljopis i po-

viestnica Bosne (Загребъ, 1851 г.). Одно время онъ пользовался расположеніемъ укротителя Босніи Омеръ-Паши, которому онъ посвятилъ второй выпускъ „Боснійскаго пріятеля“. Въ 1851 г. Омеръ-Паша (собств. Михаилъ Латасъ, австрійскій Сербъ, родомъ изъ Огулина) посылалъ Фазли-Пашу Шерифовича вмѣстѣ съ Юкичемъ къ бану Елачичу по боснійскимъ дѣламъ, но въ 1852 г. Юкичъ былъ арестованъ и посланъ въ Царьградъ, гдѣ его заперли въ тюрьму. Послѣ своего освобожденія онъ побывалъ въ Римѣ и жилъ въ Дьяковѣ у епископа Штроссмайера, оказывавшаго ему покровительство. Умеръ Юкичъ въ Вѣнѣ 20 мая 1857 года.

[69]) Францисканецъ *Григ Мартичъ* учился въ Хорватіи, готовясь во священники въ Боснію. Онъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній въ Даницѣ; въ одномъ изъ нихъ (1842, № 37) онъ воздаетъ благодарность генералу графу Нудженту за его распоряженія о помощи боснякамъ. Мартичъ живетъ и нынѣ и пользуется извѣстностью, какъ стихотворецъ, весьма плодовитый, складывающій стихотворенія на народный ладъ. Онъ подписывалъ свои произведенія псевдонимомъ: Ljubomir Hercegovac.

[70]) Narodne piesme bosanske i hercegovačke skupio Ivan Franjo Jukić i Ljubomir Hercegovac (Fr. Gr. Martic), izdao o. Filip Kunić. Svezak pérvi. Piesme junačke. U Osieku. 1858.

[71]) *Мартинъ Недичъ* родился 1 апрѣля 1810 г. въ крестьянской семьѣ въ Посавинѣ въ Босніи. Мѣстный священникъ взялъ мальчика къ себѣ, научилъ его читать и писать и послалъ учиться въ Сутьескій монастырь къ францисканцамъ. Въ 1825 г. его одѣли, какъ францисканца, и дали ему имя Мартина (звался же онъ Иво). Затѣмъ учился онъ въ Субботицѣ и другихъ городахъ въ Славоніи и окончилъ курсъ въ Вацѣ, гдѣ живя среди Мадьяръ, научился хорошо по мадьярски. Тутъ онъ познакомился съ иллирскимъ движеніемъ, тогда начинавшимся. Подъ вліяніемъ споровъ съ мадьярами онъ написалъ: Razgovor, koga su imale vile ilirkinje, описывая страданія боснійской райи. Такъ какъ цензура ни въ Будимѣ, ни въ Осѣкѣ не разрѣшила печатать этого стихотворенія, то онъ послалъ его Гаю, который и напечаталъ его въ Карловцѣ въ 1835 г. Такъ какъ Недичъ, какъ священникъ францисканскаго ордена, готовился къ дѣятельности въ Босніи, гдѣ патеры принимали участіе въ меджлисѣ, то онъ долженъ былъ научиться по турецки. Для этой цѣли онъ былъ посланъ къ Маріану Шуничу въ Фойницу учиться „восточнымъ языкамъ“. Онъ сблизился съ Шуничемъ и имѣлъ случай дѣлать большія поѣздки по Герцеговинѣ и Босніи, хорошо ознакомился съ нравами, обычаями и положеніемъ народа. Въ это время апостольскій викарій Барашичъ, желая уменьшить вліяніе францисканцевъ

на народъ, сталъ ихъ преслѣдовать, и пользовался въ этомъ отношеніи поддержкою въ Римѣ въ учрежденіи de Propaganda fide. Тогда францисканцы, по совѣту боснійскаго визиря, послали тайно двухъ сочленовъ своего ордена Недича и Караула въ Царьградъ съ жалобами на Барашича. Чрезъ Бѣлградъ, гдѣ они представлялись сильному тогда Стояну Симичу, они добрались до Царьграда и добились фирмана у Порты. Разсказываютъ, что изъ Рима дано было приказаніе захватить ихъ по пути, посадить на корабль и отправить въ Америку. Возвратившись верхомъ изъ Царьграда въ Боснію, они передали фирманъ визирю, и Барашичъ скоро былъ удаленъ съ мѣста апостольскаго викарія. Образованіе и школы въ Босніи въ то время были исключительно въ рукахъ францисканцевъ. Обыкновенно клириковъ посылали учиться въ Австрію и Италію, но вслѣдствіе настояній Барашича въ 1841 г. пропаганда издала декретъ, запретивъ францисканцамъ посылать молодежь учиться внѣ Босніи. По стараніямъ Недича, епископъ Штроссмайеръ въ началѣ 50-хъ годовъ сталъ однако принимать въ свою семинарію въ Дьяковѣ молодыхъ францисканцевъ. Шуничъ и Недичъ хлопотали объ этомъ и въ Вѣнѣ и были приняты въ аудіенціи императоромъ. Въ Вѣнѣ Недичъ познакомился съ Караджичемъ и Миклошичемъ.

Стихотворенія Недича близки по своему складу къ народнымъ. Въ *Даницѣ* онъ писалъ подъ именемъ Slavoljuba Otačbinovića и Žalovana. Впослѣдствіи онъ напечаталъ немало эпическихъ поэмъ. Въ 1851 г. Кукулевичъ издалъ въ Царьградѣ (?): Pokret godine 1848—1849. Narodna spevanja od Žalovana i njegova brata Bošnjaka. U Carigradu, 1851. Этимъ „*Бошнякомъ*“ былъ Шуничъ, впослѣдствіи епископъ Босніи. (Vienac, 1885, №№ 28 и 29).

[72]) Напр. Danica, 1835, №№ 19 и 20. Описаніе Черногоріи изъ календаря *Грлица* (Цетинье), №№ 28 и 29—Черногорцы по Булгарину; 1843 г., №№ 16, 17, 18—о Черногоріи по книгѣ Щтиглица, описавшаго свое путешествіе въ Черногорію; № 40—Pomirenje u Cárnoj Gori изъ „Скоротечи“, при чемъ *Даница* хвалитъ владыку Петра II за его заботу объ уничтоженіи обычая кровавой мести; 1845, №№ 8, 9, 10, 11—Описаніе черногорцевъ; 1843, № 48—Staniša Sičivica, — черта изъ жизни Черногорцевъ, разсказъ, характеризующій отвагу и ловкость черногорцевъ, и мн. др.

[73]) Књиге Љубомира П. Ненадовића. Београд. 1882, IV, 84. Dela St. Vraza, V, стр. XXIV.

[74]) *Лавровъ П. А.* Петръ II Петровичъ Нѣгошъ. Москва, 1887, стр. 193, 397, 405.

[75]) Rad. LXII, стр. 197, статья Шулека о Блейвейсѣ.

[76]) ibidem, стр. 220.

[77]) Kres, 1883, стр. 214. Кочеваръ, подобно Иллирамъ, перемѣнилъ свое имя Стефана на славянское Круноолавъ. Вообще эти переименованія были обычны. Такъ всѣ Карлы стали Драгутинами, Людовики—Людевитами и т. д.

[78]) Vienac, 1883 г. ст. M. Š. o Кочеварѣ.

[79]) Вотъ этотъ отзывъ Кочевара: Bože daj, da biste (Вразъ и Миклошичъ) uviek takvi ostali. Za tebe se i za Dominkuša ne bojim: ne daj bože, te bi nas Miklošić napustio. On će našoj slavi i knjizi namaknuti mnogo znatnih stvari, bude li samo htio. Za Miklošića se sve bojim, da će ga želja časti od slovenstva odbiti. Nikada se ne će u Niemaca dostati one časti, koja ga čeka u Slovenaca. Ako je sa svoga znanja na glasu, nesmije zaboravljati slovenstva. (Vienac, за 1883 г., стр. 163).

[80]) Letopis Matice Slovenske, 1875. Literarna zapuščina doktorja Franceta Prešerna. стр. 153.

[81]) Вразъ. Děla V, 183 стр., письмо Кочевару 15 января 1838 г. Вразъ пишетъ, что Далматинцы называютъ подобно Словенцамъ свой языкъ словенскимъ. Онъ находитъ у дубровницкихъ писателей тоже „провинціализмы", которые господствуютъ въ словенскомъ языкѣ. „Но понятно, что наше нарѣчіе не такъ чисто и богато, какъ дубровницкое"....

[82]) Letop. Mat. Slav. 1875, стр. 162.

[83]) Děla St. Vraza, т. V, стр. 129, 132 и др.

[84]) ibidem, 430.

[85]) Letopis Mat. Slov. 1877, стр. 162. Письмо Прешерна Вразу 19 іюня 1838 года.

[86]) Jezičnik Марна, XVI, стр. 5.

[87]) Děla—Враза, V, 192.

[88]) Let. Mat. Slov. 1877, стр. 163 sqq.

[89]) Вразъ указывалъ въ своихъ письмахъ на то, что самое печатаніе и изданіе книгъ невозможно у малочисленнаго народа, ибо онѣ не находятъ достаточнаго числа покупателей. Интересно замѣтить, что сборникъ стихотвореній популярнѣйшаго въ ту пору поэта Прешерна, изданный имъ въ 1842 г., разошелся до кончины Прешерна (въ 1849 г.) только въ 300 экз. (см. Rad. LXII, стр. 218).

[90]) Вразъ—Děla, т. V, стр. 224 и 255.

[91]) Стихотворенія Прешерна въ изд. Юрчича и Штритара 1866 г., стр. 139.

Od drugih mánjši in češčen menj rod je slovenski,
Lakota slave, blaga, vleče pisarja drugam.
Victrix causa Diis placuit, sed victa Catoni;
Stanko Slovencev vskok, Vraz si narobé Katon.

[92]) Jezičnik Марна, IX—XI, стр. 55,

93) Novice, № 1, 1843 г. 5 Maliga Serpana. Skerbno si sheli vsakktiri krajnez posnati svojo krajnsko deshelo, se issnaniti s imenitnimi rojaki, ino svediti imenitne prigodke svoih sprednikov. Te shelje spolniti bo posebna skerb nasha. — Is tega sapopadka je lahko sposnati namen, zilj in konz teh noviz, namrezh poduk in napeljevanje kmetarzov in obertnikov ali rokodelzov si svoj stan kolikor je mogozhe zboljshati; ne pa dobizhke s njimi iskati, pa tudi ne samo krajnshine uzhiti, ali krajnski jezik zhistiti. V pomankanji krajnskich besedi si bomo enako Rimzam, Nemzam, tudi Zheham, Rusam, Poljakam ptuje besede sposodili.

94) Slovenske Večernice, вып. 35, ст. проф. Левца о Блейвейсѣ.

95) Od vezh strani in is vsih krajev, kjer se nashe „Novize" beró, nam iskrene sheljé in krepke opominjevanja doné, de bi mi vezh sostavkov v „Novizah" s ilirskim pravopisom pisali, kteriga nekteri tudi obzhno—Slavjanskiga imenovati sazhenjajo; ker se med Slavjani, ki s latinskimi zherkami pishejo, od dne do dne bolj rassirja in ako se ga ravno sedaj she vsi ne slushijo, ga vunder vsi isobrasheni posnajo. „Novice" № 17 отъ 24 апрѣля 1844, стр. 67.

96) Въ концѣ 1845 года Блейвейсъ писалъ въ *Новицахъ*: Z radostjo in ponosam moremo reči, de so vsi slavni slovenski pisatelji tudi pisatelji Novic, in de nar bolj sloveči med njimi so jeli sploh pisati v občnim (Gajevim) pravopisu.

97) Slovenske Večernice, вып. 35, 1880 г., стр. 8.

98) Ср. *И. С. Аксаковъ*.—Письма, т. III, стр. 117.

99) Урбанъ Ярникъ, скрываясь подъ псевдонимомъ: „Братолюбъ" или „Любомиръ Долинскій", „иллиръ изъ Хорутаніи", писалъ въ 1838 г. въ *Даницѣ* о нѣкоторыхъ особенностяхъ словенскаго нарѣчія, предполагая, что онѣ могутъ быть приняты въ общеиллирскій языкъ (Danica, 1837, №№ 9, 10, 11). Онъ беретъ для своихъ статей выраженіе св. Августина: in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus charitas, предполагая возможность выработать эклектизмомъ формы общаго языка. Въ 1838 г. онъ въ *Даницѣ* развивалъ мысль объ устройствѣ воскресныхъ школъ по селамъ. (Danica, 1838, № 23).

100) Danica, 1839, № 26.

101) ibidem, 1840, № 9.

102) ibidem, 1841, №№ 25, 26, 28, 29.

103) ibidem, 1843, № 22.

104) Danica, 1847, № 3.

105) Ср. Narodnost u Gorici. Danica, 1845, № 33.

106) Kolo, 1842. вып. I. List iz Koruške.

107) О Житѣ Поповичѣ см. Letopis Matice Slovenske за 1879 г. статья Водушка: Janez Valentin Popović, стр. 110—117; Ljubljanski Zvon за 1881 г.—обстоятельная статья Жваба о немъ же.

[108]) Нынѣ въ словенской литературѣ часто высказываются предположенія, что приближается время этого сліянія словенскаго и хорватскаго литературнаго языка. Г. Паекъ въ статьѣ: iz Preširnove zapuščine (Zora мариборская, 1876, стр. 28 sqq.) замѣчаетъ по этому поводу, что идеи Враза осуществляются. Прешернъ дѣйствовалъ, какъ реалистъ и практикъ: онъ взялъ домашній языкъ для домашней литературы, но обстоятельства и время сдѣлали то, что идеи и надежды Враза—слить обѣ письменности—осуществляются. „Къ тому, чего хотѣлъ Вразъ достигнуть *прыжкомъ* (skokom), говоритъ Паекъ, нашъ народъ подходитъ *шагами* (korakoma)“.—Можемъ къ этому прибавить, что въ хорватскихъ изданіяхъ теперь довольно часто перепечатываются цѣликомъ статьи изъ словенскихъ, безъ всякихъ измѣненій въ языкѣ.

[109]) Danica, 1836, №№ 10—15. Бабукичъ не принималъ формъ дат., твор. и предл. падежей plur. на *има*, принятыхъ Караджичемъ (Dan. 1846, стр. 45).

[110]) Danica, 1846, № 31, стр. 124.

[111]) Приложеніе къ Narod. Nov. къ №№ 78 и 106. Пробный нумеръ Сербской газеты носитъ названіе: „Народне Новине“ и вышелъ 20 іюля 1848 г.

[112]) Въ 1834 г. въ Цетиньѣ были напечатаны два произведенія Петра II: 1) Пустинякъ Цетински и 2) Лиjек jарости Турске.

[113]) *Стоянъ Новаковичъ.* Историjа Српске Кньижевности. Бѣлградъ. 1871 г., стр. 256.

[114]) Danica, 1836, №№ 41, 42, 46, 47, переводъ аллегорической повѣсти и нравоучительный разсказъ.

[115]) Danica, 1836, № 8.

[116]) ibidem, 1840, № 17. Переводъ изъ Шиллера.

[117]) ibidem, 1840, № 15. Стихотвореніе.

[118]) ibidem, 1838, № 44 и 46, два поучительныхъ разсказа.

[119]) ibidem, 1836, №№ 19, 20, 24, 38, 50, 51, 52 — нѣсколько разсужденій и поучительныхъ разсказовъ; 1837 г. № 49; 1838 № 48; 1839 № 45. Въ альманахѣ: *Голубица* (Бѣлградъ, 1839, стр. 21 sq.). Стеичъ говоритъ о тождествѣ именованія: *Сербы* и *Иллиры*, но послѣднее считаетъ нужнымъ только потому, что въ привилегіяхъ Сербамъ въ Австріи они названы Иллирами.

[120]) ibidem, 1840, № 10. Reč domorodnog sina.

[121]) Сербска пчела, 1837, т. VIII, стр. 164. „На кратко да кажемо: Даница наша, будуħи да е на свакомъ листу найватреніегъ и нечувеногъ родолюбія пуна, тако е златна, тако е народня, да іой и найвѣштіе перо достоянъ вѣнацъ тежко оплести може“.

[122]) Danica, 1842, № 21.

[123]) Въ *Даницѣ* иногда перепечатывались стихотворенія изъ Сербскихъ альманаховъ. Такъ напр., въ 1847 г. было помѣщено въ № 39 одно изъ первыхъ произведеній Свѣтозара Милетича: Бродари (Моряки) изъ сборника: *Славянка*, вышедшаго въ Будимѣ въ томъ же году. Деметеръ посвятилъ обстоятельную статью этому альманаху (Danica, 1847, №№ 48 и 50), въ которой говоритъ особенно восторженно о стихотвореніи Милетича. *Даница* хотѣла перепечатать его стихотвореніе „Спасова ночь", почему обратилась съ просьбою къ автору о разрѣшеніи напечатать ее латиницею.

[124]) *Константинъ Пейчичъ.* Житіе Теодора Павловиħа. Новый Садъ. 1857, стр. 24.

[125]) Серб. лѣтопись 1837 г. 2 вып. стр. 29 sqq.

[126]) ibidem, вып. 120 за 1879 г., стр. 94.

[127]) Hrvatski dom. т. IV, стр. 197.

[128]) Danica, 1839 г., №№ 10—15. Tko su bili stari Iliri.

[129]) Серб. лѣтопись, вып. 54 за 1841, 57 за 1842 г. и друг.

[130]) ibidem, 1839, вып. 48, стр. 93—124.

[131]) Статья: „Срби сви и свуда" вошла въ сборникъ: „Ковчежиħ", изданный Караджичемъ въ 1849 г. въ Вѣнѣ.

[132]) Danica, 1841, № 45; 1842, № 29, 40.

[133]) Письмо Срезневскаго къ Вразу изъ Пешта, отъ 24 ноября 1841 г. — Письма Срезневскаго къ Вразу хранятся въ архивѣ Хорватской Матицы въ Загребѣ. Они еще не изданы въ цѣломъ видѣ. Отрывки ихъ помѣщены Петричичемъ въ жизнеописаніи Ст. Враза въ V томѣ собранія сочиненій Враза (ср. Děla St. Vraza V, XXI стр.).

[134]) *Евст. Михайловичъ.* Иллири и Србльи или прегледъ народности старосѣдіоца Іллирика и имена, писмена и начина писаня данашньи Србаля. У Новомъ Саду, 1843 г., стр. 66.

[135]) Danica, 1849, № 11, стр. 41 и 42, гдѣ онъ сопоставляетъ образцы болгарскаго и сербскаго языка, называя его „нашимъ литературнымъ".

ОТДѢЛЪ 5.

[1]) Danica, 1836, № 33.

[2]) ibidem, № 34.

[3]) Memorandum in objecto societatis amicorum litteraturae Illyricae (см. примѣчаніе 49 къ главѣ первой). Между прочимъ, Ожеговичъ такъ объясняетъ причины, почему это общество должно называться *иллирскимъ*: Cum vero Natio in cujus medio Societas ipsa erigenda foret, collectivo nomine Illyrica compelletur, et lingua ipsa, cujus culturam pro objecto societas habitura est, eodem nomine gauderet,—

societati ipsi pariter nomen Illyricum tribuendum venire suapte sequitur. Въ Илиріи Метеллъ Ожеговичъ насчитывалъ 4 милліона населенія подобно Драшковичу, включая въ ея составъ Хорватію со Славоніей, Далматію, Крайну, Штирію и Хорутанію.

[4]) Spomen-Knjiga, стр. 7.

[5]) До той поры Novine и Danica печатались въ единственной типографіи Загреба у Жупана.

[6]) Первый концертъ „въ духѣ иллирскомъ" былъ устроенъ гр. Драшковичемъ 18 апрѣля 1838 г. въ день рожденія императора Фердинанда. Концерту предшествовала декламація народно-патріотическаго стихотворенія, написаннаго на этотъ случай Иваномъ Мажураничемъ. Участниками и участницами концерта были по преимуществу хорватскіе аристократы и аристократки. Нѣкоторыя аріи итальянскихъ оперъ были исполнены по иллирски. Графиня Сидонія Эрдеди принимала въ этомъ концертѣ самое живое участіе (Danica, 1838, № 16). Описаніе одного изъ подобныхъ вечеровъ, бывшаго у Драшковича 5 апрѣля 1839 г., сдѣлано болѣе подробно тогда же въ *Даницѣ* (1839, № 16). Тамъ разсказывается, что баронесса Конде исполнила одну изъ пѣсенъ Вукотиновича, положенную на музыку Виснеромъ-Ливадичемъ, что графиня Сидонія Эрдеди спѣла арію изъ оперы Беллини Sonnambula, по переводу Блажека, а профессоръ Мойзесъ, бывшій и цензоромъ, чешскую пѣсню: Kdě domov můj. Пѣлись различные дуэты итальянскихъ оперъ въ переводѣ Ивана Мажуранича, была спѣта одна изъ иллирскихъ *даворій* (воинственныхъ пѣсенъ); исполнена была музыкальная піеса композиціи Ливадича: *Пі-rak* и т. д. Тосты произносились тоже по иллирски, и Драшковичъ поднялъ тостъ за „Слогу иллирску", т. е. единеніе иллирское, — этотъ тостъ сталъ съ той поры обычнымъ на всѣхъ собраніяхъ „Иллировъ". Все это происходило въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ и членовъ аристократіи: епископа Гавлика, многихъ канониковъ и почетныхъ духовныхъ лицъ, графовъ: Оршичей, Сермажа, Эрдеди, Фестетича, Пеячевичей, Драшковичей, бароновъ: Кульмера, Рауха, великаго жупана Николая Зденчая и другихъ.

[7]) Danica, 1835, № 27.

[8]) ibidem, № 29.

[9]) ibidem, № 32.

[10]) ibidem, 1836, № 7.

[11]) ibidem, 1839, №№ 12 и 13.

[12]) Na sedamdeseti dan rodjenja presvětloga gospodina grofa Janka Draškovića Trakoštjanskoga, kanoti načelnika učenoga družtva ilirskoga. Dana 20 Listopada 1840. U Zagrebu. 1840.

[13]) Spomen-knjiga, стр. 94.

[14]) Хорваты устроили въ окрестностяхъ Загреба на Мирогоѣ общее кладбище для дѣятелей времени Иллиризма. Въ іюнѣ 1893 г. тѣло графа Янка Драшковича было перенесено на Мирогой. По поводу этого въ Загребѣ вышла брошюра съ біографіей Драшковича.

[15]) Danica, 1838, № 31.

[16]) Spomen knjiga, стр. 8—10. Ср. статью Дивковича: Osnutak i razvitak „Matice ilirske“ do godine 1874 въ Izvješće o kr. velikoj gimnaziji u Zagrebu—1876/7 godine.

[17]) Петекъ былъ священникомъ въ Славоніи вблизи Пожеги во время путешествія Срезневскаго по этимъ странамъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Загребскимъ клирикамъ онъ говоритъ, что онъ познакомился со Срезневскимъ, пріѣзжавшимъ въ Землинъ и Сербію. Онъ сопровождалъ Срезневскаго въ Брестовацъ и познакомилъ его съ священникомъ Фергичемъ. Фергича они застали за записываніемъ народныхъ пѣсенъ. Оба сопровождали затѣмъ Срезневскаго въ Пожегу, гдѣ познакомили его съ Антономъ Павичемъ, „единственнымъ Иллиромъ въ Пожегѣ“, и въ тотъ же день передали въ Бродѣ русскаго ученаго заботамъ Т. Берлича. Это было въ сентябрѣ 1841 г. (Hrv. dom. IV, стр. 272, статья Гомотарича: Sbor duhovne Mladeži zagrebske). О Петкѣ и Фергичѣ Срезневскій упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ матери. (Жив. Стар., 1893, II. стр. 159) и къ Вразу (письмо отъ 23 сентября 1841 г.).

[18]) Hrvatski dom, т. IV, стр. 192.

[19]) Стихотворенія Шимаговича отличаются общеславянскимъ и воинственнымъ духомъ. Ср. Danica, 1840, № 35: Odziv Ilirie na molbu Tatre; № 43: Vojna Ilirskih vitezovah; № 46—Věrni sin sladkoj majci svojoj Domovini; № 52—Ilirskoj bratji; 1842, № 45—Proměna; 1841, № 19—Предисловіе къ концерту, устроенному обществомъ семинаристовъ въ честь Гавлика.

[20]) Spomen knjiga, стр. 227.

[21]) Загребскіе клирики перевели было съ нѣмецкаго брошюру Коллара „о славянской взаимности“, но не рѣшались печатать своего перевода въ Загребѣ, въ виду строгостей цензора Мачика. Сербскій писатель Милошъ Поповичъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ семинаристамъ, чрезъ посредство Бабукича, будутъ ли они печатать этотъ переводъ,—ибо въ противномъ случаѣ онъ напечатаетъ свой. „Молодые родолюбцы“ предпочли предоставить Поповичу напечатать переводъ брошюры Коллара, за что́ получили отъ него много хорошихъ книгъ (Hrv. dom. IV, 273). Въ 1845 г. въ Бѣлградѣ вышелъ сербскій переводъ этой брошюры, сдѣланный Дмитріемъ Теодоровичемъ. Въ немъ переводчикъ нигдѣ даже не употребляетъ словъ: *Иллиръ*, *Иллирскій* и замѣняетъ его всюду словомъ: *Сербы*, *Сербскій*.

[22]) Danica, 1841, № 28, стих. Mladeži ilirskoj, также №№ 34, 38.

[23]) Въ Люблянѣ подобное же общество въ семинаріи окончательно образовалось въ 1841 г. подъ именемъ: Slavo-ilirsko društvo. Оно имѣло свою особую библіотеку. Станко Вразъ сильно содѣйствовалъ развитію иллирскаго духа въ этой молодежи. Иллирскій языкъ сталъ у нихъ столь употребителенъ, что протоколы засѣданій этого общества велись не по словенски, а по иллирски. Первымъ устроителемъ этой библіотеки былъ Ловро Пинтаръ, впослѣдствіи извѣстный словенскій писатель. *Апихъ* въ своей книгѣ Slovenci in leto 1848 (Любляна, 1888) говоритъ, что Блейвейсъ въ началѣ своей дѣятельности посѣщалъ иногда это общество (стр. 39). Традиція интереса къ славянскимъ языкамъ и вообще къ славянству осталась и донынѣ въ Люблянской семинаріи, не смотря на существующее теперь въ Крайнѣ сильное ультрамонтанское направленіе духовенства.

[24]) Danica, 1838, № 14.

[25]) ibidem, № 48.

[26]) D-ra D. Demetra, Dramatička pokušenja, т. I. U Zagrebu. 1838.

[27]) Danica, 1839, № 41.

[28]) ibidem, № 46.

[29]) ibidem, № 47.

[30]) Статья Владиміра Мажуранича въ предисловіи къ изд. „Теуты“ Деметра. Zagreb, 1891 г., стр. XIX.

[31]) Danica, 1840, № 24.

[32]) ibidem, № 27.

[33]) См. предисл. Влад. Мажуранича къ изд. „Теуты“, стр. XXII.

[34]) Danica, 1841, №№ 19 и 27. Отзывъ И. И. Срезневскаго о представленіи въ Крапинѣ 29 августа 1841 г. помѣщенъ въ *Даницѣ* за 1841 г., № 37.

[35]) Izbor igrokazah ilirskoga kazališta 1841—1842. 10 выпусковъ.

[36]) Въ *Даницѣ* (№№ 14 и 15 за 1846 г.) помѣщена весьма обстоятельная статья по поводу этого перваго представленія „Иллирской оперы“—обществомъ „друзей народнаго искусства“. Одну изъ главныхъ ролей (роль Любицы) исполнила Сидонія Рубидо, та же графиня Эрдеди, которая появилась въ первомъ иллирскомъ концертѣ съ хорватскими пѣснями. Въ *Даницѣ* помѣщенъ сонетъ въ честь ея. Отзывъ объ исполненіи оперы главнымъ образомъ настаиваетъ на томъ, что опера эта указываетъ на общее пробужденіе духа народности у Хорватовъ. „Хорватія проснулась отъ своего вѣковаго сна, говорится тамъ, отъ звука громкой трубы вѣка народностей. Святой огонь патріотизма воспламенилъ сердца, недостатокъ знаній восполнился здравымъ умомъ, и возникла новая литература“.—Оперу критикъ хвалитъ за то, что въ ней мелодіи народныя, *славянскія*. „Каждый звукъ

славянскій, сельскій — и однако все обработано искусно, строго по правиламъ контрапункта“, говорится объ оперѣ: Ljubav i zloba. Инструментовку оперы сдѣлалъ Виснеръ-Моргенштернъ. Рубидо-Эрдеди была осыпана цвѣтами, и опера была принята восторженно. Въ хорахъ и аріяхъ звучали мотивы различныхъ народныхъ иллирскихъ пѣсенъ: то сербскихъ, то краинскихъ, то штирійскихъ, что́ давало оперѣ характеръ по истинѣ иллирскій. Объ увертюрѣ говорится, что она кажется совершенно *славянскою*: „это совершенно новые звуки, но однако знакомые, какъ бы ихъ человѣкъ слышалъ въ дѣтствѣ“.

[37]) *Кухачъ.* Vatroslav Lisinski i njegovo doba. Zagreb, 1887, стр. 6. Ср. Примѣчаніе 65 къ главѣ III, отд. 1.

[38]) ibidem, стр. 35.

[39]) Danica, 1844, № 11.

[40]) ibidem, 1845, № 18.

[41]) ibidem, 1847, № 19.

[42]) ibidem, №№ 20, 22, 24, 25.

[43]) ibidem, 1848, №№ 10—16.

[44]) ibidem, стр. 67.

[45]) Demeter. Teuta. Zagreb, 1891, статья Вл. Мажуранича, стр. XXXIX и XLV.

[46]) Въ 1838 г. въ Карловцѣ обратилъ на себя вниманіе одного вліятельнаго хорвата Коса мальчикъ 16 лѣтъ, сынъ портнаго Караса, своею способностью къ рисованію. Коса сталъ заботиться о помощи талантливому юношѣ, чтобы онъ могъ получить художественное образованіе въ Италіи, и встрѣтилъ благопріятный отзывъ не только среди богатыхъ хорватскихъ магнатовъ, но и со стороны общинъ Загреба, Вараждина и Крижевца. Скоро было собрано достаточно средствъ для содержанія Караса въ Римѣ, куда онъ былъ посланъ этимъ заботливымъ обществомъ. Составился даже комитетъ спеціально для заботы о Карасѣ (Danica, 1838, № 26 и 27). Въ *Даницѣ*, при сообщеніи объ этомъ, помѣщена была статья о славныхъ „иллирскихъ“ живописцахъ. Въ 1844 г. Карасъ вернулся изъ Италіи на родину и выставлялъ свои картины въ Карловцѣ и Загребѣ, собирая средства на продолженіе своего усовершенствованія въ искусствѣ (Danica, 1844, №№ 38 и 42).

[47]) Довольно полная исторія дѣятельности этого общества изложена *Фр. Куральтомъ* въ брошюрѣ: Rad Hrv.-Slav. Gospodarskoga družtva i njegov razvitak od godine 1841—1883.—Въ изданіи этого общества: List měsečni horvatsko-slavonskoga gospodarskoga družtva, выходившемъ съ 1842 г., а также въ его трудахъ принимали весьма

живое участіе многіе выдающіеся иллирскіе дѣятели. Чрезъ годъ послѣ основанія общество это имѣло 584 члена.

[48]) *Міятъ Сабляръ* (1790—1865 г.) служилъ въ военной службѣ. Во время походовъ и поѣздокъ онъ заинтересовался археологіей и сталъ собирать археологическіе предметы. Выйдя въ отставку въ 1841 г., онъ поселился въ Загребѣ и сталъ заниматься нумизматикою и собираніемъ предметовъ по естественнымъ наукамъ. Онъ нѣсколько разъ дѣлалъ поѣздки по Истріи, Приморью и Далматіи съ цѣлями собиранія всякихъ рѣдкостей и остатковъ старины. Всѣ свои собранія онъ отсылалъ въ Загребъ въ музей. Послѣ смерти Раковца, онъ былъ хранителемъ музея.

[49]) Danica, 1843, №№ 1, 8.

[50]) Краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Раковца изложены въ брошюрѣ Ивана Филипповича: Dragutin Rakovac, životopisna slika. U Zagrebu, 1867.

[51]) Spisy Jana Kollara. Cestopis, т. III, 48.

[52]) Danica, 1847, № 7.

[53]) ibidem, 1839, № 26.

[54]) ibidem, 1840, № 26. Djulabije, 16.

[55]) Děla St. Vraza. V т, стр. 272, 342.

[56]) Spomen knjiga, стр. 10.

[57]) Князь Милошъ Обреновичъ, находившійся въ ту пору въ Вѣнѣ, прислалъ сто червонцевъ, какъ пожертвованіе на Матицу, и въ письмѣ при этомъ одобрялъ замыслы читальни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прислалъ лично Гаю въ подарокъ 25 червонцевъ. (Děla St. Vraza, V т., стр. 302 sq.).

[58]) Изданію иллирско-нѣмецко-итальянскаго словаря Дробнича предшествовало изданіе нѣмецко-иллирскаго словаря Ужаревича и Ивана Мажуранича въ 1842 г. *Ужаревичъ* родился въ Славоніи около 1810 г., учился медицинѣ, вмѣстѣ съ Недѣльковичемъ и Будимировичемъ, въ Вѣнскомъ университетѣ, въ качествѣ стипендіата сербскаго князя Милоша. Недѣльковичъ умеръ въ 1833 г. отъ чахотки, Будимировичъ около того же времени отъ холеры, а Ужаревичъ хотя и окончилъ курсъ медицинскаго факультета, но не держалъ rigorosum и потому не могъ получить докторскаго диплома. По различнымъ причинамъ, Ужаревичъ не поѣхалъ въ Сербію на службу, но познакомившись въ Вѣнѣ съ Гаемъ, поселился въ Загребѣ и здѣсь былъ однимъ изъ дѣятельныхъ его помощниковъ по дѣламъ редакціи Когда Драгутинъ Раковецъ сталъ секретаремъ „Сельско-Хозяйственнаго Общества“ и началъ издавать журналъ этого общества, Ужаревичъ замѣнилъ его въ редакціи газеты Narodne Novine, которую и велъ съ 1842 по 1845 г. Ужаревичъ перевелъ нѣсколько піесъ съ нѣмецкаго

для иллирскаго театра. Съ 1850 по 1859 г. онъ былъ редакторомъ правительственнаго изданія въ Вѣнѣ, въ которомъ помѣщались переводы законовъ на хорвато-сербскомъ языкѣ. Умеръ въ Славоніи, въ Петріевцахъ, въ 1881 г. (?) (Vienac, 1881, №. 35).

[59]) *Смичиклясъ*. Život i djela Vjekoslava Babukića, 1876. Ср. Spomen-knjiga, его же статью, стр. 245—257.

[60]) Съ нѣкоторыми учениками Люблянской духовной семинаріи Бабукичъ велъ даже переписку. Профессоръ Смичиклясъ напечаталъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ къ Бабукичу (Živ. i djela V. Babukića, стр. 66 — 72), именно письма клирика Крашны. Отъ нихъ вѣетъ твердою, юношескою вѣрою въ будущность Иллиризма. „Вы, достойный Славянинъ, пишетъ онъ, будьте намъ отцомъ и учите насъ, какъ бы мы могли легче всего и умнѣе ввести наше дорогое иллирство и среди спящаго еще большинства нашихъ братьевъ". Крашна проситъ Бабукича поддерживать переписку съ словенскими клириками и побуждать ихъ къ Иллиризму. О нѣкоторыхъ своихъ товарищахъ онъ сообщаетъ, что они изучаютъ русскій и старославянскій языки.—Эти письма писаны уже на „иллирскомъ" языкѣ и относятся къ 1841 году.

[61]) *Смичиклясъ*. Život i djela V. Babukića. Письмо Бабукича къ Шафарику 1842 г. съ замѣчаніями на вышедшій тогда Narodopis. Ср. Ilirska Slovnica Бабукича, стр. 2 sqq.

[62]) Ср. Rad, т. LXXX. Статья профессора Будмани: Pogled na istoriu naše gramatike i leksikografije.

[63]) *Іосифъ Дробничъ* родился 18 апрѣля 1839 г. и былъ священникомъ въ Штиріи. Онъ учился иллирскому языку, будучи семинаристомъ въ Цѣловцѣ. Онъ находился въ дружбѣ и перепискѣ съ Станк. Вразомъ и сталъ однимъ изъ самыхъ большихъ приверженцевъ Иллиризма въ Штиріи. Свои симпатіи къ Иллиризму онъ получилъ въ Градцѣ, гдѣ проходилъ курсъ философскихъ наукъ. Ставъ священникомъ въ 1839 г., онъ побывалъ приходскимъ настоятелемъ въ различныхъ мѣстностяхъ въ Штиріи и въ 1845 году, находясь на приходѣ вблизи „Ляшскихъ Топлицъ" (итальянскихъ минеральныхъ водъ--Tüffer), окончилъ свой „Mali riečnik", который долженъ былъ служить пополненіемъ къ словарю Ужаревича. Какъ извѣстно, самъ Вразъ съ нѣкоторыми словенцами-иллирами, какъ Муршецъ, Кочеваръ и др., сталъ было собирать слова для иллирскаго словаря (*Марковичъ*, предисловіе къ изданію избранныхъ стихотвореній Враза, стр. LXXXIV); вѣроятно по совѣту Враза, Дробничъ занялся составленіемъ словаря.—Дробничъ былъ ревностнымъ сторонникомъ Иллиризма и вообще правъ славянскихъ народностей. Много его статей и корреспонденцій помѣщено въ пражской газетѣ Union, загребскихъ изданіяхъ,

въ Novic'ахъ Блейвейса и т. д. Въ 1849 г. онъ сталъ учителемъ гимназіи въ Цельѣ и началъ издавать журналъ: Slovenska čbelica, berilo za obuko in omiko Slovenskega duha, существовавшій 4 года. Дробничъ былъ страстный любитель театра и всюду, гдѣ ему приходилось жить, устраивалъ спектакли, для которыхъ переводилъ піесы. Онъ первый завелъ словенскія представленія въ Цельѣ. Благодаря его заботамъ, 1 сентября 1851 г. была открыта въ Цельѣ первая словенская читальня. Въ 1852 г. Дробничъ вышелъ въ отставку, но подвергался стѣсненіямъ со стороны духовной власти за свою любовь къ постановкѣ театральныхъ піесъ на словенскомъ языкѣ. Дробничъ умеръ 5 августа 1861 г. въ Градцѣ, гдѣ былъ учителемъ словенскаго языка (см. журналъ Даворина Терстеняка: Zora, выходившій въ Мариборѣ, за 1872 г., стр. 145 sqq.; ср. Slovensko Gledališče—Антона Терстеняка, u Ljubljani, 1892 г., стр. 189--190 и 89).

[64]) *Матвѣй Топаловичъ* (ум. 26 апрѣля 1862 г.) былъ родомъ изъ Славоніи (вблизи Брода). Онъ сначала учился въ гимназіи въ Карловцѣ и загребской семанаріи. Топаловичъ былъ весьма трудолюбивый человѣкъ и довольно хорошій стихотворецъ. Онъ задумывалъ изданіе подъ названіемъ: Jeka od Osieka, но оно не состоялось. Въ Осѣкѣ Топаловичъ основалъ литературное общество, которое завело свою типографію. Срезневскій посѣтилъ Топаловича въ Осѣкѣ и такъ отзывался о немъ въ письмѣ къ Вразу отъ 21 сентября 1841 г. изъ Брода: „Повидимому Топаловичъ — человѣкъ, достойный истиннаго уваженія по своей старательности". — Станко Вразъ сдѣлалъ обстоятельный отзывъ объ изданіи Топаловича: Tamburaši ilirski въ первой книгѣ Kola (см. Děla St. Vraza, V, 81—88). Въ 1848 г. Топаловичъ ѣздилъ въ Прагу въ качествѣ депутата на Славянскій съѣздъ и принималъ въ его засѣданіяхъ дѣятельное участіе (Čas. Česk. Mus. 1848, вып. 2, Historicka sprava o sjezdu slovanském. — Объ его рѣчи на съѣздѣ, см. Paměti Josefa Vacl. Friče. V Praze, 1886, вып. 2, стр. 156). Топаловичъ былъ священникомъ и въ послѣдніе годы настоятелемъ въ Градиштѣ. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ посланъ въ Римъ епископомъ Штроссмайеромъ и жилъ въ иллирскомъ капитулѣ св. Іеронима (см. Naše gore list, 1862, № 14 и Katolički List, 1862 г., № 19 — краткіе некрологи Топаловича).

[65]) *Драгоила Ярневичъ* можетъ быть названа первою по времени хорватскою писательницею. Родилась она въ Карловцѣ 4 января 1812 г. Первыя ея стихотворенія были написаны по нѣмецки. Ярневичъ была учительницею. Въ 1839 г., когда началась ея иллирская литературная дѣятельность, она жила въ Градцѣ, и въ то же время вподлѣдствіи извѣстный хорватскій поэтъ Иванъ Тернскій учился въ градецкомъ университетѣ. Однажды гуляя по окрестностямъ Градца,

Тернскій, бывшій, подобно многимъ молодымъ Славянамъ, ревностнымъ Иллиромъ, написалъ на стѣнѣ какой-то башни по иллирски небольшое стихотвореніе, въ которомъ привѣтствовалъ всякаго, кто прочтетъ его и знаетъ этотъ языкъ. Вскорѣ посѣтила это мѣсто Ярневичъ и написала въ стихахъ по иллирски отвѣтъ, подписавшись: Ilirkinja iz Karlovca. Это повело къ знакомству молодыхъ Иллировъ съ поэтессой. По совѣту Тернскаго, Ярневичъ стала писать стихотворенія для *Даницы* и затѣмъ въ Kolo. Изъ Градца она ѣздила въ Тріестъ и Венецію, гдѣ давала уроки въ богатыхъ семействахъ. Представлялся ей случай ѣхать въ Англію въ качествѣ учительницы, но она, слѣдуя настояніямъ друзей Иллировъ, не хотѣла надолго оставлять родину и поселилась въ Карловцѣ, гдѣ занималась уроками. Такъ какъ она была извѣстна, какъ писательница, то ее посѣщали нерѣдко многіе литературные дѣятели Иллирской эпохи. Посѣтилъ ее и Срезневскій проѣздомъ черезъ Карловецъ. Она не довѣряла своему знанію языка, поэтому какъ ея стихотворенія, такъ и повѣсти подвергались поправкамъ. Особенно часто она поручала это Тернскому. Первое иллирское стихотвореніе Ярневичъ называется: Želja za domovinom и помѣщено въ *Даницѣ* за 1839 г. (№ 31). Иногда она обрабатывала сюжеты, основанные на народныхъ разсказахъ, напр. въ балладѣ: Vieštice (Kolo, III). Ярневичъ, кромѣ повѣстей, написала двѣ драмы въ стихахъ: 1) Veronika Desinićeva и 2) Marija, kraljica ugarska. Она написала также оригинальный романъ: Dva pira. Ярневичъ умерла 12 марта 1875 г. (см. Danica, 1839 г., № 36 и Vienac, 1875 г. статью Тернскаго о Драгоилѣ Ярневичъ, стр. 229, а также статью Клаича: Novela i roman u Hrvata—въ журн. Vienac за 1885 г.).

ОТДѢЛЪ 6.

1) *Колларъ*. Sebrane Spisy, III, 45, 47 sq.

2) Vienac, 1879, № 12, стр. 185.

3) *Гильфердингъ*. Собраніе сочиненій, т. II, стр. 81.

4) *Ламанскій*. Живая Старина, 1893, вып. II, стр. 157.

5) Письмо Срезневскаго Вразу изъ Вѣны отъ 3 января 1842 г.

6) *Ламанскій*. Живая Старина за 1891 г., вып. III, стр. 39.

7) St. Vraz. Děla, V, стр. 387. Письмо Враза къ Кочевару.

8) Извѣстія Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, т. VIII, за 1859—60 г., стр. 410. Письмо П. А. Лавровскаго Срезневскому.—Гай разсказывалъ Лавровскому, что онъ обратился было къ им-

ператору Францу Іосифу съ просьбою о займѣ, но получилъ лаконическій отвѣтъ: „невозможно".

[9]) Записка Гая, поданная графу Бенкендорфу, была составлена по нѣмецки. Гай приложилъ ее въ копіи къ другой запискѣ подъ заглавіемъ: Secreta arcana, которая была составлена имъ въ Москвѣ. Первая изъ нихъ помѣщена въ переводѣ въ статьѣ покойнаго профессора Н. А. Попова о Гаѣ въ „Древней и Новой Россіи" (1879 г. т. II). Мы пользовались оригинальнымъ нѣмецкимъ текстомъ записокъ, которыя читатель найдетъ въ концѣ приложеній.

[10]) Графъ Бенкендорфъ писалъ князю Паскевичу 19-го октября 1840 г. о Гаѣ: „Гай хотя являлся ко мнѣ въ Варшавѣ и потомъ въ С.-Петербургѣ, изъявляя преданность свою и соотечественниковъ его, Иллирійскихъ Славянъ, къ Россійскому Престолу, каковую предлагалъ поддерживать съ своей стороны литературными изданіями, но я находилъ невозможнымъ войти въ какія либо съ нимъ сношенія и потому отклонилъ его предложенія".

[11]) Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ писалъ 29 іюля 1840 г. въ своей запискѣ о пособіи Гаю слѣдующее: „Докторъ Людевитъ Гай, редакторъ и издатель Славяно-Иллирійскихъ газетъ National Blätter и содержатель славянской національной типографіи въ Аграмѣ, рѣшился противустать болѣе и болѣе развивающемуся вліянію анти-славянскихъ — и именно Маджарскихъ элементовъ. Для сего, не смотря на величайшія затрудненія, началъ онъ издавать въ 1835 г. политическіе и литературные листы на природномъ языкѣ, а въ 1836 г. распространилъ кругъ дѣйствій своихъ и на Иллирійскія провинціи. Ободренный учеными Шафарикомъ и Ганкою и уважаемый какъ духовенствомъ, такъ и въ особенности юношествомъ, онъ завелъ со всевозможными пожертвованіями типографію и для образованія молодыхъ славянистовъ частную библіотеку. Желая искренно, для бóльшаго круга дѣйствій, увеличить свою типографію и обогатить ее Славяно-Русскимъ шрифтомъ, для изданія какъ означенныхъ листовъ, такъ и сколь возможно полнѣйшаго иллирійскаго словаря и готовыхъ уже рукописей древнихъ иллирійскихъ классиковъ, изданіе коихъ принесло бы неисчислимую пользу Словенской литературѣ,—онъ не смотря на это, лишенъ рѣшительно всѣхъ средствъ".

[12]) Въ Архивѣ Россійской Академіи: Дѣло „о вспомоществованіи Гаю, иллирійскому ученому, выдачею 5000 руб. асс.".

Непремѣнный секретарь Языковъ представилъ слѣдующую записку: „Въ прошедшее собраніе 13 іюля сего 1840 г. присутствовалъ съ нами, по приглашенію г. Президента, г. Людевитъ Гай, соплеменникъ нашъ изъ Иллирійскаго города Аграма, извѣстный въ

Словенскомъ ученомъ мірѣ изданіемъ на Иллирійскомъ языкѣ народныхъ вѣдомостей и повременнаго сочиненія подъ названіемъ Денницы. Онъ имѣетъ степень доктора философіи.

„Почетный членъ нашей Академіи, находящійся при Вѣнской миссіи, протоіерей Меглицкій, въ бытность свою здѣсь въ прошломъ 1839 году, отзывался о г. Гаѣ съ величайшею похвалою, какъ въ отношеніи его нравственности и учености, такъ въ особенности къ пламенной его любви къ словенскому языку и словесности онаго. Если бы не Людевитъ Гай, говорилъ г. Меглицкій, то Словенскій языкъ въ Иллиріи давно бы былъ поглощенъ Маджарскимъ или Нѣмецкимъ; одинъ только Гай поддерживаетъ свой языкъ, поощряя своихъ соотчичей не только говорить на немъ, но и учиться оному, и читать книги, писанныя на Словенскомъ, предпочтительно на русскомъ языкѣ. Для сего Гай сталъ издавать вышесказанныя повременныя сочиненія и завелъ собственную свою типографію. Но къ величайшему сожалѣнію, употребивъ на сіе общее словенское дѣло почти все свое не слишкомъ значительное имущество, онъ вскорѣ лишился силъ противуборствовать Маджарскому и Германскому языкамъ и принужденъ будетъ свои повременныя изданія и типографію передать въ руки другихъ, кои употребятъ ихъ именно на искорененіе Словенскаго языка въ Иллиріи.

„Таково свидѣтельство г. Меглицкаго о Людевитѣ Гаѣ. Не менѣе одобрительно отзываются о немъ же Н. И. Павлищевъ, коллежскій совѣтникъ, помощникъ секретаря въ Совѣтѣ Управленія Царства Польскаго и членъ Совѣта Народнаго Просвѣщенія, и Вацлавъ Мацѣевскій, профессоръ въ Варшавѣ, извѣстный многими своими сочиненіями по Словенской словесности и въ особенности недавно изданнымъ: о законодательствѣ Славянъ. Оба сіи свидѣтельства представляются при семъ. (Это было письмо Павлищева къ Гаю—см. Древнюю и Новую Россію, 1879, II, 278 и письмо Мацѣевскаго къ Погодину — см. ниже). Стѣсненное положеніе Людевита Гая требуетъ скорой помощи всего Словенскаго ученаго міра. Дѣло касается до сохраненія Словенскаго языка и словесности онаго въ Иллиріи, населенной нѣсколькими милліонами Словенъ. Посему г. Президентъ Императорской Россійской Академіи приказалъ мнѣ предложить о назначеніи г. Гаю единовременнаго вспомоществованія, тѣмъ болѣе, что Академія неоднократно уже дѣлала пособіе единороднымъ намъ ученымъ въ Чешской и Сербской земляхъ“.

Въ Россіи Гай подписывался такъ: Doktor Ljudevit Stefan Ivanović Gaj. Prisědatelj stola sudbenoga u Slavnih županiah Zagrebskoj i Varašdinskoj, uřednik i izdatelj K. p. ilirskih narodnih novin i Danice ilirske, vlastnik K. p. narodne ilirske tiskarne.

[13]) Покойный проф. Нилъ Поповъ въ своей статьѣ: „Людевитъ Гай въ Россіи“ (Древняя и Новая Россія 1879, II т.) привелъ письмо Павлищева къ Гаю, но ни тамъ, ни въ изданіи „Письма къ Погодину“ не помѣстилъ письма Мацѣевскаго о Гаѣ. Это письмо находится въ подлинникѣ въ Архивѣ Академіи Наукъ въ Петербургѣ.

Warschau, d. 3 Julj 1840.

Theuerster Freund.

Es macht mir wahre Freude, Ihnen in dem Überbringer einen der verdienstvollsten Slaven zu empfehlen. Es ist Gaj, dessen Nahme eigentlich keine Empfehlung bedarf. Unser Freund Schaffarik zollt in mehreren Zeitschriften, insbesondere aber in Ost und West seinem Charakter, seiner Gelehrsamkeit und seinem praktischen Takte, mit dem er sich mitten unter den thätigsten Feinden des Slawenthums einen sehr bedeutenden und zwar echt slawischen Wirkungskreis zu schaffen wusste, die beifälligste Würdigung, ja den Erfolg seiner rastlosen Bemühungen, sogar volle Bewunderung.

Sämmtliche Jahrgänge der politischen Zeitung *Narodne novine ilirske* und der lit. Zeitschrift *Danica ilirska* sind unzweideutige Documente, dass sein Herz der anerkannten Basis des Slawenthums angehört. Diese Blätter und seine mündliche Doctrinen sind vieljährige und factische Beweise einer männlichen Consequenz, die allein wahres Vertrauen einzuflossen vermag. Er hat sich als Regenerator in den illyrischen Prowinzen die grösste Popularität erworben und verdient um so mehr auch unsere Achtung und Theilnahme, weil er trotz aller feindlichen Reaction und Lockungen, im Sinne unseres Ansichten wirkend, die durch Feinde des Slawenthums gegen dasselbe gepflanzten Vorurtheile auszurotten trachtet, und an die Stelle derselben Achtung und Liebe für alles, was nationell ist, so wie ins-besondere für das slawische Alphabet u. s. w. in sämmtlichen illyrischen Ländern erfolgreich verbreitet. Gewiss nie hätte ein anderer Illyrier für das Slawenthum in jenen Provinzen so viel wirken können als Gaj gewirkt hat, denn er besitzt das unbedingte Vertrauen aller dortigen Slawen. Die Entschiedenheit seiner bisher gethanenen Schritte und die Ausdauer, mit der er die schönsten Jahren seines Lebens mit Aufopferung seines Vermögens und unter Entbehrungen aller Art dem echtslawischen Interesse widmet, erheben ihn zu einen der ersten Slawen, und geben ihm den gerechtesten Anspruch auf Anerkennung. Sie werden bey unseren grossherzigen und viel vermögenden Brüdern gewiss Mittel finden, einem Manne unter die Arme zu greifen, der wenn er in seinem Wirkungskreise erhalten wird, einst vielleicht noch wichtigere Dienste unserer Nationalität leisten kann.

So wie mir die Umstände bekannt sind, handelt es sich nun einen sehr baldigen Sukkurs. Es wäre eine prostitutio für uns Slawen über-

haupt, für die illyrischen aber so zu sagen eine völlige Niederlage, wenn Gaj der bei seinen Landsleuten in seiner Bedeutung durchaus keine Blösse geben darf, plötzlich nach seiner Rückkehr von der slawischen Reise an Erschöpfung der Kräfte, unter Siegesjubel der Magyaren und Nemzen unterliegend, sich zurückziehen müsste, wo sodann seine so wichtigen Institute in der Händen der bemittelten Feinde als Werkzeuge gegen uns missbraucht werden möchten. Leben Sie wohl—Ihr Wenceslaus Alexander Maciejowski.

Sr. Hochwohlgeb. Herrn Herrn v. Pogodin

Professor der Geschichte auf der Universität, Moskwa.

Нѣкоторыя выраженія этого письма весьма похожи на отдѣльныя мѣста записки Гая, поданной графу Бенкендорфу. Письмо Мацѣевскаго къ Погодину писано 3 іюля нов. стиля, предъ самымъ отправленіемъ Гая въ Петербургъ. Можно поэтому думать, что свою записку Гай имѣлъ уже въ Варшавѣ и давалъ читать ее Мацѣевскому.

[14]) Объ этомъ случаѣ подробно также разсказываетъ Ткалацъ въ своихъ воспоминаніяхъ. — Jugenderinnerungen aus Kroatien von Tkalac, стр. 284 sqq.

[15]) Русскій Архивъ. 1884, № 5, стр. 204.

[16]) *М. П. Погодинъ.* Собраніе статей, писемъ и рѣчей по поводу Славянскаго вопроса. Москва, 1878, стр. 67.

[17]) Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель. Москва, 1879, стр. 704.

[18]) Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. 43, стр. 333 и 481. Копитаръ продалъ медаль, полученную имъ отъ Россійской Академіи, и также драгоцѣнную табакерку, подаренную ему Австрійскимъ императоромъ, и вырученныя за нихъ деньги раздѣлилъ между двумя нуждавшимися славянскими учеными.

[19]) ibidem, т. 37, стр. 583, 589—596; ср. *А. А. Кочубинскій:* Начальные годы Русскаго Славяновѣдѣнія, стр. 234.—Въ 1821 г. Караджичъ, прося о пенсіи, писалъ Шишкову, что онъ желаетъ въ Вѣнѣ „перепечатать знатнѣйшія русскія книги для южныхъ славенскихъ народовъ", а когда въ 1838 г. русскій посланникъ къ Вѣнѣ Татищевъ предложилъ ему замѣнить нѣмецкій языкъ перевода словъ русскимъ въ Сербскомъ словарѣ, который онъ готовилъ къ переизданію на счетъ Россійской Академіи, то Вукъ Караджичъ на это не согласился. Хотя Академія послѣ этого отказалась дать просимую Караджичемъ весьма значительную сумму на переизданіе его сборниковъ и словаря, но и впослѣдствіи Караджичъ пользовался помощью изъ Россіи какъ изъ правительственныхъ учрежденій, такъ и отъ частныхъ лицъ.

[20]) Нѣкоторыя стихотворенія Гая были положены на музыку и стали любимыми пѣснями. Мелодіи ихъ см. у *Кухача*, Južno-Slovjenske Narodne popievke. U Zagrebu, 1881 г,, т. IV, стр. 361, 367.— Нѣкоторыя стихотворенія, написанныя въ честь Гая, тоже были положены на музыку и приспособлены къ пѣнію, какъ напр. стихотвореніе Штооса: Iz Zagorja od prastara было положено на музыку Лисинскимъ и исполнялось г. Штригою.

[21]) *Современная лѣтопись*, издававшаяся *Катковымъ* при Московскихъ Вѣдомостяхъ, за 1867 г., № 21 отъ 11 іюня. Тутъ напечатано открытое письмо Гая къ Погодину и приложенные къ нему слѣдующіе документы одни въ переводѣ, другіе въ подлинникѣ: 1) свидѣтельство отъ сербскаго архіепископа и прочихъ православныхъ представителей въ сеймѣ въ Пожунѣ въ 1847 г.; 2) свидѣтельство, выданное Гаю въ Карловцѣ патріархомъ Раячичемъ, 14 сентября 1860 г.; 3) такое же свидѣтельство патріарха Самуила Маширевича 29 августа 1867 г.; 4) заявленіе членовъ хорватскаго сейма о сборѣ въ пользу Гая за его заслуги за многочисленными подписями депутатовъ сейма, отъ 18 февраля 1866 г., съ добавленіемъ отъ 16 мая 1867 г.

[22]) Narodne Novine, 1849 г., приложеніе къ № 102, въ статьѣ Галца въ защиту Гая.

[23]) Danica, 1848 г., №№ 36 - 41, 44 -47.

[24]) O poboljšanju ćudorednosti svetjenstva od Pavla Stoósa. U Zagrebu. 1848.

[25]) Danica, 1848, № 24. Стих. Novi viek.

[26]) ibidem, № 23. Стих. Na oružje!

[27]) Какъ кажется, мысль объ устройствѣ съѣзда славянъ принадлежала Людевиту Штуру, который ѣздилъ въ апрѣлѣ въ Вѣну и здѣсь видѣлся съ пріѣзжавшими въ депутаціи Хорватами. Штуръ говорилъ о такомъ съѣздѣ съ Кукулевичемъ. См. *Іосифъ Фричъ:* Paměti, въ Прагѣ, 1886, вып. III, стр. 144. Ср. *Первольфъ*: Австрійскіе Славяне въ 1848—1849 гг. (Вѣстн. Евр. 1879, т. II).

[28]) *Шулекъ*. Naše Pravice, стр. 256. Собраніе чешскаго сейма не состоялось послѣ того, какъ былъ разогнанъ Славянскій конгрессъ.

[29]) Напр., довольно извѣстный впослѣдствіи писатель и секретарь Иллирской Матицы Юрковичъ вышелъ изъ числа клириковъ и сталъ членомъ редакціи *Народныхъ Новинъ* Гая, а въ 1853 г. даже былъ ихъ редакторомъ (Spomen-Knjiga, стр. 228).

[30]) Vienac, 1879 г., стр. 186.

[31]) Въ библіотекѣ Югославянской Академіи въ Загребѣ хранится экземпляръ брошюры съ отмѣткою 8 апрѣля 1867 г., какъ кажет-

ся, невыпущенной изъ типографіи, подъ заглавіемъ: Memorandum gg. članovom sabora trojedne kraljevine s predlogom, da se na temelju priznanice, po njih jedinodušno podielene d-ru Ljudevitu Gaju motu proprio stvori saborski zaključak za narodnu nagradu. Брошюра эта носитъ слѣды поправокъ Гая и Кукулевича. Въ ней характеризуются заслуги Гая какъ литературныя, такъ и народно-государственныя. Интересно замѣтить, что въ этой брошюрѣ съ особенною силою выставляются заслуги Гая относительно единенія и примиренія Хорватовъ съ Сербами; тогда нѣкоторые Хорваты обвиняли Гая въ уступчивости Сербамъ. Вотъ какъ выражается по этому поводу эта брошюра, составленная или самимъ Гаемъ, или при его участіи: Nesreća je naše zemlje i to, što smo razkomadani, a naročito vjerom razciepljeni. Ali naš Ljudevit Gaj shvati dobro, kako valja raditi. On podiže hrvatsko pleme, koje je ponajviše privrženo zapadnoj crkvi, a razpiri u istom u jedan mah i ljubav k bratinskomu plemenu srbskomu, koje je privrženo iztočnoj crkvi. Ako se u tomu shvaćenju odvietnik hrvatske stvari komu ukazao, kano da je nepravedan, a taj tko nije drugi, već onaj, koji neće da zna, što je ravnoteža bratske ljubavi, što li je pravedna mjera uzajamnoga priznanja jednakih i jedinorodnih silah, što li je mudro niјekanje sama sebe, da se obje stranke nagode, pak da se medju rodjenom braćom jedva jednom sklopi ugovor jedinospasonosne sloge bratinske, koja će dokinuti inostranstvom izumljenu razkomadanost, te odlučiti bolju budućnost.

[32]) Вукъ Караджичъ писалъ изъ Вѣны Надеждину 10 іюля 1848 г., что князь Милошъ ему жаловался на Гая, выманившаго у него 27 тысячъ гульденовъ. (Русск. Арх. 1873 г., стр. 1138).

[33]) Споменик XXI. Сербской Академіи Наукъ.—Кнез Милош прича о себи. У Београду, 1893 г., стр. 25—28.

[34]) Существуетъ нѣсколько копій этой нѣмецкой записки Карингера. Я пользовался копіей, хранящейся въ Люблянскомъ земскомъ архивѣ, находящемся въ завѣдываніи весьма обязательнаго д-ра Коблера. Записка эта въ сербскомъ переводѣ напечатана въ бѣлградскомъ журналѣ *Дело* за 1894 г., вып. 1, стр. 68—75, профессоромъ Бѣлградской Великой Школы г. Весничемъ.—По этому же вопросу заслуживаетъ вниманія статья д-ра Тиме, извѣстная мнѣ въ сербскомъ переводѣ въ газетѣ *Браник* за 1893 г., № 150 отъ 23 декабря.—Люблянскій архивный экземпляръ носитъ названіе: Memoria über die Begebenheit mit Seiner Durchlaucht dem Fürsten Milosch Obrenovitsch in Laibach von 10 bis 15 Juni 1848. На немъ значится, что это копія оригинала, посланнаго князю Милошу 4 декабря 1854 г.

[35]) Споменик и т. д. XXI, стр. 39.

[36]) *Ристичъ.* Спољашни одношаји Србије новијега времена.

1887 г., т. I, стр. 24. Ср. *Нилъ Поповъ*. Россія и Сербія, 1869, т. II, стр. 279.

[37]) Rad, т. CX, стр. 143.

[38]) Въ хорватской литературѣ нѣтъ еще полныхъ обзоровъ Иллирскаго церіода. Къ 50-лѣтнему юбилею основанія изданій Гая, Югославянская Академія издала весьма интересный томъ своего *Рада*, (LXXX) со статьями Рачкаго, Смичикляса, Марковича, Шулека, Пилара, Любича, Будмани и Брусины, но задача тутъ была дать очеркъ учено-литературнаго прогресса Хорватовъ за полустолѣтіе. Между попытками составить обзоръ Иллирскаго періода литературы слѣдуетъ указать статьи г. Ив. Мильчетича въ альманахѣ Velebit за 1874 г.: Ime i ideja ilirska za Ljudevita Gaja u Hrvatskoj — и Hrvatski dom, т. III за 1878 г.: Hrvati od Gaja do godine 1850. Между словенскими историками литературы проф. Андрей Фекопья занимался этой эпохой и далъ нѣсколько статей для ея освѣщенія. Болѣе полная изъ его статей помѣщена въ журналѣ Kres за 1881 г.: Dr. Ljudevit Gaj in ilirska ideja. Ему же принадлежатъ статьи въ другомъ словенскомъ журналѣ: Ljubljanski zvon, по вопросамъ объ отношеніяхъ Словенцевъ къ Иллиризму, какъ напр. Slovenci v književni vzajemnosti s Hrvati (Ljubl. Zv. за 1885 г.).

ОТДѢЛЪ 7.

[1]) Письма свои изъ Градца въ 1833—35 годахъ Вразъ подписывалъ чаще всего: Fras-Cerovčan или Zerovzhan, принимая также имя *Станислава*. Впослѣдствіи нѣкоторыя свои статьи, особенно критическія, онъ подписывалъ Яковъ Решетаръ изъ Церовца.

[2]) Терстенякъ сообщаетъ, что Вразъ издалъ въ Градцѣ переводъ нѣмецкихъ разсказовъ, сдѣланный на словенскій языкъ Драгутиномъ Шамперлемъ (род въ 1814 г. близъ Птуя, умеръ монахомъ миноритскаго ордена въ Градцѣ въ 1836 г.), и придалъ къ нимъ предисловіе, въ которомъ побуждалъ словенцевъ заботиться о народной литературѣ (Koledarčik Slovenski, 1855, изд. Блейвейса). Терстенякъ, между прочимъ, разсказываетъ, что, пріѣхавъ въ Градецъ въ 1837 г., онъ вмѣстѣ съ Вразомъ читалъ въ подлинникѣ Байрона и Ламартина.

[3]) Нѣкоторыя письма Миклошича къ Вразу помѣщены въ статьѣ Фр. Марковича: Stanko Vraz prama Franji Miklošiču, см. Vienac, 1883, стр. 608 sq.

[4]) Ср. статья Паека въ журн. Kres за 1883 г.: Nekaj drobtinic o Stanku Vrazu, стр. 38 sqq., а также статью Феконьи: Stanko Vraz, zbiratelj slovenskih narodnih pesnij (Kres, 1884 г.).

[5]) Срезневскій былъ тоже *побратимомъ* Драгоилы Штаудуаръ См. его письма изъ Загреба къ матери въ „Живой Старинѣ“ за 1893 г. Въ письмахъ своихъ къ Вразу Срезневскій называетъ свою „посестриму“ Драгоилой *Степановной*.

[6]) Danica, 1825 г., № 36: Stana i Marko. Въ исправленномъ видѣ это стихотвореніе напечатано въ собраніи сочиненій Враза, Děla St. Vraza, III т., стр. 52.

[7]) Проф. Францъ Марковичъ въ статьѣ о Станкѣ Вразѣ, составляющей предисловіе къ изданію „Избранныхъ стихотвореній“ Враза (Zagreb, 1880) привелъ доказательства этого (стр. XXI).

[8]) Обстоятельный очеркъ сношеній Враза съ различными словенцами и другими Славянами сдѣланъ проф. Марковичемъ въ біографіи Враза при изданіи: Izabr. pjesm. St. Vraza. Zagreb, 1880 г., LXXVII—CXII.

Приводимъ краткія свѣдѣнія о Терстенякѣ и Кобе, имѣвшимъ близкія отношенія къ Иллирамъ.

Даворинъ Терстенякъ (род. 8 ноября 1817 г. — ум. 2 февраля 1890 г.), еще учась въ гимназіи въ Мариборѣ, считался знатокомъ словенскаго языка. Одинъ изъ его учителей, нѣмецкій поэтъ Рудольфъ Густавъ Пуффъ учился у своего ученика Терстеняка словенскому языку, а самъ за то училъ его итальянскому. Ему разрѣшили учить словенскому языку товарищей-гимназистовъ. Переѣхавъ въ Градецъ въ 1836 г., онъ засталъ тамъ Миклошича, Враза и Цафа, знакомыхъ по Марибору. Еще гимназистомъ онъ писалъ словенскіе стихи, а въ 1837 г. сочинилъ драму: Nevesta z otoka Cypros, которая была конфискована въ рукописи на таможнѣ при его переѣздѣ въ Загребъ въ 1839 г. Въ это время Терстенякъ писалъ уже по иллирски. Въ Загребѣ, сблизившись съ Иллирами, онъ помѣстилъ въ *Даницѣ* свои стихотворенія Leljinke. Между прочимъ, по просьбѣ Деметра, онъ переводилъ акты различныхъ драмъ и комедій для сборника: Izbor ilirskoga kazališta. Въ *Даницѣ* и *Новинахъ* многія его статьи появлялись безъ подписи. Въ 1840 г. Терстенякъ вновь переѣхалъ въ Градецъ и поступилъ въ духовную семинарію, въ которой онъ основалъ общество: Bibliotheca slovenica. Въ 1844 г. онъ сталъ приходскимъ священникомъ въ Сливницѣ вблизи Марибора, по сосѣдству съ Цафомъ, который былъ настоятелемъ въ Фрайгамѣ. Подъ вліяніемъ Цафа Терстенякъ сталъ изучать санскритъ, зендъ и готскій языкъ. Онъ не оставлялъ литературныхъ занятій и писалъ подъ псевдонимомъ: Vlastelin Kralovski въ журн. Zora Dalmatinska—и велъ споръ съ священн. Ивичевичемъ по вопросу объ орѳографіи. Но особенно много Терстенякъ занимался древнѣйшею исторіею Славянъ и писалъ статьи въ ней по нѣмецки. Съ 1848 г. усиливается его участіе въ газетахъ

и журналахъ: писалъ онъ въ Slovenija, Südslawische Zeitung Прауса, въ Presse, Union и въ Jahrbücher Іордана. До 1850 г. Терстенякъ писалъ мало по словенски, но или по иллирски, или по нѣмецки, а съ 1850 г. только по словенски. Въ *Новицахъ* Блейвейса первыя статьи его были помѣщены въ 1846 г. Съ 1850 г. онъ былъ учителемъ въ Мариборѣ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи и древностямъ Славянскимъ онъ держался теоріи объ автохтонности Славянъ въ Европѣ и старался доказать, что Славяне жили между Адріатическимъ моремъ и Карпатами за долго до Рождества Христова. Подъ псевдонимами: Vicko Dragan и Vitomar Терстенякъ первый помѣщалъ въ *Новицахъ* повѣсти и юмористическіе разсказы. Въ 1859 г. онъ напечаталъ повѣсть Slovenski Leander, одну изъ лучшихъ повѣстей въ словенской литературѣ того времени. Онъ принималъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ участіе во многихъ словенскихъ изданіяхъ, писалъ повѣсти, разсказы, популярныя статьи, біографіи и т. д. Свои историческія и археологическія разысканія онъ помѣщалъ преимущественно въ Mittheilungen des historischen Vereins für Krain. Въ 1872 г. онъ основалъ въ Мариборѣ журналъ Zora. Перемѣнивъ нѣсколько приходовъ, онъ въ 1879 г. поселился въ городкѣ Старый Торгъ близъ словенскаго Градца. Въ 1880 г. онъ вмѣстѣ съ профессорами Крекомъ и Скетомъ основалъ журналъ Kres, просуществовавшій до 1886 г. По словамъ проф. Рутара (Lubl. Zvon, 1890, стр. 250) Терстенякъ напечаталъ 168 статей по археологіи, исторіи, миѳологіи и т. д. съ 1854 по 1872 г. Свои рукописи онъ завѣщалъ профессору Цѣловацкой гимназіи Скету (Ljubl. Zv. 1890, стр. 383). Между ними много стихотвореній нѣмецкихъ, иллирскихъ (до 300) и словенскихъ (до 100). Терстенякъ собралъ много матеріаловъ о дѣятельности и жизни Ѳомы Прелокара (Thomas de Cilia), родомъ штирійскаго словенца, воспитателя императора Максимиліана, ученомъ XV вѣка (умеръ въ 1496 г.) (ср. Kres, IV, 631). Часть своихъ матеріаловъ о славянскихъ элементахъ въ венеціанскомъ нарѣчіи онъ напечаталъ въ Letopis Matice Slovenske за 1877 г.; рукописи его нынѣ находятся у проф. Облака въ Градцѣ. Терстенякъ умеръ 2 апрѣля 1890 г. (см. статью проф. Левца въ Ljubl. Zvon, 1890 г., стр. 166—174).

Юрій Кобе Содевскій (род. 8 іюня 1807 г., ум. 29 іюня 1858 г.) учился въ Карловцѣ и Люблянѣ и затѣмъ былъ настоятелемъ въ различныхъ приходахъ въ Крайнѣ съ 1837 по 1858 г. Учась въ Хорватіи, онъ познакомился съ иллирскимъ движеніемъ и сталъ приверженцемъ Иллиризма, который и распространялъ въ Крайнѣ. Въ *Даницѣ* помѣщено нѣсколько его статей и стихотвореній. (Отзывъ Кобе о значеніи и пользѣ Иллиризма въ *Даницѣ* за 1840 г., № 9). Онъ вообще старался о сближеніи Словенцевъ съ Хорватами. Кобе описывалъ народные

обычаи, имѣлъ большое собраніе народныхъ пѣсенъ. Въ 50-хъ годахъ онъ много писалъ въ Novice Блейвейса. (Ljubl. Zvon, 1890, ст. Глазера о Кобе, стр. 742; ср. Jezičnik Марна, XVII, стр. 1—16).

[9]) Ilirski Slovenci. Narodne pěsni ilirske: Skupio St. Vraz. Razdělak I, u Zagrebu, 1839. Въ своемъ письмѣ Караждичу отъ 8 марта 1839 г. Вразъ, сообщая о своемъ намѣреніи приступить къ печатанію сборника пѣсенъ, восхваляетъ Караджича, между прочимъ, за то, что онъ избавилъ „народный юго-славянскій языкъ" отъ церковно славянщины. „Каждая изъ вашихъ книгъ, пишетъ онъ Караджичу, имѣетъ большее значеніе, чѣмъ вся остальная сербская литература, за исключеніемъ 10—12 выпусковъ" (см. Vienac, 1879 г., стр. 690).

[10]) „Жеравинская дубрава "находится недалеко отъ родины Враза (Iz. pjesme St. Vraza, ст. Марковича, стр. XLIII). Въ Glasi iz Žer. dubr. помѣщено, между прочимъ, стихотвореніе Миклошича,—переводъ извѣстной пѣсни Карамзина: „Стонетъ сизый голубочекъ" — Sivi Golub. Миклошичъ написалъ въ 1839 г. пять стихотвореній по иллирски, изъ коихъ въ *Даницѣ* было помѣщено два (№№ 30 и 42 за 1840 г.). Одно изъ нихъ посвящено Ani P. . . . . iz Petrograda, въ которомъ Миклошичъ объясняетъ свои симпатіи къ этой „славянской дѣвѣ съ сѣверныхъ странъ Невы". Sivi Golub вошелъ, какъ сказано, въ составъ: Glasi iz dubrave Žer.Враза (Děla St. Vraza, II, 46), а остальныя напечатаны въ журналѣ Vienac, за 1883 г., № 37, стр. 606 sq., въ статьѣ проф. Марковича объ отношеніяхъ Враза къ Миклошичу. Тутъ же напечатаны и нѣкоторыя письма Миклошича къ Вразу. Проф. Загребскаго Унив. *Марковичъ* посѣтилъ въ 1880 г. родину Враза во время воспоминанія о 70-лѣтіи со дня рожденія „перваго Иллирскаго поэта" и описалъ эти мѣста въ статьяхъ въ газетѣ Obzor, изданныхъ затѣмъ особою брошурою: Rodni kraj Stanka Vraza. U Zagrebu 1880. Брошюра эта полезна для объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ стихотвореній Враза.

[11]) *Марковичъ*. Izabr. pjesme St. Vraza, стр. XCV.

[12]) Вразъ написалъ примѣчанія къ статьѣ Ярника: Obraz slovenskoga narečja u Koruškoj, (Kolo, I вып., стр. 41 — 57), въ которыхъ пополнилъ сообщенія Урбана объ особенностяхъ разнорѣчій словенскаго діалекта и обнаружилъ свою хорошую филологическую подготовку. Между прочимъ онъ отмѣтилъ остатки ринезма въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Хорутаніи. Въ предисловіи къ статьѣ Ярника Вразъ выражаетъ желаніе, чтобы появлялось болѣе монографій по „иллирскимъ нарѣчіямъ", такъ какъ это поведетъ къ выработкѣ языка литературы, нынѣ представляющаго лишь языкъ, составленный „полуучеными" людьми и нигдѣ въ народѣ неупотребляемый. Тогда станетъ ясно, какъ „необходимо, чтобы всѣ южные Славяне писали

однимъ литературнымъ языкомъ, но не такимъ, который придуманъ кѣмъ либо, а такимъ, который опирается на милліоны, цвѣтетъ и производитъ для милліоновъ".

[13]) Вскорѣ послѣ выхода перваго выпуска Kolo появилась первая попытка создать сатиру въ иллирской литературѣ, — именно была издана въ Загребѣ книжка: Čudnovate diple, sastavio i na svět izdao Vladovit Zorac Siščanin.

[14]) Kolo, IV, стр. 81 и 82.

[15]) Děla St. Vraza, V, стр. 272. Письмо къ Эрбену.

[16]) *Шрепель.* O Vrazovoj kritici. Zagreb, 1892. Ср. Kolo. II, 103, V, 105, VI, 3.

[17]) Въ письмахъ Враза къ Кочевару и Кукулевичу отъ 1846 г. (Děla St. Vraza, V, стр. 384—390) разсказывается объ интригахъ Гая противъ Враза. Гай хотѣлъ провести въ секретари Матицы Гáлца, писавшаго много въ *Даницѣ* и *Новинахъ*. Въ то же время секретарства добивался и Ужаревичъ, но за Враза было большинство. Какъ смотрѣли на Гая уже въ ту пору въ Хорватіи, показываетъ слѣдующее: Въ Загребѣ, по разсказу Враза, среди молодежи образовалось общество съ цѣлями изученія языка и упражненія въ сочинительствѣ. Вразъ былъ приглашенъ въ члены этого общества, а Гай нѣтъ. Вслѣдствіе этого Гай старался о закрытіи этого юнаго общества и распускалъ даже молву, будто бы оно дѣйствуетъ „за русскіе интересы". Говорили, будто бы Гай и въ Вѣнѣ доказывалъ, что это общество вредно и противозаконно.—Вразъ добивался выбора въ секретари Матицы, главнымъ образомъ, потому, что надѣялся получить вмѣстѣ съ тѣмъ возможность продолжать изданіе *Kolo.* Предполагалось издавать по 4 выпуска въ годъ, каждый въ 5 печатныхъ листовъ.

[18]) Въ 1846 г. Палацкій писалъ Вразу: „Сожалѣю о несогласіяхъ у васъ. Это старый грѣхъ всѣхъ Славянъ, что нигдѣ не можемъ остаться въ согласіи и единствѣ. Въ г. Гаѣ я только то не хвалю, что онъ для доброй цѣли хочетъ пользоваться и дурными средствами. Это, я полагаю, мы должны оставить нашимъ врагамъ: хотя бы оно было временно и полезно, но немезисъ скоро придетъ". (Izabr. pjesme St. Vraza, предисл. Марковича, CVIII).

[19]) Děla St. Vraza, V т., стр, 417—420.

[20]) a) Въ письмахъ изъ Пешта отъ 24 ноября 1846 г. Срезневскій пишетъ Вразу: Ti razmišliš o stvari i uzmeš na sebe posao primirenja vraždujuće bratje. Nitko to ne može načiniti bolje nego ti; ti nij si Hrvat, tebe rado ima svaki kao poeta; ti imaš dušu čistu, ti gledaš na stvar. Samo u literaturnom smislu, ne měšajući se u politiku, ti možeš imati volju i silu raditi bezstrastno, ti imaš i priliku.

b) Отзывъ Срезневскаго о Гаѣ и Иллиризмѣ въ письмѣ Вразу

изъ Вѣны отъ 3 января 1842 г.: „Я не сдѣлался противникомъ Иллирства, этого не думай; я знаю иллирскихъ Славянъ, глубоко по прежнему уважаю подвигъ новаго иллирскаго (праваго и открытаго, а не двусмысленнаго и себялюбиваго духа); и что повторялъ всюду между Сербами, въ Загребѣ и Загорьѣ, не могу не быть Иллиромъ. Я тотъ же, что и былъ, сколько ни огорчилъ меня Гай своимъ анти-славизмомъ, и сколько ни заставили меня уважать себя Сербы: Гай—лице приватное. Сербы вовсе не противны *слогъ* въ смыслѣ *дѣла*, а я желалъ бы видѣть всюду между Славянами взаимную любовь и всѣхъ люблю.—Я не пересталъ уважать и Гая за его прошедшую дѣятельность: онъ много, много сдѣлалъ, сдѣлалъ столько же для Иллирства католическаго, сколько Милошъ для Сербіи. Но Гай же поощряетъ теперь только похвальные стишонки, самъ только ничего не дѣлаетъ, т. е. не мѣшаетъ другимъ дѣлать и болѣе ничего. Этого слишкомъ мало. Онъ долженъ или измѣниться, или быть Михаилу вмѣсто Милоша.—Впрочемъ, куда я заѣхалъ? Дѣло въ томъ, что Гай, какъ ŭčredník Иллирства, худо понялъ въ чемъ дѣло, и теперь уже конечно не ему, а кому другому надобно поправить дѣло. Начать поправлять надобно passive; вы принялись.... Богъ дай Вамъ счастья!"

Въ другомъ письмѣ изъ Вѣны Срезневскій писалъ Вразу: „Мнѣ всего болѣе жаль самого Гая: Богъ создалъ его человѣкомъ хорошимъ обстоятельства его испортили; Богъ знаетъ, можетъ ли время исправить".—Въ письмѣ изъ Вѣны 3 января 1842 г. „И я бы тебѣ долженъ былъ кое что свѣрить; но *писать* не хочу. Скажу только, что если то правда, что я тутъ о Гаѣ слышалъ, то это ему чести не дѣлаетъ."

[21]) Dĕla St. Vraza, V, стр. 327.

[22]) Бодянскій пишетъ Вразу изъ Москвы 13 іюня 1844 года: „Больше же всего занимаютъ меня, какъ вы знаете, народные гласы; вѣрьте, едва ли кто изъ Славянъ такъ пламенно ждетъ ихъ, какъ я. Не одно лишь то, что они нужны мнѣ для моей задачи (изданія всеславянскаго учебника); нѣтъ, нѣтъ! ихъ я ждалъ и тогда также горячо, когда и помину не было въ головѣ моей объ этой затѣѣ. Затѣя моя есть только послѣдствіе этого нетерпѣнія, влюбленности въ нихъ". Срезневскій писалъ Вразу въ 1841 г.: „Теперь послѣдняя пора жатвы: зерна опадутъ, высохнутъ, разнесутся вѣтромъ,—прощай навсегда. И жаль, что правда, и правда, что жаль, а еще болѣе правда, что съ жатвою надобно спѣшить. Когда начнутъ сѣять другой хлѣбъ, нельзя уже будетъ собирать опавшихъ зеренъ."

[23]) Dĕla St. Vraza, V, стр. 327; Kolo, I, 134.

[24]) *Кухачъ*. Ilirski glasbenici, стр. 270–285. Срезневскій въ одномъ изъ писемъ упоминаетъ о нотахъ Враза.

[25]) Ив. Захаръ, читавшій въ Загребѣ публичную лекцію о Вразѣ въ 1871 г. (Vienac, 1871, стр. 687), называетъ Враза „славянскимъ романтикомъ" и находитъ въ элегическомъ тонѣ его стихотвореній возможность сблизить его съ Гейне. Подобнаго же мнѣнія о романтизмѣ Враза держится и г. Феконья (Zora, выходившая въ Мариборѣ, за 1876 г.).—Основательную критическую оцѣнку стихотвореній Враза и его дѣятельности сдѣлалъ профессоръ Марковичъ въ предисловіи къ изданію: Izabrane pjesme St. Vraza (Zagreb, 1880).

[26]) Izabrane pjesme St. Vraza, предисловіе, стр. CXXXIX.

[27]) ibidem, стр. 145.

[28]) Děla St. Vraza, т. III, сонеты Svrha (стр. 35), Kriepost (стр. 41), Pogled (стр. 46).

[29]) Въ примѣчаніи къ одному изъ сонетовъ (т. III, стр. 225) Вразъ указываетъ на это подозрѣніе и объясняетъ значеніе слова *djul* –роза. Слово djulabije означаетъ сортъ яблокъ красныхъ, какъ роза,—Rosenäpfel. (Слово это см. въ словарѣ Караджича). При этомъ Вразъ замѣчаетъ, что онъ никогда не былъ пріятелемъ музы Сафира и указываетъ на нравившихся ему нѣмецкихъ поэтовъ: Рюккерта, Уланда, Гете, Ленау и др. Съ Анастасіемъ Грюномъ, какъ землякомъ, Вразъ былъ знакомъ лично и велъ переписку.

[30]) О кралѣ Матіашѣ, имя котораго связывается съ извѣстнымъ Матвѣемъ Губцемъ, предводителемъ крестьянскаго бунта въ XVI вѣкѣ, распространено у Хорватовъ и Словенцевъ подобное сказаніе, какъ у Сербовъ о снѣ Кралевича Марка. Матіашъ сидитъ со своею дружиною въ пещерѣ около стола и каждый разъ въ полночь просыпается и хватается за мечъ. Поднимется же онъ и выйдетъ изъ пещеры, когда борода его обовьется около стола девять разъ. *Деметеръ* написалъ стихотвореніе по этому сказанію (Danica, 1839, № 3—Kralj Matiaš). Другой характеръ имѣетъ баллада Враза подъ тѣмъ же заглавіемъ, написанная въ подражаніе балладѣ Уланда: Kaiser Karls Meerfart (Vraz. Děla, ч. II, см. Gusle i Tamburе, стр. 110).

[31]) Děla St. Vraza, III томъ. Первоначально нѣкоторые изъ этихъ сонетовъ были напечатаны въ альманахѣ Iskra въ 1846 г., стр. 53—72.

[32]) Сатирическія стихотворенія Враза помѣщены въ третьемъ томѣ собранія его сочиненій: Онѣ носятъ общее названіе: 1) Komari i obadovi и 2) Ose.

[33]) Danica, 1838 г., № 52.

[34]) Dimitrija Demeter. Teuta, изданіе хорватской Матицы, 1891 г., стр. XXII.

[35]) Статья Кукулевича см. Danica, 1843, №№ 2, 3 и 4 и отвѣтъ Деметра въ №№ 6, 7, 8.

[36]) Danica, 1843, №№ 1, 2, 3.

[37]) Проф. Марковичъ сдѣлалъ эстетическій и критическій разборъ поэмы Деметра: Grobničko polje при изданіи трагедіи Теуты и этой поэмы въ Загребѣ, 1891 г., стр. LXXV—LXXXV.

[38]) Разборъ „Теуты" сдѣлалъ проф. Марковичъ,—ibidem, стр. LIV—LXXIV и Rad, т. LXXX, стр. 86—99.

[39]) *Деметеръ.* Dramat. pokušenja. т. II, стр. 183. Въ изданіи Матицы 1891 г. Teuta значительно сокращена для постановки на сценѣ. Полное изданіе этой трагедіи было сдѣлано только однажды въ 1844 году.

[40]) Деметеръ перевелъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Хомякова. Такъ въ *Даницѣ* за 1846 г. помѣщенъ переводъ баллады Мицкевича: „Воевода" по Пушкину (№ 3) и „Островъ" Хомякова (№ 3). Въ 1863 г. Деметеръ перевелъ съ *нѣмецкой* рукописи трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ Милована Вучковича: Propast Carstva Serbskoga. Она тогда же была издана.

[41]) Такъ, въ повѣсти: Štitonoša (Prosl. Ug.-Horv., ч. I, стр. 82) Вукутиновичъ, описывая расточительность короля Людовика, находившагося подъ вліяніемъ Нѣмцевъ, нападаетъ на расточительность современной хорватской аристократіи и ея задолженность. „Žao mi je, što se neusudjujem tako pisati, kao što bi želio; mogo bi me tko po prstih pokucati.... il da me i nebi nitko pokuco, mogo bi gdě koga perom ubosti.... a to bi zlo bilo. Ja sam jako mirovan čověk: kad vidim, gdě koi *bontonist* na svom Arabcu *lancade* i *traverse* izvodi, odmah mu se ugibljem; mi se onda i onako nepoznademo, jer je drugi sa svime svět, kad se *jaše*, a drugi kad *se peške hoda.* Dabi svi oni, kojim je *hote-voleist* što dužan, za njim, kada jaše ili se u hintovu vozi, bežali i svoje novce iskali, to bi toliko ljudstva po ulicah bilo, koliko ga sada na nijednoj processii više neima"....

Нѣмцы, мадьяре и вообще иноплеменники въ повѣстяхъ Вукотиновича изображаются гуляками, жадными грабителями и т. д. Находящіеся съ ними въ дружбѣ или связяхъ сами становятся такими же дурными людьми, напр. вицебанъ въ повѣсти: Franjo Talovec.

[42]) Slavenski Jug, 1849 г., № 45. Ср. брошюру *Вукотиновича*: Někoja glavna pitanja našeg vremena, вышедшую въ разгаръ движенія 1848 г. Въ ней онъ излагаетъ политическія задачи Иллиризма, который ему казался уже осуществляющимся.

[43]) Zimske misli, появившіяся сначала въ *Новинахъ* (1842 г., №№ 10, 17, 21), были перепечатаны Вукотиновичемъ при сборникѣ стихотвореній: Ruže i tàrnje.—Кукулевичъ въ это же время тоже обра-

щалъ вниманіе на господство иностранныхъ языковъ въ хорватской интеллигенціи (Jeka iz Zagreba, въ *Даницѣ* за 1842 г., № 7, статья неокончена).

[44]) Kolo, вып. I, стр. 144, статья, Još nešto o narodnom balu: Споръ былъ поднятъ статьею Вукотиновича: Salon u Zagrebu въ Danica за 1842 г., № 6, на которую отвѣтилъ Штоосъ въ № 8.

[45]) Kolo, вып. II, стр. 109—115.

[46]) Kolo, вып. III, стр. 129—136.

[47]) Regni Slavoniae erga Hungaricum Legalis Correlatio, disseruit Ludovicus Farkaš Vukotinović. Zagrabiae, 1845, стр. 93. Вотъ какъ авторъ оканчиваетъ это свое изслѣдованіе: His taliter adumbratis non restat aliud, quam benevolo lectori valedicere, et ab illo petere, ut omnia quae scripsimus, bono suscipiat animo et pro certo credat, nulli parti cordis nostri inesse odium contra Hungaros, aut studium novas excitandi dissensiones... quinimo nos illam firmiter tenere opinionem, quod a mutua solum modo animorum unione communis patriae dependeat salus.... Demus nobis dextras nostras, et demonstremus nos intuenti mundo, quod Croatae et Slavonitae absque interventu Tertii sciant ea, quae inter illos et Hungaros vertuntur, amice componere.... Suum cuique.... et inconcussa permanebit amicitia!

[48]) См. Ljetopis Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti, вып. I, въ Загребѣ 1877, стр. 132 sqq.

[49]) Spomen-knjiga, 1893 г., біографическій очеркъ Антона Мажуранича, написанный профессоромъ Смичиклясомъ, стр. 290.

[50]) Temelji ilirskoga i latinskoga jezika были изданы во второй разъ въ 1842 г.; книга служила учебникомъ въ гимназіи, гдѣ Мажураничъ преподавалъ латинскій языкъ.

[51]) О значеніи этого наблюденія Мажуранича можно судить уже потому, что всѣ ученые, занимавшіеся славянскимъ удареніемъ, знакомились по изслѣдованіямъ Мажуранича съ свойствами чакавскаго ударенія. См. *Брандтъ*: Начертаніе Славянской Акцентологіи, С.-Пбргъ, 1880 г., стр. 50—84, а также 224. Ср. также *Шахматовъ*: Къ исторіи Сербско-хорватскихъ удареній, въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ*, за 1888 г., т. XIX, стр. 160. Статья о свойствахъ чакавскаго ударенія по сравненію его съ штокавскимъ и русскимъ (O važnosti accenta hervatskoga za historiu Slavjanah) вошла въ сокращеніи во всѣ изданія грамматики Мажуранича (Slovnica hervatska).

[52]) Spomen-knjiga, въ біографіи Ивана Мажуранича, написанной проф. *Смичиклясомъ*, стр. 101. Ср. Sbirka životopisah slavnih jugoslavjenskih muževah (u Karlovcu), 1861),—первый выпускъ представляетъ краткую біографію Ивана Мажуранича съ восторженною оцѣнкою его политической дѣятельности.

[53]) ibidem, 104.

[54]) Лирическія пѣсни писалъ Иванъ Мажуранйчъ подъ вліяніемъ любви къ своей невѣстѣ Александрѣ Деметеръ. Два стихотворенія: Mојој и Peru были напечатаны въ *Даницѣ*: первое въ 1838 г., № 5 и второе въ 1841 г., № 38. Осталось еще нѣсколько ненапечатанныхъ,—см. Spomen-knjiga, стр. 115.

[55]) О легкости стихотворства Мажуранича разсказывается слѣдующій анекдотъ. 23 апрѣля, наканунѣ Юрьева дня, въ 1843 г. собрались въ кофейнѣ молодые иллирскіе писатели: Иванъ Мажураничъ, Деметеръ, Вразъ, Ужаревичъ, Бабукичъ, Нѣмчичъ и Боговичъ и разсуждали о литературныхъ дѣлахъ. Къ нимъ присоединился и молодой графъ Юрій Эрдеди. Станко Вразъ доказывалъ, что на хорватскомъ языкѣ можно также писать сонеты,—нужно лишь быть искуснымъ стихотворцемъ. Кто-то изъ присутствовавшихъ предложилъ теперь же дать риемы и вызвать охотника написать по нимъ сонетъ. Боговичъ немедленно написалъ эти риемы, и Иванъ Мажураничъ, по предложенію остальныхъ, написалъ тутъ же очень удачный сонетъ съ патріотическимъ содержаніемъ Spomen-knjiga, стр. 116. Сонетъ этотъ напечатанъ въ статьѣ проф. Шрепля въ Vienac за 1892 г., № 2 и въ Spomen-knjiga, стр. 117.

[56]) *П. А. Лавровъ.* Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, Владыка Черногорскій и его литературная дѣятельность. Москва. 1887, стр. 352—381. Г. Лавровъ замѣчаетъ при этомъ, что „отступленія отъ вѣрнаго изображенія черногорской жизни, преувеличенія въ духѣ романтизма, изысканность стиха, архаизмы въ языкѣ — все это вмѣстѣ указываетъ скорѣе на Мажуранича, какъ на автора „Измаилъ-аги" (стр. 372). Слѣдовательно, какъ недостатки въ изображеніи, такъ и особенности языка поэмы указываютъ, что авторомъ ея могъ быть только Мажураничъ.—Проф. Смичиклясъ къ своей статьѣ объ Иванѣ Мажураничѣ въ Spomen-knjiga приложилъ снимокъ съ сохранившагося черновика этой поэмы, изъ коего видно, какъ долго и много работалъ Мажураничъ надъ своимъ произведеніемъ.

[57]) *П. А. Ровинскій.* Петръ II (Раде) Петровичъ Нѣгошъ Владыка Черногорскій (1830—1851). С.-Пбргъ. 1889, стр. 103 sqq.—*Николаевичъ.* Србско-далматинскій Магазинъ за лѣто 1845, стр. 141—147.

[58]) Новицѣ Церовичу читалъ владыка Петръ поэму Мажуранича, и они „вмѣстѣ смялись, что поэтъ сдѣлалъ изъ него турчина", — *Ровинскій*, op. cit., стр. 106. Сынъ Церовича въ 1877 г. прислалъ бану Мажураничу въ подарокъ золотые часы, бывшіе на Смаилъ-агѣ, когда онъ погибъ, въ благодарность за описаніе въ поэмѣ подвига своего отца.—См. Spomen-knjiga, стр. 128, гдѣ напечатано и письмо Церовича къ Мажураничу.

[59]) О поэмѣ Мажуранича Smrt Smail-age Čengića писано много въ хорватскихъ и сербскихъ изданіяхъ, особенно по поводу извѣстнаго спора о ней. Между другими статьями заслуживаетъ вниманія серіозный разборъ ея профессора Іосифа Писарича въ Программѣ Загребской гимназіи за 1888—89 г.: Dva priloga k estetskoj ocjeni Mažuranićeve epske piesni: „Smrt Smail-age Čengića", и предисловіе проф. Франца Марковича къ изданію этой поэмы въ 1876 г. Переводъ этой поэмы на русскій языкъ, изданный въ Псковѣ въ 1877 г. г. Лукьяновскимъ подъ заглавіемъ: „Черногорцы или Смерть Смаилъ-аги Ченгича" страдаетъ многими погрѣшностями и не передаетъ красотъ подлинника. Лучшій переводъ этой поэмы сдѣланъ проф. *М. Петровскимъ* и помѣщенъ въ сборникѣ Гербеля: „Поэзія Славянъ" (стр. 250 — 262).

[60]) Для очерка жизни и дѣятельности Кукулевича пользуемся главнымъ образомъ обширною статьею профессора *Смичикласа* въ Rad'ѣ Юго-славянской Академіи, т. CX. Дѣятельность Кукулевича была столь разнообразна и многоплодна, что со временемъ вѣроятно найдетъ особаго изслѣдователя и цѣнителя.

[61]) Прозваніе: *Сакцинскій* объясняется слѣдующимъ образомъ, по разъисканіямъ самого Кукулевича.—Въ XIV столѣтіи переѣхала въ Сень одна вѣтвь венеціанскаго дворянскаго рода Bassani de Sacci и въ XV вѣкѣ была принята королемъ Владиславомъ in coetum virorum nobilium regni Croatiae. Съ этимъ родомъ соединился родъ Кукулевичей, переѣхавшій въ Сень въ XVI вѣкѣ изъ Герцеговины, за которымъ были признаны права сеньскаго дворянства въ концѣ XVII вѣка (Rad CX, стр. 110).

[62]) Danica, 1841 г. № 25.

[63]) ibidem, № 46. — Это стихотвореніе было кѣмъ-то впослѣдствіи передѣлано и мысль его съужена подъ заглавіемъ: Domovina Slavjanska (Danica, 1847 г., № 6); оно было составлено въ честь сеньскаго епископа Мирка Ожеговича.

[64]) Слово *даворія* производится отъ имени *Давор*, что́, по тогдашнему иллирскому ученію, означало бога войны. Такъ назвалъ свои воинственныя пѣсни Гай въ *Даницѣ* за 1835 г. (№ 41). — Slavjanke были переизданы Кукулевичемъ въ 1874 г. и вошли въ сборникъ его стихотвореній: Poviestne pjesme, въ которомъ помѣщены и эпическія стихотворенія съ историческимъ содержаніемъ; этотъ отдѣлъ носитъ названіе: Grobovi Hrvatski.

[65]) Въ письмѣ къ Ожеговичу отъ 19 декабря 1848 г. Кукулевичъ напоминаетъ, что въ Будимѣ хранится архивъ Зринско-Франкопанскій и много документовъ и книгъ, увезенныхъ въ Будимъ въ различное время, даже изъ библіотеки Загребской архигимназіи. Далѣе онъ прибавляетъ: Isto takodjer narodni madjarski muzeum ima

sijaset krasnih stvari naših, osobito redkih rukopisah, što sve ako se već s Magjari, kako se ovde tverdo ufamo, dělili budemo, nipošto njima ostaviti nesmemo; jer njima će dosta biti, ako im spomenici njihove Bendeguzie, Kumanie i Debrečinske okolice ostave, jer to sve drugo što je u drugih okolicah velike Ugarske ili nadjeno, ili napisano, na nje ne spada, niti im korist za uprav magjarsku historiju i prošastnost ne nosi, već prinadleži drugim narodom, osobito namá i ostalim Slavenom. Это письмо Кукулевича находится въ бумагахъ Ожеговича, хранящихся въ Юго-славянской Академіи. Кукулевичъ описалъ перевозку архивныхъ документовъ въ Загребъ и свое участіе въ этомъ въ особой брошюрѣ: Primanje Hrvatskih spisa u Budim-Pešti god. 1849—1851 (Zagreb, 1885), изданной вскорѣ послѣ того, какъ, по приказанію бана Куна-Гедервари, въ 1885 г. старыя хорватскія грамоты были ночью тайкомъ отправлены обратно изъ Загреба въ Пештъ.

[66]) Въ *Даницѣ* помѣщено немало сообщеній Кукулевича изъ различныхъ городовъ, напр. въ 1842 г. № 13 и 14—dopis iz Primorja, изъ Венеціи въ №№ 50 и 51; болѣе обширное описаніе путешествія дано имъ въ *Даницѣ* за 1847 г.: Pogled u Štajersku, Beč, Peštu i Požun (№№ 4—9), въ которомъ онъ описываетъ и свои знакомства съ видными дѣятелями—славянами, напр. Колларомъ, Штуромъ и др. Въ *Архивѣ* (III т., стр. 334) Кукулевичъ описалъ свою поѣздку съ учеными цѣлями въ Вѣну и Венецію. Въ 1857 г. онъ путешествовалъ по Босніи, и описаніе этой поѣздки сдѣлалъ въ Narodn. Novin'ахъ, а затѣмъ оно вышло отдѣльно: Putovanje po Bosni (Загребъ, 1858). Вообще Кукулевичъ описывалъ свои важнѣйшія поѣздки, изъ которыхъ всегда возвращался съ большимъ количествомъ рукописей, книгъ и вообще всякаго матеріала. Упомянемъ еще объ одномъ интересномъ описаніи его путешествія: Putne uspomene iz Hrvatske, Dalmatske, Arbanije, Krfa i Italije (Загребъ, 1873), совершеннаго имъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ въ 1856 году.

[67]) Rad, LXXX, стр. 273.

[68]) Біографію Боговича составилъ Юрій Дежеличъ. Она была помѣщена въ календарѣ Dragoljub въ 1862 г. и затѣмъ вышла отдѣльною брошюрою: Životopis Mirka Bogovića (Загребъ, 1862). Въ это время Боговича обвиняли въ измѣнѣ патріотическимъ задачамъ и цѣлямъ, и его біографъ старался оправдать его отъ возводимыхъ на него обвиненій. Ср. замѣтку о политической роли Боговича въ газетѣ Obzor за 1893 г., № 102 отъ 4 мая, по случаю его смерти.

[69]) Vienac, 1885 г., стр. 601, статья Клаича.

[70]) Neven выходилъ семь лѣтъ, съ 1852 по 1858, сначала подъ редакціей Боговича, затѣмъ Перковца, Саблича, Антона Старчевича и наконецъ Прауса, чеха по происхожденію, весьма способнаго жур-

налиста, редактировавшаго это изданіе съ 1854 по 1857 г. Въ 1856 г. Neven былъ преобразованъ изъ еженедѣльнаго изданія въ ежемѣсячное,—и въ 1857 г. вышло всего два выпуска. Въ 1858 г. Neven былъ возобновленъ Іосифомъ Враницани и Винкою Пацелемъ и выходилъ въ Рѣкѣ. Это былъ послѣдній годъ существованія этого журнала.

[71]) Въ 1861 г. Боговичъ издалъ въ Загребѣ политическую брошюру: Politische Rückblicke in Bezug auf Kroatien, весьма важную для пониманія дальнѣйшаго развитія политическихъ отношеній въ Хорватіи. Имѣетъ свое значеніе его же брошюра: Zur bosnische Frage, вышедшая въ 1880 г.

[72]) Боговичъ предпослалъ изданію сборника стихотвореній Нѣмчича его біографію (Pěsme Antuna Němčića. Загребъ. 1851). Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія Нѣмчича какъ прежде помѣщенныя въ *Даницѣ*, такъ и раньше непоявлявшіяся въ печати.

[73]) Въ этомъ небольшомъ сборникѣ помѣщено нѣсколько новыхъ стихотвореній Блажека, не бывшихъ еще въ печати, но въ него не вошли стихотворенія, напечатанныя въ *Даницѣ* въ 1835 (Domorodac), въ 1836 г. (Ilirom) и 1837 г. (Izpověd i pitanje).

[74]) Pjesnička djela Petra Preradovića-izdana troškom naroda. U Zagrebu. 1873 г. Біографію написалъ Иванъ Тёрнскій, а эстетическій и критическій разборъ произведеній Прерадовича профессоръ Францъ Марковичъ.

[75]) О спиритизмѣ Прерадовича и его стихотвореніяхъ этого вида говорится въ тенденціозно составленной книгѣ *М. Урсина* (псевдонимъ): „Очерки изъ психологіи славянскаго племени. Славянофилы". (С.-Пбргъ, 1884). Авторъ своеобразно и совершенно неосновательно истолковываетъ тамъ возникновеніе Иллиризма, который будто бы не имѣлъ связи съ „болѣзненнымъ и безсмысленнымъ панславизмомъ" и пользуется широкою свободою въ своихъ отзывахъ о значеніи произведеній Прерадовича, привлекая къ разбору одни и умалчивая о другихъ. При этомъ авторъ не имѣлъ вѣрнаго представленія о нѣкоторыхъ фактахъ хорватской исторіи. Напримѣръ, г. Урсинъ выражается о стихотвореніи Прерадовича: na Grobniku, такъ: „въ стихотвореніи, посвященномъ грустнымъ размышленіямъ о пораженіи подъ Гробникомъ. .. авторъ высказалъ мысль, что западъ гніетъ" и т. д. На самомъ же дѣлѣ, на Гробницкомъ полѣ Хорваты одержали славную побѣду въ 1242 г. надъ Татарами и именно защитили Западъ отъ восточныхъ варваровъ. Съ гордостью воспоминаетъ объ этомъ событіи Прерадовичъ и жалуется на неблагодарность Запада относительно Хорватовъ. Именно на Гробникѣ обнаружился тотъ духъ геройства, который можетъ быть еще будетъ нуженъ Хорватамъ въ предстоящей новой борьбѣ Востока и Запада, въ которой Хорваты должны

будутъ, по тенденціи стихотворенія, примкнуть къ Востоку, какъ полному жизненныхъ силъ. Ср. *Ягичъ*. Archiv für Slav. Phil., т. XI (за 1888), стр. 256 sqq., отзывъ Inhoff'а, а также критическую замѣтку профессора *Филевича* въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1888 г., мартъ, стр. 201 sqq.

[76]) Vienac, 1887 г., №№ 18—22, 24 и 26, статья Евгенія Томича о Тѐрнскомъ, составленная отчасти на основаніи разсказовъ самого Тѐрнскаго.

[77]) Poslědnji „Zdravstvuj" blagorodnomu i visokoučenomu gosp. Gregoriu Degoricii и т. д. od praštajučih se zahvalnih učenikah spěvan u sversi škulne g. 1837. d. 20 serpnja (vide Kukuljević. Bibliografia, стр. 228).

[78]) Danica за 1839 г., № 44, 48.

[79]) Danica, 1838, №№ 30, 47; 1839, №№ 17 — 20 (пѣснь о Колоколѣ) и друг.

[80]) Zvekan opet na svietu kako ciele nedielje dana u Zagrebu bavi, kod gospojah i dievojakah vizite pravi, po karčmah se skita, na zloče se rita, kako u petak nehvali post, nego dievojačke medne usne i kako ponajpotla u subotu na čitanje jedne balade od uzbitjenja ljusne. Slično-riečno izpisao i na svietlo izdao zvekanov stari prijan i pobratim Grabanciaš djak. U Zagrebu. 1844.

Слово zvjekan значитъ: человѣкъ съ придурью, кутила, распущенный, пьяница. Существуетъ какое-то старинное стихотвореніе, въ которомъ этимъ именемъ названъ выведенный въ немъ распутный гуляка-фратеръ.

[81]) Во время празднованія 50-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности Тѐрнскаго, 1 мая 1885 г., иллирскія патріотки поднесли ему лавровый вѣнокъ и особый знакъ, какъ пѣвцу *Кресницъ*. Подъ адресомъ подписались Хорватки, Сербки и Словенки. Нѣкоторыя Kriesnice переведены Шеноа на нѣмецкій языкъ.

[82]) Отзывъ о первомъ томѣ лирическихъ стихотвореній Тѐрнскаго въ *Лѣтописи Сербской Матицы* за 1884 г., вып. 138, стр. 104 — 116, статья Милана *Савича*.

[83]) Біографію Курельца съ характеристикою его трудовъ и взглядовъ написалъ Веберъ-Ткальчевичъ, см. Rad. XXIX, стр. 160—205. Тамъ изложены вкратцѣ и особенности его грамматики. Труды Курельца перечислены Веберомъ въ его статьѣ (стр. 199—200) и въ Ljetopis jugoslavenske Akademije, вып. 1, стр. 107. Курелацъ училъ Срезневскаго хорватскому языку въ Вѣнѣ (Recimo koju, стр. 55) и былъ близокъ съ *Обладомъ* (Викторомъ) Григоровичемъ, о которомъ онъ вспоминалъ съ большими симпатіями (ibidem, стр. 1 — 2). Ср. *М. Петровскаго*—біографическій очеркъ В. И. Григоровича, стр. 32.

[84]) Нѣкоторыя стихотворенія Утѣшеновича переведены на русскій языкъ (см. сборникъ *Гербеля:* Поэзія Славянъ).—Ср. отзывъ объ Утѣшеновичѣ и его политическихъ взглядахъ въ статьѣ *В. И. Ламанскаго:* Сербія и южнославянскія провинціи Австріи (С.-Пб., 1864), стр. 24 sqq.—Стихотвореніе Утѣшеновича: Јека од Балкана—обратило на себя вниманіе Коллара, который внесъ имя Утѣшеновича въ свою поэму: Slavy dcera, поставивъ его рядомъ съ Хомяковымъ:

Chomjakove! Utěšenovići!
Přjimite ten triumf od Slavy,
Za *Jeku* ty, ty zpěv za *Orliči.* (Lethe, сонетъ 31).

„Вила Остроживска" была издана вторично въ 1871 г., съ приложеніемъ переработанной статьи объ искусствѣ подъ заглавіемъ: „Основе естетике".—Для вопроса о развитіи сербо-хорватской литературы и письменности имѣетъ значеніе брошюра Утѣшеновича: „Мисли о важности, правцу и средствима унапређивања књижевности србско-хрватске" (Бѣлградъ, 1869), въ которой онъ указываетъ недостатки современнаго положенія сербской и хорватской литературы. — Объ Утѣшеновичѣ см. Vienac за 1884 г., стр. 220 — 223 и 237. Тамъ, между прочимъ, разсказанъ слѣдующій анекдотъ. Утѣшеновичъ, находясь въ 1868 г. въ Вѣнѣ на службѣ, искалъ няньки для своихъ дѣтей. Одинъ изъ его пріятелей послалъ ему вѣнскую нѣмку съ своей визитной карточкой, на которой написалъ сербскою кириллицею, назвавъ въ шутку эту нѣмку Александрой Ѳедоровной, вслѣдствіе одного ходившаго по газетамъ анекдота. Служанка, разъискивая Утѣшеновича, попала въ канцелярію, гдѣ онъ служилъ; чиновники прочли эту надпись на карточкѣ, и Утѣшеновичъ былъ вскорѣ уволенъ въ отставку, какъ оказалось, по подозрѣнію, что разъискиваетъ и нанимаетъ *русскихъ* служанокъ!

ГЛАВА IV.

[1]) Rad, т. LXXX, стр. 2.

[2]) Вукъ Караджичъ. Српске народне пјесме, т. III, стр. 78 — 84: Московски дарови и Турско уздарје.

[3]) Вотъ въ переводѣ отзывъ Водника о Русскихъ въ Lublanske Novize за 1799 г., № 26 отъ 29 іюля: „Вотъ новое явленіе для насъ, Краинцевъ, что наши старшіе братья Русскіе пришли не только посѣтить насъ, но и защитить отъ враговъ. Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ пришли первые Славяне въ эти наши страны, — они были изъ рода Русовъ и другихъ Славянъ; отсюда происходитъ то, почему мы легко понимаемъ русскій языкъ; они —

именно Славяне и корень (korenina), отъ котораго произошли наши предки. Далеко по Дунаю они поселились и затѣмъ шли лѣсами, пока самый крайній родъ не дошелъ до края итальянской области, не поселился здѣсь и не назвалъ области Крайною. Теперь мы воочію видимъ, какихъ могущественныхъ и великихъ братьевъ имѣемъ на свѣтѣ, которые сохранили совершенно чистымъ нашъ славянскій языкъ. Мы должны съ ними сближаться, если хотимъ очистить свой языкъ. У нихъ также мы должны учиться, какъ слѣдуетъ защищать страну отъ враговъ. Если они пришли изъ такой дали, почему мы бы тутъ не помогали дать отпоръ врагамъ? Въ понедѣльникъ отсюда пошли дальше послѣдніе Русскіе. Послѣдній отрядъ велъ полковникъ Карповъ. Мои читатели будутъ рады сколь можно больше слышать объ этихъ Русскихъ. Всѣ четыре отряда составляютъ одинъ полкъ егерей, три полка пѣхоты, три батальона гренадеръ, одно отдѣленіе (kompanjo) конной артиллеріи и четыре—пѣхотной, нѣсколько саперовъ и два полка казаковъ. Высшій генералъ надъ ними генералъ-маіоръ Ребиндеръ, другіе генералы: С. Граціанъ, Герардъ, Кашинъ, князь Волконскій, Мансуровъ и Фершъ. Казаками командуетъ полковникъ Семенъ Ивановичъ Курнаковъ, онъ шелъ съ первымъ отрядомъ, съ другимъ былъ его подполковникъ Алексѣй Ивановичъ Поздѣевъ. Казаки—съ рѣки Дона, которая впадаетъ въ Черное море и дѣлитъ Европу отъ Азіи. Сколько я могъ узнать, они называются казаками потому, что v kasen (т. е. рысью) идутъ на войну. Они сами себя называютъ не *козаки*, а *казаки*.

[4]) Нѣсколько разсказовъ этого рода помѣщено было въ *Зорѣ Далматинской* и *Даницѣ*. См. также: Spomini starega Slovenca—въ собраніи сочиненій *Юрчича* (Ljubljana, 1884). вып. 2.

[5]) Гильфердингъ. Собраніе сочиненій, т. II, стр. 81.

[6]) Будиловичъ. Общеславянскій языкъ, т. II, стр. 181—184.

[7]) Пыпинъ и Спасовичъ. Исторія Славянскихъ литературъ, т. I, стр. 239.

[8]) Ягичъ. Ilhoslované, см. Slovnik Naučny, т. IV, стр. 369.

[9]) Мильчетичъ, напр., въ статьѣ объ Иллиризмѣ и Гаѣ, см. Hrvatski dom за 1878 г., т. III, стр. 216 sq.

[10]) Напр. Линде въ предисловіи къ своему Польскому словарю (1807 г.) отмѣчаетъ, что обычно принято называть *иллирскими* всѣ южные славянскіе діалекты, какъ хорватскій, боснійскій, словенскій, вендскій, краинскій,—см. Słownik języka polskiego, т. I, предисловіе, стр. XIII.

[11]) Književnik, т. I, стр. 179. Этотъ договоръ перепечатанъ также въ нашемъ изслѣдованіи о Вукѣ Караджичѣ, стр. 207 sq.

Двѣ записки Людевита Гая, представленныя имъ во время пріѣзда въ Россію въ 1840 г.

I.

Secreta arcana.

Nachdem bei der raschen Zunahme der das illyrische Slaventhum zwischen der Donau und dem Adriatischen Meere (Jadransko more) zerstörenden Elemente in der neuesten Zeit die slawisch-illyrischen mit Ungarn verbündeten Königreiche Croatien und Slawonien bereits im Begriff standen, sich ihrer angestammten Nationalität völlig zu entäussern, erhob sich, alle Gefahren und Hindernisse verachtend, Dr. Ljudevit Stefan Gaj um gegen den heftigen Andrang feindlichen Einflüsse einen nationalen slawischen Damm aufzubauen und seine Landsleute zur Bewachung ihrer Nationalität aus ihrer schmählichen Lethargie zu wecken. Der bewunderungswürdige, schnelle Erfolg seiner Bestrebungen zeigt, dass er wirklich dazu berufen war, die illyrischen Slaven in sämmtlichen Prowinzen für ein gemeinschaftliches National-Interesse zu einigen, und dadurch eine neue Epoche zu begründen.

Sein literarisch nationales Wirken hatt bereits Šafarik in dem Blatte Ost und West № 17 im J. 1838 [1]) im einem ziemlich umfassenden Aufsatze gewürdigt; es bleibt daher nichts übrig, als über die eigentliche Tendenz und über die inneren Verhältnisse seines Wirkens dasjenige zu sagen, was durchaus nicht veröffentlicht werden durfte.

Im Folge seiner mündlichen historischen Aufklärungen hatt bereits der grössere Theil der römisch-kath. Patrioten Illyriens und namentlich der zahlreiche jüngere Clerus in den Seminarien die Einsicht gewonnen, dass die Orientalische unabhängige Kirche als die eigentliche Slawische National-Kirche zu betrachten sey, von der sich einst die grössere Hälfte der Illyrier durch die Erbfeinde der Slawischen Eintracht theils verführt, theils gezwungen getrennt hat, und dass allein durch sie die völlige Ausgleichung aller Diferenzen und die Wiedervereinigung der Gemüther in den illyrischen Provinzen erfolgen kann und wird. Da nun in Folge dieser mit Umsicht und Energie verbreiteten Doctrine der Papismus dem reinen slawischen Nationalismus zusehends weichen muss, so werden auch in religiösen Beziehung alle Blicke der Patrioten nach jenem Seite des Slaventhums gelenkt, wo sich das slawisch-nationale Christenthum in seiner Integrität erhalten hatt. Mit dieser Wendung und Änderung der dortigen Ansichten ist so wie Alles, was die Criterien der

---

[1]) Vide: Ein Wort an Illyriens hochherzige Töchter v. Draškovič p. 34 u. s. w.

slawischen Nationalität an sich trägt, auch vorzugsweise das Slawisch-russische Alphabeth bei den Patrioten in Aufnahme gekommen. Während man in den röm. kath. Seminarien das cyril. Alphabeth vor dem Auftretten des Doc. Gaj verketzerte, lertn und liebt man es nun als ein Paladium der reinen Nationalität. Durch die Einigung der verschiedenen provinziellen lateinischen Loxographien zu einer organischen Orthographie und durch die Einführung Einer, und zwar derjenigen Schriftsprache, deren sich hauptsächlich die griechisch gläubigen mit russischen Lettern schreibenden Illyrier bedienen, machte er seiner lateinischen Hälfte die Erlernung des Slawischen Alphabeths unerlässlich, durch welchen Umstand seine neue Orthographie für die lateinischen Illyrier gleichsam zur Brücke vom Latinismus zum reinen Slawismus dienen muss. Diese auf unumstössliche Prinzipien beruhende Berichtung der nationalen Gesinnungen, wandte ihm alle Herzen zu, und man muss es gestehen, Gaj ist der erste seit Jahrhunderten, dem alle Illyrier beider Kirchen ihr unbedingtes Zutrauen schenken, die einen, weil sie einsehen, dass er sie auf den wahren Weg lenkt, die anderen weil er die Brüder zu ihnen führt, und alle, weil er den gegenzeitigen Hass in gegenseitige Liebe umzuwandeln trachtet.

Um in seiner so sehr ausgedehnten Wirkungskreise mit der seinen Stellung entsprechenden Würde und Authorität fortzuwirken, musste er sich auf seine eigenen Mittel beschränken, wodurch sein Vermögen so sehr in Anspruch genommen ward, dass er um die Fortsetzung seiner patriotischen Wirkens in Besorgniss gerieth. Welche Schritte er in Betreff einer Unterstützung gethan hat, erhellet aus der hier sub $^0/_0$ beylegenden Copie einer S-r Exc. dem Grafen Benkendorf 1840 im Monath July überreichten Note, und da alle Schritte fruchtlos blieben, wandte er sich an die Slawisch-russischen Patrioten, und erwartet von ihnen diejenige Hülfe, die der bedürftige Bruder vom seinem reichlich gesegnetem Bruder erwarten darf.

II.

Allerunterthänigstes Memorandum betreffend die illyrisch-slavische Literatur.

Im Jahre 1838 im Monathe Sept. machte ich aus Croatien eine Reise nach Berlin und unterbreitete dort Euerer Excellenz meine erste Bitte um eine Unterstützung und zwar nicht sowohl um die bereits bestehenden Institute zu erhalten, als um denselben vielmehr eine weitere Ausdehnung zu geben, und zwar hauptsächlich um in meine illyrisch-slawische National-Typographie russische Lettern einzuführen, und sodann sowohl das politische als auch das literarische Blatt, welche beide in meiner Redaction erscheinen, doppelt nämlich mit lateinischen und mit

russischen Typen herausgeben zu können. Noch in demselben Jahre beleuchtete ich in einer ausführlichen, dem K. Obersten Ozerezkowski anvertrauteten Note die südslawischen Verhältnisse, und ich glaube, dort die Nothwendigkeit erwiesen zu haben, dass noch bey Zeiten auf die illyrischen Slawen wenigstens in literarisch-nationeller Beziehung von Russland ausgewirkt werden müsste. Im vorigen Jahre sandte ich meinen Plenipotentiär Stefan Thadianović Herkalović nach St. Petersburg mit dem Auftrage die bereits gemachten Vorstellungen dringend zu wiederholen. Nach 6 Monathen kehrte er ohne Resultat zurück. Ich erscheine nun selbst um meine alleunterthänigste Bitte zum vierten aber auch leider zum letzten Male zu wiederholen, ich wage es su sagen, zum letzten Male, denn, wenn ich nun abermals ohne Hülfe zurückkehren sollte, so bin ich unmittelbar nach meiner Rückkunft gezwungen sowohl meine slawische Buchdruckerey als auch meine beiden Journale die bisher für das Interesse Russland's auf das thätigste wirkten, wegzugeben, und da sich noch dem bey uns herrschenden Depauperations-Systeme alle pekuniären Kräfte in den Händen der Feinde des Slawenthums befinden, so dürfte ich nicht die Schuld tragen, wenn dieselben National Organe, die bisher durch mehrere Jahre im Geiste des allgemeinen Slawischen Interesse, alles dasjenige verbreiteten, was bey den illyrischen Slawen Liebe, Ehrfurcht und Bewunderung für Russland und der Erhabensten aller Monarchen erregen konnte,—nach Verlauf von einigen Wochen durch profane Hände missbraucht, theils im Sinne des feindlichen Westen, theils im Sinne der gegen Russland, als Basis des Slaventhums, erhassten Magyaren die schädlichsten Ideen gegen alles, was den russischen Namen trägt, pflanzen würden. Die slawischen Institute, die ich mit der grössten Selbst-Aufopferung begründete und bisher erhielt, bedingen aber auch in meiner Stellung, in der ich durchaus keine Blösse geben darf, meine moralische Existenz; ob aber der moralische Todt eines Mannes, der sich aus seiner priwaten Lage, einen öffentlichen, und zwar in den illyrisch-slavischen Prowinzen notorisch einflussreichsten Wirkungskreis zu schafen wusste, und der sich dem slawischen Dienste jahrelang anspruchslos hinopferte, den Slawen überhaupt, und Russland insbesondere gleichgiltig seyn könne, dürfte mit einem Blicke auf mögliche künftige Ereignisse, wo er in seiner vollen Wirksamkeit noch richtigere Dienste leisten könnte, leicht zu entscheiden seyn.

Für meinen Charakter spricht die mehrjährige Consequenz meines Wirkens und dessen bedeutende Erfolge, wobey vorzüglich die bey dem jungen Catholischen Clerus und bey der studierenden illyrischen Jugend überhaupt glücklich verbreitete Sympathie für das slawische Alphabeth und für die slawische Kirche berücksichtiget zu werden verdient; ferners

verbürgt meine Verlässlichkeit, die Enschiedenheit meiner bisher gethanen Schritte in Betreff der nothwendigen Unterstützung. Ich hatte die freye Wahl die Mittel von dort anzunehmen, wo sie mir die Feinde des Slawenthums bothen, und sie nicht erst da mit schwierigen Reisen und Sendungen bittlich zu suchen, wo ich sie nach meinem Gewissen für slawische Bemühungen allein mit wahrer Dankverpflichtung annehmen zu dürfen überzeugt bin. Ferners verbürgen meine Verlässlichkeit zwei kais. russische Staatsbeamte schriftlich, nähmlich das staatsräthliche Mittglied Hr. Nikolai Ивановичь Павлищевъ und der Tribun-Rath Alexander Macieowski in Warschau, beide als verdienstvolle slawische Gelehrte und Schriftsteller rühmlichst bekannt, endlich nebst andern würdigen Männern, dem von Russland bereits unterstützte slawische Gelehrte Schafarik in Prag.

Allerunterthänigst gehorsamster Doctor Ljudevit Gaj.

St. Petersburg am 3 July. 1840.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

(Составленъ Е. Ѳ. К-ой).

82
5,
7,
2,
5,

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
5	1 снизу	исполненіе	исполненіе
10	9 сверху	Ердеди	Эрдеди
16	4 „	чтуше	чтуще
24	17 „	„зарею“ отечества	„зарею отечества”
26	14 „	о введеніи	введеніе
29	19 „	мадьярскихъ	мадьярскихъ
32	8 „	архіепископъ	епископъ
34	15 снизу	Весселени	Вешелени
40	16 „	бы отпали	отпали бы
„	11 „	требуемъ	не требуемъ
43	13 „	грозящіе	грозящія
50	8 „	на жертву	въ жертву
56	1 „	нисателей	писателей
66	19 „	имъ	ихъ
77	6 „	Latino-italico-latinum	Latino-italico-illyricum
78	7 „	народа, который	Юго-славянъ, которые
80	16 „	Грацѣ	Градцѣ
84	19 „	латынѣ	латыни
85	14 сверху	пополнятъ	наполнятъ
94	5 „	въ Пештѣ	въ Пештѣ,
96	8 „	выказывался	высказывался
96	8 снизу	путешествія	путешествіи
97	12 „	самопознанія	самосознанія
98	14 сверху	опъ	онъ
101	7 „	Dissertatia iliti Rozgovor	Disertatia iliti Razgovor
103	1 снизу	Херцеговины	Герцеговины
104	1 „	такъ	столь
105	22 „	всѣхъ	обоихъ
„	5 „	не было присоединено къ Венгріи	было присоединено къ Венгріи не
114	6 „	пѣсни	пѣснѣ
121	10 „	году	года
125	15 „	а потому, что	а потому что
130	9 „	письменности,	письменности
136	9 сверху	славянскаго	славянскаго знака
137	6 „	Дабровскій	Добровскій
142	13 „	Апеллесъ	„Апеллесъ
143	15 „	присоединялъ	причислялъ